O 21/194
B.4

0 21/194

ВЪ ПАМЯТЬ СТОЛѢТІЯ

КРЫМА.

27
555

В. Х. КОНДАРАКИ,

члена Императорскихъ обществъ: Русскаго Географическаго, Московскаго Древне-русскаго искусства, Одесскаго исторіи и древностей и др.

К 4

СОДЕРЖАНІЕ:

1. Лучшій ханъ Крыма Керимъ-гирей.
2. Послѣдній ханъ Крыма Шагинъ-гирей.

МОСКВА.

1883

0 21/194

Въ память столѣтія

КРЫМА.

27/555

В. Х. КОНДАРАКИ,

члена Императорскихъ обществъ: Русскаго Географическаго, Московскаго Древне-русскаго искусства, Одесскаго исторіи и древностей и др.

СОДЕРЖАНІЕ:

1. Лучшій ханъ Крыма Керимъ-гирей.
2. Послѣдній ханъ Крыма Шагинъ-гирей.

МОСКВА.
Типографія В. В. Чичерина, Моховая, домъ Карзинкина, № 26
1883

БИБЛИОТЕКА имени В.И. ЛЕНИНА
ф952-43
2007041526

Керимъ-гирей ханъ.

(историческій разсказъ).

I.

Отъ южной Бессарабіи до окраинъ теперешней Екатеринославской губерніи на этой чудной степи, постоянно покрытой стадами овецъ, лошадей, коровъ и верблюдовъ, безмятежно кочевали три ногайскія орды: Буджакская, Едикайская и Джанбуйлукская подъ предводительствомъ отдѣльныхъ хановъ или распорядителей, именовавшихся хойма-ханами *), которые не благосклонно относились къ Крымскому владыкѣ съ того времени, какъ Сагибъ-гирей отдѣлилъ отъ нихъ Ченгарцевъ, пришедшихъ изъ Алтайскихъ высотъ и поселилъ внутри Крыма между Сасыкомъ (Сивашомъ) и Азакъ-денызомъ (Азовскимъ моремъ) какъ-бы съ цѣлью оказать предпочтеніе. Вражда эта доходила до того, что они замышляли бросить благодатныя земли свои и передаться въ подданство Россіи **).

Чтобы познакомить читателя хоть поверхностно съ этими номадами, мы скажемъ нѣсколько словъ. Ченгарцы или выходцы Зюнгаріи были гораздо рослѣе Ногайцевъ и татаръ, смуглѣе лицомъ, но при всемъ томъ красивѣе первыхъ. Языкъ ихъ болѣе походилъ на татарскій. Нѣтъ сомнѣнія, что съ ними переселились одновременно и остатки Наймановъ и немного выходцевъ изъ малой Бухаріи, такъ какъ съ того времени появились въ Крымскихъ степяхъ деревни подъ названіемъ Тюнъ-Найманъ, Катай, Сарче-Китай и т. п. Переселенцы эти впослѣдствіи разошлись по теперешнимъ уѣздамъ

*) Т. е. ханами, назначаемыми отъ главнаго хана Крымскаго юрта.
**) Что и сдѣлали въ 1769—70 годахъ.

Перекопскому, Евпатóрійскому и Ѳеодосійскому вдоль до Керчи, смѣшались съ туземцами и въ бракахъ съ кавказскими невольницами хотя и намного измѣнились, но не настолько, чтобы утратить своей первородный типъ.

Что касается Ногайскихъ ордъ, вышедшихъ изъ сѣверныхъ частей Средней Азіи или безпредѣльной степи Гоби или Шамо *), хранившихъ свято убѣжденіе къ предсказанію Чингисъ-хана, *что вышедшіе изъ Шамо должны возвратиться вновь въ Шамъ,* они употребляли всѣ усилія избѣжать осѣдлости и сохранить свою бродяжническую жизнь для того, чтобы въ крайности уйти на родину.

Крымскія степи имъ нравились преимущественно потому, что на солонцоватой почвѣ ихъ росли тѣ именно травы, которыя такъ питательны для скота, но которыми они не могли пользоваться, кочуя за Перекопомъ. Ханы допускали къ нимъ только тѣхъ, которые изъявляли согласіе ставить улусы. Вслѣдствіе чего они и не хотѣли считать себя вполнѣ подвластными властителю Крымскаго юрта, а тщеславились происхожденіемъ отъ потомковъ первыхъ ордъ Чингисъ-хана и избѣгали порчи монгольской крови. Малорослые, тучные, съ впалыми глазами, приплюснутымъ носомъ и широкими ноздрями Ногайцы именовали себя потомками Кара-китаевъ, обладавшихъ (въ 10 вѣкѣ) сѣверною частью Китая подъ именемъ Хи-танъ, откуда вытѣснены были племенемъ Ніу-че и принуждены были занять громадное пространство земли отъ Оби и Иртыша до Аму и Сыръ-Дарьи, назвавъ новую державу свою Кара-Китаемъ. Слово *кара* (черный) пріобщилось къ нимъ, какъ имѣвшимъ несчастіе быть побѣжденными **). Кара-Китайцы, безъ сомнѣнія, поработили впослѣдствіи всѣ народы, обитавшіе къ С. отъ Персіи, Индіи и Тибета и, слившись съ ними, сдѣлались господствующими не только въ Азіи, но

*) Шамъ или Белджавъ начинается отъ Нерчинскаго уѣзда. Шамская степь, не смотря на свои климатическія неудобства и сыпучіе пески изобилуетъ важными условіями для скотовода, вслѣдствіе чего мы и теперь изумляемся численности въ ней верблюдовъ, лошадей, овецъ и проч. домашнихъ животныхъ.

**) Въ тѣ времена принято было не только въ монгольскихъ племенахъ, но даже и въ Россіи именовать повинующихся *черными,* а властвующихъ *бѣлыми.*

и въ теперешнихъ владѣніяхъ Россіи. Въ числѣ лишенныхъ ими самостоятельности были и татаре, но между ними повидимому не было ничего общаго, за исключеніемъ ненависти, послужившей при первомъ удобномъ случаѣ къ образованію отдѣльныхъ владѣній. Татаре, будучи образованнѣе, не могли равнодушно сносить господства грубаго невѣжественнаго бродяги степей. При этомъ они отличались отъ паработителей иною обстановкою жизни, нравомъ, наружностію, цвѣтомъ лица, любили земледѣліе, садоводство, соколиную охоту, фонтаны и другаго рода развлеченія, непонятныя для Ногайцевъ, высшее божество у которыхъ было солнце, именуемое матерью луны, а самыми лучшими людьми баскаки, собирающіе дань съ подвластныхъ народовъ.

Враждебность эта немного уменьшилась при самомъ лучшемъ изъ всѣхъ Крымскихъ хановъ Керимъ-гиреѣ, который ласково относился къ ихъ начальникамъ и не рѣдко самъ пріѣзжалъ навѣщать ихъ, когда приходилось бывать въ Перекопѣ, Еникале или Арабатѣ. Кромѣ того всѣ гонцы его, идущіе изъ Россіи, обязаны были собирать по дорогѣ свѣдѣнія о бытѣ Ногайцевъ и подробно сообщать о видѣнномъ *).

Однажды три хойма-хана сошлись у Молочныхъ водъ около оврага Кызлы-яръ **) отпраздновать блистательнымъ образомъ свадьбу обрѣзанія сыновей своихъ съ тѣмъ, чтобы слава о пирѣ ихъ разнеслась по всему Крымскому юрту и возбудила зависть въ любителяхъ жирной баранины, конскихъ колбасовъ, верблюжьихъ горбовъ и крѣпкой бузы. На праздникъ этотъ постановлено было пригласить всѣ пять оджаковъ Крыма ***) и беевъ изъ Кюстенджи ****).

---

*) Главная дорога изъ Крыма въ Московское царство шла въ то время по такъ называемому Муравскому шляху, на которую выѣзжали изъ Крыма двумя путями: чрезъ Перекопъ и Арабатскую стрѣлку. Первый шляхъ шелъ вдоль молочныхъ водъ, потомъ поварачивалъ вдоль р. Конки къ Волчьимъ водамъ, вдоль Быка, къ верховью Самары и Орели. Все это пространство было безлѣсно и мало обитаемо. Крымскіе татаре считали себя совершенно какъ дома на этой землѣ.

**) Мѣсто, гдѣ нынѣ расположенъ Мелитополь.

***) Фамильи этихъ оджаковъ существуютъ до настоящаго времени въ Крыму и именно: Ширинскіе, Барумскіе, Мансурскіе, Седжувутскіе и Аргинскіе.

****) Городъ этотъ находится на З. берегу Чернаго моря, на возвышенномъ мысѣ. Онъ основанъ, по сказанію Схимна Хіосскаго, за 645 л. до Х. Р. милет-

— А изъ Бахчисарая кого мы пригласимъ? спросилъ Бузбекъ хайма-ханъ.

— Искуснаго цирульника — рѣшилъ Джанъ-Булатъ ханъ.

— А мнѣ кажется, что *дуа* (молитва) должна быть совершена самимъ муфтіемъ—прибавилъ Селяметъ ханъ. Вамъ, я думаю, извѣстно, что турки считаютъ нашихъ муллъ не умнѣе своихъ чунтуковъ (барановъ).

— Чунтуки по моему самыя выгодныя овцы—замѣтилъ Бузбекъ.

— Это правда, но они не могутъ руководить отарою—отвѣтилъ Джанъ-Булатъ.

— За то, кто приноситъ ихъ въ жертву въ байрамъ, легче другихъ переносится въ рай чрезъ ужасный мостъ эльсырата—дополнилъ Селяметъ ханъ.

— Еще-бы, *пьфу, пьфу, ана сикенъ* *), да имѣй я столько запаснаго жира подъ поясницею, я не имѣлъ бы надобности ни въ какихъ жертвоприношеніяхъ—сказалъ Бузбекъ ханъ—мнѣ стоило бы только понатужиться и я въ мигъ очутился-бы за страшнымъ мостомъ, который острѣе лезвія сабли лучшаго изъ древнихъ нашихъ батырей (богатырей).

— Это несомнѣнно да и самъ шираатъ не особенно настаиваетъ на томъ, чтобы женщины приносили жертвоприношеніе, потому, что у нихъ во всѣхъ почти достаточно имѣется запаснаго жира подъ поясницею. Одинъ благочестивый шейкъ не напрасно мнѣ говорилъ, что тотъ мусульманинъ, у котораго полное число женъ, всегда долженъ разсчитывать попасть въ рай при помощи ихъ. Я не забылъ его словъ и тогда-же женился еще на двухъ, чтобы не оставлять вакантныхъ мѣстъ для занятія слугами шейтана. Сказавъ это, Джанъ-Булатъ ханъ осушилъ цѣлую миску холодной язмы или окисленнаго молока, разведеннаго съ водою.

— А я совершенно другаго мнѣнія—возразилъ Селя-

скими выходцами. Сюда былъ сосланъ въ заточеніе Овидій, написавшій здѣсь свои извѣстныя элегіи. Въ древности онъ назывался Томи, былъ величественъ и окруженъ валомъ, слѣды котораго сохранились до настоящаго времени. Турки устроили здѣсь крѣпость и считали ее очень важною.

*) Ногайцы безъ этихъ словъ не произносятъ и теперь ни одной фразы.

метъ ханъ—наши жены не курдюками выигриваютъ, а должно быть хитростями и обманами. Вѣдь и шейтаны увлекаются ихъ заманчивыми рожами и полнотою тѣла.

— Въ такомъ случаѣ пьфу, пьфу, надо полагать, что въ адѣ нѣтъ ни одной изъ полновѣсныхъ женщинъ—пробормоталъ Бузбекъ. Это не совсѣмъ будетъ удобно для грѣшниковъ, мечтавшихъ послѣ всякаго убійства пользоваться сверхштатною гуріею.

— На то и адъ, чтобы ссылать въ него сухощавыхъ, которыя не умѣли доставить при жизни удовольствія правовѣрнымъ—прибавилъ Джанъ Булатъ ханъ. Я по крайней мѣрѣ доволенъ тѣмъ, что въ моей ордѣ очень мало женщинъ, которыя могутъ пожаловаться на ходубу подъ поясницею или на недостатокъ запаснаго жира въ горбахъ своихъ.

— Ну, какъ мы поступимъ? прервалъ Бузбекъ—ограничимся ли вызовомъ изъ Бахчисарая одного только мастера по части обрѣзанія или необходимо будетъ взять и муфтія?

— Право не сообразишь вдругъ—отвѣтили оба хойма-ханы—придется пригласить на совѣтъ двухъ, трехъ муллъ. Это мы сдѣлаемъ завтра, а такъ какъ теперь наступила вечерняя прохлада, то выйдемъ на воздухъ.

Бузбекъ призналъ желаніе гостей своихъ подлежащимъ удовлетворенію и приказалъ вынести изъ кибитки мягкіе войлоки и большія шерстяныя подушки и подать кубышку камауза (кумысъ).

Не успѣли ханы расположиться на кейфъ, какъ на юго-западной возвышенности показался верховой татаринъ, скачующій въ сопровожденіи проводника. Бузбекъ прищурилъ одинъ глазъ и заявилъ громко, что къ нему ѣдетъ, вѣроятно, какой-нибудь ага отъ Керимъ-гирея.

— Навѣрно ханъ опять промотался на свои забавы—сказалъ Джанъ-Булатъ съ злобною насмѣшкою—и вспомнилъ про насъ, своихъ прикащиковъ, которыхъ изволитъ безцеременно называть сераскирами.

— Хороши сераскиры, которые богаче его и имѣютъ своихъ визирей и диваны—сказалъ Селяметъ ханъ.

— Этого мало, въ Крыму насъ считаютъ ниже даже

оръ-беевъ или начальниковъ Перекопской крѣпости, которые не имѣютъ права собирать гарачъ.

— Про гарачъ не стоитъ и говорить—отозвался Джанъ-Булатъ—много-ли мы его собираемъ: по одному піастру съ кибитки.

— А ты не считаешь того, что съ пріемомъ власти намъ приводятъ въ первоначальный даръ 500 воловъ, а затѣмъ выдаютъ натурою десятину со всего имущества. Если-же насъ всѣхъ столько, что 800 муллъ съ трудомъ отправляютъ свои обязанности и мы можемъ выставить своихъ 200 мурзъ *), то Керимъ-гирей не многимъ окажется поважнѣе насъ.

— Это правда—отвѣчалъ Джанъ-Булатъ—но всѣ наши мурзы не стоятъ одного изъ рода Ширинскихъ, которымъ принадлежатъ всѣ почти земли отъ Карасубазара до Чарше-базара (Керчь) и которые кромѣ того, что владѣютъ султанскимъ санджакомъ и женятся на ханскихъ дочеряхъ, но вдабавокъ получаютъ и отъ ахъ-бея (царя Россіи) до 10 т. піастровъ ежегодной пенсіи.

— Этимъ Ширинскимъ и Мансурскимъ **) большое счастіе—сказалъ Бузбекъ.

— Первымъ да; но что касается послѣднихъ, то чѣмъ они счастливѣе насъ—спросилъ Селяметъ хойма-ханъ—тѣмъ, что также имѣютъ право жениться на дочеряхъ гиреевъ? Да я плюнулъ бы на такое счастіе, потому что всѣ дѣвушки, выходящія изъ ханъ-сарая ни къ чему не годятся. Во первыхъ онѣ щедушны, какъ молодые цыплята, сварливы, не позволяютъ брать другихъ женъ, но самое худшее то, что онѣ никакъ не могутъ пріучить себя даже спать безъ сорочекъ, что у насъ служитъ порокомъ для хорошой заводской женщины.

— Неужели онѣ спятъ въ сорочкахъ и послѣ замужества? спросилъ съ удивленіемъ Джанъ-Булатъ—птьфу, птьфу, этого и мущина ни одинъ не позволитъ себѣ.

— Клянусь тебѣ истиною нашей вѣры.

---

*) Къ этимъ мурзамъ, жившимъ за Перекопомъ нынѣ принадлежатъ фамильи Кипчакскихъ, Орскихъ, Абламскихъ, Буруминскихъ, Битакскихъ, Едей Оглу и другіе.

**) Обитали къ Евпаторійскомъ уѣздѣ.

Тѣмъ временемъ верховой татаринъ приблизился къ безконечно длинному ряду роскошныхъ кибитокъ, приготовленныхъ къ пріему гостей и спросилъ у работниковъ Бузбекъ-хойма хана.

— Проѣзжай на двѣсти шаговъ дальше и тамъ узришь его—отвѣчали работники, показавъ направленіе.

Молодой человѣкъ молча повиновался и скоро очутился около трехъ хойма-хановъ, которые надменно смотрѣли на него, пока онъ слѣзъ съ лошади и, передавъ проводнику, подошелъ къ нимъ и воздалъ обычный селямъ.

— Съ пріѣздомъ, джигитъ! сказали одновременно сераскиры—иди, садись около насъ и разскажи, откуда и куда ты направляешься?

Путникъ присѣлъ и каждому въ отдѣльности пожелалъ добраго вечера. Затѣмъ объявилъ, что пріѣхалъ къ нимъ собственно изъ Бахчисарая съ письмомъ отъ Керимъ-гирей хана.

Сераскиры переглянулись съ изумленіемъ.

— Благодаримъ наше свѣтило—отвѣчалъ Бузбекъ—что оно не забываетъ иногда освѣщать и насъ кочевниковъ своими лучами. Передай-же мнѣ фирманъ для приложенія къ губамъ и лбу.

Молодой человѣкъ вынулъ изъ за пазухи свертокъ грубой бумаги и подалъ Бузбеку. Когда всѣ сераскиры приложились къ нему губами и лбами, священный свертокъ положенъ былъ по срединѣ войлока.

— Ну, какъ здоровье нашего *шорбаджія* *)? спросилъ Бузбекъ—его женъ и дѣтей? прибавилъ Джанъ-Булатъ. А визирей и аговъ? заключилъ Селяметъ.

— Всѣ благодаря Аллаха находятся въ полномъ кейфѣ, а вы и ваши семейства?

— Всѣ непрестанно молятся пророку о благополучіи Крымъ гирея.

— Неужели этотъ ханъ пользуется у васъ такою любовью? спросилъ гость.

— По крайней мѣрѣ мы не имѣемъ права роптать

---

*) Въ переводѣ: кормитель, господинъ. Этимъ именемъ и теперь именуютъ государей степные татаре Крыма.

на него — отвѣчалъ Бузбекъ, а если не чувствуешь негодованія, то, конечно, питаешь расположенность.

— Крымъ-гирей ханъ отличный мусульманинъ—прибавилъ Джанъ-Булатъ—онъ навѣрно не поступитъ съ нами, какъ гнусный предмѣстникъ его Максутъ-гирей, да будетъ онъ игрушкою шейтана! Этого мало, что онъ обобралъ весь народъ нашъ непомѣрными налогами и взятками, но задумалъ лишить насъ наслѣдственныхъ правъ въ пользу сыновей своихъ.

— Будетъ же онъ помнить насъ—обозвался Селяметъ—мы изгнали его, какъ злую и жадную собаку, изъ ханства и доказали татарамъ, что съ Ногайцемъ не всегда можно шутить.

— Вы были правы—отвѣчалъ молодой человѣкъ—и отецъ мой находитъ, что бунтъ и насиліе ваше не заслуживаютъ порицанія.

— А кто твой отецъ, мнѣніе котораго ты ставишь намъ въ образецъ? спросилъ Бузбекъ.

— Я Селимъ, второй сынъ Керимъ-гирей хана—отвѣчалъ гость.

При этихъ словахъ сераскиры поднялись на ноги и каждый изъ нихъ прикоснулся къ оконечностямъ пальцевъ достопочтеннѣйшаго гостя и вновь начались привѣтствія, подобаемыя царевичу.

Селимъ-гирей султанъ *) давно слылъ между ногайскими ордами за славнаго джигита. Его величественная осанка и поразительная красота при удивительной ловкости составила ему всеобщую извѣстность. Популярность эта поддерживалась и другимъ еще очень важнымъ событіемъ въ быту татаръ, о которомъ не переставали говорить даже старики въ предположеніи, что Селимъ султанъ въ этомъ поступкѣ обѣщаетъ быть великимъ ханомъ. Вотъ какъ говорили объ этомъ:

Селимъ будучи ребенкомъ цѣлый день не разставался съ своимъ лукомъ, оправленнымъ въ серебро, и до того увлекался стрѣльбою въ цѣль, что тамъ, гдѣ онъ упражнялся не осмѣливались показаться ни одинъ изъ шести

---

*) Гирей не присваивали къ имени своему слова султанъ, но сыновья и дочери ихъ присоединяли къ именамъ своимъ этотъ титулъ.

братьевъ его и никто изъ придворныхъ служителей, потому что стрѣла его сейчасъ-же направлялась къ нимъ. Вслѣдствіе вѣчной бѣготни въ садахъ гарема за выпускаемыми стрѣлами, мальчикъ сильно утомлялся и спалъ иногда до полудня.

Керимъ-гирею не понравилась эта привычка и вотъ однажды онъ приказалъ подать себѣ веретено съ тѣмъ, чтобы положить на постель сына въ знакъ того, что онъ болѣе походитъ по привычкѣ на женщину, чѣмъ на мущину. Маленькій Селимъ, услышавъ сквозь сонъ эти слова отца, немедленно вытянулъ изъ подъ подушки свой лукъ и, прежде чѣмъ отецъ сдѣлалъ два шага къ его ложу, выпустилъ въ него стрѣлу, которая къ счастію вонзилась всѣмъ наконечникомъ въ двери.

— Ну, счастіе твое, что ты увернулся — сказалъ мальчикъ—не то помнилъ-бы, какая я женщина!

Керимъ-гирею до того понравилась эта выходка со стороны сына, что онъ взялъ его въ объятія и съ того времени любилъ болѣе всѣхъ сыновей своихъ.

— Какими-же судьбами ты удостоилъ насъ посѣщенія? спросилъ Бузбекъ.

— Отцу моему кое-что понадобилось отъ васъ, а такъ-какъ онъ очень высоко ставитъ своихъ хоймахановъ, то приказалъ мнѣ лично съѣздить къ нимъ.

— Ты прибылъ къ намъ очень кстати. Чрезъ двѣ недѣли мы начнемъ *сюнетъ-той* *), который отпразднуемъ какъ подобаетъ тремъ сераскирамъ, у которыхъ сыновья еще непомѣчены религіознымъ знакомъ отличія. Праздникъ этотъ тѣмъ еще будетъ отличаться, что въ немъ будутъ учавствовать мальчики всѣхъ трехъ ордъ.

— Я очень охотно приму въ немъ участіе, если вы исполните то, что проситъ отецъ мой. Въ противномъ случаѣ онъ можетъ оскорбиться и не отпустить меня— отвѣчалъ царевичъ.

— Для Керимъ-гирея мы готовы все сдѣлать — сказалъ Бузбекъ, протянувъ руку къ фирману, который развернулъ и прочелъ въ слухъ слѣдующее:

---

*) Свадьба обрѣзанья.

„Побѣдоносный, храбрый Керимъ-гирей ханъ. Слово мое къ великолѣпному и могущественному сераскиръ-бею. Бузбекъ хойма хану, уважаемому другу здравія со всякимъ веселіемъ и честью желаемъ.

Твоей мудрости, вѣроятно, не безъизвѣстно, что мы ради пріумноженія славы нашего ханства затѣяли воздвигнуть по образцамъ лучшихъ дворцовъ, великолѣпнѣйшій сераль за Бахчисараемъ въ урочищѣ Ашлама, насаженномъ уже деревьями. Но для достиженія этой отрадной цѣли у насъ не достаетъ денегъ. Все серебро и золото, которое доставлено было намъ изъ Россіи, мы хотя и перечеканили въ подобіе турецкихъ монетъ и возвысили ихъ цѣнность, къ сожалѣнію, истрачены на другія важныя надобности, а устанавливать новый гарачъ можетъ показаться обиднымъ, вслѣдствіе чего мы нашли самымъ благоразумнымъ и болѣе пріятнымъ для себя и единомышленниковъ нашихъ допустить частный добровольный сборъ денегъ на окончаніе этого роскошнаго памятника нашего величія въ Крыму. Мы вполнѣ увѣрены, что при твоемъ мудромъ словѣ и всѣ остальные наши друзья хойма-ханы поспѣшатъ выразить намъ на дѣлѣ свою преданность и сочувствіе. Данъ въ Бахчисараѣ 1168 г. (1764) отъ эджиры.“

Бузбекъ, осмотрѣвши пристально тамгу или ханскую печать, передалъ письмо остальнымъ хойма-ханамъ, которые въ свою очередь осмотрѣли печать.

Воцарилось общее молчаніе. Казалось, сераскиры обдумывали отвѣтъ.

— Ну, что я услышу отъ васъ? заговорилъ Селимъ.

— Ничего, кромѣ добрыхъ вѣстей—отвѣчалъ задумчиво Бузбекъ—но намъ предварительно придется поговорить между собою; а пока мы приступимъ къ вечерней молитвѣ и затѣмъ къ ужину, утро мудренѣе вечера *).

Хойма-ханы съ гостемъ направились къ отдаленной кибиткѣ, около которой воздвигнута была войлочная палатка, предназначенная для молитвы. Здѣсь ихъ

*) Татаре нѣсколько иначе выражаютъ эту фразу. Они говорятъ *саби-ола хаиръ-ола* т. е. утро будетъ и добро будетъ.

встрѣтилъ маленькій хатипъ съ клинообразною бородкою, немедленно начавшій кричать изанъ или благовѣстъ.

По выходѣ изъ мечети сераскиры застали столъ накрытымъ и установленнымъ нѣсколькими сортами сладкихъ и кисловатыхъ шорби (суповъ). Приглашенный на ѣду хатипъ прочиталъ коротенькую молитву и предоставилъ себѣ право первымъ попробовать всѣ мѣдные *саганы* съ кушаньемъ, чтобы удостовѣрить въ отсутствіи въ нихъ ядовитыхъ приправъ.

Селимъ султанъ, истомленный голодомъ, съ жадностію накинулся на рисовый супъ, который онъ не охотно ѣлъ дома, но который теперь показался ему восхитительнымъ съ кускомъ лошадиной *пастырмы* *), замѣняющей у ногайцевъ хлѣбъ, который они не особенно уважали.

— Если сегодня ваша шорба такъ вкусна—замѣтилъ онъ—то воображаю, какъ будетъ она хороша на праздникъ Сюнетъ-той.

— Она будетъ тогда въ сто разъ вкуснѣе—отвѣтилъ Бузбекъ, потому что мы намѣрены сдѣлать этотъ праздникъ такимъ, какого не бывало со времени раздѣленія Крымскаго юрта **).

— И, вѣроятно, пригласите на него и отца моего?

— Мы не осмѣлимся сдѣлать этого—отвѣчалъ Селяметъ—потому что гирей не любитъ видѣть нашей кочевой жизни и чего добраго, въ гнѣвѣ, прикажетъ, подобно Сагипъ гирей-хану, изрубить въ щепки колеса нашихъ кибитокъ.

— Отецъ мой никогда не сдѣлаетъ этого, хотя и желалъ-бы, чтобы и у васъ завелось болѣе порядка и болѣе хозяйственныхъ удобствъ и принадлежностей. Онъ васъ очень любитъ. Да и возможно-ли не любить такихъ людей, которые выставляютъ ему по первому требованію массу войска, тогда какъ Крымскіе подданные

---

*) Вяленное на солнцѣ мясо.

**) Крымскій юртъ въ 1261 г. раздвоился на двѣ части. Первые остались внутри Крымскаго полуострова, а остальные подъ предводительствомъ Ногая первоначально составили самостоятельную орду, кочевавшую между Дунаемъ и Кубанью, а потомъ раздѣлившуюся на 4 колѣна и именно: Буджакъ, Едисалъ, Джедишкуль и Джанъ-бойлюкъ, которыя однако признавали верховную власть хана и управлялись лицами, назначаемыми имъ.

стараются избѣгнуть этого подкупами или прямо откупаются деньгами, вносимыми въ казну.

— Мнѣ кажется, что отецъ твой не поѣдетъ ради одного праздника нашего — вмѣшался Джанъ-Булатъ— но мы во всякомъ случаѣ должны пригласить его.

— Если онъ лично не пріѣдетъ, то, вѣроятно, пошлетъ вмѣсто себя Калга-султана,*) нуредина или одного изъ представителей высшаго сословія. Вамъ, вѣроятно, извѣстно, что всѣ наши мурзы ведутъ себя честно, гордо и дорожатъ общею расположенностію мусульманскаго народа. Мнѣ кажется, что въ подобныхъ случаяхъ отецъ мой назначаетъ одного изъ беевъ Яплавскихъ, которые живутъ вопервыхъ недалеко отъ Бахчисарая и наконецъ всегда являлись распорядителями царскихъ свадьбъ и т. п. зіафетовъ, на случай-же если они будутъ заняты, то кого-нибудь изъ Даирскихъ мурзъ, которые обитаютъ между Салгиромъ и Зусю и владѣютъ участками земли до Оръ-хапу.

— Едвали ханъ сдѣлаетъ такой выборъ — отвѣчалъ Бузбекъ—если онъ, дѣйствительно, расположенъ къ намъ. Ему, вѣроятно, извѣстно, что мы предпочитаемъ даже хапухалковъ **) его второстепеннымъ крымскимъ мурзамъ.

Селимъ султанъ, привыкшій любить своихъ мурзъ, у которыхъ большинствомъ проводилъ свою праздную жизнь въ разнообразныхъ джигитовкахъ и вечернихъ бесѣдахъ, не отвѣчалъ на это.

Послѣ приторнаго ужина, состоящаго изъ многихъ блюдъ, сераскиры потребовали хамаузъ и крѣпкую бузу. Царевичъ предпочелъ послѣднюю и такъ много выпилъ, что вскорѣ попросился лечь спать.

Выпроводивъ царевича, хойма-ханы начали разсуждать о томъ, слѣдуетъ-ли посылать Керимъ-гирею деньги и какимъ образомъ собрать ихъ?

— Я не прочь выдать изъ своего сундука 200 піаст-

*) Вице-ханъ, онъ-же часто и наслѣдникъ престола.

**) Гордые мурзы, обыкновенно пользующіеся своею самостоятельностію, довели хановъ до того, что послѣдніе вынуждены были создать имъ въ оппозицію другой видъ дворянъ подъ именемъ хапухалковъ, которые сильно враждовали противъ нихъ и искренно были преданы ханамъ.

ровъ, а изъ стадъ двѣ головы изъ сотни — сказалъ Бузбекъ.

— Мы также согласимся на это—отвѣчали остальные сераскиры.

— Что касается народа — продолжалъ первый, то мнѣ, кажется достаточно будетъ взять по одному барану, у кого ихъ болѣе двухъ сотенъ. Все это въ общей сложности составитъ такое стадо, что за вырученныя деньги можно будетъ выстроить два сераля.

— Ты, повидимому, плохо знаешь Крымъ-гирея—прервалъ Селяметъ—это такой странный человѣкъ, который съумѣетъ издержать въ одинъ день все золото и серебро, собранное изъ всего царства, а самъ между тѣмъ не имѣетъ запасныхъ штановъ.

— Куда-же онъ дѣваетъ доходы изъ ханства, если не имѣетъ лишней перемѣны одежды? спросилъ Бузбекъ.

— Говорятъ, что какъ только у него заведутся деньги, онъ бросаетъ ихъ пригоршнями мальчишкамъ до того времени, пока казнедаръ-ага не распорядится отдать ихъ въ жалованье служащимъ и кредиторамъ.

— Неужели онъ въ долгу? спросилъ Джанъ-Булатъ.

— Тьфу, тьфу наши чебаны даже знаютъ, что онъ долженъ всѣмъ Бахчисарайскимъ купцамъ — отвѣчалъ Селяметъ.

— А мурзамъ и бекамъ тоже?

— Говорятъ, что они много разъ предлагали ему свои деньги, но онъ всегда отказывался.

— Ну, если это справедливо, то я вмѣсто 200 піастровъ пожертвую 400—отвѣчалъ Бузбекъ — пусть онъ только не сближается съ этими негодяями.

— Если ты этого желаешь, пріятель—сказалъ Джанъ-Булатъ—то я совѣтовалъ-бы тебѣ самому съѣздить къ хану и сказать ему безъ шутокъ, чтобы онъ, если желаетъ пользоваться нашими услугами, то пусть меньше ласкаетъ людей, ненавистныхъ намъ.

— Я готовъ поѣхать, но только послѣ Сюнета.

— Въ такомъ случаѣ мы объявимъ завтра Селимъ султану, что ты лично привезешь наши подарки.

Согласившись съ этимъ, сераскиры разошлись по своимъ палаткамъ и расположились спать на открытомъ

воздухѣ, подъ звуки дудокъ и волынокъ, долетающихъ до слуха ихъ изъ дальней степи, гдѣ молодые пастухи по обыкновенію выплясывали предъ дремлющими стадами свои дикіе танцы.

II.

Раннимъ утромъ любознательный Селимъ поинтересовался взглянуть на визирей, диванъ и прочихъ приближенныхъ Кузбека. Вышедъ изъ палатки своей, онъ направился къ большой ставкѣ телѣгъ, объятыхъ дымомъ тлѣющаго кизика. Молодому человѣку показалось, что эти кочевники, не подчинявшіеся никакимъ законамъ религіи и приличій, должны наслаждаться лучше его жизнію. Но каково было его разочарованіе, когда онъ вездѣ встрѣчалъ дѣтей, лежащихъ въ оспенныхъ струпьяхъ безъ всякой заботливости со стороны матерей, разряженныхъ въ ярко цвѣтные кафтаны съ красными широкими штанами и не рѣдко обезображенныхъ кольцами въ ноздряхъ. Женщины эти возились надъ черными казанами, которыми накрывали просяныя лепешки (малаи). составлявшія лакомство пастуховъ и пекли ихъ на горячей золѣ, пока готовилась шарба для утренняго завтрака многолюдной семьи. Не встрѣтивъ ни въ одномъ шалашѣ ни хорошенькаго личика, ни ласковаго привѣта, царевичъ перешелъ къ болѣе отдаленной кучѣ шатровъ. Здѣсь прежде всего бросились ему въ глаза нѣсколько скованныхъ цѣпями молодыхъ людей, на обнаженномъ тѣлѣ которыхъ ниже поясницы виднѣлась тамга или клеймо, накладываемое обыкновенно на лошадей, воловъ и коровъ. Узнавъ въ нихъ невольниковъ изъ рыжаго или бѣлоголоваго племени ненавистнаго Москова, Селимъ, вошедъ въ первый шатеръ, спросилъ, кому принадлежатъ эти дикари и для чего тратятъ на нихъ пищу люди разумные?

— Куда же ихъ дѣвать, отвѣчалъ старикъ, они захвачены были моими сыновьями восемь лѣтъ тому назадъ и мы держимъ ихъ въ предположеніи, что явятся родные выкупить.

— Развѣ за такихъ звѣрей платятъ деньги? сказалъ Селимъ съ улыбкою.

— За нихъ заплатитъ, пожалуй, нѣсколько піастровъ такой охотникъ, какъ я, чтобы пошалить отъ праздности. Все же живой человѣкъ лучше самой красивой мертвой мишени. Притомъ мнѣ отецъ никогда еще не позволялъ пробовать стрѣлять въ гяуровъ.

— Твой отецъ, вѣроятно, опытный купецъ и не желаетъ терять напрасно свой товаръ, за который иногда приходится получить вдвое больше, чѣмъ предполагаешь. Въ молодости я тоже не разъ обогащался этимъ ремесломъ, но въ настоящее время эти собаки Теръ-оглу *) въ рѣдкихъ случаяхъ подсылаютъ къ намъ для выкупа своихъ плѣнныхъ. Они или надѣются, что плѣнники сами съумѣютъ убѣжать или откладываютъ до того времени, пока соберутся сдѣлать на насъ внезапный набѣгъ.

— То-то и дурно, что вы сберегаете этихъ людей въ ожиданіи, пока за ними придутъ съ мечемъ въ рукахъ. Да по моему всѣ эти рыжеголовые казаки не стоятъ одной капли мусульманской крови.

— Твоя правда, джигитъ, но убивать ихъ послѣ того, какъ мы кормили восемь лѣтъ какъ-то жаль.

— Да, вы ихъ навѣрно кормили помоями и костями!

— Положимъ, что ты не ошибся, но вѣдь и помои идутъ на кормъ собакъ, стороживших наши стада.

Въ это время изъ одного изъ шатровъ вывалило нѣсколько мальчишекъ, которые, подбѣжавъ къ плѣнникамъ, приказали имъ раздвинуться и начали перескакивать чрезъ ихъ головы. Затѣмъ заставили ихъ лечь ницъ лицомъ и на всемъ бѣгу падали или садились на ихъ спины, а въ заключеніе принесли высушеные, глиняные шарики и, отсчитавъ 25 шаговъ, начали поражать несчастныхъ импровизированными ядрами.

— Это хорошая забава для дѣтей, заговорилъ снова Селимъ, но, еслибъ я былъ на твоемъ мѣстѣ, все-таки не отказался бы сбыть ихъ съ рукъ.

— Я очень радъ продать ихъ, но купцовъ не находится.

— Какъ не находится, когда я стою предъ тобою въ качествѣ купца.

---

*) Козаки.

— Да ты, вѣроятно, думаешь обмануть меня, чтобы перепродать потомъ съ барышемъ. Вѣдь твой отецъ купецъ?

— Моего отца во-первыхъ, именуютъ Крымъ-гирей ханъ и во-вторыхъ, я плѣнниковъ твоихъ не уведу съ собою, такъ какъ предполагаю вознаградить твоихъ же собакъ ихъ тѣлами.

— Давно бы такъ и сказалъ. Для сына нашего великаго хана я готовъ сдѣлать какую угодно уступку и удовольствіе.

— Ну, говори послѣднюю цѣну, чтобы посмотрѣть въ добавокъ, какъ мастерски стрѣляетъ изъ лука Селимъ султанъ.

— Дай по сто піастровъ съ души и кончимъ торгъ.

— Нѣтъ, это дорого за выстрѣлъ. Возьми половину.

Ногаецъ подумалъ съ минуту и затѣмъ въ знакъ согласія ударилъ юношу по рукѣ съ присказкою, свойственною купцамъ: „получай на благо *)!“.

Продажа эта моментально сдѣлалась извѣстна всему табору и сотни любопытныхъ окружили Селима, чтобы узнать, куда отправятъ этихъ животныхъ. Когда же имъ объявили, что царевичъ намѣренъ поохотиться за ними, то изъ шалашей выбѣжали не только дѣти, но и всѣ женщины.

Заплативъ деньги ногайцу, Селимъ потребовалъ дать ему лукъ съ восемью стрѣлами.

— Теперь поди и сними цѣпи съ этихъ людей, сказалъ онъ, а ты, обратился онъ къ прибывшему Бузбеку, разставь ихъ на пять шаговъ одинъ отъ другаго и объяви, что тотъ, кто избѣгнетъ моей стрѣлы, возвратится туда, куда желаетъ, но съ тѣмъ, конечно, условіемъ, чтобы стоялъ неподвижно на разстояніи ста шаговъ.

Когда приказаніе было въ точности исполнено и отмѣрено сто шаговъ, Селимъ выстрѣлилъ въ крайняго и не безъ удовольствія взглянулъ, когда острая стрѣла впилась жертвѣ въ лобъ; послѣдующіе за тѣмъ не избѣгнули той же печальной участи.

---

*) *Виръ жаварынъ геръ*. Въ буквальномъ переводѣ означаетъ: иди и узри добро.

Гулъ дикой радости и вмѣстѣ съ тѣмъ изумленія послышался со всѣхъ сторонъ.

— Теперь ты можешь свезти тѣла ихъ въ какой-нибудь оврагъ, сказалъ царевичъ и устроить пиръ для обиженныхъ тобою собакъ. Сказавъ это, онъ послѣдовалъ за Бузбекомъ.

Убитые плѣнные тогда же оттащены были въ ближайшій оврагъ и оставлены на произволъ судьбы.

— Изъ всѣхъ этихъ собакъ, сказала жена погайца, мнѣ какъ-то жаль только одного Бурлая, который часто помогалъ мнѣ снимать съ треножника тяжелые казаны и охотно приносилъ воду. Несчастный зачѣмъ онъ родился гяуромъ!

— За вырученныя деньги я лучше куплю тебѣ здоровую черкесскую дѣвку, которая и мнѣ можетъ пригодиться, отвѣчалъ мужъ.

— За Селимомъ послѣдовали къ палаткѣ Бузбека всѣ почти старѣйшины орды съ цѣлью привѣтствовать царевича-джигита.

— Машъ Аллахъ, машъ Аллахъ *)! кричали они. Если Селимъ султанъ такой джигитъ, то каковъ долженъ быть отецъ его! Пьфу, пьфу не дай Богъ сглазить молодаго красавца!

Сераскиры, завидѣвъ толпы народа, не замедлили выслать къ нимъ одного изъ слугъ съ заявленіемъ, что царскій сынъ не можетъ выйти, потому что расположился завтракать.

— Мы подождемъ, отвѣчали старики и присѣли на землю, продолжая удивляться, какъ такой молодой принцъ могъ изъ чужаго лука сдѣлать восемь выстрѣловъ безъ промаха.

— Это что-то не вѣроятно, отвѣчалъ *косс* **). Всѣ знаютъ, что и я отличный стрѣлокъ, но восемь разъ всадить стрѣлу въ лобъ на сто шаговъ, это просто небывальщина!

— Отчего ты не допускаешь, что у гяуровъ этихъ

*) Удивленіе Богу.
**) Люди, у которыхъ не растутъ волосы на лицѣ.

не было *жделя* или предназначенія? отозвался одинъ изъ сосѣдей его.

— Для нихъ слишкомъ большая честь умирать отъ стрѣлы сына Крымскаго хана, возразилъ другой изъ толпы.

— Въ этомъ я вижу желаніе пророка прославить предъ нами потомка Чингисъ-хана и напомнить намъ, что Батукъ-ханы могутъ и теперь раждаться отъ гиреевъ, прибавилъ мѣстный мулла.

— Все это можетъ быть для васъ убѣдительно, но что касается меня, продолжалъ косе, то, какъ хотите, я не допускаю, чтобы дѣло это обошлось безъ участія шейтана. Видно Крымскимъ гиреямъ всѣ злые духи, обитавшіе въ ханствѣ, также не отказываются служить.

— Что же тутъ удивительнаго? Коль скоро эти духи изволили поселиться на чужой землѣ, то, конечно, обязаны служить хозяину, сказалъ третій, отчего же и имъ не дѣлать того же, что дѣлаютъ самые благочестивые мусульмане?

— Ну, на этомъ и я стою, отвѣчалъ косе, потому что человѣку невозможно восемь разъ попасть въ одну и туже точку. Это могутъ сдѣлать джины, которые сядутъ верхомъ на стрѣлу и подвезутъ ее до мѣста цѣли.

— Перестань, косе, говорить пустяки, вмѣшался четвертый, ваше безволосое отродіе вездѣ видятъ джиновъ, потому что вы сами происходите отъ джиновъ. Что Селимъ султанъ стрѣлялъ безъ содѣйствія злыхъ духовъ, въ этомъ я готовъ поклясться моею бородою. Понимаешь, моею бородою, которую ни ты, ни твои прадѣды никогда не носили во имя пророка!

— Слова твои пахнутъ медомъ, сказалъ мулла, я тоже не особенно благоволю къ людямъ безволосымъ.

— А развѣ у тебя самого много волосъ? вскрикнулъ раздосадованный косе, посмотри лучше на твою ничтожную бородку, въ которой на половину меньше волосъ, чѣмъ у меня подъ одною мышкою, а еще полѣзъ въ муллы! Да ты въ сущности такой же косе какъ и я, но съ тѣмъ, что у тебя гораздо меньше волосъ и на головномъ перчемѣ и на тѣлѣ.

— Фе, какую дрянь ты говоришь, сказалъ духов-

никъ, да понимаешь ли ты, что даже правовѣрныя женщины обязаны не оставлять на тѣлѣ своемъ ни единой волосинки, чтобы не дать возможности злымъ шейтанамъ спрятаться за ними или поселить въ нихъ своихъ правнуковъ.

Тѣмъ временемъ въ палаткѣ Бузбека за большимъ мѣднымъ подносомъ, поставленнымъ на перевороченномъ вверхъ ногами табуретѣ, сидѣли всѣ сераскиры и съ жадностію глотали свѣжія колбасы изъ конскаго мяса. Селимъ султанъ, не привыкшій къ этого рода лакомствамъ, такъ какъ внутри Крыма и въ особенности въ Бахчисараѣ, не принято было убивать лошадей, предпочелъ положить предъ собою бараній языкъ и часть бѣлоснѣжнаго курдюка, которымъ онъ придавалъ чрезвычайный вкусъ и большую питательность для дорожнаго человѣка.

— Ну, чѣмъ вы порѣшили отвѣчать Керимъ гирей хану? спросилъ молодой человѣкъ, запивъ завтракъ кувшиномъ сладкой бузы.

— Отвѣчай за насъ твоему отцу, что слово его проникло чрезъ всѣ отверстія наши до глубины сердца и мы порѣшили уже доставить ему лично столько средствъ, сколько необходимо будетъ для постройки не одного, а двухъ сералей. При этомъ добавь, чтобы онъ при нуждахъ своихъ помнилъ, что мы первые его друзья, а что остальные оджаки всегда были и будутъ ему враждебными въ душѣ.

— Когда же вы думаете пріѣхать въ Бахчисарай?

— Мы всѣ не можемъ отлучаться отъ семействъ нашихъ, заявилъ Джанъ Булатъ, изъ боязни, чтобы проклятые казаки не напали на орды въ расплохъ Но одинъ изъ насъ непремѣнно явится послѣ окончанія сюнетъ тоя.

— Въ такомъ случаѣ я поспѣшу увѣдомить объ этомъ отца моего.

— Неужели ты не прогостишь у насъ еще денька два или три?

— Нѣтъ, нельзя теперь, но можетъ быть отецъ отпуститъ меня на вашъ праздникъ.

— Этимъ онъ оказалъ бы намъ большую честь. Ты могъ бы пріѣхать съ муфтіемъ и представителями пяти

оджаковъ, которымъ мы думаемъ завтра же послать приглашенія.

Послѣ завтрака Селимъ вышелъ къ народу, который бросился цѣловать полы его кафтана и привѣтствовать съ пріѣздомъ.

— Отецъ мой приказалъ мнѣ передать вамъ всѣмъ селямъ и пожелать здоровья вамъ и дѣтямъ вашимъ. Кромѣ этого ему очень хотѣлось бы знать, не терпители вы какихъ либо нуждъ?

— Да проживетъ Крымъ гирей ханъ тысячелѣтія! отвѣчала толпа, что же касается насъ, то мы по милости Бога и его пророка живемъ очень счастливо и ни въ чемъ не имѣемъ нужды, хотя иногда и скучаемъ, что давненько не водили насъ въ гости къ гяурамъ, чтобы размять немного кости.

— За этимъ дѣло не станетъ, вотъ бы только отцу моему покончить начатый сераль, который отвлекаетъ его отъ ханскихъ обязанностей.

— Отчего же онъ не потребуетъ отъ насъ нѣсколько сотенъ джигитовъ. Мы въ десять дней воздвигнемъ ему такой сераль, что вся наша орда помѣстится?

— Съ этою цѣлью именно пріѣхалъ къ вамъ я, но хану не хочется отрывать своихъ любимцевъ отъ ихъ занятій, а ему пріятнѣе было бы получить вспомоществованіе, чтобы нанять на мѣстѣ мастеровъ.

— Мы всѣ готовы подѣлиться съ нимъ нашими деньгами. Слышишь, такъ и скажи ему, что ногайцы отдадутъ половину тѣхъ денегъ, которыя у нихъ окажутся!

Селимъ поблагодарилъ старшинъ и, пожелавъ имъ здравія, возвратился въ палатку къ сераскирамъ, обрадованнымъ усердіемъ подвластныхъ имъ людей.

Два часа спустя принцу подвели въ даръ великолѣпнаго коня, на которомъ онъ и выѣхалъ изъ Кызлы-яра, сопровождаемый въ теченіе цѣлаго часа толпою молодыхъ джигитовъ въ праздничныхъ нарядахъ.

На слѣдующій день послѣ выѣзда Селима въ то время, когда Бузбекъ диктовалъ своему визирю и другимъ начальникамъ дивана пространныя приглашенія къ Крымскимъ и Кюстенджинскимъ беямъ, къ нему зашелъ одинъ изъ богатыхъ мурзъ съ жалобою, что сегодня ночью у

него похищены неизвѣстно кѣмъ самые лучшіе жеребцы, которыхъ онъ откармливалъ для скачки къ предстоящему празднику.

Заявленіе это поразило всѣхъ хойма-хановъ.

— Не проѣзжали ли ночью какіе-нибудь люди мимо твоего жилища? спросили всѣ одновременно.

— Нѣтъ, ни души не проѣзжало, отвѣчалъ мурза.

— Неужели на такую подлость отважился кто-нибудь изъ нашихъ? Это что-то невѣроятно.

— Я и самъ не знаю, что думать, только лошади уведены изъ глубокой ямы, гдѣ я сберегалъ ихъ отъ лучей солнца.

— А послалъ ли ты гонцевъ?

— Послалъ одного на сѣверъ, а другаго на югъ.

— Такъ пошли еще двухъ одного на востокъ, а другаго на западъ и подождемъ до вечера.

Вскорѣ послѣ этого ногаецъ, продавшій на убіеніе невольниковъ своихъ Селиму, заявилъ женѣ своей по секрету, что желая снять съ убитыхъ одежду, онъ въ числѣ ихъ, не нашелъ тѣла Бурлая и еще двухъ товарищей его.

— Видно ихъ шейтанъ похитилъ, сказалъ онъ, вслѣдствіе чего я остальныхъ прикрылъ землею.

— Туда имъ и дорога! отвѣтила жена, лишь бы они не задумали отмстить намъ или животнымъ нашимъ. Чего добраго придется покупать священную молитву отъ нашего муллы.

— Вотъ еще тратить деньги противъ гяурскихъ духовъ. Развѣ ты не знаешь, что имъ не дано право приближаться къ мусульманамъ.

— Злые духи охотнѣе стремятся соблазнять правовѣрныхъ. Смотри, чтобы впослѣдствіи не пришлось разскаяваться. Ты всегда былъ жестокъ къ Бурлаю, а этого онъ навѣрно не проститъ тебѣ.

— Перестань произносить предо мною это скверное имя. Я болѣе всѣхъ ненавидѣлъ эту собаку, прозванную тобою Бурлаемъ. Ты думаешь, я не знаю, что ты кормила его бараниною тайно отъ меня? знаю я тебя, шельма. Тебѣ не достаточенъ одинъ мужъ, ты сама это говоришь мнѣ чуть не ежедневно и заставляешь прокли-

нать тотъ часъ, когда я старый верблюдъ взялъ тебя молодую въ мой чадыръ (палатку).

— Ахъ ты, чертовъ сынъ, такъ ты проклинаешь тотъ моментъ, когда я сдѣлалась женою такого гадкаго козла, какъ ты? И ты осмѣливаешься говорить это мнѣ въ глаза? Да я смѣшаю тебя съ желтою грязью, изъ которой созданы твои родоначальники. Вонъ сейчасъ изъ палатки и не смѣй возвращаться! Сказавъ это, она схватила мужа за шиворотъ и, ударивъ его кулакомъ по головѣ, вытолкала на дворъ.

— Эмине, Эмине—умолялъ старикъ—перестань сердиться, я привезу тебѣ изъ базара цѣлую связку червонцевъ.

— Не нужны мнѣ твои червонцы послѣ того, какъ ты назвалъ меня одалычкою Бурлая. Я потребую развода и найду себѣ мужа такого, который не возьметъ тебя даже обмывать хвостовъ у лошадей.

— Ни одинъ мулла не осмѣлится разводить тебя безъ моего согласія.

— Врешь, негодяй, я разскажу, какое супружество ты ведешь со мною и онъ вынужденъ будетъ объявить разводъ.

— А у тебя есть доказательства для подтвержденія обвиненія?

— На такія вещи не требуютъ доказательствъ.

— Въ такомъ случаѣ я скажу, что ты осквернена была Бурлаемъ.

— Тѣмъ лучше, потому что послѣ этого меня сейчасъ же избавятъ отъ тебя, безхвостаго черта.

Пока шла эта характеристическая перебранка между мужемъ и женою, къ чалашу Буранъ-хазія подвезъ молодой ногаецъ мертвое тѣло и бросилъ его на землю.

— Это сынъ мой! вскрикнулъ съ ужасомъ старикъ, бросаясь къ трупу—кто его убилъ?

— Твои бывшіе плѣнники, которыхъ ты продалъ на убіеніе—отвѣчалъ джигитъ. Они внезапно напали на насъ во время сна, сняли оружіе и затѣмъ, разсказавъ твой жестокій поступокъ съ ними, такъ точно поступили и съ сыномъ твоимъ. Если не вѣришь, то посмотри на про-

стрѣленную грудь его. Затѣмъ раздѣли насъ до гола и ускакали на жеребцахъ Кемалъ-мурзы.

Буранъ-хазы, забывъ оскорбленіе, нанесенное ему женою, началъ призывать ее на помощь. Эмине выбѣжала и завопила во все горло не смотря на то, что убитый не былъ ея сыномъ.

— Говорила же я тебѣ, проклятый какачъ*)—припѣвала она—пойди и купи святую дуа, не послушалъ, ну и наслаждайся теперь местью Бурлая и его братьевъ! ой, ой, поразилъ ты меня, скряга плосконосый, прямо въ сердцѣ, отравилъ ты меня молодую твоимъ смердящимъ упрямствомъ, гей, гей, гей!

Заунывное пѣніе это вызвало всѣхъ почти женщинъ изъ шатровъ, которыя также завопили и вслѣдъ затѣмъ печальная вѣсть разнеслась по всей степи.

Сераскиры, освѣдомившись, по какому направленію бѣжали недобитые Селимомъ плѣнники, немедленно распорядились послать за бѣглецами погоню, обѣщая за головы ихъ 50 барановъ и ту сумму денегъ, которая уплачена была Селимъ султаномъ Буранъ-хазію.

— Ты очень много обѣщалъ — замѣтилъ Селяметъ-хойма-ханъ сотоварищу своему Бузбеку.

— Я не пожалѣлъ бы дать вдвое больше, еслибъ этого потребовали посланные—отвѣчалъ онъ. Ты, какъ живущій въ сторонѣ, конечно, не настолько знакомъ съ духомъ казаковъ, которые готовы уничтожить насъ и дѣтей нашихъ изъ мести, унаслѣдованной отъ отцовъ своихъ. Эти же бѣглецы, изучившіе насъ, навѣрно разскажутъ собратьямъ своимъ о нашихъ богатствахъ и возбудятъ въ нихъ охоту попытать свое счастіе. Они всѣ почти такіе, какъ и сераскиры ихъ Дорошъ-атаманъ и Сагайдакъ **).

— Ну, что касается перваго — выразилъ Джанъ-Булатъ—то онъ не забудетъ насъ и въ адѣ. Дѣдъ мой говорилъ мнѣ, что всѣ сподвижники его порублены были на мелкіе кусочки, а онъ послѣ жестокой пытки былъ

*) Высушенное мясо.
**) Такъ именовали ногайцы гетмановъ Дорошенко и Сагайдачнаго.

обезглавленъ и дерзкая башка его въ теченіи многихъ лѣтъ выставлена была на посмѣшище народа.

— Я это знаю—сказалъ Бузбекъ—а слышалъ ли ты, что Сагайдакъ, ворвавшись въ Крымъ, завоевалъ Кафу, ограбилъ ее и, освободивъ всѣхъ плѣнныхъ гяуровъ, чуть было не завоевалъ съ ними всей нашей земли. Нѣтъ, братъ, съ этимъ народомъ намъ не приходится шутить, когда онъ является нежданно и застаетъ насъ въ расплохъ. Мы должны всегда помнить, что они на ничтожныхъ судахъ своихъ разорили тысячи турецкихъ селеній, сожгли до основанія Синопъ, разогнали султанскіе, военные корабли и подбирались даже къ Стамбулу, а при Мегметъ-гиреѣ оказали ему такую огромную услугу, что султанъ долженъ былъ смириться и подумать о дружбѣ съ ханомъ *).

— Неужели ты полагаешь, что эти ничтожные люди въ состояніи будутъ поднять свой народъ противъ насъ? Давно ли ихъ эфенди Хмѣльницкій пріѣзжалъ поклониться нашему хану Ислямъ-гирею? сказалъ Селяметъ.

— Но Хмѣльницкаго, который былъ искреннимъ другомъ и нашего Тугай-бея, главнаго начальника Оръ-капу, нынѣ не существуетъ—отвѣчалъ Бузбекъ. То были золотыя времена: всѣ цари земные посылали къ намъ пословъ съ богатыми дарами. Надо было Ислямъ-гирею брать въ гаремъ христіанку, видно у него на лбу было написано, что онъ умретъ отъ яда, поднесеннаго гяуркою и заставитъ всѣхъ повелителей отстраниться отъ насъ. Однако мнѣ необходимо будетъ послать за Буранъ-хазіемъ, чтобы разспросить у него относительно этихъ бѣглецовъ.

Призванный старикъ заявилъ хойма-хану, что изъ числа бѣжавшихъ, по его мнѣнію, Бурлай есть сущій разбойникъ по виду; что онъ достоинъ висѣлицы, если будетъ схваченъ; что онъ всегда былъ угрюмъ съ нимъ, но охотно услуживалъ бабамъ; что всѣ ордынскія собаки были въ дружбѣ съ нимъ и, какъ кажется, носили ему кости и куски малая, а такъ какъ этого никто изъ

*) Сагайдачный сдѣлалъ удачный набѣгъ на Кафу въ началѣ 17-го столѣтія остальные подвиги казаковъ были въ 1617 и 1625 годахъ.

остальныхъ невольниковъ не могъ достигнуть, то онъ полагаетъ, что Бурлай былъ джинджи или колдунъ.

— А не грозилъ ли онъ тебѣ своими единовѣрцами или соотечественниками? допрашивалъ Бузбекъ.

— Нѣтъ, онъ всегда былъ истуканомъ и хранилъ молчаніе въ присутствіи моемъ.

— А не хвастался ли бабамъ твоимъ своимъ родствомъ?

— Ничего подобнаго не доходило до отверстій моей головы.

— Ну, а по твоему мнѣнію, къ какого рода людямъ онъ могъ принадлежать, къ богатымъ или нищимъ?

— Навѣрно къ байгушамъ, у которыхъ кромѣ дыряваго рѣдна ничего не бываетъ.

— Если все сказанное Буранъ-хазіемъ справедливо— обратился Бузбекъ къ сотоварищамъ своимъ—то я могу быть совершенно спокоенъ.

Въ тотъ же день вечеромъ сераскиры снова выползли на открытый воздухъ и разлеглись на войлокахъ и коврахъ. Бузбекъ, желая доставить гостямъ развлеченіе, пригласилъ на бесѣду 110-лѣтняго Кечима, которому извѣстны были всѣ почти подвиги ногайцевъ и который гордился еще своею ѣздою верхомъ.

— Поразскажи-ка намъ что-нибудь изъ твоей молодости, достопочтенный старикъ—сказалъ Джанъ-Булатъ.

— Ты оскорбляешь меня, сераскиръ, называя старикомъ—отвѣчалъ Кечимъ, вскакивая на ноги. Какой я старикъ, если у меня только недавно перемѣнились зубы. Не вѣришь? Такъ удостовѣрься. Сказавъ это, онъ подставилъ открытый ротъ подъ носъ Джанъ-Булату и захохоталъ дѣтскимъ голосомъ. А хочешь я протанцую тебѣ чебанскій танецъ?

— Вѣрю, вѣрю, что ты моложе меня—отвѣчалъ сераскиръ—и протанцуешь лучше всѣхъ пастуховъ. Но это удовольствіе ты доставишь намъ на предстоящемъ сюнетъ-тоѣ.

— Не дурно сказано. Но чтобы вамъ разсказать? вы, конечно, уже знаете то, что я пережилъ болѣе 15 хановъ, и что ханы не разъ награждали меня шубами, ха-

латами, лошадьми, саблями, невольниками и кошельками, набитыми піастрами.

— Знаемъ и это—отвѣчалъ Бузбекъ — а намъ хотѣлось бы послушать что-нибудь изъ походной жизни твоей на Ляховъ или Ахъ-бея. Выпей чашку хамауза и выставь языкъ твой противъ вѣтра, чтобы онъ началъ мелить.

III.

Кечимъ съ жадностію выпилъ отрадный напитокъ, поданный ему слугою, пробормоталъ хвалу Аллаху и благодарность хозяину и затѣмъ, облокотившись на подушку, началъ слѣдующаго рода повѣствованіе:

„Да будетъ вамъ извѣстно, достопочтенные эфендіи мои, что я въ первый разъ выступилъ вооруженнымъ изъ отцовскаго чадыра 88 лѣтъ тому назадъ при несчастномъ Селимъ гирей ханѣ. Отецъ далъ мнѣ на дорогу двѣ лучшія лошади изъ табуна своего, сѣдло съ большимъ потникомъ, которые должны были замѣнять въ походѣ подушку и постель, длинный чекмень для прикрытія тѣла и образованія во время стоянокъ палатки, а мать пожертвовала деревянную чашку съ котелкомъ, нажарила торбу чурековъ (пышекъ), вяленой баранины, суджуковъ (колбасовъ) и, пожелавъ мнѣ счастливаго успѣха въ битвѣ съ гяурами, поставили въ непремѣнную обязанность заботиться о добычѣ. Подъ видомъ добычи тогда подразумѣвались малороссійскія дѣвки, которыми восхищались въ самыхъ отдаленныхъ мусульманскихъ странахъ и за которыхъ охотно платили столько золота, сколько онѣ вѣсили сами. Цѣнность эта впрочемъ опредѣлялась на дѣвку отъ 14 до 25 лѣтъ, если она при полнотѣ тѣла имѣла средній ростъ и черные глаза.

Надо вамъ знать, что Селимъ-гирея мы никогда не видѣли раньше, такъ какъ онъ съ дѣтскаго возраста взятъ былъ Султаномъ и воспитывался, по примѣру отцовъ, въ одномъ изъ адріанопольскихъ сералевъ, но мнѣ приходилось видѣть его меньшихъ братьевъ и дядей, которые жили въ различныхъ мѣстностяхъ Крыма и каждый тщеславился своимъ происхожденіемъ, когда пріѣзжалъ въ наши орды; но мы не обращали на нихъ

никакого вниманія и обходились съ ними, какъ съ бѣдными мурзами. Только одинъ ханъ для насъ былъ настоящимъ падишахомъ и полнымъ властителемъ безчисленныхъ земель и народовъ. Гирей кромѣ того считался прямымъ наслѣдникомъ и всей Турціи на случай, еслибъ у Османлы прекратился мужескій родъ. Одно только не нравилось намъ, что султаны, въ качествѣ калифовъ, присвоили себѣ право смѣнять нашихъ владыкъ по проискамъ мурзъ или беевъ, а иногда и по прихоти своихъ визирей, которые заставляли султановъ держать при нашихъ повелителяхъ свою стражу въ размѣрѣ до 2 тысячъ человѣкъ съ тѣмъ, конечно, чтобы имѣть возможность во всякое время достигнуть своихъ желаній. Къ счастію прихоти эти въ то время не всегда удавалось выполнять безнаказно, потому что Ширинскіе беки отстаивали достойныхъ хановъ и вообще всѣхъ насъ съ такимъ джигитствомъ, что воля ихъ считалась священною для калифовъ. Присутствуя всегда въ диванѣ, когда обсуждались важныя дѣла ханства, они, не уступающіе богатствомъ гиреямъ и лучше ихъ живущіе, крѣпко держали на уздахъ всѣхъ остальныхъ мурзъ и положительно управляли муфтіемъ, кади-эскиромъ и всѣми агами. У насъ же въ то время не было никакихъ сераскировъ, а были полновластные Ханъ-темиры, Калумъ-беи и Чанакъ-мурзы, по первому приказанію которыхъ выступали въ походъ болѣе 50 т. ногайцевъ. Вотъ какія были времена, когда мнѣ наступило 22 года и я собирался жениться, но вмѣсто празднованія свадьбы пришлось спѣшить въ Польшу, гдѣ воевалъ Селимъ-гирей съ султанскими войсками, но, видно, не надѣялся на добрый исходъ дѣла, потому что потребовалъ отъ насъ новыхъ ратниковъ. Насъ вступило одновременно около 10 т. въ полной увѣренности, что мы, при своемъ появленіи, заставимъ ляхскаго царя закричать *аманъ!* *) и приведемъ на родину, какъ случалось раньше, до 50 тысячъ плѣнныхъ и до 200 т. лошадей, коровъ и воловъ.

— Неужели бывали такіе счастливые набѣги? спросилъ Бузбекъ.

---

*) Въ родѣ отчаянія и сознанія своей немочи.

— Одинъ изъ нихъ совершился при покойномъ отцѣ моемъ при нападеніи на Азакъ (Азовъ).

— Почемъ же тогда продавались эти невольники и животныя ихъ?

— Отецъ говорилъ, что за мальчика просили 6 піастровъ, за дѣвочку 5, а за лошадь 1 піастръ.

— Счастливыя времена! произнесъ со вздохомъ Джанъ-Булатъ.

— Да—продолжалъ Кечимъ—это были золотыя времена, потому что мы въ рѣдкій годъ не пріобрѣтали отъ 7 до 10 т. рабовъ, на которыхъ являлась и потребность со стороны купцовъ, стекавшихся въ Гезлевъ (Евпаторію) изъ Стамбула и отдаленнаго мисыра (Египта).

— Ну, продолжай начатый разсказъ—прервалъ Бузбекъ.

— Надежды наши по мѣрѣ того, какъ мы приближались къ главнымъ силамъ, все болѣе и болѣе увеличивались, потому что все кругомъ и впереди было разрушено, а жители бѣжали. Но не успѣли мы стать въ ряды и приготовиться къ завтрашнему нападенію, какъ ночью напали на насъ враждебныя войска, подъ предводительствомъ Янисъ-бея *) и до такой степени побили намъ морды, что мы бѣжали всю ночь безъ оглядки. Большая половина изъ насъ осталась безъ оружія, безъ лошадей и безъ запасной пищи. Съ несчастными турками случилось еще хуже, такъ какъ они въ надеждѣ на насъ передовыхъ, спали крѣпкимъ сномъ: ихъ множество попало въ плѣнъ. Къ счастію паша съ Селимъ-гиреемъ раньше другихъ успѣли бѣжать и сгруппировать насъ внѣ враждебныхъ границъ.

Очутившись въ такомъ безвыходномъ состояніи, мы заявили хану, что готовы вновь броситься на врага, но онъ, тяжело вздохнувъ, отвѣчалъ, что въ такомъ жалкомъ состояніи не намѣренъ предпринимать борьбы съ хитрыми гяурами и не сдѣлаетъ этого впредь до болѣе благопріятнаго времени. Этотъ славный повелитель, говоря правду, не понадѣялся на насъ, но къ несчастію, прежде чѣмъ онъ приступилъ къ вторичному созыву мурзъ

*) Янъ Собѣсскій.

и опытныхъ людей, турецкій султанъ призналъ его негоднымъ повелѣвать нами и лишилъ престола. Лишь только узнали объ этомъ начальники нашей орды, немедленно послали за нимъ нѣсколько десятковъ джигитовъ съ арбами и потребовали, чтобы онъ переселился къ намъ за ту ласку, которую оказывалъ въ теченіи похода къ ногайскому племени. Селимъ-гирей, сознавая наше могущество, не замедлилъ забрать своихъ женъ, дѣтей и весь чавуръ-хавуръ и переселиться къ намъ на житье. Обстановивъ его, какъ подобало его происхожденію, мы положительно отказались имѣть сношеніе съ Муратъ-гиреемъ, котораго назначилъ Султанъ господствовать надъ нами. Когда же послѣдній пожаловался на Селима, то калифъ приказалъ янычарамъ взять его отъ насъ и прислать въ Стамбулъ. Боясь, чтобы любимца нашего не отправили къ праотцамъ на вѣчное поселеніе, мы не замедлили послать къ калифу просьбу, чтобы Селима возвратили на царство, если только желаютъ видѣть насъ подданными крымскаго ханства. Говорили, что заявленіе это возмутило султана, но такъ какъ мы перестали принимать къ себѣ турковъ и посланныхъ отъ Муратъ-гирей хана, то по необходимости пришлось снова возвратить Селима въ Бахчисарай. Это было одно изъ лучшихъ событій для ногайцевъ. Въ это время важнѣйшіе изъ нашихъ мурзъ и бековъ заняли почетнѣйшія мѣста и начали издѣваться надъ турками, мечтавшими по прежнему хозяйничать въ странѣ. Вскорѣ это произвело ссоры и драки, прекратившіяся новою смѣною Селима и возведеніемъ на престолъ одного изъ пастуховъ, составившихъ себѣ большое состояніе на Кубани и не смотря на то, что онъ былъ всѣмъ намъ извѣстенъ подъ именемъ Керъ-чебана (кривоглазаго пастуха), доказывалъ свое происхожденіе отъ Богатыръ-гирея, у котораго, какъ извѣстно, никогда не было дѣтей. Турецкіе визири, безъ сомнѣнія, подкупленные этимъ честолюбцемъ, полагали, что на этотъ разъ мы съ радостію примемъ своего единоплеменника; но они горько ошиблись, потому что мы, соединившись съ татарами не допустили дерзкаго богача даже войти въ Бахчисарайскій сераль. Въ Турціи засуетились, начали угрожать

намъ, но вынуждены были въ третій разъ признать ханомъ Селимъ гирея. На этотъ разъ любимый нами ханъ, прочно утвердившись на престолѣ дѣдовъ, сейчасъ же распорядился собраться къ набѣгу на гяуровъ, чтобы поправить положеніе жителей ханства. На призывъ его откликнулись всѣ почти молодые джигиты и ждали минуты выступить изъ домовъ своихъ. Какъ вдругъ до насъ долетѣли слухи, что Ахъ-бей, вслѣдствіе своей давней ненависти къ намъ выслалъ безсчетную армію, чтобы завладѣть всѣмъ Крымскимъ ханствомъ. Когда вѣсть эта дошла до Селимъ-гирея, то онъ, не считая нужнымъ провѣрить ее, приказалъ всѣмъ намъ собраться на рубежѣ нашихъ владѣній и ожидать его личнаго прибытія *). Только что мы собрались, какъ пріѣхалъ Селимъ, въ сопровожденіи только одной арбы, на которой не оказалось ничего такого, которое свидѣтельствовало о его желаніи предаваться кейфу на полѣ битвы. На ней было оружіе, сухая дорожная провизія и нѣсколько простыхъ войлоковъ. Словомъ все, что имѣлъ простой ногаецъ. Простота эта изумила стариковъ, которые привыкли видѣть хановъ въ дорогихъ шатрахъ, убранныхъ коврами, подушками, толпами начальствующихъ и слугъ.

Селимъ, не теряя ни минуты, созвалъ всѣхъ представителей бейраковъ и послѣ установленнаго намаза объявилъ намъ, что онъ давно имѣлъ свѣдѣніе, что гяуры желаютъ завоевать наше отечество и что, слѣдовательно, настоящій походъ предпринятъ имъ по необходимости воспрепятствовать врагу разорить ханство. Мы всѣ поняли значеніе этихъ словъ и тутъ же объявили, что никогда не станемъ требовать отъ него ни пищи, ни вознагражденій за труды свои.

— Да вознаградитъ васъ Аллахъ — отвѣтилъ онъ — приступите же къ завтраку и отыщите вашихъ юзъ-башіевъ, потому что мы должны выступить вслѣдъ за передовыми соглядатами. Я увѣренъ, что вы не дадите бывшимъ рабамъ нашихъ отцовъ никакой пощады! Сказавъ это, онъ приказалъ подать себѣ кусокъ тулупнаго

---

*) Надо полагать, что здѣсь говорится объ одномъ изъ походовъ Василія Голицина, которые въ оба раза были неудачны.

сыра, отрѣзокъ отъ говяжей *пастырмы* *), кувшинъ кумыса и кусокъ хлѣба. Въ это время я приблизился къ хану съ непритворнымъ желаніемъ оказать ему какую-либо услугу.—Ты откуда? спросилъ гирей. Я разсказалъ ему всю исторію моихъ отцовъ.—А желалъ бы ты находиться при мнѣ?

— Нѣтъ—отвѣчалъ я—потому что падишахи не участвуютъ въ битвахъ, а должны находиться вдали отъ опасности: я же пришелъ на войну впервые и хочется испытать свои силы.—Ну, а если я самъ буду драться?

— Тогда я не отстану отъ тебя.

— Очень хорошо, да будутъ эти слова святы и въ подтвержденіе ихъ скушай кусочекъ моего хлѣба. Сказавъ это, Селимъ гирей подалъ мнѣ сыру и хлѣба. Часъ спустя всѣ туманъ-баши были уже верхами и по мановеніямъ ихъ плетей вмигъ сформировались отряды, а я прибылъ къ повелителю моему, сидѣвшему уже на лошади и окруженному калгою, нурединомъ и другими сановниками ханства.—Ну, Кечимъ—сказалъ ханъ—мы обѣщали другъ другу быть впереди—исполняй же обязательство свое. Я не замедлилъ выѣхать впередъ и все двинулось за нами. Въ тотъ же вечеръ не успѣли мы покончить вечерней молитвы, какъ одинъ изъ соглядатаевъ, прискакавшій что было мочи, доложилъ Селимъ-гирею, что *касаны* **) показались въ несмѣтномъ количествѣ въ трехъ часовомъ разстояніи отсюда. Ханъ пригласилъ всѣхъ военоначальниковъ и отдалъ приказанія раздвинуть войско по сторонамъ съ тѣмъ, чтобы на мѣстѣ стоянки оставить костры, телѣги и запасныхъ лошадей, которыя должны по наступленіи непріятеля немедленно сняться и показать видъ отступленія. „Тѣмъ временемъ мы бросимся на гяуровъ съ боковъ, зайдемъ имъ въ тылъ и однимъ взмахомъ порѣшимъ дѣло“. Выслушавъ молча всѣ мельчайшія подробности приказанія, Ширинскій-бей началъ упрашивать Селимъ-гирея перейти въ безопасное мѣсто, но онъ, указавъ на меня, отвѣчалъ: — видишь ли ты этого джигита, онъ обязалъ меня клятвою

*) Вяленое въ дыму и на солнцѣ мясо.

**) Такъ называли Ногайцы великоруссовъ. Слово это происходитъ отъ татарскаго *касачи*: рѣзникъ. Нынѣ оно перешачено нами въ слово *казакъ*.

на хлѣбѣ дѣйствовать такъ, какъ онъ будетъ дѣйствовать. Теперь я положительно нахожусь въ его власти. Если онъ согласится отступить, то и я отступлю. Грозный бей взглянулъ на меня такъ выразительно, что, не дожидая его яснаго вопроса, я отвѣчалъ, что не намѣренъ укрываться отъ битвы.—Но чрезъ тебя войско можетъ лишиться своего солнца? сказалъ онъ повелительнымъ голосомъ.

— Солнце властно отступить, куда ему заблагоразсудится—отвѣчалъ я, но звѣзды должны слѣдовать своею дорогою.

Могущественный бей, видя, что съ ногайцами нельзя шутить, оставилъ насъ въ покоѣ и мы присоединились къ отряду Нуредина. Около полуночи насъ извѣстили, что касаны заняли нашу стоянку. — Ну, теперь время начать дѣло—сказалъ Селимъ, около котораго находились всѣ начальники — гяуры, навѣрно, не знаютъ, что мы вышли къ нимъ на встрѣчу и расположились по сторонамъ. Подай мнѣ, Кечимъ, лошадь и гайда впередъ!

До настоящаго времени мы ѣздили шагомъ, чтобы не утомить ни себя, ни лошадей, но теперь понеслись рысью по высокимъ травамъ. Ночь была безъ луны, но не смотря на это мы замѣтили гяуровъ, расположившихся на отдыхъ, а вдали черное облако нашихъ джигитовъ, которые одновременно съ нами тронулись съ мѣста. Ханъ приказалъ ѣхать скорѣе. Урусы очнулись, но прежде чѣмъ они успѣли выстроиться и повернуть свои пушки, мы наскочили на нихъ съ двухъ сторонъ и началась ужасная битва. Къ намъ подоспѣли и отступившіе за обозами. Битва не прекращалась до того времени, пока мы не столкнулись носомъ къ носу съ своими и пока представлялась возможность ѣздить по полю. При разсвѣтѣ же мы убѣдились, что всѣ оставшіеся въ живыхъ гяуры разбѣжались по различнымъ направленіямъ и оставили намъ безчисленное множество оружія, пушекъ съ лошадьми и всѣ свои снаряды съ провіантомъ.

— Это не дурно—сказалъ Селимъ-гирей, получившій рану въ ногу, когда осмотрѣлъ все поле битвы—но не слѣдуетъ позволять врагамъ уйти изъ нашихъ рукъ. Не

желаешь ли ты, Кечимъ, набрать себѣ ясыровъ? обратился онъ ко мнѣ. Если желаешь, то набери себѣ товарищей и ступай въ погоню. Пѣшіе касапы и вдобавокъ утомленные, навѣрно, не далеко ушли отъ насъ.

Получивъ это разрѣшеніе, я въ нѣсколько минутъ набралъ около сотни товарищей и понесся на сѣверъ. Ханъ сказалъ правду, потому что намъ удалось нахватать столько гяуровъ, сколько показалось достаточнымъ. Такое же позволеніе получили и другіе ратники, но они были не такъ счастливы, потому что урусы успѣли сомкнуться и занять сильную позицію.

— Ну, что, довольно ли намъ на первый разъ? спросилъ ханъ.

— Довольно — отвѣчалъ Ширинлы-бей — мы спасли отечество и пріобрѣли богатство. Чего еще желать?

— Да будетъ по твоему, но съ тѣмъ условіемъ, что на будущій годъ мы врѣжемся въ глубину Россіи. Я хочу заставить ее платить мнѣ полностію гарачь, иначе мы не сможемъ существовать.

Въ тотъ же день, послѣ продолжительнаго отдыха, мы возвратились домой, занимая вдвое болѣе пространства земли: до того было много доставшейся намъ добычи. У Кызлы-яра, т. е. на этомъ мѣстѣ, гдѣ мы находимся теперь, Селимъ-гирей приказалъ остановиться, чтобы выдать ногайцамъ ихъ долю добычи. Не знаю, какъ другіе, но я былъ въ восторгѣ отъ пая моего, потому что кромѣ 10 ясыровъ и кое-чего изъ оружія, съѣстнаго и одной лошади, ханъ подарилъ мнѣ телѣгу свою и кошелекъ съ піастрами. Но всего пріятнѣе было для меня, что онъ обѣщалъ всегда во время войны держать меня около себя. Когда я возвратился въ орду, ко мнѣ сейчасъ же явились покупщики на плѣнныхъ. Я продалъ 9, но десятаго, у котораго была очень красивая наружность, я оставилъ для домашнихъ услугъ. Въ это время умерла моя мать и невѣста и поневолѣ приходилось жениться. Пока я высматривалъ себѣ дѣвку, мой ясырь, котораго я назвалъ Берекетомъ и предоставилъ неограниченное право распоряжаться всѣмъ хозяйствомъ—оказался дѣвкою.

— Что ты старикъ съума сошелъ? вскрикнулъ Бузбекъ.

— Билляги правда—отвѣчалъ онъ.

— Какимъ же ты образомъ сдѣлалъ это открытіе, если она одѣвалась по мужески? спросилъ Селяметъ.

— Я хотѣлъ просто приласкать моего слугу въ то время, когда онъ спалъ.

— И конечно, приласкалъ послѣ неожиданнаго открытія.

— Напротивъ, она чуть не выцарапала мнѣ глаза.

— И ты, конечно, струсилъ? дразнилъ Бузбекъ.

— Ну, нѣтъ я распласталъ ее на землѣ и прикрѣпилъ ея голову, руки и ноги къ колышкамъ и держалъ въ такомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока она не смирилась предъ господиномъ своимъ и не рѣшилась одѣться въ женскій нарядъ.

— Чтожъ потомъ?

— Потомъ она дура утопилась въ рѣкѣ, видно не забыла жениха своего, за которымъ послѣдовала на войну.

— А что стало съ Селимъ-ханомъ—спросилъ Джанъ-Булатъ—и правда ли, что Ногайцы въ четвертый разъ возвели его на престолъ?

— Да, турецкій султанъ изъ зависти задумалъ было вновь замѣнить его Сафа-гиреемъ, но мы всѣ поднялись на ноги и заставили Турцію возвратить наше свѣтило. Послѣ этого прославленный Селимъ-гирей оказалъ такъ много услугъ врагамъ своимъ, что янычаре, пораженные его подвигами, провозгласили его турецкимъ султаномъ въ предположеніи присоединить къ царству своему и наше ханство. Гирей отказался отъ этой чести и выигралъ болѣе, потому что съ этого времени султанъ не иначе называлъ его, какъ отцомъ своимъ и обращался съ нимъ съ почтеніемъ. Достигнувъ этой почести, хану ничего болѣе не оставалось, какъ передать права свои старшему сыну своему Девлетъ-гирею и уѣхать на поклоненіе въ священную Кябэ *). Вотъ какіе были въ мое время ханы и какими являлись Ногайцы?

Кечимъ, утомленный рѣчью своею, выпилъ еще чашку кумыса и, пожелавъ доброй ночи сераскирамъ, потянулся къ своей кибиткѣ, откуда раздавались звуки нѣсколькихъ наступьихъ дудокъ.

---

*) Такъ назыв. татаре Каабу въ Меккѣ.

На слѣдующій день хойма-ханы приложили свои печати къ многочисленнымъ приглашеніямъ по случаю сюнетъ-тоя съ полнымъ убѣжденіемъ, что какъ бы ни были велики ихъ расходы на пиршество, они должны покрыться подарками.

— Теперь намъ предстоитъ выбрать *кадака* или распорядителя пира—заявилъ Бузбекъ. Затѣмъ самаго искуснѣйшаго мастера по приготовленію кумыса съ тѣмъ, чтобы всѣ владѣльцы дойныхъ кобылъ въ теченіи недѣли приносили свое молоко въ пользу гостей.

— А на какой манеръ ты желалъ бы приготовить хамаузъ? спросилъ Джанъ-Булатъ.

— Это для меня безразлично: всякій хамаузъ хорошъ, когда онъ крѣпокъ.

— Конечно, это главное его достоинство, но мнѣ кажется, что мы для болѣе достойныхъ гостей должны его приготовить самымъ лучшимъ способомъ.

— Если ты скажешь какимъ, то я исполню твое желаніе.

— Для меня его обыкновенно приготовляютъ слѣдующимъ образомъ—сказалъ Джанъ-Булатъ—въ процѣженное молоко кладутъ немного зеренъ ячменныхъ и кислаго молока, какъ дрожжей, затѣмъ вкладываютъ мѣшочекъ съ пахучими кореньями и настаиваютъ въ продолженіи 10 или 12 дней.

Пока хойма-ханы занимались подготовленіями къ празднику обрѣзанія, чтобы удивить всѣхъ единовѣрцевъ своихъ, посмотримъ, куда направился Бурлай, этотъ ничтожный ясыръ, проданный на смерть за нѣсколько десятковъ піастровъ. Бурлай былъ запорожскій казакъ самаго отважнаго характера, пользующійся огромнымъ вліяніемъ въ сѣчи. Необыкновенная ловкость и сила была его важными достоинствами. Онъ не разъ проникалъ въ Стамбулъ въ качествѣ шпіона и пропивалъ съ товарищами заработанныя деньги, не разъ участвовалъ въ набѣгахъ на ногайскія орды, не разъ бывалъ страшнымъ пиратомъ на Черномъ морѣ, проходя подъ турецкими и татарскими наблюдательными пунктами и все, что пріобрѣталъ, всѣмъ дѣлился съ добрыми товарищами, которые именовали его своимъ атаманомъ и готовы

были по его слову проникнуть въ адъ. Но вотъ ужъ много лѣтъ, какъ по этомъ другѣ чуть-ли не вся сѣчь тихонько вздыхала и молилась объ упокоеніи души. Всѣмъ казалось, что эта бѣшеная башка сложила свои кости гдѣ-нибудь въ нѣдрахъ морскихъ, потому что не было о немъ никакой вѣсточки. Между тѣмъ Бурлай съ десятью товарищами по дорогѣ къ Азову, напившись мертвецки пьянымъ, во время крѣпкаго сна, попалъ въ плѣнъ къ нѣсколькимъ Ногайцамъ, которые крѣпко перевязали его и погнали въ ясырство. Дорогою ему удалось было бѣжать съ двумя товарищами, но злодѣи, убивъ на поваль послѣднихъ, ранили его въ ногу и вновь захватили. Съ этого времени бѣднягу сковали цѣпями, а женщины, которыя слышали о подвигахъ Бурлая, не подозрѣвая въ немъ самомъ этого чудовища, окрестили его именемъ этого разбойника. Раненый Бурлай семь лѣтъ страдалъ отъ раны, которая мучила его и лишила возможности думать о побѣгѣ, но въ послѣднее время, благодаря собакамъ, которыя лизали его, и состраданію молодой Эмине, давшей ему какое-то лекарство, рана совершенно закрылась и страдальцы задумали побѣгъ въ то время, когда начнется празднество и всѣ будутъ заняты развлеченіемъ. Но къ несчастію надо было явиться Селиму и перестрѣлять несчастныхъ товарищей, такъ долго и терпѣливо сносившихъ свое рабство ради дружбы къ Бурлаю, который, оставшись въ живыхъ, не былъ въ состояніи ничѣмъ отблагодарить тѣхъ, которые ради его не хотѣли бѣжать раньше.

Въ Бурлая стрѣла попала не въ лобъ, какъ показалось всѣмъ зрителямъ, а въ густую массу волосъ, но чтобы не сдѣлаться вторично мишенью, онъ упалъ и представился убитымъ.

Тоже самое сдѣлали и два другіе товарища его, но какъ только настала ночь и всѣ заснули въ ордѣ, они поднялись, завладѣли мурзацкими лошадьми и скрылись въ степи. По дорогѣ они наскочили на двухъ спящихъ джигитовъ, завладѣли ихъ оружіемъ, а затѣмъ и одеждою; но когда въ одномъ изъ нихъ Бурлай узналъ сына своего жестокаго хозяина и вдобавокъ того самаго, по милости котораго болѣе семи лѣтъ страдалъ ногою и

не могъ думать о побѣгѣ, онъ пронзилъ его копьемъ, приказавъ товарищу отвезти трупъ къ Буранъ-хазію въ знакъ благодарности за смерть пятерыхъ ясыровъ.

Послѣ этого бѣглецы свернули въ сторону и благодаря своимъ ногайскимъ шапкамъ и одеждѣ, свободно добрались до Днѣпра и избѣгли опасности.

Появленіе Бурлая въ Сѣчи въ татарскомъ нарядѣ произвело всеобщее удивленіе.

— Ты-ли это Бурлашко? вскрикивали съ слезами на глазахъ добрые товарищи.

— Я друзья и братья мои, я вашъ Бурлашко, измученный погаными басурманами. Совсѣмъ изнурили супостаты въ ясырлыкѣ. Одна надежда на васъ, родные!

— Не тужи, съумѣемъ постоять за вѣру и товарищей. Всѣ пойдемъ на месть кровавую. Не тужи, баста горевать! отвѣчали земляки. Послѣ этого друзья троекратно поцѣловались и пошла чарка по рукамъ. Забытый вкусъ отраднаго вина вновь оживилъ мододца и и тутъ-же полилась изъ устъ его длинная рѣчь, при концѣ которой всѣ до послѣдняго гаркнули:

— Идемъ, идемъ на мучителя и не пощадимъ триклятаго супостата!

IV.

Былъ жаркій іюльскій день. Керимъ-гирей ханъ или просто Крымъ-гирей, какъ именовали его всѣ, сидѣлъ. поджавши ноги, въ высокой Соколиной башнѣ въ гаремномъ саду и смотрѣлъ на Бахчисарай. казавшійся ему лучшимъ уголкомъ во всей вселенной. „Какое благо родиться человѣкомъ—думалъ онъ—но какъ непріятно дожить до той минуты, когда начнешь сознавать ослабленіе въ желаніяхъ, нѣкогда восхищающихъ душу! Отчего мнѣ ханство не далось съ первыхъ дней молодости? Чего-бы я ни сдѣлалъ въ этомъ городѣ и окрестностяхъ его, еслибъ царствованіе мое началось съ 25 лѣтняго возраста? Но, увы предо мною насмѣшливая судьба вывалила всѣ лакомства земли въ то время, когда ослабли душевныя силы. Теперь мнѣ 42 года. Правда я еще силенъ, но все не то, что было прежде, а что будетъ чрезъ десять лѣтъ? Этотъ умный френкъ *ве-*

киль *) не разъ мнѣ говорилъ, что послѣ 70 лѣтъ не слѣдуетъ жить для тѣлесныхъ удововольствій, а необходимо искать духовныхъ наслажденій. Неужели-же это правда?"

Въ эту минуту въ башенную комнату вошла казнедарша или главная распорядительница всѣхъ 73 комнатъ ханскаго гарема, замѣнявшая особу валиде султанъ, такъ-какъ у хана не было матери. Это была пожилая съ строгими чертами лица женщина, пользующаяся неограниченными правами въ хозяйственномъ и дисциплинарномъ отношеніи и всѣ требованія которой должны были исполняться помимо воли хана. Къ ней не смѣла ни одна женщина въ ханствѣ представляться въ нарядной одеждѣ и строго воспрещалось садиться въ присутствіи ея даже ближайшимъ фавориткамъ гирея. Никакая игра или общее развлеченіе не допускалось безъ предварительнаго разрѣшенія ея. Кромѣ всего этого она пользовалась наравнѣ съ матерью хана правомъ посылать своего гонца къ тѣмъ царямъ и народамъ, которые обязаны были присылать дань и подарки правителямъ ханства. Словомъ это была распорядительница, отъ прихоти которой зависѣли почести, фирманы и вдобавокъ удовольствія владыки, такъ-какъ отъ нея зависѣлъ выборъ наложницъ, обученіе ихъ и доставка къ порогу его свѣтлости.

— Угодно-ли моему эфендію фелиджанъ, сладкаго кофе? спросила она.

— Пожалуй, пришли, Ава тотай-ханымъ. Турки гововорятъ, что кофе придаетъ кейфъ сердцу.

— Я пришлю его съ вновь присланною тебѣ въ подарокъ черкешенкою. Она хороша, какъ сочный персикъ! старуха поцѣловала кончики своихъ пальцевъ.

— Ты дѣлаешься, добрая женщина, очень внимательной ко мнѣ. Это напоминаетъ мнѣ то печальное время, когда ты употребляла всѣ средства расположить ко мнѣ народъ.

— Я чувствовала, что ты съумѣешь оцѣнить меня.

---

*) Французскій посланникъ или довѣренный. При Керимѣ-гиреѣ состоялъ посланникомъ баронъ Тоттъ.

— Спасибо, спасибо.

Распорядительница вышла. Керимъ-гирей ханъ, не смотря на свои серіозныя лѣта и толщу кадыновъ, отъ которыхъ имѣлъ плоды любви и десятки фаворитокъ, ласкавшихся около него съ наивностію рѣзвыхъ дѣтей при мысли, что сейчасъ представится предъ нимъ живой ароматическій персикъ, пригладилъ свою бороду, поправилъ усы, и прилегъ на софѣ.

Нѣсколько минутъ спустя послышалось легкое пришлепываніе терликовъ, одѣваемыхъ на легкіе сафьяновые башмачки, разшитые золочеными нитками, и предъ ханомъ съ опущенными внизъ глазами показалась стройная дѣвушка съ длинными тончайшими косками, падающими ниже колѣнъ. Она имѣла на головѣ невысокій красный фесъ, пересѣченный крестообразно широкимъ золотымъ позументомъ, а надъ лбомъ болѣе сотни мельчайшихъ золотыхъ блестокъ; грудь ея прикрыта была голубымъ атласнымъ нагрудникомъ, а розовый кафтанъ перетянутъ у тальи широкимъ бархатнымъ кушакомъ съ большими серебряными бляхами. Ниже кафтана спускались желтые шелковые штаны, обрамленные у щиколки краями бѣлой сорочки.

Лицо ея сіяло свѣжестью и здоровьемъ и всѣ черты были до такой степени правильны и нѣжны, что Крымъ-гирей встрепенулся, точно духъ юности коснулся его нервовъ.

— Неси, неси, дочь моя— сказалъ ханъ протягивая руку къ подносику, на которомъ стояла фарфоровая чашечка и небольшой кофейникъ. Поставь все это на табуретъ и сама разлей. Мнѣ хочется, чтобы ты посидѣла со мною и разсказала, откуда ты и кто твои родители?

Дѣвушка молча повиновалась и подала повелителю фелиджанъ.

— Сегодня кофе пахнетъ гвоздикою—сказалъ гирей, улыбаясь.— Ну, присядь, дитя, и отвѣчай на мой вопросъ.

— Развѣ тебѣ можетъ интересовать мѣсто моего рожденія и мои родители? отвѣчала она. Не довольно-ли тебѣ того, что я рабыня и собственность ханскаго гарема?

— Нѣтъ, мнѣ хочется знать, гдѣ рождается такая фрукта, какъ ты, и отъ какого рода растеній?

— Я дочь Талышинскаго племени изъ Курдистана— отвѣчала дѣвушка.

— Ты Курдистанка? вскрикнулъ гирей—я съ юности слышалъ разсказы о красотѣ вашихъ женщинъ, но никогда не могъ ихъ видѣть. Придвинься-же ко мнѣ поближе.

— Родители мои были кочевники, продолжала она, но какъ я попала въ число невольницъ къ армянскимъ купцамъ, этого не знаю. Мнѣ извѣстно только, что вечеромъ я была около матери и братьевъ, а утромъ очутилась на чужой телегѣ.

— И ты не скорбишь о своихъ?

— Сначала я тосковала, но впослѣдствіи, когда убѣдилась, что была продана за деньги, начала негодовать, а теперь совершенно равнодушна.

Ханъ положилъ къ ней на плечо руку, но въ эту минуту вошла Ава-тотай-ханымъ и прелестная дѣвушка поспѣшила встать съ мѣста.

— Твой сынъ Селимъ султанъ возвратился отъ ногайцевъ—сказала она, и приказалъ Кизляръ-агѣ *) сообщить мнѣ, что желаетъ видѣть тебя. Затѣмъ она сдѣлала знакъ дѣвушкѣ собрать посуду и удалиться.

Крымъ-гирей, пристально осмотрѣвъ станъ Курдистанки, далъ понять казнедаршѣ, что сегодня онъ посѣтитъ гаремъ. Сказавъ это, ханъ поднялся и съ припѣвомъ началъ спускаться съ безчисленнаго множества ступеней, ведущихъ по стѣнамъ Соколиной башни, которая на вершинѣ представляла одну только большую комнату съ рѣшетчатыми боками. Шумъ шаговъ его въ этой громадной пустотѣ переливался какимъ-то музыкальнымъ эхомъ и всегда почти заставлялъ думать властителя, почему его терлики издавали здѣсь только подобные звуки.

---

*) Кизляръ или правильнѣе Хызларъ агасы (т. е. начальникъ дѣвушекъ) былъ изъ разряда евнуховъ или хадуновъ (отъ слова хатынъ т. е. женщина). Онъ былъ чѣмъ-то въ родѣ камергера и переговорщика между Валиде и сераломъ. Играя важную роль при ханахъ, они были въ тоже время очень выгодны, потому что все состояніе ихъ послѣ смерти дѣлалось достояніемъ гиреевъ.

Изъ гаремнаго дворика ханъ перешолъ на узкую лѣстницу и оттуда вошелъ въ свой селямликъ или стамбульскую оду, гдѣ принималъ обыкновенно только членовъ своего семейства. Комната эта называлась Константинопольскою только потому, что на всѣхъ стѣнахъ ея и на потолкѣ изображены были виды Босфора тѣми архитекторами и художниками, которые присланы были султаномъ послѣ несчастья, постигшаго въ 1736 году Бахчисарай и дворецъ отъ нашествія русскихъ. Вся эта комната установлена была софами, драпированными оранжевымъ сукномъ, а полъ устланъ мягкими камышовыми рогожками.

— Съ пріѣздомъ, сынъ мой — сказалъ гирей, когда Селимъ приложился устами къ его рукѣ. Ну, что ты привезъ мнѣ отъ нашихъ дикихъ друзей?

— Много поклоновъ и много хорошихъ обѣщаній. Они очень расположены къ тебѣ и желаютъ лично привезти свой даръ.

— Это пріятно слышать въ особенности въ настоящее время, когда Ширинскій бей кляузничаетъ султану и добивается свергнуть меня съ престола. Когда-же пріѣдутъ сераскиры?

— У нихъ въ настоящее время подготовляется сюнетъ-той. Слѣдовательно, не раньше трехъ или четырехъ недѣль. На этотъ праздникъ они собираются пригласить всѣхъ мурзъ и беевъ ханства за исключеніемъ турецкихъ властей, находящихся въ Крыму. Они просили и меня, но я отвѣчалъ, что это не зависитъ отъ моей воли.

— Ты долженъ поѣхать, Селимъ. Этотъ народъ для насъ важнѣе всѣхъ татаръ и черкесовъ вопервыхъ числомъ джигитовъ, добровольно идущихъ въ бой и наконецъ тѣмъ вліяніемъ, которымъ пользуются въ глазахъ Турціи.

— Если ты желаешь этого, я охотно поѣду пить ихъ бузу, которую они отлично приготовляютъ, потому что послѣ всякой чашки является пріятная отрыжка.

— Буза полезный и безгрѣшный напитокъ—отвѣтилъ ханъ. Ну, а что ты замѣтилъ въ Оръ-капу и армянскомъ базарѣ?

— Все благополучно, въ нихъ выстроена уже 11-я мечеть, а въ послѣднемъ идетъ большая торговля шерстью и овчинами.

— А смотрѣлъ-ли ты ровъ?

— Я доѣхалъ до конца его у Су-акъ *) и нашелъ въ исправномъ состояніи. Видно Орцы ужасно напуганы послѣднимъ нашествіемъ касаповъ и сдѣлались осмотрительными.

— Еще-бы! я право удивляюсь, какъ Московы не заняли ханства навсегда. Но если удача эта вновь повторится, то мы сдѣлаемся рабами у прежнихъ своихъ рабовъ. Помни слова мои, сынъ мой, если судьба пожелаетъ сдѣлать тебя ханомъ.

Не успѣлъ Керимъ-гирей покончить разговора съ сыномъ, какъ *хану агасы* **) доложилъ свѣтлѣйшему владыкѣ своему, что прибылъ изъ Евпаторіи гонецъ съ извѣстіемъ о благополучномъ пожалованіи изъ Стамбула посланника отъ всемогущаго султана Мустафы.

Лицо хана измѣнилось и руки какъ-то машинально поднялись къ бородѣ.

— Ты не узналъ имени посла? спросилъ онъ послѣ минутнаго раздумія.

— Его называлъ *мужедежи* ***) Джинъ бей.

— Это не особенно благозвучное имя означаетъ князя злыхъ духовъ. Я никогда не слышалъ въ Турціи такой фамиліи. Ужъ не колдунъ-ли онъ султана? А неизвѣсто-ли посланному цѣли пріѣзда этого бея?

— Я допрашивалъ, но ему ничего неизвѣстно.

— Прикажи казнедаръ-агѣ выдать гонцу двойную награду съ тѣмъ, чтобы онъ поусерднѣе помолился Аллаху за наше благоденствіе, и отпусти его съ пожеланіемъ здоровья.

Когда вышли всѣ изъ комнаты, гирей прилегъ къ окну и задумался. „Опять посланный—вертѣлось у него на умѣ—опять, вѣроятно, тронъ дѣдовъ моихъ обѣщанъ кому-нибудь другому по проискамъ турецкихъ визирей или Ширинскихъ. О эти визири, еслибъ я властенъ

*) Рукавъ Сиваша.
**) Начальникъ входа.
***) Приносящій извѣстіе.

былъ однажды въ годъ рубить одному изъ нихъ голову! Видно, подарки вновь вскружили имъ головы? Но развѣ я мало высылалъ имъ? Я дошелъ по милости ихъ до того, что не имѣю лишней перемѣны одежды и средствъ расплатиться съ долгами. Къ этому проклятые Московы и Ляхи зазнались до того, что съ насъ, пожалуй, потребуютъ гарачъ; а отъ Ногайцевъ и Черкесовъ такія ничтожныя поступленія, что еле хватаетъ на расходы по сералю. Внутренность Крыма опустошена этимъ дьяволомъ Мюнихомъ (графъ Минихъ) и нескоро еще народъ оправится. Я не могу даже закончить моей загородной дачи. Каково быть могущественнымъ ханомъ, властителемъ массы народовъ, наслѣдникомъ непобѣдимаго Чингизъ-хана и кромѣ бѣдности быть въ зависимости отъ презрѣнныхъ турокъ. О Менгли-гирей, какъ ты могъ согласиться отдать себя и потомковъ своихъ во власть меньшимъ братьямъ и рабамъ ихъ!

Ханъ застучалъ въ ладоши и приказалъ охранителю порога, чтобы немедленно отправленъ былъ нарочный въ Кафскій кадылыкъ въ деревню Олмачикъ за медомъ, который отправлялся въ видѣ подати калифу, а втораго гонца въ дер. Кокъ-козъ за зелеными восковыми свѣчами, приготовляемыми съ особеннымъ искусствомъ этими горцами, ведущими происхожденіе отъ Дженевезовъ. Свѣчи эти въ числѣ двухъ сотенъ также принято было отправлять ежегодно къ калифу для передачи въ султанскія мечети.

— Все это надо будетъ приготовить къ времени отъѣзда посланника—прибавилъ гирей. Кромѣ этого пошли за Иванесъ-сарафомъ, который мнѣ нуженъ.

Отдавъ эти приказанія, гирей прикрылъ глаза и спокойно заснулъ.

Два часа спустя армянинъ Иванесъ, занимавшійся банкирскими операціями въ Бахчисараѣ, явившись въ сераль и узнавъ, что повелитель почіетъ, предался тому-же кейфу въ одной изъ сосѣднихъ служительскихъ комнатъ; но увы, бѣдняга не могъ заснуть въ предчувствіи, что повелитель нуждается въ его деньгахъ, которыхъ до этого перебралъ уже очень много. Отказать-же на-отрѣзъ не приходилось, потому что все состояніе

пріобрѣтено было имъ милостями хана и при томъ онъ дорожилъ тѣмъ, что гиреи всегда снисходительно относились къ армянамъ со времени появленія ихъ въ Крыму, а появленіе это было почти одновременно господству первыхъ *). Только въ полдневный изанъ армянинъ введенъ былъ къ Крымъ-гирею.

— Здравствуй, Иванесъ челеби—сказалъ повелитель. Здоровъ-ли ты и твоя семья?

Банкиръ поцѣловалъ полу ханской одежды и объявилъ, что всѣ домашніе его день и ночь молятся о здравіи и благоденствіи его свѣтлости.

— Спасибо, спасибо. Я все придумываю, чѣмъ-бы наградить сыновей твоихъ, которые заслужили нашу любовь.

— Султанымъ они пока нуждаются въ заботахъ матери. Ты оказалъ-бы мнѣ большое благо, еслибъ приказалъ не брать съ меня гомрюка (пошлины) за вывозимую соль изъ твоихъ владѣній. Хотя этотъ налогъ не особенно обременителенъ для моего кисста, но мнѣ не пріятно, чтобы поступали со мною откупщики, какъ съ простымъ гяуромъ.

— Я охотно уважу твою просьбу, если ты въ свою очередь окажешь мнѣ снисхожденіе. Видишь-ли, я ожидаю завтра турецкаго посланника, котораго принято выпроваживать изъ Крыма съ различнаго рода цѣнными подарками. Султану я имѣю, что послать, но ты знаешь вѣроятно, алчность его визирей, которымъ нужно золото и серебро. У меня-же къ несчастію, въ настоящее время нѣтъ ничего.

— А какъ много тебѣ понадобится денегъ?

— По крайней мѣрѣ пять тысячъ юзлюковъ.

— Это большая сумма, султанымъ.

— Большая или нѣтъ, но ты долженъ мнѣ принести

---

*) Армяне, безъ сомнѣнія, слѣдовали за татарами и ногайцами въ качествѣ купцовъ. Этотъ торговый народъ въ 13 вѣкѣ уже былъ извѣстенъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи за богатыхъ купцовъ. Князь Владимірскій Левъ Даніиловичъ первый пригласилъ ихъ въ г. Львовъ изъ Подоліи Южной Руси, и также и съ востока.

Въ западной Россіи до настоящаго времени есть части городовъ или урочища, которыя, именуясь Ормінами, свидѣтельствуютъ о томъ, что этотъ народъ изъ интересовъ презиралъ всѣ невзгоды и опасности.

ее и получишь отъ казнедара право на взысканіе съ раевъ или другихъ государственныхъ доходовъ долги мои съ процентами по 20 на сто.

— Едвали, государь, мои единовѣрцы согласятся за такіе ничтожные проценты разставаться съ своимъ капиталомъ. Въ настоящее время самый плохой купецъ можетъ пріобрѣсти на 100 юзлюковъ въ мѣсяцъ 50%.

— Ты повергаешь меня въ колодезъ отчаянія.

— Представители власти Чингисъ-хана могутъ заставить вселенную принести имъ дары свои.

— Это благадатное время давно ужъ миновало. То, что сдѣлалъ Менгли-гирей и что испытали татаре отъ двукратнаго нашествія Русскихъ—на цѣлое столѣтіе сломило наши силы. Надо много чрезвычайныхъ усилій и особеннаго счастія, чтобы заставить Москова и Ляховъ снова бояться насъ. Конечно, я употреблю всѣ усилія, чтобы съ помощію турковъ поправить мое положеніе, но удастся ли мнѣ это? Къ несчастію Крымскіе ханы исключительно зависятъ отъ султана, его визирей и нашихъ мурзъ. Надо всѣмъ имъ угодить, а это не всякій можетъ сдѣлать. Кто знаетъ, напримѣръ, зачѣмъ теперь пріѣхалъ въ Гезлевъ какой-то Джинъ-бей. Можетъ быть съ какими-нибудь придирками, обвиненіями, требованіями, которыхъ я не въ состояніи буду выполнить.

— Тебѣ любимцу Ногайцевъ и большинства беевъ, мнѣ кажется не приходится особенно дорожить вниманіемъ Турціи.

— Ни я, ни отцы мои никогда не были твердо убѣждены въ своихъ подданныхъ, въ противномъ случаѣ Крымъ гирей не былъ бы въ зависимости отъ султана. Но объ этомъ мы поговоримъ въ другое время, а теперь ты иди къ казнедару и переговори съ нимъ окончательно. Я не стою за процентами, лишь бы достать деньги.

Банкиръ пожелалъ падишаху тысячелѣтія, скромно выступилъ изъ Сераля, но, вмѣсто того, чтобы направиться къ казнедаръ-агѣ, отправился домой и. не медля ни минуты послалъ нарочнаго въ Евпаторію, чтобы поразвѣдать, съ какими инструкціями прибылъ изъ Стамбула Джинъ-бей.

Тѣмъ временемъ Крымъ-гирей, совершивъ полдневный

намазъ въ придворной мечети за рѣшоткою, скрывавшею его отъ лица публики, потребовалъ завтракъ, послѣ котораго направился въ отдѣленіе гарема. Молодая курдистанка занимала его мысли гораздо сильнѣе, чѣмъ ненавистное посольство изъ Стамбула.

Чтобы ознакомить читателя съ гаремнымъ отдѣленіемъ Керимъ-гирея и его обстановкою во время этого расточительнаго хана, мы должны нѣсколько распространиться.

Гаремный дворъ, усаженный деревьями, розовыми кустами и другаго рода цвѣтами, огражденъ былъ со всѣхъ сторонъ каменною стѣною, имѣвшею около 3½ сажень въ вышину. Внутри его находилась высокая деревянная башня, названная „Соколиною", построенная спеціально для того, чтобы молодыя женщины могли любоваться отсюда городомъ и окрестностями и вообще забавляться всѣми дозволенными играми. Кромѣ башни въ саду воздвигнута была обширная стеклянная бесѣдка съ продольными софами по стѣнамъ, въ центрѣ которой находился фонтанъ съ овальнымъ резервуаромъ, выбрасывающій хрустальныя струи водъ въ видѣ тончайшихъ нитей. Надъ дверьми этого павильона большими фигурными буквами написано было слѣдующее: „О, отворяющій двери, отвори намъ наилучшую дверь!"

За бесѣдкою слѣдовало много комнатъ съ длиннымъ рѣшетчатымъ балкономъ, завитымъ виноградными лозами. Въ лучшей изъ нихъ помѣщалась казнедарша или валиде султанъ, въ послѣдующихъ обычныя жены или хатыны, фаворитки или *гоздеки* *) и запасныя красавицы. Затѣмъ въ нижнемъ этажѣ размѣщались прислужницы и рабыни, подраздѣляющіяся на кухарокъ, варящихъ кофе, истопницъ, банщицъ, прачекъ, судомоекъ, пѣвицъ, музыкантъ, танцовщицъ и т. п.

Мы сказали, что послѣдующими по старшинству въ гаремѣ были жены хана, но это не будетъ справедливо въ соображеніи съ нашими понятіями о супружествѣ, такъ какъ ханъ высшее существо міра чрезвычайно унизилъ-бы себя, еслибъ предоставилъ женщинѣ право пользо-

*) То есть замѣченныя и удостоенныя счастія обратить на себя вниманіе.

ваться какими-либо гарантирующими ее правами. Она могла называться этимъ именемъ, когда дѣлалась матерью только потому, что ребенокъ называлъ хана отцомъ, но въ сущности это только мертвая ничтожная хранительница плода, простой кувшинъ, не имѣющій цѣны, но при всемъ томъ необходимый и сберегаемый какъ бы на память. Ихъ занятіе состоитъ въ воспитаніи дѣтей своихъ, при отрадной надеждѣ достигнуть власти валиде султанъ, украшаться, сплетничать, интриговать, слушать сказки, пѣть, браниться, посѣщать святыя мѣста (азизовъ), тратить деньги, дарить бездѣлушки и т. п. Та изъ нихъ, сынъ который взойдетъ на престолъ, естественно достигаетъ высшей почести и съ того же дня изгоняетъ изъ гарема всѣхъ враждебныхъ нѣкогда одалычекъ *). Исключенія бываютъ въ пользу дружбы, на случай же, если у нихъ имѣются дѣти, не достигшія совершеннолѣтія, то такихъ женъ помѣщали въ отдѣльные дома, не дозволяя имъ выхода замужъ. Власть валиде до того была велика, что она имѣла полное право наказывать женщинъ фалангою или ударами по пяткамъ, приказывать вставать съ ложа по первому звуку трещетки, идти на Соколиную башню не иначе, какъ съ дозволенія ея и наслаждаться танцами жарлика только по разрѣшенію ея.

Въ гаремѣ была обширная опочивальня хана и вмѣстѣ съ тѣмъ сборная комната для всѣхъ безъ исключенія хатынь, фаворитокъ и дѣвушекъ.

Вотъ въ эту комнату и направился Керимъ-гирей. Ава-Тотай ханымъ, зная заранѣе, что ханъ удостоитъ посѣщенія ея отдѣленіе, позаботилась, чтобы всѣ подвластныя ей женщины были въ нарядныхъ одеждахъ и чтобы на подносахъ стояли всевозможныя, мѣстныя и турецкія сласти и шербеты.

Встрѣтивъ повелителя своего у порога, она съ сладкою улыбкою отворила ему двери въ опочивальню и быстро удалилась въ свою комнату.

Гирей весело переступилъ порогъ и послалъ воздуш-

---

*) Отъ слова *ода* комната или отдѣльное помѣщеніе.

ный поцѣлуй всѣмъ женщинамъ, стоявшимъ въ линію съ опущенными глазами.

— Вы навѣрно сегодня не ожидали меня? сказалъ онъ, садясь.

— Мы всегда счастливы, когда видимъ наше благодатное солнце—отвѣчала старшая изъ женщинъ.

— А ну-ка, дочь Курдистана, угости меня шербетомъ!

Зарифе бойко выступила и, наливъ фарфоровую кружку сладкаго напитка, тихо и спокойно подала хану.

— Какой сегодня пріятный шербетъ. Не ты ли его приготовляла?

— Нѣтъ—прошептала она едва слышно.

— А, что именно ты дѣлала своими руками? мнѣ очень хочется попробовать чего-нибудь Курдистанскаго.

Молодая дѣвушка повернулась къ подносу и, взявъ съ него мѣдный *саганъ* *) съ какими-то печеніями, вновь возвратилась къ хану, который сейчасъ же отвѣдалъ поданное.

— О, какъ это вкусно! да ты просто усладила меня. За такую услугу я приказываю сегодня же отвести тебѣ отдѣльную оду съ положеннымъ штатомъ рабынь. Да услышатъ это и поймутъ всѣ тѣ, которымъ слѣдуетъ вѣдать.

— Султанымъ, въ гаремѣ не имѣется свободной оды—отвѣчала старшая изъ женщинъ—Зарифе придется подождать, пока будетъ вакансія. Притомъ она такъ еще молода и не опытна, что не въ состояніи будетъ содержать въ опрятности своего помѣщенія.

— Почему тебѣ это такъ кажется?

— Я по обязанности старшей наблюдаю за всѣми и мнѣ показалось, что она очень склонна прикрываться яапчею лѣни.

— Это хорошій знакъ для молодой дѣвушки, попавшей въ падишаху, у котораго есть достаточно служанокъ и рабынь, обязанныхъ наблюдать за порядкомъ въ комнатахъ.

— Она не спокойно спитъ по ночамъ и очень безпокоитъ дѣвушекъ, которыя помѣщаются съ нею.

---

*) Посуда въ видѣ салатника.

— Правда ли это, Курдистанка? спросилъ гирей.

— Можетъ быть и правда—отвѣчала она—я постоянно вижу во снѣ, что летаю по воздуху и падаю съ высоты.

— Ну, это и со мною случалось въ твои лѣта.

— Къ этому она никогда не улыбается и если сдѣлается самостоятельною въ гаремѣ, то всѣмъ остальнымъ придется положить головы на полку молчанія.

— А еще какіе ты замѣтила въ ней недостатки? спросилъ сердито Керимъ-гирей.

— Она любитъ приказывать даже старшимъ себя.

— Вѣроятно, тогда, когда онѣ дѣлаютъ также глупо, какъ ты теперь клевещешь на нее?

Сказавъ это, гирей вышелъ изъ комнаты и, подошедъ къ Авѣ-Тотай, ожидавшей его на балконѣ, приказалъ немедленно удалить изъ гарема завистницу, а оду ея передать въ распоряженіе Зарифе съ тѣмъ, чтобы она съумѣла бы принять его сегодня вечеромъ.

— А какъ поступить съ неосторожною? спросила Казнедарша.

— Поищи ей жениха и выдай замужъ. Пусть всѣ подарки достанутся ей въ приданное.

V.

Крымъ-гирей, пробужденный очень рано безпощаднымъ дребезжаніемъ трещетки, раздавшейся во дворѣ гарема, съ наслажденіемъ смотрѣлъ на безмятежно покоющуюся около него Курдистанку и еслибъ не ожиданіе этого проклятаго Джинъ-бея, возмущавшаго его покой, онъ навѣрно не вышелъ бы изъ оды до полудня.

Вошедъ въ любимый свой кабинетъ, ханъ, натолкнувшись на азчи-агу (или смотрителя за пищею) съ завтракомъ въ рукахъ, спросилъ, не приходилъ ли Иванесъ-сарафъ.

— Нѣтъ, никто еще не являлся въ дворецъ.

— А извѣстно ли тебѣ, что къ намъ ѣдетъ довѣренный султана и что на это время надо заказывать нѣсколько лишнихъ сортовъ кушеній и сладостей.

— Приказанія повелителя для меня святы—отвѣчалъ ага, поднявъ руку къ головѣ.

— Кромѣ этого надо приказать, чтобы музыканты и борцы не забывали, что я ихъ держу не ради того, чтобы они жирѣли, сидя на табуретѣ даровыхъ милостей падишаха.

— Слово ваше да будетъ мнѣ заповѣдью.

— Не забудь также откормить пѣтуховъ и барановъ для боя. Это нравится всѣмъ туркамъ; но при этомъ надо позаботиться, чтобы у рабовъ моихъ не видны были клейма; пора дать имъ новые шальвары, иначе всегда мнѣ становится и стыдно, и непріятно видѣть ихъ бродящими по двору.

Не успѣлъ ханъ заняться ѣдою, какъ вошолъ съ тазомъ и другими принадлежностями стрижки и бритья дворцовый цирульникъ Хасымъ эфенди. Это была очень важная особа въ ханствѣ, потому что стригла и облагораживала болѣе десяти властителей, которые одинаково благоволили къ нему. Всѣ визири ласкали его и присылали подарки къ байрамамъ во первыхъ изъ боязни, чтобы онъ не отбрилъ ихъ предъ повелителемъ и наконецъ въ убѣжденіи, что стригущій искусно царскую бороду, съумѣетъ остричь и подданныхъ его, если выразить желаніе захватить какую-нибудь власть.

— А, Хасымъ эфенди, ну что новаго въ Бахчисараѣ? спросилъ гирей.

— Все благополучно благодаря Аллаха и его пророка.

— А какъ идутъ твои дѣла въ Алма-сараѣ съ учителемъ гяуровъ.

— Къ несчастію, я долженъ былъ уступить ему клочекъ земли для постройки церкви, а теперь уже около этой церкви построилось нѣсколько десятковъ домиковъ.

— Прекрасно сдѣлалъ этотъ французскій *папазъ* *), что убрался изъ Бахчисарая. Хотя онъ и очень разумный собесѣдникъ и учитель, но намъ не кстати поощрять вѣры гяуровъ.

— Переселенію его мы преимущественно обязаны нашествію Московов, въ противномъ случаѣ они завели

---

*) Священникъ. Дѣло идетъ объ Іезуитахъ, прибывшихъ въ Крымъ въ началѣ XVII столѣтія.

бы здѣсь такое гнѣздо, котораго не легко-бы было разрушить—отвѣчалъ цирульникъ.

— А повѣсилъ ли онъ колокола въ своей церкви? спросилъ ханъ.

— Ему хотѣлось сдѣлать это, но я объявилъ, что не позволю такихъ дерзостей въ сосѣдствѣ моего *бейлика* *).

Читателю нашему необходимо узнать, что въ началѣ 17-го столѣтія въ Крымъ проникли изъ Константинополя іезуиты въ надеждѣ завербовать въ свои сѣти всѣхъ христіанъ, обитавшихъ въ этой странѣ, а при удачѣ ловить и татаръ. Основавшись въ Бахчисараѣ, они въ непродолжительномъ времени построили церковь, изучили мѣстныя нарѣчія, завели библіотеку и начали довольно успѣшно пропагандировать. Нѣтъ сомнѣнія, что успѣхи ихъ могли оказаться важными, еслибъ не явились въ 1736 году русскіе и не разгромили построекъ ихъ въ Бахчисараѣ. Съ этого времени дальновидные миссіонеры, убѣдившись, что имъ гораздо удобнѣе будетъ остаться подальше отъ столицы и большихъ городовъ, избрали для резиденціи своей мѣстность по рѣкѣ Алмѣ, гдѣ и построили обширное зданіе, получившее названіе Алма-сарай.

Въ это время во многихъ татарскихъ деревняхъ проживали массы невольниковъ различныхъ національностей и именно: русскіе, поляки, нѣмцы, венгерцы, трансильванцы, литвины, кроаты, сербы и другіе, одни обязанные трудиться безъ отдыха на своихъ господъ, другіе бродили въ качествѣ отпущенниковъ, дѣлаясь рабами всѣхъ, дающихъ имъ пропитаніе, а послѣдніе старики, удрученные годами и искалѣченные, существовали подаяніемъ. Большинство изъ этихъ невольниковъ, имѣвшихъ на родинѣ свои семейства, вынуждены были и здѣсь вторично жениться, чтобы забыть о родной землѣ и производить новыхъ рабовъ и рабынь, обращаемыхъ со дня рожденія въ магометанство и при случаѣ продаваемыхъ по выгодной цѣнѣ. Для такихъ несчастныхъ, забывшихъ свою религію и изнемогающихъ отъ голода, понятно, что появленіе патеровъ, рекомендованныхъ изъ Стамбула и

*) Земля, пожалованная фирманомъ.

имѣвшихъ свободный доступъ къ хану и всѣмъ представителямъ власти, казалось Божьею милостію, въ которой нуждался отчаявшійся человѣкъ. Самая блистательная эпоха человѣколюбивыхъ подвиговъ іезуитовъ была въ первое время ихъ прибытія въ Бахчисарай въ царствованіе Газій-гирей хана, рожденнаго отъ христіанки, которая внушила сыну съ дѣтскаго возраста любовь къ единовѣрцамъ своимъ, но, къ сожалѣнію, этотъ государь скоро былъ лишенъ своей власти и заключенъ султаномъ въ Гингинѣ-сарай, *) откуда не возвращался болѣе на родину, сдѣлавшись жертвою чумы со всѣмъ семействомъ своимъ.

Іезуиты, потерявъ въ немъ друга и благодѣтеля, утѣшились тѣмъ, что въ Крыму, гдѣ ни одинъ ханъ не могъ ручаться за свое царствованіе на другой день,— можно свободно дѣйствовать, но только подальше отъ столицы, начиненной улемами, и образовать со временемъ сильную общину, которая при помощи золота все подчинитъ своимъ цѣлямъ. Этого золота они ожидали отъ главы общества своего и французскаго правительства, но требованія ихъ не возбуждали особеннаго сочувствія, вслѣдствіе чего и успѣхи клонились къ упадку. Только въ Карасубазарѣ зажиточные армяне поддавались ихъ краснорѣчивымъ проповѣдямъ.

— Ты сказалъ, что около Алма-сарая основалась цѣлая деревня—спросилъ ханъ—но чѣмъ же эти люди промышляютъ?

— Всѣ они занялись по указанію учителя своего приготовленіемъ мыла и свѣчей; потомъ думаютъ заняться шитвомъ одежды, обуви и т. п.

— Это значитъ, что колонія никуда негодныхъ гяуровъ превратится со временемъ въ коммерческій городокъ. Берегись, Хасымъ-эфенди, чтобы они не завели и искусныхъ цирульниковъ.

— Ну, ужъ имъ не наслѣдовать моего великаго ремесла.

Керимъ-гирей улыбнулся и, сѣвъ на выставленный

*) Загородный замокъ въ 40 верстахъ отъ Стамбула. Ханъ этотъ чрезвычайно былъ любимъ татарами.

табуретъ, подставилъ свою голову для уравненія перчема и поправки бороды.

— Ты знаешь Хасымъ, что къ намъ ѣдетъ посланникъ? сказалъ онъ.

— Да, я слышалъ отъ нѣкоторыхъ болтуновъ. Мерзавцы заранѣе проповѣдуютъ, что калифъ приказалъ смѣстить тебя и назначить Максутъ-гирей султана.

— Что онъ угарѣлъ этотъ калифъ! вскрикнулъ падишахъ, вскакивая съ мѣста. Смѣнять меня, когда я еще не окончилъ Ашлама-сарая, когда ногайцы обѣщали мнѣ предоставить къ этому средства? Но что же я сдѣлалъ такого ужаснаго? Народъ меня любитъ, имамы почитаютъ. Неужели опять эти мурзы подлѣзли къ визирямъ съ дарами, чтобы напомнить мнѣ о своемъ могуществѣ?

— Ты все узнаешь впослѣдствіи, но я совѣтую тебѣ немедленно принять разумныя мѣры, чтобы не напали на тебя въ расплохъ. Ты вѣдь долженъ, кажется, всѣмъ кущамъ.

— Что же я долженъ дѣлать?

— Слушать меня, но съ тѣмъ, что если ты оправдаешься предъ султаномъ и возвратишься благополучно, сдѣлать меня своимъ визиремъ или муфтіемъ. Вотъ ужъ 20-ть лѣтъ, какъ я брею и украшаю потомковъ жемчужной нити, а до настоящаго времени ни на волосъ не повысился въ заслугахъ.

— Это не трудно мнѣ обѣщать и исполнить.

— Ну, такъ слушай, прикажи съ сегодняшняго же дня перевезти ко мнѣ всѣ цѣнныя вещи твои, а потомъ лучшихъ женъ. Я сберегу твое добро, какъ глаза мои и въ то же время самымъ отважнымъ и настоятельнымъ образомъ буду дѣйствовать на народъ и мурзъ, чтобы требовали отъ султана твоего возвращенія. Я взбунтую ногайцевъ, къ которымъ приглашенъ въ качествѣ великаго мастера для обрѣзанія сыновей сераскировъ, не полѣнюсь съѣздить въ Кабарду, словомъ настою на томъ, чтобы ты снова царствовалъ надъ нами.

Крымъ гирей тяжело вздохнулъ, но долженъ былъ согласиться на все. Онъ такъ любилъ Бахчисарай и соотечественниковъ, что не разъ уже выражалъ искреннее желаніе быть погребеннымъ на указанномъ имъ мѣстѣ подъ

большою шелковицею, съ которой свѣшивались черныя кисти любимаго имъ винограда, и подъ которою не разъ онъ просиживалъ въ глубокомъ раздумьи, возбуждаемомъ могилами предковъ.

Покончивъ съ бритьемъ, ханъ досталъ своеручно коранъ и началъ читать его съ цѣлью утѣшить себя въ скорби, но чѣмъ дольше онъ читалъ, тѣмъ сильнѣе тосковалъ. Къ довершенію печали его надо было, чтобы въ это время послышалась музыка и показалась на горѣ толпа молодыхъ джигитовъ, вышедшихъ изъ свадебной квартиры, чтобы продолжать пиръ на чистомъ воздухѣ. Ихъ громкая пѣснь, танцы и шалости окончательно сразили этого умнаго и дѣятельнаго повелителя: двѣ крупныя слезы выступили изъ его черныхъ большихъ глазъ:

„И кому нужно мое горе, думалъ онъ; кому пріятно видѣть меня еще бодраго въ слезахъ и сознаніи ничтожества своего на высшей степени величія! Какая разница между ханомъ и простымъ работникомъ? Какъ первый одинокъ и беззащитенъ, такъ и послѣдній иногда ничтоженъ и безсиленъ. Всѣ люди подобны птицамъ и счастливы между ними тѣ, которые избѣгнутъ когтей хищныхъ собратій. Изъ за какихъ-нибудь пустяковъ и навѣрно изъ за того, что я не удостоилъ подарка какого-нибудь писаря великаго визиря взъерошился и этотъ визирь и султанъ, всегда готовый выражать свое могущество надъ подвластными ханами. О, еслибъ могъ возстать изъ могилы мой прапуръ великій Чингисъ-ханъ или Темуръ (Тамерланъ) и взглянуть на мое горькое положеніе? Нѣтъ мы сами виноваты, что забыли священное завѣщаніе возвратиться туда, откуда вышли. Развѣ и въ тѣхъ мѣстахъ не также свѣтитъ солнце, какъ и здѣсь; не такія же роскошныя и безпредѣльныя степи, какъ въ Крымскомъ ханствѣ, стѣсненномъ со всѣхъ сторонъ сильными врагами? о, чего бы я ни далъ, еслибъ въ настоящую минуту мой милый Бахчисарай перенесся въ сосѣдство Бухары или Самаркана!...

Керимъ гирей, обожавшій свой кабинетъ, какъ-то невольно началъ осматривать все, находившееся въ этой комнатѣ. Прежде всего глаза его поднялись къ лѣпнымъ

украшеніямъ на потолкѣ, затѣмъ остановились на надписи вдоль карниза, которую онъ до настоящаго времени не имѣлъ свободнаго времени прочитать. Надпись эта, составленная любимымъ имъ нѣкогда придворнымъ хатипомъ, гласила слѣдующее *):

„Да наслаждается ежеминутно шахъ при милости Божьей удовольствіями, да продлитъ Аллахъ его жизнь и счастіе!

Крымъ гирей ханъ, сынъ высокостепеннаго Девлетъ-гирея, источникъ мира и безопасности, правитель мудрый.

Смотри! вотъ державная звѣзда его взошла на горизонтѣ славы и освѣтила цѣлый міръ!...

— Здѣсь слѣдуетъ прибавить, сказалъ онъ громко, освѣтила міръ на одно мгновеніе и потухла въ ланѣ великаго визиря.

„Краса крымскаго престола, повелитель великаго царства, рудникъ кротости и великодушія, тѣнь милости Божіей.

Его друзья:, щедрость и великодушіе. Покровитель природныхъ дарованій, щедрый до расточительности: богатые и нищіе тому свидѣтели.

Да ослѣпляетъ Господь солнцемъ особы его зрѣніе враговъ. Благоволѣніе Божіе къ Крымъ-гирею доказывается тѣмъ, что милостивая тѣнь этого благоволенія, радость вѣка его осѣнила вселенную удовольствіемъ.

Смотри! этотъ увеселительный дворецъ, созданный высокимъ умомъ хана оправдываетъ мою хвалебную пѣснь.

Это зданіе его радушіемъ, подобно солнечному сіянію, озарило Бахчисарай. Смотри на живописную картину дворца, ты подумаешь, что это обитель гурій, что красавицы сообщили ему прелесть и блескъ, что это нитки морскаго жемчуга, неслыханный алмазъ.

Смотри, вотъ предметъ для описанія золотымъ перомъ. Даже китайскій мани, смотря на этотъ дво-

*) Она сохранилась до настоящаго времени въ неизмѣнномъ содержаніи.

рецъ, одобрилъ бы и выборъ рисунка и отличную отдѣлку картинъ.

Кругомъ дворца свѣжіе лиліи, розы и гіацинты. Садъ разумно расположенный говоритъ какъ бы языкомъ, новая мысль эта расцвѣла въ цвѣтникѣ души.

Любовникъ розы соловей палъ бы къ праху ногъ сада, еслибъ его увидѣлъ. И такъ, если привлекательное это мѣсто мы назовемъ, какъ и слѣдуетъ: рудникомъ радости, то каждое на него воззрѣніе будетъ волнующимся моремъ наслажденія.“

— Какая высокая справедливость, проговорилъ Крымъ гирей. Надо только желать, чтобы оправдался стихъ, требующій ослѣпленія моихъ враговъ. О, если это сбудется и я возвращусь снова въ эту комнату съ теперешними моими правами, клянусь Аллахомъ воздвигнуть противъ дворца моего зеленую мечеть съ надписью этого роковаго для меня года и прикажу исторіографу моему внести въ теварикъ *) моей жизни.

Три дня спустя въ Бахчисарай прибылъ непріятный гость посланникъ турецкаго султана Джинъ-бей, въ сопровожденіи Гезлевскаго паши и нѣсколько десятковъ янычаръ. Крымъ-гирей принялъ его съ надлежащими почестями и приказалъ отвѣсти конакъ при дворцѣ. Ни ханъ, ни посланникъ не выразили при встрѣчѣ ни малѣйшаго стѣсненія, ни свойственной случаю натянутости. Самыя изысканныя фразы изливались изъ устъ ихъ въ продолженіи перваго разговора, только при разлукѣ Джинъ-бей сообщилъ, что ему желательно было бы, чтобы поскорѣе собранъ былъ диванъ, которому онъ намѣренъ передать священную волю своего падишаха.

Этой фразы достаточно было слышать визирямъ и агамъ, чтобы понять, въ чемъ состояла миссія посла. Они привыкли слышать эти роковыя слова и безошибочно понимали послѣдствія ихъ. Вѣсть о смѣнѣ Крымъ гирея быстро разнеслась по городу. Всѣ жители повѣсили головы и заохали; но всего ужаснѣе казалось положеніе купцовъ кредиторовъ смѣщеннаго владыки. Только одни христіане и другіе иновѣрцы хранили молчаніе

*) Исторія.

и находили, что султанъ справедливо поступилъ съ расточителемъ.

Диванъ собрался въ день пятницы. Горожане и жители окрестныхъ деревень переполнили дворъ ханъ сарая и громко заявляли свое неудовольствіе, хотя и сознавали, что на нихъ никто не обратитъ вниманія.

Послѣ полудневнаго намаза Крымъ-гирей вступилъ въ диванъ въ полномъ ханскомъ облаченіи съ султанскою саблею на боку, а Максутъ гирей султанъ въ простомъ поношенномъ кафтанѣ.

Джинъ-бей, вынувъ изъ за пазухи фирманъ, завернутый въ зеленую шелковую матерію, подалъ его для поцѣлуя сначала хану, 21 члену дивана и затѣмъ муфтію, требуя отъ послѣдняго прочитать калифскій приказъ во всеуслышаніе.

Муфтій предварительно осмотрѣлъ султанскую печать и затѣмъ прочиталъ слѣдующее:

„Настоящаго нынѣшняго времени государь и въ царехъ избранный Меккекій и свѣтосіяющій Мединскій и святаго Іерусалима, Бѣломорскій и Черноморскій, Восточный и Западный и тамошнихъ градовъ и земель и всѣхъ семи странъ государь и надъ цари царь, сый высокопрестольный, благополучнѣйшій, свѣтлѣйшій, хвальнѣйшій и страшнѣйшій государь, султановъ сынъ, царь царевъ Мустафа (III), его-же да сохранитъ аллахъ въ величествѣ и въ дерзновеніи на многія и безконечныя лѣта!

Къ его преславному порогу величайшей, высочайшей и мудро разумнѣйшей Джингисъ-хановой породы пречестѣйшій и прехвальнѣйшій братъ нашъ Крымъ-гирей, ханово величество.

Прежде всего заявляемъ тебѣ и всѣмъ Крымскаго ханства народамъ, что мы соблаговолили назначить на царство въ подвѣдомственный намъ Крымъ Максутъ-гирея. Да будетъ-же онъ чтимъ всѣми безъ исключенія, какъ братъ и другъ нашего благополучія! Тебѣ-же повелѣваемъ немедленно прибыть въ Стамбулъ и поселиться въ наслѣдственномъ сералѣ въ Румыніи.

На случай-же, если ты пожелаешь узнать настоящія

причины твоей опалы, то извѣщаемъ тебя, что ты очень плохо велъ себя въ отношеніи къ нашему величію и подвластному тебѣ народу. Ты намъ постоянно выражалъ неповиновенія, противности и оскорбленія въ письмахъ; ты безпрестанно грабилъ и обижалъ Едичкульскихъ, Буджакскихъ и Кубанскихъ ногайцевъ. Такимъ-же образомъ, и еще даже хуже, поступилъ съ греками, армянами и жидами (караимами). Ты началъ строить въ урочищѣ Ашлама сераль съ украшеніями и заставилъ подданныхъ христіанъ не только работать по 300 человѣкъ въ день, но и доставлять тебѣ даромъ матеріалы; этого мало, приказывалъ имъ отправлять еще рѣзной камень сюда въ Турцію для своихъ надобностей. Ты у многихъ турковъ, мурзъ и татаръ бралъ за сторгованную цѣну рабовъ и рабынь, но денегъ никогда не платилъ. Кромѣ этого отъ Польши безъ всякихъ причинъ вымогательствами и угрозами многія тысячи денегъ бралъ, напалъ и разорилъ Молдавію, изъ которой увелъ въ ясырь безсчетное множество людей, а въ заключеніе осмѣлился перечеканить русскую монету по нашему примѣру въ турецкія пары, тогда какъ твои пары и на половину не стоятъ нашихъ. О второстепенныхъ безпорядкахъ, учиненныхъ тобою, не стоитъ и говорить. Ихъ больше, чѣмъ на небѣ звѣздъ."

Фирманъ помѣченъ былъ 15 Сентября 1764 года.

По прочтеніи гати-шерифа или высочайшаго повелѣнія посланникъ сдѣлалъ знакъ гезлевскому пашѣ поднести Максутъ-гирею дорогую саблю и каукъ, отороченный собольевымъ мѣхомъ и украшенный повязкою изъ алмазовъ. Пока сыпались поздравленія новому хану, Керимъ-гирей снималъ свою саблю и шапку и возвратилъ ихъ по принадлежности. Все это произошло въ нѣсколько минутъ и такъ тихо и спокойно, какъ будто раньше условлено было между двумя братьями и друзьями.

Недѣлю спустя Крымъ-гирей выѣхалъ изъ Бахчисарая, передавъ все личное имущество свое Хасымъ эфендію, но не оставилъ ни сыновей своихъ, ни Курдистанки, очаровавшей его впечатлительную душу.

Намъ необходимо будетъ сказать о происходившемъ

въ это время въ Турціи, Польшѣ и Россіи, чтобы опредѣлить, въ какую эпоху произошла эта перемѣна въ Крымскомъ ханствѣ, игравшемъ въ то время довольно важную роль и нуждавшемся въ опытномъ и любимомъ распорядителѣ.

Императрица Екатерина великая, желая поразить образовавшуюся партію конфедератовъ въ Польшѣ противъ свободы богослуженія и гражданскихъ правъ, присвоенныхъ искони каждому поляку, двинула войска свои, которыя громили конфедератовъ до Варшавы. Въ это время Турція, управляемая политикою Франціи, подъ вліяніемъ ея настояній также потребовала, чтобы царица вывела войска свои изъ Польши и не вмѣшивалась бы во внутреннія дѣла этого царства. Требованіе это, разумѣется, Русская государыня оставила безъ вниманія и естественно, оскорбила надменнаго падишаха, которому хотѣлось пользоваться первенствующимъ значеніемъ и въ Европѣ.

Вотъ въ это время великій визирь, негодовавшій на Крымъ-гирея, воспользовавшись озлобленіемъ Мустафы III-го, убѣдилъ его смѣстить хана, противъ котораго будто-бы вопіяло все ханство.

— Это крайне необходимо для насъ—говорилъ онъ—на случай еслибъ тебѣ пришлось силою оружія доказать русской царицѣ тѣ права надъ міромъ, которыя ты наслѣдовалъ отъ великаго нашего пророка.

— Понятно, что съ ханомъ грабителемъ въ главѣ татаре не принесутъ намъ никакой пользы—отвѣчалъ султанъ—а я навѣрно захочу, чтобы Россія исполнила то, что требую.

— Въ такомъ случаѣ, эфендымъ *), намъ нельзя тратить времени. Я прикажу написать гати-шерифы и, если позволишь приложу государственную печать.

— Какъ не жаль мнѣ оскорблять Керымъ-гирея, но имѣя въ виду болѣе важныя потребности, приходится пожертвовать имъ хоть на время, необходимое для достиженія моихъ цѣлей.

Вотъ какимъ образомъ былъ смѣненъ Керымъ-гирей

---

*) Въ смыслѣ: повелитель мой.

и приказано было ему не смѣть выѣзжать изъ своего сераля въ Турціи до того времени, пока не будетъ дано ему это право Калифомъ.

Ханъ, прибывъ въ Румынію съ сыновьями и любимою Курдистанкою Зарифе занялся перестройками дачи своей и скоро утѣшился въ сильно гнетущей его тоскѣ *).

Тѣмъ временемъ султанъ, все болѣе и болѣе подстрѣкаемый французскимъ посланникомъ, началъ грозить Россіи войною, но когда и это не повліяло, рѣшился заключить русскаго посла Обрѣзкова въ семибашенный замокъ. Этотъ безразсудный поступокъ не замедлилъ наэлектризовать массу фанатиковъ противъ христіанъ сначала въ Константинополѣ, а вслѣдъ затѣмъ и въ другихъ городахъ имперіи. Грабежи, насилія и кровь невинныхъ полилась ручьями. Непредвидѣнныя событія заставили султана подумать о необходимости имѣть союзниковъ. Между тѣмъ, судя по имѣвшимся свѣдѣніямъ, бездарный Максутъ-гирей совершенно не пользовался въ Крыму расположенностію народа и напротивъ ногайцы и татаре настаивали о возвращеніи Крымъ-гирея.

Не довѣряя вполнѣ этимъ заочнымъ ходатайствамъ, подписаннымъ въ большинствѣ тремя монгольскими сераскирами и какимъ-то Хасымъ эфендіемъ отъ имени Бахчисарайскихъ гражданъ, султанъ Мустафа въ концѣ концовъ потребовалъ къ себѣ Крымъ-гирея.

— Ты навѣрно негодуешь на меня—сказалъ султанъ—когда появился предъ нимъ экс-ханъ.

— Я имѣю на это полное право—отвѣчалъ гирей—но такъ какъ все дѣлается по волѣ Аллаха, то считаю совершившееся за наказаніе, ниспосланное мнѣ пророкомъ за несоблюденіе какой-либо заповѣди Его.

— Но ты, говорятъ, ободралъ всѣхъ твоихъ подданныхъ—сказалъ улыбаясь Калифъ — и обѣщалъ силою отстранить наше вліяніе на Крымъ?

— Неужели ты можешь допустить, чтобы потомки Чингисъ-хана могли быть способны на это? спросилъ гирей.

---

*) По историческимъ запискамъ Крымъ-гирей былъ сосланъ на островъ Родосъ, но мы не будемъ держаться исторіи, такъ какъ иногда болѣе довѣряемъ мѣстнымъ рукописямъ.

— Меня положительно увѣрили, что Чингисъ и Темуръ были алчны и грабили народы, отчего же тебѣ, ихъ потомку, не наслѣдовать ихъ качествъ? султанъ захохоталъ.

— Надъ плѣнникомъ не возбраняется насмѣхаться— сказалъ Керимъ-гирей, принявъ обиженный видъ. Повѣрь мнѣ, что тебя обманывали лукавые люди, такъ точно, какъ и со мною поступали во время царствованія моего въ Крыму. Вся вина моя состоитъ въ томъ, что я, часто оставаясь безъ денегъ, не могъ расплачиваться съ тѣми, кому оставался должнымъ. Всѣ эти долги я помню и рано или поздно расплачусь съ ними. Ты поставилъ мнѣ въ укоръ необходимость перечеканить всю русскую монету въ твои пары не по достоинству турецкой монеты, но развѣ ты не богаче и не могущественнѣе меня? Твои деньги должны отличать тебя отъ бѣдныхъ сравнительно Крымскихъ хановъ и я сдѣлалъ это безъ всякой оскорбительной для твоего величія цѣли. Мнѣ хотѣлось показать народамъ, что ты и монетами первенствуешь надъ ними.

— Ну, ну, не сердись, Крымъ-гирей, я теперь имѣю кое какія свѣдѣнія, что отозвалъ тебя изъ ханства совершенно напрасно. Ты, вѣроятно, нынѣ порядкомъ отдохнулъ и можешь съ новыми силами приняться за государственное кормило. О чего бы я ни далъ, еслибъ меня отстранили хоть на годъ отъ всѣхъ этихъ заботъ, не дающихъ мнѣ покоя даже въ сновидѣніяхъ.

— Ты можешь сдѣлать это и самъ, потому что не имѣешь надъ собою повелителями алчныхъ визирей, готовыхъ осквернить человѣка изъ личныхъ расчетовъ. Я до того обиженъ этими людьми, что, еслибъ тебѣ угодно было отдать въ мою власть половину твоего царства, то отказался бы не задумавшись. *Аманъ, аманъ*! и онъ потрясъ бортъ своего кафтана.

— Чѣмъ же это они такъ обидѣли тебя?

— Они безсовѣстно наклеветали на меня за то, что я, вѣроятно, высылалъ имъ не достаточное число красивыхъ невольницъ, какъ будто созданіе этихъ существъ зависѣло отъ меня лично. Я имъ отдавалъ все то, что

находилъ лучшаго у подданныхъ моихъ и нерѣдко закупалъ въ долгъ.

Мустафа задумался на минуту.

— А какъ много ты долженъ въ Крыму?

— Это трудно сказать безъ провѣрки.

— Такъ возвратись домой, опредѣли съ точностію общее количество твоего долга и пріѣзжай снова ко мнѣ. Я хочу заплатить тебѣ эту сумму и просить вновь ѣхать царствовать въ Крымъ.

— Но не иначе, какъ съ условіемъ, что твои визири не будутъ распечатывать моихъ писемъ.

— Я подумаю объ этомъ.

Когда Крымъ-гирей удалился, султанъ позвалъ великаго визиря и приказалъ ему немедленно приготовить все необходимое для торжественной отправки Эксъ-хана на прежнее мѣсто. Строгій тонъ султана заставилъ министра молчаливо повиноваться тому, противъ чего онъ готовъ былъ возражать изъ одной личной непріязни къ надменному Крымъ-гирею.

VI.

Ногайскіе сераскиры, которыхъ мы оставили въ подготовленіяхъ къ празднеству обрѣзанія и въ сборѣ пособія для надобностей Крымъ-гирея, не предвидя совершившагося въ ханствѣ переворота, употребляли всѣ усилія, чтобы сдѣлать праздникъ свой торжественнѣе. На приглашенія ихъ, разосланныя съ нарочными, въ различные концы ханства, начали съѣзжаться было изъ ближайшихъ мѣстъ беки, мурзы и почтенные богачи, сопровождаемые подарками, предназначаемыми для дѣтей, надъ которыми долженъ былъ совершиться религіозный догматъ.

Сотни распорядителей и слугъ подъ главнымъ руководствомъ *кадака* вывѣсили уже въ закрытыхъ отъ глазъ палаткахъ лошадиные колбасы, какачи, пастырму, тулупы съ сыромъ, бочки съ чуреками, слоеными лепешками, малаями и другаго рода лакомствами.

Молодые джигиты, въ ожиданіи продолжительнаго пира, забросивъ свое оружіе, облеклись въ праздничные наряды и заранѣе придумывали *чины* или рифмованные

отвѣты невѣстамъ, которыя въ свою очередь истощали остроуміе поражать ихъ нарядами и находчивостью.

Время проходило быстро. Число гостей съ каждымъ днемъ прибавлялось. Пріѣхалъ наконецъ и Хасымъ эфенди, который въ тотъ же день составилъ длинное посланіе отъ имени ногайскихъ ордъ на имя султана Мустафы съ просьбою возвратить въ Крымъ высокомудраго Крымъ-гирея, съ добавленіемъ, что въ противномъ случаѣ они вынуждены будутъ удалиться изъ ханства и отдаться въ подданство Россіи.

Отправивъ съ нарочнымъ просьбу, ханскій брадобрѣй составилъ списокъ всѣмъ мальчикамъ, надъ которыми совершится обрядъ таинства и объявилъ, что за трудъ свой онъ согласенъ взять по одному барашку съ души. По счету выходило 372 мальчика.

— Ты назначилъ крайне умѣренную цѣну, отвѣчалъ Бузбекъ, вслѣдствіе чего мы сераскиры и послѣдующіе за нами беки и мурзы охотно присоединимъ къ твоему табунчику овецъ по одной лошади или коровѣ.

— Этимъ вы прославите Аллаха и его добраго пророка, который удесятеритъ ваше состояніе. Я всегда былъ тѣхъ убѣжденій, что ханство наше процвѣтаетъ благодаря вашей силѣ и милости. Проще, вы составляете сердце въ нашемъ тѣлѣ и отъ васъ зависитъ существованіе Крыма. Не будь васъ, Турція давно задавила бы насъ, да и Московы бы не вышли изъ острова *), послѣ удачнаго входа въ него отважнаго Мюника, еслибъ не убоялись внезапной встрѣчи съ вами у воротъ ханства.

— О, не напоминай пожалуйста объ этомъ шейтанѣ Мюникѣ, сказалъ Бузбекъ. Это былъ родной братъ самаго хитрѣйшаго изъ дьяволовъ. Онъ надѣлалъ много и намъ вреда, который обязаны гяуры вознаградить, если не имуществомъ, то собственными шкурами. Какъ только Крымъ-гирей возвратится, мы лично думаемъ потребовать отъ него внезапнаго нашествія на Россію, потому что она, пользуясь нашимъ спокойствіемъ, воображаетъ гораздо больше, чѣмъ слѣдуетъ. Намъ необходимо снова взяться за нее и довести до той степени,

*) Татаре Крымъ называютъ островомъ (ада).

чтобы взымать гарачъ, а мы допустили ее разорить нашу страну. Конечно, все это сдѣлано волшебствомъ Мюника, которое не трудно было бы уничтожить, но къ сожалѣнію, у насъ всѣ перепугались и забыли принять мѣры противъ колдовства гяура. Это не простительно для татаръ, которые не затруднялись никогда выставлять противъ врага 200 т. джигитовъ.

— Не ропщи, сераскиръ, на дѣла Аллаха. Все это было намъ суждено, а сужденаго не измѣнишь. Если же тебѣ интересно знать, почему Богъ послалъ намъ это испытаніе, то я разскажу тебѣ: мы созданы для того, чтобы господствовать и всѣхъ обращать въ нашу святую вѣру. Пока наши предки исполняли эту заповѣдь и милости сыпались на насъ, но какъ только забыли свое назначеніе и предались лѣни и кейфу, пророкъ направилъ на насъ грозу.

— Дай Богъ, чтобы она была послѣдняя.

— Если ты желаешь этого, то переговори съ твоими друзьями сераскирами, чтобы они подготовили всѣхъ молодыхъ людей къ набѣгу на Россію въ то время, когда возвратится къ намъ Крымъ-гирей-ханъ.

Покончивъ на этомъ разговоръ, Бузбекъ вывелъ своего гостя на вечерній воздухъ и усадилъ на войлокъ, обложенный мягкими подушками. Большой кувшинъ съ крѣпкою бузою очутился у ногъ почтеннаго брадобрѣя.

— Люблю я вашъ напитокъ, сказалъ эфенди, выпивъ туземный чихирь, онъ оживляетъ и дѣлаетъ несчастнаго счастливымъ и въ особенности, если явятся на помощь музыканты.

— Допей свой кувшинъ, а за играющими не будетъ остановки, сказалъ Бузбекъ, мы вызвали изъ Карасубазара болѣе 50 музыкантовъ цыганъ, которые пока остаются безъ дѣла.

Предложеніе хозяина было исполнено. На сцену явился новый сосудъ болѣе крѣпкой бузы, а вслѣдъ затѣмъ нѣсколько цыганъ съ скрыпками и бубнами. На веселый пиръ сбѣжались многіе изъ сосѣднихъ чалашей. Хасымъ эфенди помолодѣлъ на 25 лѣтъ и внезапно почувствовалъ ужасный свербежъ въ пяткахъ. Долго онъ сдерживался, но наконецъ не стерпѣлъ и, сбросивъ съ

головы тяжелый сарыкъ. пустился танцевать. Бузбекъ послѣдовалъ его примѣру. Какъ вдругъ въ разгарѣ пляски послышались вдали отчаянные крики: гяуръ! гяуръ!

И дѣйствительно, на небосклонѣ показалось пестрое облако движущейся массы верховыхъ, за которыми неслась дымнаго цвѣта пыль.

Во временныхъ юртахъ послышался крикъ женщинъ, плачъ дѣтей и вой собакъ. Озадаченные сераскиры разбѣжались по сторонамъ съ приказаніями окружить палатки подводами и спѣшить на встрѣчу врагамъ, но увы приказаній ихъ никто не слушалъ: всѣ хлопотали о спасеніи семействъ и только немногіе джигиты выдвинулись впередъ. Хасымъ эфенди прежде другихъ успѣлъ захватить своего коня и ускакать по направленію къ Орѣхапу.

Нѣсколько минутъ спустя около тысячи ногайцевъ были уже готовы отразить набѣгъ несравненно меньшаго числа *казаковъ* *). Шатры также обведены были баррикадами, за которыми укрывались вооруженные, чѣмъ попало, старики и женщины. Но ни первые и ни послѣдніе не были въ состояніи воздержать отважныхъ запорожцевъ, предводимымъ делибашъ Бурлаемъ, который, пользуясь отсутствіемъ распорядителя въ ордѣ, одновременно накинулся на нее съ фронта и фланговъ и произвелъ такой безпорядокъ, что столпившіеся въ кучу ногайцы гибли, какъ мухи подъ безпощадными размахами сабель. На бой подоспѣли сераскиры съ новыми силами, но прежде чѣмъ имъ удалось оказать содѣйствіе, къ Бурлаю явилась новая партія удальцовъ, предъ которою не выдержали номады и должны были бѣжать вслѣдъ за бѣгущими семьями своими, охраняемыми огромнымъ числомъ вооруженныхъ мущинъ.

Плѣнивъ болѣе сотни ногайцевъ и увидѣвъ предъ собою богатую добычу, брошенную врагами отъ страха, Бурлай закричалъ товарищамъ.

— Баста драться! и направилъ ихъ къ оставленнымъ чалапамъ.

Намъ уже извѣстно, на какую роскошную обстановку наскочили незванные гости съ волчьимъ аппетитомъ.

*) Такъ называютъ по настоящее время татаре всѣхъ вообще русскихъ.

— Айда. спасибо, Бурлашка, закричали товарищи, увидя значительные запасы, подготовленные сераскирами къ пиршеству, жаль только, что горѣлки не припасли азіяты.

— Будетъ и горѣлка, кто не погнушается камауза, замѣтилъ Бурлай.

— Грешно братцы крещенному впускать въ нутру кобылье молоко, заговорилъ было одинъ изъ дружины.

— Въ походной жизни все дозволяется, отвѣчалъ Бурлай и, подошедъ къ длинной узкогорлой кубышкѣ, началъ потягивать шипучій кумысъ. Подходите, братцы, поодиночкѣ, вѣдь мы въ гостяхъ и не должны брезгать хозяйскою пищею.

Одинъ изъ жаждавшихъ запорожцевъ рѣшился осквернiться изъ за того только, чтобы не жаждать.

— Кисло и погано, сказалъ онъ, но минуту спустя опять приложился къ кубышкѣ.

— Ну, а теперь каково? спросилъ Бурлай.

— Гарно, было отвѣтомъ не отрывавшаго губъ своихъ отъ крѣпкаго напитка.

Эта похвала соблазнила все почти товарищество. Сотни кубышекъ вынесены были на открытый воздухъ и пошла попойка. Вслѣдъ за тѣмъ появились на войлокахъ и цыновкахъ чуреки, пастырма, калбасы и много другихъ закусокъ. Тѣ же, которые гнушались кумысомъ, принялись за крѣпкую бузу.

Часъ спустя въ покинутомъ ногайцами лагерѣ послышались снова звуки дудокъ и волынки, потомъ пѣсни и разгульный трепакъ. Точно запорожцы прибыли на званый пиръ.

Когда Бурлай дошелъ до полнаго самоудовольствія: онъ поднялся съ мѣста и повелъ болѣе близкихъ сердцу товарищей къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ сидѣлъ на цѣпи, подобно дворовой собаки и гдѣ его выставили предъ ханскимъ сыномъ вмѣсто цѣли.

Проклятія сыпались изъ устъ отважныхъ бобылей.

— А вотъ и чадыръ моего пана, добавилъ съ злобною улыбкою Бурлашка, надо будетъ порыться въ немъ: не оставилъ ли намъ этотъ чертъ чего-нибудь на поминки, если онъ убитъ.

Съ этими словами онъ содралъ шерстяное рѣдно, повѣшенное предъ войлочною палаткою вмѣсто дверей.

Все хозяйство жестокаго ногайца оставалось на своемъ мѣстѣ.

— А ну-ка, братцы, возьмемтесь за сундуки этого собачьяго сына, сказалъ Бурлай, выдвинувъ первый изъ нихъ.

Въ сундукѣ оказались склады разныхъ турецкихъ матерій и между ними польскія, русскія и турецкія золотыя и серебряныя монеты.

— Все бери въ братскую казну—приказалъ Бурлай, вытаскивая другой и третій сундуки изъ подъ постелей и войлоковъ.

Вдругъ раздался страшный вой женщины.

— *Аманъ*, Бурлай, смилуйся надо мною, я всегда жалѣла тебя.

И предъ изумленными запорожцами показалась молодая женщина, бывшая повелительница Бурлашки.

— Ага, ты здѣсь, голубушка, видно не поспѣла за другомъ—угрюмо сказалъ предводитель шайки и сосредоточилъ на ней свой взглядъ.

— Братъ мой Бурлай, пощади меня!

— А щадила-ли ты меня въ то время, когда я былъ твоимъ невольникомъ? сказалъ запорожецъ съ легкимъ вздохомъ.

— Я боялась жестокаго мужа.

— Гдѣ-же онъ теперь этотъ злодѣй?

— Онъ поѣхалъ съ другими драться съ вами и не возвращался болѣе.

— Ну, мы его разыщемъ, а до того ты будешь находиться при мнѣ, чтобы товарищи не порвали твоего тѣла на клочки.

Сказавъ это, Бурлашка приказалъ товарищамъ своимъ забрать все цѣнное изъ шатра и оставить его одного съ хозяйкою.

— Ну, душа моя — сказалъ атаманъ шайки, когда всѣ вышли—мнѣ необходимо поговорить съ тобою по пріятельски, я знаю, что ты не старалась увеличивать моихъ страданій въ неволѣ.

— Я любила тебя, какъ моего роднаго брата—прервала его ногайка, заливалась слезами.

— И это не скрылось отъ моихъ глазъ, но отчего ты этого не выражала на дѣлѣ. А знала-ли ты, что и я любилъ тебя?

— Знать я не могла, но сердце мое чуяло и горько мнѣ было всматриваться въ твои глаза, полные чего-то родственнаго.

— Да, я любилъ и теперь люблю тебя, но ты мусульманка и мнѣ не подобаетъ этого говорить.

— Теперь я свободная женщина и готова послѣдовать за тобою хоть на край свѣта.

— Нѣтъ, теперь не хорошо мнѣ связываться съ бабою, которая ничѣмъ не пожертвовала для облегченія моей неволи. Я тебѣ нравился, какъ нравится собака на цѣпи, какъ усердный рабъ, но мое теперешнее господство скоро тебѣ надоѣстъ. Ты молода, красива и можешь найти другихъ друзей.

— Это невозможно до того времени, пока будетъ жить мой мужъ.

— Но онъ, вѣроятно, убитъ.

— Я не вѣрю, чтобы такіе жестокіе люди такъ скоро умирали. У насъ говорятъ, что и Богъ подобно рѣзнику выбираетъ изъ стада лучшихъ овецъ, а негоднымъ предоставляетъ время для поправы.

— Мы въ этомъ сейчасъ-же убѣдимся—отвѣчалъ Бурлай—я очень хотѣлъ-бы расквитаться съ нимъ. Ты помнишь, конечно, какъ онъ поступилъ со мною?

— Я ужасно скорбѣла въ эту минуту.

— А теперь будешь-ли радоваться, если я поставлю его предъ собою вмѣсто мишени?

— Меня возмущаютъ жестокости. Всѣ старухи говорятъ, что я привезена была изъ русской земли.

— Какъ, ты была христіанкою?

— Я ничего не помню. Это знаютъ другіе, а лучше всѣхъ мой подлый мужъ.

Бурлашка вышелъ на дворъ и направился въ ту сторону, гдѣ сидѣли связанные плѣнники. Онъ издали узналъ бывшаго своего повелителя и, приблизившись къ нему, такъ жестоко рванулъ его за небольшую сѣдую бороду, что тотъ упалъ навзничь.

— Узналъ меня? вскрикнулъ запорожецъ.

Ногаецъ не посмѣлъ взглянуть на Бурлая.

— Ну, не сердись, *достъ* (пріятель), вѣдь я пришелъ къ тебѣ въ гости и ничего не сдѣлаю дурнаго ни твоимъ остальнымъ дѣтямъ, ни твоей женѣ. Я только хочу подвергнуть тебя такой-же смерти, которой ты подвергнулъ моихъ несчастныхъ товарищей. Вѣдь это пустяки!

— Аманъ Бурлай, прости меня ради усопшихъ родственниковъ твоихъ.

— Еслибъ это я сказалъ тебѣ въ бытность плѣнникомъ, то, вѣроятно, ты разсмѣялся-бы, какъ съ дѣтской шутки. Эй ребята—обратился Бурлай къ товарищамъ, сведите-ко за мною энтаго делибашку на потѣху хлопцамъ!

Приказъ атамана былъ исполненъ и блѣдный, трепещущій ногаецъ, сопровождаемый толчками рослыхъ казаковъ, былъ приведенъ на лобное мѣсто, т. е. на тотъ самый пунктъ, гдѣ такъ недавно еще стоялъ Бурлай противъ лука Селимъ султана.

Бурлай, вооружившись такимъ-же оружіемъ, отъ котораго чуть самъ не погибъ, приблизился къ бывшему повелителю своему и потребовалъ отъ него прежде всего объяснить, откуда онъ вывезъ или гдѣ купилъ послѣднюю жену свою?

— Я все тебѣ разскажу—отвѣтилъ ногаецъ—если ты меня помилуешь.

— Отвѣчай мнѣ безусловно, иначе я прикажу тебя сжечь на кизякѣ—крикнулъ казакъ.

— Я привезъ ее изъ вашихъ странъ, когда она была ребенкомъ и воспиталъ какъ родную дочь.

— И потомъ сдѣлалъ мусульманкою и одалычкою?

— Это не правда, я не обращалъ вниманія на религію, въ которой она родилась, а женился на ней, когда у меня не стало хозяйки.

— Слѣдовательно, она и теперь христіанка?

— Я не измѣнялъ ея религіи.

— Теперь ты скажи мнѣ, за сколько піастровъ ты продалъ Селимъ султану мою жизнь?

— Я это вынужденъ былъ сдѣлать въ угоду ханскому сыну.

— Я также сдѣлаю этого въ угоду твоей жены. Гово-

ри-же, за сколько ты оцѣнилъ жизнь такого джигита какъ я, Бурлай?

— Я не зналъ раньше твоихъ достоинствъ и вынужденъ былъ согласиться взять 50 піастровъ.

— Ну, а еслибъ ты зналъ меня за атамана запорожцевъ?

— Я потребовалъ-бы десять тысячъ піастровъ.

— А ну-ка послушаемъ, что запроситъ твоя жена за твою душу. Гей, братцы, приведите-ко вонъ и зъ того чалаша ногайку!

Когда требованіе Бурлашки было исполнено, онъ прежде всего разсказалъ ей, что она поднесь считается христіанкою, така-какъ не была обращена никѣмъ въ мусульманскую вѣру; затѣмъ, напомнивъ ей о тѣхъ мученіяхъ, которыя переносилъ во все время плѣна и чему подвергнулся въ заключеніе, внезапно спросилъ: кого она дороже цѣнитъ, его-ли Бурлая или мужа своего?

— Конечно, твоя жизнь дороже жизни старика—отвѣчала Эмине.

— Ну, насколько напримѣръ дороже, на половину или на четверть?

— Я думаю на четверть.

— Въ такомъ случаѣ получай четвертую часть моей оцѣнки—сказалъ атаманъ и положилъ въ ея руки нѣсколько серебряныхъ монетъ. Затѣмъ онъ отсчиталъ ровно сто шаговъ, приложился и выстрѣлилъ въ лобъ кровожаднаго ногайца также мѣтко, какъ и Селимъ.

— Ай-да, Бурлашка! подхватила товарищи — гарно удружилъ супостату.

— Этого мало такому черту; его треба привязать еще къ хвосту неученаго коняки—заговорилъ одинъ изъ бывшихъ въ неволѣ съ Бурлаемъ. Давайте, братцы, одного изъ конякъ!

Чрезъ нѣсколько минутъ безжизненный трупъ старика влачился по степи сильнымъ конемъ при всеобщемъ крикѣ удальцовъ.

— Теперь, хлопцы, собирайся восвояси — скомандовалъ Бурлай—мѣшкать не приходится. Бери все, что полегче и удобнѣе, а остальное сжигай.

Приказаніе приведено было въ исполненіе безотлагательно, но въ то время, когда выдвинулись передовые

и направились по указанному направленію, Бурлай заявилъ, что онъ намѣренъ самъ въ-одиночку съѣздить въ Крымъ въ гости къ Селимъ султану, чтобы отблагодарить его лично за убійство товарищей своихъ.

— Да якже ты самъ поѣдешь? спросили друзья—бери и насъ за-одно: все равно смерти не избѣгнешь.

— Нѣтъ. этого никакъ нельзя—отвѣчалъ атаманъ—я переодѣнусь въ нойгаца и меня никто не узнаетъ, а съ вами и мнѣ, и вамъ смерть неминуемая. При этомъ я все выгляжу и мы другимъ походомъ доберемся до ханскихъ сараевъ. Ѣзжайте теперь вы до дома, а я скоро подоспѣю къ вамъ.

Сказавъ это, Бурлай поцѣловался съ старшими и махнулъ шапкой въ знакъ того, что рѣчь его окончена и что они должны повиноваться.

Хлопцы повиновались поневолѣ. Проводивъ друзей, обремененныхъ добычею, Бурлай вошелъ въ шалашъ и, приказавъ Эмине отыскать въ сундукахъ два лучшихъ мужскихъ наряда: въ одинъ одѣлся самъ, а другой приказалъ ей надѣть.

— Это для чего? спросила молодая женщина.

— Для того, чтобы меня пропустили въ Крымъ. Мы поѣдемъ со тобою вмѣстѣ и будемъ жить, какъ мусульмане, пока не окончимъ нашего дѣла, а потомъ вмѣстѣ уѣдемъ на родину, гдѣ повѣчаемся и гдѣ я навѣрно отыщу твоихъ родныхъ, которые обрадуются твоему возвращенію.

Очарованная этими словами, Эмине бросилась къ казаку съ изъявленіями благодарности, но онъ заставилъ ее поспѣшить одѣваться.

Нѣсколько времени спустя отважный атаманъ уже скакалъ съ бывшею хозяйкою своею по направленію къ теперешнему ченгарскому мосту, т. е. въ противоположную сторону отъ той, куда бѣжали разбитыя ногайскія орды.

Около полуночи путники наши остановились на ночлегъ.

— Вотъ теперь только, моя злая ногайка, я тебѣ повѣдаю, зачѣмъ ѣду въ Крымъ—сказалъ Бурлай. Я ѣду туда, чтобы отмстить Селиму за смерть моихъ товари-

щей, которые постоянно являются мнѣ въ сновидѣніи и требуютъ этого.

— Какимъ же образомъ ты успѣешь сдѣлать это? Вѣдь онъ ханскій сынъ и имѣетъ много слугъ.

— Какимъ образомъ я достигну этого, не знаю. Но такъ какъ меня никто по языку не отличитъ отъ ногайца, то мы явимся съ тобою въ качествѣ передовыхъ вѣстниковъ о нападеніи казаковъ на орды и затѣмъ я стану выжидать случая.

— Ну, а если тебя кто-нибудь узнаетъ?

— Этого не случится, если ты не выдашь меня.

— Я никогда не измѣню другу—и молодая женщина, какъ бы въ доказательство своей преданности, приблизилась къ сопутнику своему и обогнула шею его рукою.

— Нѣтъ, нѣтъ—сказалъ Бурлай—возьми руку свою и садись подальше отъ меня. Ты въ глазахъ моихъ пока оскверненная баба и Богъ накажетъ меня, если дѣло дойдетъ до грѣха. Не волнуй крови того, кто вырвалъ тебя изъ бусурманскихъ рукъ. Я прижму тебя къ сердцу моему только тогда, когда привезу домой и отдамъ попу на очистку твоей души и тѣла отъ оскверненія.

— Эмине, тяжело вздохнувъ, отодвинулась.

— Я ничѣмъ не провинилась предъ Богомъ моихъ родителей—сказала она.

— Я и не виню тебя ни въ чемъ, потому что ты похищена была ребенкомъ и не понимала разницы въ религіяхъ. Но ты еще молода, а такой мужъ, какъ Бурлай, съумѣетъ сдѣлать тебя хорошею христіанкою. Теперь же я одного только прошу у тебя: когда мы пріѣдемъ на мѣсто, разсказывай всѣмъ сосѣдкамъ, что я природный ногаецъ и твой мужъ, что насъ ограбили запорожцы и что мы, лишившись всего, очутились въ противоположной сторонѣ отъ орды и вынуждены были бѣжать въ Бахчисарай, чтобы заняться какимъ-нибудь дѣломъ, пока установится въ степяхъ прежній порядокъ.

— Я все буду дѣлать—отвѣчала Эмине, не подымая глазъ.

Три дня спустя Бурлай прибылъ съ подругою своею въ Карасубазаръ, осмотрѣлъ подробнымъ образомъ городъ, отдохнулъ и направился дальше, такъ какъ по

забраннымъ имъ справкамъ Селимъ султанъ послѣ свержения отца, жилъ въ недоконченномъ строеніи Ашлама-сарай. Прибывъ въ Бахчисарай, атаманъ шайки запорожцевъ нанялъ себѣ небольшую хату въ Салачикѣ и чтобы не допустить подозрѣнія со стороны сосѣдей, прежде всего отправился поклониться мѣстнымъ мусульманскимъ святынямъ; затѣмъ посѣтилъ Ханъ-сарай, разсказывалъ всѣмъ агамъ о постигшемъ ихъ орду несчастіи и совѣтовалъ отмстить гяурамъ за ихъ дерзкій поступокъ. Въ этихъ прогулкахъ отважному казаку безпрестанно приходилось встрѣчаться съ изнуренными рабствомъ земляками своими, которые, какъ негодные къ тяжкимъ работамъ, бродили по улицамъ и собирали кости, тряпки или во имя Магомета выпрашивали насущное пропитаніе. Бурлай охотно подавалъ имъ подаяніе, но боялся пускаться въ переговоры, чтобы не выдать себя.

Нѣсколько дней спустя запорожецъ осмотрѣлъ и Ашлама-сарай, видѣлъ издали Селима, окруженнаго многими татарами, и убѣдился, что не представляется особеннаго труда пробраться ночью въ опочивальню этого безжалостнаго принца. Этого было достаточно, чтобы немедленно приступить къ дѣлу.

И вотъ въ первую же темную ночь Бурлай, осѣдлавъ коней, выѣхалъ съ Эмине изъ Бахчисарая, подъ предлогомъ посѣтить горныя деревни и расположился не вдали отъ Ашлама-сарая.

— Возьми лошадей — сказалъ онъ подругѣ своей и ожидай меня вонъ на той возвышенности. На случай же я свисну, оставь моего коня, а сама бѣги, куда пожелаешь.

— Что же будетъ означать твой свистъ?

— То, что я буду пойманъ и обезоруженъ.

Сказавъ это, казакъ изчезъ изъ вида, но молодая женщина вмѣсто того, чтобы послушать его, привязала тутъ же лошадей и вооружившись легкою шашкою друга, тихими шагами послѣдовала за нимъ.

Прошелъ часъ. Тѣмъ временемъ Бурлай успѣлъ проникнуть въ недостроенное жилище и отыскать опочивальню Селима.

— Ты зачѣмъ пришелъ сюда? вдругъ раздался около него крикъ.

— Типпе—отвѣчалъ Бурлай—я одинъ изъ тѣхъ гяуровъ, которыхъ ты такъ мѣтко перестрѣлялъ въ Кызлыярѣ. Они послали меня за твоею душою.

Селимъ хотѣлъ отскочить, но могущая рука казака впилась въ его горло и онъ полетѣлъ на полъ. Атаманъ осѣдлалъ его и уже схватилъ было за хаму (кинжалъ), какъ юноша вывернулся и закричалъ ужаснымъ голосомъ

Оторопѣвшій казакъ взмахнулъ оружіемъ и бросился бѣжать, но двѣ сильныя руки схватили его за шиворотъ. Бурлай успѣлъ свистнуть и началъ бороться.

Въ эту минуту налетѣла Эмине и двумя ударами шашки опрокинула сильнаго татарина.

— Бѣжимъ скорѣй — шепнула она другу, схвативъ его за руку.

Двѣ минуты спустя отважные люди были уже далеки отъ мѣста событія и неслись что было силъ по такимъ безлюднымъ и гористымъ мѣстностямъ, куда изрѣдка заходили даже пастухи. На утро они прибыли въ Ахмечитъ (Симферополь), запаслись провизіею и безпрепятственно выѣхали изъ Крыма тѣмъ же путемъ, которымъ и въѣхали въ него.

Селимъ султанъ былъ раненъ и находился въ такомъ положеніи, что не могъ назвать убійцу. Въ болѣе отчаянномъ положеніи оказался сторожъ Ашлама-сераля. У одного была рана въ боку, а у другаго разрублены плечи почти до легкихъ. Все это помѣшало властямъ вóвремя пуститься въ погоню за убійцами, которыхъ тщетно искали въ ближайшихъ окрестностяхъ.

— Ничего не подѣлаешь противъ Божьяго наказанія— отвѣчалъ мѣстный кадій, узнавъ, что злоумышленникъ не найденъ—опредѣленнаго Богомъ не избѣгнешь. Да будетъ и надъ нами воля всемогущаго Аллаха и его святаго пророка!

На этомъ покончилось все слѣдствіе.

Событія эти также нисколько не показались странными ни ханскому правительству, ни народу и по обыкновенію не вызвали со стороны ихъ никакой дѣятельности.

Всѣ поохали, пожалѣли о нагайцахъ и молодомъ

Селимъ, но никто не выразилъ желанія отомстить запорожцамъ за ихъ дерзкій поступокъ.

Одинъ только Хасимъ эфенди кричалъ во всеуслышаніе, что такихъ набѣговъ никогда не могло быть при Крымъ-гиреѣ; что казаки это дѣлаютъ изъ ненависти къ султану, дерзнувшему лишить ихъ добраго сосѣда и т. п. Но и на это никто не обратилъ вниманія, за исключеніемъ ханскаго мутевелія *), посовѣтовавшаго ему отворить настежъ калитку проницательности и тщательно заткнуть всѣ щели дверей неосторожности.

— Не тебѣ говорить мнѣ наставленія — возразилъ эфенди—я десяткамъ ханамъ брилъ головы и никогда не слышалъ нравоученій. Ты просто *пезевенкъ* съ змѣинымъ жаломъ.

— А ты съ твоимъ Крымъ-гиреемъ грабители. Плевать мнѣ на ваши бороды.

— Какъ, ты сказалъ плевать на наши освященныя молитвою бороды? Да ты послѣ этого сдѣлался *бейнамазомъ* (богоотступникомъ) и подлежишь изгнанію изъ общества правовѣрныхъ. Постой же, собачій сынъ, я тебѣ докажу, что съ Хасымъ эфендіемъ не такъ легко шутить!

— Какой ты эфенди—возразилъ мутевели—ты эфенди надъ цирульниками, а не между учеными улемами. Жаль, что здѣсь нѣтъ ширинскаго-бея, онъ приказалъ бы тебѣ отпустить сотню палокъ въ пятки, или отрѣзать языкъ за это самозванство.

Хасымъ-эфенди не стерпѣлъ этой обиды и, быстро подошедъ къ хозяину царской мечети, плюнулъ ему прямо въ лице.

— О злодѣй—вскрикнулъ обиженный—ты осквернилъ мое убѣжище стыдливости и нѣжнѣйшихъ чувствъ! Береги же теперь твою святыню. Сказавъ это, онъ бросился на брадобрѣя и впустилъ свои пальцы въ его роскошную бороду.

Хасымъ-эфенди сдѣлалъ тоже самое. Минуту спустя два богатыря валялись въ пили съ растрепанными бородами и кружились до тѣхъ поръ, пока не слетѣли въ

*) Тоже что у насъ староста церковный, сберегающій церковное имущество. Мутевели обыкновенно получаютъ 10-ый процентъ изъ суммъ мечетныхъ, когда онѣ находятся на процентахъ.

глубокую канаву предъ мечетью, на днѣ которой тихо катились зловонныя струи чурукъ-су. Это непредвидѣнное обстоятельство, возбудившее вниманіе прохожихъ, заставило ссорившихся опомниться и постараться уйти поскорѣе отъ смѣха праздной толпы.

Такимъ образомъ набѣгъ Бурлая ознаменовался только этимъ ничтожнымъ столкновеніемъ двухъ почтенныхъ эфендіевъ въ Бахчисараѣ, но въ запорожской сѣчи онъ создалъ трехъ-дневный пиръ, въ которомъ участвовали чуть ли не всѣ товарищи по предпріятію. Оказалось, что Эмине была дочерью одного изъ бывшихъ атамановъ въ сѣчи и что престарѣлые родители благословили ее на бракъ съ спасителемъ своимъ Бурлашкою.

VII.

Прошло болѣе трехъ лѣтъ послѣ того роковаго дня, какъ Крымъ-гирей находился на чужбинѣ. Во все это время Бахчисарай и отдаленные отъ него коммерческіе города находились въ какомъ-то ненормальномъ положеніи. Мурзы исключительно господствовали надъ народомъ и сближались съ представителями турецкой власти, которые и въ свою очередь начали проявлять господство въ ханствѣ. По ихъ настоянію во всѣхъ Медрессе *) начали преподавать турецкіе ахуны, а судьями или кадіями являлись стамбульскіе имамы или хатипы съ громкими титулами эфендіевъ. Простонародіе чувствовало какую-то ненависть къ чужеземнымъ нововведеніямъ, но не смѣло громко выражать неудовольствія. За то купечество ликовало, свободно вывозя произведенія ханства въ Стамбулъ и привозя оттуда роскошныя шамаладжа, хутну и другаго рода восточныя матеріи, имѣвшія большой сбытъ во всѣхъ городахъ и селеніяхъ Крыма. Свобода торговли настолько благопріятствовала жителямъ, что въ это время караимы, населявшіе Чуфутъ-кале и Мангушъ, впервые рѣшились на попытку сдѣлаться посредниками между двумя народами и захватить въ свои руки мануфактурную торговлю. Для до-

*) Высшія духовныя училища.

стиженія этого приходилось сблизиться съ предприимчивыми армянами, не разъ уже посѣщавшими Стамбулъ и успѣвшими поправить свое состояніе.

Съ этого времени началось переселеніе Караимовъ въ Константинополь и Египетъ, а также и въ другіе города Крыма, оживленные впослѣдствіи ихъ торговою предпріимчивостію и дружнымъ сожительствомъ со всѣми національностями. Словомъ, Крымъ въ тѣ минуты, когда предстояло Крымъ-гирею вновь возвратиться на прадѣдовскій престолъ, чрезвычайно измѣнился и, замѣтно народонаселеніе его начало увлекаться торговыми сдѣлками. Что касается самого гирея, то и онъ во все время заточенія своего отъ скуки предался изученію многихъ европейскихъ наукъ и въ особенности алхиміи, въ надеждѣ достигнуть изобрѣтенія драгоцѣнныхъ металловъ. Въ послѣднемъ принимала горячее участіе и любимая имъ Зарифе-султанъ до того времени, пока воспламенилась предъ нею какая-то жидкость и преждевременно свела ее въ могилу. Испуганный Крымъ-гирей прекратилъ свои опыты и долго оплакивалъ вѣрную подругу. Но когда ему объявилъ султанъ, что онъ вновь будетъ повелѣвать ханствомъ, разбитое сердце его оправилось и счастливая будущность оживила его временно охладѣвшую кровь. Въ мечтахъ его вновь началъ рисоваться уютный корридоръ Бахчисарайскаго гарема, его бесѣдки, фонтаны и соколиная башня.

Живы-ли любимые актеры, вольтижоры и руководители кирагезевъ? Живъ-ли Хасымъ эфенди и прочія преданныя ему лица. У хана трепетало отъ нетерпѣнія сердце и онъ боялся, чтобы какія-нибудь сплетни и ухищренія визирей не помѣшали вновь его счастью; но видно было, что предопредѣленнаго не властенъ былъ измѣнить ни одинъ изъ любимцевъ могущественнаго султана, протежирующихъ слабому Максюту, не щадившему дѣлиться съ ними доходами ханства.

Крымъ-гирей на другой же день послѣ свиданія съ Мустафою III составилъ на скоро длинный списокъ своихъ долговъ и направился вторично къ Стамбулу.

— Ну, какъ ты много долженъ? спросилъ съ улыбкою султанъ послѣ обыкновенныхъ привѣтствій.

— Около 2-хъ милліоновъ піастровъ—отвѣчалъ съ грустью Крымъ-гирей.

— Это еще небольшая сумма. А мнѣ говорили, что долги твои превышаютъ стоимость Крымскаго ханства.

— Султанымъ, тѣ, которые клевещутъ на меня, увѣряютъ всѣхъ встрѣчныхъ и поперечныхъ въ виду своихъ интересовъ, что и въ пустыняхъ Сахары вмѣсто джиновъ обитаютъ ангелы, а въ раю вмѣсто невинныхъ дѣвъ безобразныя джады *).

— Какую же они имѣютъ цѣль унижать тебя въ моихъ глазахъ?

— Ту, что отъ стола моего не остается ничего лишняго для угощенія стороннихъ лицъ, а теперешній ханъ, довольствующійся простою шорбою съ соленою бараниною, все, что поступаетъ въ его казну, жертвуетъ благодѣтелямъ.

— Отчего же ты не подражалъ ему? Дѣлиться съ друзьями всегда было и будетъ хорошимъ дѣломъ на землѣ. Вотъ напримѣръ я,—развѣ ты или бывшіе до тебя гиреи могутъ назвать меня скупымъ?

— Твоихъ доходовъ не издержать и десятерымъ падишахамъ, а моихъ не хватаетъ на прокормленіе меня и служащихъ въ странѣ. При этомъ всѣ ищутъ моихъ милостей и награды и я, какъ человѣкъ, долженъ же имѣть свои желанія.

— Ты правъ, Крымъ-гирей. Я прикажу выдать тебѣ сполна сумму, потребную для расплаты съ долгами, но попрошу тебя впредь не дѣлать ихъ.

— Одинъ Богъ безъ долговъ, повелитель мой, и я не буду увѣрять тебя, что ограничусь своими ничтожными доходами. Мои дома пришли въ ветхость и требуютъ перестройки. При этомъ я желаю предупредить вторичное разрушеніе ханскаго сераля въ Бахчисараѣ, постройкою внѣ города, за крѣпостью Чуфутъ-кале, другаго дворца, который уже начатъ былъ мною; но тебѣ не угодно было оставить меня еще на годикъ, чтобы окончить его.

— Дѣйствительно, я не разумно поступилъ противъ

*) Вѣдьмы.

тебя и былъ-бы радъ поправить свою ошибку. Ну, скажи мнѣ безъ церемоніи, чего бы ты пожелалъ отъ меня? Я не прочь послать съ тобою лучшихъ архитекторовъ моихъ, которые достроятъ дворецъ твой на мой счетъ и охотно добавлю къ 2 милліонамъ піастровъ еще такую же сумму для величія твоего и возбужденія искренней дружбы къ старшему брату твоему.

— Этимъ добрымъ поступкомъ ты заставишь меня чтить тебя, какъ отца своего.

— Спасибо за пріятную рѣчь, но при этомъ я долженъ тебѣ сказать еще одну важную вещь. Всѣ меня увѣряютъ, что ты настолько слабъ, что женщины обираютъ тебя; что не ты дѣлаешь долги и рѣшаешь государственныя дѣла, а твои одалычки; что онѣ знаютъ всѣ тайны твои и разглашаютъ народу?

— Это не правда, благодѣтель мой.

— Я не стану оспаривать дѣйствительности этого, но разскажу тебѣ одинъ анекдотъ, который отлично рекомендуетъ намъ, какъ женщины бываютъ любопытны и какимъ образомъ надо обращаться съ ними въ то время, когда любопытство ихъ доходитъ до болѣзненной потребности *). Однажды крайне бѣдному человѣку пришлось наскочить на отчаянную борьбу большаго змѣя съ маленькою змѣею. Такъ какъ послѣдней предстояла неминуемая смерть, то бѣднякъ заступился за нее и убилъ гиганта. „Спасибо тебѣ, добрый человѣкъ—сказала спасенная гадина—за оказанную милость. Ты спасая меня, спасъ отъ голодной смерти и дѣтей моихъ. Все, чѣмъ я могу отблагодарить тебя, я рада буду сдѣлать. Не пожелаешь ли ты напр. понимать значеніе звуковъ каждаго земнаго животнаго?—Такое знаніе не можетъ помѣшать и богатымъ людямъ—отвѣчалъ байгушъ. „Въ такомъ случаѣ подай мнѣ уши твои и высунь языкъ“. Бѣднякъ исполнилъ приказаніе. Змѣйка, смазавъ ихъ слюною своею, сказала: отнынѣ ты будешь понимать всѣ нарѣчія не только движущихся по землѣ, но даже и травъ, казавшихся намъ молчаливыми. Но

*) Турки и татаре чрезвычайно любятъ приводить въ доказательство своихъ предположеній и умозаключеній подходящіе примѣры миѳическаго содержанія.

при этомъ помни, мой благодатель, если ты откроешь кому-либо твою мудрость, то слюна моя испарится вмѣстѣ со всѣмъ благополучіемъ, которое ты пріобрѣтешь отъ этого знанія.“ Бѣднякъ поблагодарилъ змѣйку и, возвращаясь домой, случайно зашелъ къ знакомымъ пастухамъ въ *кошъ* *) въ ту минуту, когда вооруженные пастухи находились въ тревожномъ состояніи.—Въ добрый часъ, друзья—сказалъ гость—что означаетъ ваше крайнее безпокойство? „Ахъ, добрый человѣкъ—отвѣчали печальные чабаны—вотъ уже вторая недѣля, какъ къ намъ повадилась стая волковъ и каждую ночь уносятъ барановъ и ни одна собака не чувствуетъ приближенія ихъ къ стаду. Сказавъ это, пастухи вышли на воздухъ и начали прислушиваться къ малѣйшему движенію. Бѣднякъ въ свою очередь прилегъ ухомъ къ землѣ и ему послышался слѣдующій разговоръ волковъ между собою: „вотъ еслибъ намъ вездѣ удавалось входить въ соглашеніе съ собаками, стерегущими овецъ на такихъ выгодныхъ условіяхъ, какъ теперь, то мы всегда были бы сыты безъ особенныхъ усилій и страха“. На заявленіе это послышался едва слышный голосъ одной изъ собакъ: „О, проклятые злодѣи, какъ жаль, что я умираю съ голода и не имѣю силы ни лаять, ни двигаться съ мѣста. Вы не подкупили бы меня ничѣмъ, какъ только шкурами своими. Счастіе ваше, что хозяева мои возненавидѣли меня и довели по безумію своему до такого жалкаго положенія; но догадайся они хоть бы теперь накормить меня молокомъ или кускомъ свѣжаго мяса, бараны ихъ остались бы цѣлыми и грабители скрылись бы отъ нашей отары.“

Выслушавъ это размышленіе, бѣднякъ сейчасъ же отправился къ атаману или распорядителю коша и потребовалъ, чтобы отыскана была лежавшая невдалекѣ больная собака и накормлена свѣжимъ мясомъ. Когда требованіе его было исполнено, гость объявилъ пастухамъ, что теперь имъ нечего безпокоиться, потому что приближеніе волковъ сдѣлается извѣстнымъ. Нѣсколько минутъ спустя бѣднякъ услышалъ, какъ волки вступили

*) Слово татарское отъ глагола *кошмахъ*: соединять.

въ переговоръ съ собаками и условились въ минутѣ нападенія на стадо. Но прежде чѣмъ они разошлись, послышались угрозы большой собаки и вслѣдъ затѣмъ раздался отчаянный лай, на который бѣгомъ пустились пастухи и перестрѣляли болѣе половины безстрашныхъ злодѣевъ. Благодарные чабаны сочли нужнымъ предоставить доброму гостю выбрать изъ стада по овцѣ. При выборѣ этомъ бѣднякъ внезапно услышалъ, какъ одинъ ягненокъ сказалъ матери своей: „вотъ, еслибъ этотъ байгушъ узналъ, какъ ты счастлива для тѣхъ, кто владѣетъ тобою, онъ навѣрно ограничился бы взять только тебя. „Нѣтъ, дитя мое, бѣдные люди всегда предпочитаютъ жирныхъ овецъ". Этихъ словъ было достаточно байгушу, чтобы взять только эту одну овцу. И дѣйствительно, послѣ того, какъ бѣднякъ сдѣлался обладателемъ худенькой овцы, счастіе и изобиліе полило къ нему рѣкою.

Это быстрое измѣненіе вскорѣ изумило его жену, привыкшую господствовать въ домѣ и она начала наступательно требовать отъ мужа, чтобы онъ повѣдалъ ей секретъ ихъ счастія. Несчастный употреблялъ всевозможныя усилія извернуться отъ объясненія тайны, но жена не отставала и грозила бросить дѣтей, если онъ до вечера не образумится.

Бѣднякъ вышелъ на дворъ и уже порѣшилъ было разстаться съ счастіемъ своимъ, ради душевнаго покоя, какъ вдругъ услышалъ рѣчь пѣтуха, обращенную къ курамъ: „какой-же дуракъ нашъ хозяинъ, онъ изъ угожденія къ любопытству жены, порѣшилъ опять превратиться въ нищаго. Но отчего бы ему не взять съ меня примѣра. Вѣдь я управляю 25-ю женами и никогда ни одна изъ васъ не осмѣлится дѣлать мнѣ вопросовъ, не имѣющихъ отношенія къ личнымъ потребностямъ. Право, будь я на мѣстѣ его, я съумѣлъ бы разомъ прекратить ея злополучное любопытство.

— Чтожъ-бы ты сдѣлалъ напримѣръ, спросила старая курица—съ такою злою женщиною? „Я? я приказалъ-бы ее разложить и сѣкъ-бы два часа, приговаривая, что счастіе мое нагрянуло въ домъ съ той минуты, какъ я замыслилъ и поклялся предъ Аллахомъ отпорть

ее палками". Услышавъ этотъ справедливый совѣтъ, хозяинъ дома немедленно привелъ его въ исполненіе и съ этого времени счастіе и благополучіе его достигло до высшей степени. Надѣюсь, Крымъ-гирей, что ты понялъ, къ чему я привелъ тебѣ этотъ разсказъ нашихъ прадѣдовъ, добавилъ султанъ съ улыбкою.

— Ты сказалъ великую правду, падишахъ, но она мнѣ давно извѣстна и тѣ, которые клеветали тебѣ на меня, вѣроятно, не знаютъ одного изъ событій глубокой древности.

— Какого именно?

— Однажды могущественный султанъ, по внушенію ли Аллаха или собственному убѣжденію, подружился съ ничтожнымъ по положенію своему эфендіемъ, имѣвшимъ привычку безпрестанно говорить, что человѣкъ, бравшійся за всякое ничтожное дѣло, обязанъ въ душѣ пожелать благо ближнему, въ противномъ случаѣ онъ рано или поздно будетъ жестоко наказанъ пророкомъ. Сближеніе это ужасно не понравилось шеихъ-уль-исламу, боявшемуся, чтобы этотъ эфенди не обнаружилъ предъ повелителемъ всѣхъ его безчестныхъ подвиговъ, и онъ началъ увѣрять султана, что негодяй этотъ бунтуетъ противъ него народъ. Для подтвержденія сказаннаго представлено было нѣсколько лжесвидѣтелей. Возмущенный султанъ, повѣривъ высокому представителю истинъ корана, не желая казнить любимца своего въ столицѣ, написалъ своеручно приказъ одному изъ отдаленныхъ пашей, чтобы подателя этого приказа немедленно, безъ всякихъ отговорокъ повѣсили. Эфенди, не вѣдая этихъ козней, по обыкновенію, въ урочный часъ явился къ падишаху и началъ занимать его добродѣтельными разсказами; но султанъ прервалъ его и потребовалъ, чтобы онъ отвезъ это письмо къ извѣстному богатствами своими пашѣ.

— Онъ наградитъ тебя самымъ достойнымъ образомъ, прибавилъ повелитель. Слова эти были подслушаны шеихъ-уль-исламомъ, у котораго заскрежетали отъ ненависти и алчности зубы. Эфенди, не подозрѣвая ничего дурнаго, поспѣшилъ исполнить приказаніе государя своего, но былъ остановленъ на дворѣ начальникомъ

улемовъ, который выпросилъ у него царскій приказъ, обѣщая лично доставить по адресу. Сопротивляться верховному блюстителю религіи и законовъ бѣднякъ не осмѣлился и ограничился тѣмъ, что вручая ему царское письмо пробормоталъ любимую фразу свою. Съ этого времени онъ не ходилъ больше во дворецъ, такъ-какъ шеихъ-уль-исламъ не извѣщалъ его объ исполненіи султанскаго порученія. Какъ вдругъ за нимъ явились посланные отъ падишаха. Испуганный эфенди долженъ былъ немедленно явиться къ повелителю, который еще издали потребовалъ отъ него объяснить буквальное значеніе той фразы, которую онъ постоянно употребляетъ. „Она означаетъ немного, но именно то, что каждый изъ насъ, взявшись за какое-либо дѣло, обязанъ хоть мысленно позаботиться о благахъ ближняго, въ противномъ случаѣ непожеланіе добра падетъ на голову его неожиданнымъ несчастіемъ—отвѣчалъ эфенди.

— Ты правъ, мой другъ, отвѣчалъ султанъ и подробно разсказалъ эфендію, какія козни устраивалъ противъ него шеихъ-уль-исламъ и какимъ образомъ онъ противъ чаянія своего попалъ на висѣлицу. Такъ, султанымъ, будутъ наказаны Аллахамъ и тѣ твои визири, которые питаютъ въ глубинѣ души злыя намѣренія противъ меня съ цѣлью личнаго обогащенія.

— За этотъ примѣръ я прикажу надъ могильнымъ памятникомъ твоимъ сдѣлать 12-ть ямочекъ, чтобы насѣкомые всегда находили въ нихъ хоть каплю дождевой воды и утоляли жажду свою за упокой твоей души, сказалъ султанъ.

— Твои милости и безъ этого многочисленны для меня. Это сдѣлаютъ мои наслѣдники, если я заслужу ихъ благодарности.

— Пусть будетъ по твоему. Теперь-же мы перейдемъ къ дѣлу, требующему немедленнаго отъѣзда твоего въ Крымъ.

— Я готовъ хоть сейчасъ сѣсть на судно, оставивъ тебѣ въ залогъ всѣхъ сыновей моихъ, которые будутъ хозяйничать въ Румеліи и исполнять твои приказанія.

— Кстати: я давно собирался спросить у тебя о старшемъ сынѣ твоемъ, который былъ раненъ въ Бахчисараѣ.

— Онъ поправился, но безпрестанно жалуется на здоровье.

— И ты не узналъ до настоящаго времени, кто нанесъ ему раны?

— Сынъ мой увѣряетъ, что одинъ изъ гяуровъ казаковъ, въ котораго онъ стрѣлялъ въ цѣль, но не убилъ наповалъ.

— Какимъ-же образомъ онъ проникъ въ твою столицу?

— Съ того времени, какъ русскіе проникли съ Мюникомъ во главѣ въ нашу страну, мы сдѣлались совершенно беззащитны отъ ихъ шаекъ. Будь у насъ такъ-какъ и у тебя постоянные янычары, мы справились-бы съ ними, но при теперешнемъ состояніи ханство рискуетъ каждый день сдѣлаться добычею Московов.

— Ну, этого мы не допустимъ. Довольно и того, что мы переносили дерзости русскихъ до настоящаго времени. Отнынѣ-же я положился отобрать отъ Россіи все, когда либо захваченное ею у васъ и жестокимъ образомъ дать ей почувствовать наше преимущество. Съ прибытіемъ твоимъ въ Крымъ ты немедленно приступишь къ сформированію арміи, которая готова будетъ на первый мой зовъ явиться къ берегамъ Дуная. Я уже приказалъ засадить въ крѣпость посланника русской царицы и предоставилъ свободу татарамъ грабить и опустошать прилегающія къ нимъ земли и на дняхъ ожидаю прибытія въ столицу низамовъ, число которыхъ думаю довести до 500 тысячъ человѣкъ и надѣюсь, что съ этими силами, при добромъ согласіи съ Польшею и Франціею, съумѣю растерзать нашего общаго врага, который считаетъ наше слово игрушкой.

— Если къ этому и я выставлю къ тебѣ на помощь до 150 т. человѣкъ, то, безъ сомнѣнія, твои границы дойдутъ до Кіева.

— Я иначе думаю сдѣлать при удачѣ. Мнѣ хотѣлось бы образовать отдѣльное Черкезское царство и возстановить прежнее господство надъ Россіею наслѣдниковъ Чингисъ хана. Этимъ только способомъ мы сокрушимъ неловкаго гиганта, который рано или поздно задавитъ насъ своими лапами.

— Твоя правда, султанъ и ты можешь сдѣлать многое, если будешь дѣйствовать быстро. Мнѣ придется немедленно поднять на ноги черкезовъ и это, конечно, удастся, когда войдутъ твои войска на Кавказъ и доставятъ боевые снаряды.

— Объ этомъ сдѣлано уже распоряженіе. Остановка только за тобою. Максутъ гирей чрезвычайно слабъ и совершенно негоденъ для предводительствованія арміи. Мы ему предоставимъ всѣ возможныя удовольствія и не сдѣлаемъ никакого упрека. Передай ты ему это.

— Когда же я выѣду? спросилъ Крымъ гирей.

— Сейчасъ же послѣ того, какъ ты откушаешь со мною. Я уже послалъ въ Крымъ посланника къ моимъ пашамъ съ извѣщеніемъ, что ты возвращаешься на тронъ въ полномъ убѣжденіи, что прежніе подданные твои и въ особенности ногайцы чрезвычайно обрадуются нашей милости.

— Ты сказалъ: ногайцы; но я мало сдѣлалъ добра этимъ людямъ, потому что жилъ далеко отъ нихъ.

— А между тѣмъ они больше другихъ настаиваютъ на твоемъ возвращеніи. Но настойчивѣе всѣхъ другихъ оказывается какой-то Хасымъ эфенди. Его подпись значится на всѣхъ почти прошеніяхъ, слѣдующихъ изъ Крыма. Это точно твой вѣрный ангелъ, который не дремля пускаетъ стрѣлы въ демоновъ, подслушивающихъ разговоръ Аллаха съ пророками, и желающій добра всѣмъ своимъ собратьямъ. Ты, пожалуйста, отыщи его и поклонись отъ меня. Такіе люди достойны быть приближенными къ трону и ты поступишь неблагодарно, если не предоставишь ему для стрижки хоть небольшую на первый разъ отару овецъ. Въ Крыму, кажется, есть цѣлая мѣстность, населенная гяурами, которые, по мнѣнію моему, должны чувствовать глубоко ничтожность свою предъ мусульманами и быть угнетаемы для того, чтобы сдѣлаться правовѣрными.

Крымъ гирей улыбнулся, но скрылъ отъ султана свое близкое знакомство съ отважнымъ брадобрѣемъ, исполнившимъ съ замѣчательною настойчивостію свое обѣщаніе.

Тѣмъ временемъ по повелѣнію Мустафы начали прибывать визири и другіе сановники имперіи, чтобы учавствовать въ вечернемъ обѣдѣ и почтить хана сопровожденіемъ на приготовленный заранѣе корабль. Для большей торжественности приказано было иллюминовать разноцвѣтными фонарями минареты и городскую пристань, по которой долженъ былъ шествовать Крымъ гирей.

На этотъ разъ шеихъ-уль-исламъ не говорилъ торжественной рѣчи, но ограничился разъясненіемъ власти земныхъ царей, обязанныхъ заботиться, чтобы святая религія, принесенная послѣднимъ пророкомъ съ неба, распространялась и просвѣщала несчастныхъ для ихъ блага.

— Добро мы обязаны дѣлать по мѣрѣ нашей власти и средствъ, продолжалъ онъ. Прибѣгая къ этому, мы не должны сокрушаться тѣмъ, что прослывемъ варварами. Если люди назовутъ насъ этимъ именемъ, то Аллахъ назоветъ насъ благодѣтелями человѣческаго рода. То же скажутъ и поколѣнія прозелитовъ, когда во всѣ отверстія ихъ ума проникнутъ благодатные лучи нашей вѣры и души ихъ очистятся отъ вліянія злыхъ шейтановъ. Для доказательства я могу представить тысячи примѣровъ въ Стамбулѣ. Тѣ изъ христіанъ, которыхъ мы заставили принять спасительный исламъ и жениться на нашихъ дочеряхъ, конечно, не выражали намъ благодарности за нашу заботу о ихъ душахъ, но ихъ сыновья сдѣлались самыми ревностными мусульманами и оказали важныя услуги султанамъ и имперіи. Тоже самое будетъ и въ Крыму, если ты, могущественный ханъ, возьмешься за нихъ съ подобающею суровостію и поощришь добровольныхъ послѣдователей корана.

— А много ли проживаетъ въ твоемъ ханствѣ этого ненавистнаго племени? спросилъ султанъ Мустафа.

— Я полагаю около 60 тысячъ человѣкъ.

— Чтожъ ты дѣлалъ съ ними?

— Бралъ гарачъ и заставлялъ отбывать разныя повинности. Все это люди покорные и не вмѣшивающіеся въ правительственныя распоряженія.

— И татаре имъ дозволяютъ свободно размножаться?

— Татаре дружно живутъ со всѣми національностями.

— Ну, это напрасно они дѣлаютъ. Христіане быстро размножаются и въ одинъ день могутъ сдѣлаться опасными для господъ своихъ. Вотъ у насъ совершенно иначе смотрятъ на нихъ и при каждомъ удобномъ случаѣ прочищаютъ Стамбульскія улицы отъ этой гадкой травы. Въ самомъ дѣлѣ: какъ идетъ это дѣло въ настоящую минуту? спросилъ султанъ, обращаясь къ великому визирю.

— Отлично, султанымъ, отвѣчалъ онъ, большинство богатѣйшихъ купцовъ и судовладѣльцевъ отправлены уже въ адъ, а имущество ихъ принято въ казну.

— И все это дѣлается безъ сопротивленія? спросилъ Крымъ гирей.

— Ни у одного изъ нихъ нѣтъ оружія, а если народъ безъ оружія, то для истребленія его достаточна сотня хорошихъ янычаръ.

— Какія же вы находите причины для возбужденія рѣзни?

— Главнѣйшая та, что греки безъ стѣсненія говорятъ, что завоеванная нашими предками земля есть ихъ собственность, которая рано или поздно перейдетъ къ нимъ. Развѣ этого не довольно, чтобы стараться предупредить ихъ надежды?

Крымъ гирей не подымалъ головы. По его мнѣнію такое насиліе не могло быть прилично султанскому правительству, вошедшему въ составъ европейскихъ державъ.

— Ты, кажется, не одобряешь нашей политики? сказалъ султанъ.

— Да, потому что она вселяетъ вражду со стороны всѣхъ христіанскихъ царей, между которыми находимся и мы.

— Имъ нѣтъ дѣла до нашихъ обхожденій съ подданными и рабами нашими, замѣтилъ шеихъ-уль-исламъ.

— Ты сказалъ правду только на половину. Каково бы тебѣ показалось, еслибъ Россія, въ которой живетъ нѣсколько милліоновъ мусульманъ начала истреблять ихъ? спросилъ Крымъ гирей.

— Она обязана чтить преимущество нашихъ единовѣрцевъ.

— Это почему! спросилъ ханъ.

Шейхъ-уль-исламъ началъ приводить доказательства, не имѣвшія значенія.

— Всѣ твои слова вздоръ, сказалъ гирей. Ты, какъ проповѣдникъ истины, забываешь святыя слова отцовъ нашихъ: не стучи въ двери ближняго, чтобы не заставить другихъ стучать въ твои собственныя. Вы убьете сто тысячъ христіанъ, а христіане 5-ть милліоновъ мусульманъ. Подумай же, какой отвѣтъ ты дашь пророку за такой подвигъ? Я самъ не люблю эту націю и давно бы истребилъ ее, еслибъ не обсудилъ страшныхъ послѣдствій.

Эти слова остановили вниманіе султана.

— Крымъ гирей говоритъ разумную правду, сказалъ онъ, и я требую, чтобы съ завтрашняго дня остановилось кровопролитіе въ имперіи. Слышите, чтобы ни одного больше христіанина не убивали напрасно!

Не успѣлъ султанъ отдать этого приказанія, какъ въ сераль прибыли гонцы съ чрезвычайными извѣстіями. Встревоженный султанъ пожелалъ видѣть ихъ лично. Первый гонецъ оказался изъ Галлиполи, а другой съ Кавказскихъ береговъ.

— Какія новости вы привезли мнѣ? спросилъ падишахъ.

— Самыя непріятныя, султанымъ, отвѣчалъ прибывшій изъ Галлиполи—русскій флотъ въ громадной численности вступилъ въ бѣлое море (Архипелагъ) и нѣтъ сомнѣнія, что всѣ христіане будутъ дѣйствовать за одно съ нимъ.

— Ну, а ты зачѣмъ посланъ къ намъ? спросилъ падишахъ къ прибывшему съ Кавказа.

— Чтобы извѣстить, что русскія войка въ громадномъ числѣ подступили къ Кавказскимъ горамъ.

— Награди гонцовъ, сказалъ султанъ, обращаясь къ великому визирю и отпусти ихъ съ миромъ. Послѣ чего Мустафа приказалъ подать ему заранѣе приготовленные для Крымъ гирея царскіе знаки: каукъ и драгоцѣнную саблю и, приказавъ вновь возложить на него, поцѣловалъ хана въ оба глаза.

Когда покончились поздравленія со стороны присутствующихъ, султанъ громогласно произнесъ:

— Да даруетъ тебѣ Аллахъ, мой возлюбленный братъ, счастливаго путешествія и сдѣлаетъ тебя полезнымъ для міра правовѣрныхъ! Мы ждемъ отъ тебя большой помощи противъ русскихъ гяуровъ, которые соединились братскими узами съ нѣмцами въ предположеніи нанести намъ вредъ. Но они забываютъ, что ихъ поразитъ нашъ покровитель пророкъ, какъ и сдѣлалъ уже во время дерзскаго нашествія царя Петра, возмечтавшаго затоптать насъ въ грязи. Всѣ обѣщанныя мною деньги уже свезены на твое судно и въ расходѣ ихъ ты не дашь намъ отчета. Въ крайности мы еще поможемъ тебѣ. Будь здоровъ и не забывай насъ въ твоихъ молитвахъ.

Крымъ гирей отвѣчалъ, что сдѣлаетъ все, что будетъ въ его силѣ и власти, вытеръ слезы благодарности и, поцѣловавъ въ плечи великаго калифа, пожелалъ ему тысячелѣтія и счастливой жизни.

VIII.

При ликующихъ радостныхъ крикахъ народа Крымъ гирей, ѣхавшій на богато убранной лошади, своеручно бросалъ народу полныя пригоршни мелкой серебряной монеты, которая висѣла въ мѣшечкѣ, у луки его дорогаго сѣдла. Вся улица завѣшана была длинными складными фонарями, на лощеныхъ сторонахъ которыхъ отражались фантастическіе рисунки животныхъ и цвѣтовъ, улемы, янычары и низамы съ обнаженными саблями, все это взятое вмѣстѣ, заставляло турковъ смотрѣть съ какимъ-то благоговѣніемъ на владыку татаръ, возвращавшагося на царство въ такое время, когда предстояло мусульманамъ и гяурамъ помѣряться своими силами. У пристани самъ великій визирь поспѣшилъ взяться за стремя ханскаго сѣдла, чтобы почтить услугою достопочтеннаго гирея.

— Ты напрасно сдѣлалъ это при такой массѣ народа, сказалъ ему шопотомъ ханъ, твое униженіе напоминаетъ мнѣ какъ-то невольно Селимъ гирея, который, отправляясь съ этой же пристани въ Крымъ, не иначе сѣлъ на лодку, пока не приказалъ принести ему голову

великаго визиря. Въ настоящую минуту мнѣ кажется, что и я могъ бы достигнуть этого желанія, еслибъ принадлежалъ къ разряду мстительныхъ людей. Надѣюсь, что ты это сознаешь и перестанешь дѣлать какія-либо непріятности мнѣ. Я желаю быть другомъ султана и не потерплю людей, которые захотятъ ссорить насъ.

— Довольно, довольно, ханъ. Я мало тебя зналъ прежде, но отнынѣ разсчитывай на меня, какъ на преданнаго слугу.

Разговоръ этотъ прерванъ былъ крикомъ народа: „*огурларъ олсунъ**)!"

Ханъ выбросилъ послѣднія монеты и, пожелавъ всѣмъ сопровождающимъ его здоровья, быстро спустился въ позолоченный каикъ, который умчалъ его въ дальную синеву Босфора.

Вѣсть о возвращеніи Крымъ гирея въ Бахчисарай буквально обрадовала всѣхъ за исключеніемъ богатыхъ купцовъ, успѣвшихъ нажить состояніе во время его отсутствія и христіанъ, на которыхъ онъ смотрѣлъ, какъ на рабовъ своихъ. Но всего болѣе радовались Хасымъ эфенди и тѣ, у которыхъ этотъ ханъ отобралъ въ займы деньги и довелъ ихъ до полнаго банкротства. Отважный брадобрѣй, увѣривъ ихъ, что Крымъ гирей непремѣнно возвратитъ имъ все взятое, требовалъ отъ нихъ послѣднихъ жертвъ на устройство торжественнаго пріема для властителя. Кредиторы согласились и всѣ отправились въ Гезлевъ (Евпаторію) для привѣтствія монарха съ минуты вступленія на почву Крыма. Хасымъ эфенди не ограничился и этимъ. Онъ послалъ нарочныхъ къ ногайскимъ сераскирамъ и заставилъ ихъ со всѣми ихъ диванами, мурзами и богачами также прибыть въ Гезлевъ съ подобающими для привѣтствія бакшишами (подарками). Такое движеніе народа не могло не повліять на прочія сословія ханства и тѣхъ представителей его, которые нуждались въ подтвержденіи фирмановъ на бейлики и другаго рода привиллегіи. Вслѣдствіе всего этого къ Гезлеву вынуждены были направиться тысячи людей и въ числѣ ихъ даже и тѣ, кото-

*) Да будетъ счастливый путь.

рые имѣли право быть недовольными возвращеніемъ Крымъ гирея.

Всего этого, конечно, ханъ не предвидѣлъ. Ему казалось, что татаре недовольны были его управленіемъ и выразятъ это полнымъ равнодушіемъ, которое, можетъ быть, впослѣдствіи, когда онъ расплатится съ долгами, замѣнится лучшими чувствами. Раздумывая будущее положеніе свое, Крымъ гирей казался мрачнымъ, но вскорѣ опомнился и чтобы развеселить себя, скинулъ свой ханскій нарядъ и отправился къ первой кучкѣ матросовъ, которые, растянувшись на палубѣ, вели между собою веселый разговоръ.

— Послушай, Бешъ-бучукъ пармакъ *), заговорилъ одинъ изъ матросовъ, вѣдь мы веземъ на царство новаго хана въ Крымъ, т. е. страну, гдѣ золото и серебро гребутся лопатами, гдѣ дѣвушки полнѣе луны и не смотря на выходъ замужъ нисколько не измѣняются.

— Кто тебѣ такъ вознесъ эту страну? — возразилъ слушающій. Тебя дурака обманули.

— Если сказанное мною не подтвердится предъ твоими глазами, то я позволю сбрить съ головы моей *перчемъ* (клокъ) волосъ одну половину усовъ и замкнуть губы навсегда висячимъ замкомъ.

— Да почернѣетъ моя шея и да подавлюсь я моею кровью, если сказавшій тебѣ эти небылицы о Крымѣ, не принялъ тебя за сына ослицы. Скажи мнѣ, кто тебѣ говорилъ эти слова?

— Я ихъ слышалъ въ Стамбулѣ отъ одного татарина, у котораго висѣло нѣсколько десятковъ священныхъ молитвъ. Такіе мусульмане никогда не лгутъ.

— Напротивъ пріятель мой такіе богачи всегда потѣшаются надъ нами бѣдняками. Крымъ въ сравненіи съ Стамбуломъ настоящій адъ съ его обитателями, которые подобно братьямъ своимъ шейтанамъ ужасно быстро размножаются. Страна ихъ большинствомъ безводная, а тамъ, гдѣ нѣтъ воды, тамъ и трава грѣшная; женщины очень походятъ мордами на анадольскихъ коровъ и у всѣхъ почти гнилое сердце и чрезвычайно прозрачный

*) Пять съ половиною пальцевъ.

мозгъ. Вотъ какимъ мнѣ описывали островъ, называвшійся зеленымъ, вѣроятно, потому, что въ немъ всѣ одѣваются въ этотъ священный цвѣтъ.

— Ну, братъ видно тебя накормили желтой грязью, вмѣшался третій матросъ, а ты думаешь угостить насъ вмѣсто рисоваго пилафа снопомъ соломы. Крымъ или какъ называютъ его Зеленый островъ такая благодатная страна, что въ ней и ночью Аллахъ зажигаетъ свѣчи надъ могилами праведныхъ мусульманъ изъ рода Османлы *). Вслѣдствіе чего всѣхъ умирающихъ тамъ турковъ признаютъ за святыхъ и обращаются съ ними, какъ съ избранными пророкомъ просвѣтителями. Покойный отецъ мой, да издаетъ душа его ароматы розоваго масла, нѣсколько разъ былъ въ Крыму и разсказывалъ мнѣ, что тамошнія дѣвушки до того красивы, что благоухаютъ запахомъ толченаго перца и однимъ взглядомъ воспламеняютъ сердца даже стариковъ, которые въ нашемъ отечествѣ навѣрно записались бы въ разрядъ инвалидовъ, негодныхъ для супружескихъ наслажденій. Вотъ, друзья мои, какими дѣвушками населена Крымская земля. Что же касается ихъ хановъ или царей, то они многимъ выше стоятъ нашихъ султановъ, которые считаютъ себя намѣстниками многомилостиваго пророка Магомета и презираютъ такихъ бѣдняковъ, какъ мы съ тобою. Крымскіе ханы вездѣ бываютъ доступны для всѣхъ безъ различія и награждаютъ бѣдняковъ такъ щедро, какъ можетъ сдѣлать это одинъ только Аллахъ. Отецъ мой разсказывалъ, что одинъ изъ хановъ въ его присутствіи вознесъ до небеснаго величія простаго байгуша за то только, что онъ подалъ ему лошадь и подержалъ за стремя, когда падишахъ садился. Онъ сдѣлалъ его беемъ, пожаловалъ городомъ съ 40 деревнями, двумя озерами, а взамѣнъ потребовалъ только непрестанной молитвы о благоденствіи своемъ. Сдѣлали что-ни-

---

*) Свѣчи эти ничто иное, какъ тѣ блуждающіе огни, которые извѣстны были еще древнимъ подъ именемъ ignes fatui, а въ наше время называются англичанами wil-with-a wisp или Jack-with-lanthron т. е. Вилльгельмъ съ факеломъ соломы или Яковъ съ фонаремъ. Блуждающіе огни въ большомъ количествѣ можно видѣть каждый вечеръ въ болотистыхъ мѣстахъ Булона, а въ Крыму, дѣйствительно, встрѣчаются на кладбищахъ, въ степныхъ мѣстахъ.

будь подобное наши султаны твоимъ или моимъ дѣдамъ? Кромѣ этого татаре пользуются правомъ постоянно дѣлать набѣги на сосѣднихъ гяуровъ и захватывать у нихъ тысячи лошадей, коровъ и барановъ въ личную пользу свою. Если же мы прибавимъ къ этому несчетное число плѣнныхъ дѣвокъ или самокъ отличной заводской породы, при видѣ которыхъ невольно бѣжитъ слюна и барабанятъ зубы, то тебѣ понятно будетъ, что жизнь въ Крыму гораздо пріятнѣе, чѣмъ въ *дженетъ* (раѣ).

— Эй, *достъ* (пріятель), ты до того подкурилъ мои чувства обонянія—сказалъ четвертый товарищъ—что я, вѣроятно, не засну сегодняшнюю ночь и буду горѣть въ огнѣ моихъ фантазій. Уфъ, еслибъ ужъ скорѣе пріѣхать въ Крымъ! Авось ханъ за то, что мы благополучно доставимъ его, предоставитъ въ наше распоряженіе десятка два казачекъ, о которыхъ разсказываютъ знатоки такія вкусныя вещи и которыя не приспятся даже нашему брату.

— Поди къ хану и попроси его объ этомъ — замѣтилъ кто-то.

— Да, чтобы онъ приказалъ бросить меня въ море и осквернилъ могилу моей матери. Нѣтъ, друзья, я пока не разбивалъ моего лба о камни безумія и не воспитывался по книгѣ мудрости, созданной для осла.

— О чемъ это идетъ у васъ разговоръ? спросилъ вновь подошедшій старый матросъ.

— Мы болтаемъ о Крымѣ—отвѣчали ему товарищи. Одни изъ насъ точно какъ-бы плюнули другъ другу въ ротъ, возносятъ эту страну чуть не до седьмаго неба, а другіе порицаютъ ее. Право не знаешь, кто изъ нихъ заслуживаетъ за ложь отсѣченія языка. Не знакомъ ли ты съ этою страною?

— Мнѣ ли не знать Крыма — отвѣчалъ старикъ, садясь въ группу молодыхъ людей—я болѣе 45 лѣтъ объѣзжаю берега Чернаго моря, не разъ дрался съ московскими гяурами и терь-казаками, видѣлъ болѣе десятка хановъ, которые всѣ безъ исключенія были подлецы, потому что за всѣ мои раны и услуги не сочли приличнымъ даже плюнуть мнѣ на ладонь руки. Нашъ султанъ, да прозвенятъ его уши, не напрасно лишаетъ ихъ прес-

тола и презираетъ, какъ червивыхъ барановъ. Въ Крыму только одинъ есть знаменитый и небывалый человѣкъ, котораго аллахъ хранитъ, вѣроятно, для повѣданія славы своей, это Толбай-джинджи, проживший болѣе 360 лѣтъ и дѣлающій такія чудеса, которыхъ не встрѣтишь даже въ Сиретъ-неби *). Проще сказать, это пророкъ или величайшій колдунъ. Но грубые и невѣжественные татаре не знаютъ ему цѣны и насмѣхаются, когда онъ говоритъ, что живетъ четвертый вѣкъ.

— И ты его видѣлъ самъ? посыпались вопросы.

— Не только видѣлъ, но пользовался его гостепріимствомъ и такими угощеніями, какихъ не чудилось ни одному изъ султановъ нашихъ. Этотъ Толбай-джинджи пришелъ въ Крымъ съ монголами изъ Индостана и съ того времени остался въ этой злополучной странѣ, гдѣ благоденствуютъ только одни мурзы и улемы на счетъ остальнаго народа. Эти ненасытные бугаи захватываютъ въ свои лапы всѣхъ плѣнницъ Кавказа и русской земли и отъ праздности изобрѣтаютъ сотни способовъ разнородныхъ наслажденій. Ихъ ханы также живутъ только этими мечтами.

— А этотъ, котораго мы теперь веземъ? спросилъ кто-то.

— Этотъ будетъ похуже всѣхъ, но ему еще простительно, такъ какъ онъ, не смотря на свою бороду и претензію выставлять себя старикомъ, не имѣетъ болѣе 45 лѣтъ. Этотъ ханъ до того любитъ роскошь и женщинъ, что сожралъ бы ихъ всѣхъ и все-таки не насытился бы.

— А ты, *Сйдикли* **) Ахметъ—сказалъ Бешъ-бучукъ пармакъ—мечталъ о томъ, чтобы этотъ ханъ предоставилъ намъ десятка два казачекъ. Смотри братъ, чтобы онъ не задумалъ и тебя взять въ свой гаремъ мальчиковъ. У тебя недурной складъ лица, а если откормить въ глубокомъ погребѣ, куда не проникаютъ лучи солнца, то ты будешь бѣлѣе любой женщины.

— Не прерывай рѣчи нашего почтеннаго Осурукъ-баши ***)—послышалось нѣсколько голосовъ.

---

*) Книга, въ которой описываются дѣянія магомета.
**) Т. е. мокрый.
***) Чревовѣщателя или главы неспокойныхъ желудковъ.

Разсказы эти чрезвычайно заинтересовали Крымъ-гирея и онъ плотнѣе прижался къ кучамъ запасныхъ парусовъ и канатовъ, чтобы не быть замѣченнымъ.

— У хана, котораго мы теперь веземъ—продолжалъ Осурукъ, есть одинъ очень замѣчательный цирульникъ подъ названіемъ Хасымъ-эфенди, но это не есть его настоящее имя. Его по настоящему зовутъ Сичхахъ-Бекиръ, такъ какъ жены его иногда находятъ около него болѣе 300 золотниковъ *) чистѣйшаго золота, которое отдаютъ или спускаютъ въ ручей, извѣстный въ Бахчисараѣ подъ названіемъ Чурукъ-су (гнилая вода), и очень гордятся предположеніемъ, что металлъ этотъ придаетъ особенный вкусъ насажденіямъ огородниковъ. Съ этимъ Хасымъ-эфендіемъ я познакомился въ прошломъ году въ Гезлевѣ, гдѣ онъ довѣрилъ мнѣ для передачи прошеніе нашему султану отъ имени татаръ о возвращеніи къ нимъ теперешняго хана. За эту услугу онъ подарилъ мнѣ три какача **), два батмана (12 окъ) курдючнаго сала, большой войлокъ и нѣсколько сѣрыхъ смушекъ съ тѣмъ, что если я ему привезу хорошее извѣстіе, то онъ сдѣлаетъ мнѣ все, что я пожелаю. Судьба моя нынѣ доставляетъ мнѣ лично сопровождать этого хана. Слѣдовательно, надо придумать себѣ приличное вознагражденіе, а какое именно считается лучшимъ—я право не могу сообразить.

— Ты женатъ? спросилъ одинъ изъ матросовъ.

— Я былъ женатъ семь разъ, но всегда послѣ возвращенія домой не находилъ жены моей, которую, вѣроятно, подобные вамъ джигиты умѣли увѣрить въ моей погибели въ нѣдрахъ Чернаго моря или битвѣ съ гяурами.

— Ну, вотъ и кстати потребуй отъ твоего Хасымъ-эфендія, чтобы онъ женилъ тебя въ восьмой разъ и далъ столько приданаго, чтобы жена твоя не голодала, а я такъ и быть сдѣлаюсь ея сторожемъ и буду приводить къ тебѣ на судно всякій разъ, когда ты возвратишься съ твоей поѣздки.

— Ты забылъ, вѣрно, сынъ мой, что небо для подоб-

---

*) Турки считаютъ одно око за 400 золотниковъ.
**) Цѣликомъ вяленный баранъ.

ныхъ молитвъ открывается только утромъ, а теперь ночь и въ добавокъ очень темная.

— Не напрасно говорятъ старики, замѣтилъ кто-то, что орлы и во снѣ мечтаютъ о ягнятахъ. Берегись, Осурукъ баши, чтобы этотъ человѣкъ не подговорилъ и будущую твою жену къ бѣгству. Какъ маленькое дитя узнается по сору своему, чѣмъ оно будетъ, когда выростетъ, такъ и взрослый по словамъ, къ чему онъ способенъ и расположенъ.

— Ты ошибаешься, другъ, возразилъ матросъ, такъ какъ меня никто не ласкалъ въ люлькѣ и не пріучалъ къ нѣжностямъ. Что же касается Осурукъ-баши, то онъ, говорятъ, ласкалъ своихъ женъ при солнечномъ сіяніи, вслѣдствіи чего бѣдняжки получили *назле* надъ деснами и вынуждены были обратиться къ опытнымъ канаваламъ, чтобы имъ спустили насосы.

— Не подслушалъ ли ты этой тайны, дитя мое, въ той пещерѣ злыхъ джиновъ, откуда не выходитъ ни одинъ человѣкъ въ нормальномъ умѣ? сказалъ Осурукъ-баши, или не произвели ли тебя на свѣтъ Божій косые родители съ вывороченными головами?

— У его матери, прибавилъ кто-то, не тамъ было лицо и ротъ, гдѣ бываетъ у остальныхъ людей, а совершенно на противоположной сторонѣ. Я самъ ее видѣлъ и даже говорилъ съ нею.

— Твой жерновъ вмѣсто муки началъ выбрасывать крупу, замѣтилъ съ строгостію подвергавшійся насмѣшкамъ. Не лучше ли намъ продолжать разговоръ о Крымѣ, къ которому мы направляемся.

— Тише, тише, друзья, пусть говоритъ одинъ Осурукъ-баши. Это всезнающій человѣкъ: онъ даже во снѣ разговариваетъ съ животными и птицами, которыхъ боится на яву. Скажи намъ, дѣдушка, не приходилось ли тебѣ кушать у ногайцевъ *кавурмы* *) изъ лошадинаго хвоста? Говорятъ, что народъ этотъ самый умнѣйшій въ мірѣ.

Я сужу это по разсказамъ моего дяди, которому приходилось раза два участвовать съ ними въ битвѣ противъ урусовъ. Однажды онъ спросилъ у ихъ сераскира:

---

*) Мелко порѣзанное и жареное на своемъ соку мясо.

сколько у тебя всѣхъ пальцевъ на рукахъ и ногахъ? Подумавъ нѣсколько минутъ, онъ отвѣчалъ 20-ть. Ну, а если эти 20-ть пальцевъ отрубить и смѣшать вмѣстѣ въ одной чашкѣ, сколько окажется по счету? Тогда будетъ сорокъ, отвѣчалъ сераскиръ. Видите ли, друзья, какіе умные люди обитаютъ въ Крыму. Каковъ же долженъ быть послѣ этого хваленый Толбай-джинджи, проживший 360 лѣтъ, которому, вѣроятно, суждено прожить еще 6 лѣтъ, чтобы дополнить численность всѣхъ пророковъ, посѣтившихъ нашу грѣшную землю.

— *Эшекъ-оглу* *), прижми зубами твой языкъ, не то всезнающій Толбай нагонитъ такую бурю, что намъ для умиротворенія воды придется выбросить тебя за бортъ.

— Плевать мнѣ на всѣ мѣста, гдѣ ростутъ волосы у твоего Толбая!

— Ну, ужъ за это тебѣ не поднесутъ меда товарищи, если буря начнется, сказалъ съ неудовольствіемъ Осурукъ-баши. Уйди отъ нашей компаніи сейчасъ или я заставлю тебя повиноваться моей власти! и онъ, вскочивъ на ноги, далъ ему толчекъ въ спину.

Молодой матросъ ушелъ, сопровождаемый насмѣшками.

— Да неужели твой знакомецъ Толбай-джинджи такой могущественный человѣкъ? спросилъ ближайшій собесѣдникъ.

— Чтобы удостовѣрить тебя въ его могуществѣ— отвѣчалъ старый морякъ—я разскажу тебѣ одинъ случай: 32 года тому назадъ я высаженъ былъ въ Гезлевѣ съ судна по случаю ужасной *терлеме* (горячки), чтобы не заразить остальныхъ матросовъ. Гезлевъ въ то время былъ огромный городъ съ 5 тысячами хане (дворы) и множествомъ мечетей, изъ которыхъ одна по наружному виду и внутреннему убранству, колоннамъ, пилястрамъ, *мграбу*, *мюнберу* и *курси* **) очень напоминала нашу Ай-софійскую мечеть. Славный городъ этотъ окруженъ былъ тогда высокою стѣною съ четыреугольными башнями и широкимъ рвомъ, вырытымъ въ сплошномъ раковистомъ камнѣ. За городомъ были большіе тѣнистые

*) Сынъ осла.
**) Сѣдалище муллы, каѳедра поученія и нѣчто въ смыслѣ престола Божія.

сады, наполненные хорошенькими домиками. Народонаселеніе города такъ было богато, что надо было удивляться большому изобилію сокровищъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и наши турки наслаждались въ немъ полнѣйшимъ кейфомъ. Какъ вдругъ прибыли въ городъ нѣсколько татаръ изъ арміи, разбитой гяурами подъ Оромъ (перекопомъ) съ извѣстіемъ, что враги идутъ на Гезлевъ съ намѣреніемъ уничтожить всѣхъ мусульманъ. Испуганные жители разбѣжались, кто въ отдаленныя деревни, кто перешелъ на суда, отодвинувшія въ море. Въ цѣломъ городѣ остался только я одинъ, не будучи въ силахъ передвигать отъ слабости ногъ. Ну, думаю, теперь мнѣ отомстятъ гуяры, если только въ средѣ ихъ окажутся собратья отважныхъ атамановъ Петръ-оглу и Татаръ-оглу *), которымъ я сдѣлалъ много зла. Въ предчувствіи своей гибели я началъ горячо молиться Богу и обѣщалъ побывать у сорока Крымскихъ азизовъ (святыхъ), если избавлюсь отъ смерти. Кромѣ этого поклялся побывать въ Меккѣ съ соблюденіемъ всѣхъ установленныхъ правилъ, т. е. развестись съ женою и вновь жениться въ святомъ градѣ, чтобы не остаться подъ пятницу безъ джумалыка. Только что я проговорилъ эти слова, какъ почувствовалъ сильное желаніе заснуть. Прикрывая колпаки глазъ моихъ, я задумалъ, что если мнѣ приснится конь, то я навѣрно избавлюсь отъ бѣды, но если женщина съ длинными волосами, то непремѣнно погибну. Часъ спустя я очнулся и замѣтилъ, что у ногъ моихъ сидитъ почтенный старикъ.—„Сынъ мой—сказалъ онъ—ты просилъ Бога, чтобы онъ защитилъ тебя отъ предстоящей гибели?—Да, отецъ мой—отвѣчалъ я со страхомъ.—Будь спокоенъ, молитва твоя принята нашимъ пророкомъ и онъ приказалъ мнѣ отыскать тебя и защитить. Я сдѣлаю такъ, что гяуры будутъ около насъ и не замѣтятъ ни тебя, ни меня.“ Только что онъ сказалъ эти слова, какъ раздались барабаны и звуки военныхъ трубъ. Городъ наводнился русскими солдатами, которые грабили и жгли дома, но ни одному изъ нихъ не пришло въ го-

---

*) Петрова и Татаринова, извѣстныхъ своими морскими набѣгами на Батумъ, Самсунъ и другія мѣстности по берегамъ Чернаго моря.

лову заглянуть въ домикъ, гдѣ я лежалъ безъ движенія. На другой день, когда злодѣи выступили изъ города, старикъ снова предсталъ предо мною и, назвавъ себя Толбай джинджіемъ *), разсказалъ мнѣ, что ему 360 лѣтъ, что онъ властенъ дѣлать все и постарается отправить меня въ Стамбулъ, если не сегодня, то на другой день. И дѣйствительно, я къ вечеру былъ перенесенъ на судно, отходящее въ мое отечество. Впослѣдствіи я еще разъ видѣлся съ этимъ святымъ человѣкомъ и кажется видѣлъ, какъ онъ заставилъ верблюда ходить на головѣ своей.

Не успѣлъ Осурукъ паша сказать послѣдняго слова, какъ судно ихъ начало дрожать точно отъ землетрясенія и послышался гулъ моря.

— Алла, алла! произнесли матросы, подымаясь съ мѣста—видно, буря приближается.

— Этому причиною послужитъ Бешъ-бучукъ-пармакъ— замѣтилъ старый морякъ—его подлыя слова, безъ сомнѣнія, только теперь долетѣли до слуховыхъ отверстій Толбай-джинджи и онъ навѣрно заставитъ насъ утопить дерзкаго въ наказаніе за хулу.

Нѣсколько минутъ спустя послышался вдали громъ, загудѣли порывы вѣтра и началась качка. Крымъ-гирей, не имѣвшій понятія о морскихъ буряхъ, началъ чувствовать головокруженіе и поспѣшилъ возврататься въ свою каюту, гдѣ скоро заснулъ въ полномъ убѣжденіи, что море, отчасти принадлежавшее ему, не должно враждовать противъ повелителя своего. Какъ вдругъ онъ былъ пробужденъ криками ужаса и всеобщимъ смятеніемъ.

— Ханъ, ханъ, мы погибаемъ! послышалось ему за дверьми каюты.

— Не напились ли они пьяными? подумалъ гирей и хотѣлъ подняться на ноги, но, получивъ сильный толчекъ, снова опрокинулся на койку.

Въ это время съ страшнымъ грохотомъ упала мачта,

---

*) О Толбай джинджи до Эмиграціи татаръ изъ Крыма въ Перекопскомъ и Евпаторійскомъ уѣздахъ можно было набрать тысячу анекдотовъ: Это былъ своего рода графъ Каліостро, но съ тою разницею, что послѣдній былъ обличенъ въ шарлатанствѣ, а первый умеръ, судя по преданіямъ, достигнувъ затаенной цѣли въ царствованіе Шагинъ-гирей хана.

отбившая часть каюты его и брызги волнъ окатили изумленнаго владыку Чернаго моря.

— Видно, этотъ Толбай джинджи не знаетъ—подумалъ гирей—что я нахожусь на морѣ—онъ никогда не позволилъ бы себѣ сдѣлать повелителю своему непріятнаго.

Между тѣмъ буря усиливалась и грозила разорвать судно на клочки. Крымъ-гирей бросился на колѣна и началъ призывать на помощь пророка и заступничество сорока святыхъ, о чудесахъ которыхъ онъ много разъ слышалъ въ бытность ханомъ.

„О могущественные азизы—вопилъ онъ—вы до настоящаго времени были извѣстны только очень немногимъ правовѣрнымъ и мѣсто вашего почиванія никѣмъ не очищено и не освящено. Если-же вы спасете меня отъ волнъ разъяреннаго моря, я прославлю васъ и ежегодно буду пріѣзжать на могилу съ приближенными ко мнѣ *). Если и этого мало, я поселю около васъ Толбай-джинджи и заставлю народъ мой уважать этого могущественнаго человѣка....

Не успѣлъ ханъ произнести этихъ словъ, какъ къ нему ворвался молодой матросъ, умоляя спасти отъ ожесточенныхъ товарищей, которые рѣшились выкинуть его за бортъ судна на жертву злому духу, чтобы умилостивить аллаха.

— Какъ тебя зовутъ? спросилъ ханъ.

— У меня много названій: одни именуютъ львиною пратвою, другіе заячьимъ хвостомъ, третьи пяти съ пополовиною паличнымъ, но настоящее мое имя Кемалъ, сынъ Селямета—лошадинаго хвоста.

— Лѣзь подъ мою койку и проси Толбай-Джинджія, чтобы онъ смиловался надъ нами—сказалъ гирей.

Ханъ продолжалъ молиться. Вѣтеръ началъ постепенно уменьшаться и къ разсвѣту совершенно прекратился.

Измученный Крымъ-гирей спалъ почти весь день.

---

*) У татаръ степныхъ сохранилось преданіе, что обѣщаніе свое Крымъ-гирей исполнилъ въ теченіи перваго мѣсяца послѣ пріѣзда въ Бахчисарай, и съ того времени 40 азизовъ (въ недали отъ Зуйской станціи) начали уважаться всѣми мусульманами.

Бешъ-бучукъ-пармакъ боялся выходить изъ своей засады, чтобы не возбудить своимъ присутствіемъ новаго волненія.

Реизъ или капитанъ судна нѣсколько разъ заглядывалъ въ ханское помѣщеніе, но не осмѣливался нарушать покоя высокаго гостя, за цѣлость котораго отвѣчалъ головою предъ султаномъ. Только предъ вечеромъ гирей пробудился съ большимъ аппетитомъ и приказалъ подать кушать. Бешъ-бучукъ-пармакъ, которому вдвое болѣе хотѣлось начинить свой желудокъ, не стерпѣлъ отъ запаха поданной пищи и началъ кряхтѣть, чтобы напомнить о себѣ.

— И ты, вѣрно, проголодался, мой сынъ? сказалъ ханъ, приказывая вылѣзть изъ засады. Садись около меня и доѣдай, что останется.

Матросъ выразилъ боязнь.

— Теперь гроза прошла и товарищи твои успокоились.

— Но она вновь можетъ сдѣлаться и тогда я погибну. Не лучше-ли мнѣ показаться на палубѣ, когда мы войдемъ въ гезлевскій портъ?

— Не бойся ничего. Отнынѣ я беру тебя подъ свое покровительство и ты будешь въ Крыму до тѣхъ поръ, пока этого пожелаешь. Я назначу тебя реизомъ судна, которое думаю построить для постояннаго сообщенія съ Стамбуломъ, но съ тѣмъ, конечно, если ты будешь способнымъ управлять имъ.

— Я, султанымъ, съ 10-ти лѣтняго возраста живу на судахъ и до того привыкъ къ этого рода занятіямъ, что не имѣю понятія ни о чемъ другомъ. Мнѣ кажется, страннымъ, что люди, подобные мнѣ, могутъ обитать вдали отъ морей.

— Тѣмъ лучше для тебя. А есть-ли у тебя родители и гдѣ они живутъ?

— Родители должны быть у каждаго человѣка, но многимъ приходится не знать ихъ. Я былъ принятъ на воспитаніе реизомъ этого судна, когда мнѣ было три года. Человѣкъ этотъ чрезвычайно злой и всегда радовался случаю наказывать меня. Вотъ съ того времени я служу ему какъ рабъ, и никогда не осмѣлился спросить, у кого онъ взялъ меня.

— Судя по чертамъ лица твоего ты, кажется, родился въ Крыму, сказалъ гирей. Впрочемъ, я самъ разспрошу реиза, когда ты удовлетворишь аппетиту твоему и вновь спрячешься подъ мою койкою, согласно желанію своему.

Откушавъ, Крымъ-гирей вышелъ подышать свѣжимъ воздухомъ и расположился на возвышенномъ сидѣніи около капитана корабля.

— Въ то время, когда вы всѣ изнемогали въ борьбѣ съ злыми волнами — сказалъ онъ — я видѣлъ довольно страшный сонъ.

— *Хаиръ ола* *), эфендымъ, отвѣчалъ капитанъ, приложивъ руку къ сердцу.

— Мнѣ чудилось, что на твоемъ суднѣ находится одинъ мальчикъ, у котораго было при рожденіи 5½ пальцевъ на правой рукѣ.

— У меня, дѣйствительно есть такой человѣкъ, и я замѣнилъ ему роднаго отца.

— А не можешь-ли ты мнѣ сказать, чей онъ сынъ и откуда ты его взялъ?

— Онъ родился въ Бахчисараѣ.

— Слѣдовательно, онъ мой подданный.

— Совершенно справедливо, но я воспиталъ его и содержалъ по настоящій день.

— Я за все это тебѣ заплачу, если молодой человѣкъ понимаетъ морское дѣло.

— Онъ превосходный морякъ, но я обязанъ держать его у себя до того времени, пока его потребуютъ отъ меня.

— Кто-же именно?

— Какой-то Хасымъ эфенди изъ Бахчисарая. Онъ, повидимому, очень вліятельный человѣкъ, такъ-какъ въ то время пользовался особенною дружбою нашего паши въ Гезлевѣ, а паша этотъ родной братъ моего визиря, которому я обязанъ дѣлать все пріятное.

— А если этотъ Хасымъ эфенди самъ потребуетъ отъ тебя этого молодаго человѣка.

— Я обязанъ буду удовлетворить его справедливому требованію.

---

*) Принятое доброжелательство у всѣхъ почти восточныхъ народовъ.

— А далеко-ли намъ до Гезлевскаго порта? спросилъ ханъ.

— Если вѣтеръ не измѣнится, мы бросимъ якорь завтра вечеромъ.

Крымъ-гирей потребовалъ наргеле (кальянъ) и предался обычному размышленію.

IX.

Желая познакомить читателя съ существующими историческими свѣдѣніями о Крымъ-гиреѣ и столкновеніи Россіи съ Турціею, мы можемъ сказать о первомъ, что онъ вступилъ на крымскій престолъ въ 1758 году, послѣ страшныхъ погромовъ, нанесенныхъ русскими войсками этой странѣ. Крымъ-гирей, любившій роскошь и великолѣпіе, съ первыхъ дней царствованія сблизился съ Французскимъ посланникомъ и Іезуитскими патерами,— которые ознакомили его съ литературою, искусствами и художественными произведеніями. Подъ ихъ руководствомъ онъ началъ безконечныя передѣлки и добавленія въ своихъ дворцахъ и, замѣчая, съ какимъ довѣріемъ и любовью относился къ нему народъ, онъ безстрашный воинъ и отличный полководецъ началъ обдумывать планъ освобожденія себя и ханства своего отъ опеки Стамбульскаго дивана и для достиженія этого употреблялъ всевозможныя мѣры. Когда цѣль эта выяснилась предъ султаномъ, онъ такъ скоро распорядился смѣнить блистательнаго хана, что послѣдній лишенъ былъ возможности оказать сопротивленіе и по-неволѣ подчинился власти, которую мечталъ сокрушить. Естественно, что такому опасному гирею не дозволили бы вторично царствовать, еслибъ замѣнившій его ханъ Максутъ былъ способнымъ вліять на татаръ и еслибъ не предстояло войны съ Россіею за сожженіе пограничнаго турецкаго города Балты при преслѣдованіи русскими польскихъ конфедератовъ. Это обстоятельство заставило султана Мустафу, наперекоръ всѣмъ визирямъ, воспользоваться его громадною популярностію въ Крыму и всеобщимъ убѣжденіемъ въ превосходныхъ достоинствахъ полководца. „Пусть онъ намъ послужитъ при надобности, говорилъ онъ своимъ приближеннымъ — а потомъ

мы съумѣемъ отдѣлаться отъ опасныхъ людей". Намекъ этотъ успокоилъ всѣхъ сановниковъ и они рѣшились показать хану видъ покорности и крайней предупредительности. Конечно, все это тщательно было скрыто отъ Крымъ-гирея, мечтавшаго, что султанъ оцѣнилъ его по достоинствамъ и что отнынѣ онъ съумѣетъ дойти до полной самостоятельности съ сохраненіемъ дружественныхъ отношеній къ калифу.

Мы сказали раньше, что на зовъ Хасымъ эфендія встрѣтить достойнымъ образомъ повелителя своего въ Гезлевѣ, собралось очень много народа, большинство котораго мѣстный паша вынужденъ былъ поселить въ палаткахъ или чатырахъ, не смотря на то, что на дворѣ стоялъ январь мѣсяцъ и чувствовались довольно морозныя ночи.

По поводу этого отраднаго событія Хасымъ эфенди вызвалъ со всѣхъ мѣстностей ханства многихъ музыкантовъ и очень радъ былъ, что составился хоръ скрипокъ, зурнъ и трампетековъ *) при ста большихъ барабанахъ. Мудрый брадобрей, не чувствовавшій раньше способности къ поэзіи, на этотъ разъ почти экспромтомъ написалъ хвалебный гимнъ и заставилъ музыкантовъ не только придумать къ нему приличный мотивъ, но и затвердить наизусть, чтобы пѣть при появленіи хана. Улемамъ и софтамъ онъ также приказалъ собраться на пристань и быть готовыми къ пѣнію священной благодарности Аллаху за милость къ народу. А такъ какъ всѣ эти требованія частнаго человѣка исполнялись безпрекословно, то мурзы, чтобы не показать себя враждебными общему сочувствію, сочли и съ своей стороны обязанностію сдѣлать все, что только могли для торжественнаго пріема хана. Въ этихъ видахъ они опредѣлили устлать всю пристань до зданія, предназначеннаго для пріема гирея, коврами, войлоками и цыновками и разставить по краямъ ихъ мальчиковъ съ сосудами различнаго рода лакомствъ и шербетовъ; за каждымъ мальчикомъ приготовленъ былъ на сопкѣ цвѣтной фонарь со свѣчею, на случай пріѣзда хана ночью. Эти дѣти

*) Дудки и маленькіе двустворчатые барабанчики.

для дополненія торжества обязаны были постоянно кричать: аминь! аминь! аминь! Всѣ лучшіе скакуны ихъ и борцы также были на лицо, чтобы довершить общее торжество. Противъ пристани поставлены были два высокихъ столба съ длинною перекладиною, увѣшанною яркими матеріями, предназначенными въ призъ лошадямъ и джигитамъ отъ имени повелителя. Всѣ лошади въ чистыхъ попонахъ и борцы въ праздничныхъ нарядахъ также должны были находиться невдали отъ моря. Вѣстнику, нарочно отправленному для наблюденія на Тарханкунскій полуостровъ за появленіемъ турецкаго судна, продоставлено было право за услуги сдѣлать добровольный сборъ у народа и воспользоваться въ личную собственность подарками, имѣвшими степень выраженія любви къ повелителю.

8-го января 1868 года Хасымъ эфенди былъ извѣщенъ, что на небосклонѣ показался большихъ размѣровъ корабль. Принесшему это извѣстіе брадобрей обѣщалъ подарить своего коня, если на суднѣ окажется Крымъ-гирей. Къ полудню судно настолько придвинулось, что можно было узнать турецкій флагъ. Этого было достаточно, чтобы распорядители пріема высказали полное усердіе другъ предъ другомъ. Корабль бросилъ якорь и на позолоченномъ каикѣ показался любимый ханъ. Его станъ и черная съ просѣдью бородка, его каукъ съ алмазною пряжкою были знакомы всѣмъ почти присутствующимъ. Не успѣлъ каикъ стать у пристани, какъ тысячи голосовъ, аккомпанируемыхъ музыкою, запѣли привѣтствіе.

Хасымъ эфенди, дрожавшій отъ радости, вынесъ повелителя своего почти на рукахъ и впился поцѣлуями въ его плечи.

Улемы сдѣлали знакъ смолкнуть музыкантамъ и въ свою очередь запѣли. Послѣ каждой строфы мальчики, державшіе въ рукахъ лакомства и шербеты, кричали: аминь! аминь! Ханъ закрылъ глаза руками, чтобы не показать слезъ радости. Всѣ спѣшили приложиться къ его плечамъ и краямъ одежды, всѣ благодарили Аллаха и громко выражали радость, что солнце ихъ снова взошло и освѣтило отечественную землю.

Послѣ всего этого гирей, постучавъ по спинѣ преданнаго ему Хасыма, сказалъ:

— Поѣзжай на корабль и привези мнѣ молодаго матроса, котораго называютъ пять съ половиною пальцевъ. Онъ не иначе можетъ быть отпущенъ, какъ по твоему требованію. Я подожду тебя здѣсь, чтобы возвратиться съ тобою въ назначенный для меня *конакъ* *).

Брадобрей немедленно поѣхалъ на судно. Тѣмъ временемъ Крымъ-гирей началъ разговаривать съ мурзами, беями, сераскирами и представителями духовенства, которые докладывали ему, какъ вяло и грустно проводили время со времени выѣзда его изъ Бахчисарая.

— Неужели вы съ того времени не сдѣлали ни одного набѣга? спросилъ онъ—а я полагалъ, что Максутъ-гирей принадлежитъ къ числу любителей военныхъ игръ.

— Мы никогда почти не видѣли его верхомъ и начинали бояться, что сыновья наши забудутъ владѣть оружіемъ.

— Но въ настоящее время наша молодежъ, кажется, гарцуетъ уже въ виду русскихъ границъ?

— Это правда, но они никѣмъ не воодушевляются и ограничиваются безполезными шалостями.

— Авось теперь послѣ пріѣзда моего измѣнятся дѣла—замѣтилъ ханъ и сосредоточилъ все вниманіе свое на трехъ извѣстныхъ уже намъ ногайскихъ сераскирахъ.

— Я вашихъ услугъ никогда не забуду—говорилъ онъ—вы и подчиненныя вамъ орды есть настоящіе охранители ханства. Убѣдившись въ этомъ на дѣлѣ, я отнынѣ предоставляю вамъ свободное право пользоваться всѣми свободными землями въ Крыму и требовать отъ меня подтвержденія всѣхъ фирмановъ, предоставляющихъ вамъ какія-либо привиллегія. Вы окажете мнѣ возможность облегчить свою благодарную душу, если сдѣлаете это, не теряя времени. Кто знаетъ, вѣдь и я такой же смертный, какъ и всѣ люди.

— О, да сохранитъ тебя Аллахъ на тысячелѣтія—вскрикнули ногайцы. Не будь мы увѣрены, что ты воз-

---

*) Квартира или домъ отдыха.

вратишься къ намъ, мы давно бы ушли въ русскія степи и сдѣлались бы подданными ахъ-бея. Наши соотечественники увѣряютъ насъ, что гяуры обращаются съ ними хорошо и не вмѣшиваются въ ихъ дѣла.

— Это вы сдѣлаете послѣ смерти моей, а до того я въ надеждѣ на васъ, употреблю всѣ усилія мои, чтобы избавить ханство отъ ненужной намъ опеки турецкихъ визирей. Я думаю, что султанъ Мустафа изъявитъ на это свое согласіе, если намъ удастся оказать ему услуги въ предстоящей войнѣ съ ахъ-беемъ. Война эта должна начаться скоро и вамъ предстоитъ, не теряя дорогаго времени, приготовиться къ ней. Я въ крайности самъ явлюсь на поле битвы и съумѣю съ помощію пророка разогнать враждебныя силы.

— Когда же ты пожалуешь къ намъ?

— Я теперь ѣду въ Бахчисарай, чтобы приказать составить отряды, и лично заняться хозяйственною частью. Въ половинѣ Марта вы увидите меня съ войсками и присоединитесь къ моимъ джигитамъ.

— За тобою готовы послѣдовать не только молодые люди, но даже и старики.

— И такъ, друзья, мои чрезъ полтора мѣсяца мы налетимъ на общихъ нашихъ враговъ и удивимъ міръ нашею силою. Пусть враги наши вспомнятъ нашихъ предковъ и смирятся предъ избранными. Я буду очень радъ, если вы заѣдете въ Бахчисарай, чтобы извѣстить меня о готовности выступить въ походъ. При этомъ мнѣ было бы пріятно угостить васъ и познакомить со всѣми достопримѣчательностями нашей столицы.

— Ты окажешь намъ величайшее удовольствіе, такъ какъ никто изъ насъ еще не былъ въ Бахчисараѣ.

Тѣмъ временемъ Хасымъ-эфенди возвратился съ судна съ Бешъ-бучукомъ и Крымъ-гирей въ сопровожденіи сановниковъ царства своего двинулся впередъ. Всѣ мальчики выставили предъ нимъ свои саганы съ лакомствами съ криками: аминь, аминь!

Къ хану подвели лучшаго иноходца, убраннаго изысканнымъ образомъ.

Въ зданіи, предназначенномъ для отдыха гирея, были

уже накрыты маленькіе круглые столы для него и высшихъ представителей знатныхъ родовъ.

Крымъ-гирей ханъ, любившій поѣсть, изъявилъ готовность сейчасъ же приступить къ завтраку, чтобы успѣть посмотрѣть на скачку и борьбу джигитовъ, затѣмъ отдохнуть и слѣдовать въ столицу, куда влекли его пріятныя воспоминанія. Предъ нимъ всего ярче выставлялся образъ незабвенной сестры Хасыма, предъ которою онъ благоговѣлъ и считалъ выше и прекраснѣе всѣхъ гурій обѣщаннаго рая. Онъ жаждалъ посѣтить ее могилу и мысленно побесѣдовать съ нею въ настоящемъ одиночествѣ своемъ. Въ памяти его ожили сладкія рѣчи разумнаго французскаго посланника, враждебное настроеніе противъ величавой силы русской царицы; его дружественная переписка съ Фридрихомъ II, которому онъ охотно изъявилъ согласіе помогать въ войнѣ противъ Австріи, соединившейся съ Россіею, но, прежде чѣмъ успѣлъ взяться за мечъ, былъ смѣщенъ съ престола султаномъ, присвоившимъ себѣ право господства надъ представителями власти Чингисханова рода.

— Теперь я буду умнѣе и съумѣю иначе дѣйствовать съ тобою, мачиха моя Турція—проговорилъ онъ, садясь за столъ—ты хотѣла разлучить меня съ родною матерью, какъ дѣлала съ предшественниками моими, но Аллахъ милостивъ и онъ поможетъ мнѣ сбросить съ плечъ ненавистное опекунство.

Ханъ завтракалъ въ отдѣльной комнатѣ и ему прислуживалъ Хасымъ-эфенди, не перестававшій выражать свою радость.

— А гдѣ мой матросикъ? спросилъ гирей.

— Онъ въ кухнѣ обѣдаетъ. Но какъ это тебѣ, повелителю моему, удалось узнать въ немъ моего первороднаго сына?

— Неужели это твой сынъ? Какимъ же образомъ онъ попалъ на турецкое судно и отчего наконецъ ты раньше не говорилъ мнѣ о немъ ни слова?

— Это цѣлая исторія, султанымъ.

— Которую ты, вѣрно, и разскажешь мнѣ теперь.

— Она не можетъ забавить тебя, свѣтлѣйшій ханъ, потому что печальна. У меня была родная сестра, ко-

торая влюбилась въ одного изъ членовъ свиты французскаго посольства и была обманута имъ. Когда приблизилось время разрѣшиться ей, виновникъ пригласилъ меня и, давая мнѣ кучу золотыхъ монетъ, сознался въ своемъ преступленіи и обѣщался принять нашу вѣру, чтобы жениться на Альме. „Это надо сдѣлать сейчасъ“ отвѣчалъ я съ ужасною скорбью.

— Сейчасъ я не могу, а надо подождать когда уѣдетъ въ Стамбулъ мой начальникъ, было отвѣтомъ гяура. Я вынужденъ былъ согласиться и сестра моя, подъ видомъ жены моей отправлена была въ Гезлевъ. Два мѣсяца спустя мерзавецъ навсегда выѣхалъ изъ Крыма. Тогда я навѣстилъ сестру и нашелъ на рукахъ ея мальчика съ 5½ пальцевъ. Я хотѣлъ сейчасъ-же убить его, но слезы Альме вызвали мое состраданіе и я отдалъ ребенка на воспитаніе одной цыганкѣ. Чрезъ два года цыганка эта умерла, но предъ смертью передала мальчика мѣстному пашѣ, назвавъ меня его отцомъ. Паша счелъ долгомъ своимъ сообщить мнѣ объ этомъ. Я пріѣхалъ въ Гезлевъ и ради чести сестры долженъ былъ признать малютку за сына своего отъ первой жены и выдумать сказку, что теперешняя жена моя ужасно боится людей и дѣтей, у которыхъ есть какіе-нибудь излишніе члены на рукахъ. „Чтожъ ты намѣренъ дѣлать съ этимъ бѣднымъ мальчикомъ?“ спросилъ онъ. Я вынужденъ отдать его кому-нибудь на содержаніе. Паша подумалъ нѣсколько минутъ и предложилъ мнѣ отдать его на воспитаніе турецкому реизу, который привезъ тебя. Я съ радостію согласился и мальчикъ съ того времени путешествуетъ по Черному морю.

— Сколько спросилъ у тебя этотъ реизъ за содержаніе и воспитаніе его?

— Онъ обѣщалъ подумать объ этомъ и сказать мнѣ сегодня вечеромъ.

— Довольно-ли ста червонцевъ, сказалъ ханъ—указавъ на шкатулку. Возьми ихъ и отдай реизу, котораго я награжу и съ своей стороны и устрой дѣло такъ, чтобы Бешъ-бучукъ призналъ въ лицѣ моемъ своего покровителя.

Хасымъ эфенди изумился такой щедрости хана, но не могъ ничего подозрѣвать кромѣ милости за свое усердіе. Ему не приходило въ голову, что въ этомъ могла скрываться невѣдомая для него тайна и что Бешъ-бучукъ былъ сыномъ Крымъ-гирея самого, къ которому онъ почувствовалъ съ перваго взгляда особенную расположенность. Вся суть состояла въ томъ, что когда гирей былъ молодымъ человѣкомъ, онъ братски былъ преданъ къ одному изъ секретарей французскаго посольства, отъ котораго не скрывалъ своихъ шалостей. Однажды онъ увидѣлъ Альме, сестру Хасымъ эфендія, и такъ увлекся ею, что не отсталъ отъ дѣвушки, пока не добился, что она начала принимать его во дворъ послѣ полуночи. На этотъ разъ забавы молодаго человѣка должны были выдать влюбленныхъ и могли-бы кончиться очень дурно, еслибъ не принялъ на себя всей вины другъ. Альме, надѣявшаяся, что принцъ впослѣдствіи приблизитъ ее къ себѣ, изъявила согласіе обвинить себя въ небываломъ знакомствѣ съ гяуромъ-френкомъ, но, къ сожалѣнію, не дожила до того времени, когда Крымъ-гирей сдѣлался самостоятельнымъ. Ему было извѣстно о сынѣ только до того времени, пока жила цыганка, при жизни которой онъ долженъ былъ уѣхать въ Стамбулъ; но затѣмъ онъ ничего не могъ узнать о мальчикѣ и боялся разспрашивать у Хасымъ-эфендія, тщательно скрывавшаго отъ всѣхъ шалость умершей сестры.

Отыскавъ случайно давно забытаго ребенка, гирей думалъ, что пророкъ заранѣе хотѣлъ вознаградить его за тѣ скорби, которыя онъ вынужденъ былъ перенести въ Турціи, какъ изгнанникъ изъ родины, какъ плѣнникъ. Согласуя перенесенное имъ съ чувствами Кемала, незнавшаго ласки родительской, Крымъ-гирей почувствовалъ двойное состраданіе къ молодому человѣку, созданному слѣдствіемъ необдуманной страсти. Въ ушахъ его послышались какъ-бы шопотомъ слова нѣжной Альме, ея ласки, впервые слышанныя имъ изъ устъ молодой дѣвушки, очаровавшей его внезапно и взамѣнъ благодарности, вынужденной разлучиться съ сыномъ, который отданъ былъ въ цыганскій таборъ.

Ханъ вздохнулъ и приказалъ ввести къ себѣ Бешъ-бучука. Окинувъ взоромъ молодаго человѣка, онъ спросилъ нѣтъ-ли у него лучшаго одѣянія.

— Все мое имущество на мнѣ, отвѣчалъ матросъ.

— Сынъ мой съ этой минуты ты будешь находиться постоянно при мнѣ, а такъ какъ я терпѣть не могу видѣть турецкаго наряда, то вотъ тебѣ деньги на покупку самаго лучшаго мурзацкаго костюма. Попроси кого-нибудь, чтобы тебѣ указали, гдѣ можно будетъ пріобрѣсти его теперь-же.

Кемалъ взялъ деньги и съ радостію вышелъ. Чрезъ нѣсколько минутъ возвратился Хасымъ эфенди съ реизомъ, приглашеннымъ брадобреемъ на завтракъ.

— Ты очень кстати пришелъ, сказалъ гирей, увидя его—вотъ твоя награда за благополучное доставленіе Крымскаго падишаха въ его землю. Не забывай насъ въ твоихъ молитвахъ. Сказавъ это, онъ подалъ ему кошелекъ, набитый золотомъ. При этомъ мы выражаемъ тебѣ нашу благодарность за воспитаніе сына нашего друга Хасымъ эфендія, котораго мы въ непродолжительное время возведемъ въ достоинство *аги* и облагодѣтельствуемъ за услуги отца его. Кемалъ, конечно, вѣчно будетъ признателенъ тебѣ за воспитаніе и ты, чрезъ посредство его, всегда найдешь въ нашемъ сералѣ гостепріимство.

Реизъ, не ожидавшій такихъ милостей, былъ восхищенъ баснословною щедростію Крымъ-гирея. Поцѣловавъ полы его кафтана, онъ уведенъ былъ эфендіемъ въ общую комнату, гдѣ угощались мурзы и беи.

— Хасымъ эфенди, сказалъ ханъ, когда брадобрей вновь очутился около него—ты разсказалъ мнѣ о матери Бешъ-бучука, но не докончилъ, чѣмъ она кончила свою не удавшуюся жизнь?

— Я не договорилъ этого изъ боязни оскорбить твой слухъ. Бѣдняжка, узнавъ, что губитель ея бѣжалъ, начала болѣть и сдѣлалась молчаливою. Болѣе двухъ лѣтъ никто не слышалъ отъ нея ни единаго слова. Затѣмъ она слегла въ постель, начала кашлять и тлѣть. Ее хотѣли отчитывать отъ недуга, но она не пожелала этого. За день до смерти она пригласила меня и ска-

зала: дорогой братъ, если ты когда-нибудь будешь въ милости у хана Крымъ-гирея, то попроси его, чтобы онъ перенесъ мои кости поближе къ его роднымъ: я такъ любила всегда дворецъ и ханское кладбище, что для меня это составило бы полное блаженство. Кромѣ того я убѣждена, что сынъ мой Кемалъ рано или поздно по ходатайству френка, обманувшаго меня, сдѣлается лучшимъ рабомъ хана и будетъ частенько посѣщать мою могилу. *Билля* *) это были послѣднія слова глупой дѣвушки, которыя какъ-то невольно приходятъ мнѣ на память, когда я вспоминаю о ней.

— Ты сдѣлалъ, Хасымъ-эфенди, такъ много для меня, что я обязанъ и это желаніе твоей несчастной сестры исполнить.

— Но развѣ это возможно теперь сдѣлать? спросилъ удивленный эфенди.

— Для хана съ неограниченною властью въ своемъ дворцѣ все возможно, если ты лично пожелаешь исполнить желаніе твоей сестры, которая отнынѣ будетъ чтиться и мною. Но чтобы этого никто не зналъ, ты сложишь ея кости въ могилѣ дочери моей Ферахъ-султанъ, умершей въ тотъ печальный годъ, когда я былъ смѣщенъ съ престола и не успѣлъ еще поставить приличнаго ея званію памятника. На памятникѣ этомъ мы не напишемъ ея имени, но скажемъ кое-что, которое будетъ напоминать намъ о мѣстѣ ея покоя. Мы также не упомянемъ въ надписи ни нашего имени, ни года смерти, ни Ферахъ-султанши, ни Альме, чтобы поколѣніе наше довѣрчиво отнеслось къ теварику, въ которой я своеручно впишу это событіе.

— Кто же составитъ намъ надгробную надпись?

— Я это сдѣлаю самъ, а такъ какъ ты будешь у меня казнедаромъ, то тебѣ не трудно будетъ отыскать хорошихъ рѣзчиковъ для изображенія ея на камнѣ.

— Неужели, ханъ, ты сдѣлаешь меня твоимъ казначеемъ?

— Ты заслужилъ этого и отнынѣ твое имя Хасымъ-ага.

Брадобрей бросился цѣловать руку повелителя и отъ

---

*) Ей-ей!

радости заплакалъ, такъ какъ теперь только онъ, по волѣ Аллаха будетъ въ состояніи отмстить мутевелію придворной мечети.

— Надѣюсь, сказалъ ханъ, что ты сохранилъ въ цѣлости все то, что я вручилъ тебѣ при отъѣздѣ изъ Бахчисарая?

— Все цѣло за исключеніемъ одалычекъ. Эти негодныя женщины частью перешли въ гаремъ Максутъ-гирея, а частью нашли себѣ мужей и повыходили замужъ. Чертъ съ ними, всѣ онѣ оказались негодными женщинами. Я отыщу тебѣ самыхъ прелестныхъ, если ты замолвишь мнѣ одно слово.

— А Ава-тотай, жива ли?

— У этой женщины оказалось два кантаря золотыхъ и серебрянныхъ монетъ и такое множество богатствъ, что она купила себѣ молодаго мужа и выѣхала изъ Бахчисарая.

— И такъ я пріѣду въ пустой гаремъ?

— Если тебѣ это не желательно, то я сейчасъ же пошлю нарочнаго впередъ съ приказаніемъ, чтобы ни одна изъ дѣвушекъ, служившихъ у женъ Максутъ-гирея, не смѣла выѣзжать впредь до личнаго распоряженія твоего.

— Ты не дурно сдѣлаешь. Ужъ лучше плохой, чѣмъ никакой обѣдъ.

Хасымъ-ага вышелъ и объявилъ народу, что онъ провозглашенъ казнедаромъ или министромъ финансовъ, вызвалъ двухъ охотниковъ и приказалъ имъ перемѣняя въ каждой деревнѣ лошадей, скакать въ Бахчисарай съ ханскимъ приказаніемъ къ начальнику дворцовой стражи.

Пока онъ отдавалъ эти приказанія и писалъ приказъ, Крымъ-гирей вынулъ изъ за пояса чернильницу и перо и написалъ на клочкѣ бумаги слѣдующаго рода эпитафію:

„О сердце! не вѣрь суетному міру; рано или поздно ты раскаешься и наконецъ, увидишь, что этотъ міръ вѣроломенъ, что онъ безпрестанно смѣется тебѣ въ глаза и тебя унижаетъ.

Много было въ мірѣ царей, всѣ они переселились въ вѣчность. Ферахъ-Султахъ-ханымъ, оставивъ свѣтъ счастія, поразила насъ горестію. На 12 году она неожиданно испила сладость чаши смерти. Гдѣ

этотъ молодой отпрыскъ райскаго сада, этотъ алмазъ, перлъ чистоты, кипарисъ вертогдада скромности, эта несравненная жемчужина мудрости? Солнце это, взглянувъ на бытъ міра, равнодушно скрылось за облака. И такъ, да освѣтитъ ее Богъ свѣтомъ славы, да проститъ ей прегрѣшенія ея и помилуетъ. Хронограмма ея: ангелъ прилетѣлъ и улетѣлъ, рай сталъ жилищемъ Ферахъ-султанъ *).

Крымъ-гирей перечиталъ написанное и остался доволенъ своимъ вдохновеніемъ.

— Вотъ и эпитафія готова, сказалъ ханъ, подавая бумажку вошедшему Хасымъ-агѣ. Тебѣ остается только перенести кости сестры въ могилу моей дочери.

— Но ты, султанымъ, забылъ, что Ферахъ-султанъ умерла шести лѣтъ отъ роду, а моей сестрѣ было восемнадцать.

— Я сдѣлалъ это съ умысломъ, который принятъ будетъ за случайную ошибку: я вычелъ 6 изъ 18-ти и опредѣлилъ 12-ть. Здѣсь всего важнѣе, чтобы душа твоей сестры возрадовалась и чтобы я, ты и Кемалъ знали, гдѣ она покоится.

Хасымъ-ага спряталъ бумажку и предложилъ хану выйти на чардакъ **), чтобы полюбоваться народными играми, послѣ которыхъ немедленно послѣдуетъ выѣздъ его въ столицу.

Ханъ вышелъ и, усѣвшись на возвышенномъ мѣстѣ, закурилъ наргелэ. При видѣ его загремѣли барабаны и пронзительныя зурна ***). Нѣсколько десятковъ лошадей съ ловкими наѣздниками выстроились въ рядъ; за ними построились верблюды.

Крымъ-гирей взялъ поданный ему Хасымъ-агою бѣлый платокъ и махнулъ имъ въ знакъ начала.

Въ тотъ же моментъ лошади и верблюды понеслись и исчезли изъ вида. Нѣсколько минутъ спустя спотѣв-

---

*) Буквальный переводъ надписи, сохранившейся до настоящаго времени на одномъ изъ памятниковъ ханскаго кладбища; но на немъ не обозначено ни времени, ни происхожденія Ферахъ-султанши, что не принято было у составителей эпитафій.

**) Чардаками татаре называютъ балконы. Слово это принято нами въ иномъ значеніи.

***) Особеннаго устройства дудки.

нія животныя, едва переводя дыханіе при оглушительныхъ крикахъ народа, сливающихся съ учащеннымъ боемъ дауловъ (барабановъ), неслись обратно.

Ханъ приблизился къ периламъ балкона и громко произнесъ:

— *Аферимъ, аферимъ чентухъ тай!* (т. е. браво, браво, короткохвостый жеребенокъ!)

Призъ достался: первый ногайскому сераксиру Бузбеку, а второй его сотоварищу Селямету.

Бѣгъ верблюдовъ не представлялъ особеннаго любопытства, но его обыкновенно устраивали для возбужденія смѣха со стороны публики. Ханъ и раньше любилъ смотрѣть, какъ это неуклюжее животное съ бараньею головою и человѣческими ушами съ короткимъ веревочнымъ хвостомъ, дѣлало прыжки подъ ударами длинной плетеной плети, разсѣкающей ему кожу.

Послѣднимъ актомъ забавы была борьба, въ которой принялъ участіе и отличился Кемалъ, только что нарядившійся въ роскошное платье, которое было разорвано въ нѣсколькихъ мѣстахъ неловкими противниками.

По окончаніи всѣхъ игръ народъ направился къ балкону Крымъ-гирея и пожелалъ ему тысячелѣтія. Послѣ чего ханъ, сопровождаемый Хасымъ-эфендіемъ, беями и мурзами, сошелъ на дворъ и, сѣвъ на лошадь, выѣхалъ изъ Гезлева. Глаза его направились на отдаленныя, синѣющія горы и онъ задумался надъ превратностями человѣческаго назначенія. Часъ спустя онъ началъ допрашивать у друга своего о происходившемъ въ ханствѣ во время отлучки его, о положеніи народа и коммерческихъ дѣлахъ.

— Мы замѣтно подвинулись — отвѣчалъ Хасымъ— только въ послѣднемъ, такъ какъ во все это время забыли о военныхъ подвигахъ, завѣщанныхъ намъ отцами.

Послѣ всего этого ханъ приблизилъ къ себѣ слѣдовавшихъ за нимъ беевъ и не переставалъ посвящать ихъ въ желанія свои расширить ханъ-сарай и озаботиться украшеніемъ столицы и окрестностей ея.

X.

Въ Бахчисараѣ знали о времени прибытія Крымъ-гирея, котораго начали любить только съ того момента, когда узнали бездарность и неспособность замѣнившаго его Максута. Тутъ только его доступность, игривость и веселое расположеніе начали пріобрѣтать цѣнность. Народъ, взвѣшивая апатичность и надменность Максута съ кровожадными наклонностями, скупостью и угрюмостью сравнительно съ щедростью и молодецкими выходками Крымъ-гирея, какъ-то невольно начиналъ тосковать о послѣднемъ и тоска эта съ каждымъ днемъ дѣлалась все сильнѣе и сильнѣе. При такомъ настроеніи понятно, что и въ Бахчисараѣ подготовлялись любимому хану приличныя оваціи и главнѣйшіе представители отъ всѣхъ сословій выѣхали къ нему на встрѣчу въ праздничныхъ нарядахъ.

Крымъ-гирей съ особеннымъ удовольствіемъ принималъ привѣтствія знакомыхъ ему людей, освѣдомлялся о здоровьи и состояніи каждаго и обѣщалъ исключительно посвятить дѣятельность свою на благосостояніе народа. Муфтія и медерисовъ онъ просилъ подумать объ устройствѣ образцовыхъ школъ на манеръ турецкихъ и обѣщалъ оказывать имъ матеріальное содѣйствіе изъ собственныхъ средствъ.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Бахчисарая хана встрѣтило французское посольство въ главѣ барона Тотта, давняго друга и руководителя въ политическихъ сношеніяхъ. При видѣ его ханъ спѣшился и поцѣловалъ его въ оба глаза. Этотъ высочайшій почетъ старшаго къ младшему, принятъ былъ присутствующими за искреннюю любовь владыки къ френку, считавшемуся въ столицѣ колдуномъ или обладателемъ ящика злаго духа.

— Ты никогда не выходилъ у меня изъ памяти даже и въ заточеніи—сказалъ ханъ. Твоя электрическая машина безпрестанно напоминала мнѣ объ удивленія татаръ и въ особенности черкезскихъ аманатовъ, которые, не заставъ тебя дома, обратились къ секретарю твоему съ слѣдующими незабвенными словами: „мы слышали о чудесахъ, творимыхъ твоимъ беемъ, о чудесахъ, кото-

рыя прекратились, по нашему мнѣнію, со смертью пророка, но оказалось, что они прекратятся со смертію твоего бея, а потому умоляемъ тебя дозволить намъ видѣть эти чудеса собственными глазами, чтобы имѣть возможность разсказать о нихъ нашимъ соотечественникамъ.“ Крымъ-гирей громко расхохотался. Право, я боюсь, чтобы тебя въ настоящее время не поставили на ряду съ Магометомъ и не стали увлекаться твоею религіею.

— Успокойся, ханъ, я не занимаюсь проповѣдями и исполняю только одну мою обязанность.

— Знаю, знаю, мой другъ, мнѣ хотѣлось только узнать, какимъ ты вліяніемъ пользовался въ странѣ послѣ моего сверженія и въ какимъ отношеніяхъ находился съ Алимъ-Максутомъ?

— Онъ всегда обходился со мною ласково, но всѣ поступки его были хитры и дышали недовѣріемъ къ ближнимъ и даже преданнымъ людямъ. Я не скажу, что онъ былъ глупѣе другихъ, потому что въ образѣ дѣйствій его замѣтна была обдуманность и нѣкоторая степень превосходства предъ подданными. Человѣкъ этотъ на взглядъ мой, при его любознательности и любви къ персидской поэзіи, могъ бы сдѣлаться такимъ же любимцемъ толпы, какъ и ты, но онъ погубилъ себя надменностію и бездѣятельностію. При этомъ онъ дерзнулъ наложить тяжелый гарачъ на ногайцевъ и на мѣсто одного изъ умершихъ сераскировъ ихъ Джанъ-Булата назначить вопреки принятымъ искони правиламъ наслѣдства, роднаго сына своего. Естественно, что такая жадность и своеволіе породило волненіе и крайнее негодованіе въ ордахъ, значеніе которыхъ для Крыма ты понимаешь лучшеменя.

— Какой же онъ не дальновидный человѣкъ—отвѣчалъ ханъ. Неужели владѣя половиною Черкасіи и землями отъ Молдавіи до Дона онъ, при своей бережливости не могъ насытиться полтора милліонами франковъ годоваго дохода. Конечно, для меня эта сумма ничтожна, но для людей, не жертвующихъ для очечества ничѣмъ, это много. Я сотой доли не издерживалъ на свою семью во время пребыванія въ Турецкихъ владѣніяхъ. Разскажи мнѣ, пожалуйста, чѣмъ онъ преимущественно занимался и съ кѣмъ проводилъ свои досуги?

— Прежде всего онъ помѣшанъ былъ на искуственныхъ огняхъ, которыми увлекался съ дѣтскою наивностію, и приказывалъ зажигать ихъ каждый вечеръ. Въ компаніи его постоянно находились: Нурадинъ султанъ, Ширинскій и зять его Кая-бей, съ которыми бесѣдовалъ до ужина. На ужинъ онъ оставлялъ только Кая-бея и меня, какъ чужестранца и гостя, и до такой степени держалъ себя надменно, что самые почетнѣйшіе мурзы во время ѣды нашей оставались на ногахъ. Это возмущало даже и меня и я нерѣдко уклонялся отъ его приглашеній.

— Ну, а днемъ чѣмъ онъ занимался?

— Всего больше мы выѣзжали лѣтомъ на ловлю перепелокъ съ соколами. Перепелки были его любимымъ лакомствомъ. Для возбужденія же страстей онъ держалъ выписанныхъ изъ Египта баядерокъ, которыя чрезъ день высхищали его танцами, именуемыми на востокѣ пчелою и розою.

— Пьтфу! какая гадость—эти женщины по моему никогда не должны входить въ дворъ ханъ сарая. Такъ этимъ только ограничилась вся его дѣятельность!

— Лучшимъ его достоинствомъ я могу назвать вызванное мною желаніе составить вновь исторію Крымскихъ татаръ, матеріалы которой подготовлены были тобою. Этимъ дѣломъ, по порученію его, занимались многіе бахчисарайскіе улемы и, кажется, многое уже сдѣлано въ добавленіе къ исторіи, имѣвшейся въ твоевремя.

По мѣрѣ приближенія къ резиденціи толпы народа все болѣе и болѣе увеличивались. У городскихъ воротъ ханъ сошелъ съ лошади и на приготовленномъ мѣстѣ совершилъ съ улемами торжественный намазъ. Затѣмъ онъ привѣтствуемъ былъ рядами расположившихся городскихъ жителей отъ въѣздныхъ воротъ до ханъ-сарая.

Крымъ-гирей чрезвычайно былъ доволенъ, нашедъ въ любимомъ кабинетѣ своемъ тоже самое убранство и тѣже предметы, которые онъ оставилъ въ немъ три съ половиною года тому назадъ.

— Ты, кажется, возратилъ дворцу моему все взятое изъ него?—сказалъ ханъ съ улыбкою, обращаясь къ Хасымъ-агѣ.

— Мнѣ хотѣлось, повелитель мой, чтобы, возвращаясь на царство, ты сочелъ-бы за сновидѣніе твое отсутствіе изъ Крыма.

— Да вознаградитъ тебя Аллахъ за вѣрноподданническую любовь,—я же сдѣлаю все зависящее отъ меня, чтобы жизнь твоя прошла въ кейфѣ.

— Съ чего мы начнемъ твое вторичное царствованіе послѣ отдыха? спросилъ Хасымъ-ага.

— Прежде всего пусть глашатаи возвѣстятъ народу о томъ, что ты дѣлаешься вторымъ послѣ меня. Это не есть одна только награда за дружескія услуги, но и желаніе мое создать особеннаго рода сословіе, которое подсѣкло-бы крылья мечты мурзамъ, воображавшимъ, что они незамѣнимы. Затѣмъ, эти же глашатаи пусть вызовутъ всѣхъ, кому я долженъ, и ты расплатишься съ ними.

— Но, султанымъ, въ дворцовой кассѣ при смѣнѣ гиреевъ обыкновенно не остается ни одной монеты.

— Деньги я привезъ съ собою. Когда будетъ сдѣлано и это, мы осмотримъ всѣ наши постройки и поручимъ турецкимъ архитекторамъ перестройку или обновленіе ихъ. При этомъ намъ приходится подумать объ окончаніи Зеленой мечети, которую мы обѣщали Аллаху. О, у насъ чрезвычайно много будетъ трудовъ и заботъ. Но я надѣюсь съ помощію твоею все уладить. Пусть калга, нуреддинъ, Ширинскій-бей и ногайскіе сераскиры займутся приготовленіями къ войнѣ, а я подумаю о болѣе полезномъ для ханства.

— Султанымъ, ты забылъ, вѣроятно, что безъ тебя наше войско не сдѣлаетъ ничего.

— Если это правда, то я сдѣлаю начало и затѣмъ возвращусь, чтобы подготовиться къ избавленію отъ турецкой опеки надъ нами. Это иго не выносимо для меня съ тѣхъ поръ, какъ я былъ смѣщенъ. Оно позоритъ насъ. Развѣ султанъ Магометъ завоевалъ мечемъ татаръ, чтобы имѣть право повелѣвать нами? Къ намъ въ непродолжительномъ времени должны пріѣхать ногайскіе сераскиры съ старшимъ сыномъ Джанъ-Булата, который наслѣдуетъ согласно древнимъ обычаямъ власть отца своего, ты, пожалуйста, прими ихъ въ дворцѣ

нашемъ со всевозможными знаками любви и милости, покажи все достопримѣчательное и постарайся указать на священныя могилы дѣдовъ нашихъ, чтобы возбудить въ нихъ воспоминаніе о прежней свободѣ, смѣнившейся господствомъ турецкихъ султановъ. Разскажи имъ при могилѣ каждаго хана, сколько онъ вынесъ отъ турецкихъ визирей и прибавь, что они лежатъ, изрыгая проклятія на подданныхъ своихъ, спокойно смотрящихъ на Турцію, которая издѣвается надъ ихъ ханами. Въ этомъ духѣ ты долженъ говорить со всѣми остальными нашими подданными и склонять ихъ къ требованію отъ насъ полнѣйшей независимости. Вотъ главнѣйшая моя мысль. Когда мы достигнемъ ея, тогда я дамъ новое устройство странѣ и мы заведемъ дружественныя сношенія со всѣми европейскими царями, которые, безъ сомнѣнія помогутъ намъ расширить границы ханства до Астрахани и присоединить къ владѣніямъ нашимъ весь Кавказъ.

— Ты окажешь поколѣніямъ нашимъ величайшую услугу. Ну, а теперь чѣмъ желаетъ заняться, мой повелитель? спросилъ Хасымъ ага.

— Прежде всего пообѣдать, а затѣмъ взглянуть на нашъ гаремъ. Вѣдь ты знаешь хорошо, что я не могу жить безъ цвѣтовъ. Бѣдная моя Зарифе не дожила, чтобы утѣшать обоняніе наше своимъ ароматомъ и намъ придется выбирать новую подругу жизни. На красивую женщину я смотрю, какъ на душистый кальянъ, послѣ труда, какъ на пристань спокойствія, какъ на живую розу, которая заставляетъ забывать, всѣ недуги не только прошлыхъ, но и настоящихъ дней.

— Желаніе твое да будетъ мнѣ тяжестью на головѣ. Но я, къ сожалѣнію, не могу сказать тебѣ ни слова о гаремныхъ цвѣтахъ Максутъ-гирея. Мнѣ извѣстно только, что старшая дочь его, исполнявшая двѣ должности и именно улукани и Алябеи, чрезъ посредство намѣстниковъ своихъ у воротъ дворца, была похожа на синапское яблоко. Если около такихъ вкусныхъ плодовъ выростаютъ и другіе въ подобномъ родѣ, то, конечно, ты встрѣтишь въ разсадникѣ хорошіе экземпляры; если же нѣтъ, то намъ придется поискать ихъ въ другихъ

странахъ. Впрочемъ я поищу и въ Бахчисараѣ. Мнѣ говорили, что у Мутевелія дворцовой мечети есть дочь рѣдкой красоты, которую легко похитить, чтобы не дать негодному человѣку право мечтать о родствѣ съ повелителемъ. Это прескверный мусульманинъ, котораго давно слѣдуетъ повѣсить во имя святости 366-ти пророковъ. Непочтеніе его къ святыни доходитъ до крайности во первыхъ потому, что онъ, когда слышитъ благовѣстъ муллы, никогда не подымается съ мѣста, какъ бы показывая презрѣніе къ священнымъ словамъ изана: *ай алемъ феля* и *ай алемъ села* *) вовторыхъ, не смотря на свои 45 лѣтъ не хочетъ запустить бороды и притомъ изволитъ входить въ мечеть съ часами женскаго пола **), за-что его по ширату слѣдовало-бы сжечь на кострѣ.

— Какъ, неужели мой Асанъ челеби сдѣлался такимъ бейнамазомъ? Жаль, что онъ превратился въ мотылька, котораго чертъ изъ ненависти посылаетъ принести ему огня отъ горящей свѣчи.

— Мнѣ кажется, султанымъ, онъ самъ превратился въ злаго джина, потому что и съ женою своею постоянно дерется.

— При мнѣ онъ отлично обращался съ нашею работницею гарема.

— Это правда при тебѣ онъ любилъ ее какъ пилафъ, и она любила его, какъ эменскій кофе, но послѣ отъѣзда твоего онъ превратился въ ястреба, не отличающаго соловья отъ воробья. Ты не повѣришь, что грубость его дошла до того, что онъ началъ выбивать трубку свою на головѣ людей, имѣвшихъ несчастіе быть плѣшивыми.

— Хасымъ ага, не дошли-ли эти вѣсти до ушей твоихъ сквозными путями. Помнишь-ли ты, что сплетни у женщинъ тоже, что бороды у мущинъ. Эти сквозныя твари готовы осудить и безвинныхъ младенцовъ, если они не угодятъ имъ.

---

*) Т. е. народъ оскверненный и народъ предпочтенный.

**) Часы женскаго пола тѣ, которые заводятся съ циферблата. Татаре пріобрѣтаютъ только такіе часы, которые заводятся съ обратной стороны! Послѣдніе называются мужскаго пола.

— Я, повелитель мой, никогда не слушаю разговоровъ сквозныхъ тварей.

— Въ такомъ случаѣ ты навѣрно попалъ въ общество кривыхъ, слѣпыхъ и горбатыхъ, которые любятъ осуждать людей, не похожихъ на нихъ.

— Ничего подобнаго не случалось, султанымъ. Но мнѣ необходимо будетъ собрать улемовъ, чтобы приговорить его къ наказанію. Сдѣлавшись прахомъ твоихъ ногъ, я хочу показать свое могущество.

— Хасымъ ага, сказалъ ханъ—въ дѣтскомъ возрастѣ я слышалъ, не помню отъ кого, что одна ласточка вынуждена была остаться на зиму въ Крыму. На весну прилетѣли ея подруги и, сѣвъ на трубу, напустились на нее и постановили сдѣлать выговоръ. Бѣдняжка оправдывалась тѣмъ, что ранена была въ крыло и не могла летать далеко, но оправданія ея не признаны заслуживающими значенія. Ну, въ такомъ случаѣ мнѣ не подобаетъ болѣе жить съ несправедливыми — отвѣчала она и бросилась въ огонь, гдѣ и сгорѣла. Не случилось ли чего-нибудь подобнаго и съ мутевеліемъ моимъ и не можетъ-ли судъ улемовъ довести его до отчаянія?

— Но мы не станемъ осуждать его невинно.

— Я вѣрю твоему правосудному разсудку, но кто знаетъ, онъ, можетъ быть, не былъ въ состояніи купить другихъ часовъ, а бороду не носитъ только потому, что дѣвушка, вышедшая изъ нашего гарема и господствовавшая надъ нимъ, не любитъ, когда у мужа ея подъ устами растетъ цѣлый лѣсъ колючекъ. Будь она у него первая жена, это еще не послужило-бы въ оправданіе, но такъ какъ она вторая или третья, то, конечно, желаетъ, чтобы крышка хоть немногимъ соотвѣтствовала супнику. Да, Хасымъ ага, надо быть человѣкомъ разсудительнымъ и жить на землѣ подобно пауку, терпѣливо обсуждающему свои выгоды, которыя сокрушаются при столкновеніи съ ненормальными мѣрами. Мы узнаемъ цыганъ только потому, что родоначальникъ ихъ пожелалъ сдѣлаться калифомъ на часъ, ради того, чтобы повѣсить роднаго отца. Если же я допущу тебя на первыхъ порахъ до казни мутевелія, прослужившаго честно лѣтъ

20-ть, то всѣ заговорятъ, что брадобрей Крымъ-гирея, перенесетъ свое искусство съ бороды на горло.

— Султанымъ, я терпѣть не могу этого человѣка, который будетъ лѣзть во дворецъ, пользуясь своею обязанностію, а тебѣ извѣстно, что два паяца не могутъ танцовать на одной веревкѣ.

— Совершенная правда, другъ мой. Теперь я понялъ, что между вами прошла черная кошка; но если я увѣрюсь, что мой Асанъ сдрейфилъ съ пристани ума, я прикажу зарѣзать надъ головою его волка и онъ начнетъ чтить тебя.

— Да не преклонится спина твоя къ постели и да наоститъ аллахъ твою саблю, отвѣчалъ Хасымъ, я всегда буду твоимъ рабомъ.

— Будь я на мѣстѣ твоемъ, сказалъ ханъ, я отмстилъ бы ему иначе. Я взялся бы за его молодую жену и вынудилъ бы его уѣхать изъ Бахчисарая.

— Жена его трепещетъ предъ его змѣиными глазами и свято исполняетъ всякое приказаніе.

— Въ такомъ случаѣ она не можетъ любить его и готова осквернить его гладкій подбородокъ. Изъ этого я вывожу заключеніе, что ты можешь наказывать очень больно ненавистнаго человѣка, не причиняя ему ни тѣлеснаго, ни карманнаго вреда.

— Я послѣдую наставленію моего султана, отвѣчалъ Хасымъ ага, и постараюсь сдѣлаться лучшимъ другомъ мутевелія, чтобы вѣрнѣе нанести ему ударъ.

— Твой мутевели не представляетъ намъ опасности. Намъ предстоитъ болѣе трудная задача сокрушить могущественное значеніе мурзъ, а для достиженія этого необходимо создать изъ духовенства побольше шеиховъ и челеби, а изъ остальныхъ ученыхъ агов, которые могли бы явиться защитниками простаго народа.

Предпріятіе это показалось брадобрею, привыкшему благовѣть предъ властью мурзъ, выходящимъ изъ ряда обыкновенныхъ, но онъ смолчалъ и отдалъ приказаніе подавать обѣдать.

Крымъ-гирей, вошедъ въ столовую, спросилъ про Кемала.

— Я приказалъ отвести ему помѣщеніе въ гостинномъ домѣ, отвѣчалъ казнедаръ-ага.

— Хорошо, но ты позаботься одѣть его, какъ одѣвались мои сыновья и скажи, чтобы онъ ежедневно навѣщалъ меня. Я хочу сдѣлать его счастливымъ человѣкомъ. А когда ты перенесешь прахъ его матери на наше кладбище и воздвигнешь памятникъ?

— Какъ только устрою твой кейфъ.

— Очень хорошо. Теперь пошли за френкомъ *векилемъ* (посланникомъ). Скажи ему, что я прошу обѣдать со мною. Еще одно слово: ты, вѣроятно, помнишь, какъ я любилъ всегда актеровъ и волтижоровъ.

— Я позабочусь, эфенди мой, выписать ихъ изъ Стамбула и Багдада.

Нѣсколько минутъ спустя къ Крымъ-гирею введенъ былъ баронъ Тоттъ, отлично говорящій по-турецки.

— И вотъ мы, по милости аллаха, опять вмѣстѣ, сказалъ ханъ, садя около себя посланника. Надѣюсь, что отнынѣ мы надолго останемся не разлучны.

— Ну, что новаго въ Турціи? спросилъ баронъ.

— Ничего утѣшительнаго. Султанъ, повидимому, находится въ тревожномъ состояніи. При мнѣ явились вѣстники съ извѣщеніемъ, что русскій флотъ въ огромномъ числѣ судовъ вступилъ въ греческое море и что войска Екатерины показались на Кавказѣ.

— Возможно ли, чтобы русскій флотъ вступилъ въ Эгейское море, не ошибся ли твой слухъ? вскрикнулъ посланникъ.

— Нѣтъ, я не ошибся и это вѣрно.

— Если это вѣрно, то греки будутъ страшно мстить туркамъ за ихъварварскіе поступки въ послѣднее время. Они навѣрно будутъ руководить русскими и война будетъ ужасная. Какую ошибку сдѣлалъ Мустафа, приказавъ посадить посланника царицы въ семи-башенный замокъ! Теперь я понимаю, что заставило султана поспѣшить возвратить тебя на престолъ. Не будь этого обстоятельства или крайности, то намъ, навѣрно, не пришлось бы видѣть тебя.

— Я тѣхъ же убѣжденій и душевно скорблю, что предокъ мой Менгли-гирей ханъ жестоко ошибся, сдѣлавъ себя малолѣтнимъ въ отношеніи турецкаго правительства.

— Да это была большая ошибка, которую теперь невозможно поправить безъ сильнаго союзника.

— Это такъ, но я постараюсь предварительно достигнуть этого личными заслугами.

— Ты храбръ, Крымъ-гирей, и можешь много оказать выгодъ твоему суверену. Но я все таки убѣжденъ, что Турція очень пострадаетъ отъ русскаго флота, на которомъ навѣрно будутъ дѣйствовать греки, отлично знающіе окрестныя моря. Не будь эти люди ожесточены, русскій флотъ самъ по себѣ не сдѣлалъ бы многаго, но теперь султану необходимо искать союза съ Франціею.

— Ты, пожалуйста, не предлагай этого въ ущербъ моимъ желаніемъ. Я душевно желалъ бы, чтобы султанъ въ одномъ мнѣ нашелъ своего искренняго друга и избавителя на случай бѣды. А что я сдѣлаю это, всѣ знающіе меня не станутъ сомнѣваться. Чрезъ мѣсяцъ у меня готова будетъ 100 т. армія, съ которою я нападу на пограничныя укрѣпленія Россіи и на новую Сербію, которой я обѣщалъ три года тому назадъ кровавую расправу за ея невниманіе къ моимъ потребностямъ.

— Ты самъ будешь предводительствовать войсками?

— Нѣтъ, я сдѣлаю только два нападенія на крѣпость св. Елисаветы *) и на сербовъ и сейчасъ же возвращусь въ Бахчисарай, гдѣ пробуду, пока во мнѣ не станутъ заискивать дружбы. Проще, я покажу свое значеніе и останусь хладнокровнымъ зрителемъ, пока не станутъ просить меня. Тогда я буду имѣть право вступить въ переговоры и добиться уступокъ.

— Ты заслужилъ бы особеннаго рода признательность отъ потомковъ твоихъ, еслибъ добылъ полную независимость Крымскаго ханства и завѣщалъ наслѣдникамъ твоимъ не поддаваться туркамъ, которые и въ наше время желаютъ господствовать надъ всѣмъ міромъ. Эта серіозная ошибка и безпрестанныя столкновенія съ сосѣдями, мнѣ кажется, кончатся прежде всего тѣмъ, что Россія завоюетъ Крымское ханство и завладѣетъ всѣмъ Кавказомъ, а затѣмъ сама или въ соединеніи съ другими державами начнетъ рвать Турцію на клочки.

---

*) нынѣ Елисаветградъ.

— Ты меня пугаешь баронъ, сказалъ ханъ.

— Я говорю тебѣ только то, что можетъ случиться, если ты не примешь во время надлежащихъ мѣръ. Будь ты на мѣстѣ Россіи,—ты, я думаю, давнымъ-давно достигъ того, что кажется мнѣ естественнымъ и необходимымъ.

Крымъ гирей задумался.

— Россія всегда удивляла меня своимъ каменнымъ терпѣніемъ, продолжалъ посланникъ. Вы ее постоянно кусали и кусаете, а она ограничивается палліативными мѣрами. Можно ли было ожидать, чтобы французы, англичане или нѣмцы послѣ такихъ полныхъ побѣдъ, какъ въ 1736 и 37 годахъ выступили бы изъ страны, оставивъ ее у хозяевъ. Это больше чѣмъ странно. Допустимъ, что Россія не имѣетъ надобности въ Крымскомъ ханствѣ, населенномъ мусульманами, но если это ханство постоянно враждуетъ то само, то подъ вліяніемъ другаго сосѣдняго государства, это въ концѣ концовъ дѣлается невыносимымъ, такъ какъ дружба или союзъ съ однимъ изъ нихъ ничѣмъ не гарантируется.

Крымъ гирей внимательно слушалъ всякую фразу посланника.

— Дѣйствительно наше положеніе ужасно, отвѣчалъ онъ, мы находимся между двухъ огней и рискуемъ большимъ, чѣмъ Турція, которая въ крайности отдастъ насъ на жертву и съ отвращеніемъ отвернется отъ насъ.

— А развѣ она не такъ поступила 32 года тому назадъ? сказалъ баронъ Тоттъ.

Ханъ вторично вздохнулъ. Да, прибавилъ онъ, наступило время, когда приходится серіозно подумать о нашей будущности. Я былъ бы очень обязанъ тебѣ, еслибъ представитель Франціи заговорилъ объ этомъ съ великимъ визиремъ и объяснилъ ему необходимость предоставить Крымскимъ ханамъ первобытную независимость.

— Пожалуй, я напишу объ этомъ въ Константинополь.

Послѣ ужина Крымъ гирей началъ жаловаться на одиночество свое въ дворцѣ, изъ котораго разбѣжалась вся его семья.

— Для хана не трудно отыскать новыхъ друзей, возразилъ баронъ. Хасымъ ага такъ преданъ тебѣ, что вызоветъ ангеловъ съ неба.

— Мнѣ хотѣлось бы видѣть около себя образованную женщину, а Хасымъ-ага, безъ сомнѣнія, предложитъ мнѣ въ жены такую дѣвушку, съ которою я не найду удовольствія вести разговора. О, чего бы я ни далъ, еслибъ мнѣ пришлось увидѣть около себя какую-нибудь польскую княжну, которыя нѣкогда поражали меня своимъ умомъ и красотою!

— Но вѣдь этого достигнуть не такъ трудно для такого славнаго царя, какъ ты. Будь у меня дочь или сестра, я охотно отдалъ бы ее замужъ за тебя. Впрочемъ если ты этого непремѣнно желаешь, я поручу одному изъ моихъ служителей, которые имѣютъ переписку съ польскими вельможами, но, конечно, съ тѣмъ условіемъ, чтобы я не былъ компроментированъ и чтобы къ этому дѣлу не присоединяли моего имени. Словомъ, я не долженъ ничего этого знать, въ противномъ случаѣ меня заставятъ дѣйствовать наперекоръ твоимъ и моимъ желаніямъ.

— Какимъ же образомъ, я поговорю съ твоимъ служителемъ?

— Ты прикажи Хасымъ агѣ побывать у меня завтра. Я его познакомлю съ тѣмъ, кто можетъ устроить это дѣло. Затѣмъ онъ можетъ пригласить его къ себѣ и переговорить окончательно.

Сказавъ это, баронъ откланялся. Оставшись наединѣ, Крымъ гирей приказалъ призвать къ себѣ Кизляръ агу, который оказался его прежнимъ слугою.

— Сколько въ гаремѣ дѣвушекъ въ настоящее время? спросилъ онъ.

— Немного, султанымъ, всего 8 и всѣ почти неопытныя, недостигшія совершеннолѣтія. Онѣ предназначались для будущихъ временъ.

— Ты ихъ видѣлъ самъ?

— Онѣ такъ молоды, что не стѣснялись приносить мнѣ приказанія отъ госпожи своей.

— А есть ли между ними достойныя нашего вниманія и ласки?

— Мнѣ кажется, что найдутся.

— Въ такомъ случаѣ распорядись, чтобы все было готово къ пріему моему. Я приду въ гаремъ вечеромъ кушать сладости.

XI.

Французскій посланникъ, возвратившись къ себѣ, немедленно послалъ за іезуитскимъ патеромъ и въ нѣсмолькихъ словахъ передалъ ему желаніе Крымъ гирея.

— Если вамъ не удавалось до настоящаго времени, пользоваться покровительствомъ хана, сказалъ онъ, то авось, если вы съумѣете предоставить ему въ жены какую-нибудь красавицу подъ именемъ польской княжны, вы съ помощію этой женщины достигнете очень многаго.

— Это не трудно сдѣлать, отвѣчалъ патеръ. Въ Кіевѣ, гдѣ я пробылъ нѣсколько лѣтъ, въ послѣднее время у княжны Потоцкой жила въ качествѣ горничной божественной красоты молодая дѣвушка, которая, при прощаніи сказала мнѣ: „если вы, патеръ, найдете мнѣ мѣсто выгодное въ Крыму, то я съ большимъ удовольствіемъ пріѣду съ тѣмъ, кого вы пришлете за мною. Дѣвушка эта такъ умна, что годится въ королевы Франціи.

— Чтожъ вы ей отвѣчали тогда?

— Я сказалъ учись, дочь, моя, по-татарски и надѣйся на меня.

Признаться я имѣлъ въ виду пригласить ее для проповѣди татаркамъ, армянкамъ и гречанкамъ.

— И такъ, я завтра познакомлю васъ съ ханскимъ министромъ, который переговоритъ съ вами подробно. Имѣйте только въ виду одно, чтобы ваша красавица была княжна и чтобы ее украли для оказанія услуги гирею. Въ противномъ случаѣ намъ придется бѣжать изъ этой страны. До завтра, патеръ!

Весь этотъ разговоръ былъ подслушанъ однимъ изъ молодыхъ грековъ, служившихъ у барона со времени прибытія его въ Бахчисарай. Преданный искренно господину своему онъ улыбнулся изобрѣтательности ума посланника и усердію патера, живущаго и дѣйствующаго съ обдуманною заранѣе цѣлію.

На слѣдующій день, когда предъ свѣтлыя очи Крымъ гирея явился усердный Хасымъ ага, ханъ многозначительно произнесъ:

— Нашъ гаремъ, слывшій во всѣ времена лучшимъ цвѣткомъ міра, въ настоящее время опустѣлъ и въ немъ нѣтъ даже остатковъ отъ запаха тѣхъ райскихъ розъ, которыя красовались нѣкогда. Вчера я обошелъ всѣ закоулки его, всходилъ на тоганъ-кулеси (соколиную башню), но, увы, никого кромѣ дѣтей-прислужницъ не могъ встрѣтить. Какой же я несчастный падишахъ: у меня нѣтъ даже жены, этой обыкновенной принадлежности каждаго кара-кемика *).

— Султанымъ, мы не имѣли времени позаботиться объ этомъ, но, я уже говорилъ тебѣ о прекрасной дочери Мутевелія.

— Пусть она будетъ твоей невѣстою, а я хочу имѣть христіанокъ изъ отдаленныхъ мѣстностей.

— Я сдѣлаю немедленно распоряженіе и вызову способныхъ джигитовъ, которые полетятъ на Кавказъ.

— Кавказскія и въ особенности Курдистанскія дѣвушки очень хороши, но мнѣ кажется, что европейскія гораздо нѣжнѣе. Ты обратись теперь же къ френскому векилю и поразспроси его объ этомъ. Онъ любитъ меня и навѣрно укажетъ на одного изъ слугъ своихъ, который, конечно, за хорошее вознагражденіе не откажется сослужить намъ службу. Захвати на всякій случай кошелекъ золота для задатка и если гяуръ потребуетъ проводниковъ и фирманъ на свободный проѣздъ до Польши и обратно, то удовлетвори его, но съ тѣмъ, чтобы онъ сегодня же приступилъ къ дѣлу. Это главнѣйшій мой приказъ. Покончивши съ этимъ, сейчасъ же приступи къ раздачѣ моихъ долговъ, иначе мы потеряемъ довѣріе. Ты принялъ въ кассу золото, привезенное мною изъ Турціи?

— Принялъ, султанымъ.

— Надѣюсь, что его достаточно будетъ на расплату нашу.

Хасымъ ага вышелъ. Нѣсколько минутъ спустя онъ

*) Черная кость т. е. чернорабочаго.

сидѣлъ уже въ комнатѣ іезуитскаго патера и велъ оживленный разговоръ.

— Требованіе хана я берусь исполнить, отвѣчалъ духовникъ, но тебѣ должно быть извѣстно, что похитить польскую княжну изъ дома князей Потоцкихъ это не легко. Для достиженія цѣли мнѣ необходимо два хорошихъ джигита и кошелекъ, полный золота.

— То и другое я даю тебѣ сейчасъ.

— Въ такомъ случаѣ приготовь лошадей и пропускной видъ по ханству и прикажи слугамъ явиться ко мнѣ, такъ какъ медлить не приходится.

Нѣсколько часовъ спустя патеръ, заручившись видомъ и отъ своего посланника, выѣхалъ изъ Бахчисарая въ сопровожденіи двухъ армянъ католическаго исповѣданія, которымъ хорошо извѣстны были дороги въ Кіевъ и царство польское.

Хасымъ ага, не слишкомъ увѣренный въ успѣхѣ этой миссіи, въ тотъ же день отправилъ двухъ другихъ купцовъ на Кавказъ для пріобрѣтенія нѣсколькихъ красавицъ и затѣмъ уже приступилъ къ раздачѣ долговъ своего владыки съ удержаніемъ двѣнадцати процентовъ въ вознагражденіе за свой трудъ. Судя потому, что у него осталось этого вознагражденія около 250 тысячъ піастровъ, долгъ хана превышалъ два милліона.

Кредиторы, не ожидавшіе этой милости отъ Крымъ гирея, были счастливы и увѣряли, что отнынѣ они сочтутъ за обязанность служить хану во время его нужды.

— Помните же это обѣщаніе, замѣтилъ имъ казнедаръ, очень можетъ быть, что мы будемъ нуждаться въ вашихъ кассахъ, такъ какъ предстоитъ война, но мы не иначе возьмемъ деньги, какъ по запискѣ и за существующіе въ коммерціи проценты. Вы знаете, что я аккуратенъ и не люблю пользоваться даромъ одолженіемъ добрыхъ людей. Крымъ гирей настолько могущественъ въ настоящее время, что по одному его слову султанъ Мустафа вышлетъ ему цѣлое судно золотыхъ монетъ, но ханъ навѣрно не пожелаетъ его подарковъ изъ за того только, чтобы не срамить васъ и всю страну свою.

Тѣмъ временемъ Крымъ гирей производилъ вмѣстѣ съ привезенными имъ изъ Стамбула архитекторами подроб-

ный осмотръ ханъ-сарая и указывалъ имъ на необходимыя перестройки, добавленія и украшенія. Сотни мастеровъ и чернорабочихъ, вызванные еще наканунѣ глашатаями, расположились вдоль дворцовыхъ стѣнъ съ кирками, лопатами и другаго рода инструментами въ ожиданіи приступа къ дѣлу.

— Когда все будетъ окончено здѣсь, сказалъ повелитель, обращаясь къ художникамъ, вы позаботитесь вымостить главную городскую улицу и окончить начатую мною зеленую мечеть. Объ остальномъ, что потребуется, вы получите инструкціи отъ Хасымъ аги. Помните только, что я люблю быстроту и красоту отдѣлки.

Послѣ этого ханъ поѣхалъ посмотрѣть на нѣкогда любимый имъ уголокъ, гдѣ онъ мечталъ воздвигнуть дворецъ Ашлама-бахча, который красотою и великолѣпіемъ долженъ былъ превосходить всѣ существующія въ мірѣ царскія постройки. Приблизившись къ очаровательной мѣстности, Крымъ гирей ужаснулся, не нашедъ ни одного изъ посаженныхъ при немъ фруктовыхъ деревъ, вывезенныхъ изъ Анадоли и Персіи. Но каково было его возмущеніе, когда, проѣхавъ дальше, онъ вмѣсто громаднаго зданія, отдѣланнаго на-черно и поглотившаго труды и жертвы цѣлаго народа, увидѣлъ безобразную груду разбросанныхъ камней.

Ханъ спустился съ коня, молча сѣлъ на одинъ изъ камней и глубоко задумался.

— Неужели это сдѣлано по приказанію Максутъ гирея? думалъ онъ. Неужели этотъ глупецъ не могъ оцѣнить такой массы трудовъ и потраченныхъ мною денегъ не для одного удовольствія, а для славы народа и царствующаго дома? Въ этомъ дворцѣ я хотѣлъ олицетворить искусства арабовъ, мавровъ, персіянъ, китайцевъ и турковъ. Я строилъ бы его всю жизнь мою и довелъ бы до совершенства, а онъ единымъ словомъ превратилъ 5-ти лѣтніе труды мои въ прахъ. О, невѣжда, я замуровалъ бы тебя самого въ одну изъ стѣнъ этого зданія, еслибъ ты попался въ мои руки! Ханъ тяжело вздохнулъ.

Нѣтъ, сказалъ онъ минуту спустя, видно Аллаху не угодно было предоставить мнѣ этой славы или видно,

что я не въ добрый часъ началъ эту постройку, изъ за которой я былъ сверженъ даже съ престола. Ужъ не проклятое ли это мѣсто? а между тѣмъ, въ какой уютной и защищенной долинѣ оно покоится, какіе громадныя каменныя горы окружаютъ его, какая тишина кругомъ!

Полюбовавшись каждымъ кустикомъ дикой растительности, точно говорившимъ о своемъ счастіи и кейфѣ, Крымъ-гирей быстрыми шагами подошелъ къ сопровождавшимъ его каракалпакамъ (стражѣ), вскочилъ на коня и сказалъ:

— Когда мы возратимся во дворецъ, прикажите, чтобы на этомъ мѣстѣ не осталось никакихъ признаковъ того, что я хотѣлъ выстроить здѣсь сераль и обширный садъ.

Съ этой минуты ханъ исключительно предался дѣламъ своего государства и подтвержденіямъ фирмановъ, выданныхъ членамъ различныхъ представителей сословій и частныхъ лицъ. Обстоятельство это вынудило явиться къ нему и ногайскихъ сераскировъ Бузбека, Селямета и старшаго изъ рода Джанъ-Булата съ громаднымъ стадомъ лошадей, коровъ, воловъ и барановъ, предназначенныхъ три съ половиною года тому назадъ въ даръ на достройку ашлама бахча сарай и успѣвшихъ съ того времени утроиться.

Этимъ почтеннымъ гостямъ отведено было самое роскошное помѣщеніе въ флигеляхъ дворца, приказано было ежедневно подавать 20-ть сортовъ купанья, немедленно подтверждены были всѣ искони существующія права и кромѣ этого возложена была на Хасымъ эфендія обязанность показать имъ всѣ постройки, фантаны и надгробные памятники, воздвигнутые когда-либо ханами. Сераскиры были въ восторгѣ и пожелали лично выразить свою благодарность повелителю.

— Это еще не все, отвѣчалъ Крымъ-гирей — я приказалъ, чтобы каждый вечеръ забавляли вашъ слухъ любимые мною музыканты, чтобы актеры и волтижеры доставляли вамъ развлеченія, чтобы портные сдѣлали вамъ дорогіе кафтаны и чтобы въ заключеніе подарены были каждому изъ васъ по юной дѣвушкѣ изъ нашего гарема.

— Но чѣмъ-же мы будемъ въ состояніи отблагодарить тебя, наше благодатное свѣтило? спросили ногайцы.

— Я прошу отъ васъ и вашихъ подчиненныхъ только одного любить, слушать и вѣрить мнѣ. Я хочу сдѣлать васъ счастливымъ народомъ, приблизить къ себѣ и вашею помощью добиться отъ султана полной независимости ханства.

— Мы всѣ готовы по первому твоему слову обнажить саблю противъ того, кто осмѣлится не исполнить твоего желанія.

— Слушайте-же: чрезъ мѣсяцъ я лично пріѣду къ вамъ и мы сдѣлаемъ нападеніе на новую Сербію и сокрушимъ гяурскую крѣпость „Елисавета". Эта послѣдняя торчитъ у васъ и у меня, какъ бѣльмо въ глазу. Надѣюсь, что всѣ ваши джигиты окажутъ со мною чудеса храбрости.

— Мы также не отстанемъ отъ тебя, отвѣчали сераскиры—и *инъ-аллахъ* *) не посрамимъ своихъ бородъ предъ твоими свѣтлыми очами.

— Я знаю васъ, сказалъ гирей — и съ вами не побоюсь возстать противъ всего міра. Будьте-же, друзья мои, на-готовѣ и ждите, когда я пріѣду съ тѣмъ, чтобы прославить вновь ваше имя. Теперь-же идите къ Хасымъ агѣ и потребуйте отъ него исполненія моихъ приказаній, такъ какъ я хочу, чтобы вы не скучали въ оградахъ вашихъ помѣщеній.

Гости поцѣловали фалду ханскаго кафтана и удалились.

Все сказанное Крымъ-гиреемъ, какъ и требовалось по правиламъ, подслушано было Хасымъ агою съ тѣмъ, конечно, чтобы выполнить великое слово повелителя.

— Ну, достопочтенные гости — сказалъ казнедаръ послѣ плотнаго завтрака съ сераскирами—лошади стоятъ осѣдланными и ждутъ ѣздоковъ своихъ, которымъ я обязанъ все показать и обо всемъ примѣчательномъ разсказать.

Представители ногайскихъ ордъ немедленно послѣдо-

*) Съ помощію Божіею.

вали за визиремъ. Часъ спустя они остановились предъ гробницею Хаджи-гирей хана.

— Вотъ отсюда начинается исторія нашей столицы, сказалъ Хасымъ ага, указывая на тюрбе перваго самостоятельнаго владыки Крыма. Да будетъ всѣмъ извѣстно, что ханъ этотъ первоначально поселился въ Эски-Крымѣ *), но однажды, посѣтивъ это ущелье, до того прельстился имъ, что приказалъ построить себѣ дворецъ на скорую руку, который и назвалъ Салачикскимъ. Послѣ смерти этого хана родной сынъ его Менгли-гирей окончательно переселился сюда и кромѣ этого дворца воздвигъ еще пять, а именно первый, откуда мы выѣхали сегодня, второй въ мѣстности Ашлама, третій въ Эски-юртѣ, четвертый въ Азизѣ и пятый на Альмѣ, въ урочищѣ Ханъ-эли. При этомъ имѣлся еще хорошій заѣзжій домъ на высотѣ Чуфутъ кале, гдѣ очень удобно было укрываться на случай междуусобій или внезапныхъ нашествій непріятеля. Тамъ имѣли наши первые повелители и темницы въ скалахъ для ослушниковъ ихъ воли. Если хотите, я свезу васъ на эту возвышенность и покажу всѣ достопримѣчательности ея.

Сераскиры переглянулись. Слово „темницы въ скалахъ“ такъ непріятно подѣйствовало на ихъ слухъ, что они отказались отъ удовольствія взглянуть на нихъ.

— Въ такомъ случаѣ возвратимся назадъ и остановимся съ молитвою на устахъ предъ медресе, воздвигнутымъ Менгли-гирей ханомъ, которое дало намъ много сотенъ муллъ, хатиповъ и другаго рода славныхъ руководителей народа. Я самъ учился въ немъ и съ того времени, какъ только становлюсь на намазъ или открываю книгу святостей, всегда прочитываю молитву о блаженствѣ души этого хана. Не даромъ строившій это зданіе вырѣзалъ на камнѣ надпись, гласящую: да продлитъ Богъ царство его до скончанія вѣка!

Сераскиры подробно осмотрѣли всѣ каморки зданія, переполненнаго взрослыми софтами, и такъ увлеклись развитостію учениковъ, что постановили непремѣнно присылать сюда и своихъ сыновей.

---

*) Теперешнее мѣстечко Старый Крымъ.

— Этимъ вы доставите гирею и намъ особенное удовольствіе, сказалъ ага—а вотъ здѣсь, продолжалъ онъ—покоятся наши знаменитые улемы: Абдурахманъ, Шеихъ-Меметъ, Шеихъ-Юсуфъ и Хаджи-Ибрагимъ, справедливо признанные народомъ святыми, такъ какъ видѣли многіе Нуръ, (духа святаго) сходившій съ неба на ихъ могилы. Эти азизы, по свойственной имъ милости, охраняютъ медресе съ софтами отъ безнравственныхъ шалостей и наставляютъ мудерисовъ уму и познаніямъ.

— За такія благодѣянія да возрадуются ихъ кости въ могилѣ и да будутъ надъ ними щедроты нашего премудраго пророка, отвѣчали сераскиры и заявили, что видѣннаго ими сегодня будетъ достаточно, чтобы не возбудить умопомраченія.

Хасымъ эфенди не противорѣчилъ гостямъ.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ онъ—я ограничусь не многимъ, чтобы не обременить вашей памяти.

— Да, да, иначе голова наша наполнится такою тяжестію, что мы не въ состояніи будемъ удержать ее на плечахъ. Да избавитъ насъ *рабимъ* *) отъ такого мученія.

— Мы возвратимся домой и подробно осмотримъ ханъ-сарай, а того, что вы увидите въ немъ, достаточно будетъ, чтобы разсказывать сказку въ теченіи ста лѣтъ.

— Вай анамъ! **) да развѣ мы проживемъ столько лѣтъ на этомъ ложномъ свѣтѣ? сказалъ съ удивленіемъ Бузбекъ.

— Тѣ, кто узрятъ ханъ-сарай со всѣми мелочами, тѣ не пожелаютъ умереть.

— А не введешь-ли ты этимъ бѣдныхъ рабовъ хана въ великое искушеніе?

— Ханъ не дружится съ джинами. Слѣдовательно, вамъ нечего бояться грѣха. Въ его чертоги не смѣютъ заходить даже самыя благочестивыя изъ вѣдьмъ; если же являются какіе-нибудь духи, то это однѣ невинныя райскія гуріи, чтобы полюбоваться жизнію подругъ сво-

---

*) Создатель.
**) Ахъ, мать моя!

ихъ въ гаремѣ. Словомъ тотъ, кто пройдетъ всѣ комнаты и сады нашего повелителя, тѣло его настолько очистится, что свободно можетъ взойти на небо, какъ сдѣлалъ это пророкъ Юнусъ *), нынѣ служащій закройщикомъ одеждъ нашего Творца.

— Алла, алла, произнесъ Селяметъ — да я сочелъ-бы за величайшую милость быть конюхомъ у нашего пророка, лишь-бы видѣть его предъ глазами своими.

— Ты говоришь конюхомъ, замѣтилъ Бузбекъ — а я взялъ-бы охотно должность выносителя *такатуки* **)

— Да исполнитъ Господь ваши желанія, отвѣчалъ Хасымъ ага—авось вы и тогда пригодитесь намъ.

Послѣ нѣсколько минутнаго молчанія казнедаръ ага снова заговорилъ.

— Къ несчастію, вамъ придется осматривать только новый дворецъ, такъ какъ отъ стараго послѣ проклятаго нашествія гяуровъ очень немногое сохранилось. Эти злые духи въ человѣческомъ образѣ дерзнули сжечь нашу святыню...

— Да сгорятъ и они съ дѣтьми своими въ адѣ, прибавилъ Бузбекъ.

— Святотатство это случилось 32 года тому назадъ при Капланъ-гирей ханѣ — да не поставитъ ему этого пророкъ въ вину! Но такъ какъ никто не видѣлъ еще, чтобы наслѣдники Чингисханова престола оставались безъ жилища, напоминающаго рай, то послѣдующій за нимъ гирей Селяметъ ханъ однимъ ударомъ слова создалъ то, что ему казалось необходимымъ для кейфа. Когда-же Крымъ освѣтился лучами блистательной души теперешняго владыки, то постройки, деревья, цвѣты и фонтаны начали сами по себѣ вылѣзать изъ земли точно какимъ-то повелѣніемъ Солейманъ пейгамбера ***). Въ это время я былъ цирульникомъ гирея и ежедневно приходилъ для сглаживанія и уравненія головныхъ и лицевыхъ частей хана и повѣрите-ли, я просто изумлялся чудесамъ, творимымъ гиреемъ. Такъ напримѣръ, гдѣ

---

*) Енохъ.

**) Деревянная посуда въ родѣ ступки съ стержнемъ въ центрѣ для выбивки трубокъ.

***) Царь Соломонъ.

вчера утромъ я видѣлъ своими глазами громадную кучу погорѣвшаго камня, тамъ выросли деревья, а тамъ, гдѣ были деревья, тамъ красовалась бесѣдка съ фонтаномъ.

Вотъ какія чудеса вытворялъ нашъ могущественный повелитель.

Да и теперь онъ, безъ сомнѣнія, сотворитъ не меньше, если Богъ продлитъ его вѣкъ для нашего общаго блага.

Въ это время гости подъѣхали въ дворцу, спѣшились и отдали лошадей выбѣжавшимъ на встрѣчу рабамъ.

Сераскиры приблизились къ въѣзднымъ воротамъ и начали по складамъ читать великолѣпную надпись, нарисованную золотыми буквами.

Бузбеку кое-какъ удалось разобрать: „да одаритъ Аллахъ величайшимъ счастіемъ Менгли-гирей хана и отца, и мать его“.

Селямету удалось прочитать, что двери эти сооружены Менгли-гиреемъ, султаномъ двухъ материковъ и хаканомъ двухъ морей. Ай, ай,—сказалъ онъ—наши владыки прежде именовались султанами и владѣли двумя морями. Но кто же осмѣлился лишить ихъ этого?

— Турки—отвѣчалъ Хасымъ-ага — благодаря тому, что ваши прадѣды не захотѣли изгнать ихъ во время нашествія на Крымъ. Негодяи, они подъ предлогомъ изгнанія дженевезовъ завладѣли нашими царями.

— Если предки наши, дѣйствительно, виноваты, то мы исправимъ ошибки ихъ нашими саблями.

— Посмотримъ—сказалъ ага—подводя гостей къ ханской мечети и указывая на подпись о ремонтировкѣ ея 5 лѣтъ тому назадъ Крымъ-гиреемъ. Эту надпись составилъ сынъ мой Омеръ, бывшій придворнымъ живописцемъ.

— *Аферимъ, аферимъ!* *) вскрикнули одновременно сераскиры и прочитали первыя строки надписи:

Кто хаджи Селимъ? Тотъ кто, былъ наиславнѣйшій изъ всѣхъ хановъ, богатырь самого Аллаха...

— Алла, алла—замѣтилъ Бузбекъ—этотъ ханъ былъ

---

*) Въ родѣ нашего: браво, браво.

быгатыремъ Бога! Какъ же онъ не покорилъ всего свѣта и не сдѣлался единственнымъ султаномъ на землѣ, какъ напр. Чингисъ-ханъ?

— Потому что онъ довольствовался малымъ и предпочиталъ молитву всѣмъ благамъ земнымъ — отвѣчалъ Хасымъ-ага.

Гости вошли въ притворъ и съ ужасомъ посмотрѣли на носилки, предназначенныя для переноса умершихъ. Руководитель, замѣтивъ это, отворилъ дверь въ мечеть и указалъ рукою на шелковую ткань голубаго цвѣта противъ *михраба* или сѣдалища муллы, испещренную золотыми нитками, замѣнявшими чернила, которыми пишется священный символъ: „нѣтъ Бога, кромѣ Бога и Магометъ его посланникъ.“

Сераскиры, узнавъ, что ткань эта привезена была изъ благословенной Мекки, начали карабкаться другъ другу на плечи, чтобы прикоснуться къ ней руками и губами. Достигнувъ этого, они внезапно поражены были висѣвшими надъ головами ихъ тремя желтоватыми шарами.

— Это что за тыква? спросили, они отступая.

— Это не тыквы—отвѣтилъ Хасымъ-ага—а страусовыя яйца.

— Что ты, ага, не принимаешь ли насъ за эшековъ? Развѣ могутъ быть такой величины птицы? И зачѣмъ наконецъ повѣсили здѣсь птичьи яйца?

— Я сейчасъ разскажу вамъ, мои почтенные гости. Видите-ли, птица, которую называютъ страусомъ по величинѣ роста можетъ сравняться съ самымъ большимъ нашимъ верблюдомъ. Она обитаетъ въ священныхъ земляхъ Арабистана и замѣняетъ въ этихъ пустыняхъ дворовыхъ пѣтуховъ. Подумайте же вы сами, если наши маленькіе пѣтухи одарены силою кричать на цѣлый кварталъ, то каковъ долженъ быть голосъ этой великанъ—птицы! Говорятъ, что сто пушекъ турецкихъ не могутъ заглушить ея рева. Вотъ этотъ страусъ несетъ такія яица, но онъ не садится на нихъ, какъ дѣлаютъ это другія птицы, а только смотритъ издали, не имѣя права ни на секунду отвести въ сторону глазъ, а если это случится, то яйцо сейчасъ же превращается въ болтунъ

и оставляется какъ негодное. Благочестивые мусульмане изъ этого вывели заключеніе, что точно также всѣ ставшіе на молитву не должны отвлекать глазъ души и сердца своего отъ Кербеле *), пока не окончатъ намаза. А для того, чтобы они учились этому отъ птицы, то внесли эти яйца въ мечети. Поняли?

— Алла, алла! закричали снова сераскиры—послѣ этого намъ нечего удивляться тому, что небо прогвождено золотыми гвоздями, а моря не разливаются послѣ дождей. О, ярабимъ, не смѣйся надъ нашимъ невѣжествомъ!

— Скажи намъ еще что-нибудь, просвѣщающее душу—прибавилъ Бузбекъ, оглядываясь кругомъ.

— Я буду читать вамъ надписи на стѣнахъ—отвѣчалъ ага—слушайте, друзья мои, если желаете вѣчнаго счастія.

„Возлюбленный пророкъ послалъ тебя для счастія моего народа. Аллахъ только и никто кромѣ его, не можетъ указать всѣмъ дорогу истинную.

Аллахъ источникъ всѣхъ благъ! избави насъ отъ 7 адскихъ грѣховъ.

Твоею мудростію, пророкъ, весь міръ освѣщенъ.

Здѣсь на землѣ и въ будущей жизни съ помощію словъ праведные могутъ найти спасеніе и хвалы съ блаженствомъ могутъ достигнуть тѣмъ же способомъ.

Эта мечеть воздвигнута по милости Аллаха. Каждый въ семъ и будущемъ мірѣ въ уединеніи достигнетъ спокойствія и счастія.

Аллахъ есть мой господинъ, а пророкъ его есть мой возлюбленный.

Аллахъ есть единъ и кромѣ его нѣтъ другаго **).“

Содержаніе надписей этихъ потрясли души набожныхъ фанатиковъ и они пожелали совершить краткую молитву за душу составителя ихъ.

Замѣтивъ это благочестивое влеченіе, Хасымъ-ага повлекъ гостей своихъ въ сосѣднее зданіе, прикрытое одною кровлею съ мечетью для совершенія таинства

---

*) Отъ юга или направленія къ Меккѣ.

**) Послѣдняя надпись сдѣлана на молитвенницѣ хана.

омовенія. Сераскиры изумились, очутившись предъ огромнымъ водоемомъ, извергавшимъ одновременно 12 алмазныхъ ключей воды.

— Ты насъ ввелъ въ рай небесный—сказалъ Бузбекъ—что можетъ быть волшебнѣе этого зрѣлища; что можетъ быть пріятнѣе этого журчанія для слуха; что можетъ быть слаже этой воды? О Аллахъ, какъ безграничны твои милости къ нашему повелителю! Даруй же и намъ хоть одну изъ этихъ свинцовыхъ трубочекъ, обладающихъ свойствомъ вѣчно извергать отрадную струю воды.

— А я прошу у него—прибавилъ Селяметъ—чтобы онъ далъ мнѣ трубочку, извергающую кумысъ.

— Если же и мнѣ приходится подражать старшимъ—сказалъ сынъ Джанъ-Булата, то я попрошу трубоку, дающую сладкую бузу.

— Чудеса Божьи не истощимы, почтенные сераскиры. Но, чтобы видѣть ихъ предъ глазами своими, необходимо предварительно заслужить его любовь и благословеніе.

Сераскиры продолжали всматриваться въ чудныя трубочки, хлопали языкомъ, улыбались, притрогивались пальцами къ свинцу, пробовали воду, обходили кругомъ водоемовъ и взаключеніе пришли къ полнѣйшему убѣжденію, что вода является не иначе, какъ по повелѣнію Бога.

Тѣмъ временемъ послышался изанъ на обоихъ минаретамъ ханской мечети и Хасымъ-ага поторопилъ ихъ совершить *уду,* чтобы одновременно съ другими мусульманами стать на молитву.

По окончаніи богослуженія Хасымъ-ага повелъ гостей на ханское кладбище, которое чистотою, уютностью, красотою памятниковъ и растительностію до того очаровало бѣдныхъ сераскировъ, что они готовы были сейчасъ же разстаться съ міромъ, еслибъ имъ пообѣщали похоронить въ этой оградѣ. Блаженство ихъ дошло до неопредѣленной степени, когда ага прочелъ эпитафію надъ памятникомъ Магометъ гирей хана, состоящую изъ слѣдующихъ словъ:

„Магометъ-гирей, сынъ великопоставленнаго Селимъ-хана. Эта нѣжная краса вѣнца высокаго рода, спасая

драгоцѣнную жизнь свою, изъ тѣснаго дома временной жизни, перекочевалъ на обширный лугъ вѣчности. Алмазное это кольцо меридіана могущества, хранимое въ завидномъ тайникѣ, было драгоцѣнностію, которую неблагодарная судьба еще въ новомъ быту зарыла въ землю, о Бахты (имя поэта), жаль, что вѣтеръ несчастія задулъ свѣчу жизни человѣка съ душою! *)

— Вай, вай, вай, покрикивали ногайцы, какія сладкія слова, какія благоухающія мысли! И къ чему намъ небеса, когда рай существуетъ въ этомъ маленькомъ садикѣ и его эпитафіяхъ.

— Подведи теперь насъ, хоть къ одной женской могилѣ, сказалъ сынъ Джанъ-Булата чтобы понюхать запахъ цвѣтовъ, выросшихъ надъ нею. О, каковы должны быть тѣ дѣвы, которыя рождаются отъ такихъ хановъ и выростаютъ въ такихъ дворцахъ, какъ этотъ?

— Ты скоро будешь имѣть въ объятіятъ своихъ одну изъ такихъ фей, сказалъ Хасымъ-ага. Я получилъ уже приказаніе сдать вамъ по одной дѣвушкѣ изъ гарема.

— Мы ихъ будемъ нѣжить и носить на рукахъ, какъ дѣтей своихъ, отвѣчалъ Бузбекъ.

— А я поставлю мою въ бочку съ бузою, чтобы она никогда не завяла, а когда она умретъ, то выстрою надъ могилою ея цѣлую мечеть, сказалъ Селяметъ, и

*) Магометъ-гирей вступилъ на престолъ послѣ брата своего въ 1655 году. Замѣчателенъ побѣдою надъ поляками подъ Сокольниками и набѣгами на Россію. Впослѣдствіи онъ сдѣлался другомъ первыхъ и непримиримымъ врагомъ казаковъ, которыхъ и заставилъ признать господство Польши. Онъ пробрался въ Казань, гдѣ изрубилъ всѣхъ христіанъ и возвелъ на престолъ Казанскій брата своего Сагита, послѣ чего послалъ загоны свои подъ Москву и, захвативъ до 10 т. плѣнныхъ, продалъ ихъ въ Кафѣ. Не довольствуясь этимъ, онъ напалъ на Астраханское ханство. Устрашенный предводитель этой орды ногайцевъ поспѣшилъ встрѣтить его съ богатыми дарами и покорно вручилъ ключи отъ городскихъ воротъ; но въ ту же ночь стража его была убита вмѣстѣ съ нимъ. Магометъ-гирей былъ нѣкоторое время нашимъ союзникомъ и именно послѣ того, когда Шведскій король отказалъ ему въ денежномъ пособіи, а царь Алексѣй Михайловичъ предложилъ таковое съ обѣщаніемъ выплатить всѣ недоимки за семь лѣтъ. Ханъ этотъ, старавшійся сокрушить казаковъ, однажды выслалъ къ полякамъ значительныя подкрѣпленія, но въ самую важную минуту татаре, предводительствуемые Ахметъ-мурзою, измѣнили имъ и бѣжали съ добычею съ поля битвы. Это озлобило Магомета до такой степени, что онъ, собравъ новыя войска, напалъ на гетмана Хмѣльницкаго и разбилъ его подъ Езориемъ. При содѣйствіи его разбитъ былъ князь Семигородскій. Онъ много зла сдѣлалъ Россіи при нападеніи на армію Шереметьева. Съ нимъ прекратилась фамилія гиреевъ.

прикажу муллам нашим сдѣлать одну из таких надписей, которыя ты прочтешь нам.

Въ это время, они остановились предъ небольшимъ хорошенькимъ монументовъ надъ прахомъ Сафьи-султанъ; умершей въ послѣднее нашествіе русскихъ.

— Эту дѣвушку я тысячи разъ лично видѣлъ, сказалъ Хасымъ-ага, положивъ руку на памятникъ. Но, еслибъ вы спросили у меня, съ чѣмъ можно сравнить ея красоту, я никогда не выдумалъ бы такихъ нѣжныхъ словъ, какими можно изображать небесныя созданія, убѣгавшія съ земли, недостойной ихъ взгляда. Представьте, друзья мои, большое румяное яблоко, съ большими черными глазами. очерченными соединенными бровями; большой ротъ съ пухлыми розовыми губами, въ сосѣдствѣ которыхъ разбросано нѣсколько родимокъ и длинныя мелкія коски. Затѣмъ, вообразите, на груди два гигантскихъ персика, постоянно колыхавшихся...

— Ай, ай, не говори дальше, ага, у насъ можетъ лопнуть сердце.

— А животъ? да это было, по наружной формѣ, что-то недоступное выраженію. Покоясь на двухъ полныхъ ногахъ. онъ не требовалъ ни лица, ни ушей, ни носа и заключалъ все, что необходимо было для понятія о раѣ. Если же я скажу, какими еще благами обладало это существо, то у васъ сдѣлается головокруженіе. Клянусь вамъ, друзья, что ни у одного богдана *) никто никогда не встрѣчалъ такихъ пухлыхъ подушекъ и такого упоительнаго аромата при постоянной теплотѣ Индостана...

— Довольно, довольно, ага, вскрикнули ногайцы и, закрывъ глаза руками, бросились бѣжать.

— Куда вы, друзья мои?

— Нѣтъ, нѣтъ, ни за что больше не останемся здѣсь. Твои слова прожгли наши сердца и мы потеряемъ разсудокъ, если ты скажешь еще нѣсколько словъ объ этой дѣвушкѣ.

— Я не буду больше говорить, убѣждалъ ихъ ага, но они недовѣрчиво покачали безобразными шапками и вышли изъ кладбища.

---

*) Порода барановъ съ громадными курдюками.

XII.

Хасымъ ага, очень довольный эффектомъ словъ своихъ, вынужденъ былъ послѣдовать за сераскирами и отдалъ приказаніе подать гостямъ завтракъ.

Часъ спустя онъ опять явился къ нимъ съ предложеніемъ показать всѣ хансарайскіе комнаты и сады.

— Мы пойдемъ за тобою, отвѣчалъ Бузбекъ, но съ условіемъ, что ты не будешь говорить ни о персикахъ, ни о холмахъ, подобныхъ курдюкамъ. Это чрезвычайно сильно дѣйствуетъ на тѣхъ, которые разстались съ женами своими недѣлю тому назадъ.

— Пожалуй, я исполню ваше желаніе, хотя и убѣжденъ, что всѣ прелести міра не стоятъ и одной пары (деньги) безъ красивой женщины.

— Ты напрасно говоришь это мущинамъ, которые никогда безъ особенной крайности не выѣзжаютъ изъ дома, и горе намъ если въ отсутствіе наше явится опять какой-нибудь казакъ подъ именемъ Бурлая.

— При Крымъ-гиреѣ никто не осмѣливался переходить границъ нашего ханства, и притомъ въ настоящее время наши отряды сами жаждутъ нападеній. Ну, идемъ!

Сераскиры лѣниво поднялись съ мѣстъ и поплелись за казнедаромъ, разсчитывающимъ поразить кочующихъ номадовъ.

Слѣдуя принятому направленію, Хасымъ-ага прежде всего показалъ гостямъ помѣщеніе дворцовой стражи, которая въ моментъ ихъ входа занималась перескакиваніемъ чрезъ спины пригнувшихся товарищей.

— Игра эта доставляетъ мнѣ особенное удовольствіе, сказалъ сынъ Джанъ-булата и, не дождавшись отвѣта, сбросилъ съ себя сераскирскую накидку и сталъ въ ряды игравшихъ.

Много трудовъ и усилій потребовалось со стороны аги, чтобы вывести его изъ этой казармы. Очутившись въ ханской конюшнѣ, гдѣ стояло 12-ть отборныхъ жеребцовъ, сераскиры ощупали шеи и хвосты каждой лошади и нашли ихъ мало годными для скачекъ; но вошедъ въ бани, только что натопленныя, они сейчасъ-же

начали раздѣваться и объявили, что не выйдутъ отсюда, пока не испытаютъ удовольствія размягчить отвердѣвшія кости. Ханскому визирю поневолѣ пришлось послѣдовать ихъ примѣру и пригласить нѣсколько хаваловъ или банщиковъ, обладавшихъ искусствомъ доставлять кейфъ костямъ.

— Ну, теперь мы готовы идти съ тобою, куда хочешь, заявили сераскиры, выпарившись. Ханскія бани переродили насъ въ юношей, готовыхъ вознестись на облака, но повторяемъ, не произноси предъ нами женскаго имени и не показывай царскаго гарема, гдѣ пахнетъ женскимъ духомъ. Мы иначе созданы и способны провиниться и предъ аллахомъ, и предъ повелителемъ нашимъ.

Хасымъ ага кивнулъ головою и направился по лѣстницѣ въ такъ называемую пріемную или столовую хановъ, устланную мягкими рогожами и драпированную длинными софами коричневаго сукна.

— Да, сюда можно помѣстить цѣлую орду, замѣтилъ Бузбекъ, ощупывая, чѣмъ набиты подушки, приставленныя къ стѣнѣ. Гдѣ-же тутъ оджакъ? прибавилъ онъ, поднявъ голову къ потолку.

— Оджакомъ здѣсь служатъ окна—подсказалъ Селяметъ.

— Понялъ, понялъ! Видно эти стекла нагрѣваются отъ солнца и передаютъ теплоту въ комнату. Это очень выгодно и въ особенности, когда *тезякъ* (кирпичъ) мокрый и плохо горитъ. Надо будетъ попросить у хана нѣсколько такихъ стеколъ.

— А ну-ка подойди и приложи руку къ окну, сказалъ сынъ Джанъ-Булата.

— Ну, нѣтъ, душа моя, я не такъ глупъ, чтобы изъ пустаго любопытства обжечь пальцы. А ты лучше скажи мнѣ, захотѣлъ-либы ты заснуть въ этой комнатѣ?

— Боже сохрани, отвѣчалъ молодой человѣкъ. Сюда навѣрно по ночамъ собираются на зіафетъ души всѣхъ хановъ и ихъ женъ, перенесенныхъ на сосѣднее кладбище. Да они растерзаютъ меня за дерзость.

Хасымъ ага перевелъ сераскировъ въ отдѣленіе съ разноцвѣтными стеклами.

— *Вай анамъ,* *) сказалъ Бузбекъ, оглядываясь съ недоумѣніемъ — да сюда и солнце какъ-то иначе смотритъ. Посмотрите, одно стекло кажется желтымъ, другое голубымъ, а третье синимъ. Ужъ не обманываютъ-ли меня глаза?

— Мнѣ тоже кажутся эти цвѣта, сказалъ Селяметъ, протирая глаза. О, теперь я понимаю, въ чемъ дѣло: ты вѣрно насмѣхаешься надъ нами, ага, какъ дѣлаютъ это колдуны.

Сераскиры невольно взглянули на Хасыма.

— Въ самомъ дѣлѣ, не производишь-ли ты какихъ-нибудь чаръ? спросилъ Бузбекъ. Развѣ солнце можетъ дѣлать синій и голубой цвѣта?

— Вы меня оскорбляете, достопочтенные гости, отвѣчалъ ага—ни я, ни мои предки не видѣли въ домахъ колдуна. *Тобе, тобе* **) не заставьте меня произнести не приличнаго слова.

— Да внидетъ оно въ уши дьявола, прервалъ его Селяметъ-хойма-ханъ, и, чтобы удовлетвориться въ заблужденіи, дерзнулъ ощупать пальцами всѣ цвѣтныя стекла.

Тьфу анасыны, тьфу анасыны, произнесли остальные собратья его, прищелкивая языками— а намъ и во снѣ не снились голубыя и синія стекла. Видно, на землѣ есть такого цвѣта вода, которая, замерзая отъ теплоты, принимаетъ особенный цвѣтъ.

— Алла, алла и ее, вѣроятно, распиливаютъ на тонкія пластинки? говорилъ сынъ Джанъ-Булата, всматриваясь въ стекла.

— Идемъ дальше—сказалъ Хасымъ-ага и повлекъ гостей въ комнату дивана, устроеннаго 26 лѣтъ тому назадъ Селяметъ гиреемъ.

Въ комнатѣ этой въ то время стояло большое кресло, замѣняющее тронъ, обитое оранжевымъ сукномъ на вышитомъ на внутренней спинкѣ золотымъ полумѣсяцемъ, а около него нѣсколько табуретокъ, подставленныхъ къ софамъ, убраннымъ такого-же цвѣта сукномъ. Обширная зала эта освѣщалась двумя рядами оконъ, т. е. сверху

*) Ай, мама!
**) Заклятіе.

и внизу съ разноцвѣтными стеклами. Потолокъ ея изъ рѣзнаго дерева былъ вызолоченъ и держалъ въ центрѣ дорогую хрустальную люстру. Подъ самымъ потолкомъ виднѣлась густая рѣшетка или перегородка, за которой никѣмъ невидимый ханъ иногда слѣдилъ за правосудіемъ. Самое интересное въ этой залѣ было то, что всякое сказанное даже тихо слово ясно отзывалось за перегородкою.

Осмотрѣвъ эту комнату, сераскиры, подъ вліяніемъ какого-то не испытаннаго раньше чувства, попятились назадъ и хотѣли было выбѣжать.

— Что съ вами, друзья мои? Куда вы уходите? заговорилъ Хасымъ-ага.

— Нѣтъ, эфенди—отвѣчалъ Бузбекъ—ужъ какъ тебѣ угодно, а мы боимся стоять подъ золотымъ потолкомъ, который можетъ внезапно обрушиться на наши головы. Вѣдь мы не преступники, что ты вводишь насъ въ диванъ. Ради самого пророка веди насъ въ другое мѣсто, но только не въ диваны.

Казнедаръ-ага вынужденъ былъ повиноваться и, чтобы успокоить друзей, ввелъ въ фонтанную комнату, гдѣ красовался величественный магзубъ или позолоченный фонтанъ, воздвигнутый въ 1733 году Капланъ-гиреемъ, и оттуда можно было выйти въ цвѣтникъ съ громадными виноградными лозами.

Мудрымъ сераскирамъ показались лозы эти черными змѣями, оберегающими жилище ихъ хана, вслѣдствіе чего ни одинъ изъ нихъ не рѣшился показаться за двери. Просидѣвъ около часу предъ шумящею струею воды, ногайцы не охотно послѣдовали за чичероне своимъ въ великолѣпный кабинетъ Крымъ-гирея, отдѣланный имъ окончательно за нѣсколько недѣль до сверженія съ престола и сохранившійся въ цѣлости.

Въ комнатѣ этой были всѣ стѣны деревянныя, рѣзныя съ такимъ же потолкомъ. Все это было позолочено. Длинныя софы вдоль стѣнъ были покрыты малиновымъ бархатомъ съ золотыми узорами; покрывала на диванахъ и подушкахъ окаймлены шелковою бахрамой съ такими же по угламъ кистями. Надъ каминомъ и дверями повыше карниза красовались за стекломъ лепные изъ

гипса и алебастра плоды, деревья, кораблики, птички и т. п., а выше карниза, между этимъ послѣднимъ и потолкомъ, тоже выдѣланные изъ того-же матеріала, разрѣзанные арбузы, груши и гранаты. На нѣкоторыхъ мѣстахъ потолка изображены были домики съ кипарисами, а вдоль карниза раньше приведенная нами надпись въ стихахъ.

Комната эта окончательно поразила сераскировъ. Тутъ только они убѣдились, что слышанныя ими въ дѣтствѣ сказки съ говорящими птицами и вѣчно свѣжими плодами, воспроизводимыми феями не есть вымыселъ безобразныхъ старухъ. Имъ только не понятно было, какъ это на потолкѣ держались домики и кто въ нихъ жилъ.

Стоя неподвижно съ открытыми ртами, они не вѣрили, что все это происходило наяву.

— Ну, какъ вамъ нравится эта комната? спросилъ Хасымъ.

— Неужели нашъ ханъ проводитъ въ ней время свое? спросилъ Бузбекъ.

— Да, онъ постоянно находится въ ней.

— Алла, алла, какъ онъ не боится такихъ чаръ? Какъ глаза его могутъ выносить блескъ этого золота? Довольно, довольно, ага, ты намъ показалъ такія вещи, какихъ никому изъ нашихъ предковъ не приходилось видѣть.

— Въ заключеніе, я вамъ покажу тоганъ-кулеси или соколиную башню, сказалъ Хасымъ эфенди—откуда вы окините однимъ взглядомъ половину Бахчисарая.

— О, это должно быть очень весело! отвѣчали сераскиры и быстро зашагали за важакомъ своимъ.

Нѣсколько минутъ спустя ногайцы были уже на башнѣ и радовались, какъ маленькія дѣти, предъ которыми все превращалось въ игрушки.

— Ну, теперь время идти на молитву и приготовляться къ обѣду, сказалъ Хасымъ ага и началъ спускаться съ высокой лѣстницы.

Сераскиры двинулись было за нимъ, но, вдругъ увидѣвъ подъ ногами ужасную пропасть, съ ужасомъ отскочили назадъ и ни за какія блага не рѣшились довѣриться ступенямъ.

Все краснорѣчіе бывшаго брадобрея не привело ни къ чему. Хасымъ ага вынужденъ былъ послать за нѣсколькими хапухалками и мутараджи-баши *), чтобы съ помощью ихъ свести одурѣвшихъ гостей. Но ногайцы замахали руками и ногами и подняли страшный вой.

Что приходилось дѣлать съ трусами?

Призванный начальникъ дворцовой стражи рѣшилъ ранить гостей и снести ихъ на рукахъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, кричали они — лучше убейте насъ предварительно и потомъ оживите.

— Отлично, сказалъ Юзъ-баши (сотникъ) и приказалъ перевязать имъ руки и ноги.

Лишь только это было исполнено, какъ слуги схватили ногайцевъ на руки и скорыми шагами снесли внизъ.

Намъ нечего говорить, какъ они были счастливы, очутившись снова внѣ страха, и съ какимъ удовольствіемъ вытирали со лба холодный потъ.

Обстоятельство это возбудило у напуганныхъ такой изумительный аппетитъ, какого никогда Хасымъ-агѣ не приходилось видѣть даже въ средѣ четвероногихъ животныхъ.

Нѣсколько времени спустя послѣ обѣда, сераскиры по приказанію хана вызваны были на дворъ, гдѣ предъ бесѣдочкою, за которою находился ханъ, долженъ былъ показывать какія-то чудеса только что прибывшій къ барону Тотту, фокусникъ изъ Парижа.

— Чтоже онъ будетъ показывать? спросили ногайцы съ недовѣрчивостію.

— Я не знаю, отвѣчалъ хапухалкъ.

— Не лжепророкъ-ли это, явившійся для соблазна правовѣрныхъ? допрашивалъ Бузбекъ.

— Крымъ-гирей ханъ не принимаетъ въ царство свое такихъ *кіяфировъ* **).

— Не будетъ-ли онъ показывать искусства однимъ взмахомъ сабли снимать головы? говорилъ Селяметъ.

— Я ничего не знаю, отвѣчалъ слуга — мнѣ только приказано привести васъ и посадить на извѣстное мѣсто.

---

*) Постельничіе.
**) Поганыхъ.

— Нечего дѣлать, надо повиноваться, было отвѣтомъ ногайцевъ—но ты, душа моя, не отходи отъ насъ, потому что въ этомъ дворѣ и дома, и люди не обѣщаютъ ничего добраго для благочестивыхъ людей. Такъ и быть мы еще разъ сдѣлаемъ угодное нашему общему повелителю, но завтра съ разсвѣтомъ выѣдемъ изъ Бахчисарая и поклянемся нашими дѣтьми не посѣщать его въ другой разъ. То ли дѣло наши благодатныя ровныя степи, гдѣ ничто не пугаетъ добрыхъ людей.

Хапухалкъ вывелъ гостей и посадилъ на тубареты около импровизированнаго стола, за которымъ сидѣлъ гигантскаго роста френкъ въ чудовищной одеждѣ. Ногайцы, увидѣвъ около себя многихъ мурзъ и беевъ, свободнѣй вздохнули, но не сводили глазъ съ страшнаго молтука (ружья), лежавшаго на помостѣ.

Какъ только показался бѣлый платокъ въ бесѣдкѣ, фокусникъ вскочилъ на ноги и схватилъ ружье.

Одинъ изъ служащихъ при посольствѣ заявилъ публикѣ, что иностранный чудотворецъ хочетъ показать искусство свое въ стрѣльбѣ.

Выстрѣлъ, направленный въ летающую ласточку, раздался и бѣдная птичка упала на землю безъ малѣйшихъ признаковъ жизни.

— Ну, это не особенно трудно сдѣлать, сказалъ кто-то изъ присутствующихъ, когда положена была мертвая птичка предъ фокусникомъ.

— Дѣйствительно, многіе изъ васъ это сдѣлаютъ, отвѣчалъ чудотворецъ—но кто изъ васъ оживитъ ее снова?

Всѣ посмотрѣли на иностранца съ убѣжденіемъ, что онъ лишился ума.

— Ласточка! эти господа не вѣрятъ что я оживлю тебя. Докажи-же имъ мое могущество.

Не успѣлъ онъ произнести этого приказанія и сдѣлать какихъ-то движеній руками, птичка поднялась, встрепенулась и весело вспорхнула *).

— Птю, птю, ана сикенъ! вскрикнули сераскиры—все это туманъ, пущенный намъ въ глаза.

— Теперь господа, сказалъ френкъ—я хочу показать вамъ скачку пигмеевъ на ихъ крошечныхъ лошадяхъ.

*) Ружье было заряжено вмѣсто дроби ртутью.

Это очень важно для васъ любителей этого восхитительнаго зрѣлища.

Сказавъ это, фокусникъ вынулъ изъ помоста большую платформу, представляющую скаковое поле и, укрѣпивъ на шпилькѣ, выходящей изъ стеклянной подножки, разставилъ на ней нѣсколько верховыхъ лошадей съ сѣдоками, такъ мастерски сдѣланныхъ, что зрители не сомнѣвались въ ихъ жизни. Затѣмъ, соединивъ эту шпильку съ кондукторомъ электрической машины съ помощію маленькой цѣпочки, французъ отскочилъ и сдѣлалъ знакъ начать скачку. Платформа немедленно закружилась со скоростію, пропорціональною электричеству, и предъ публикою отчетливо показался сильный бѣгъ лошадей.

Удивленіямъ и крикамъ восторга не было конца.

— Теперь я вамъ покажу, господа, мою власть заставить самую холодную воду закипѣть въ бутылкѣ по одному моему слову.

— Ну, это ты совралъ, отвѣтилъ Бузбекъ. Такихъ чудесъ не дѣлалъ и нашъ великій пейгамберъ (пророкъ).

— Эй, аякхапъ, поди и принеси изъ фонтана кувшинъ воды, приказалъ переводчикъ.

Вода была принесена и фокусникъ наполнилъ ею бутылку, въ которую заранѣе насыпаны были мѣдные опилки.

— Кипи! приказалъ онъ, не дотрогиваясь до сосуда. и затѣмъ поручилъ служителю подать бутылку для удостовѣренія Бузбеку.

Сераскиръ взялъ ее въ руки, но сейчасъ-же передалъ товарищу и началъ слюнить пальцы. Товарищъ еще сильнѣе обжегся. Остальные зрители позволяли себѣ только прикасаться пальцами.

— *Аферимъ, аферимъ!* раздалось со всѣхъ сторонъ— а можешь-ли ты заставить воду горѣть, но такъ, чтобы она не жгла тѣла?

— Кто это спрашиваетъ? спросилъ фокусникъ, успѣвшій быстро замѣнить горячую бутылку другою — пусть онъ подойдетъ къ столу и я удовлетворю его требованію.

Вмѣсто одного подошло нѣсколько человѣкъ.

— По приказанію моему вода въ этой бутылкѣ уже

остыла, возьмите ее и войдите въ темный погребъ и налейте каждый себѣ понемногу на ладонь руки и скажите мнѣ, что увидите *).

Зрители молча повиновались и нѣсколько минутъ спустя начали призывать всю публику на великое чудо.

Послѣ этого фокусникъ началъ творить чудеса въ видѣ приказаній переходить шарику изъ стакана въ стаканъ, проходить сквозь помостъ, размножать шарики до безконечности, заставлять проходить одинъ стаканъ сквозь другой цѣлый. Покончивъ съ этими обыкновенными мелочами, чудотворецъ хотѣлъ было перейти къ второму отдѣленію программы, какъ вдругъ къ нему подошелъ Селяметъ хайма ханъ и, принявъ геройскую позу, сказалъ:

— Послушай, великій человѣкъ, если ты желаешь насъ убѣдить въ томъ, что ты сошелъ съ неба, то сотвори еще три чуда: во первыхъ заставь вотъ этотъ камешекъ вертѣться на водѣ; во вторыхъ проколи ножемъ шею пѣтуху съ тѣмъ, чтобы онъ остался живъ и въ третьихъ позволь мнѣ выстрѣлить пулею изъ твоего ружья въ тебя самого на разстояніи 15 шаговъ.

— Я согласенъ, но какое ты дашь мнѣ вознагражденіе за это удовольствіе?

— Мы всѣ дадимъ тебѣ по горсти червонцевъ, поддержали сераскира зрители.

— Кладите деньги на столъ! объявилъ переводчикъ.

Прежде другихъ Крымъ-гирей своеручно выбросилъ изъ бесѣдки кошелекъ. Публика послѣдовала примѣру хана.

Послѣ чего Селяметъ подалъ небольшой камень фокуснику, предъ которымъ стоялъ уже стаканъ на половину налитый водою. Французу не стоило труда замѣнить взятый камень таковымъ-же изъ породы лантикулита **) и бросить его въ прозрачный сосудъ, гдѣ онъ и началъ безпрестанно повертываться.

— Алла, алла! раздалось со всѣхъ сторонъ.

---

*) Я думаю, что многимъ извѣстно, что взятые по ровной части терпентинное масло, петроліумъ, свиное сало, бараній жиръ и известь послѣ перегона на огнѣ даютъ воду, которая горитъ на голой рукѣ, не причиняя вреда.

**) Такъ назыв. чичевичный камень, известковой породы.

— Теперь давайте мнѣ пѣтуха, сказалъ френкъ, вынимая изъ подъ стола ножъ.

Когда пѣтухъ былъ принесенъ, фокусникъ моментально прокололъ ему голову между клювомъ и мозгомъ и поднялъ его трепещущаго предъ зрителями *).

— Это и я сдѣлаю, сказалъ Селяметъ—а ну-ка, оживи его теперь!

Фокусникъ освободилъ птицу отъ ножа и пустилъ ее, къ удивленію всѣхъ въ первобытномъ бодромъ состояніи. Нѣкоторые изъ зрителей въ сомнѣніи бросились за пѣтухомъ, но онъ поднялъ такой гугнявый крикъ и такъ сильно бѣжалъ, что дальнѣйшее сомнѣніе было неумѣстно.

— Затѣмъ мнѣ остается удовлетворить самому ужасному изъ твоихъ требованій, сказалъ фокусникъ, обращаясь къ Селямету и выложивъ на столъ большой зарядъ пороха и пулю.

Стараясь избѣгнуть подозрѣній французъ обнажилъ руки свои до локтей и быстро зарядилъ ружье. Всѣ видѣли, что онъ всыпалъ въ дуло весь порохъ и вложилъ пулю, но конечно, никто не замѣтилъ, въ какомъ количествѣ былъ положенъ порохъ предварительно пули и сколько послѣ нея.

Взявъ ружье, сераскиръ для большей увѣренности въ зарядѣ опустилъ въ него шомполъ и промѣрилъ пальцами высоту. Потомъ, отсчитавъ 15 маленькихъ шаговъ, онъ повернулся къ сѣдалищу гирея и громогласно спросилъ позволенія стрѣлять.

Крымъ гирей ханъ, взглянувъ на французскаго посланника, кивнувшаго ему головою, махнулъ рукою въ знакъ соизволенія.

Сильный выстрѣлъ раздался; но каково было изумленіе всѣхъ, когда фокусникъ вынулъ изъ пазухи пулю и, показавъ ее зрителямъ, просилъ иголки зашить прорванный камзолъ.

Это непостижимое чудо заставило сераскировъ нашихъ положительно увѣриться, что они имѣютъ дѣло

---

*) Всѣмъ извѣстно, что эта операція не бываетъ убійственна для куриной породы.

не съ обыкновеннымъ человѣкомъ, а съ всемогущимъ джиномъ, принявшимъ человѣческій образъ. Обсудивъ это между собою, они поднялись съ мѣстъ своихъ и не смотря на всѣ просьбы Хасыма остаться, направились къ покоямъ своимъ съ тѣмъ, чтобы выѣхать изъ сераля, переполненнаго сказочными волшебствами.

— Если мы останемся здѣсь до утра, говорили они— то навѣрно лишимся ума. Этотъ джинъ, въ котораго стрѣляли, навѣрно пожелаетъ отомстить намъ. Ради Бога и всѣхъ вашихъ азизовъ прикажите подать нашихъ лошадей и передайте хану, что мы день и ночь будемъ молиться за него, настоящихъ и будущихъ дѣтей его, если онъ не позволитъ этому френскому шейтану ступить ногою въ наши земли. Онъ однимъ взглядомъ превратитъ нашихъ животныхъ въ груды камней, а женъ и дочерей въ коровъ и ослицъ. Если-же ханъ не смилуется надъ нами, то мы вынуждены будемъ убѣжать изъ мѣста родины своей.

— Неужели вы не согласитесь даже взять подаренныхъ вамъ ханомъ дѣвушекъ изъ своего гарема? спросилъ казнедаръ.

— Нѣтъ, нѣтъ, Хасымъ ага, мы ничего не хотимъ взять отсюда, чтобы не приводить въ трепетъ нашего сердца. Возьми ихъ лучше самъ и наслаждайся за наше здоровье.

— Но, я боюсь, чтобы свѣтлѣйшій ханъ не разгнѣвался на васъ.

— Ну, чтожъ дѣлать, пусть гнѣвается. Мы охотнѣе умремъ подъ саблями его *джелятовъ* (палачей), чѣмъ подъ вліяніемъ волшебства. Такъ и скажи ему.

Не поддаваясь ни какимъ просьбамъ, сераскиры выѣхали изъ ханъ-сарая въ то время, когда фокусникъ переполъ во дворецъ для дальнѣйшихъ дѣйствій, а вмѣсто нихъ въѣхалъ въ сераль какой-то таинственный старикъ съ длинною сѣдою бородою и спросилъ Хасымъ эфендія.

— На что онъ тебѣ? спросилъ стражникъ.

— Скажи, что его зоветъ Толбай, за которымъ посылалъ нарочныхъ Крымъ гирей ханъ.

Казнедаръ не замедлилъ прибѣжать и поцѣловать въ

оба глаза почтеннаго съ вида старика и затѣмъ увести его въ одну изъ удобнѣйшихъ пріемныхъ комнатъ во флигелѣ дворца.

— Ты не знаешь, зачѣмъ меня пригласилъ ханъ! спросилъ Толбай джинджи, когда ему подали филиджанъ кофе.

— Нѣтъ, не знаю, отвѣчалъ визирь, гирей не нашелъ, вѣроятно, нужнымъ сообщить мнѣ объ этомъ.

— Онъ, отлично сдѣлалъ, что, вступая вторично на нашъ престолъ, рѣшился посовѣтоваться со мною.

— Ну, а какъ ты думаешь, дѣдушка, будетъ ли теперь Крымъ гирей счастливѣе, чѣмъ прежде?

— Да, онъ сдѣлается очень счастливымъ и извѣстнымъ, но только не долго ему придется метать икру. Приближаются очень грозныя времена для Крымскаго ханства. Замѣтилъ ли ты вчерашнюю ночь, какъ много падало звѣздъ на небѣ? Все это были души благочестивыхъ шегидовъ, павшихъ въ битвѣ съ невѣрными *). Въ нашей единовѣрной Турціи дѣлаются ужасныя дѣла.

— Ты говоришь, спросилъ почтительно Хасымъ, что нашему хану не долго придется жить? О, ради Аллаха, объясни мнѣ это получше, чтобы я имѣлъ время позаботиться о себѣ и дѣтяхъ своихъ.

— Ты, успѣешь оставить имъ хорошее обезпеченіе.

— Слѣдовательно, и я долженъ умереть?

— Предопредѣленія не въ силахъ измѣнить человѣкъ.

— Какою же смертію умретъ ханъ?

— Его заставятъ умереть, но только ты пожалуйста не говори ему объ этомъ ничего, если желаешь блага себѣ и татарамъ. Ну, какъ ты находишь Крымъ гирея: измѣнился ли онъ къ лучшему или такой же отважный какимъ былъ и прежде?

— Я полагаю, что онъ измѣнился во многомъ.

— Это неправдоподобно, мой другъ: дерево должно гнуться съ молодости, а его никто не принуждалъ къ

---

*) Уваженіе мусульманъ къ шегидамъ такъ велико, что тѣла ихъ не требуютъ ни омовенія, ни савана (кефина) на томъ основаніи, что они омылись собственною кровью и лучшимъ облаченіемъ для нихъ служитъ та самая одежда, въ которой они удостоились мученической смерти.

этому. Изъ всѣхъ Крымскихъ хановъ, съ большинствомъ которыхъ я былъ въ дружескихъ отношеніяхъ только одинъ изъ нихъ Хази гирей, захваченный въ плѣнъ персіянами, прошедъ всѣ мытарства мученій, научился быть ласковымъ и умѣреннымъ въ желаніяхъ своихъ. Говоря правду, Крымъ гирей чрезвычайно напоминаетъ мнѣ наружностію и характеромъ покойнаго Ислямъ гирея (да простятся ему грѣхи), а съ этимъ ханомъ, я всегда жилъ въ разладицѣ, не смотря на то, что былъ старше его тремя стами лѣтъ. Это была бѣшенная голова съ бѣшенными костями. Однажды онъ пріѣхалъ ко мнѣ и говоритъ, что собрался напасть на Украйну и Подоль. Я взглянулъ на небо и посовѣтовалъ отложить набѣгъ до болѣе благопріятнаго времени. „Ты ничего не понимаешь", сказалъ онъ и рѣшился привести въ исполненіе свое желаніе, но въ то время, когда восхищался громадною добычею, его разбилъ Канецпольскій въ пухъ и прахъ такъ, что онъ съ трудомъ избѣгнулъ самъ плѣна. Впослѣдствіи, онъ вторично явился ко мнѣ и началъ совѣтоваться, кого слѣдуетъ держаться въ предстоящемъ столкновеніи: поляковъ, какъ болѣе выгодныхъ, или безштанныхъ казаковъ?

— Держись казаковъ, отвѣчалъ я. Это разсмѣшило его, но онъ на этотъ разъ, повидимому, испугался и буквально исполнилъ мой совѣтъ. Дѣло окончилось тѣмъ, что, сблизившись съ Хмѣльницкимъ, онъ разбилъ на голову Поляковъ подъ Желтыми водами и плѣнилъ всѣхъ оставшихся въ живыхъ съ ихъ гетманами Потоцкимъ и Калиновскимъ. Удача эта заставила короля ихъ Казиміра выслать ему такіе богатые дары, какихъ не получалъ ни одинъ Крымскій ханъ. Чтожъ ты думаешь: былъ-ли онъ послушенъ мнѣ и послѣ этого? Нисколько, такъ какъ нѣсколько лѣтъ спустя, пожелавъ вновь пріобрѣсти такую же добычу, не смотря на мои требованія не выступать изъ Крыма, онъ вновь соединился съ казаками противъ Польши, но подъ Берестечкомъ потерпѣлъ самое позорное пораженіе.

— Напрасно, дѣдушка, ты тревожишь кости несчастнаго хана: вѣдь умершая лошадь не страшится волка.

— Твоя правда, сынъ мой, но развѣ я, посланный

Аллахомъ на землю для блага моей родины, могу равнодушно переносить тотъ рядъ ослушаній гиреевъ, которыя довели нашу страну до того, что какой-нибудь Мюникъ ага и баяръ Ласси съ ничтожными силами ворвались въ Крымъ и навѣрно истребили бы наше гнѣздо до основанія, еслибъ я не явился въ эту критическую минуту и не повелъ дѣло такъ, что враги наши остались безъ провіанта и лошадей и вынуждены были бѣжать вмѣсто того, чтобы занять всю страну отъ бѣгущихъ татаръ,

— Вѣрю, вѣрю, Толбай баба, твоимъ чудесамъ. Но ты мнѣ не договорилъ, что случится съ Крымъ гиреемъ?

— Если ты поклянешься мнѣ, что не передашь моихъ словъ хану, то я скажу тебѣ.

— Клянусь кораномъ и именами всѣхъ 366 пророковъ, отвѣчалъ Хасымъ-ага.

— Нашъ ханъ долженъ умереть отъ отравы.

„Ну, это не сбудется никогда, подумалъ Хасымъ, у меня есть стаканчикъ изъ гергердановаго рога (носорога) и я подарю его гирею съ тѣмъ, чтобы онъ неизмѣнно пользовался имъ, а всѣмъ извѣстно, что ядъ не дѣйствителенъ въ такомъ сосудѣ“.

— А долго ли я проживу послѣ отравы моего падишаха?

— Твоя смерть находится въ зависимости отъ повелителя твоего.

„Въ такомъ случаѣ, мелькнуло въ головѣ аги, мы можемъ спать покойно и жить безпечно“.

— Да, жаль мнѣ васъ, дѣти мои, продолжалъ джинджи, но есть вещи, которыхъ человѣкъ не вправѣ переставить съ мѣста на мѣсто, хотя это и не трудно сдѣлать.

XIII.

Крымъ гирей сидѣлъ въ глубокой задумчивости въ кабинетѣ своемъ, когда не слышанными шагами вступилъ Хасымъ ага.

— Султанымъ, по приказанію твоему явился во дворецъ великій Толбай джинджи, котораго я принялъ со всѣми знаками почета.

— О, какъ я доволенъ видѣть этого человѣка въ ханъ-сараѣ. Попроси его войти ко мнѣ, а самъ ступай по дѣламъ своимъ. Помнишь ли ты, что я собираюсь въ походъ? Кстати: какія мы имѣемъ свѣдѣнія относительно сбора войска?

— Я полагаю, что все ожидаетъ твоего приказанія.

— Подождемъ инструкцій отъ султана Мустафы, а къ тому времени, вѣроятно, возвратятся и посланные тобою въ Польшу и на Кавказъ.

Хасымъ ага вышелъ, а вслѣдъ за нимъ вошелъ убѣленный сѣдинами, но свѣжій на видъ, татаринъ въ зеленой фереджѣ и красной чалмѣ.

— Блистательному Крымъ гирею Толбай желаетъ тысячелѣтія и всѣхъ удовольствій земныхъ и небесныхъ.

— Очень радъ видѣть давно желаннаго гостя. Съ пріѣздомъ! здоровы ли твои внуки и правнуки?

— *Алла разы олсунъ* *), но къ счастію у меня нѣтъ родныхъ. Вотъ ужъ 380, лѣтъ какъ я помню себя одинокимъ и не имѣю понятія о родственныхъ связяхъ.

— Да правду ли ты говоришь?

— Берегись, ханъ, чтобы за это слово не поплатиться горемъ.

— Извини, отецъ мой, я не думалъ оскорблять тебя. Я очень хорошо знаю о твоемъ могуществѣ и далекъ идеи грубаго обхожденія съ такими гостями.

— Предположимъ, что ты сказалъ правду. Но если ты вѣришь въ мое могущество, то отчего не довѣряешь, что Аллахъ желаетъ, чтобы я прожилъ ровно 400 лѣтъ, т. е. чтобы быть очевидцемъ всего сдѣланнаго Менгли гиреемъ и всѣми послѣдующими за нимъ ханами впредь до сдачи Крыма гяурамъ, нѣкогда принадлежащаго единовѣрцамъ ихъ.

— Ты говоришь, что ханство мое достанется гяурамъ? спросилъ съ изумленіемъ Крымъ гирей.

— Такъ точно, какъ ханство Казанское, Астраханское и Сибирское. Неужели ты забылъ слова перваго нашего полководца Чингиса: *эвель да Шамъ, ахыръ да Шамъ* **)? Въ нихъ высказано то, что мы обратимся къ

*) Да приметъ Богъ.
**) То есть изъ шама вышли и въ шамъ возвратимся.

тому же первобытному ничтожеству, изъ котораго вышли и что все пріобрѣтенное силою воли, а не естественнымъ путемъ, рано или поздно возвратится хозяину.

— И такъ, Крымъ отданъ будетъ гяурамъ?

— Потому, что онъ взятъ былъ отъ гяуровъ.

— И татаре будутъ истреблены?

— Нѣтъ, ни одинъ изъ нихъ не погибнетъ, потому что при взятіи этой страны они не обнажали меча и не убивали владѣтелей.

— Куда же дѣнутся потомки Чингиса?

— Отъ нихъ не останется никого въ религіи отцовъ: они сольются съ поработителями своими.

— И это случится скоро?

— Не знаю, но только я доживу до этого дня.

— Сколько же тебѣ лѣтъ теперь?

— Если не ошибаюсь 385.

— Въ такомъ случаѣ ты прибылъ въ Крымъ раньше нашей династіи.

— Я родился отъ знаменитаго Карачу въ царствованіе величайшаго Тохтамышъ хана, заставлявшаго трепетать предъ собою весь міръ. Когда мнѣ было 12 лѣтъ, Темиръ ханъ (Тамерланъ), желая сокрушить въ подвластной ему Россіи надежду на возстановленіе свободы, рѣшился прогуляться по этой странѣ, разумѣется, съ огнемъ и мечемъ. Желаніе грознаго падишаха исполнилось и мы прошли треть Россіи, оставляя за собою цѣлыя болота крови и курганы золы. Меня ужасно возмущали эти жестокости, но я такъ былъ малъ въ это время, что не смѣлъ выражать своего мнѣнія. Однажды, прислуживаясь въ ханской палаткѣ, я подслушалъ приказаніе хана направиться на Москву для того, чтобы окончательно истребить этотъ городъ и не дозволить болѣе русскимъ селиться на этомъ мѣстѣ. Вышедъ на дворъ, я сѣлъ на землю, какъ вдругъ маленькая птичка, преслѣдуемая кобчикомъ, сѣла ко мнѣ на ноги и спряталась подъ фалдами моего кафтана. Понявъ, какъ ей страшно было разставаться съ жизнію, я изумился жестокости Темиръ-Аксака, жаждавшаго гибели тысячъ людей, не причинявшихъ ему никакого зла. Это ничтожное обстоятельство заставило меня прибѣгнуть къ от-

важной хитрости. Въ ту же ночь я, какъ будто во снѣ, громко и внятно сказалъ: „Такъ ты, Аллахъ, приказываешь мнѣ, ребенку, сказать великому хану, чтобы онъ возвратился немедленно домой. Но развѣ онъ послушаетъ меня и побоится твоей молніи? Нѣтъ, я всего этого не осмѣлюсь сказать моему повелителю". Проговоривъ это, я повернулся на другой бокъ и захрапѣлъ, но оставивъ въ глазахъ маленькія щели, наблюдалъ за ханомъ, который не смотря на свою жестокость былъ ужасный трусъ. Отъ словъ моихъ гирей поблѣднѣлъ, застоналъ и долго не ложился спать. На слѣдующій день послѣдовалъ приказъ всѣмъ возвратиться въ орду *). Съ этого времени я переходилъ, въ качествѣ вѣрнаго служителя, отъ одного хана къ другому, а впослѣдствіи, когда прибылъ изъ Турціи Менгли гирей ханъ, я окончательно переѣхалъ въ Крымъ и поселился между благочестивыми шейхами. Изъ сказаннаго мною ты можешь разсчитать, какихъ я достигъ лѣтъ.

Крымъ гирей со страхомъ взглянулъ на отважнаго плута, промышлявшаго этими путями въ продолженіи многихъ лѣтъ.

— Ты можешь оказать мнѣ великую услугу, сказалъ онъ, просмотромъ теварика (исторіи), находящагося въ нашей канцеляріи, въ которомъ, безъ сомнѣнія, многое, относительно первыхъ хановъ упущено по незнанію.

— Не только въ этомъ я готовъ помочь тебѣ, но, если пожелаешь, я продиктую писарю твоему все то, что случится съ Крымомъ до времени перехода его къ гяурамъ.

— Ты опять напоминаешь мнѣ объ этомъ ужасномъ времени?

— Потому что оно приближается вмѣстѣ съ ангеломъ смерти моей.

— Совершится ли это въ мое время?

Толбай отрицательно покачалъ головою.

— А при сыновьяхъ моихъ?

Послѣдовалъ тотъ же отвѣтъ.

---

*) О нашествіи этого хана на Россію см. приведенную нами въ историческомъ отдѣлѣ Крыма софійскую лѣтопись.

— Въ такомъ случаѣ я совершенно спокоенъ и мало интересуюсь отдаленнымъ будущимъ; но при всемъ томъ мнѣ чрезвычайно хочется освободить наше ханство отъ турецкой опеки и сдѣлать его могущественнымъ.

— Чтобы достигнуть перваго надо сдѣлать послѣднее, но мнѣ кажется, что Турція никогда не выпуститъ насъ изъ своихъ желѣзныхъ объятій. Мы для нея нужны, какъ стѣны для крѣпости. Не ты одинъ желалъ вырваться изъ этихъ объятій, но всѣ усилія оказывались гибельными.

— Авось я буду счастливѣе, какъ знать предопредѣленіе?

— Если ты спрашиваешь моего совѣта, то я предложилъ бы руководствоваться благоразуміемъ и примѣрами предковъ.

Крымъ-гирей, не терпящій противорѣчій, нашелъ лучшимъ не продолжать этого разговора. Приказавъ подать всевѣдующему прапрадѣду кальянъ, онъ, послѣ минутнаго молчанія, объявилъ ему, что намѣренъ заняться устройствомъ гробницы сорока азизовъ и сдѣлать его шейхомъ или намѣстникомъ при этихъ святыняхъ.

— Намѣреніе твое заслуживаетъ царствія небеснаго— отвѣчалъ старикъ—и я охотно займусь добрымъ дѣломъ, если ты дашь мнѣ средства.

— Такіе люди какъ ты не должны нуждаться ни въ чемъ.

— Я никогда не нуждался и прежде, хотя и гнушался денегъ.

— Сегодня же ты получишь фирманъ съ правомъ пользоваться доходами съ ближайшей окрестности и кромѣ того все, что необходимо для обезпеченія твоей будущности.

— Чѣмъ же я отблагодарю тебя за эту милость? спросилъ Толбай.

— Самое важное то, что ты будешь молиться за меня и предупреждать грозящія мнѣ несчастія.

— Первое я буду дѣлать, но будешь ли ты слушать моихъ совѣтовъ, чтобы избѣгнуть послѣднихъ?

— Если ты будешь снисходительнымъ къ слабостямъ моимъ, то, конечно, я постараюсь быть послушнымъ?

— Слабости допускаются ханами только въ семей-

номъ быту; но если онѣ переходятъ за порогъ жилища, то возвращаются съ бѣдствіями.

— Но ты самъ говоришь, что предопредѣннаго не избѣгнешь?

— Многое предопредѣляется слѣдствіемъ нашихъ ошибокъ.

— Ну, отчего напримѣръ я умру? внезапно спросилъ ханъ.

— Тебя отравятъ.

При этомъ ужасномъ отвѣтѣ Крымъ-гирой поблѣднѣлъ. Онъ всегда боялся этого образа смерти, когда находился въ ссылкѣ въ Турціи и принималъ самыя тщательныя мѣры предосторожности.

— Кто же это сдѣлаетъ? спросилъ онъ.

— Одинъ изъ могущественнѣйшихъ враговъ твоихъ, но кто именно я не знаю, такъ какъ ты пока не имѣешь такихъ враговъ.

— Слѣдовательно, мнѣ придется остерегаться своихъ подданныхъ.

— Подданные твои, всѣ безъ исключенія, будутъ любить тебя и ихъ нечего тебѣ боятся: ты умрешь вдали отъ мѣста родины.

— Это не утѣшительно. Надѣюсь, что если ты переживешь меня и близкихъ къ престолу, то настоишь, чтобы тѣло мое было привезено на наше кладбище.

— А такъ какъ это не принято нашимъ шираатомъ, то ты потрудись написать мнѣ обо этомъ нѣсколько словъ и приложить твою печать.

Крымъ-гирей немедленно исполнилъ его требованіе.

— Дай Богъ, чтобы этого не случилось—сказалъ онъ, подавая записку колдуну—а если и случится то тогда, когда я не буду годенъ къ жизни. Теперь скажи мнѣ, долженъ ли я выступить на битву противъ гяуровъ?

— Тебя ожидаетъ слава. Ты долженъ воевать, чтобы раздвинуть границы царства твоего и вселить уваженіе къ народу.

— Спасибо за добрый совѣтъ.

— Но при этомъ наблюдай хорошо за однимъ изъ кровныхъ друзей твоихъ, чтобы онъ не сдѣлался преждевременною жертвою смерти.

При послѣднемъ предостереженіи ханъ вспомнилъ сыновей своихъ, но сейчасъ же успокоился, положившись не брать ихъ съ собою на войну.

— Ты ничего не имѣешь больше сказать мнѣ? спросилъ ханъ послѣ минутнаго молчанія.

— Ничего особеннаго, за исключеніемъ развѣ того, что завтра къ тебѣ привезутъ жену, которая причинитъ тебѣ много отрады и слезъ. Ты будешь дорожить ею, какъ святынею, но она раньше тебя перейдетъ въ рай, чтобы приготовить къ пріему своего повелителя болѣе изящный сераль.

Въ это время донесли хану, что завтракъ поданъ.

— Будь здоровъ, дѣдушка Крымскаго народа—сказалъ Крымъ-гирей—ты переночуешь въ моемъ дворцѣ и получишь изъ рукъ Хасымъ-аги все, что я обѣщалъ и все, что потребуешь въ придачу. Но не забудь взять и теварикъ нашего народа для просмотра и добавленія.

Разставшись съ великимъ колдуномъ, гирей во все время завтрака обдумывалъ слышанное отъ Толбая. Всего страннѣе казалась ему его продолжительная жизнь.

— Послушай, Дервишъ—обратился онъ къ старому слугѣ своему—можетъ ли колдунъ прожить 400 лѣтъ?

— Когда я былъ мальчикомъ, одинъ изъ Бахчисарайскихъ колдуновъ очень долго трудился надъ изобрѣтеніемъ какой-то жидкости, въ которую собирался ежедневно опускаться, чтобы предупредить старость и разрушеніе организма. Изъ этого я заключаю, султанымъ, что, вѣроятно, существуютъ какія-то средства для долголѣтія.

„Теперь я понимаю—подумалъ Крымъ-гирей — нѣтъ сомнѣнія, что Толбай открылъ эту жидкость и пользуется ея благами. Пусть-же онъ устроится, тогда я выману у него этотъ секретъ и буду наслаждаться жизнію такъ же долго. Теперь же я здоровъ и пользуюсь въ избыткѣ даже силами.

Все сказанное Толбаемъ сильно повліяло на повелителя Крыма и ему очень хотѣлось посовѣтоваться съ кѣмъ-нибудь, чтобы хоть немного утѣшиться. Къ удо-

вольствію своему онъ замѣтилъ гулявшаго на дворѣ барона Тотта, къ которому и поспѣшилъ выйти.

— Ты скучаешь у насъ? спросилъ съ улыбкою ханъ— знаю, знаю я и самъ испыталъ это мучительное чувство во время изгнанія моего изъ родины.

— Да, бываютъ минуты, когда всѣ мірскія удовольствія теряютъ свое значеніе при воспоминаніи тѣхъ мѣстъ, гдѣ протекли первые годы нашей жизни—отвѣчалъ французъ.

— Но вѣдь ты свободный человѣкъ и во всякое время можешь возвратиться въ дорогое отечество.

— Кромѣ личнаго желанія на мнѣ лежатъ другія обязанности, которыя должны быть святы для всякаго подданнаго гражданина. Малодушіе унижаетъ достоинство мущинъ, когда дѣлается очевиднымъ и беретъ перевѣсъ надъ разумомъ.

— Ты говоришь разумомъ? Право, мнѣ дѣлается смѣшно, когда я слышу отъ такихъ опытныхъ людей какъ ты это слово. Развѣ разумъ можетъ управлять людьми тогда, когда въ немъ заговорятъ желанія того, что мы называемъ душою? Когда мы желаемъ чего-нибудь, то этого желаетъ и разумъ, диктующій намъ болѣе удобные пути для достиженія цѣли. Но мы, подъ вліяніемъ другихъ условій, заставляемъ этого вѣрнаго друга нашей жизни противодѣйствовать намъ и къ чему эта фальшивая жизнь для взрослыхъ дѣтей, которыя отъ лѣни и дряхлости стараются уклоняться отъ свойственныхъ человѣку прихотей и шалостей? Въ вашемъ народѣ мнѣ многое нравится, но гораздо болѣе я замѣчаю въ немъ странностей и несообразностей, мѣшающихъ его же благосостоянію. Вы желаете обманывать самихъ себя, стараетесь казаться не такими, какъ слѣдуетъ и безъ всякой надобности портите вашихъ прекрасныхъ женщинъ, какъ бы съ цѣлью создавать себѣ скорби и неудовольствія.

— Все это такъ кажется на твой взглядъ, свѣтлѣйшій ханъ.

— Нѣтъ, я не ошибаюсь. Живи, европеецъ, подобно намъ, онъ при своемъ развитіи и предпріимчивости обладалъ бы громаднымъ состояніемъ, которое непроизволь-

но тратитъ, чтобы возбудить въ другихъ зависть и показать свое превосходство предъ ними, тогда какъ бѣдные нуждаются не въ роскошной обстановкѣ, а въ деньгахъ, которыми богачи обладаютъ. Посмотри на меня: я ханъ Крыма, а не имѣю лишней перемѣны платья и не сдѣлаю другаго, пока это не износится и покажется неприличнымъ. У насъ не существуютъ никакія моды, безплодно разоряющія европейца, и мы ихъ никогда не допустимъ въ томъ убѣжденіи, что къ чему однажды привыкъ глазъ, то всегда будетъ хорошо. У насъ не приняты никакіе дорогіе камни, на покупку которыхъ вы разоряетесь, но если чѣмъ-либо украшаемъ себя и женщинъ, то это серебромъ и золотомъ, которыя при первой нуждѣ сбываются, какъ деньги. Вы тратите тысячи франковъ на одинъ обѣдъ или ужинъ, отъ котораго не наѣдаетесь такъ, какъ мы отъ куска хорошо жаренной баранины; вы заводите внѣ дома одалычекъ, которыя, считая васъ чужими для себя, употребляютъ всѣ средства обогатиться на вашъ счетъ, тогда какъ мы беремъ ихъ въ качествѣ женъ и кормимъ изъ одного казана до тѣхъ поръ, пока онѣ заслуживаютъ нашей расположенности. При этомъ онѣ удалены отъ всякаго рода соблазновъ и соблазнителей, которые всегда почти развращаютъ даже святыхъ женщинъ. По крайней мѣрѣ я тѣхъ убѣжденій, что женскій полъ назвался бы честнымъ, еслибъ мущины, по свойственной имъ страсти считать женщинъ за ниву, требующую посѣва, не домогались бы господства надъ нею. Нѣтъ сомнѣнія, что первоначально люди жили точно также, какъ и вы живете теперь, т. е. предоставляли бѣдную слабую женщину на произволъ нахальныхъ злодѣевъ, которые доводили ихъ до отчаянія. Впослѣдствіи же, когда явились разумные люди, понявшіе значеніе женщины и ея беззащитность, они начали оберегать ее отъ звѣрей, руководствуемыхъ дикими инстинктами, и предоставили ей полнѣйшую свободу вращаться въ своей средѣ. Эта есть величайшая заслуга нашего пророка, потому что съ того времени, какъ женщины изъяты отъ разврата, мусульмане сдѣлались честными людьми. Неужели вы не можете постигнуть этихъ ясныхъ истинъ и

главнѣйшихъ причинъ нашего благосостоянія? Неужели вы такъ слабы, чтобы изъ за того, чтобы поговорить и посмѣяться съ чужою женою и дочерью, готовы жертвовать всѣмъ? Женщина всегда довольна мужемъ, пока не встрѣтитъ другаго мущину, который красивѣе, умнѣе или богаче. Съ этой поры она измѣняется и губитъ себя наперекоръ разуму. Но если она не имѣетъ возможности или вѣрнѣе считаетъ неприличнымъ полу своему сообщаться съ чужими, она остается при прежнемъ счастливомъ настроеніи и живетъ въ полной увѣренности, что какъ она, такъ и мужъ ея не имѣетъ возможности поддаться случайнымъ соблазнамъ. Изъ этого выходитъ, что женщина, отдаляя себя отъ мужскаго общества, выигрываетъ гораздо больше, потому что мужъ ея въ свою очередь лишается женскаго общества, а эта обоюдная жертва обезпечиваетъ вполнѣ ихъ семейное счастіе и предупреждаетъ сотни тысячь мелкихъ и крупныхъ бѣдствій и потерь. Скажи мнѣ откровенно, не правъ ли я въ этомъ и не отъ этого ли несчастны европейцы?

— Да, ты правъ, Крымъ-гирей. Я можетъ быть, единственный человѣкъ въ Европѣ, который раздѣляетъ твои справедливыя убѣжденія, всѣ же прочіе полагаютъ, что жены мусульманъ есть рабыни, живущія въ заперти; что ихъ покупаютъ какъ вещь, бьютъ и тиранятъ, а между тѣмъ выходитъ наоборотъ: мусульманка въ полномъ смыслѣ слова господствуетъ надъ мужемъ и семьею и всегда увѣрена въ вѣрности мужа, легче ея увлекающагося соблазнами. Кто знаетъ, быть можетъ, наши праправнуки сдѣлаютъ что-нибудь, чтобы отдѣлить общество женщинъ отъ мущинъ съ представленіемъ первымъ такихъ обязанностей, которыя уравновѣсятъ ихъ положеніе и заставятъ насъ другими глазами смотрѣть на нихъ.

Въ эту минуту къ посланнику направился іезуитскій патеръ, состоящій при миссіи

— Къ тебѣ идетъ твой священникъ, сказалъ Крымъ-гирей, вѣроятно, съ важными новостями.

Баронъ Тоттъ направился на встрѣчу къ духовнику. Нѣсколько минутъ они говорили о чемъ-то довольно тихо.

— Ну, что новаго? спросилъ ханъ, когда посланникъ вторично подошелъ къ нему.

— Я боюсь вмѣшиваться въ чужія обязанности, государь; но ты сейчасъ узнаешь все отъ Хасымъ-аги.

Сказавъ это, баронъ обратилъ вниманіе гирея на дѣятельность иностранныхъ архитекторовъ, устроивавшихъ большой бассейнъ въ цвѣтникѣ и только что окончившихъ фонтанъ около кладбищенской рѣшотки, на которой собирались поставить громадный камень съ надписью, составленной въ первый годъ царствованія этого хана.

— Но онъ еще не додѣланъ, сказалъ Крымъ-гирей, обращаясь къ рабочимъ, а вы уже ставите его.

— Мы это сдѣлаемъ послѣ, отвѣчалъ архитекторъ.

— Что же вы изобразите на немъ?

— То, что ты прикажешь.

— Къ сожалѣнію, я пока не придумалъ ничего, отвѣчалъ ханъ. Впрочемъ вы поставьте его, но не изображайте никакихъ украшеній впредь до того времени, пока я не прикажу. Мы назвали этотъ фонтанъ въ надписи Сельсебилемъ, *), а чтобы походить ему на этотъ источникъ во первыхъ необходима особеннаго рода отдѣлка и наконецъ высшее вдохновеніе, которое, какъ извѣстно, не является безъ приличныхъ поводовъ.

— Мы не сдѣлаемъ на немъ ни единой царапины безъ твоего соизволенія, отвѣчали турки.

Нѣсколько минутъ спустя къ Крымъ-гирею подошелъ Хасымъ-ага съ веселымъ видомъ.

— Я желалъ бы, сказалъ онъ, передать моему повелителю нѣсколько словъ.

— Говори, отвѣчалъ ханъ, слѣдуя за нимъ.

— Польская княжна прибыла. Люди, сопровождавшіе ее, говорятъ, что она красивѣе ангеловъ небесныхъ.

— Гдѣ же она теперь?

— Въ домѣ священника, который ждетъ твоихъ приказаній.

Сейчасъ перевези ее въ одну изъ лучшихъ комнатъ дворца, а тѣмъ временемъ мы, взглянувъ на нее, лично

---

*) Т. е. райскій, о которомъ говорится въ 76 главѣ корана.

позаботимся объ устройствѣ ея помѣщенія, и ханъ, сдѣлавъ нетерпѣливый знакъ, вошелъ во дворецъ, что бы выбрать болѣе удобныя комнаты.

Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, онъ вспомнилъ о двухъ комнатахъ въ первомъ отдѣленіи дворца, изъ которыхъ выходило три окна на обширный дворъ сераля, прикрытыхъ деревянными рѣшотками.

„Эти комнаты лучше другихъ могутъ служить ей, подумалъ гирей, во первыхъ она будетъ видѣть, что дѣлается на дворѣ, не будучи видимою для другихъ, во вторыхъ она какъ христіанка, привыкшая къ свободѣ не будетъ думать, что заперта въ гаремѣ и наконецъ я всегда буду около нея".

Съ этими мыслями помолодѣвшій душою ханъ, вошелъ въ предназначенныя для полки комнаты и, окинувъ ихъ взоромъ, отдалъ приказаніе слугамъ вынести изъ нихъ египетскія рогожки и замѣнить самыми лучшими коврами, затѣмъ перенести сюда мраморный столъ и софы, покрытыя голубымъ атласомъ съ такими же подушками, расшитыми золотыми и шелковыми узорами. Въ сдѣдующую комнату приказано было поставить два шкафа съ позолотою и софы, покрытыя ярко-краснымъ сукномъ, окаймленнымъ такого же цвѣта атласомъ *).

Покончивъ со всѣмъ этимъ, Крымъ-гирей не замедлилъ послать за Хасымъ-агою и указалъ ему на комнаты, предназначенныя для гостьи.

— Она сейчасъ должна пріѣхать, отвѣчалъ Хасымъ-ага, и я нарочно захватилъ флаконъ съ розовымъ масломъ, чтобы поставить къ ней для запаха.

— О, я вижу ты умѣешь угождать и женщинамъ, сказалъ ханъ съ улыбкою, ну какъ твои дѣла съ мутевеліемъ? Надѣюсь, что вы помирились.

— Да, чтобы отомстить ему лучше, я прикинулся ягненкомъ и только тогда покажу когти, когда жертва будетъ въ моихъ рукахъ. Будь я собачій сынъ, если не сдѣлаю задуманнаго.

— Но вѣдь и онъ тебѣ отомститъ за всякую обиду.

---

*) Мы имѣли возможность описать это убранство, нашедъ его въ нетронутомъ видѣ въ 1850 году.

— Посмотримъ: я не такихъ жеребцовъ усмирялъ, султанымъ...

Прежде чѣмъ успѣлъ ага договорить, во дворъ ханъ-сарая въѣхалъ небольшой экипажъ барона Тотта и изъ него вышла закрытая густою вуалью стройная женщина въ сопровожденіи молодой армянки.

Хасымъ-ага бѣгомъ пустился на встрѣчу къ прибывшимъ и ввелъ ихъ во дворецъ.

У нетерпѣливаго хана задрожали руки и ноги и каждая минута казалась ему вѣчностію.

— Ну, что какова? спросилъ онъ, когда Хасымъ возвратился.

— Ахъ, повелитель мой, вскрикнулъ онъ, поднявъ глаза къ небу, я пораженъ, я уничтоженъ красотою этой гяурки. Такой дѣвушки не было и не будетъ никогда на землѣ! Что твои лиліи предъ нею, что твои розы и фіалки, и нарцисы, и гвоздики, все вздоръ, никуда не годный предъ ея блѣднорозовыми щеками. О, аллахъ, милости твои безграничны, а чудеса непостижимы! Иди, ханъ, скорѣе взглянуть на эту гурію, сошедшую къ тебѣ прямо изъ рая, чтобы при жизни наполнить чашу дней твоихъ нектаромъ *дженета* *).

Крымъ-гирей не трогался съ мѣста.

— Ты не вѣришь моимъ словамъ, свѣтлѣйшій ханъ, продолжалъ Хасымъ-ага, ты считаешь меня одурѣвшимъ? О, клянусь тебѣ всѣми пророками, что всѣ шнурки моего ума остаются на своемъ мѣстѣ.

— Я сейчасъ навѣщу ее, отвѣчалъ гирей, но вѣдь она не пойметъ моихъ словъ.

— Она довольно хорошо говоритъ по-турецки.

— Неужели? да это самъ Богъ сжалился надо мною за невинно перенесенное изгнаніе изъ отечества.

Въ это время доложили казнедару, что іезуитскій священникъ желаетъ съ нимъ говорить.

— Позови его сюда, приказалъ Крымъ-гирей.

Патеръ переступилъ порогъ и почтительно поклонился.

— Кто моя гостья и изъ какихъ мѣстъ? спросилъ ханъ.

— Она такого же свѣтлѣйшаго происхожденія, какъ

---

*) Рай, обѣщанный Магометомъ.

и перлы изъ нити Чингисова рода. Отечество ея прелестная Польша, а зовутъ ее Маріею.

— Добровольно ли она прибыла къ намъ?

— Мы ее похитили въ угоду нашему покровителю и въ увѣренности, что она не станетъ роптать на судьбу свою.

— Могу ли я говорить съ нею въ твоемъ присутствіи?

— Ваше приказаніе я ставлю себѣ въ законъ. Идемте, ваше высочество.

Крымъ-гирей пріосанился, разгладилъ коротенькую бороду свою и твердыми шагами направился къ крайнимъ комнатамъ своего сераля. У безстрашнаго полководца въ первый разъ въ жизни затрепетало сердце, не знавшее раньше страха.

Мнимая княжна въ это время лежала на голубой софѣ, представившись изнуренною тоскою и слезами. При видѣ входящаго хана она поднялась и раболѣпно преклонило колѣно.

— Милостивый падишахъ, я твоя рабыня — сказала она. Не губи несчастную, вырванную дерзкими наѣздниками изъ родительскихъ объятій. Я не разъ слышала твое имя въ отечествѣ моемъ, гдѣ оно произносилось съ уваженіемъ. Меня разбойники перепродали твоимъ людямъ, которые, узнавъ мое происхожденіе, объявили, что лично доставямъ меня къ твоему порогу. Обѣщаніе свое они исполнили: я вижу, что нахожусь предъ могущественнымъ ханомъ и надѣюсь, что онъ смилуется надъ несчастною дѣвушкою. Мнимая Марія Потоцкая приложила руки къ глазамъ и зарыдала.

Колыханіе ея высокой груди, ослѣпительный цвѣтъ лица, длинныя косы и большіе небеснаго цвѣта глаза до того поразили хана, что онъ, сдѣлавъ знакъ удалиться всѣмъ присутствующимъ, взялъ красавицу за руку и приложивъ ее къ своему сердцу, сказалъ:

— Ты будешь жить у меня, какъ праведница въ раю, какъ божество между грѣшными. Твое дыханіе будетъ оживлять мой дворецъ, ты будешь днемъ нашимъ солнцемъ, а вечеромъ луною. Всѣ прихоти и желанія твои да послужатъ намъ благоволеніемъ твоего сердца и я съумѣю даже птицъ небесныхъ заставить исполнять ихъ.

Не крушишь, дитя мое: я буду твоимъ отцемъ и матерью, братомъ и сестрою, но если и этого не достаточно, то я приведу къ тебѣ всѣхъ, которые дороги твоей душѣ и заставлю ихъ обожать мою прелестную плѣнницу.

— Крымъ-гирей, ты добрѣе всѣхъ царей земныхъ, но зачѣмъ я тебѣ нужна? Не желаешь ли ты выкупа? Мои родители очень богаты и могутъ заплатить тебѣ столько, сколько ты пожелаешь.

— Этимъ словомъ ты, можетъ быть безъ желанія, оскорбила меня. Неужели повелитель Крыма такой гнусный торгашъ, что станетъ продавать красоту неба за кусокъ металла, служившаго кумиромъ для нищихъ? Неужели я, по твоему мнѣнію, такое безмысленное животное, что не могу сознавать твоихъ достоинствъ, которыя превышаютъ всѣ цѣнности міра? Цѣнности тогда только хороши, когда ими можно украсить божество нашей души.

— Ханъ, ты поешь предо мною мелодію соловья предъ розою. Но я не дочь счастливый Персіи, я христіанка, я привыкла жить свободною птичкою и всѣ блага міра въ глазахъ моихъ не имѣютъ значенія. Мы съ дѣтства привыкли повелѣвать и скорбимъ, если даже ничтожное желаніе наше не выполнится. Клянусь, тебѣ что каждый излишній день, проведенный мною подъ кровлею дворца твоего, покажется тебѣ непріятнымъ. Будь благоразуменъ, ты найдешь въ средѣ мусульманокъ лучшихъ женщинъ, которыя оцѣнятъ тебя по достоинствамъ, а я только буду помѣхою твоихъ радостей, потому что тебѣ жалко будетъ смотрѣть, какъ издали занесенный цвѣтокъ станетъ вянуть на чужбинѣ.

— Ты это говоришь, моя красавица, подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія. Ты устала. Отдохни же, дитя мое, и потомъ мы побесѣдуемъ еще. Я одинокъ въ мірѣ и радуюсь, что встрѣтилъ существо, съ которымъ могу говорить дружески.

Сказавъ это, Крымъ-гирей сильно прижалъ къ груди дрожавшую руку молодой дѣвушки и вышелъ изъ комнаты.

XIV.

Послѣ роскошнаго обѣда мнимая Марія Потоцкая объявила служанкѣ, приставленной къ ней, что намѣрена заснуть и не желаетъ, чтобы ее безпокоили. Оставшись одна, молодая дѣвушка начала разсчитывать какую пользу она можетъ извлечь изъ положенія одалычки, если съумѣетъ заставить Крымъ-гирея боготворить ее. Предъ дѣвственною авантюристкою заблистали алмазы, сапфиры, яхонты и кучи золота, которыя не трудно было-бы пересылать къ бѣднымъ родителямъ чрезъ посредство патера и притомъ самъ ханъ представлялъ что-то особенное величественное, возбуждающее симпатію и уваженіе. Въ его фигурѣ много было сходства со львомъ и въ тоже время съ человѣкомъ, умѣющимъ цѣнить отличительныя достоинства въ другихъ: въ его голосѣ и манерахъ замѣчалась добросердечность и изысканность, свойственныя азіятцамъ, а въ улыбкѣ какая-то женственная наивность, восторженность и самоувѣренность.

„Онъ рѣшится на все, если я съумѣю управлять этимъ рулемъ ханства, думала она. Надѣюсь, что и отцы іезуиты останутся довольными моими услугами. О, еслибъ въ два, три годика составить милліонъ золотыхъ! съ этими деньгами я могла-бы во Франціи сдѣлаться графинею и обратить на себя вниманіе коронованныхъ особъ. Но какъ мнѣ держаться въ настоящее время съ ханомъ? Патеръ совѣтуетъ не уступать до тѣхъ поръ, пока гирей начнетъ таять. Ему, конечно лучше, извѣстны нравы мужчинъ. Придется послушать его, но и самой не зѣвать: мужчины хотя и знаютъ себя, но не настолко, чтобы знать всѣ мелочи, завлекающія ихъ въ сѣти любви“. Въ этихъ мечтахъ прекрасная Марія сомкнула глаза и, какъ кажется, въ первый разъ въ жизни ей снились олицетворенными несбыточныя мечты пылкаго воображенія.

Тѣмъ временемъ очарованный Крымъ-гирей чрезвычайно суетился объ очисткѣ гаремныхъ садиковъ, и чистотѣ двора, о банѣ, музыкѣ, иллюминаціяхъ, завтракахъ и обѣдахъ. Всѣмъ поварамъ и прислугѣ приказано было соображаться съ требованіями новой одалычки, а архи-

тектору приготовить изображеніе креста для установки въ комнату бикечь-султанъ. Послѣднимъ заказомъ хану хотѣлось выразить, что онъ не питаетъ ничего противъ религіи христіанской и не считаетъ ее ниже своей.

Что касается Хасымъ аги, то онъ не могъ усидѣть отъ довольства въ предположеніи, что ханъ отнынѣ передастъ ему всю власть, а самъ предастся сладчайшему кейфу. Дальновидный брадобрей, знающій хорошо всѣ слабости повелителя своего, не ошибался въ надеждахъ, а потому, не теряя времени, порѣшилъ въ свою очередь приступить къ занятію сердца давно желаемыми развлеченіями.

Надо знать, что у Хасымъ-аги была очень истощенная и старая жена, которую онъ не разводилъ по многимъ уважительнымъ причинамъ, во первыхъ, что она была зла какъ чертъ и заставляла всѣхъ трепетать предъ нею; во вторыхъ прожила съ нимъ съ 20-ти лѣтняго возраста, т. е. съ той минуты, когда онъ скитался безъ пріюта по улицамъ, не перемѣняя по мѣсяцамъ бѣлья, а она заставила отца взять его къ себѣ въ помощники и довела до разума; въ третьихъ она рождала ему чрезъ каждые два года сыновей, что доказывало ея происхожденіе отъ хорошей матери; кромѣ этого она настолько любила его, что никогда не отказывала въ противозаконныхъ развлеченіяхъ, за которыя могла бы осудить его предъ ширатомъ. Все это допускалось, конечно, съ цѣлью, чтобы Хасымъ не осмѣлился подумать о двуженствѣ. Понимая тайный смыслъ идеи этой, брадобрей никогда не выражалъ неудовольствія своего женѣ, но съ нетерпѣніемъ поджидалъ ея смерти и страстно впивался глазами въ молодыхъ сосѣдокъ своихъ, въ особенности, когда онѣ, не замѣчая его, обнажали высоко ноги для совершенія таинства омовенія предъ молитвою. Изъ числа послѣднихъ ему въ особенности нравилась полнотою формъ своихъ пушистая супруга мутевелія, къ которому онъ давно питалъ ненависть.

При этомъ онъ былъ убѣжденъ, что рыжій мутевели, испещренный рыжими пятнами и вѣчно угрюмый, не пользовался расположеніемъ своей супруги, которая при всякомъ удобномъ случаѣ, грозила ему уѣхать къ роднымъ

и очень часто выхваляла предъ знакомыми достоинства и ханскій видъ Хасымъ эфендія въ то время, когда онъ съ мѣднымъ тазомъ направлялся въ ханъ сарай для украшенія лица и головы гирея.

Всего этого теперешній казнедаръ никогда не забывалъ, вслѣдствіе чего въ настоящее время ему казалось очень кстати сблизиться съ женщиною, видъ которой такъ давно уже приводилъ кровь его въ волненіе. Но какъ пуститься въ переговоры съ женою человѣка, отъ котораго онъ отворачивался и не воздавалъ святаго *селяма* (привѣтствія) со времени кулачнаго боя? Хасымъ-ага рѣшился пустить въ ходъ одну изъ родственницъ своихъ, занимавшуюся акушерствомъ.

Убѣжденный въ чудотворной силѣ золота въ особенности на старухъ, желавшихъ обезпечить себя заранѣе погребальнымъ приданнымъ и поминовеніями въ теченіи года, онъ не теряя времени отправился къ старушкѣ и откровенно сознался, что сердце его сгораетъ отъ любви къ женѣ мутевелія ханской мечети и что пользуется также ея расположеніемъ.

— Намъ только не достаетъ мѣста для свиданія— сказалъ онъ—а твое помѣщеніе могло-бы пригодиться для этой цѣли.

— Что ты говоришь? ужъ не рехнулся ли ты ума съ того времени, какъ вступилъ въ ханъ-сарай.

— Если ты выслушаешь меня, мать моя, то не скажешь болѣе такихъ обидныхъ словъ. Ты знаешь, что душа моя нисколько не постарѣла, а бѣдная Заде моя приняла уже образъ разрушенія. Какъ человѣкъ богобоязливый я долженъ не допускать усиленія этого разрушенія, а какъ ханскій визирь нельзя же мнѣ быть не исполнителемъ заповѣди Аллаха, требующей, чтобы мущина исполнялъ свое назначеніе.

— Но ты можешь взять еще трехъ женъ.

— Неужели ты не знаешь, что Заде не вытерпитъ такого униженія и умретъ отъ слезъ и страданій?

— Это правда сынъ мой. Но я все таки убѣждена въ томъ, что если мужщина пойдетъ въ чужой женѣ, то онъ сдѣлаетъ хуже, чѣмъ начинитъ утробу свою желтою грязью.

— По моему гораздо хуже обмануть дѣвушку. Помнишь ли ты какъ, страдала отъ этого моя несчастная сестра?

— Какъ не помнить, ага, вѣдь я сама закрыла ей на вѣки глаза.

— Изъ этого ты можешь убѣдиться, что я избралъ самое меньшее изъ всѣхъ золъ и согрѣшеній и ожидаю отъ тебя, какъ отъ родной матери, состраданія. *Аманъ*, не откажи тому, кто готовъ сейчасъ же обезпечить твои похороны и поминовенія наличными деньгами. Сказавъ это, Хасымъ ага высыпалъ предъ нею горсть золотыхъ монетъ.

— Какъ же я должна поступить? спросила старуха, подбирая деньги.

— Это ты знаешь лучше меня. Завтра вечеромъ я за нѣсколько минутъ до ночнаго намаза приду къ тебѣ и надѣюсь встрѣтиться съ Сальмеготай. Ты скажи ей, что я за нее готовъ на ножи и не пожалѣю при надобности пожертвовать всѣми моими средствами. Когда же нашъ всемилостивѣйшій пророкъ пошлетъ по душу Заде, то я сейчасъ же сдѣлаю ее казнедаръ-ханымшею *). При этомъ я буду видѣться съ нею у тебя только тогда, когда мужъ ея будетъ въ мечети. Слѣдовательно, этотъ негодный человѣкъ никогда не станетъ подозрѣвать нашего свиданія.

Старуха, подумавъ нѣсколько минутъ, тяжело вздохнула и обѣщала сдѣлать все, что можно будетъ.

Хасымъ-ага не считалъ нужнымъ убѣждать ея болѣе въ крайнихъ потребностяхъ своихъ, а потому, пожелавъ всѣхъ благъ, удалился. Пришедъ къ повелителю своему за приказаніями, онъ засталъ Крымъ-гирея въ чрезвычайно неспокойномъ состояніи.

— Наша плѣнница до настоящаго времени еще спитъ—сказалъ ханъ—ужъ не больна ли она?

— Не думаю, султанымъ. Вѣрнѣе всего, что она нѣсколько дней не спала по свойственной боязни дѣвушекъ, когда ихъ увозятъ неизвѣстные люди. На случай же, если у ней отъ страху сдѣлался приливъ крови, то

*) Ханымъ въ переводѣ госпожа, барыня.

я всегда готовъ съ моими вандузами къ ея услугамъ. Три или четыре стакана выпущенной крови съ моей легкой руки вдобавокъ дадутъ ей отличный аппетитъ къ баранинѣ и пилафу. Это средство самое лучшее даже при разстройствѣ желудка.

Гирей продолжалъ думать. Слова прелестной дѣвушки отзывались въ его ушахъ и возбуждали чрезвычайно разнообразныя предположенія. Далекій отъ мысли пользоваться вынужденнымъ вниманіемъ плѣнницы своей и отнюдь не желая пользоваться властью и насиліемъ, онъ ужасно боялся разочароваться въ надеждѣ на счастіе.

— Не пойдешь ли ты узнать о здоровьѣ нашей гостьи? наконецъ проговорилъ ханъ.

— Я сдѣлаю это сейчасъ.

Хасымъ-ага направился къ комнатамъ Маріеты и узналъ отъ горничной, что госпожа ея только что освѣжилась холодною водою и чешетъ голову.

— А можно-ли сказалъ казнедаръ—посмотрѣть на нее хоть однимъ глазомъ въ дверную скважину.

— Конечно—отвѣчала прислужница.

Ага прислонился къ дверямъ и притаилъ дыханіе. Бѣдный старикъ не чувствовалъ подъ ногами земли отъ изумленія. Онъ трепеталъ и почувствовалъ головокруженіе. Такихъ длинныхъ свѣтлыхъ волосъ ему никогда не приходилось видѣть; о такихъ розовыхъ щекахъ ему не снилось даже въ 18-ть лѣтъ, но когда его глазъ опустился на открытую шею и грудь красавицы, не подозрѣвавшей за дверьми мущины, Хасымъ быстро отскочилъ и, сдѣлавъ служанкѣ знакъ стоять, побѣжалъ къ Крымъ-гирею, котораго привелъ за собою и подвелъ къ кропечному отверстію дверей.

Хану привелось увидѣть гораздо больше, чѣмъ слугѣ. Повелитель окончательно былъ изумленъ и съ большими усиліями могъ отойти отъ дверей.

Хасымъ-ага, понявъ, что творилось въ сердцѣ своего владыки, сочелъ болѣе необходимымъ удалиться изъ дворца въ свою оду и просить пророка даровать терпѣніе рѣшительному до крайности монарху.

Пока падишахъ и преданный ему визирь находились подъ вліяніемъ неиспытанныхъ ими раньше ощущеній,

польская красавица, окончила свой туалетъ и вновь вышла въ гаремный садикъ. На этотъ разъ она находилась въ веселомъ настроеніи. Все ей казалось какимъ-то волшебнымъ сномъ или сказкою изъ дѣтскихъ воспоминаній.

Быть любимицею могущественнаго государя того народа, предъ появленіемъ котораго трепетало ея отечество, и повелѣвать имъ, для бѣдной простой дѣвушки казалось сверхъестественнымъ благоволеніемъ судьбы. Увѣренная заранѣе въ этомъ, она страшилась другаго и именно измѣны со стороны хана прежде, чѣмъ достигнетъ цѣли. Обсуждая это непредвидѣнное раньше и легко возможное обстоятельство, Марія рѣшилась не дешево разлучиться съ тѣмъ, что сберегла до настоящаго времени.

„А буду ли я въ состояніи защитить себя—подумала она, случайно подошедъ къ маленькому пауку, раскинувшему свои сѣти. Впрочемъ вотъ маленькое насѣкомое—продолжала она мыслить—а какъ легко справляется съ большими въ сравненіи себя.

Въ это время въ паутину попалась большая муха, въ которую быстро впился паучекъ, но муха рванулась и улетѣла вмѣстѣ съ ловцомъ.

„Какая странная случайность! Какъ жаль, что я вдали отъ бабушки, умѣющей разгадывать подобныя явленія!... Неужели Крымъ-гирей увлечетъ меня въ бездну и я погибну вмѣстѣ съ нимъ?

Чтобы отогнать эту непріятную мысль, одалычка вынула изъ кармана рукопись и начала повторять уроки татарскаго языка.

Ханъ слѣдилъ за каждымъ движеніемъ ея губъ, не рѣшаясь выйти изъ засады своей раньше того времени, пока наступитъ вечеръ и покажется луна, имѣющая свойство по его убѣжденіямъ, располагать нѣжныя души къ воспріятію священнаго огня любви.

Чтобы сократить медленно текущее время, ханъ внезапно вспомнилъ о Кемалѣ, котораго не видѣлъ ни разу съ того времени, какъ прибылъ въ Бахчисарай.

— „Дервишъ! крикнулъ гирей — отыщи мнѣ Кемала, того молодаго человѣка, котораго я привезъ съ собою.

Я хочу знать, чѣмъ онъ занимается и къ чему способенъ?

— Онъ, султанымъ, по цѣлымъ днямъ учитъ твоихъ каракалпаковъ сражаться и лазить на вершины тополей. Нѣкоторые изъ нихъ уже успѣли вывихнуть себѣ шеи, руки и ноги. Онъ ихъ лечитъ самъ и вновь принуждаетъ трудиться. Этотъ юноша по всеобщему убѣжденію будетъ отличнымъ полководцемъ противъ гяуровъ.

Только что сказаны были эти пріятныя для падишаха слова, какъ хану доложили, что прибылъ изъ Стамбула нарочный съ письмомъ отъ султана Мустафы.

При этомъ неожиданномъ извѣстіи, нѣкогда заставлявшемъ его трепетать, онъ почувствовалъ сильное негодованіе и угрюмо приказалъ привести къ нему турка.

— Ты отъ султана? спросилъ ханъ, послѣ холоднаго привѣтствія.

— *Шевкетли* *) приказалъ мнѣ вручить въ твои собственныя руки это посланіе.

— Да здравствуетъ вѣчно мой господинъ—произнесъ ханъ и принялъ письмо, завернутое въ зеленую шелковую матерью.

Развернувъ посланіе, онъ церемонно поднесъ его къ губамъ и лбу и началъ читать.

Султанъ требовалъ, чтобы онъ немедленно выступилъ въ походъ и напалъ на русскія владѣнія съ цѣлью отвлечь ихъ силы отъ Кавказа. При чемъ посылалъ довольно значительную сумму денегъ въ вознагражденіе мурзамъ и общинамъ.

— Деньги приметъ отъ тебя мой казнедаръ-ага—сказалъ гирей; что касается до исполненія воли и желанія султана, то за этимъ не будетъ остановки. Ты передай ему, что войска мои уже въ сборѣ и выступаютъ уже къ Кызлы-яру, куда и я собираюсь выѣхать, какъ только явится необходимость. Теперь прошу тебя, садись около меня и разскажи, что дѣлается въ твоей странѣ?

— Прежде всего я донесу свѣтлѣйшему хану, что властитель мой проситъ его быть безпощаднымъ въ отношеніи къ русскимъ и доводить ихъ до отчаяннаго

*) Могущественный.

аллаш за ту дерзость, что они осмѣлились впустить свои корабли въ Бѣлое море (ахъ-деньзъ т. е. греческое) и начали бунтовать противъ насъ гяуровъ—грековъ, затаивавшихъ искони вражду противъ мусульманъ. Нѣтъ сомнѣнія, что отдаленныя провинціи, гдѣ мы не можемъ содержать большихъ гарнизоновъ, всѣ перейдутъ на сторону враговъ въ надеждахъ освобожденія отечества своего. Какъ ни дерзка эта мысль, но намъ до поры, до времени придется переносить ее. Въ спискахъ, доставленныхъ намъ изъ провинцій, значится пока небольшое число грековъ, перешедшихъ на русскій флотъ. Султанъ оцѣнилъ уже ихъ головы. Если же присутствіе Москова продолжится, то, естественно, враждебная сила станетъ наростать и безпорядки примутъ угрожающій характеръ. Когда же ты нагрянешь на Россію и начнешь наносить ей раны, то общее положеніе сейчасъ же измѣнится и наши дѣйствія перенесутся на землю враговъ.

— Все это я понимаю отлично и ты напрасно трудишься разъяснять мнѣ. Для меня важнѣе знать, какъ идутъ ваши дѣла на морѣ съ русскими. Вы-ли ихъ бьете или они васъ?

— Счастіе дѣйствуетъ попеременно, но по крайней мѣрѣ я не вѣрю, что мы избавимся отъ этихъ шейтановъ безъ громадныхъ потерь. Эти злые греки выдали имъ такихъ вожаковъ, съ которыми нѣтъ силъ ни умѣньемъ, ни хитростію справиться.

— А сколько войска приготовилъ султанъ для перехода чрезъ Дунай?

— Около 500 тысячъ человѣкъ.

— Да съ такою силою я съумѣлъ бы побѣдить всю Европу! вскрикнулъ Крымъ-гирей.

— Если это суждено Аллахомъ, то слова твои сбудутся. Довольно намъ, любимцамъ пророка, терпѣть въ сосѣдствѣ своемъ господство скверныхъ гяуровъ.

— Нѣтъ, турки съ своими неповоротливыми начальниками при теперешнемъ образованіи европейцевъ немногое сдѣлаютъ. Будь я ихъ главнокомандующимъ, то мусульманство господствовало бы надъ міромъ.

Въ кабинетъ Крымъ-гирея внесенъ былъ кофе и длинній кальянъ.

Вслѣдъ затѣмъ вошолъ кази-аскеръ съ послѣдними новостями.

— Около 70 т. татаръ уже выступили за Орь-хапу— сказалъ начальникъ военной канцеляріи.

— А остальныя 30 т. не успѣли еще собраться?

— Ихъ выставятъ Ногайцы—отвѣчалъ чиновникъ.

— Пошли нарочнаго къ Ширинскому-бею съ извѣстіемъ, что я готовъ къ выѣзду и надѣюсь повстрѣчаться съ нимъ въ Кызлы-ярѣ или на берегу Днѣпра. Кстати: какія у тебя новости изъ Россіи?

— Меня извѣщаютъ, что Россія приготовила двѣ арміи: первая будетъ состоять подъ распоряженіемъ князя Искендера (Александра) Голицына и предназначается для наступательныхъ дѣйствій, а вторая, подъ начальствомъ Румянцева, которая будетъ слѣдить за движеніями поляковъ и въ тоже время охранять свои южныя границы.

— А какъ скоро эти арміи двинутся въ походъ? спросилъ ханъ.

— Предполагаютъ, что не раньше двухъ мѣсяцевъ?

— Въ такомъ случаѣ мнѣ нельзя тратить дорогаго времени. Ты, достопочтенный посолъ, сегодня переночуешь у меня, но завтра съ разсвѣтомъ, долженъ уѣхать къ султану, чтобы успокоить моего возлюбленнаго падишаха. Какъ ни пріятна мнѣ твоя бесѣда, но въ виду экстренныхъ обязанностей мы обязаны уступить правиламъ гостепріимства. Надѣюсь, что ты не забудешь передать мой селямъ всѣмъ визирямъ и сановникамъ султана, съ которыми я навѣрно увижусь въ непродолжительномъ времени. Что касается отвѣта калифу, то я сегодня же напишу его и передамъ тебѣ чрезъ моего казнедара съ приличнымъ подаркомъ за твое усердіе къ нашему господину.

Естественно, что турецкому сановнику не приходилось оставаться долже въ дворцѣ и онъ ушелъ въ пріемный флигель въ сопровожденіи Дервиша, гдѣ и переданъ былъ въ распоряженіе главному ода-баши.

Простившись съ гостемъ, Крымъ-гирей прилегъ на софу и предался размышленіямъ.

„Я очень радъ буду, если русскіе поощиняютъ этихъ надменныхъ османлы, не перестававшихъ считать себя

владыками міра, думалъ онъ. Глупы же будутъ греки, если всѣ они не воспользуются настоящими смутными обстоятельствами для возстановленія своей свободы. Эхъ, какъ жаль, что они обезоружены и довели себя до крайняго стѣсненія! Изгнаніе турковъ изъ Европы, о которомъ мечтаетъ русская царица, *бильяги**) принесла бы счастіе для моего ханства. Но, увы ни религія, ни обстоятельства не дозволяютъ мнѣ сдѣлаться союзнымъ другомъ Россіи. Впрочемъ нужда измѣняетъ законы и каждый монархъ обязанъ жертвовать всѣмъ для независимости своего народа. Я буду усердно слѣдить за событіями и если только *кысметъ* **) покинетъ султана, то и я постараюсь разлучиться съ нимъ. Ахъ, да я хотѣлъ взглянуть на моего несчастнаго Кемала, который, къ несчастію, не можетъ открыто именоваться моимъ сыномъ, но я обязанъ дать ему видное положеніе и приблизить къ себѣ, чтобы окончательно успокоиться, относительно его будущности.

Только что подумалъ объ этомъ Крымъ гирей, какъ появился Дервишъ съ Бешъ-бучукомъ. Гирей съ пріятною улыбкою взглянулъ на сына и указалъ ему мѣсто у порога.

— Ты не скучаешь, дитя мое, въ ханъ-сараѣ вдали отъ моря? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, султаннымъ, я очень много ѣздилъ по міру и еще цѣлый годъ могу развлекаться разсказами о видѣнномъ.

— Гдѣ же ты бывалъ?

— Отъ Стамбула, Мысыра (Египта) до Индостанскаго моря. Меня охотно брали съ собою въ качествѣ слуги всѣ послы султанскіе въ то время года, когда судно наше переставало плавать.

— И ты не забылъ всего того, что видѣлъ?

— Это такъ недавно еще было, что я не успѣлъ забыть.

— Ну, скажи мнѣ, что тебя болѣе всего поразило въ странахъ, видѣннымъ тобою?

*) Клятва богомъ.
**) Предназначеніе судьбы.

— Я всегда прихожу въ изумленіе отъ Индостанскихъ земель и около нихъ лежащихъ островов, гдѣ мы провели съ однимъ турецкимъ беемъ около двухъ лѣтъ.

— Я очень люблю слушать подробности, сказалъ ханъ, и не прочь послушать тебя сегодня до втораго намаза.

— За это время, султанымъ, я успѣю разсказать очень мало.

— Если это малое мнѣ понравится, я возведу тебя въ санъ моего походнаго секретаря и буду слушать твои разсказы во время походовъ. А хорошо ли ты пишешь?

Кемаль вмѣсто отвѣта показалъ повелителю небольшую тетрадь, въ которую записывалъ всѣ слышанныя имъ пѣсни.

— Этого достаточно, сынъ мой. Присядь же ближе ко мнѣ и скажи, чему ты болѣе удивился въ Индостанскихъ странахъ?

— Всего болѣе меня поразило то, что въ одной области, называемой Кохинхина, всѣ женщины, которыя встрѣчали меня, заманывали въ свои жилища или подъ тѣнь деревъ, брали мою голову и выбирали изъ нея насѣкомыхъ, которыхъ съ жадностію употребляли въ пищу. Это нравилось имъ до такой степени, что онѣ безцеремонно снимали съ меня сорочку и при выискиваніи ее дрались за всякое насѣкомое. Къ счастію, у меня въ то время были отросшіе волосы, что считалось въ той странѣ за знакъ принадлежности къ высшему званію, и я почти ежедневно могъ удовлетворять вкусу добрыхъ женщинъ. Вотъ это удивило меня больше всего видѣннаго, прибавилъ молодой человѣкъ.

Дервишъ, выслушавъ сказанное Кемаломъ, сдѣлалъ гримасу и замѣтилъ, что въ Крымскомъ ханствѣ даже жены гончаровъ не позволили бы себѣ сдѣлать такой гадости.

— Видишь ли, какъ ты превратно разсуждаешь Дервишъ-дай *), тогда какъ въ Индостанѣ касеверы или

*) Къ имени пожилыхъ людей молодые татаре всегда присоединяютъ слово *дай* дядя.

горшечники пользуются такимъ почетомъ, что имъ довѣряютъ хранения въ молитвенныхъ домахъ не только всѣ святости, но избираютъ даже въ санъ раджей или падишаховъ.

— Говорятъ, что между индостанцами есть и людоѣды? спросилъ ханъ.

— Что вы, султаннымъ, да развѣ это возможно? вскрикнулъ Дервишъ.

— Свѣтлѣйшій владыка нашъ сказалъ совершенную правду, отвѣчалъ Кемалъ, мнѣ самому приходилось видѣть, какъ Малехи*) пожирали тѣло одного преступника, а между тѣмъ они кротки, какъ ягнята, гостепріимны, честны и чрезвычайно трудолюбивы.

— Это значитъ, что они ненавидятъ преступниковъ? сказалъ ханъ. Ну, это еще извинительно. Я съ удовольствіемъ выписалъ бы ихъ съ десятокъ въ мое ханство для соблюденія благочинія.

— И эти люди женятся и вѣрятъ въ существованіе души въ человѣкѣ? спрашивалъ пораженный Дервишъ.

— Всѣ они женятся, но только съ тою разницею, что каждому предоставляется право предварительно осматривать невѣсту свою нагою въ банѣ, что касается вѣрованія въ души, то они полагаютъ, что послѣднія переселяются въ тѣла *кангановъ* (тигровъ), вслѣдствіе чего въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ воспрещаютъ убіеніе этихъ вредныхъ животныхъ.

— Первое правило очень разумно, чтобы не допустить обмана, но послѣднее вѣрованіе нелѣпо. Неужели ты не могъ разувѣрить ихъ въ этомъ? сказалъ Дервишъ, который и раньше пользовался свободою разсуждать предъ повелителемъ своимъ въ обыкновенныхъ случаяхъ. А красивы ли ихъ женщины? добавилъ онъ.

— Онѣ были бы очень красивы, еслибъ у нѣкоторыхъ не принято было придавливать у новорожденныхъ носъ, сжимать черепъ и вытягивать уши. Непріятно еще то, что онѣ подпиливаютъ брускомъ прекрасные зубы и вдобавокъ лакируютъ ихъ какою-то темною краскою: у

*) Народъ Малайскаго происхожденія.

нѣкоторыхъ же до того безобразна *сыраджи* *), что кожа отстаетъ отъ тѣла и виситъ лоскутьями.

— Какому же Богу они молятся? спросилъ ханъ.

— Нѣкоторые чтутъ нашъ святой коранъ. Къ числу такихъ принадлежатъ всѣ почти цыгане, которыхъ тамъ называютъ Цинганы, другіе поклоняются идоламъ, а третьи обожаютъ огонь.

— Неужели можно поклониться огню? вскрикнулъ Дервишъ, развѣ огонь, пожирающій иногда цѣлые кварталы въ Стамбулѣ, можно считать за божество?

— Я не знаю, на чемъ основана эта вѣра, но мнѣ извѣстно, что Парсы или огнепоклонники считаютъ ужаснымъ грѣхомъ затушить огонь. При пожарахъ же они только оберегаютъ дальнѣйшіе дома.

— Странно. Неужели въ этихъ странахъ не водится людей съ священными бородами, чтобы спасти ихъ отъ предстоящаго ада.

— Въ тѣхъ мѣстахъ принято выжигать бороды особеннымъ родомъ извести, которая называется шуманомъ. Эта та самая известь, которую употребляютъ въ Турціи женщины, чтобы не имѣть на тѣлѣ ни одной волосинки.

— Право, ты разсказываешь намъ сказки. Ужъ не другой ли Богъ создалъ этихъ людей?

— Должно быть другой, потому что тамъ все иначе устроено: тамъ я видѣлъ ящерицъ, которыя летаютъ, а другія, которыя въ извѣстные часы дня поютъ вмѣсто пѣтуха *ча-конъ! ча-конъ!* тамъ люди держатъ пари на женъ и дочерей при боѣ пѣтуховъ и охотно отдаютъ ихъ тому, чей пѣтухъ окажется побѣдителемъ; тамъ есть люди, которые содержатъ больницы для животныхъ и носятъ на рту повязки, чтобы не проглотить случайно мухи или другаго насѣкомаго, которые въ оба глаза смотрятъ подъ ноги, чтобы не раздавить муравья и которые держатъ на открытыхъ ладоняхъ во время прогулокъ медъ и сахаръ, чтобы кормить голодныхъ насѣкомыхъ; но всего ужаснѣе въ тѣхъ мѣстахъ дикій че-

*) Элефантіаза, болѣзнь изрѣдка встрѣчаемая въ наше даже время между татарами.

ловѣкъ, именуемый орангутаномъ. Эти люди мохнаты, какъ настоящія животныя, но не имѣютъ языка. Они бродятъ по лѣсамъ цѣлыми стадами и защищаются, какъ люди. Они грѣются у огня, бросаютъ камни и строятъ себѣ хижины, сила ихъ изумительна. При смерти собрата выражаютъ сожалѣніе и прикрываютъ тѣло листьями; похищаютъ женщинъ и дѣтей, но не дѣлаютъ имъ зла. Одного изъ нихъ, захваченнаго въ дѣтствѣ и пріученнаго къ услугамъ, купилъ мой бей. Онъ до такой степени былъ уменъ, что если бывало его накажутъ, то указывалъ на мѣста больныя и охотно принималъ лекарства на раны. Для васъ, не видѣвшихъ этихъ животныхъ, можетъ быть, слова мои покажутся болѣе неправдоподобными, если я скажу, что въ тѣхъ же мѣстахъ мнѣ приходилось видѣть овецъ не съ шерстью, какъ нашихъ, а съ человѣческими волосами.

— Да, какъ это у тебя не лопнули мозги отъ такого множества свѣдѣній? спросилъ Дервишъ.

— Я и на это дамъ тебѣ отвѣтъ, отвѣчалъ юноша, однажды мнѣ пришлось зайти въ хижину одного тагала или лѣнтяя, который ничѣмъ болѣе не занимался, какъ высиживаніемъ цыплятъ теплотою собственнаго тѣла. Жена этого тагала предложила мнѣ купить у нея порошокъ, который давалъ трусамъ храбрость, дуракамъ умъ, а неповоротливымъ гибкость.

„Изъ чего же онъ составленъ? спросилъ я. Изъ когтей тигра, изъ мозга слона и изъ оленьихъ роговъ, отвѣчала женщина. Я немедленно заплатилъ ей столько, сколько она просила и съ того времени чувствую себя такимъ же храбрымъ, какъ *капланъ*, такимъ же умнымъ, какъ *филъ* и такимъ же быстрымъ въ движеніяхъ, какъ *сыгынъ* *).

— Очень радъ, сынъ мой, сказалъ гирей, что ты пріобрѣлъ эти великія достоинства. Съ сегодняшняго дня ты считаешься моимъ *языджи* (секретаремъ) и получишь при дворцѣ отдѣльную оду; а теперь иди себѣ на покой.

*) Тигръ, слонъ и олень.

Крымъ гирею показалось, что наступилъ приличный часъ для посѣщенія прелестной гостьи.

XV.

Мнимая Марія Потоцкая нетерпѣливо ходила по комнатѣ, когда вошелъ къ ней гирей, стараясь придать лицу своему веселый видъ.

— Я пришелъ извѣстить тебя, моя дорогая гостья, что вынужденъ на дняхъ выѣхать на войну, въ защиту твоего отечества противъ злаго и ненасытнаго Москова.

— Неужели ты будешь такъ добръ къ моимъ несчастнымъ соотечественникамъ? спросила она. Охъ, этотъ москаль! многое мы вынесли отъ него и долго еще будемъ бѣдствовать отъ грубости этого медвѣдя.

— Авось, въ настоящее время мнѣ удастся кое-что сдѣлать для блага твоей родины, потому что я хочу это сдѣлать не изъ пустаго тщеславія, а изъ желанія обрадовать тебя.

— Меня? вскрикнула молодая дѣвушка. Но развѣ я чѣмъ-нибудь заслужила такую неизмѣримую милость отъ властителя татаръ?

— Ты отнынѣ будешь моимъ и дневнымъ и ночнымъ свѣтиломъ. Я полюбилъ тебя съ перваго взгляда всѣми силами души и не пожалѣю жизни, чтобы вызвать у тебя хоть небольшое расположеніе.

— Гирей, ты уже заслужилъ мою благодарность, потому что вырвалъ меня изъ рукъ жестокихъ похитителей, не пощадившихъ ни моихъ родителей, ни моего пола. Еще день или два и я погибла бы на зарѣ жизни. Надѣюсь, что ты смилуешься надо мною и возвратишь къ старикамъ ихъ дорогую дочь.

Ханъ молча смотрѣлъ въ глаза красавицы.

— Надѣюсь, что ты самъ поймешь мое одиночество и ту скорбь, которая свойственна дѣвушкѣ между народомъ другой націи. Я привыкла блистать съ минуты пробужденія въ бриллiантахъ, я привыкла распоряжаться моими тысячами денегъ по прихоти, я привыкла повелѣвать всѣми, кто переступалъ мой порогъ, а здѣсь я въ моемъ ночномъ капотѣ хуже рабыни, хуже ни-

щей, я съ ужасомъ и отвращеніемъ смотрю на самое себя... Чтожъ дѣлать, надо благодарить Бога и за то.

— Такъ ты скучаешь за блестящими каменьками и нарядами? спросилъ Крымъ гирей.

— Я тоскую за всѣмъ, къ чему привыкла.

— Въ нашей сокровищницѣ, кажется, много этихъ игрушекъ и если ты не полѣнишься послѣдовать за мною, я всѣ ихъ предоставлю въ твое распоряженіе.

Красавица съ сіяющею улыбкою приблизилась къ хану.

— Я люблю до безумія самоцвѣтные камни. Конечно, это не похвально для взрослой дѣвушки, но я не намѣрена предъ такимъ добрымъ царемъ скрывать своихъ дѣтскихъ слабостей.

— Ты восхищаешь меня откровенностью, дочь моя, сказалъ ханъ, и, взявъ ее за руку, повелъ въ свой кабинетъ, въ одномъ углу котораго подъ софою нѣкогда поставленъ былъ имъ кипарисный сундукъ съ цѣнными бездѣлушками. Къ счастію, сундукъ этотъ, вынесенный Хасымъ эфендіемъ, снова оказался на мѣстѣ такимъ же замкнутымъ и неприкосновеннымъ.

Гирей отыскалъ ключъ и, подавая его Маріи, сказалъ:

— Все, что ты въ немъ найдешь годнаго, я предоставляю въ полную твою собственность.

Марія подняла крышку кассы и съ изумленіемъ увидѣла массу нанизаннаго жемчуга поразительной величины; но кромѣ жемчуга здѣсь блистали другіе драгоцѣнные камни и различнаго рода золотыя украшенія высокой цѣнности.

— Какія прелестныя вещицы! Вотъ будетъ для меня забава, если ты прикажешь перенести ихъ въ мою спальню. Право, я цѣлый день буду перебирать ихъ и восхищаться. Сказавъ это, Марія опустила крышку сундука и начала осматривать любимую комнату повелителя татаръ, дышавшую нѣгою и чѣмъ-то особеннымъ неизъяснимымъ на словахъ, но чарующимъ сердце. Тихій вздохъ, вырвавшійся изъ груди ея, не остался не замѣченнымъ.

— Ты вздыхаешь, прелестная дѣва? спросилъ ханъ.

— Я невольно вспоминаю кабинетъ моего добраго отца. Въ немъ такъ же хорошо было, какъ и здѣсь.

— Ты хочешь сказать, что у меня не найдешь только той любви, которая окружала тебя дома? Напротивъ, душа моя, я одинъ въ сотню тысячъ разъ больше буду боготворить твой милый образъ, чѣмъ всѣ твои родные. Я буду трепетать надъ каждою волосинкою твоею, я откажусь отъ лучей солнца, чтобы любоваться твоими глазами, я запрещу играть музыкѣ, чтобы довольствоваться твоимъ голосомъ и дыханіемъ; я буду лелѣять твои мечты, я не пощажу цѣлаго міра за одну твою слезу! Клянусь тебѣ Аллахомъ, что ты убѣдишься во всемъ этомъ, когда пожелаешь ближе ознакомиться съ Крымъ гиремъ, оставшимся такимъ-же одинокимъ у себя, какой ты явилась въ его дворцѣ.

— Ханъ, не искушай напрасно дочь благочестивыхъ и гордыхъ родителей. Я вѣрю, что достойна быть любимою, но честь моя неизмѣнна, какъ сабля твоихъ знаменитыхъ предковъ. Я буду восхищаться твоимъ благородствомъ, готова цѣловать твою руку, оказавшую мнѣ спасеніе, но другихъ отношеній между нами не можетъ быть. Сказавъ это, хитрая полька прильнула устами къ плечу страстнаго хана и гордо вышла изъ кабинета его.

Гирей, которому никогда въ жизни не приходилось слышать отъ женщины такихъ словъ и такого полнаго убѣжденія въ правахъ чести, нѣсколько минутъ стоялъ неподвижно.

„Какія странныя женщины, подумалъ онъ—имъ царская любовь не представляетъ отличія: въ ихъ глазахъ царь не отличается отъ другихъ людей, для нихъ власть, сила и могущество—такая же ничтожность, какъ безсиліе и зависимость: онѣ въ каждомъ положеніи находятъ блаженство, если сердце имѣетъ друга и поддерживается его теплотою. Право онѣ походятъ на огонь, которому ничего не нужно, кромѣ матеріала, чтобъ горѣть вѣчно. Какая прелесть обладать такимъ существомъ и видѣть въ пылающихъ глазахъ и румянцѣ щекъ ея только одинъ божественный свѣтъ любви!... Но неужели она не полюбитъ меня? Неужели во мнѣ нѣтъ ничего такого, которое вызвало-бы въ ней это чувство? Неужели моя національность возбуждаетъ въ европейс-

кихъ женщинахъ равнодушіе или отвращеніе? Не все-ли равно: мы созданіе одного Бога, ничѣмъ не отличающееся въ естествѣ и первообразѣ? О, я счелъ-бы себя хуже всѣхъ европейцевъ, еслибъ эта дѣва отвергнула меня. Къ несчастію, приходится выступать въ походъ. И надо было этому кровожадному Мустафѣ вмѣшиваться въ интриги европейцевъ, которые такъ-же какъ и я, не навидятъ его со всѣми подданными. Спрашивается, что онъ можетъ выиграть отъ этой войны, развѣ то только, что у него и у меня отрѣжутъ по куску хвоста и плюнутъ въ затылокъ!... Во всякое другое время эта война доставила бы мнѣ удовольствіе, но теперь, когда кровь моя бушуетъ, когда весь разумъ и воля прикованы, когда я весь въ цѣпяхъ,—это мучительное безвыходное состояніе, адъ со всѣми ужасами и пытками...

Печально наклонивъ голову, Крымъ гирей съ какою-то боязнію вновь направился къ плѣнницѣ своей, но предварительно входа въ ея комнату приказалъ слугамъ перенести сундукъ съ драгоцѣнностями.

— Такъ это все мое? спросила прелестная дѣвушка, и ты позволишь мнѣ отправить кое-что изъ этихъ драгоцѣнностей къ роднымъ и подругамъ моимъ въ доказательство того, что я остаюсь въ живыхъ.

— Ты полная хозяйка всего этого. Ни мнѣ, ни дѣтямъ моимъ не нужны будутъ эти вещицы.

— Ахъ, какъ-бы мнѣ хотѣлось послать одновременно хоть мѣшочекъ золота, на содержаніе тѣхъ сиротъ, которыхъ я приняла и тайно отъ родителей содержала. Бѣдняжки, онѣ я думаю теперь въ отчаяніи отъ предстоящей будущности своей.

— Я прикажу казначею моему выдать тебѣ столько золота, сколько ты пожелаешь.

— Какой-же ты добрый, мой повелитель, сказала Маріета и схватила его за руку, чтобы поднести къ устамъ. Я непремѣнно напишу сиротамъ, чтобы онѣ молились за тебя.

— Мнѣ не нужна ихъ молитва дочь моя, да и молитва эта будетъ не дѣйствительна, такъ какъ я исполняю только твое желаніе.

— Но чѣмъ-же я отблагодарю тебя за твою доброту?

Впрочемъ, когда ты дозволишь мнѣ возвратиться домой, я вышлю тебѣ болѣе цѣнныя вещи: я своеручно разошью тебѣ золотомъ и драгоцѣнными каменьями одежды, и пришлю тебѣ сотни бархатныхъ ковровъ и великолѣпныя зеркала, въ которыхъ ты нуждаешься...

— Ты опять намекаешь на бѣгство изъ моего дома?

— Нѣтъ, ханъ, я никогда не рѣшусь на позорное дѣло. Я скорѣе рѣшусь умереть подъ тяжестію изнурительныхъ работъ, чѣмъ сдѣлаться бѣглянкою. Отъ тебя одного я буду ожидать добровольной свободы и добровольной муки. Наша жизнь такъ коротка и такъ быстро проходитъ, что въ сущности я не вижу различія между радостями и печалями. Какъ къ первымъ, такъ и къ послѣднимъ люди очень скоро привыкаютъ. Отчего же и мнѣ не привыкнуть къ скорби, если она неминуемо должна сопровождать меня до могилы?

— Какія у тебя странныя понятія. Неужели ты считаешь меня безчеловѣчнымъ варваромъ, способнымъ издѣваться надъ беззащитными иностранками? Неужели ты еще не поняла, что я хочу быть твоимъ рабомъ, потому что ты сдѣлалась моею повелительницею?

— Ханъ, ты увлекаешься минутнымъ желаніемъ. Это желаніе завтра перейдетъ къ другой женщинѣ и ты, вѣроятно, какъ косарь никогда не останавливалъ своего вниманія надъ чувствами скошенныхъ имъ живыхъ цвѣтовъ. Вы мужчины не имѣете надобности подумать, что дѣвушка, павшая отъ удара косы, такъ точно погибнетъ, какъ и цвѣтокъ, срѣзанный отъ корня. Въ твоемъ ханствѣ женщина никогда не погибнетъ отъ руки хана, потому что ихъ владыка устраиваетъ ихъ судьбу, но мы христіанки иначе созданы и только разъ отдаемъ себя тому, кто дѣлается нашимъ божествомъ и руководителемъ на всю жизнь. Объясни-же мнѣ, что стало-бы со мною, еслибъ я имѣла несчастіе сдѣлаться твоею одалычкою? Мнѣ оставалось-бы только два выхода, грозящихъ въ обоихъ случаяхъ смертью: умереть при изгнаніи или умереть при видѣ соперницы.

— Ты допускаешь крайности, до которыхъ я никогда не дохожу.

— Я готова повѣрить тебѣ; но ты не можешь ни-

чѣмъ убѣдить, что переживешь меня. Что-же будетъ тогда, когда явится твой наслѣдникъ и предастъ меня заточенію? Будешь-ли ты въ состояніи защитить неутѣшную вдову?

— *Аллахъ керимъ**) и людямъ грѣшно думать о предопредѣленіи. Мы всѣ должны умереть, но никто не думаетъ, отъ какой смерти онъ погибнетъ.

— Все это основательно для тѣхъ, кто вѣритъ въ судьбу, но по моему убѣжденію человѣкъ самъ создаетъ свою будущность и въ этомъ меня никто не разувѣритъ.

— И такъ ты отвергаешь мою любовь? спросилъ печальнымъ тономъ Крымъ гирей.

— Я должна это сдѣлать по всѣмъ соображеніямъ моего ума.

Ханъ, молча поднялся съ софы и вышелъ.

Марія проводила его глазами, затворилась и весело приступила къ сундуку съ драгоцѣнностями. Все, что было въ немъ лучшаго и дорогаго, она положила въ свой небольшой сундучекъ, замкнула его и, сѣвъ за столикъ, около часа писала письма къ матери, сестрамъ и братьямъ, которымъ посылала съ нарочными золото и драгоцѣнные камни для сбереженія впредь до возвращенія своего на родину.

Покончивъ съ письмами, молодая дѣвушка вновь подошла къ сундуку, въ которомъ оставалось множество еще дорогихъ вещицъ, взглянула на нихъ, вздохнула и затѣмъ, призвавъ горничную, поручила унести сундукъ въ кабинетъ гирея съ помощью придворныхъ служителей.

„Онъ не догадается даже, подумала она—что я выбрала все лучшее.

Крымъ гирей, дѣйствительно, не замѣтилъ этого и ему показалась, что нѣжная бикечь-ханымъ, посмотрѣвъ на камешки, не имѣвшіе никакой цѣнности въ Крыму со времени генуэзскаго погрома, нашла ихъ также недостойными своего вниманія. Это еще болѣе повергло его въ уныніе.

---

*) Богъ милостивъ.

„Смѣшно, говорилъ онъ самъ себѣ—что я ханъ, властитель цѣлаго народа и не въ состояніи ничѣмъ расположить къ себѣ этой юной дѣвочки. Видно, всѣ мои сокровища и могущество для гяуровъ Европы кажутся ничтожностію. Чего-же они ищутъ? Неужели личныя достоинства въ видѣ красоты и молодости для нихъ составляютъ все лучшее на землѣ? Пожалуй, если строго обсудить, въ чемъ заключается продолжительность нашего увлеченія, то они правы. И къ чему мнѣ мое царское происхожденіе, если на него не обращаетъ вниманія та дѣвушка, за обладаніе которой я отдалъ-бы на первыхъ порахъ полъ-жизни и половину ханства моего.

Томимый тоскою ханъ тихими шагами вышелъ въ садикъ гарема своего, нѣкогда населеннаго многими красавицами съ цѣлью, чтобы развлечь себя, но сколько онъ ни напрягалъ память свою, чтобы вызвать изъ прошлаго что-нибудь могущее пошатнуть обояніе, произведенное на него прелестною полькою, все было напрасно.

Гирей бродилъ какъ привидѣніе, какъ преступникъ, пожираемый упреками совѣсти, какъ молодой любовникъ, надѣявшійся на сострадательное сердце холодной красавицы.

Марія долго и долго слѣдила за нимъ изъ комнаты своей, потомъ легла и спокойно заснула.

На другой день къ бикечь-ханымъ явился Хасымъ-ага, съ трудомъ удерживая въ рукахъ кожаный сакъ съ золотыми монетами.

— Мнѣ приказано вручить тебѣ эти деньги—сказалъ Казнедаръ—и снарядить стражниковъ для доставки ихъ въ твое отечество. Когда прикажешь исполнить послѣднее?

— Я просила бы предварительно позвать ко мнѣ Юзефа, стараго слугу патера.

Хасымъ-ага сказалъ нѣсколько словъ первому служителю и въ ожиданіи расположился въ ближайшей къ выходу комнатѣ.

Нѣсколько минутъ спустя явился Юзефъ. Золото и шкатулка съ драгоцѣнностями вложены были въ кожаныя саквы и вынесены со дворца.

— Когда ты думаешь ѣхать? спросилъ Хасымъ-ага.

— Чрезъ два часа я буду готовъ. Надѣюсь, что къ этому времени ты приготовишь мнѣ пропускную бумагу и конвойныхъ.

— О Жезусъ! вскрикнула Маріета—только чрезъ два часа этотъ неуклюжій холопъ выѣдетъ изъ Бахчисарая. Но эти два часа покажутся мнѣ вѣчностію!

Красавица начала ходить по комнатѣ быстрыми шагами. При малѣйшемъ стукѣ она оглядывалась и блѣднѣла; ей чудилось, что ханъ откроетъ, что она выбрала лучшіе жемчужины и алмазы, ужасно разсердится и прикажетъ заарестовать сокровища, а затѣмъ подъ вліяніемъ страсти допуститъ полную расправу и чего добраго откроетъ ея происхожденіе и обманъ патера.

„Надо предупредить вспышку—думала полька—азіаты кровожадны и мстительны, когда рѣзко отвергаютъ ихъ любовь.

Только что пронеслась въ умѣ ея эта мысль, какъ вошелъ въ комнату Крымъ-гирей. Онъ былъ блѣденъ съ красными глазами.

— Мнѣ сегодня не здоровится, бикечь—сказалъ онъ, стараясь улыбнуться—и я пришелъ пить кофе съ тобою. Людямъ въ мои лѣта совѣтуютъ во время болѣзни не предаваться скукѣ и одиночеству.

Ты очень милостивъ ко мнѣ, ханъ. Развѣ я не пришла бы сама утѣшить тебя.

— Ты!? произнесъ онъ съ насмѣшливою улыбкою. Ты, которая при всякой встрѣчѣ со мною требуешь свободы? Нѣтъ, дѣвица, я еще не такъ жалокъ и смѣшонъ, чтобы не найти въ мірѣ такихъ женщинъ, которыя сами заискивали бы моей дружбы. Но не будемъ больше говорить объ этомъ, такъ какъ я пришелъ къ тебѣ въ гости.

— Ты сердишься на меня, свѣтлѣйшій ханъ?

— Я никогда не сердился на дѣвушекъ.

— Но твой печальный взглядъ и дрожащій голосъ выдаютъ тебя.

— Я не могъ спать сегодняшнюю ночь, вслѣдствіе чего чувствую себя въ ненормальномъ положеніи.

Мнимая Потоцкая своеручно разлила кофе и присѣла около угрюмаго хана, пожирающаго ее глазами.

— И такъ ты желаешь свободы? проговорилъ онъ сквозь зубы, хлебнувъ глотокъ кофе.

— Боже, ты опять спрашиваешь это. Неужели я не должна любить моего отечества и родныхъ? Подумай ты самъ: вѣдь я здѣсь одна одинокая, никому неизвѣстная и для всѣхъ чужая! Хитрая полька прижала руки къ глазамъ и расплакалась.

Крымъ-гирей упорно хранилъ молчаніе и, выпивъ свой кофе, тяжело вздохнулъ.

— Довольно плакать—сказалъ онъ—я никогда не рѣшусь владѣть дѣвушкою противъ ея желанія. Поживи у меня еще нѣсколько дней, пока я переговорю съ однимъ единовѣрцемъ твоимъ, который, вѣроятно, изъявитъ согласіе возвратить тебя въ родительскій домъ.

Сказавъ это, онъ поднялся, чтобы выйти, но въ эту минуту полька повисла на рукѣ его и громко зарыдала.

— Такого человѣка всѣ будутъ любить! проговорила она.

— За исключеніемъ только тебя одной—отвѣчалъ ханъ и удалился.

„Ну, съ этимъ человѣкомъ не долго придется кокетничать—мелькнуло въ мысляхъ молодой дѣвушки. То, чего онъ захочетъ, то подавай сейчасъ или уходи изъ глазъ навсегда. Какъ жаль, что я лишена возможности посовѣтоваться съ аббатомъ, настаивающимъ какъ можно долже сопротивляться.

Тѣмъ временемъ Крымъ-гирей, изнемогающій отъ очарованія и готовый броситься къ ногамъ плѣнницы, началъ сознавать, что если станетъ выражать предъ нею слабость своего сердца, то дѣлу не будетъ конца.

„Видно женщины всѣ безъ исключенія созданы изъ одной и той же глины, думалъ онъ—и что самая умная изъ нихъ настолько же любитъ церемониться, какъ и самая глупѣйшая. Единственное средство для одержанія побѣды грубость или полное равнодушіе. Попробуемъ послѣднее средство. Но что если я ошибусь? О Аллахъ, долго ли мнѣ придется терпѣть безпрестанныя неудачи и скорби!

Не смотря на безумную любовь свою. Крымъ-гирей рѣшился не говорить съ полькою по крайней мѣрѣ два дня. Вслѣдствіе чего онъ призвалъ Хасымъ-агу и объявилъ о намѣреніи ѣхать на охоту въ Бепуйскіе лѣса. А такъ какъ для исполненія этого желанія не требовалось много времени, то два часа спустя ханъ въ сопровожденіи Кемала и нѣсколькихъ каракалпаковъ былъ былъ уже внѣ Бахчисарая.

— Куда это поѣхалъ ханъ? спросила Маріета у Хасымъ-аги, когда онъ пришелъ освѣдомляться о желаніяхъ ея.

— Гирей не въ духѣ и не сочелъ нужнымъ говорить со мною. Впрочемъ онъ и раньше садился бывало верхомъ и уѣзжалъ на нѣсколько недѣль изъ ханъ сарая. Ужъ не поѣхалъ ли онъ навстрѣчу къ грузинкамъ, которыя должны сегодня или завтра прибыть въ его гаремъ?

— Какъ, развѣ онъ ожидалъ этихъ гостей?

— Онъ не ожидалъ ихъ, но это я желаю сдѣлать ему подарокъ.

Мнимая Потоцкая прикусила губы.

— Грузинки, кажется, слывутъ у васъ за красавицъ? спросила она.

— О, бикечь, онѣ такъ хороши, какъ небесныя звѣзды, а я приказалъ, чтобы выбрали между ними такихъ, чтобы нашъ повелитель не могъ налюбоваться. Мое единственное желаніе доставить ему всѣ удовольствія міра.

— Я вижу, что ты преданный визирь и какъ отецъ заботишься о государѣ своемъ. Такими друзьями немногіе цари могутъ похвалиться.

Слова эти были произнесены такимъ тономъ, что почтенный брадобрей замѣтилъ въ нихъ фальшивые звуки и прекратилъ дальнѣйшія разъясненія.

„Ну, если такіе черти будутъ прислуживаться хану, подумала Маріета—то можно сказать заранѣе, что наши успѣхи не представляютъ блистательныхъ результатовъ. И для чего я слушала этаго дурня аббата, ничего не смыслящаго въ сердечныхъ дѣлахъ? Понятно, что когда прибудутъ грузинскія красавицы, скучающій

ханъ не станетъ меня держать. Воображаю, въ какое негодованіе придетъ іезуитъ! но мнѣ плевать на него: теперь я достаточно вознаграждена и сохранила свою честь. Конечно, проживи я здѣсь еще нѣсколько мѣсяцевъ, было-бы лучше, но унижаться или самой заискивать вниманіе гирея, я ни за что не рѣшусь."

Однако не смотря на эти утѣшительныя и разумныя мысли, наша красавица, которой издавна Крымскій ханъ казался какимъ-то сказочнымъ героемъ, вдругъ сдѣлалась печальною и недовольною и на себя и на аббта и на судьбу свою.

„Будь, что будетъ, мнѣ все равно, проговорила она— но только я не вернусь въ Польшу, гдѣ ожидаетъ меня позоръ и всеобщее убѣжденіе, что я не заслужила вниманіе татарина. Я поѣду во Францію и вытребую туда мать мою съ случайно захваченными сокровищами... А вѣдь какая ихъ масса у гирея! Чрезъ мѣсяцъ я была-бы вправѣ переслать и ихъ домой. Ну, патеръ, буду же я помнить долго твои наставленія, разрушившія мои лучшія мечты!

Подъ вліяніемъ такой-же грусти находился въ теченіи двухъ сутокъ и Крымъ гирей, не сдѣлавшій ни одного выстрѣла на охотѣ. Сердце его изнывало и жаждало быть около прекрасной иностранки. Только одинъ Хасымъ ага считалъ себя чрезвычайно счастливымъ, что безъ особенныхъ трудовъ добился свиданія съ хорошенькою женою мутевелія и кромѣ сердечной радости, радовался и тому, что окончательно отомстилъ врагу своему.

На третій день Марія Потоцкая узнала отъ горничной своей, что гирей возвратился и что дворецъ переполнился беями и мурзами, вооруженными съ головы до ногъ.

„Ну, теперь все кончено, подумала она—ханъ уѣдетъ на войну, а я останусь чего добраго въ заперти въ качествѣ невольницы. При этой мысли она невольно прослезилась и рѣшилась во что бы ни стало добиться свободы, если гирей не удостоитъ ее посѣщеніемъ."

Изнуренная неизвѣстностію будущности прекрасная полька не знала, куда ей дѣться, чтобы сколько-ни-

будь разсѣяться. Наконецъ она выскочила на воздухъ и быстрыми шагами направилась къ противоположному выѣзду изъ ханъ-сарая. Прошедъ теремъ надъ воротами, красавица очутилась между надгробными камнями и расположилась на ступеняхъ недоконченной ротонды или мечети, начатой Крымъ гиреемъ въ тотъ годъ, когда онъ сверженъ былъ съ престола.

Когда доложили объ этомъ хану, онъ сдѣлалъ недовольный видъ и чрезъ минуту стоялъ предъ блѣдною дѣвушкою.

— Ты зачѣмъ зашла сюда? спросилъ онъ съ нѣжною улыбкою.

— Мнѣ хочется выбрать здѣсь мѣстечко для моей могилы, отвѣчала Маріета.

— Такъ ты рѣшилась умереть въ Крыму?

— Здѣсь, на этомъ мѣстѣ такъ пріятно! Обѣщай мнѣ, Крымъ гирей, похоронить мое тѣло въ этой ротондѣ, если я умру внезапно.

— Я сдѣлалъ-бы это охотно, еслибъ ты умерла моею женою, но такъ какъ ты желаешь умереть, чтобы избавиться отъ меня, то мое дѣло не допустить этой смерти. Успокойся-же, дочь моя, и возвратись домой. Я сегодня приду къ тебѣ и мы окончательно порѣшимъ, начто надо рѣшиться. Кстати: я до настоящаго времени не знаю твоего имени.

— Меня зовутъ Марія Потоцкая, но мать и родные всегда называли меня Далирою въ память того, что въ дѣтствѣ я постоянно твердила: дай лиру!

— Въ такомъ случаѣ и я буду называть тебя Далирою. Это легче и подходитъ къ нашему нарѣчію.

Полька, видя что ханъ ожидаетъ исполненія приказанія своего, вынуждена была подняться съ мѣста и возвратиться во дворецъ.

Гирей жадными глазами слѣдилъ за ея роскошнымъ станомъ и легкою походкою.

„Какая прелестная дѣвушка, шепталъ онъ про себя —найти такое сокровище и сейчасъ-же потерять, не мнѣ одному показалось-бы муками ада. Нѣтъ, я ни за что не выпущу ее изъ дворца, даже и въ такомъ случаѣ, еслибъ она ненавидѣла меня. Могу-ли я допустить ее до ра-

достей, когда самъ буду изнывать. Пускай-же я буду страдать отъ любви, а она отъ неволи.“

Томимый грустью гирей зашелъ на дѣдовское кладбище, какъ-бы съ желаніемъ вызвать участіе мертвыхъ къ своему одиночеству, но не могъ оставаться на немъ долго, такъ какъ обязанъ былъ слѣдить за совѣщаніемъ мурзъ и беевъ, собравшихся въ диванъ для разработки плана предстоящихъ военныхъ дѣйствій.

Мы уже говорили раньше, что въ диванѣ этомъ не всегда засѣдалъ повелитель, но очень часто присутствовалъ, не будучи видимымъ для другихъ, за темною рѣшоткою, идущею вдоль стѣны подъ потолкомъ и что комната дивана такъ была устроена въ акустическомъ отношеніи, что каждое слово, какъ-бы оно не было произнесено тихо, отчетливо доносилось до ханскихъ ушей.

Въ засѣданіи предсѣдательствовалъ Калга-султанъ (наслѣдникъ de jure престола), за нимъ слѣдовали: нуреддинъ и первенствующіе вельможи ханства изъ рода Ширинскихъ, Баринскихъ, Мансурскихъ и Сиджеутскихъ, а около нихъ муфти и диванъ-эфенди нѣчто въ родѣ нашего статсъ-секретаря.

Крымъ гирей направилъ глаза и уши къ присутствующимъ, но какъ онъ не старался слѣдовать за преніями, его мысли переносились къ Далирѣ бикечь.

„О, Аллахъ, произнесъ онъ—эта женщина впилась въ мой взоръ, проникла въ мозги и разлилась въ крови. Я ничего другаго не вижу предъ собою, кромѣ ея одной: я ничего не слышу кромѣ ея голоса, я не чувствую ни жажды, ни голода. Чтоже будетъ со мною, если эти чары продолжатся еще нѣсколько дней? о, я, не вынесу и лопну отъ напряженнаго состоянія или умру отъ яда своихъ страданій.

Крымъ-гирей сдѣлалъ надъ собою усиліе, чтобы прослѣдить за проэктомъ войны, излагаемымъ Ширинскимъ беемъ. Съ минуту онъ внимательно слушалъ и понималъ, о чемъ говорилось, но потомъ мысли его постепенно начали отвлекаться и всецѣло сосредоточились опять на ней, этой очаровательной полькѣ.

Ханъ очнулся только тогда, когда въ диванѣ не оставалось никого.

XVI.

Крымъ-гирей, вышедъ изъ дивана, направился въ мечеть, чтобы подкрѣпиться молитвою и затѣмъ принудить себя къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ съ дѣвушкою, которая иногда бываетъ всесильна своею слабостью и непобѣдима умомъ. Ханъ никогда еще не считалъ себя такимъ ничтожнымъ человѣкомъ, какъ въ настоящее время. Не имѣя около себя никого, кто бы могъ посодѣйствовать ему словомъ или дѣломъ, могущественному повелителю народа, готоваго по одному его слову сокрушить цѣлый городъ, казалась власть царская пустою мечтою и самоувлеченіемъ. Унижаться же предъ барономъ Тоттомъ или другими единовѣрцами его казалось ему позорнымъ: Хасымъ-ага ничего не смыслилъ въ обхожденія съ европейскими женщинами, а всѣ остальные дворцовые служители отличались грубыми наклонностями къ гяурамъ. Тутъ только ханъ вспомнилъ про нѣкогда господствовавшую въ гаремѣ его Ава-Тотай, которая умѣла подготовлять ему почву для кейфа. Но, увы и ея онъ лишился по милости ненавистнаго султана Мустафы, который въ угоду визирей разрушилъ въ одну минуту все подготовленное десяткомъ лѣтъ. Изнуренный тоскою и сознаніемъ безсилія, Крымъ-гирей съ особеннымъ вдохновеніемъ преклонялъ свою голову къ полу, вздыхалъ и примѣшивалъ къ молитвѣ просьбы о счастіи и благополучіи своемъ.

При выходѣ изъ мечети ханъ сдѣлалъ знакъ подойти къ нему главному конюшему и приказалъ запречь привезенный ему изъ Франціи экипажъ и подъѣхать къ дворцу.

Когда приказаніе его было исполнено, гирей быстро соскочилъ съ софы и направился къ Маріи Потоцкой, которая, разбросивъ по спинѣ длинные волосы, сидѣла у окна въ глубокой задумчивости.

— Ну, Далира-бикечь—сказалъ Крымъ-гирей, стараясь придать голосу своему веселое настроеніе духа—я пришелъ къ тебѣ съ доброю вѣстью.

При этихъ неожиданныхъ словахъ полька поблѣднѣла и поднялась съ мѣста.

— Да, съ отрадными вѣстями для тебя, моя хорошень-

кая гяурка—продолжалъ онъ, обвивъ трепещущими руками ея восхитительный станъ.

— Ты очень добръ мой повелитель... произнесла, заикаясь дѣвушка.

— Не добръ, а слабъ—прервалъ ее ханъ. За то ты принадлежишь къ неблагодарному племени, противъ котораго не напрасно враждовали мои предки и будутъ враждовать мои наслѣдники. Но не въ этомъ дѣло. Ты мнѣ досталась не легко и я глупецъ мечталъ сдѣлать тебя царицею, женою и вѣчнымъ другомъ съ безграничными правами въ царствѣ и началъ съ того, что можетъ сдѣлать безумно влюбившійся государь. Я забылъ чрезъ тебя мои важныя обязанности предъ Богомъ и людьми; забылъ про дѣтей моихъ, находящихся на чужбинѣ и ни разу не подумалъ о благахъ будущей жизни. Ты была единственною женщиною, съ которою я ласково говорилъ и предъ прихотью которой я унижался. Ко всему этому ты отнеслась какъ женщина, лишившаяся очень рано нѣжныхъ, свойственныхъ ея полу чувствъ. Насильственно же пользоваться твоими прелестями, при той любви, которою наполнена моя душа, я не въ состояніи. Довольно мнѣ изнурять себя страданіями. И вотъ я пришелъ объявить тебѣ, что рѣшился разстаться съ тобою, чтобы возвратить себѣ утерянное спокойствіе. Ты сегодня же выѣдешь изъ ханъ сарая на родину, гдѣ, можетъ быть, томится по тебѣ избранный юноша, другъ отраднаго дѣтства. Богъ съ тобою красавица, прощай: вотъ экипажъ, который тебя довезетъ до родительскаго порога.

Сказавъ это, ханъ выпустилъ изъ объятій своихъ Далиру и быстро повернулся къ выходу, но не успѣлъ онъ пройти трехъ шаговъ, какъ на шеи его повисла полька.

— Ханъ, я люблю тебя—вскрикнула она—какъ пчела розу, какъ роза соловья! но руки измѣнили ей и она грохнулась на мягкіе ковры.

Обезумѣвшій отъ восторга гирей схватилъ ее, какъ ребенка въ объятія и какъ безумный началъ ласкать, цѣловать и растирать.

Красавица очнулась, попросила воды и покоя на нѣсколько минутъ.

Крымъ-гирей отодвинулся назадъ и вперилъ жадный взглядъ на дѣвственницу съ разбросанными волосами, какъ-то восхитительно оттѣняющими ея бѣлые виски, расчерченные голубыми жилками.

„Уфъ! пронеслось въ его мысляхъ — наконецъ то я могу назвать моими эти чарующіе небеснымъ цвѣтомъ глаза, эту млечную гибкую шею, эти плечи изъ снѣга, эти перси изъ волнистой пѣны моря. Несчастный Крымъ-гирей, наконецъ-то и ты дождался восхода твоей звѣзды въ полномъ сіяніи счастія и непрерывнаго блаженства! Чѣмъ же я отблагодарю за эту милость тебя, пророкъ? Пускай же съ сегодняшняго дня приступятъ къ окончанію нѣкогда начатыхъ мною зеленой мечети и той часовни, которую избрала себя для вѣчнаго пріюта эта прелестная дѣвушка. Да будетъ этотъ день вѣчно радостнымъ для меня!...

— А когда прибудутъ твои грузинки? спросила съ нѣжною улыбкою Далира, сдѣлавъ знакъ хану сѣсть около себя.

— Какія грузинки? спросилъ онъ въ недоумѣніи.

— За которыми послалъ Хасымъ-ага.

— Я ничего этого не знаю, дочь моя.

— А примешь ли ты ихъ, если тебя поднесутъ ихъ въ видѣ подарка?

— Это будетъ зависѣть отъ жены моей, которая сама выбираетъ работницъ.

— Я довольна одною прислужницею и сама намѣрена служить тому, кто будетъ моимъ другомъ.

— Неужели ты это сдѣлаешь для меня, Далира?

— Я хочу доказать тебѣ, что только мы умѣемъ любить и быть благодарными.

— Ты упрекаешь меня за случайно вырвавшееся слово?

— Ты ошибся отъ незнанія полячекъ и я хочу доказать твою ошибку на дѣлѣ.

Ханъ не стерпѣлъ и, снова схвативъ свое сокровище на руки, началъ носить ее на рукахъ.

Съ этого дня въ Ханъ сараѣ все измѣнилось: явились музыканты, иллюминаціи, акробаты, пѣсенники, зіафеты

для гостей, бросаніе денегъ полуголымъ мальчишкамъ и изумительная дѣятельность въ постройкахъ мечетей, начатыхъ, какъ видно было изъ надписей, еще въ 1764 году.

Въ диванѣ прекратились засѣданія, входныя двери со дворца въ молельню не открывались болѣе предъ ханомъ, сады цвѣли, но увы среди всѣхъ этихъ оживленій не доставало сіянія ханскихъ очей. Хасымъ-ага являлся всюду и вездѣ расторопнымъ и достойнымъ представителемъ ханской воли и брадобреемъ по финансамъ страны; ни за кѣмъ не пропадала ни одна копѣйка и безпрестанно придумывались новыя статьи дохода. Въ горахъ стараго Крыма дѣятельно розыскивалось золото *).

Тѣмъ временемъ изъ Кызлы-яра начали являться гонцы, извѣщающіе хана, что войска давно находятся въ сборѣ и ждутъ его безъ терпѣнія. Изъ Стамбула получались частнымъ путемъ также неутѣшительныя свѣдѣнія въ родѣ того, что русскій флотъ, руководимый ожесточенными греками, безпрестанно наносилъ ужасныя язвы турецкой имперіи.

Всѣ эти тягостныя вѣсти мало вліяли на гирея, не разлучавшагося съ прелестною иностранкою и, безъ сомнѣнія, не заставили бы его пробудиться отъ очарованія, еслибъ іезуиты, враждебно настроенные противъ Россіи, не стали дѣйствовать на одалычку.

— Охъ, еслибъ ты знала, моя Далира, какъ мнѣ не хочется разставаться съ тобою—однажды сказалъ ей ханъ—а придется по-неволѣ.

— Душа моя, я тоже прихожу въ ужасъ отъ этой мысли, но мнѣ простительнѣе это, потому что я здѣсь чужая и одинокая. Ты же царь народа, которому обязанъ служить, чтобы пользоваться его преданностію. Твои семейныя слабости не должны быть извѣстны никому кромѣ меня одной. Ты долженъ предстать предъ войскомъ, ободрить и направить его противъ Москаля. Эта твоя обязанность. Затѣмъ ты опять можешь воз-

*) Крымъ гирей, принявъ мѣдный калчаданъ, встрѣчаемый въ этихъ горахъ, за золото, очень много потратилъ средствъ на отысканіе этого дорогаго металла въ горахъ Стараго Крыма.

вратиться къ той, которая съ трепетомъ будетъ ожидать тебя. Да, я буду жить во время твоего отсутствія въ глубокомъ мракѣ ночи и ждать тебя, какъ ждутъ цвѣты появленія животворящихъ лучей дневнаго свѣтила. Этого мало, мнѣ говоритъ какое-то предчувствіе, что ты нанесешь страшный ударъ Москалю и сдѣлаешь имя свое громкимъ въ Европѣ.

— Все это справедливо, дитя мое, но у меня не хватаетъ духу оставить тебя одной.

— Неужели ты не довѣряешь твоимъ министрамъ и считаешь ихъ способными оскорбить меня?

— Нѣтъ, это было бы безмыслицею. Тебя будутъ чтить и безъ меня за святыню, но я боюсь, что ты можешь заболѣть отъ одиночества.

— Я придумаю сотню занятій, которыя будутъ сокращать время.

— И такъ ты требуешь, чтобы я выѣхалъ?

— Этого мало, я хотѣла бы, чтобы ты обрадовалъ меня побѣдою.

— Да будетъ же по твоему. Я завтра уѣзжаю и въ самомъ непродолжительномъ времени сдѣлаю все, чего ожидаютъ отъ меня мой народъ и моя прелестная жена.

Крымъ-гирей буквально выполнилъ данное слово Далирѣ, а нѣсколько дней спустя войска его подступили къ крѣпости св. Елизаветы.

Около ханской палатки въ числѣ прочихъ представителей народа находились Ногайскіе сераскиры Бузбекъ, Селяметъ и старшій сынъ Джанъ-Булата, употребившіе всѣ средства доставить повелителю своему кейфъ.

Гирей, спѣшившій возвратиться поскорѣе домой, собралъ ихъ всѣхъ въ свой чатыръ и потребовалъ приготовиться немедленно къ взятію и уничтоженію этого московскаго укрѣпленія, которое, со дня основанія его, стѣсняло свободу Крымскихъ татаръ.

— Мы растопчемъ его ногами, если ты этого пожелаешь—отвѣчалъ Бузбекъ.

— Это необходимо не для славы—сказалъ гирей—но для избѣжанія внезапныхъ набѣговъ русскихъ на наше отечество. И такъ завтра, прежде чѣмъ солнце озлатитъ гривы нашихъ лошадей, мы должны будемъ

явиться побѣдителями и обладателями этого грознаго гнѣзда гяуровъ, чтобы разметать его золу по воздуху. Помните, друзья мои, что я самъ буду командовать и прикажу рубить тѣхъ, кто дерзнетъ отступить отъ исполненія своихъ обязанностей. Наши предки только тѣмъ и выигривали поле битвы, что не знали отступленія. Если намъ удастся взять эту проклятую крѣпость, то объявите войскамъ, что кромѣ того, что они добудутъ въ ней и окрестностяхъ, я предоставлю имъ полную свободу погулять въ поселеніяхъ Новой Сербіи.

— На такихъ выгодныхъ условіяхъ едвали крѣпость эта продержится болѣе двухъ дней—замѣтилъ Селяметъ.

— Все это будетъ зависѣть отъ васъ дѣти, мои. Я объявлю только, что не отступлю до того времени, пока останусь живымъ. Теперь идите къ отрядамъ своимъ и объявите имъ мое рѣшеніе, котораго я не измѣню ни на волосъ.

На слѣдующій день происходила отчаянная битва подъ Елисаветградомъ, въ которой были первыми жертвами два сераскира: Селяметъ и сынъ Джанъ-Булата. Смерть этихъ людей опечалила Крымъ-гирея и заставила его обложить укрѣпленіе со всѣхъ сторонъ, чтобы скорѣе вынудить къ сдачѣ. Отважный Бузбекъ, которому хорошо извѣстны были эти мѣста, принялъ на себя возобновить аттаку въ туже ночь, но и ему пришлось подвергнуться участи своихъ собратовъ.

Тогда главными распорядителями осады явились калга султанъ и Ширинскій бей. Битва не прекращалась весь почти послѣдующій день. Потери были значительны, но всѣ были убѣждены, что крѣпость не долго выдержитъ и сдается безусловно, если обѣщана будетъ свобода защитникамъ. Но ханъ и предводители отрядовъ не желали соглашаться на это условіе въ угоду войску, разсчитывающему на значительное число невольниковъ.

— Какъ-бы намъ поступить, чтобы поскорѣе покончить съ этою крѣпостію, сказалъ однажды вечеромъ Крымъ-гирей, обратившись къ сыну своему Кемалу, успѣвшему уже сдѣлаться извѣстнымъ въ арміи за храбраго и находчиваго джигита.

— Я до настоящаго времени не имѣлъ случая осмотрѣть эти укрѣпленія со всѣхъ сторонъ, отвѣчалъ молодой человѣкъ—авось этого не трудно достигнуть.

— Зачѣмъ-же дѣло стало, поѣдемъ завтра вмѣстѣ и лично осмотримъ всѣ окрестности.

На другой день ханъ, переодѣвшись въ нарядъ ногайца и, вооружившись саблею, выѣхалъ съ Бешъ-бучукомъ подъ предлогомъ осмотрѣть расположеніе войскъ, но въ разговорѣ удалились на довольно значительное разстояніе отъ крѣпости. Какъ вдругъ Кемалъ замѣтилъ вдали нѣчто похожее на женщину, которая быстро скрылась за курганомъ.

— Эфендымъ, сказалъ онъ — мнѣ показался въ той сторонѣ человѣкъ. Позволь мнѣ удостовѣриться.

— Поѣзжай впередъ, но я отстану отъ тебя.

Кемалъ ощупалъ за поясомъ кинжалъ и пригнувшись къ лукѣ сѣдла стрѣлою полетѣлъ.

Крымъ гирей не спускалъ съ него глазъ и скоро увидѣлъ, какъ сынъ его выгналъ изъ за куста какую-то женщину и сдѣлалъ ей знакъ сѣсть къ нему за сѣдло. Женщина повиновалась и очень ловко взобралась на коня. Ханъ остановился, чтобы пользоваться дальнѣйшею картиною ловкости своего сына, приказавшаго обнять свой станъ плѣнницѣ, чтобы не свалиться отъ быстрой ѣзды. Но только онъ что онъ пустилъ коня, плѣненная вырвала изъ за кушака Кемала кинжалъ и со всей силы всадила его въ бокъ отважнаго похитителя своего, котораго очень ловко выбросила съ сѣдла и, занявъ его мѣсто, пустилась, что было мочи у коня, въ противоположную сторону.

Пораженный этой неожиданностію гирей выстрѣлилъ вслѣдъ за бѣглянкою изъ ружья, подареннаго ему барономъ Тоттомъ и остался доволенъ, когда конь съ повисшею на немъ женщиною повернулъ на всемъ скаку къ татарскому стану.

Крымъ-гирей съ замирающимъ сердцемъ приблизился къ несчастному молодому человѣку, въ боку котораго по рукоятку всажено было ужасное оружіе. Поднявъ его кое-какъ на сѣдло, гирей возвратился въ палатку свою съ бездыханномъ тѣломъ сына. Въ трупѣ молодой жен-

щины узнана была нѣкоторыми ногайцами жена Буранъ Хазія, исчезнувшая во время набѣга Бурлая; но какъ она очутилась невдали отъ татарскаго стана и за что убила Кемала, никто не могъ догадаться. Ногайцамъ не извѣстно было, что она была женою наѣздника *сыновей-пота* *) и что не рѣдко выѣзжала въ качествѣ шпонки для обозрѣнія враждебнаго стана.

Не подозрѣвая настоящихъ причинъ, ханъ думалъ, что сынъ его былъ убитъ по ошибкѣ и что мусульманка эта, освободившись изъ русскаго плѣна, какъ-то случайно создала себѣ смерть на порогѣ отечественной земли.

Потеря Кемала печально повліяла на хана, нуждавшагося въ утѣшеніи.

— Друзья мои, сказалъ Крымъ-гирей полководцамъ своимъ послѣ погребенія юноши, успѣвшаго заслужить общую расположенность ихъ—я до сегодняшняго дня имѣлъ еще развлеченіе въ моей палаткѣ въ лицѣ своего секретаря. но отнынѣ мнѣ въ тягость оставаться здѣсь, чтобы не видѣть могилы друга, а это вынуждаетъ меня рѣшиться на послѣднія средства. Завтра мы возьмемъ во чтобы ни стало проклятое гнѣздо или всѣ погибнемъ. Согласны-ли вы со мною?

— Аллахъ керимъ, согласны! было отвѣтомъ.

И дѣйствительно, на другой день крѣпость св. Елисаветы была взята съ огромнымъ количествомъ провіанта, боевыхъ снарядовъ и т. п.

Крымъ-гирей до того былъ доволенъ этимъ событіемъ. что, предоставивъ Калгѣ-султану и Ширинскому бею распредѣленіе добычи и дальнѣйшія дѣйствія, не пожелалъ болѣе оставаться на полѣ брани и направился въ Бахчисарай. Какое-то предчувствіе тревожило его отважную душу. Ему снилось безпрестанно, что прелестная Дайлира или Далира умирала отъ скуки и что френки употребляли всѣ усилія воспользоваться ея одиночествомъ.

„Я сдѣлалъ свое дѣло, утѣшался гирей — я разгромилъ крѣпость. которая держала мое ханство въ тис-

---

*) Сынами пота у татаръ именовались запорожскіе казаки.

кахъ, я подалъ примѣръ храбрости и вознаградилъ всѣхъ безъ исключенія. Внутрь Россіи я не имѣю надобности вторгаться, потому что не самъ обнажилъ противъ нея мечъ и обязанъ заискивать ея расположеніе. Эта держава безспорно представляетъ львицу кроткаго нрава, но могущественную и непобѣдимую. Ея дружба всегда будетъ выгоднѣе для Крымскаго народа, чѣмъ единовѣрная любовь калифа, мечтавшаго о господствѣ. Пусть мои татаре содѣйствуютъ туркамъ, а я останусь нейтральнымъ, чтобы не возбуждать противъ себя никого. Авось это посодѣйствуетъ къ достиженію моей цѣли. Отлично было-бы, еслибъ Турція вынуждена была унижаться предо мною, тогда я съумѣлъ-бы воспользоваться своимъ положеніемъ.

Пока Крымъ гирей мчался къ прелестной одалычкѣ своей, вѣсть о сокрушеніи русской крѣпости достигла до султана Мустафы.

— Пошлите этому герою еще денегъ, сказалъ калифъ—иначе онъ броситъ поле битвы и опять займется грабежомъ подданныхъ. При этомъ прикажите ему направить свою армію ближе къ нашимъ войскамъ, чтобы имѣть болѣе шансовъ на сокрушеніе гяуровъ.

— Султанымъ, отвѣчалъ великій визирь—мнѣ кажется, что ты балуешь Крымъ гирея. Я имѣю свѣдѣніе, что онъ попалъ въ лапы христіанки и мечтаетъ о независимости.

— Свѣдѣнія твои, можетъ быть, и вѣрны, но намъ не предстоитъ въ настоящее время особенной надобности выражать своихъ сомнѣній въ его благонадежности. Намъ необходимо, чтобы герой этотъ служилъ намъ; въ крайности-же мы съумѣемъ найти средство избавиться отъ него. Ты отлично знаешь, что я ненавижу этого хана за его надменность и честолюбіе, но долженъ уважать за храбрость и умѣніе управлять народомъ. Пошли-же ему новую алмазную подвязку и мѣшечекъ золота въ видѣ подарка одалычкѣ. Это польститъ его самолюбію.

Великій визирь при всемъ нежеланіи выражать свою благосклонность повелителю Крымскихъ татаръ, вынужденъ былъ настрочить длинное письмо и отправить на-

рочнаго въ Бахчисарай, чтобы избѣгнуть личныхъ переговоровъ съ ханомъ. Визирю казалось, что Крымъ гирей находится на полѣ битвы и лишенъ возможности узнать объ ужасныхъ потеряхъ, нанесенныхъ русскимъ флотомъ Оттоманской портѣ. Но разсчеты его оказались ошибочными, такъ какъ гирей одновременно съ посломъ въѣхалъ въ Бахчисарай и разузналъ, что турки окончательно потеряли свои неограниченныя права на Архипелажскомъ морѣ.

Присланный султаномъ подарокъ для Маріи дѣйствительно, польстилъ честолюбію хана, такъ какъ онъ не имѣлъ возможности добыть въ завоеванной крѣпости ничего достойнаго вниманія для Дайлиры. Подарокъ этотъ Крымъ гирей принялъ своеручно отъ посла, когда въѣхалъ въ ханъ-сарай и въ ту же минуту направился съ нимъ въ комнаты мнимой Потоцкой.

Далира, не подозрѣвая пріѣзда господина своего, сидѣла за вышиваніемъ и пѣла какую-то печальную балладу.

Гирей остановился на порогѣ послушать ея восхитительный голосъ и до того увлекся его чистотою и чарующею нѣжностію, что выронилъ изъ рукъ тяжелый мѣшочекъ съ золотыми монетами.

Далира оглянулась, ахнула и упала безъ чувствъ.

Ханъ бросился къ ней и поднялъ на руки. Ни одинъ отецъ не высказалъ-бы болѣе ласки, заботливости и любви, чтобы привести дочь свою въ чувство.

— И ни единаго предварительнаго извѣстія! проговорила красавица, поднявъ глаза на друга, впившагося въ ея обнаженное плечо.

— Дорогая моя, я ни о чемъ болѣе не думалъ, какъ быть съ тобою и воспользовался первымъ удавшимся случаемъ. Я сокрушилъ врага и полетѣлъ обратно.

— Тебѣ удалось разбить Москалей?

— Положительно.

Далира молча поцѣловала хана и свободнѣе вздохнула.

— Гдѣ-же твои трофеи?

— Я все отдалъ войскамъ, за исключеніемъ того, что прислано султаномъ для тебя. Сказавъ это, гирей ука-

залъ на кожаный мѣшокъ и небольшой пакетъ съ алмазною подвязкою. Эти цвѣтные камешки и чистое золото, вѣроятно, пригодятся тебѣ для сиротокъ.

Далира взяла пакетъ и нашла въ немъ столько драгоцѣнностей, что сообразила заказать чрезъ барона Тотта королевскую діадему. Золото съ остальными сокровищами, вторично выбранными изъ ханскаго сундука, она рѣшила отправить немедленно къ матери.

На слѣдующій день Крымъ-гирей, донося султану Мустафѣ о побѣдѣ, одержанной надъ Московами, обѣщалъ направить двѣ трети войскъ къ Дунаю и въ самыхъ изысканныхъ фразахъ благодарилъ за бакшиши. Одновременно онъ написалъ письма всѣмъ визирямъ, титулуя ихъ превосходнѣйшими, свѣтлѣйшими, славнѣйшими, великолѣпными, отличными, высокопревознесенными, могущественными и т. п.

— Ты имъ дѣлаешь много чести — сказалъ Хасымъ ага.

— Это дѣлается въ надеждѣ на ихъ содѣйствіе. Настало время, другъ мой, подумать о самостоятельности нашей, которую я намѣренъ лично потребовать отъ султана. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ доведенъ будетъ русскими до того, что сознаетъ важность нашей дружбы.

— Охъ, эфендымъ, напрасно ты доискиваешься этого. Я всегда говорилъ тебѣ и буду говорить, что султанъ не пожелаетъ разстаться съ нами.

— Въ такомъ случаѣ я отдамся подъ покровительство Екатерины.

— Тогда сбудется предсказаніе Толбая: тебя постараются отравить. Кстати, повелитель мой, я давно пріобрѣлъ стаканчикъ изъ носорогова рога и желаю поднести тебѣ, чтобы предупредить дѣйствіе яда.

— Это не дурно, отвѣчалъ ханъ—если только кость эта имѣетъ свойство разрушать губительное дѣйствіе ядовъ и если Толбай принадлежитъ къ числу святыхъ людей. Въ самомъ дѣлѣ, Хасымъ-ага, какого ты мнѣнія объ этомъ человѣкѣ? Баронъ Тоттъ называетъ его мошенникомъ, но я боюсь раздѣлять его убѣжденій.

— У одного знахаря, предсказывавшаго, гдѣ хранятся клады, а между тѣмъ живущаго народныхъ подая-

ніемъ, я однажды въ Стамбулѣ спросилъ, отчего онъ самъ не открываетъ ихъ, а живетъ на счетъ бѣдняковъ? Знахарь отвѣчалъ, что тотъ, кому открыта эта тайна, не можетъ самъ пользоваться ею подъ угрозою моментальной смерти. Тогда, чтобы обличить его въ мошенничествѣ, я спросилъ, самъ-ли онъ, по вдохновенію свыше, открываетъ мѣсто клада или пользуется какими-либо сторонними средствами? Для достиженія этого, отвѣчалъ онъ—я беру бѣлаго пѣтуха, вѣшу ему на шею одну святую молитву и пускаю на пространство, гдѣ, по предположенію народа, хранится сокровище. Пѣтухъ начинаетъ бѣгать и останавливается на той точкѣ, гдѣ слѣдуетъ искать кладъ. Изъ этого отвѣта мнѣ не трудно было убѣдиться, что знахарь избралъ только способъ обманывать людей. Отчего-же не допустить, что и Толбай, мѣсто рожденіе котораго никому не извѣстно, не имѣетъ въ виду обманывать насъ тѣмъ, что доживаетъ четвертый вѣкъ и пользуется особенною расположенностію пророка. Я полагаю, что это онъ будетъ дѣлать до того времени, пока обезпечитъ себя.

— Не говори этого Хасынъ-ага, потому что ему очень многое извѣстно. Доволенъ-ли онъ въ настоящее время своимъ положеніемъ?

— Надо полагать, что доволенъ, потому что отказался предсказывать будущность. Вотъ это именно и заставляетъ меня сравнивать его съ тѣмъ знахаремъ, который въ древности занялся мыслію обогащать другихъ съ вѣрною цѣлью обогатиться самому. Впрочемъ его удобнѣе сравнить съ другимъ мастеромъ.

— Начавши разсказъ, надо окончить—замѣтилъ гирей.

— Примѣръ этотъ очень простъ: одинъ изъ подобныхъ Толбаю лѣнтяевъ, не будучи въ состояніи обезпечить себя до 40 лѣтняго возраста, рѣшился испробовать поприще колдуна и началъ съ того, что постоянно посѣщалъ бани. Вотъ однажды приходитъ богатѣйшій купецъ омыться отъ грѣховъ, снимаетъ съ пальцевъ прадѣдовскіе перстни и прячетъ ихъ въ скважину стѣны. Выкупавшись онъ уходитъ и только недѣлю спустя начинаетъ розыскивать безцѣнныя для него кольца и созываетъ всѣхъ колдуновъ. Естественно, что ему оказываетъ

огромную услугу тотъ, кто видѣлъ, куда были спрятаны эти кольца. Съ этой минуты хитрый человѣкъ сдѣлался извѣстнымъ, но дѣйствовалъ очень осторожно до того времени, пока не узналъ, что въ баню собирается пріѣхать самъ падишахъ. „Ну, теперь надо рѣшиться на все—подумалъ онъ и взобравшись на куполъ бани привелъ центръ его въ такое положеніе, что онъ долженъ былъ обрушиться при сильномъ ударѣ дверей въ коробку ея. Султанъ, не подозрѣвая ничего, вошелъ въ баню и разлегся кейфировать. Какъ вдругъ къ нему вбѣгаетъ неизвѣстный человѣкъ, хватаетъ за руки и быстро выводитъ, а вслѣдъ затѣмъ потолокъ бани падаетъ на то самое мѣсто, гдѣ наслаждался султанъ. Когда повелитель убѣдился, что спасенъ, уже прославленнымъ колдуномъ, то въ видахъ будущаго блага, сдѣлалъ его своимъ визиремъ. „Ну, теперь я достигъ того, чего желалъ—сказалъ мошенникъ самому себя и началъ набивать золотомъ свои пустые сундуки. Если же кто-либо обращался къ нему за предсказаніями, то онъ отдѣлывался тѣмъ, что будто перессорился съ добрыми и злыми джинами. Мнѣ кажется, что если и ты предоставишь одно изъ такихъ выгодныхъ мѣстъ Толбаю, то и онъ откажется отъ всякаго рода предсказаній.

Ханъ сидѣлъ въ раздумьи. Какое-то тайное предчувствіе убѣждало его, что Турція не совладаетъ съ Россіею и что ему несравненно выгоднѣе оставаться на сторонѣ послѣдней. Но что скажутъ беи и мурзы, которымъ интереснѣе зависимость отъ султана въ видахъ своего могущества и что наконецъ скажетъ безсмысленный народъ, если владыка его отрѣшится отъ калифа и сблизится съ гяурами?

„Уфъ, какое безвыходное положеніе—думалъ онъ—и ни единаго человѣка не найдется въ ханствѣ, который понялъ бы меня и блага своего отечества, а между тѣмъ весь народъ тяготится бременемъ турецкой власти! Какъ быть, что предпринять, съ кѣмъ посовѣтоваться, кого пустить въ народъ? Увы, я только ханъ въ своемъ дворцѣ, защитникъ установившихся правилъ, палачъ для осужденныхъ и полнѣйшій рабъ гордыхъ тунеядцевъ, съумѣвшихъ опутать безсмысленныхъ фанатиковъ.

— Ну, какъ твои дѣла съ мутевелiемъ нашей мечети? внезапно спросилъ Крымъ-гирей своего визиря.

— Я молю Аллаха, чтобы наши отношенiя навсегда сохранились въ настоящемъ положенiи.

— Да такъ ли это? и ханъ вперилъ свой взглядъ въ Хасыма.

— Билляги, я нынѣ простилъ ему нанесенное мнѣ оскорбленiе и желалъ бы придумать какiе-либо источники для улучшенiя его ограниченныхъ доходовъ.

— Это было бы не дурно, потому что я желаю возложить на васъ обоихъ довольно важное порученiе.

— Во мнѣ ты не можешь сомнѣваться, повелитель, но съ Абдуразакомъ-эфенди я полагаю надо быть осторожнымъ. Онъ не любитъ держать языка на привязи и тщеславится краснорѣчiемъ.

— Пошли пожалуйста кого-нибудь пригласить его ко мнѣ на вечеръ. Въ былое время этотъ человѣкъ былъ однимъ изъ преданныхъ мнѣ джигитовъ.

Хасымъ-агѣ чрезвычайно понравилось это порученiе, дававшее ему право зайти въ домъ, гдѣ онъ надѣялся хоть издали увидѣть предметъ своей любви и шепнуть ему о возможности свиданiя. Кашедаръ сейчасъ же отправился исполнять порученiе гирея и дѣйствительно, настолько былъ счастливъ, что успѣлъ шепнуть два, три слова молодой хозяйкѣ въ тотъ моментъ, когда она присѣла за розовый кустъ, чтобы показать домашнимъ видъ укрывательства отъ стороннихъ. Однако слова эти подслушаны были маленькой племянницею набожнаго мутевелiя и переданы были ему по секрету, когда Хасымъ-ага выполнилъ миссiю свою и, возвратившись домой, съ нетерпѣнiемъ ожидалъ наступленiя вечернiяго благовѣста на ханскомъ минаретѣ. Дождавшись этой минуты, любвеобильный визирь сейчасъ же захлопалъ терликами по направленiю къ извѣстному домику старушки съ тѣмъ, чтобы на этотъ разъ заставить во чтобы ни стало прелестную одалычку свою развестись съ мужемъ. По расчетамъ его мутевели только послѣ вечерней могъ бы быть принятъ Крымъ-гиреемъ и навѣрно останется во дворцѣ нѣсколько часовъ; но къ несчастiю расчеты эти оказались ошибочными.

Ханъ успѣлъ переговорить съ Абдуразакъ-эфендіемъ гораздо раньше начатія намаза и обѣщалъ ему высокое положеніе при сералѣ на случай, если ему удастся заставить жителей Бахчисарая, Ахмечета и другихъ городовъ просить султана о предоставленіи ханству полной независимости помимо его.

Мутевели обѣщалъ дать отвѣтъ чрезъ 24 часа, такъ какъ не чувствовалъ къ этому ни малѣйшей охоты и при томъ страшно возмущался словами Хасымъ-аги, произнесенными въ его дворѣ, считавшемся въ его глазахъ самымъ честнѣйшимъ со времени основанія въ немъ юрта.

„Не можетъ быть, чтобы этотъ кривоногій шейтанъ сказалъ эти слова безъ надобности — думалъ благочестивый мусульманинъ. Я знаю хорошо этого пупта (ублюдка) и увѣренъ, что онъ не пощадитъ чести родной сестры. Ну, Хасымъ, горе тебѣ, если ты затѣваешь противъ меня что-нибудь дурное. Я давно желаю очистить наше общество отъ тебя гнуснаго человѣка, да не имѣлъ основательнаго повода.

Съ этими мыслями мутевели вошелъ въ свой чистый отъ всякія скверны дворъ и ужасно изумился когда узналъ, что благовоспитанная супруга его находится въ отсутствіи.

— Куда же она ушла? спросилъ онъ тихимъ и спокойнымъ тономъ.

— Кажется, къ бабушкѣ—отвѣчали ему.

Мутевели готовъ былъ довольствоваться этимъ, но вдругъ точно кто-то ударилъ его въ шею и заставилъ выйти со двора.

Абдуразакъ-эфенди явился къ дверямъ акушерки въ то самое время, когда подруга жизни его, покончивъ нѣжныя рѣчи съ министромъ, вышла на улицу.

Благочестивый мужъ не дерзнулъ входить съ нею въ переговоры на публичномъ мѣстѣ и ограничился сопровожденіемъ издали. За ближайшимъ угломъ онъ остановился, чтобы откашляться и очистить носъ, но въ эту минуту какъ-то нечаянно замѣтилъ, что изъ той же калитки, откуда вышла добродѣтельная жена его, быстро выскочилъ Хасымъ-ага и какъ волкъ скрылся въ противоположномъ переулкѣ.

„Ну, теперь все ясно стало предо мною — сказалъ громко мутевели — посмотримъ, какое оправданіе предложатъ намъ преступники, подлежащіе смертной казни?

XVII.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, въ теченіи которыхъ Крымъ-гирей рѣшительно никуда не выходилъ изъ дворца: Далира одна замѣнила ему всѣ наслажденія и всѣхъ совѣтниковъ. Съ нею одною онъ совѣтовался по управленію дѣлами царства, съ нею онъ обѣдалъ, съ нею дышалъ однимъ воздухомъ и упивался ея очаровательными пѣснями, содержаніе которыхъ она переводила ему, какъ могла.

— Чтобы было со мною, еслибъ тебя не было около меня? спросилъ однажды ханъ, лаская локоны Далиры, только что окончившей переводъ какой-то исторической статьи.

— Ты былъ бы также счастливъ, какъ и теперь—отвѣчала Марія—но только иначе и съ другими женщинами менѣе прихотливыми, чѣмъ я.

— Я не думаю о женщинахъ съ того времени, когда убѣдился, что лучшее украшеніе ихъ составляетъ дружба и разумное пониманіе жизни. Подумай ты сама: могутъ ли всѣ женщины Азіи быть для меня такими помощниками, какъ ты? Ты въ одинъ мѣсяцъ научилась читать и писать по-татарски ради меня, ты умѣніемъ своимъ замѣняешь двухъ министровъ, ты оживляешь меня и вдобавокъ находишь время для руководства дѣлами ханъ сарая, не выходя изъ своихъ комнатъ. Ты христіанка, а между тѣмъ такъ любима всѣми, какъ не любили ни одну женщину въ дворцахъ.

Воображаю, въ какое изумленіе пришелъ бы покойный Хасымъ-ага, если онъ могъ выйти изъ могилы и увидѣть, что молодая женщина изъ за стѣнъ дворца управляетъ цѣлымъ ханствомъ безъ всякой суеты и неудовольствій.

— Онъ навѣрно осудилъ бы меня за тѣ громадные долги, которые сдѣланы тобою ради крайнихъ необходимостей.

— Не думаю, потому что Хасымъ во первымъ призналъ бы за тобою право получать жалованье за двухъ визирей, котораго ты не берешь у меня и наконецъ онъ сознаръ бы, что все устроенное и заведенное тобою при дворцѣ сдѣлано въ честь и славу ханства.

— Ты очень добръ Крымъ-гирей и забываешь какое количество золота и драгоцѣнныхъ камней я отправила въ мое отечество для воспитанія сиротъ.

— Это такія мелочи, о которыхъ не стоитъ говорить. Всѣ онѣ не стоятъ одной изъ твоихъ улыбокъ. Мнѣ извѣстно только одно, что я никогда не въ состояніи буду вознаградить тебя такимъ образомъ, чтобы расквитаться за тѣ жертвы, которыя ты принесла ради меня. О, прекрасная Далира, я очень бѣденъ и слишкомъ ничтоженъ, чтобы сдѣлать тебя самостоятельною царицею. А какъ бы мнѣ желательно было завѣщать твоему сыну престолъ!

— Къ чему ты говоришь мнѣ все это, тогда какъ я могу прожить въ тишинѣ и спокойствіи. Все, что я дѣлаю теперь—это дѣлается единственно для тебя, моего друга. Когда-же ты выгонишь меня изъ ханства твоего, я намѣрена удалиться въ *текіэ* (монастырь) и просить Бога о дарованіи тебѣ благоденствія.

— Тебя удалить изъ царства! вскрикнулъ гирей—да я не прожилъ-бы послѣ этого и трехъ дней. Неужели ты не чувствуешь, для кого и для чего я сижу теперь дома, когда собираются боевыя тучи и предстоитъ гроза? Неужели ты не убѣдилась еще, что твои взгляды дороже мнѣ громкой славы, что твой голосъ пріятнѣе побѣдныхъ криковъ, что твое дыханіе отраднѣе народныхъ привѣтствій и тріумфовъ?

— Я не сомнѣваюсь, ханъ, что ты предпочитаешь меня всѣмъ благамъ міра. Это отрадно для всякой женщины, но благоразумныя жены должны напоминать мужьямъ и про другія ихъ обязанности. Какъ хочешь, душа моя, а тебѣ надо показываться народу, войскамъ и избрать кого-нибудь на мѣсто Хасымъ-аги.

— Если это необходимо по твоему мнѣнію, то я постараюсь сдѣлать возможное. О, бѣдный Хасымъ эфенди, къ чему тебѣ было ухаживать за женою этаго без-

жалостнаго Абдуразака и заставлять меня искать на твое мѣсто другаго?

— А развѣ онъ ухаживалъ за чужими женами? спросила Далира.

— Это и довело его бѣдняка до преждевременной смерти.

— Но ты мнѣ говорилъ, что онъ умеръ отъ полнокровія.

— Я не хотѣлъ пугать тебя, моя нѣжная, варварскимъ поступкомъ мутевелія.

— Неужели твой министръ былъ убитъ?

— Онъ былъ утопленъ въ бассейнѣ воды при ханской мечети въ то время, когда совершалъ уду или омовеніе, чтобы чистымъ предстать къ молитвѣ, но кто его утопилъ, это сдѣлалось уже извѣстнымъ, когда нашли удавленными еще двухъ женщинъ, изъ которыхъ одна была женою Абдуразака, а другая городскою повивальною бабкою.

— И ты не наказалъ виновнаго?

— Онъ бѣжалъ въ Стамбулъ и навѣрно скрывается въ отдаленныхъ отъ столицы деревняхъ. Впрочемъ я далъ себѣ обѣтъ розыскать его и вздернуть на *дарагачь* (висѣлицу).

Вскорѣ послѣ этого разговора казнедаромъ приглашенъ былъ зажиточный и почтенный караимъ изъ чуфутъ-кале Веніяминъ-ага, обѣщавшій съ первыхъ-же дней улучшить финансовое положеніе гирея. И дѣйствительно, въ самое непродолжительное время въ ханской кассѣ завелось золото, но оно разобрано было гиреемъ на какія-то крайне необходимыя надобности и выслано съ нарочными въ Польшу при письмѣ Далиры.

При этой посылкѣ Марія имѣла чрезвычайно продолжительное совѣщаніе съ іезуитскимъ священникомъ и дала ему клятвенное обѣщаніе, что отнынѣ приступитъ къ ходатайству о разрѣшеніи построить имъ капеллу около ханскаго дворца и употребитъ все вліяніе свое на гирея, чтобы оградить христіанское богослуженіе отъ фанатизма улемовъ.

— Да продлитъ Господь твою власть, отвѣтилъ патеръ—на случай-же, если тебѣ встрѣтятся какія-либо

затрудненія, пиши мнѣ по прежнему и я не замедлю отвѣтомъ. А не знаешь-ли ты, когда пріѣдетъ изъ Турціи старшій сынъ гирея? Мнѣ чрезвычайно хотѣлось-бы захватить его въ наши сѣти.

— Крымъ гирей говорилъ мнѣ, что не раньше окончанія войны съ Россіею.

Въ тотъ-же день вечеромъ за ужиномъ повелитель Крыма имѣлъ продолжительный разговоръ съ муфтіемъ о желаніи предоставить священнику французскаго посланника права воздвигнуть церковь въ Бахчисараѣ.

— При всемъ моемъ желаніи согласиться съ тобою, султанымъ, я долженъ сказать, что церковь католическая уже однажды существовала въ твоей столицѣ и безпрестанно возбуждала ссоры и непріятности, потому что священники христіанскіе не довольствовались скромною долею гостей, а всегда домогались торжества и господства. Блаженъ тотъ часъ, когда храмъ ихъ уничтожили ихъ-же единовѣрцы во время нашествія Москова. Если-же мы снова дозволимъ имъ выставлять свою религію въ позолотѣ, они въ добавленіе повѣсятъ колокола, чтобы заглушать нашъ изанъ съ минаретовъ и доведутъ народъ до возмущенія.

— Ты, братъ мой, кажется, пересаливаешь нашъ пилафъ. Все сказанное тобою, тогда только можетъ случится, если мы откажемся отъ своихъ глазъ и ушей. Въ Россіи и Польшѣ всѣмъ мусульманамъ предоставляется строить мечети и исполнять религіозныя обязанности безъ всякихъ стѣсненій со стороны правительства. Я нахожу, что это очень справедливо съ ихъ стороны, а все что справедливо, то и законно для меня. Убѣжденный въ необходимости терпѣть свободу вѣроисповѣданій, я прошу тебя переговорить по этому предмету со всѣми мудерисами и хатипами и покончить это дѣло въ мѣсячный срокъ.

Сказавъ это, Крымъ-гирей серіозно взглянулъ въ глаза муфтія и кивнулъ ему головою въ знакъ того, что аудіенція окончена.

Муфтій вышелъ въ мрачномъ настроеніи и направился въ хонакъ настоятеля придворной мечети, чтобы по-

дѣлиться съ нимъ тяжелымъ чувствомъ и необходимостію уступить требованію повелителя.

— А ты не узналъ отъ гирея, кто болѣе другихъ домогается постройки церкви?

— Я положительно убѣжденъ, что онъ дѣйствуетъ подъ вліяніемъ своей Далира бикечь.

— Но вѣдь она по общему убѣжденію приняла нашъ святой исламъ.

— Это только говорятъ, но пока мы не имѣемъ достовѣрныхъ свѣдѣній. Допустимъ даже, что слухи эти справедливы, но какъ бывшая христіанка она всегда будетъ содѣйствовать христіанамъ.

— Чтожъ ты намѣренъ дѣлать? спросилъ озабоченный хатипъ.

— Я представлялъ хану всѣ основанія мои противъ этого, но онъ приказалъ, чтобы требованіе его было исполнено въ теченіи мѣсяца. Остается обдумать въ какихъ размѣрахъ слѣдуетъ дозволить гяурамъ пользоваться свободою богослуженія.

— Нѣтъ, эфендымъ, не то намъ слѣдуетъ обсуждать, потому что малѣйшая уступка христіанамъ грозитъ дурными послѣдствіями, а намъ необходимо вырвать нашего властителя изъ нѣжныхъ когтей тигра, поселившихся въ ханъ-сараѣ. Нашъ нѣкогда набожный гирей забылъ Аллаха и его домъ молитвы; забылъ про обязанности свои въ отношеніи къ подданнымъ; забылъ сотню тысячъ джигитовъ, выступившихъ противъ гяуровъ съ обнаженными саблями. Этого мало, онъ плюнулъ и растоптали всѣ почести, пріобрѣтаемыя на брани и будучи сильнымъ львомъ, подъ могущественнымъ вліяніемъ женскихъ глазъ, превратился въ кроткаго ягненка, безотчетно бѣгающаго за хозяиномъ. Ну, подумай ты самъ: возможно-ли намъ переносить такое униженіе хана и не окончится-ли все тѣмъ, что гяуры сдѣлаются нашими господами?

— Ты сообщилъ мнѣ подробности болѣзни, но не указалъ на средства исцѣленія.

— Единственное средство удалить волшебницу изъ ханъ-сарая.

— Это не въ нашихъ силахъ, любезный братъ мой.

Крымъ-гирей не изъ тѣхъ хановъ, которые позволятъ духовенству вмѣшиваться въ его семейныя дѣла.

— Но развѣ во имя пророка и правовѣрныхъ нельзя придумать другаго способа избавиться отъ непрошенной гостьи? Ты, какъ представитель улема, самъ поймешь, что мѣшкать не приходится и что всякія мѣры признаны будутъ аллахомъ за благія намѣренія съ нашей стороны.

— Какія-же, напримѣръ, ты избралъ-бы? спросилъ недальновидный муфти.

— Да мало-ли какія, ну, напримѣръ подослать къ красавицѣ какую-нибудь цыганку въ качествѣ ворожеи или знахарки, которая съумѣетъ угостить ее сулемою или чѣмъ-нибудь подобнымъ.

— Ты правъ, мой другъ. Приходи ко мнѣ завтра съ человѣкомъ знакомымъ съ такими цыганками и мы обсудимъ это дѣло: но помни, что если тайна наша сдѣлается извѣстна, то мы очутимся на дарагачѣ.

— Я приду къ тебѣ съ колдуномъ, отвѣчалъ хатипъ, проводивъ начальника своего за калитку.

Тѣмъ временемъ прибылъ изъ Стамбула и береговъ Дуная посланникъ отъ султана Мустафа и Ширинскаго бея съ неутѣшительными новостями и предложеніями о пріѣздѣ Крымъ гирея къ войскамъ.

— Поклонитесь отъ меня калифу и скажите, что я явлюсь къ моимъ подданнымъ тогда, когда мое присутствіе окажется необходимымъ, а до того времени я не тронусь съ мѣста. Затѣмъ, обращаясь къ посланному отъ Ширинскаго, онъ сказалъ: если твой господинъ не умѣетъ исполнять своей обязанности, то пусть передастъ санджакъ свой калгѣ султану и возвратится къ женамъ своимъ.

При всемъ этомъ гирей почувствовалъ однако, что приближается та минута, когда ему необходимо будетъ разлучиться на продолжительное время съ прелестною Далирою, которая съ каждымъ днемъ становилась для него дороже. Мысль о разлукѣ повергала его въ уныніе и раздражительность. Чтобы развлекать себя чѣмъ нибудь, онъ сосредоточилъ вниманіе свое на построй-

кахъ зеленой мечети, ротонды на кладбищѣ и пристройкахъ къ дворцу.

Однажды Крымъ гирей подошелъ къ не додѣланному фонтану и вспомнилъ, что обѣщалъ архитектору своеручно составить эскизъ. Подумавъ нѣсколько минутъ, ханъ рѣшился посовѣтоваться съ Далирою.

— Знаешь ли, бикечь, сказалъ онъ, зачѣмъ я пришелъ къ тебѣ не въ условленный часъ: мнѣ чрезвычайно хочется, чтобы и ты оставила въ этомъ дворцѣ какую-нибудь память о себѣ.

— Признаюсь откровенно, что и мнѣ самой не разъ являлось это желаніе, но что же я могу сдѣлать, какъ слабая женщина?

— Не пожелаешь ли, напримѣръ, составить рисунка для фонтана, который я приказалъ выстроить между мечетью и кладбищемъ?

— Ну, нѣтъ, я не люблю думать о надгробныхъ камняхъ при жизни, если же я умру въ твоемъ дворцѣ, то ты сдѣлаешь это лучше меня.

Гирей не настаивалъ, но ему представилась въ мысляхъ ужасная минута разлуки съ безподобною подругою и тѣ муки сердца, которыя онъ будетъ испытывать въ продолженіи всей жизни. Подъ вліяніемъ этой иллюзіи, ханъ вошелъ къ себѣ въ кабинетъ и начертилъ на бумагѣ вазу, изъ которой въ подобіи слезъ падала вода каплями. Принявъ это за основную идею, ему не трудно было придумать еще десятокъ вазочекъ, которыя, наполняясь отъ этихъ капель, одновременно испускали бы капли алмазныхъ слезъ одна въ другую до основанія доски.

Набросивъ на-скоро рисунокъ, гирей послалъ за главнымъ архитекторомъ и, разсказавъ ему, что желаетъ въ фонтанѣ этомъ представить подобіе человѣка, вѣчно плачущаго, поручилъ ему разработать детали и соотвѣтствующія украшенія.

— А что будетъ приказано сдѣлать надъ фонтаномъ? спросилъ турокъ.

— Я подумаю объ этомъ на свободѣ и передамъ тебѣ.

Пока искуснѣйшіе скульпторы высѣкали на громадномъ камнѣ эти вазочки или воображаемые родники

слезъ. муфти, съ хатипомъ придворной мечети убѣдились изъ словъ колдуна, что имъ суждено самимъ пророкомъ оказать великое благо ханству.

Конечно, это былъ отвѣтъ знахаря на ихъ категорическій вопросъ, сущность котораго не разъяснялась стороннему человѣку.

— Какой же день болѣе другихъ соотвѣтствуетъ добрымъ предпріятіямъ человѣка? спросилъ муфти.

— Тотъ, въ который ты родился.

— Но, если я не знаю дня моего рожденія?

— Въ такомъ случаѣ бери день рожденія нашего божественнаго ресюля (пророка).

Этихъ словъ было достаточно, чтобы вполнѣ успокоить фанатиковъ.

— Ну, теперь посылай за цыганкою, сказалъ муфти, когда вышелъ колдунъ, мы переговоримъ съ нею окончательно и выдадимъ задатокъ.

Часъ спустя приведена была пожилая женщина въ красномъ кафтанѣ съ массою польскихъ серебряныхъ монетъ на шеѣ.

— Присядь у порога, сказалъ хатипъ, указывая ей на край войлока, и слушай внимательно, что будетъ говорить тебѣ нашъ высокостепенный муфтій.

Цыганка молча повиновалась.

— *Алызъ* *), я пригласилъ тебя по одному очень важному государственному дѣлу, заговорилъ повелитель улемовъ, скажи мнѣ откровенно, съумѣешь ли ты сохранить въ тайнѣ отъ всѣхъ то, что мы потребуемъ отъ тебя.

— Это будетъ зависѣть отъ степени вашей щедрости.

— За вознагражденіемъ не станетъ дѣло.

— Въ такомъ случаѣ, я готова принять клятву на святомъ коранѣ.

— Хатипъ подай ей для поцѣлуя коранъ-озимпанъ и спроси сколько она возьметъ съ меня денегъ, чтобы спровадить съ лица земли одну гяурку?

Цыганка приложилась къ книгѣ не только губами, но лбомъ и глазами и отвѣчала:

*) Дѣвушка, дочь.

— За такія дѣла я потребую во первыхъ полный нарядъ изъ шамаладжи (шелковая матерія) для себя и дочери; во-вторыхъ одинъ большой войлокъ съ тремя шерстяными подушками и наконецъ, десять червонцевъ. Если вы найдете, что это большая плата, то я прошу выпустить меня и искать другихъ болѣе способныхъ слугъ.

— Я уже сказалъ, что за платою не будетъ остановки и чтобы доказать тебѣ мою щедрость въ дѣлахъ, относящихся до блага ханства, добавляю къ требованію твоему еще одинъ войлокъ и пять червонцевъ.

— Да вознаградитъ тебя Аллахъ! Теперь говори смѣло, что я должна дѣлать.

— Можешь ли ты войти въ гаремный садъ ханъ-сарая? спросилъ муфти.

— Это немножко трудненько безъ сторонней помощи.

— Какого рода тебѣ нужна помощь?

— Я ничего болѣе не требую, кромѣ пропуска въ дворъ ханъ-сарая и чтобы кто-нибудь пригласилъ меня ворожить.

— Это сдѣлаетъ хатипъ.

— Чтожъ слѣдуетъ дальше? спросила цыганка.

— Знаешь ли ты, что у хана есть одалычка гяурка?

— Это извѣстно всему Бахчисараю.

— Да будетъ же тебѣ извѣстно, что эта женщина такъ околдовала нашего повелителя, что онъ въ угоду ея желаетъ самъ сдѣлаться христіаниномъ и заставить насъ принять эту вѣру.

— Алла, Алла, развѣ возможно допустить такіе ужасы?

— Вотъ, вслѣдствіе чего я, какъ муфтій, вынужденъ поднять палецъ для защиты правовѣрныхъ и рѣшиться избавить хана отъ злаго шейтана.

— Понимаю теперь. Тебѣ нужна смерть, Далира бикечь?

— Одна жертва для цѣлаго народа не представляетъ ничего важнаго.

— А обѣщаешь ли ты молиться за меня, если я исполню твое желаніе?

— Пророкъ и безъ моей молитвы высоко оцѣнитъ твою услугу.

— Нечего дѣлать, давай задатокъ и скажи, когда я могу проникнуть въ дворъ ханъ-сарая.

Муфтій выбросилъ десять золотыхъ монетъ и нашедъ, что о дальнѣйшемъ долженъ озаботиться настоятель придворной мечети, удалился изъ комнаты.

— Приходи завтра предъ вечернею молитвою къ дверямъ мечети, заявилъ хатипъ послѣ минутнаго молчанія, я приготовлю человѣка, который введетъ тебя во дворъ и заставитъ ворожить всѣмъ придворнымъ служителямъ.

— И ты, конечно, постараешься помѣстить меня на такомъ мѣстѣ, чтобы Далира бикечь замѣтила меня?

— Я буду хлопотать, чтобы заинтересовать на первый разъ ея рабынь.

Цыганка махнула головою въ знакъ довольства, закурила трубку и выпила.

На слѣдующій день, въ условленный часъ она проходила мимо ханъ-сарайскихъ воротъ. Одинъ изъ стражей махнулъ ей рукою и ввелъ въ дворъ, гдѣ стояли группами каракалпаки и гвардейцы.

— Эй, джигиты! вскрикнулъ онъ, кто желаетъ знать свою будущность отъ молдаванской ворожеи?

Молодые люди сбѣжались и окружили сивиллу. Поднялся шумъ и смѣхъ.

Крымъ гирей въ это время стоялъ у окна и нѣжно разговаривалъ съ Далирою, которая обратила его вниманіе на происходящее на дворѣ.

— Что бы это значило? спросилъ ханъ у хапухалка.

— Къ намъ зашла ворожея, отвѣчалъ служитель.

— А ну, поди-ка, да разузнай смыслитъ ли она что-нибудь?

Хапухалкъ немедленно скрылся, а нѣсколько минутъ спустя донесъ повелителю, что гвардейцы поражены ясновидѣніемъ цыганки.

— Это не дурно позабавиться ею, сказалъ гирей, обращаясь къ подругѣ своей. Хочешь Далира поразспросить у нея о моей будущности?

— Пожалуй, если ты вѣришь въ пророчества нищихъ?

Крымъ гирей приказалъ привесть ворожею въ гарем-

ную бесѣдку и самъ предложилъ Далирѣ выйти къ ней.

Полька, которой также хотѣлось узнать, что-нибудь о будущности своей, выпросила у хана золотую монету и въ нѣсколько прыжковъ очутилась въ саду.

— Сюда, сюда! крикнула она, дѣлая знакъ цыганкѣ.

Сивилла подошла къ красавицѣ и начала разсматриваться ее съ особеннымъ вниманіемъ.

— Сколько тебѣ лѣтъ? спросила она.

— Ворожейки сами угадываютъ лѣта, отвѣчала Далира.

— Я боюсь повѣрить своимъ знаніямъ: буду ли я права, если скажу, что тебѣ 18 лѣтъ и 2 мѣсяца.

— Развѣ это не лучшій возрастъ женщины?

— Но въ эти лѣта дѣвушки ничего не требуютъ отъ обожателя своего кромѣ ласки, а твоя головка переполнена совершенно другаго рода желаніями.

— Чтожъ я буду дѣлать, если меня посѣщаютъ и стороннія мысли.

— А развѣ ты не въ состояніи отогнать ихъ?

— Къ чему принуждать себя къ однообразнымъ мыслямъ.

Цыганка вторично начала всматриваться въ свѣтлый взглядъ красавицы.

— Извѣстно ли тебѣ, что Крымъ гирей безумно любитъ тебя? спросила она.

— Еслибъ этого я не чувствовала, то давно бы уѣхала на родину.

— А знаешь ли, дитя мое, что излишняя любовь царей очень часто вредно отзывается. Женщины нравятся до тѣхъ поръ, пока онѣ молоды и прелестны, но какъ только заболѣютъ и чуть измѣнятся въ наружности и характерѣ, то ихъ начинаютъ не любить мущины. Тебѣ же предстоитъ очень продолжительная болѣзнь, если ты не выѣдешь изъ Бахчисарая въ продолженіи трехъ дней. Болѣзнь эта настолько измѣнитъ тебя, что ханъ вынужденъ будетъ найти другихъ утѣшительницъ и ты погибнешь въ скорби.

— Неужели я заболѣю? спросила Далира.

— Это неминуемо, хотя и есть средство облегчить твои страданія. Цыганка для подтвержденія сказаннаго вынула

изъ кармана бобы и, нашептавъ надъ ними, раскинула на землѣ.

— Да это неминуемо—повторила она—ты умрешь, если не выѣдешь домой завтра или послѣ завтра. Твоя болѣзнь начнется тоскою и головною болью и кончится ужасными страданіями, если сейчасъ же не пошлешь за мною.

— Ты мнѣ совѣтуешь выѣхать, но развѣ я властна это сдѣлать?

— Проси, умоляй хана. Неужели онъ сдѣланъ изъ камня, что не сжалится надъ твоими слезами?

— Но если я сама его люблю и не въ силахъ разлучиться съ нимъ?

— Тогда ты не минуешь предопредѣленія.

Далира погрузилась въ размышленіе.

— Нѣтъ—сказала она, минуту спустя—я не могу разстаться съ нимъ до того времени, пока онъ будетъ меня любить.

— Въ такомъ случаѣ позволь мнѣ подкурить тебя однимъ невиннымъ средствомъ, которое очень многихъ спасало отъ предстоящихъ болѣзней, но я это сдѣлаю съ тѣмъ условіемъ, что если ты въ теченіи трехъ дней почувствуешь себя не хорошо, то позовешь меня.

— Пожалуй подкури. Предосторожность не мѣшаетъ.

Цыганка вынула изъ кармана огниво, выкресала огонь и когда загорѣлась губка, положила на нее клочекъ желтой бумажной матеріи, повидимому, напитанной какимъ-то составомъ.

— Придвинься ко мнѣ и вдыхай въ себя этотъ дымъ—сказала она.

Далира безпрекословно повиновалась и терпѣливо вдыхала въ себя убійственный смрадъ въ продолженіи двухъ или трехъ минутъ, пока тряпица не истлѣла окончательно.

— Главное сдѣлано — сказала сивилла, отбрасывая горящій трутъ—теперь мы можемъ приступить къ второстепеннымъ вопросамъ. Желаешь ли ты узнать о твоихъ родныхъ и друзьяхъ?

Далира кивнула головою и взяла въ руку кусочекъ хлѣба, чтобы нашептать надъ нимъ свое желаніе.

Цыганка на этотъ разъ взглянула на нее съ видомъ состраданія и вновь раскинула бобы.

— Бѣдная, бѣдная старушка—произнесла она таинственнымъ голосомъ—какъ она убивается о своей дочери, какъ она усердно молится, чтобы еще хоть разъ прижать ее къ сердцу, а дочь и не думаетъ о несчастной. Ей снятся ужасные сны и она готова умереть отъ страданій.

— Довольно, довольно—прервала ее Далира. Поворожи мнѣ теперь о другомъ.

Сивилла вновь подала ей комокъ хлѣба и раскинула бобы.

— Тебя любитъ твой другъ до такой степени—сказала она—что готовъ принять твою религію и пожертвовать всѣмъ священнымъ для него, но вамъ предстоитъ въ скорости разлука; затѣмъ вы повстрѣчаетесь опять и кажется, не разлучитесь болѣе. Клянусь тебѣ, что слова мои сбудутся, если ты потребуешь, чтобы онъ торжественно назвалъ тебя своею женою.

— Спасибо, добрая женщина—отвѣчала Далира, подавая цыганкѣ червонецъ—я не забуду твоихъ словъ и пошлю при надобности за тобою, если ты скажешь гдѣ живешь и какъ тебя зовутъ.

— Я живу въ Салачикѣ и извѣстна подъ именемъ Гульсумъ-хапакъ—сказала сивилла, прося указать ей выходъ со дворца.

— Ну что намъ предсказала эта вѣдьма? спросилъ Крымъ-гирей, когда появилась предъ нимъ блѣдная Далира.

— Очень много дурнаго. Прежде всего она предсказала мнѣ смертельную болѣзнь, если я не выѣду въ теченіи трехъ дней изъ твоего ханства, затѣмъ для отвлеченія этой болѣзни подкурила меня какою-то тряпочкою, отъ запаха которой я не могу очнуться до настоящаго времени, а взаключеніе предсказала намъ разлуку, послѣ которой мы соединимся, чтобы не разлучаться болѣе.

— Всего вѣрнѣе послѣднее—отвѣчалъ ханъ — такъ какъ мнѣ предстоитъ еще хоть разъ навѣстить мои войска.

— Ахъ да! она совѣтовала мнѣ потребовать отъ

тебя, чтобы ты торжественно назвалъ меня своею женою.

— Совѣтъ этотъ я нахожу не дурнымъ и сегодня же прикажу сдѣлать его извѣстнымъ въ ханствѣ.

— Ну, а что если я, дѣйствительно, заболѣю и умру? сказала Далира, садясь на колѣна повелителя и обхватывая его шею рукою.

— Перестань говорить такія ужасныя вещи.

— Что же тутъ ужаснаго? смерть не разбираетъ ни молодости, ни старости.

— Перестань, я не хочу слышать про казнь свою!

— Неужели я такъ необходима для твоего благополучія?

— Ты такъ священна для меня—отвѣчалъ гирей—что еслибъ я лишился тебя, то отпраздновалъ бы смерть мою музыкою и веселыми пѣснями. Проще я считалъ бы величайшимъ благомъ тотъ моментъ, когда наши души соединились бы вмѣстѣ и за предѣлами земли.

Сказавъ это, ханъ обогнулъ станъ прелестной наложницы и крупныя слезы показались на щекахъ его.

— О, Далира? вскрикнулъ онъ—не можетъ быть, чтобы милостивый пророкъ нашъ пожелалъ наказать меня преждевременною разлукою съ тобою, потому что я свято исполнялъ всѣ заповѣди его и никогда не обидѣлъ невиннаго несправедливымъ судомъ. Нѣтъ ни одного человѣка, котораго я оскорбилъ бы словомъ или не выслушавъ его просьбы: нѣтъ ни одного, котораго я не приказалъ бы накормить и надѣлить деньгами. Всѣ высшія учебныя заведенія получили отъ меня вакуфы или надѣлы землею, я построилъ фонтаны, дороги, мечети, монастыри, обезпечилъ жизнь шейховъ, уважалъ улемовъ. Неужели за всѣ эти добрыя дѣла Аллахъ захочетъ наказать меня?

XVIII.

Не смотря на то, что Далира не принадлежала къ числу суевѣрныхъ женщинъ, у ней лежала на душѣ неизъяснимая тоска и полная апатія ко всему міру. Этого мало, ее поминутно тошнило и бросало въ жаръ.

„Проклятая цыганка—думала она — какъ непріятно

повляли на меня ея слова. Ужъ не сглазила ли она меня? о, святая Дѣва, не допусти рабу свою до болѣзни!

Къ вечеру, когда Крымъ-гирей пришелъ звать любимицу свою къ обѣду, Дилира объявила, что чувствуетъ какую-то неестественную дрожь въ ногахъ и не желаетъ принимать пищи.

— Ужъ не простудилась ли ты? спросилъ онъ заботливо—попробуй вспотѣть въ банѣ. Я всегда прибѣгаю въ такихъ случаяхъ къ теплотѣ.

Далира согласилась, но какъ только очутилась въ тепло натопленной комнатѣ, пошатнулась и упала на руки своей горничной. Когда ее вынесли и привели въ чувство, она потребовала возвратиться въ комнаты свои и легла въ постель.

Извѣщенный объ этомъ Крымъ-гирей немедленно послалъ за медикомъ своимъ, армяниномъ Киркоръ-агою, который, взглянувъ на больную, объявилъ необходимость выпустить изъ тѣла ея злую кровь.

Кровь была выпущена въ избыткѣ и больная спокойно заснула на колѣнѣ повелителя своего, который во все время не спускалъ съ ея блѣднаго лица своихъ влажныхъ глазъ. Около полуночи Далира пробудилась и попросила напиться. Ханъ своеручно подалъ ей сосудъ съ кисло-сладкимъ шербетомъ, который она употребляла обыкновенно.

— Ну какъ ты чувствуешь себя? спросилъ онъ заботливо.

— Мнѣ гораздо легче на груди, но побаливаетъ голова, а это, по мнѣнію ворожеи, должно послужить началомъ серьезной болѣзни.

— Твоя ворожея мерзавка. Она такъ много наговорила тебѣ страшныхъ вещей, что взволновала твою кровь.

— Я и сама возненавидѣла ее—отвѣчала Далира—но поневолѣ должна буду вторично пригласить.

— Ни за что, я не позволю ей войти въ твою комнату!

— Въ такомъ случаѣ я умру.

— Для чего же она тебѣ нужна, моя милая?

— Она предсказала мнѣ болѣзнь и потребовала не-

медленно послать за нею, когда я почувствую головную боль.

Ханъ не противорѣчилъ и, лаская руку больной, какъ-то неохотно отвѣчалъ:

— Пожалуй, но только ради самого Аллаха не дозволяй ей ворожбы.

Къ утру страданія прелестной дѣвушки до того усилились, что она не могла открыть глазъ.

Нарочно посланный привелъ цыганку.

— Ца, ца—прозвучала языкомъ ворожея, взглянувъ на блѣдное лицо своей жертвы—но мы имѣемъ еще время поправить бѣду.

Сказавъ это, цыганка вынула изъ кармана огниво и, снова добывъ огонь, обернула горящій трутъ въ рѣденькую тряпочку. Затѣмъ поднявъ больную, начала подкуривать ея тѣло. Чрезъ минуту она дала ей напиться какой-то воды и торжественно провозгласила, что первый припадокъ опасной болѣзни миновалъ.

И дѣйствительно, Далира сейчасъ же почувствовала какое-то пріятное спокойствіе въ организмѣ.

— Ахъ, какъ я тебѣ благодарна—прошептала она—но ты заявила, что миновалъ первый припадокъ, а развѣ мнѣ предстоитъ еще что-нибудь?

— Я не знаю навѣрно, дочь моя, подвергнешься-ли и ты вторичному припадку, но твоя болѣзнь обыкновенно трижды поражаетъ сердце и затѣмъ только оставляетъ человѣка. Къ сожалѣнію, я сегодня получила извѣстіе, что сынъ мой также заболѣлъ и должна поѣхать къ нему.

— Когда-же повторится второй припадокъ?

— Чрезъ два или три дня.

— Чтожъ я буду дѣлать безъ тебя?

— Если сынъ мой почувствуетъ себя лучше, я не замедлю возвратиться въ Бахчисарай, но если нѣтъ, то тебѣ предется искать другую знахарку.

— А развѣ ты не можешь оставить мнѣ на всякій случай твоихъ лекарствъ?

— Это я могу сдѣлать, сказала цыганка и, доставъ изъ другаго кармана тряпочку, пропитанную чѣмъ-то

блестящимъ и бѣлый порошокъ, подала ихъ очнувшейся красавицѣ.

— Пусть тряпочкой тебя подкурятъ, какъ я сдѣлала сейчасъ, сказала она—а пыль эту распустятъ въ водѣ и дадутъ выпить.

Далира подала знахаркѣ два червонца и вторично поблагодарила ее.

— Прощай, моя красавица, желаю тебѣ всего, чего ты просишь отъ Аллаха.

Часъ спустя Далира настолько чувствовала себя здоровою, что позавтракала съ ханомъ и нѣжно отшучивалась, когда онъ находилъ большую перемѣну въ ея глазахъ.

На слѣдующій день Далира, объявленная уже женою Крымъ гирея, требовала отъ супруга своего дозволить ей на случай малѣйшей опасности, грозившей ему, выѣхать во Францію и оставаться тамъ впредь до минованія бури.

— Я это сдѣлаю и безъ твоего ходатайства, отвѣчалъ онъ—потому что люблю тебя болѣе самого себя и никогда не допустилъ-бы, что-бы ты попала въ руки моихъ враговъ. Этого мало, я желалъ-бы отпустить тебя на родину твою, пока я буду находиться на полѣ битвы. Кто знаетъ, что можетъ случиться со мною на войнѣ?

— Когда-же ты собираешься въ походъ?

— Тогда, когда меня потребуетъ настоятельно султанъ или я самъ найду это крайне необходимымъ.

Марія тяжело вздохнула и молча опустила голову свою на плечо гирея.

Супруги не разставались весь этотъ день ни на минуту и каждый строилъ свои воздушные замки въ предположеніи, что предстоящая битва съ русскими измѣнитъ не легальное положеніе крымскаго хана и даруетъ ему самостоятельное положеніе. Далирѣ казалось, что тогда и она можетъ сдѣлаться извѣстною въ Европѣ и завести связи съ представительницами государствъ, которыхъ будетъ принимать у себя и сдѣлать имъ въ свою очередь визиты. Но къ несчастію ожившая красавица на третій день опять почувствовала тошноту и страшную головную боль.

— Горе мнѣ, сказала она, взявъ за руку друга своего, когда онъ вбѣжалъ въ ея комнату — я чувствую приближеніе смерти. Позови поскорѣе рабынь и прикажи имъ въ присутствіи своемъ окурить и напоить меня средствами, которыя уже однажды спасли меня.

Ханъ немедленно позвалъ дѣвушекъ и, дрожа всѣмъ тѣломъ, самъ приступилъ къ леченію свего кумира.

— Не пугайся, не пугайся, моя ненаглядная, твердилъ онъ—все пройдетъ сейчасъ, Аллахъ керимъ! Съ этими словами онъ всыпалъ порошокъ въ серебряную кружку и поднесъ къ губамъ Далиры.

Красавица съ жадностію выпила спасительный напитокъ до послѣдней капли и повисла на шеѣ Крымъ гирея. Но не прошло и десяти минутъ, какъ лицо ея побагровѣло, начались судорги и сперлось дыханіе.

— Боже, я погибла! вскрикнула она ужаснымъ голосомъ и прижалась къ повелителю своему съ такою силою, какъ-бы надѣялась укрыться отъ ангела смерти.

— Скорѣй, за лекарями! закричалъ ханъ и, схвативъ больную на руки, вынесъ на свѣжій воздухъ.

Нѣсколько минутъ спустя красавица испустила послѣднее дыханіе.

Гирей заскрежеталъ зубами, ахнулъ и, прижавшись къ теплымъ еще устамъ жены, зарычалъ, какъ смертельно раненный левъ,

Печальная вѣсть моментально распространилась по городу и всѣ первостепенные беи и мурзы собрались во дворецъ, чтобы утѣшить добраго повелителя своего, но гирей объявилъ, что не можетъ никого принимать и ровно 24 часа не отходилъ отъ милыхъ останковъ, такъ неожиданно погибшаго послѣдняго и самаго лучшаго своего друга.

„И къ чему мнѣ въ настоящее время жизнь? говорилъ онъ про себя. — О, какъ несправедливо поступилъ со мною пророкъ, лишая всѣхъ близкихъ сердцу и напоминавшихъ мою юность! Кто отнынѣ полюбитъ меня такъ нѣжно и пламенно, какъ эта божественная женщина? Гдѣ я могу найти что-нибудь, напоминающее ея сладкія рѣчи, ея ангельскій голосъ, который вѣчно будетъ отзываться въ моихъ ушахъ? Въ комъ я встрѣчу

улыбку, брызжущую ароматомъ цвѣтовъ? Кто согрѣетъ и оживитъ мою омертвѣвшую кровь? и ханъ припадалъ лицомъ къ подушкѣ, чтобы заглушить свои рыданія.

— Гдѣ приказано будетъ похоронить нашу дорогую бикечь-султанъ? рѣшился спросить Дервишъ у Крымъ гирея.

— Въ маленькой ротондѣ, которую она сама нашла удобною для могилы своей, отвѣчалъ ханъ—ту, которая за ханъ-сараемъ.

Похороны совершались противъ обыкновенія только на вторыя сутки.

Гирей не сопровождалъ тѣла, преданнаго погребенію по магометанскому обряду, но за то, когда всѣ заснули во дворцѣ, онъ нѣсколько часовъ провелъ надъ свѣжею могилою въ отчаянныхъ рыданіяхъ. Съ этого дня гирей переселился въ комнаты Далиры и въ мрачномъ раздумьи употреблялъ всѣ средства, чтобы радовать душу, скрывшуюся отъ него. Онъ щедро раздовалъ милостыню, приказалъ сдѣлать надпись въ зеленой мечети, чтобы всѣ, входящія въ оную, молились за нее и наконецъ, своеручно сдѣлалъ рисунокъ для фонтана слезъ, который напоминалъ-бы грядущимъ поколѣніямъ въ крестѣ незабвенную христіанку *). Однако всѣ эти мелочи не долго утѣшали Крымъ гирея, онъ начиналъ впадать въ меланхолію и жаждалъ смерти.

Въ одну изъ подобныхъ минутъ грусти ему доложили, что прибылъ отъ султана посланникъ съ чрезвычайными требованіями.

— Пусть онъ немедленно войдетъ, отвѣчалъ ханъ.

Именитый турецкій бей представился съ любезностями, но гирей молча протянулъ къ нему руку, взялъ письмо и безъ всякихъ установленныхъ церемоній вскрылъ его.

Султанъ Мустафа писалъ своеручно, требуя, чтобы повелитель Крымскихъ татаръ немедленно явился къ дѣйствующей арміи въ Бендеры, такъ какъ дѣла приняли дурное направленіе и требуютъ особеннаго вниманія.

---

*) Фонтанъ этотъ уже при нашемъ господствѣ въ Крыму перенесенъ со двора въ ту комнату, гдѣ онъ находится въ настоящее время.

— Поклонись отъ меня султану и скажи ему, что я завтра-же выѣзжаю изъ Бахчисарая туда, куда онъ требуетъ.

— Ты не находишь нужнымъ написать объ этомъ? спросилъ посланникъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ гирей, отворачиваясь отъ турка.

На другой день Крымъ-гирей гораздо раньше пробужденія своего именитаго гостя, простился съ придворными служителями и сопровождаемый нѣсколькими гвардейцами направился къ Оръ-хану. Все, что лично взято было ханомъ съ собою, это было маленькое золотое колечко, принадлежащее Далирѣ.

Въ тотъ-же день турецкій посланникъ возвратился въ Кезлевъ и направился въ Стамбулъ.

— Ну, гдѣ-же отвѣтъ Крымъ-гирея? спросилъ великій визирь, когда турецкій бей объявилъ, что исполнилъ миссію свою.

— Онъ приказалъ мнѣ на словахъ поклониться нашему великому падишаху и на другой-же день выѣхалъ на указанную позицію.

— Но развѣ возможна такая дерзость! вскрикнулъ визирь.

— Вѣроятно, ему все возможно, отвѣчалъ бей—потому что онъ вскрылъ письмо, не поцѣловавъ печати, и не удостоилъ даже меня, какъ посланника, ласковымъ словомъ: я стоялъ предъ нимъ какъ невольникъ и вышелъ по мановенію головы, какъ презрѣнный рабъ.

— Все это я сегодня-же сообщу султану, чтобы убѣдить его окончательно въ доносѣ Абдуразакъ эфендія, которому онъ приказывалъ взволновать противъ насъ татаръ. Нѣтъ, душа моя, на этотъ разъ мы постараемся избавиться отъ такихъ неблагородныхъ вассаловъ.

— Это крайне необходимо сдѣлать, пока мы не начали войны, отвѣчалъ бей—въ противномъ случаѣ Крымъ гирей перейдетъ къ русскимъ и силою добьется своихъ желаній.

Великій визирь, ненавидѣвшій Крымскаго хана, естественно, не могъ откладывать на-долго своей надежды сокрушить гирея и потому сейчасъ-же отправился къ калифу, предчувствовавшему, что война съ Россіею не

принесетъ ему ни пользы, ни славы, но необходима для чести государства. Султанъ въ послѣднее время также находился въ мрачномъ настроеніи духа и готовъ былъ сокрушить всѣхъ, которые осмѣлились-бы посягать на его неограниченныя права.

— Султанымъ, сказалъ онъ—ты до настоящаго времени считалъ меня не другомъ Крымъ-гирея и все, что я не говорилъ о дѣяніяхъ этого хана, считалъ выдумками не доброжелателей его; но сегодня возвратился изъ Бахчисарая твой посланникъ Хайрула-бей, котораго ханъ принялъ какъ невольника своего и не счелъ приличнымъ даже отвѣчать на твое письмо. Послѣ этого я не сомнѣваюсь, что этотъ дерзкій ханъ подготовилъ татаръ къ требованію отъ тебя независимости и рѣшился перейти на сторону гяуровъ, если ты не предоставишь ему добровольно того, чего онъ желаетъ.

— Какъ! онъ не удостоилъ насъ своимъ отвѣтомъ? спросилъ падишахъ съ изумленіемъ и на бронзовомъ лицѣ его показалось нѣсколько темныхъ пятенъ.

— Если ты не вѣришь мнѣ, падишахъ, то я прикажу явиться Хайрула бею засвидѣтельствовать мое донесеніе. Этого мало, я могу доказать тебѣ, что Крымъ гирей нынѣ находится между войсками своими, чтобы перевести ихъ на враждебную сторону.

— Чтожъ намъ остается дѣлать: не пообѣщать-ли ему независимость эту послѣ окончанія войны?

— Это будетъ ужасная и неисправимая ошибка, которая поведетъ къ вѣчной враждѣ два единородныхъ народа. Намъ ничего болѣе не остается, какъ отдѣлаться отъ этого хана, прежде чѣмъ грянетъ бой.

Султанъ началъ крутить свои усы.

— Ты говоришь, что онъ въ настоящее время находится при арміи, но развѣ эта армія позволитъ намъ какое-либо насиліе надъ любимымъ государемъ своимъ?

— Конечно, нѣтъ; но мы можемъ избавиться отъ него безъ всякаго насилія и смѣны съ престола.

— Я не понимаю тебя, визирь?

— Мы можемъ угостить его шербетомъ смерти.

Султанъ Мустафа погрузился въ размышленіе.

— Кѣмъ-же мы замѣнимъ его въ такую критическую минуту?

— У насъ находится подъ рукою его старшій сынъ Селимъ, который отъ всей души преданъ тебѣ. Этотъ принцъ вызываетъ общее расположеніе визирей и народа.

— А пользуется-ли онъ довѣріемъ татаръ?

— Татаре благоговѣютъ предъ нимъ.

— Въ такомъ случаѣ я разрѣшаю тебѣ дѣйствовать по своему усмотрѣнію, но Боже тебя сохрани, если ты поступишь не ловко.

— Я самъ поѣду туда, гдѣ находится ханъ, и съумѣю отдѣлаться отъ опаснаго человѣка.

Тѣмъ временемъ изнуренный душевными страданіями Крымъ-гирей прибылъ къ арміи своей, ожидавшей его, какъ появленіе солнца послѣ продолжительной холодной ночи. Всѣ беи, мурзы, сераскиры и другаго рода власти бросились къ нему съ привѣтствіями и криками восторга.

Ханъ какъ будто очнулся отъ ужаснаго кошмара при видѣ такой искренней, всеобщей преданности и въ первый разъ со дня смерти Далиры почувствовалъ, что есть еще люди, готовые любить его.

Почти одновременно съ нимъ прибылъ въ Бендеры и великій визирь, къ которому не замедлили представить русскаго шпіона, пойманнаго около ханской резиденціи.

— Признайся мнѣ откровенно, сказалъ визирь — что побудило тебя прокрадываться къ жилищу Крымъ гирея?

— Личная ненависть, отвѣчалъ Бурлай—этотъ ханъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ убилъ жену мою подъ крѣпостью св. Елисаветы и я поклялся отомстить ему.

— Такъ ты не шпіонъ? спросилъ вторично турокъ.

— Я никогда имъ не былъ, потому что не интересовался никогда ничѣмъ кромѣ ненавистнымъ человѣкомъ, и выжидалъ его пріѣзда въ продолженіи четырехъ мѣсяцевъ.

— Чѣмъ-же ты занимался въ здѣшнемъ городѣ?

— Я назвалъ себя медикомъ и пользовалъ тѣхъ, которые обращались ко мнѣ за врачебнымъ пособіемъ.

— Чтожъ ты желалъ сдѣлать хану?

— Я хотѣлъ убить его такъ, какъ онъ убилъ мою жену, и затѣмъ возвратиться въ отечество.

— Я сегодня-же провѣрю твое заявленіе, сказалъ визирь—если оно окажется справедливымъ, то ты отмстишь злодѣю; если же ты солгалъ, то я представлю Крымъ гирею разсчитаться съ тобою.

Все сказанное Бурлаемъ, оказалось не подлежащимъ сомнѣнію.

Когда убѣдился въ этомъ великій визирь, онъ приказалъ привести къ себѣ плѣнника и, предоставивъ ему свободу, спросилъ, какимъ образомъ онъ надѣется расплатиться съ ханомъ, не подвергая себя вторичной опасности быть арестованнымъ?

— Я ни о чемъ не думаю, эфенди, отвѣчалъ Бурлай, какъ только о смерти хана.

— А знаешь ли, что и я прибылъ сюда съ тою-же цѣлью мести, но мнѣ предстоитъ дѣйствовать съ большою осмотрительностію.—Не пожелаешь ли ты сдѣлаться со мною временнымъ пріятелемъ, чтобы вѣрнѣе достигнуть нашего общаго желанія?

— Не только съ тобою, визирь, но даже съ чертомъ я не прочь познакомиться.

— Въ такомъ случаѣ оставайся при мнѣ въ качествѣ моего медика и мы на свободѣ обдумаемъ, какъ лучше достигнуть цѣли.

Нѣсколько дней спустя великій визирь посѣтилъ Крымъ гирея.

— О, Аллахъ, какъ ты постарѣлъ и измѣнился, вскрикнулъ турокъ, за эти два послѣдніе года.

— Я боленъ, отвѣчалъ ханъ, отъ несчастій, преслѣдовавшихъ меня.

— Напротивъ, султанъ и всѣ визири завидуютъ благоволенію къ тебѣ судьбы. Ты прослылъ въ мірѣ героемъ и навѣрно сдѣлаешь чудеса при предстоящемъ столкновеніи съ гяурами.

— Слава меня меньше интересуетъ въ сравненіи съ душевнымъ покоемъ, но то, чего мы желаемъ, то всегда не дается намъ, хотя и кажется для другихъ ничтож-

нымъ желаніемъ. О, Аллахъ, да будетъ надо мною святая твоя власть.

— Если ты, дѣйствительно, боленъ, сказалъ визирь, то я съ особеннымъ удовольствіемъ прикажу осмотрѣть тебя моему постоянному лекарю, который прославился въ Стамбулѣ своими удивительными средствами.

— Я не боюсь смерти и признаться ожидаю ее, какъ великаго блага, но меня ужасно безпокоитъ кашель, отъ котораго я желалъ бы избавиться настолько, чтобы спать покойно въ теченіи ночи. Спроси твоего медика, не можетъ ли онъ помочь мнѣ только въ этомъ?

— Очень хорошо и если онъ найдетъ возможнымъ оказать тебѣ содѣйствіе, то я лично доставлю его къ твоему порогу.

На слѣдующій день Крымъ гирей самъ навѣстилъ великаго визиря и первый заговорилъ о чудномъ медикѣ.

— Я прикажу пригласить его, отвѣчалъ визирь и сказалъ нѣсколько словъ стоящему у дверей чубукчію.

Въ комнату вошелъ молодой человѣкъ въ національномъ греческомъ костюмѣ и привѣтливо приложилъ руку къ сердцу и устамъ.

— Сиропуло! сказалъ визирь, мой высокоименитый гость Крымъ гирей ханъ съ нѣкотораго времени ужасно страдаетъ кашлемъ и проситъ тебя оказать ему помощь настолько, чтобы онъ спалъ спокойно по ночамъ.

— Если свѣтлѣйшій ханъ позволитъ мнѣ осмотрѣть его, то я употреблю всѣ усилія мои возстановить его здоровье, отвѣчалъ русый грекъ.

— Да, я буду очень благодаренъ тебѣ, сказалъ ханъ.

— Мнимый Сиропуло приблизился къ гирею, осмотрѣлъ его глаза, пощупалъ тѣло, понюхалъ дыханіе и погрузился въ раздумье.

— Ну, что ты думаешь? спросилъ великій визирь.

— Болѣзнь не важная, но чрезвычайно упорная. Она можетъ продолжаться нѣсколько лѣтъ, если не будутъ приняты во время мѣры. Если свѣтлѣйшій повелитель Крымскаго ханства пожелаетъ принимать мои лекарства, то я съ завтрашняго дня приступлю къ леченію.

— Могу ли я отказаться отъ услугъ человѣка, желаю-

щаго мнѣ блага, сказалъ гирей, пожалуйста. пріѣзжай и распоряжайся моимъ тѣломъ, какъ знаешь.

Сказавъ это, Крымъ гирей разстался съ представителемъ власти Турецкаго султана.

— Доволенъ ли ты мною? спросилъ визирь, обращаясь къ Бурлаю.

— Еще бы, ты снабдилъ меня самымъ вѣрнымъ оружіемъ и оградилъ отъ опасностей. Но я, да будетъ тебѣ извѣстно, не вдругъ приступлю къ яду, а постараюсь предварительно оказать ему маленькую помощь, иначе и тебя, и меня сочтутъ за убійцъ. Мнѣ извѣстны нѣкоторыя травы, которыя благодѣтельно дѣйствуютъ противъ капля.

— Ты, повидимому, не дуракъ, отвѣчалъ визирь, и могъ бы получить отличное содержаніе въ Стамбулѣ, еслибъ пожелалъ сдѣлаться мусульманиномъ.

— Нѣтъ, почтеннѣйшій визирь, я ни къ чему не способенъ кромѣ хлѣбопашества, а потому и не доискиваюсь ничего болѣе. Когда Крымъ гирей умретъ отъ моей руки, ты награди меня только видомъ на свободный проѣздъ въ мою деревню, гдѣ я оставилъ престарѣлыхъ родителей и маленькую дочь, ежедневно призывающую свою мать, невинно убитую безжалостнымъ ханомъ.

— Твой видъ на проѣздъ въ Польшу я прикажу сегодня же приготовить.

Бурлай, разставшись съ великимъ визиремъ, немедленно занялся приготовленіемъ какого-то отвара травъ и, не смотря на позднее время, отправился съ нимъ къ Крымскому хану.

— Принимай этотъ настой, сказалъ онъ. пока не заснешь, а завтра я принесу другое болѣе дѣйствительное средство.

Крымъ гирей исполнилъ его приказаніе и послѣ полуночи заснулъ.

Послѣдующее средство оказалось болѣе благодѣтельнымъ и окончательно убѣдило хана, что медикъ этотъ излечитъ его.

Недѣлю спустя Бурлай принесъ хану послѣднее лекарство, которое должно окончательно излечить его и потребовалъ выпить въ присутствіи своемъ.

Гирей безъ малѣйшаго возраженія повиновался. Но не прошло и часа, какъ онъ почувствовалъ нестерпимую боль въ желудкѣ и судороги по всему тѣлу.

Испуганный Дервишъ немедленно послалъ за медикомъ.

— Ну, теперь прощай, сказалъ Бурлай великому визирю, мы достигли нашей цѣли. Надѣюсь, что ты дашь мнѣ пропускной билетъ.

Визирь съ самодовольною улыбкою подалъ ему паспортъ и, похлопавъ по плечу, пожелалъ счастливаго пути.

Бурлай вскочилъ на коня и направился къ паціенту своему, который изнемогалъ въ страшныхъ конвульсіяхъ. Выславъ изъ комнаты всѣхъ слугъ и приближенныхъ, бывшій атаманъ шайки казаковъ приблизился къ ложу повелителя и сказалъ ему:

— Ты отравленъ ханъ тою женщиною, которую убилъ своеручно подъ крѣпостію св. Елисаветы. Помни, что я ея мужъ и тотъ самый Бурлай, который отмстилъ и сыну твоему за то, что онъ хотѣлъ убить меня какъ собаку ради того, чтобы показать свое умѣнье стрѣлять изъ лука. Теперь мы расквитались и да проститъ тебѣ Аллахъ твои прегрѣшенія. Если ты хочешь прожить еще нѣсколько часовъ, то прикажи опустить себя въ теплую воду и пей парное молоко.

Казакъ повернулся и изчезъ.

„И такъ, наконецъ и я умираю, пронеслась мысль въ головѣ Крымъ гирея, о Далира, Далира, мы снова будемъ вмѣстѣ! Чего же мнѣ больше желать, какъ не радоваться. Дервишъ, Дервишъ! закричалъ гирей.

Преданный слуга явился.

— Скорѣй пригласи ко мнѣ весь хоръ турецкихъ музыкантовъ, которые живутъ за нами и прикажи имъ играть до тѣхъ поръ, пока я не усну. Бѣги же, братъ мой, чтобы не лишить меня послѣдняго земнаго наслажденія.

Дервишъ исчезъ и вскорѣ послѣ этого раздались звуки музыки подъ окнами умирающаго хана. Въ комнату гирея вбѣжалъ Ширинскій бей, Калга-султанъ, Нуридинъ и многіе военоначальники и начали заботливо ухаживать за повелителемъ своимъ.

— Друзья мои, проговорилъ тихо Крымъ гирей, все кончено, я перехожу въ другой міръ, гдѣ надѣюсь на лучшія удовольствія. Скажите сыновьямъ моимъ, чтобы они перевезли мой прахъ на наше кладбище и не довѣрялись бы, подобно мнѣ, турецкимъ визирямъ. Попросите ихъ заплатить мои долги и почаще молиться за мою грѣшную душу....

Сказавъ это, гирей, не смотря на видимыя страданія, началъ махать слабою рукою подъ тактъ музыки и махалъ до той минуты, пока эта рука повисла, какъ сокрушенная ударомъ меча. Крымъ гирей умеръ подъ очаровательные звуки музыки съ улыбкою на устахъ.

На другой же день тѣло его отправлено было въ Бахчисарай и похоронено на прадѣдовскомъ кладбищѣ. Хатипъ придворной мечети Эдинъ эфенди, предавъ его погребенію, своеручно написалъ на мавзолеѣ великаго хана, „что глаза голубаго неба Крыма не видали равнаго этому гирею" и въ заключеніе добавилъ: да царствуешь ты, Крымъ гирей, въ вѣчности".

Такъ окончилъ жизнь свою одинъ изъ лучшихъ и образованныхъ гиреевъ Тавриды, послѣ котораго графъ Румянцевъ нанесъ страшное пораженіе съ ничтожными силами громадной турецкой арміи при рѣкѣ Кагулѣ и въ тоже время отразилъ 100 т. татаръ, угрожавшихъ съ тыла его 17 т. корпусу; тѣмъ временемъ графъ Орловъ завоевалъ всю почти Морею и распространилъ ужасъ по всѣмъ островамъ Архипелага, а въ заключеніе князь Долгорукій ворвался въ Крымъ и, поправъ вражью силу, удостоился украсить свое имя титломъ „Крымскаго".

Великая борьба эта кончилась раздѣломъ Польши и тѣмъ, что Россія пріобрѣла Кинбургъ, Очаковъ, Азовъ, Еникале и малую Кабарду. Крымскіе же и Кубанскіе татаре достигли той независимости, за идею которой погибъ преждевременно несчастный Крымъ гирей ханъ.

ПОСЛѢДНІЙ ХАНЪ КРЫМА

ШАГИНЪ-ГИРЕЙ.

ПОСЛѢДНІЙ ХАНЪ КРЫМА
ШАГИНЪ-ГИРЕЙ.

(Историческій разсказъ).

Надъ Бахчисарайскимъ ущельемъ лежалъ густой пеленою сѣрый туманъ и располагалъ обитатетей столицы Крымскаго ханства къ невеселымъ мечтамъ. Къ всеобщему удовольствію въ этотъ вечеръ во всѣхъ почти городскихъ кухняхъ слышалось отрадное журчаніе овечьяго сала, въ которое бросались восхитительныя лепешки, предназначенныя для поминовенія усопшихъ. Лепешки эти, по мѣрѣ готовности, складывались въ мѣдные саганы съ крышками и бѣгомъ разносились дѣтьми въ сосѣдніе дворы. Благочестивыя хозяйки, получившія это приношеніе, считали священнымъ долгомъ положить взамѣнъ въ мѣдную тарелку свои *хыйгачи* *), чтобы сподобиться равномѣрныхъ милостей у пророка. Только одни нищіе избавлялись отъ этого религіознаго постановленія въ день намаза по усопшимъ и безвозмездно принимали дары.

Хыйгача и теперь считается у Крымскихъ татаръ такимъ же лакомствомъ какъ у насъ лучшія тѣстяныя изобрѣтенія. Она мягка, вздута, но главное пропитана любимымъ курдючнымъ саломъ, которое, по мнѣнію мусульманъ, было и будетъ роскошнымъ и сытнѣйшимъ блюдомъ для всѣхъ разумныхъ тварей, населяющихъ вселенную.

„Мнѣ ничего не нужно для того, чтобы прожить счастливо. скажетъ вамъ татаринъ, кромѣ бараньяго сала и муки“.

---

*) Татарское названіе лепешекъ.

И онъ скажетъ совершенную правду, потому что изъ этихъ двухъ предметовъ жена его пригоготовитъ ему сотню разнообразныхъ блюдъ, которыя не хуже дорогихъ соусовъ улягутся въ его желудкѣ и выполнятъ свое назначеніе.

Но, къ сожалѣнію, масло и муку не суждено человѣку выгребать изъ земли, а покупать не всякому представляется возможность. Соображая послѣднее, заботливое магометанское духовенство придумало установить нѣсколько намазныхъ вечеровъ въ году съ цѣлью снабженія бѣдныхъ единовѣрцевъ готовыми хыйгачами за упокой души родителей и присоединило къ этому воздавать благодарность собакамъ за то, что будто это животное во время какого-то всемірнаго переворота сберегло во рту своемъ пшеничныя зерна. За подвигъ этотъ каждая хозяйка обязывается первую хыйгача поднести другу двора своего и напомнить ему о благодарности людей къ предкамъ его.

Если подобныя милости растощались въ этотъ туманный вечеръ даже въ хатахъ небогатыхъ людей, то что дѣлалось въ ханскомъ дворцѣ, хозяинъ котораго долженъ былъ служить образцомъ милостей и сочувствія къ бѣднымъ единовѣрнымъ подданнымъ?

Чувства эти выражены были слѣдующимъ образомъ: предъ воротами ханъ-сарая въ громадномъ котлѣ три повара лепили и вынимали лепешки, которыя бросали на круглый низенькій столъ, окруженный толпою цыганокъ и оборванныхъ дѣтей. Эти голодные люди съ неимовѣрною ловкостью набрасывались на даровое угощеніе, но ни одна лепешка не доставалась въ цѣлости тому, кто первымъ хваталъ ее, она рвалась и разлеталась по клочкамъ при смѣхѣ, крикахъ и ругательствахъ.

Картиною этою любовался изъ окна Шагинъ-гирей султанъ, *) родной братъ царствующаго хана, который не смотря на ужасную тоску, гнетущую его съ утра, хототалъ во все горло отъ выходокъ цыганчука, всегда почти выбивавшаго лепешку изъ рукъ пожилой женщины

*) Члены ханской семьи обыкновенно величались султанами.

съ звѣрскою физіономіею, которая награждала шалуна тумаками и снова обращалась къ плодотворному столу.

Въ эту минуту къ Шагину вошелъ искренній другъ его Меметъ-ага Балатуковъ.

— Непріятныя новости, сказалъ онъ, положивъ ему руку на плечо, русская царица требуетъ настоятельно отъ брата твоего, Сагибъ-гирей-хана, аманатовъ.

— Будь я на мѣстѣ ея, тоже самое потребовалъ бы. Наши мурзы такъ непочтительно дѣйствуютъ противъ Россіи, что рано или поздно заставятъ эту могущественную страну завоевать наше ханство не ради славы и выгодъ своихъ, но ради того, чтобы обезпечить спокойствіе на южныхъ окраинахъ своихъ. Братъ мой въ послѣднее время настолько началъ нѣжничать съ подданными, что навѣрно они сбросятъ его съ престола. Онъ не обращаетъ даже вниманія на выходки Девлетъ-гирея, давно ужъ прокладывающаго себѣ дорогу къ господству. Ну, если мнѣ когда-нибудь придется царствовать въ Крыму, я сотру въ муку весь родъ Ширинскихъ со всею ихъ партіею мурзъ. Эти негодяи присвоили себѣ такое право распоряжаться судьбами нашего царства, точно оно было завоевано ихъ предками. Пользуясь турецкимъ санджакомъ, они обманываютъ татаръ, увѣряя ихъ въ святости этого значка, будто бы наслѣдованнаго отъ первыхъ калифовъ и дружатъ съ турецкими визирями съ единственною цѣлью, чтобы держать насъ, законныхъ властителей ханства, въ оглобляхъ своей мажары.

— Все это давно мнѣ извѣстно, отвѣчалъ Балатуковъ со вздохомъ, но я теперь ужасно боюсь, чтобы тебя не отправили въ Россію въ качествѣ аманата.

— Если братъ мой сдѣлаетъ эту глупость, то его, послѣ моего выѣзда, чрезъ недѣлю выгонятъ изъ ханъ-сераля.

— Это непремѣнно случится, если ты не примешь надлежащихъ мѣръ.

— Нѣтъ, я не буду больше совѣтовать ему ничего, потому что онъ, благодаря врагамъ моимъ, успѣвшимъ проникнуть въ его душу, воображаетъ, что я самъ хочу смѣнить его. Если мнѣ суждено царствовать, то это совершится безъ всякихъ замысловъ; если же ему пред-

назначено Аллахомъ потерять свое достоинство, то ни я и никто другой не отвратитъ этого удара судьбы. Объ одномъ только прошу тебя, Меметь-ага, попроси Батыра, Темира и другихъ друзей, чтобы они не прекращали со мною переписки и подробно сообщали о томъ, что будетъ дѣлаться въ Бахчисараѣ и какія мѣры будутъ предпринимаемы турецкимъ правительствомъ, чтобы возстановить свои первобытныя права на наше ханство.

— Которыхъ никогда не достигнутъ, прибавилъ мурза.

— Кто знаетъ? Турки очень тверды въ религіи и дерутся съ убѣжденіемъ, что Аллахъ предназначилъ имъ господство надъ цѣлымъ міромъ. Имъ не достаетъ только хорошихъ начальниковъ.

Въ это время одинъ изъ аякъ-хаповъ (придверниковъ) ввелъ въ комнату русскаго посла.

— Ну, какъ тебѣ понравился нашъ городъ? спросилъ Шагинъ, усаживая гостя около себя.

— Я не видѣлъ еще ничего и жду, чтобы твоя милость показала мнѣ все достопримѣчательное. Вѣдь ты самъ обѣщалъ мнѣ это.

— Обѣщаніе свое я сдержу, но смотри съ условіемъ, что когда мнѣ придется жить во Петербургѣ, то и ты будешь моимъ руководителемъ.

— Какъ, развѣ тебя назначаетъ ханъ аманатомъ?

— Пока я ничего не знаю, но нѣтъ сомнѣнія, что братъ мой, подъ вліяніемъ Девлетъ-гирея и Ширинскаго бея, назначитъ меня.

— А еще кого другаго, потому что императрица требуетъ двухъ заложниковъ.

Безъ сомнѣнія, одного изъ такихъ же какъ и я, потеря котораго послужила бы облегченіемъ для противоположной партіи.

— А не будешь ли ты тосковать по родинѣ? спросилъ посолъ.

— Напротивъ, я буду день и ночь учиться вашимъ порядкамъ и знаніямъ, чтобы по возвращеніи въ отечество подвинуть его хоть немного впередъ и ознакомить съ европейскимъ приличіемъ. Пора уже подумать объ этомъ Крымскимъ ханамъ, въ противномъ случаѣ насъ признаютъ дикарями и лишатъ самостоятельности.

Сказавъ это, Шагинъ-гирей вновь подошелъ къ окну и такъ наивно смѣялся надъ ловкостью цыганенка, не прекращавшаго борьбы съ жадною женщиною, что заставилъ приблизиться къ нему посланника.

— Полюбуйся, какая въ этомъ чертёнкѣ быстрота въ движеніяхъ, сказалъ принцъ. Жаль, что онъ происходитъ отъ поганаго племени, а такого молодца не дурно держать при себѣ,

— Возьми его съ собою въ Россію и онъ передѣлается.

— Неужели братъ Крымскаго хана явится къ русской царицѣ съ жалкимъ цыганомъ?

— У насъ въ большомъ почетѣ черная раса и отъ этого твое значеніе нисколько не пострадаетъ. Признаться, я охотно взялъ бы его, еслибъ онъ изъявилъ согласіе ѣхать со мною.

— Хочешь я переговорю съ нимъ?

— Пожалуй.

Шагинъ-гирей приказалъ придвернику привести отважнаго мальчика.

Цыганенокъ, выслушавъ приказаніе, не иначе отошелъ отъ стола, пока завладѣлъ цѣлою катламою и ударилъ ею по лицу свою противницу.

— Ты говоришь, меня зовутъ въ ханъ-сарай—спросилъ онъ, глотая лепешку. Но кому я нуженъ въ такое время, когда люди занимаются ѣдою?

— Тебя желаетъ видѣть Шагинъ-гирей султанъ—сказалъ придверникъ.

— Ну, это другаго рода дѣло. Ради Шагина *) можно проголодать одну ночь. Идемъ же скорѣе, авось я успѣю еще возвратиться. Сегодняшнія хыйгачи показались мнѣ очень вкусными. Не будь этой проклятой вѣдьмы Мехбубе, я успѣлъ-бы набить кувшинъ живота моего до горла, а то уперлась впереди точно чуфуткальская скала!

Цыганенокъ съ засаленными губами былъ введенъ въ комнату.

— Сколько тебѣ лѣтъ? спросилъ Шаанъ-гирей.

— Одни говорятъ 14, а другіе 13-ть, что касается

---

*) Шаанъ или шагинъ значитъ соколъ.

до меня, то я не помню ни дня рожденія моего, ни родителей моихъ.

— Такъ ты одинокъ?

— Одинъ какъ палецъ—отвѣчалъ мальчикъ, показавъ указательный перстъ.

— Чѣмъ же ты занимаешься?

— Всѣмъ, чего потребуютъ тѣ, къ которымъ я присоединяюсь.

— И тебѣ нравится такая жизнь?

— Зимою—нѣтъ; но за то лѣтомъ я блаженствую, когда мы прогуливаемся по деревнямъ и спимъ на открытомъ воздухѣ.

— А хотѣлъ бы ты служить у меня?

— Вотъ вопросъ! Кто же откажется служить соколу, у котораго всегда вкусный обѣдъ?

— И ты поѣдешь со мною въ Россію?

— Не только въ Россію, но и на край свѣта, но съ условіемъ, чтобы тѣло мое не чувствовало холода.

— Какъ тебя зовутъ?

— Меня называютъ различно, но я предпочитаю имя, данное мнѣ одною ворожеею. Эта чертовка называла меня Кыргіемъ, т. е. кобчикомъ.

— Отлично; ты съ сегодняшняго дня будешь сопровождать сокола и служить ему съ быстротою кобчика. Иди-же сейчасъ ко мнѣ домой и прикажи, чтобы тебя накормили и пріодѣли.

— Легко сказать: накормили и пріодѣли? Развѣ цыганамъ повѣрятъ?

— Въ такомъ случаѣ возьми мой карманный платокъ и покажи его тѣмъ, кто станетъ сомнѣваться.

Кыргій взялъ платокъ, осмотрѣлъ его внимательно и медленно вышелъ изъ комнаты. Но онъ не иначе исчезъ, какъ схвативъ съ головы старой цыганки платокъ съ цѣлью вынудить ее уступить мѣсто свое около стола другимъ голодающимъ.

— Если когда-нибудь ты будешь царствовать—сказалъ посланникъ — этотъ делибашъ сдѣлается однимъ изъ надежныхъ твоихъ слугъ. Въ вашихъ цыганахъ очень много смѣтливости, но всего важнѣе хладнокровіе и неустрашимость. При этомъ мнѣ нравится въ

нихъ полнѣйшая свобода въ обращеніи со всѣми безъ различія. Они совершенно не признаютъ ни власти, ни старшинства; для нихъ тотъ только кумиръ, кто ихъ кормитъ и одѣваетъ. Проще, рождаясь дѣтьми, требующими заботливости родныхъ, они готовы оставаться такими же въ теченіи всей своей жизни, если найдутъ покровителей. Этотъ народъ, по моему убѣжденію, созданъ только для рабства, а такъ какъ ему дали не нужную свободу, то онъ и скитается какъ безпріютный. Интересно знать, какимъ образомъ они очутились въ Крымскомъ ханствѣ?

— Всего вѣрнѣе, что они перешли къ намъ изъ Египта, потому что называютъ себя до настоящаго времени фраунами. Надо полагать, что одинъ изъ фрауновъ Мысыра захватилъ ихъ въ плѣнъ изъ Индостана и держалъ въ рабствѣ до того времени, пока прекратилось господство царей. Мы же татаре, хотя и любимъ называть всѣхъ купленныхъ и плѣненныхъ ясырами, но эти ясыры пользуются несравненно лучшими условіями, потому что кромѣ ихъ самихъ и мы, ихъ номинальные хозяева, хлопочемъ объ ихъ кейфѣ.

— Такимъ образомъ ты рѣшилъ оставить у себя Кыргія? спросилъ посланникъ.

— Да, но съ условіемъ, что ты не выдашь его національности, когда я буду въ Петербургѣ.

— Пожалуй—отвѣчалъ русскій, откланиваясь Шагинъ гирею.

— Куда ты идешь теперь?

— Мнѣ назначена ауденція у хана, а потомъ я пойду почевать къ нашему резиденту Петру Гавриловичу Вселитскому.

— А я пойду отъ скуки съ друзьямъ — отвѣчалъ принцъ, слѣдуя за гостемъ. Будь здоровъ.

Шагинъ гирей, вышедъ изъ ханъ сарая, направился по направленію къ Салачику. крайнему предмѣстію столицы, извѣстному намъ подъ названіемъ Солончуковъ *).

Предмѣстіе это въ то время пользовалось большимъ почетомъ и въ немъ обитали исключительно почтеннѣйшіе

*) См. Туана, Histor, cib LXVII. Broniovii, Tartaria Edit. Elzevir.

улемы и купцы, только въ крайности вмѣшивающіеся въ дѣла царства. Люди эти дорожили этою мѣстностію во первыхъ потому, что здѣсь покоились останки перваго хана Хаджи-гирея и святыхъ просвѣтителей мусульманства, знаменитыхъ шейховъ Юсуфа, Мехмета и др., во вторыхъ потому что здѣсь находилось Медресе или высшее духовное училище, снабжавшее ханство учеными муллами и наконецъ, что здѣсь, а не въ другомъ мѣстѣ, былъ первый пріютъ властителя страны. О дворцѣ этомъ, начатомъ Хаджи гиреемъ и оконченномъ Менгліемъ, разсказывались баснословныя вещи; такъ напр., что будто бы онъ превосходилъ красотою архитектуры современный ханъ-сарай, что въ садахъ его созрѣвали всѣ плоды міра, что онъ окруженъ былъ прозрачными прудами, по которымъ катались прелестныя дѣвушки въ роскошныхъ каикахъ и что вообще эта мѣстность благоухала какою-то святостію. Тогда какъ на нынѣшнемъ мѣстѣ ханъ-сарая было обширное болото, заросшее дикими деревьями, между которыми скрывались лисицы и барсуки, да развѣ нечестивые джины (духи), набрасывающіеся по ночамъ на непросвѣщенныхъ кораномъ послѣдователей пророка.

Шагинъ гирей, пришедъ къ постройкамъ медресе, оглянулся и, убѣдившись, что на улицѣ нѣтъ никого, поднялся тропинкою на возвышенность и постучалъ въ большое мѣдное кольцо, прикрѣпленное къ деревянной калиткѣ.

— Кто тамъ? спросилъ чей-то свѣжій голосъ.

— Твой пріятель, отвори Спиро!

Дверь отворилась и гость исчезъ подъ тѣнистою верандою густо сплетавшихся виноградныхъ лозъ, поднятыхъ высоко надъ землею.

— Твоя жена такъ великолѣпно зажариваетъ запрещенное мясо, заговорилъ Шагинъ — что я пришелъ къ вамъ еще разъ полакомиться имъ. Кто знаетъ, быть можетъ мы не увидимся болѣе...

— Какъ, развѣ случилось что-нибудь? спросилъ заботливо грекъ.

— Меня думаютъ отправить въ Россію въ качествѣ аманата.

— Какъ ни грустно намъ слышать это, но я полагаю, что отъ этого ты больше выиграешь.

— Почему ты допускаешь эту мысль?

— Вопервыхъ потому, что ты сблизишься съ русскою императрицею, которая въ настоящее время властна сдѣлать все, что ей вздумается и во вторыхъ, ну этого я не желалъ-бы открывать изъ боязни потерять твою дружбу, потому что люблю тебя больше, чѣмъ братьевъ моихъ.

Шагинъ гирей взглянулъ на пріятеля съ ласковою улыбкою.

— Билляги не скажу, отвѣчалъ онъ и вышелъ приказать женѣ, чтобы она зажарила кусокъ свинины и принесла изъ подвала кувшинъ вина.

— Сейчасъ, сейчасъ, я все приготовлю, отвѣчала игривымъ тономъ хозяйка—но предварительно хочу пожелать султану добраго вечера.

— Берегись, Марина, тебѣ вѣдь извѣстно, какъ я ревнивъ?

Молодая женщина громко захохатала и дернула мужа своего за длинный носъ. Спиро гавкнулъ по сабачьи съ такою силою, что бѣдняжка отскочила отъ него на нѣсколько шаговъ и оба, разсмѣявшись, вышли къ гостю.

Такъ какъ люди эти будутъ занимать довольно важныя роли въ нашемъ разсказѣ, то мы постараемся сказать о нихъ нѣсколько словъ.

Спиро былъ молодой человѣкъ лѣтъ 30 съ чрезвычайно представительною наружностію и веселымъ характеромъ. Обладая нѣсколькими фруктовыми и виноградными садами на Качѣ, онъ вдобавокъ владѣлъ большою отарою овецъ, приносящею ему доходъ, превышавшій домашніе расходы; но, чтобы не возбуждать ни въ комъ зависти, онъ не содержалъ ни слугъ, ни лошадей, но за то одѣвался самымъ изысканнымъ образомъ. Его высокая шапка изъ лучшихъ сѣрыхъ смушекъ, стянутая сверху золотымъ шнуркомъ, а внизу окаймленная цвѣтнымъ бархатомъ, всегда была новенькая. Выглядывающіе изъ подъ шапки этой длинные волосы смазывались постоянно оливковымъ масломъ и только въ праздник-

ные дни заплетались въ коски; его бѣлый галстухъ *), означающій, что онъ не былъ военноплѣннымъ, точно перемѣнялся каждый часъ, чтобы сберечь свою свѣжесть и бѣлизну. Въ такой-же чистотѣ онъ носилъ свой бѣлый кафтанъ, обшитый такого-же цвѣта шелковыми шнурками, изъ подъ котораго выглядывали чрезвычайно широкіе штаны изъ легкой китайки, обшитые у краевъ краснымъ шнуркомъ. Ни у кого не былъ такъ искусно расшитъ кожаный кушакъ съ серебрянною бляхою и ни у кого не было такого числа красныхъ, черныхъ и желтыхъ сапогъ съ подковами, какъ у него. Когда-же онъ набрасывалъ на себя чекмень голубаго сукна грузинскаго покроя съ откидными рукавами, то никто изъ татаръ не хотѣлъ признавать въ немъ гяура.

Жена его 18-ти лѣтняя Марина, созданная чуть-ли не до мелочей въ подобіи мужа, во всемъ гармонировала ему и также восхищалась чистоплотностію и изысканностію наряда. Она всегда носила на головѣ зеленую дымку, усѣянную блестками, посрединѣ которой вилась черная толстая коса, на половину опущенная на плечо въ видѣ кисти; сверхъ косы лежало нѣсколько на бикрень, страусовое перо. Поверхъ узкаго въ четыре полотнища платья она всегда носила *джубе* (курточку) съ клиньями у тальи, которые выдувались. Курточка эта обшивалась нѣжнымъ мѣхомъ или серебряными галунами. Талью обхватывалъ шитый золотыми нитками широкій кушакъ съ двумя большими серебряными бляхами, украшенными самоцвѣтными каменьями. На ногахъ она носила крошечные контуры или персидскіе башмаки.

— Съ приходомъ, нашъ добрый султанъ, сказала Марина, приложивъ руку къ бляхѣ кушака — какому это вѣтру мы обязаны видѣть тебя въ нашей бухтѣ?

— Вѣтру, подувшему съ русской земли, но вѣрнѣе всего тому, что ты очаровала мой вкусъ кавурмою изъ свинины.

— Это обидно слышать людямъ, которые любятъ тебя.

---

*) Черный означалъ порабощенныхъ.

— Ну, не обижайся, добрая *келинчекъ* *), я сказалъ это для шутки и извиняюсь. Если же ты не простишь меня, то обѣщаю заплатить твой *эргемликъ* **), когда тебѣ придется вторично выходить за мужъ за не холостаго человѣка.

— И тоже самое обѣщаешь и мужу моему?

— Конечно, потому что обоихъ васъ одинаково люблю.

— Въ такомъ случаѣ я иду готовить тебѣ заслуженный завтракъ. а пока онъ будетъ готовъ, Спиро угоститъ тебя своимъ *муселасомъ* (переваренное вино).

Хозяинъ не замедлилъ выставить предъ высокимъ гостемъ большую мѣдную посатку, наполненную сладкимъ напиткомъ. Шагинъ гирей приложился къ ней губами и съ жадностію началъ втягивать отрадную струю. Онъ не отставалъ отъ сосуда, пока не почувствовалъ той отрыжки, которая свойственна татарскимъ натурамъ послѣ временнаго насыщенія. Послѣ чего онъ придвинулся къ Спиридону Каравунети и, положивъ ему руку на плечо, сказалъ:

— Обѣщаешь ли ты мнѣ остаться такимъ же безкорыстнымъ другомъ и тогда. когда я буду внѣ Крыма?

— Развѣ ты въ этомъ сомнѣваешься?

— Нѣтъ, не сомнѣваюсь, но хочу, чтобы ты доказывалъ это не на однихъ словахъ.

— Понимаю: ты желаешь, чтобы я дѣйствовалъ при удобныхъ случаяхъ.

— И чтобы писалъ мнѣ обо всемъ, что будетъ происходить въ ханствѣ.

— Но какимъ образомъ я буду пересылать мои письма?

— Ты будешь отдавать ихъ только тѣмъ лицамъ, которыя будутъ привозить тебѣ мои записки. Ты для меня, говоря откровенно, важнѣе моихъ друзей единовѣрцевъ, потому что ихъ голосъ звучитъ пристрастіемъ и чуждъ хладнокровнаго благоразумія; ты же, какъ че-

---

*) Такъ называются у татаръ вновь вышедшія замужъ.

**) Вдова, выходящая за мужъ за молодаго человѣка или вдовецъ, вступающій въ бракъ съ дѣвицею, обязанъ выкупать свою утраченную невинность платою, называемою эргемликомъ.

ловѣкъ совершенно сторонній и пользующійся всеобщимъ уваженіемъ, можешь оказать мнѣ громадныя услуги.

— По крайней мѣрѣ я готовъ служить тебѣ отъ искренняго сердца.

— А между тѣмъ сейчасъ только скрылъ отъ меня какое-то дѣло и поклялся не говорить—произнесъ Шагинъ съ видомъ оскорбленія.

— Я уже объяснилъ тебѣ, что скрываю изъ боязни показаться измѣнникомъ ханства, хотя и клянусь, что невольно попалъ въ чужой пиръ.

— Ты не будешь въ глазахъ моихъ дурнымъ человѣкомъ, если разскажешь, какъ это случилось.

Спиридонъ Каравунёти задумался на минуту, потомъ снова поднесъ къ гостю носатку и началъ было разсказывать о стороннихъ предметахъ, но Шагинъ гирей представился оскорбленнымъ и заявилъ, что онъ уйдетъ изъ дома его, если не узнаетъ тайны.

— Изволь—отвѣчалъ Спиро—я разскажу тебѣ подробно такой проступокъ, который не долженъ красить гражданина. Я провелъ нѣсколько дней въ лагерѣ русскихъ войскъ и не скрылъ отъ главнокомандующаго русской императрицы того жалкаго положенія, въ которомъ находится Крымъ со времени вліянія на него турецкаго правительства сначала въ качествѣ верховной опеки, а потомъ калифата и торговыхъ сношеній. Я не скрылъ, что всѣ волненія, смуты и безурядицы создавались у насъ дѣйствіями стамбульскаго дивана, присвоивавшаго себѣ право изгонять нашихъ царей и назначать на мѣсто ихъ нерѣдко людей негодныхъ стоять даже въ главѣ нашихъ чебановъ и что это заставляло не разъ уже нашихъ мурзъ и беевъ приходить въ крайнее негодованіе и поддерживать другаго члена изъ потомковъ Чингиса или требовать одного изъ раньше сверженныхъ съ престола безъ всякихъ причинъ, съ очевидною цѣлью показать свое естественное неотъемлемое право. Вслѣдствіе чего въ настоящее время ханская власть не представляетъ въ Крыму почти никакого довѣрія и не будетъ имъ пользоваться до того времени, пока Россія, какъ ближайшая сосѣдка, не протянетъ къ гиреямъ руки помощи.

— И ты это сказалъ? вскрикнулъ Шагинъ.

— Этого мало, я совѣтовалъ, чтобы Россія двинула свои войска въ Крымъ, побила-бы вольнодумцевъ и сама избрала на ханскій престолъ достойнѣйшаго изъ семьи гиреевъ.

— Чтоже тебѣ отвѣчали на это?

— Мнѣ сказали, что это неминуемо должно случиться, но сожалѣютъ о томъ, что всѣ принцы царскаго рода развиваются съ молодыхъ лѣтъ подъ турецкимъ вліяніемъ и впослѣдствіи сами подчиняютъ себя вредной для нихъ опекѣ. Хотя Россія и готова содѣйствовать ханамъ держать татаръ въ полномъ рабствѣ съ единственнымъ желаніемъ личнаго спокойствія, но ханы сами уклоняются отъ этого и не желаютъ взвѣсить выгодъ отъ дружественныхъ отношеній съ сосѣдями.

— Это совершенная правда—сказалъ Шагинъ гирей, приложившись вторично къ носаткѣ съ муселесомъ.

— Взаключеніе мнѣ сказалъ главнокомандующій — продолжалъ Спиро—что теперешнему хану слѣдовало бы того, кого онъ желаетъ сдѣлать своимъ наслѣдникомъ, отправить въ Россію во первыхъ для того, чтобы ознакомить его съ этою страною, во вторыхъ, чтобы посвятить въ тайны управленія европейскихъ государствъ и наконецъ, чтобы сблизить съ императрицею, которая, естественно, сдѣлается впослѣдствіи его благодѣтельницею. Припоминая эти справедливыя слова русскаго князя, я признаться, какъ-то невольно обрадовался твоему назначенію ѣхать въ Петербургъ. Нѣтъ сомнѣнія, что братъ твой не долго удержится на престолѣ, а ты пріѣдешь къ намъ падишахомъ съ полными и неограниченными правами.

— Будущее извѣстно единому Богу—отвѣчалъ гирей, не подымая глазъ.

Спиро умолкъ и ожидалъ, что гость сдѣлаетъ ему упрекъ за излишнюю откровенность съ враждебнымъ генераломъ русской арміи, но Шагинъ султанъ ни единымъ взглядомъ не выразилъ неудовольствія.

— Когда же ты предполагаешь выѣхать изъ Бахчисарая? спросилъ Каравунети.

— Я пока ничего не знаю, но если намъ не при-

дется свидѣться, то тебя извѣстятъ друзья мои Крымтаевъ, Балатуковъ или Темиръ-ага Ногаевъ о моемъ выѣздѣ.

Воцарилось опять молчаніе, которое прервано было приходомъ Марины, начавшей накрывать низенькій столъ.

— О чемъ задумался нашъ почтенный гость? рѣзво спросила молодая женщина—развѣ мы созданы для печали?

— Султану непріятно разставаться съ друзьями.

— А я нахожу, что разлука на короткое время придаетъ болѣе цѣны дружбѣ—отвѣчалъ Каравунети.

— Но развѣ мы увѣрены, что и послѣ разлуки встрѣтимся съ людьми, близкими душѣ?

— Объ этомъ не слѣдуетъ думать, а надо молиться и надѣятся на Бога. Отчего бы тебѣ не пожертвовать кое-чего въ храмъ Марья Маны, чтобы она возвратила тебя къ намъ здравымъ и невредимымъ.

— Я вѣрю въ святость всѣхъ четырехъ божественныхъ книгъ и охотно послѣдую твоему доброму совѣту. Сказавъ это, молодой принцъ вынулъ изъ кожанаго кошелька нѣсколько золотыхъ монетъ и подалъ ихъ Маринѣ для передачи въ ближайшій храмъ во имя Успенія Пресв. Богородицы.

Послѣ завтрака Шагинъ гирей поцѣловалъ въ оба глаза Каравунети и, пожелавъ ему здоровья, скорыми шагами возвратился въ свое помѣщеніе, находящееся внѣ ханъ сарая.

Здѣсь мы должны сказать нѣсколько словъ о томъ, какимъ образомъ этотъ принцъ сблизился съ христіаниномъ, которые обыкновенно старались удаляться отъ мусульманскихъ вельможъ, чтобы не возбудить въ нихъ жадности къ ихъ женамъ, дочерямъ или сестрамъ и вообще къ матеріальному благосостоянію.

Шагинъ гирей съ 16-ти лѣтняго возраста чрезвычайно любилъ соколиную охоту и нерѣдко такъ увлекался ею, что уѣзжалъ въ отдаленныя степи безъ проводника. Въ одну изъ такихъ поѣздокъ онъ заснулъ на возвышенномъ берегу моря неподалеку отъ копа Спиридона Каравунети, но проснулся съ ужасною болью и

опухолью на рукѣ. Опухоль быстро начала распространяться по всему тѣлу и свидѣтельствовала, что принцъ былъ укушенъ ядовитымъ тарантуломъ. Въ это время предъ больнымъ показалось стадо овецъ съ пастухомъ, который указалъ гирею на мѣстоположеніе кошарной землянки и торопилъ его поскорѣе ѣхать къ хозяину своему, чтобы предупредить развитіе болѣзни.

Въ кошарѣ Шагинъ былъ узнанъ Спиридономъ и сейчасъ же посаженъ былъ голымъ въ бочку съ кислымъ молокомъ. Это считалось единственнымъ средствомъ для спасенія юноши и дѣйствительно, гирей чрезъ нѣсколько часовъ успокоился.

Съ этого времени молодые люди привязались другъ къ другу и при всякой встрѣчѣ искренно радовались случайности, послужившей имъ къ знакомству.

Впослѣдствіи Шагинъ гирей сблизилъ его со всѣми друзьями своими и высоко цѣнилъ вліяніе, какое онъ имѣлъ не только на единовѣрцевъ, но и на разумныхъ мусульманъ салачикскаго предмѣстія.

II.

Русскій посланникъ, пришедъ къ резиденту Петру Гавриловичу, засталъ его съ молодою женою на балконѣ за ужиномъ.

— Ну, какъ васъ принялъ ханъ и чѣмъ покончилась миссія? спросили въ одинъ голосъ хозяева.

— Гирей старался казаться любезнымъ и безъ возраженія обѣщалъ выслать аманатовъ.

— И навѣрно пошлетъ брата своего — подсказалъ Вселитскій—потому что ненавидитъ его.

— Я полагаю, что императрица охотнѣе приметъ Шагинъ гирея, чѣмъ кого-нибудь другаго изъ гиреевъ. Этотъ скорѣе пойметъ насъ и легче усвоитъ ея мысли и желанія. При этомъ онъ въ свою очередь терпѣть не можетъ хана и турецкаго султана, не перестающаго интриговать въ Крыму,—а это очень важно для меня.

— Когда же вы намѣрены выѣхать?

— Сейчасъ же послѣ полученія оффиціальнаго отвѣта.

— Если распоряженіе это послѣдуетъ сегодня вече-

ромъ, то Шагинъ навѣрно завтра явится ко мнѣ—сказалъ резидентъ. Воображаю, какъ ему будетъ грустно разстаться съ родиною.

— Мы постараемся предоставить ему всевозможныя развлеченія. Во первыхъ окружимъ мусульманами всевозможныхъ покроевъ и наконецъ женщинами извѣстнаго рода, а Крымскимъ жителямъ, кажется, только и нужно такое общество.

— А сдѣлали вы всѣ необходимыя замѣтки, на случай внезапнаго выѣзда.

— Мнѣ необходимо запастись статистическими свѣдѣніями о Бахчисараѣ и тогда я буду обезпеченъ, на случай любознательности царицы.

— Ну, за этимъ вамъ не придется идти дальше моего кабинета. У меня имѣются самыя подробныя свѣдѣнія объ этомъ городѣ, который начинаетъ казаться мнѣ тюрьмою.

— Неужели вамъ скучно? спросилъ посолъ.

— Этого мало, мы ежеминутно находимся подъ вліяніемъ страха, потому что чувствуемъ что-то недоброе въ воздухѣ. Мурзы недовольны Сагибомъ и бунтуютъ противъ него духовенство; татаре ходятъ съ поникшими головами и каждый вечеръ собираются въ семейные кружки; кофейни и бузни постоянно пусты, а все это дурной признакъ. Мнѣ такъ и кажется, что взрывъ долженъ послѣдовать при малѣйшетъ поводѣ.

— Къ счастію наши войска не далеки и могутъ подоспѣть по первому твоему заявленію—сказала молодая хозяйка.

— Хорошо, если войска наши свободны—отвѣчалъ резидентъ—кто знаетъ, чѣмъ покончатся еще временно пріостановленныя военныя дѣйствія наши въ Турціи!

— Неужели вы полагаете, что изнуренные турки, предложившіе намъ миръ, осмѣлятся опять взяться за оружіе?

— Этотъ народъ нерѣдко рискуетъ всѣмъ изъ за того только, чтобы показать свою живучесть. Признаться, я не особенно довѣряю переговорамъ Румянцова съ великимъ визиремъ, начавшимся въ Фокшанахъ и Бухарестѣ. Эти люди до настоящаго времени враждебно смо-

трятъ другъ на друга и захотятъ высказать свое торжество и тамъ даже, гдѣ не потребуется борьбы.

— Все, чего бы мы ни потребовали теперь отъ Турціи—сказалъ посолъ—она вынуждена будетъ дать, иначе опять повторятся побѣды при Ларгѣ, Кагулѣ, Чесмѣ и Перекопѣ.

— Конечно, это возможно, но не благоразумнѣе ли намъ остановить борьбу въ виду того, что моровая язва наноситъ ужасный вредъ нашимъ южнымъ областямъ, а Пугачевъ подготовляетъ позоръ отечественной землѣ? По мнѣнію моему, князь Долгорукій сдѣлалъ большую ошибку, что вывелъ изъ Крыма побѣдоносную свою армію и довольствовался тѣмъ, что назначенный или лучше сказать поощренный имъ Сагибъ гирей пообѣщалъ отказаться отъ покровительства Турціи и уступить императрицѣ Керченскій проливъ съ прибрежными городами. Обѣщаніе это, конечно, сдѣлано было по необходимости въ надеждѣ, что авось въ будущемъ легко будетъ отказаться отъ него—и онъ навѣрно откажется, если поблагопріятствуетъ судьба султану Мустафѣ. Я отлично понялъ Сагибъ-гирея. Онъ будетъ дѣлать видъ, что преклоняется предъ нами, но когда гроза минуетъ, снова сдѣлается вассаломъ Турціи и будетъ мечтать о набѣгахъ на Россію. Вы думаете, что для него представляетъ какое-нибудь значеніе высылка аманатовъ! Ни чуть не бывало; онъ былъ бы радъ, еслибъ императрица вмѣсто двухъ потребовала двѣ сотни человѣкъ. Это только помогло бы ему избавиться отъ такихъ людей, которыхъ онъ не прочь повѣсить для удовлетворенія своихъ затаенныхъ цѣлей. Сагибъ-гирей находится, дѣйствительно, въ ужасномъ положеніи: во первыхъ онъ долженъ оставаться бездѣйствующимъ въ глазахъ калифа, чтобы не заслужить мести Екатерины,— а это возмущаетъ противъ него всѣхъ мусульманъ, привыкшихъ дѣйствовать за-одно съ турками противъ гяуровъ; во вторыхъ его ненавидятъ Калга-султанъ и всѣ остальные вельможи, получавшіе раньше содержаніе изъ султанской казны за службу, и наконецъ онъ положительно не обладаетъ никакими личными достоинствами, могущими вызвать къ нему расположенность. При всемъ

этомъ у него на глазахъ, точно какъ бѣльмы, Шагинъ гирей и Девлетъ гирей, ежеминутно готовые подставить ему ножку, чтобы сбросить съ высоты трона. Теперь онъ отдѣлается отъ перваго, какъ болѣе опаснаго по своему рѣшительному и упорному характеру, но едва-ли онъ сбудетъ изъ рукъ Девлета, пользующагося народнымъ благоволеніемъ и дѣйствующаго исподтишка.

Въ это время доложили резиденту, что пришелъ Спиридонъ Каравунети.

— Позовите его сюда. Это одинъ изъ преданныхъ мнѣ туземныхъ христіанъ, добавилъ Вселитскій, обращаясь къ гостю. Онъ знаетъ татаръ лучше самого себя и дружитъ съ Шагинъ гиреемъ. Мы видимся только по ночамъ, когда Бахчисарайцы почіютъ сномъ праведныхъ.

Молодой грекъ поклонился Петру Гавриловичу и недовѣрчиво взглянулъ на сторонняго человѣка.

— Это мой соотечественникъ, сказалъ резидентъ, онъ прибылъ отъ императрицы къ хану съ требованіемъ аманатовъ.

Спиро почтительно поклонился и освѣдомился о здоровьи великой государыни.

— Этотъ человѣкъ чрезвычайно любитъ нашу царицу, сказалъ Вселитскій, и увѣряетъ меня, что онъ не умретъ до тѣхъ поръ, пока не увидитъ ея своими глазами. Я однажды хотѣлъ было доставить ему это удовольствіе, но онъ покачалъ головою и отвѣчалъ, что увидитъ ее въ Крыму. Точно его душа предчувствуетъ, что царица имѣетъ виды завладѣть этою страною и употребляетъ всѣ усилія содѣйствовать намъ. Такъ напр. въ прошломъ году, когда князь Долгоруковъ направился къ Перекопу, онъ заранѣе выѣхалъ къ нему, переодѣлся въ солдатское платье, все время служилъ намъ въ качествѣ вожака и отказался отъ всякаго вознагражденія, когда прекратились военныя дѣйствія.

— Я думаю, ему извѣстны всѣ подробности этого похода. Какъ жаль, что я не могу поговорить съ нимъ, чтобы имѣть точное понятіе о замѣчательномъ подвигѣ князя.

— Попросите жену мою быть вашимъ переводчикомъ,

а я пойду, пока вы наговоритесь, приготовить мои донесенія. Сказавъ это, резидентъ обратился къ Спиро и попросилъ его удовлетворить любознательности гостя.

— Послѣ потери нами Крымъ гирея, началъ Каравунети, въ ханствѣ происходили ужасныя неурядицы. Турецкіе гарнизоны, пользуясь слабостію первыхъ двухъ хановъ и отсутствіемъ въ странѣ лучшихъ мурзъ и беевъ, начали такое оскорбительное обращеніе съ христіанами, что не оставалось другаго средства, какъ обратиться къ русскому генералу, стоявшему съ корпусомъ своимъ на границѣ съ цѣлью оберегать свои земли отъ буйства ногайскихъ ордъ. Всѣ единовѣрцы мои просили меня принять на себя эту миссію. Въ это время я только, что засватался и конечно, не особенно пріятно было разставаться съ невѣстою. Но надо было или рѣшиться ѣхать или отказаться. Рѣшившись переговорить съ невѣстою, я отправился къ ней и сознался, что не желаю разставаться съ Бахчисараемъ на неопредѣленное время. — „Если ты откажешься отъ этого, сказала мнѣ Марина, то я приму на себя эту священную обязанность". Слова эти такъ сильно повліяли на меня, что я повернулся къ дверямъ и въ тотъ же день выѣхалъ по направленію къ Ахмечету *) и Карасубазару. Повидавшись въ этихъ городахъ съ христіанами, я направился на Индже (Геническъ) и оттуда благополучно пробрался къ князю Василію Михайловичу Долгорукову. Это былъ прекрасный мущина лѣтъ подъ 50, простой въ обращеніи и чрезвычайно гостепріимный. Выслушавъ меня, онъ положилъ руку ко мнѣ на плечо и отвѣчалъ:

— Я уже получилъ приказаніе вступить въ Крымъ и съумѣю обуздать этихъ разбойниковъ, если Господь благословитъ наше оружіе. Тебя же мы возьмемъ, какъ нашего проводника, и понадѣемся на твое знаніе мѣстности. Эту кампанію намъ необходимо кончить въ теченіи мѣсяца, чтобы возвратиться опять къ границамъ царства и слѣдить затѣмъ, что будетъ происходить на Дунаѣ. При этомъ я нахожу, что мнѣ придется зорко наб-

*) Бѣлая мечеть, теперешній Симферополь.

людать, чтобы изъ Кубанской стороны не ворвались грабители за наши линіи *). Скажи мнѣ откровенно можно ли на тебя положиться? заключилъ рѣчь свою командующій корпусомъ. Да, отвѣчалъ я и попросилъ переодѣть меня въ нарядъ русскаго солдата. Помѣстивъ меня невдали отъ своей палатки, князь каждый день говорилъ со мною и приказывалъ адъютанту дѣлать замѣтки изъ того, что я говорилъ. Такимъ образомъ наша небольшая армія раздѣлена была на двѣ половины, одна часть ея направилась на Арабатскую крѣпость чрезъ Геническій проливъ, а другая подступила къ Перекопу, укрѣпленія котораго никогда не могли выдержать артиллерійскихъ снарядовъ; но намъ не иначе удалось захватить Орскую крѣпость, какъ послѣ ужасной битвы съ 75 т. татаръ, наскоро собранныхъ Селимъ гиреемъ. Занявъ это укрѣпленіе своимъ гарнизономъ, я предложилъ Долгорукову направиться къ Кафѣ, въ полномъ убѣжденіи, что въ этомъ городѣ бѣжавшій ханъ составитъ новую армію и бросится на насъ, если мы пройдемъ прямо на Бахчисарай. Двинувшись этимъ путемъ, мы скоро убѣдились, что князь Щербатовъ безъ особенныхъ усилій занялъ Арабатъ и ждетъ дальнѣйшихъ приказаній. „Ну, Спиридонъ, сказалъ мнѣ Долгоруковъ, тебѣ надо будетъ съѣздить къ Арабату и передать, чтобы войско наше соединилось съ нами въ окрестностяхъ Кафы, гдѣ мы навѣрно будемъ имѣть большое дѣло. Я махнулъ головою въ знакъ согласія, получилъ отъ князя письменное приказаніе, разсказалъ ему подробно, какимъ онъ путемъ долженъ слѣдовать на Кафу и съ наступленіемъ ночи поскакалъ исполнять приказаніе, а три дня спустя я снова находился при Василіи Михайловичѣ.

Предположеніе мое, что ханъ образуетъ многочислен-

*) Надо знать, что по проекту Петра I-го противъ набѣговъ татаръ устроены были такъ называемыя Украинскія линіи, которыя хорошо укрѣплялись до 1738 года. Линіи эти съ правой стороны опирались на Днѣпръ, а съ лѣвой на Донецъ. На этомъ 400 верстномъ разстояніи возведено было 15 крѣпостей съ землянымъ брустверомъ, штурмфалами, рвомъ, наполненымъ водою, гласисомъ и контраскарпомъ съ палисадомъ. Въ промежуткахъ крѣпостей по всей линіи устроены были редуты и реданы. Охрана линіи поручалась 20 тыс. милиціи драгунъ изъ однодворцевъ; но татаре всегда почти находили возможность прорываться сквозь нихъ.

ную армію, оправдалось; но я зналъ также, что армія эта окажется съ плохимъ оружіемъ и будетъ состоять изъ людей малогодныхъ къ защитѣ отечества, такъ какъ лучшая молодежь находилась на турецкой границѣ.

Невдали отъ Кафы показались первые отряды татаръ, а затѣмъ и вся конница ихъ, приблизительно доходящая до 100 тыс. человѣкъ. Русскихъ было втрое меньше, но это не послужило препятствіемъ къ рѣшительному нападенію. Мы бросились на врага и въ нѣсколько часовъ заставили его укрыться въ Кафѣ; но при дальнѣйшемъ наступленіи приходилось нести значительныя потери, такъ какъ татаре съ янычарами засѣли въ крѣпостяхъ и начали посылать намъ пушечные выстрѣлы. Долгоруковъ, которому приходилось дорожить каждымъ человѣкомъ, рѣшился бомбардировать городъ съ близъ лежавшихъ возвышенностей, оставленныхъ татарами безъ защиты. Этимъ дѣйствіемъ мы довели защитниковъ до того, что въ послѣдующую ночь они на половину бѣжали изъ Кафы чрезъ горы и моремъ, а остальные не выдержали русскихъ штыковъ. Изъ Кафы мы направились въ Чарше-базаръ (Керчь), затѣмъ, узнавъ, что татаре вновь сгруппировались въ горахъ, бросились въ Балаклаву, но не успѣли плѣнить Селимъ гирея, такъ какъ онъ успѣлъ бѣжать на суднѣ въ Стамбулъ.

Оставалось затѣмъ изгнать или плѣнить турецкій гарнизонъ, оставшійся въ Гезлевѣ, чтобы считать Крымъ освобожденнымъ отъ Турецкой опеки. Такъ какъ въ этомъ преимущественно состояла миссія Долгорукова, то мы изъ степей Балаклавы направились на этотъ городъ и въ самомъ непродолжительномъ времени очистили его отъ ненавистныхъ господъ привыкшихъ считать себя повелителями всего ханства. Послѣ всего этого князь приказалъ татарамъ избрать новаго хана и объявилъ имъ, что съ этого времени они не будутъ состоять въ зависимости отъ султана. Народъ обрадовался и указалъ на Сагибъ гирея, которому принадлежало право по старшинству. Какъ я ни старался въ это время, чтобы вручить власть Шагинъ гирею, но ходатайство мое оставлено было безъ вниманія. Тогда я сбросилъ съ себя костюмъ русскаго солдата и возвратился

домой, не пожелавъ даже попрощаться съ княземъ, которому оказалъ много услугъ.

— Значитъ ты находилъ Сагиба не годнымъ? спросилъ посланникъ.

— Я былъ убѣжденъ, что онъ снова возстановитъ надъ собою власть султана, а что я не ошибся въ этомъ, то не пройдетъ и года, какъ русская царица будетъ имѣть несомнѣнныя доказательства.

— Неужели онъ началъ уже дѣйствовать противъ насъ и собственныхъ выгодъ своихъ? спросилъ посолъ.

— Пока нѣтъ, потому что султанъ Мустафа хлопочетъ, чтобы свергнуть его съ престола и вновь занять Крымъ своими гарнизонами, но когда это не удастся ему, то онъ навѣрно войдетъ въ частную сдѣлку съ Сагибомъ, отъ которой гирей не откажется, въ надеждѣ сосать молоко отъ двухъ матерей. Понятно, что Турція не достигнетъ цѣли, если Россія завладѣетъ Керчью и Епикале и будетъ зорко слѣдить за происходящимъ въ ханствѣ; но мнѣ кажется, что ханъ не отдастъ добровольно этихъ двухъ мѣстечекъ, значеніе которыхъ слишкомъ важно для самостоятельности ханства.

— Въ такомъ случаѣ мы отберемъ ихъ силою.

— Это другое дѣло, отвѣчалъ Спиро, но имѣй въ виду, что мурзы и татаре съ этого момента станутъ презирать своихъ хановъ и между народомъ и главою правительства не прекратится вражда; русскимъ или придется постоянно усмирять бунты или держать при ханъ-сараѣ войско, которое защищало бы власть гирея.

Тѣмъ временемъ резидентъ возвратился въ столовую и спросилъ у Каравунети, зачѣмъ онъ пришелъ?

— Я пришелъ тебя просить написать русской царицѣ, чтобы она употребила всѣ мѣры, заинтересовать Шагинъ гирея христіанскимъ образомъ жизни. Этотъ принцъ навѣрно будетъ чрезъ нѣсколько лѣтъ избранъ повелителемъ ханства. У Шагина и теперь сильная партія, но она еще не желаетъ выражать своей силы, изъ боязни возбудить разладицу между народомъ, который благоволитъ къ хитрому Девлетъ гирею, безспорно покровительствуемому тайно султаномъ Мустафою. Изъ нихъ только одинъ Шагинъ гирей будетъ въ состояніи про-

тиводѣйствовать султану и не увлечется ни требованіями мурзъ и беевъ, ни угрозами купечества отъ выгодъ стамбульской дружбы. Проще государынѣ слѣдуетъ подготовить этого человѣка, чтобы создать изъ него такого хана, какого ей необходимо имѣть для своего спокойствія, а кромѣ Шагина никто другой не будетъ сочувствовать ей. Вотъ все, что я хотѣлъ сообщить тебѣ. Найдешь ли ты выгоднымъ передать мое предположеніе или нѣтъ, представляю твоему соображенію.

Сказавъ это, Каравунеги откланялся довѣреннымъ русской царицы и возвратился къ себѣ домой въ полномъ убѣжденіи, что слова его не останутся безъ послѣдствій.

— А знаете ли, что въ сказанномъ этимъ грекомъ есть много правды, замѣтилъ посолъ.

— Онъ обладаетъ какимъ-то даромъ пророчества, отвѣчалъ резидентъ, которое должно исполниться.

— А неизвѣстны-ли вамъ мнѣнія іезуитовъ?

— Я не интересуюсь болѣе этими людьми, которые сосредоточились на религіозной пропагандѣ и совершенно утратили почву въ Бахчисараѣ съ того времени, какъ баронъ Тоттъ переѣхалъ въ Стамбулъ и занялся тамъ отливкою мѣдныхъ пушекъ противъ насъ.

— А приноситъ-ли пропаганда ихъ какіе-либо успѣхи?

— Ровно никакихъ, такъ какъ они взялись просвѣщать христіанъ григоріанской секты, не требующихъ этого просвѣщенія, потому что они исполняли догматы религіи съ усердіемъ и вели себя какъ подобало исповѣдующимъ Евангеліе.

— Отчего-же они не посвятили себя просвѣщенію татаръ.

— Оттого, что татаре Крыма представляютъ непреодолимую силу сопротивленія и остаются совершенно равнодушными къ стороннему вліянію.

— Неужели и хитрымъ іезуитамъ не удалось ихъ поколебать? спросилъ посолъ.

— Этого никогда никому не удастся тамъ, гдѣ существуетъ татарская община даже въ нѣсколькихъ десяткахъ семействъ, потому что первою заботою ихъ яв-

ляется мечеть и школа для поддержанія религіозныхъ требованій; а при нихъ каждый ребенокъ съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ проникается такъ сильно закваскою религіи отцовъ, что никакія слова не исторгнутъ изъ крови его врожденныхъ наклонностей. Община эта сейчасъ-же превращается въ миніатюрное государство и выставляетъ правителя, духовника и учителя, руководителемъ которыхъ является коранъ, въ заповѣди котораго каждый мусульманинъ вѣритъ безгранично и считаетъ себя счастливымъ исполнять ихъ буквально безъ разсужденія. При такомъ строѣ общества съ прочною связью частей съ цѣлымъ, всякое посягательство на пропаганду можетъ показаться смѣшною дерзостью или отважнымъ безуміемъ.

Такъ какъ послу нечего было болѣе узнавать отъ резидента, то онъ пришелъ въ кабинетъ его, чтобы записать современное состояніе ханской столицы.

Изъ замѣтокъ, доставленныхъ въ его распоряженіе, останавливали вниманіе слѣдующія свѣдѣнія:

а) всѣхъ жителей въ Бахчисараѣ не болѣе 6 тысячъ человѣкъ.

б) изъ нихъ около 750 человѣкъ, принадлежащихъ къ духовенству.

в) въ числѣ ихъ около 1200 караимовъ, живущихъ въ Чуфутъ-кале, христіанъ 255, остальные всѣ мусульмане.

г) мечетей 32, церквей—греческая 1 и армяно-григоріанская 1, синагогъ 2, медресе 3, народныхъ бань 2, постоялыхъ дворовъ (хановъ) 16, питейныхъ домовъ 21, кофеенъ 17, водяныхъ мельницъ 5, лавокъ 517, пекарень 20, бузенъ 13, кожевенныхъ заводовъ 13, свѣчныхъ и мыльныхъ заводовъ 13.

Пока нашъ посолъ дѣлалъ замѣтки, Шагинъ гирей, встрѣтивъ на порогѣ дома своего Кыргія уже покормленнымъ и прилично одѣтымъ, спросилъ, не приходилъ ли кто спрашивать его.

— Тебя спрашивалъ размѣнный бей Ахтачи мурза *), отвѣчалъ цыганенокъ.

---

*) Размѣнный бей или иначе представитель къ хану посланниковъ.

— Не поручалъ-ли онъ чего-нибудь?

— Онъ приказалъ объявить тебѣ, что ханъ будетъ ожидать тебя до полуночи по весьма важному дѣлу.

Шагинъ гирей зашелъ на минуту въ комнату, чтобы уничтожить изо рта запахъ вина розовымъ масломъ, тяжело вздохнулъ и направился къ ханъ-сараю, довольно свѣтло освѣщенному на этотъ разъ. Онъ засталъ Сагибъ гирея въ пріемной комнатѣ, окруженнаго всѣми почти агами, беями и дружественно расположенными мурзами.

— Не поставь мнѣ въ вину, добрый братъ, сказалъ ханъ—что я пригласилъ тебя такъ поздно. Садись около меня и выслушай, какой мы получили приказъ отъ русской царицы, выражавшей намъ свое благоволеніе.

Принцу подали наргилэ (кальянъ).

— Приказъ этотъ состоитъ изъ трехъ словъ: *пришлите намъ аманатовъ*. Между тѣмъ послу поручено разъяснить намъ, чтобы аманаты были: одинъ изъ близкихъ родныхъ моихъ и одинъ изъ представителей мурзъ.

— Понимаю, понимаю! ты волею или неволею долженъ разстаться со мною. Бѣдный братъ, воображаю, какъ тебѣ непріятно подчиняться такимъ прихотямъ женщины.

— Чтожъ дѣлать, когда къ намъ перестала благоволить судьба. Надо до поры до времени переносить ея наказанія.

— Кого-же ты назначаешь въ компанію мою со стороны мурзъ? перебилъ его Шагинъ.

— Собраніе агов признало умѣстнымъ назначить Дервишъ агу изъ рода Крымтая.

При этомъ имени Шаанъ гирей поблѣднѣлъ. Дервишъ ага пользовазся въ странѣ громаднымъ значеніемъ, явно выражалъ неудовольствія противъ Сагиба и презиралъ отъ всей души Девлетъ гирея.

— Мнѣ кажется, сказалъ Шагинъ—что Дервишъ ага въ настоящее время, когда не прекращены еще военныя дѣйствія между Турціею и Россіею, можетъ быть чрезвычайно полезенъ ханству во первыхъ какъ разумный человѣкъ и наконецъ какъ безпредѣльно преданный отечеству.

— Слышите, господа, что говоритъ братъ мой? ска-

залъ ханъ, обращаясь къ окружавшимъ его представителямъ власти—можетъ быть, вы упустили изъ виду эти достоинства Дервишъ аги?

— Нѣтъ, султанымъ, мы все это приняли въ разсчетъ, отвѣчалъ ханъ-агасы *)—Дервишъ ага своимъ умомъ и любовью къ отечеству съумѣетъ вселить къ намъ расположенность русскаго правительства, въ чемъ мы въ настоящее время крайне нуждаемся.

— Но вы забыли, что внутреннія неурядицы болѣе опасны, проговорилъ Шагинъ гирей, не подымая глазъ.

— Къ несчастію, любезный братъ, мы ихъ пока не замѣчаемъ, но еслибъ, чего не дай Богъ, замѣтили-бы, то надѣемся справиться и безъ Дервишъ-аги.

Шагинъ гирей, понявъ, что не въ силахъ будетъ передѣлать заранѣе обдуманнаго Сагибомъ рѣшенія, не рѣшился противорѣчить.

— Когда-же мы должны выѣхать? спросилъ онъ серіознымъ тономъ.

— Завтра послѣ полудневаго намаза мы позавтракаемъ вмѣстѣ и затѣмъ простимся, отвѣчалъ Сагибъ. Надѣюсь, что къ этому времени все будетъ готово къ вашему отъѣзду.

— Въ такомъ случаѣ мнѣ придется сейчасъ-же возвратиться домой, чтобы переговорить съ русскимъ посломъ и сдѣлать послѣднія распоряженія. Петербургъ очень далекъ отъ Бахчисарая и никто кромѣ Толбай джинджія не можетъ мнѣ сказать, возвращусь-ли я обратно въ Крымъ.

— Если тебя интересуетъ этотъ безсмертный пророкъ, то ты властенъ заѣхать къ нему, сказалъ ханъ съ сдержанною улыбкою.

— О, да, я непремѣнно навѣщу его, отвѣтилъ Шагинъ гирей, удаляясь изъ собранія агов, между которыми не было не единаго пріятеля его.

Шагинъ, вошедъ къ себѣ на дворъ, не сейчасъ вошелъ въ комнату, а прилегъ на скамью подъ громаднымъ деревомъ царьградской шелковицы и, тяжело вздохнувъ, предался размышленію. Ему, родившемуся въ

---

*) Министръ внутреннихъ дѣлъ.

Бахчисараѣ и не отлучавшемуся ни разу отъ дѣдовскихъ гробницъ и очаровательныхъ окрестностей этого мирнаго и спокойнаго града, гдѣ онъ мечталъ царствовать, нынѣ приходилось по прихоти брата и приближенныхъ къ нему негодяевъ, ѣхать въ дальнюю страну, гдѣ небо вѣчно пасмурно, гдѣ солнце рѣдко согрѣваетъ землю. Сначала онъ придумывалъ возможность уклониться отъ этого назначенія, но потомъ, сообразивъ, что сопротивленіемъ можетъ больше повредить себѣ и будущности своей, рѣшился безропотно ѣхать съ тѣмъ, чтобы употребить всѣ усилія добиться престола.

— О, тогда я отомщу всѣмъ врагамъ моимъ, говорилъ онъ про себя — я раздавлю ихъ, какъ червей и чтобы не видѣть ихъ отродья, перенесу резиденцію мою въ Кафу, гдѣ заведу флотъ, который оберегалъ-бы меня съ моря и возвеличилъ-бы славу ханства. Фантазіи эти все болѣе и болѣе расширялись; но вдругъ онѣ задернулись чернымъ облакомъ, изъ котораго выглянула улыбающаяся голова Девлетъ гирея съ ханскимъ каукомъ. Шагинъ гирей вторично вздохнулъ и лѣнивою поступью направился къ сералю своему.

— *Эмчекъ ана!* *), крикнулъ онъ, проходя мимо низенькой постройки—потрудись зайти ко мнѣ на нѣсколько минутъ.

Почтенная старушенка не замедлила явиться.

— Что тебѣ нужно, *арсланчикъ* мой **)? спросила она съ нѣжностію матери.

— Я долженъ сообщить тебѣ очень непріятную вѣсть. По волѣ брата моего Сагиба мнѣ приходится ѣхать въ Россію аманатомъ въ залогъ того, что наши власти не предпримутъ ничего дурнаго противъ русской царицы, а такъ какъ назначеніе мое устроено полнымъ составомъ дивана и его нельзя уже отмѣнить, то ты прикажи приготовить мое бѣлье и одежду къ завтрашнему полудню.

— Какъ, развѣ ты надолго выѣзжаешь? вскрикнула старуха и заревѣла, что было мочи. Нѣтъ, это невоз-

---

*) Молочная мать.
**) Львенокъ мой въ смыслѣ царевичъ.

можно, чтобы родной братъ тебя ссылалъ къ глурамъ! Я сама пойду къ нему и прокляну молоко, которымъ вскормила его: если-же и это не поможетъ, брошусь на могилу отца и матери вашихъ и заставлю ихъ кости заступиться за тебя, моего ненагляднаго кормильца. Неужели онъ не пожалѣетъ меня подъ старость лѣтъ; неужели онъ не убоится моихъ слезъ и проклятій? Боже мой, куда мнѣ придется преклонить мою голову и что ты станешь дѣлать съ твоими вѣрными рабынями, которыя умрутъ отъ скорби?

— Перестать, *анай*, сокрушаться и не трудись напрасно ходатайствовать за меня. Людямъ въ моемъ званія необходимо показывать примѣръ повиновенія старшимъ. Что касается тебя, то ты переѣдешь въ мою загородную дачу Магнушъ и будетъ представлять собою мою власть. За тобою послѣдуютъ всѣ мои невольницы, которыхъ я представляю тебѣ полное право чрезъ 6-ть мѣсяцевъ выдать замужъ по ихъ личному желанію. Изъ всѣхъ ты сбереги для меня только одну Момине, которая съумѣла возбудить во мнѣ искреннее чувство преданности. Старайся, чтобы она не тосковала и вѣрила, что я недолго буду скитаться на чужбинѣ. Я прикажу моему прикащику, чтобы вамъ доставлялось все въ избыткѣ и каждое желаніе исполнялось безъ возраженія. Теперь иди и успокойся. Вы выѣдете почти одновременно со мною. Мои поклоны я буду пересылать тебѣ съ Спирою, которому ты также можешь довѣряться, какъ преданному мнѣ человѣку. Онъ сдѣлаетъ все необходимое для того, чтобы мангушскіе христіане любили и охраняли васъ. Перестань-же плакать, иначе ты навѣешь на душу мою отчаяніе и болѣзнь.

При этихъ словахъ старушка поспѣшила вытереть концами марамы *) своей глаза и приложилась устами къ плечу воспитанника своего.

— Довольно, довольно, мать моя, пошли ко мнѣ Момине, а сама распорядись приготовить меня и себя къ выѣзду.

---

*) Головная накидка въ видѣ полотенца.

Эмчекъ ана нѣсколько разъ ударила себя въ грудь кулакомъ, отчаянно вздохнула, но вынуждена была выйти, чтобы не оскорбить обожаемаго принца. Вмѣсто ея вошла въ комнату прелестная невольница Момине, купленная нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ за огромную сумму Шагинъ-гиреемъ вслѣдствіе того, что враждебные мурзы сговорились не уступить ее ему. Тряхнувъ своими длинными косками, точно пушистымъ хвостомъ, это стройное молодое существо съ ея нѣжною красотою, рванулось со всѣхъ силъ къ другу своему, вскрикнуло и, падая на его колѣни, заголосило неизъяснимо отчаяннымъ голосомъ. Шагинъ гирей схватилъ ее на руки и, прильнувъ съ какою-то яростью къ ея пылающимъ устамъ, въ свою очередь залился слезами.

III.

Мусульмане обязаны пробуждаться съ восходомъ солнца, чтобы совершить установленный намазъ. Правило это обязательно для всѣхъ, честно исполняющихъ религіозныя правила, а такъ какъ высшіе роды должны во всемъ хорошемъ и нравственномъ служить примѣромъ, то въ числѣ и прочихъ членовъ ханской семьи Шагинъ-гирей проснулся гораздо раньше утренняго изана (благовѣста) и направился въ ханъ-джами или придворную мечеть, чтобы помолиться въ ней для будущаго блага своего.

Принцъ этотъ во все время богослуженія находился въ ханской молельнѣ, чтобы избѣгнуть взоровъ любопытныхъ *) и раза четыре прикоснулся губами къ священнѣйшему корану, лежавшему здѣсь со времени высокочтимаго Хаджи Селимъ-гирей-хана. По окончаніи молитвы Шагинъ-гирей направился въ кладбищенскую ограду, примыкавшую къ стѣнамъ мечети, чтобы откланяться праху отцовъ своихъ. Вошедъ сначала въ одну ротонду или кимитирію нѣкогда царствующихъ особъ, онъ почти громко сказалъ:

„Не гнѣвайтесь отцы и матери мои, если прахъ мой

*) Молельня эта сохранилась до настоящаго времени и находится по правую сторону отъ *Мидфиля* или хоръ. Это небольшое деревянное отдѣленіе, прикрытое рѣшотчатою перегородкою.

будетъ лежать вдали отъ васъ, въ странѣ гяуровъ, надъ которою вы господствовали, но которая нынѣ начала повелѣвать вашими потомками. Не гнѣвайтесь и тому, что я стану заискивать дружбы со стороны тѣхъ, которыхъ вы считали рабами своими, я это сдѣлаю съ единственною цѣлью, чтобы, воцарившись, пересоздать ханство и довести его до славы и независимости. Благословите же меня на эти добрыя желанія и испросите благоволенія на нихъ нашего великаго пророка. Во второмъ мавзолеѣ Шагинъ-гирей пробылъ гораздо долже. Здѣсь онъ и молился за упокой и плакалъ отъ необходимости разлучиться на неопредѣленное время съ предметами, близкими душѣ и сердцу его. Лишь только онъ вышелъ изъ кладбища, Куларъ-агасы или начальникъ придворныхъ служителей попросилъ его къ хану на утренній кофе.

— Надѣюсь, братъ мой, сказалъ Сагибъ-гирей, что ты сдѣлалъ всѣ надлежащія распоряженія къ выѣзду. Присутствіе этихъ посланниковъ въ Бахчисараѣ, какъ, я думаю, и тебѣ извѣстно, всегда непріятно дѣйствуетъ на народъ. Того и ожидай, что его придушатъ, а изъ за глупости одного придется пострадать цѣлой странѣ. Я еще вчера получилъ жалобу отъ Долгорукова, что какіе-то ногайцы обидѣли его солдатъ; при чемъ онъ грозитъ мнѣ вторичнымъ вступленіемъ въ Крымъ, если мои подданные не будутъ въ точности соблюдать международнаго права. Воображаю, какую онъ пѣснь запоетъ, если случится несчастіе съ его посломъ отъ имени Екатерины, которую они ставятъ наравнѣ съ какимъ-то божествомъ.

— За мною не будетъ остановки, отвѣчалъ Шагинъ гирей, я жду только экипажа, чтобы выѣхать.

— А деньги есть у тебя?

— Есть немного, но, вѣроятно, императрица мнѣ отпуститъ все необходимое для содержанія въ Петербургѣ.

Въ эту минуту доложили хану, что проситъ позволенія представиться и второй незначенный въ аманаты въ Россію Дервишъ-ага Крымтай.

— Пусть войдетъ, отвѣчалъ ханъ.

Крымтаевъ вошелъ въ роскошномъ нарядѣ съ веселымъ

лицомъ и, сдѣлавъ установленный *темане*, т. е. обрядъ прикосновенія руки, не иначе присѣлъ, пока Сагибъ-гирей не указалъ ему мѣста въ противоположной сторонѣ.

— Извѣстно ли тебѣ, сказалъ ханъ, твое назначеніе ѣхать въ Россію съ братомъ моимъ Шаанъ-гиреемъ?

— Мнѣ сообщилъ объ этомъ вчера вечеромъ диванъ эфенди *).

— Воображаю, какъ насъ бранитъ твоя семья за это распоряженіе, но что же дѣлать, когда я не нашелъ болѣе способнаго человѣка замѣнить тебя.

— Благодарю, султанымъ, за хорошее мнѣніе. Я употреблю всѣ силы мои быть полезнымъ родинѣ.

— Не нуждаешься ли ты въ деньгахъ?

— Родъ Крымтаевыхъ настолько бережливъ, что всегда располагалъ своими средствами.

— Счастливые вы люди! только я одинъ со времени восшествія на престолъ не могу избавиться отъ недостатковъ казны.

— Въ этомъ виноваты твои распорядители. Въ твою казну ежегодно поступаетъ около полутора милліона русскихъ рублей, а на содержаніе служащихъ издерживается не болѣе 200 т. руб. Куда же дѣваются остальныя деньги.

— Дервишъ-ага, ты вмѣшиваешься не въ свои дѣла, замѣтилъ съ неудовольствіемъ гирей, мои приходы и расходы никто не смѣетъ провѣрять кромѣ меня одного.

— Я далекъ этого права, но если намекнулъ, то это былъ отвѣтъ на твое замѣчаніе.

— Въ будущемъ мое положеніе представляется въ болѣе безотрадномъ видѣ, потому что граница царства нашего должна перейти къ Кинбургу, Азакъ-денизу (Азов. морю) и Керчи. О, тогда наше положеніе будетъ самое ненормальное. Я предпочелъ бы уступить Екатеринѣ всѣ земли наши вплоть до Оръ-хапу съ тѣмъ, чтобы освободить Чарше отъ занятія русскими войсками.

Я раздѣляю твои мысли, отвѣчалъ Шагинъ-гирей, и готовъ ходатайствовать объ этомъ у русской царицы. Лучше имѣть немного, но быть полнымъ хозяиномъ

*) Начальникъ верховнаго совѣта.

этого малаго. Я еще недавно читалъ въ одномъ теварикѣ, что во времена литовскаго бея Ольгерда мы могли совершенно свободно обходиться безъ кызлярскихъ степей, что обитающіе на нихъ ногайцы платили дань Литвѣ за право кочевья на нихъ и до того были довольны добрыми соотношеніями, что переходили къ нимъ на службу, а въ заключеніе получили въ даръ всю мѣстность подъ Очаковымъ. Это доказало, что гяуры не находили удобнымъ для себя селиться въ степяхъ сосѣдственныхъ намъ, если же и явилось впослѣдствіи у Днѣпра ихъ поселеніе Алёшки *), то оно основано было по необходимости казаками, потерпѣвшими погромъ вмѣстѣ съ Мазепою и вынужденными сдѣлаться нашими подданными.

— Но вѣдь тогда въ Россіи царствовали мужчины, а не женщины, сказалъ Сагибъ гирей. Замѣчательно однако, что намъ положительно не везетъ, когда въ Россіи царствуютъ женщины. Вспомните, напримѣръ, несчастнаго Капланъ гирея во времена русской царицы Анны. Она разбила его армію по пути слѣдованія къ Багдаду, она отразила его отъ Дербента, а въ концѣ-концовъ направила Мюника (Миниха) къ Перекопу съ приказаніемъ освободить захваченныхъ нами плѣнныхъ, истребить Ногайцевъ и опустошить Крымъ, если не удастся ему покорить его всецѣло. При такой защитѣ, которую имѣлъ въ то время Оръ, предпріятіе это показалось бы безумнымъ, но на дѣлѣ оказалось, что турецкія мѣдныя пушки и 100 т. татаръ явились безсильными предъ волею слабой женщины, войска которой бросились въ глубокій ровъ и, составивъ въ немъ изъ штыковъ лѣстницы, очутились предъ нами какъ черти. Естественно, что послѣ этого все бѣжало и гибло предъ такими звѣрями и все должно было затрепетать даже въ Стамбулѣ. Кромѣ стыда и позора, мы лишились навсегда Азова, предоставившаго русскимъ возможность завести флотъ и заглядывать въ наши моря. Будь царемъ въ это время въ Россіи мужчина, онъ

*) Есть предположеніе, что его основало нѣсколько человѣкъ, именовавшихся Алешками или Алексѣями.

довольствовался-бы этимъ, но женщина не угомонилась: чрезъ годъ къ намъ пожаловалъ графъ Ласси съ огнемъ и мечемъ. На этотъ разъ отцы наши думали, что русскіе не пожелаютъ болѣе являться въ Крымъ, но они забыли, что женщина забываетъ месть только со смертію и не прошло одиннадцати мѣсяцевъ какъ ему-же, этому Ласси, снова приказано было завладѣть нашимъ ханствомъ. Вы очень хорошо знаете, какъ жестоко онъ поступилъ съ нашимъ народомъ и конечно, достигъ-бы цѣли, еслибъ не предавалъ истребленію всѣ жизненные продукты, безъ которыхъ самъ впослѣдствіи не могъ обойтись, и вынужденъ былъ оставить Крымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что злопамятная царица эта не ограничилась-бы подобными выходками, еслибъ милостивый Аллахъ не сокрушилъ ея жизни. Съ восшествіемъ на престолъ Екатерины повторилась противъ Крыма таже ненависть, но чѣмъ она кончится, Богъ вѣсть. Мнѣ извѣстно только, что если мы переживемъ и эту государыню, то при восшествіи третьей женщины на русскій престолъ наше ханство перестанетъ пользоваться самостоятельностію.

— Къ счастію, послѣ Екатерины не будутъ царствовать болѣе женщины, сказалъ Шагинъ гирей.

— Въ такомъ случаѣ, любезный братъ, мнѣ приходится убѣдительно просить тебя стараться отъ всей души расположить Екатерину ко мнѣ. Намъ необходимо пережить эту женщину и только тогда царство наше продолжитъ существованіе свое на нѣсколько столѣтій еще или до того времени, пока въ Россіи опять явится женщина въ коронѣ. Я слышалъ своими ушами отъ одного благочестиваго человѣка, что Крымъ будетъ завоеванъ женщиною, какъ-бы въ наказаніе за гордость и самоувѣренность его буйныхъ жителей. Тебя, Дервишъ ага, я также прошу быть нашимъ заступникомъ и ходатаемъ и смиряться временно предъ людьми, ненавидящими насъ, потому что на Турцію мы не можемъ возлагать прежнихъ надеждъ, а должны управляться своимъ умомъ и своими силами. Горе намъ, если Екатерина станетъ подражать Аннѣ, а это, кажется, она имѣетъ въ виду, потому что Долгоруковъ съ своимъ корпусомъ стоитъ

надъ нами, какъ коршунъ, выжидающій мановенія ея руки. Дай Богъ, чтобы представляемый нами въ лицѣ вашемъ залогъ предохранилъ насъ отъ вторичнаго его визита, но онъ не минуемъ, если только не послѣдуетъ въ скоромъ времени полнаго мира съ Турціею.

— Отъ этого мира намъ мало будетъ пользы, отвѣчалъ Шагинъ гирей.

— Но развѣ намъ лучше отъ продолженія войны? спросилъ Дервишъ ага—мы изнемогаемъ отъ неизвѣстности и ложнаго состоянія и чувствуемъ себя безсильными повлять на султана, чтобы онъ остановилъ такъ безразсудно начатую войну изъ за ничтожной Балты, за которую Россія готова была заплатить.

— Прошлое прошло, отвѣчалъ ханъ—султанъ льститъ себя надеждой не потерять ничего кромѣ потеряннаго уже.

— Онъ и безъ того не потеряетъ ничего, но потеряемъ все мы изъ за того, что имѣли несчастіе считаться подвластными Турціи. Россія скуетъ насъ желѣзнымъ обручемъ, чтобы отдѣлить отъ единовѣрцевъ, признанныхъ нами за своихъ повелителей.

Капуджи баши заявилъ, что завтракъ готовъ. Какъ только Сагибъ гирей поднялся съ мѣста, вошелъ разменный бей въ сопровожденіи русскаго посла.

Ханъ сдѣлалъ имъ знакъ слѣдовать за собою въ столовую и приказалъ подать кофе.

— Тебѣ, повидимому, надоѣло уже жить въ моей столицѣ, сказалъ ханъ съ легкою улыбкою, обращаясь къ послу.

— Твоя резиденція такъ красива, отвѣчалъ гость— что я пробылъ-бы въ ней цѣлый десятокъ лѣтъ, еслибъ не вынужденъ былъ по приказанію начальника немедленно возвратиться.

— Ты ужъ говорилъ мнѣ объ этомъ и сегодня-же получишь какъ отвѣтъ на бумагѣ, такъ равно и аманатовъ, которыхъ видишь предъ собою, въ лицѣ роднаго брата моего и Дервишъ мурзы Крымтая. Надѣюсь, что русская царица будетъ милостива къ нимъ и извинитъ за личные недостатки, если таковые у нихъ найдутся.

Посолъ поклонился.

— Передай также бею Долгорукову, что я желаю ему много лѣтъ здравствовать и очень радъ лично повстрѣчаться съ нимъ, чтобы побесѣдовать пріятельски. Отчего-же резидентъ вашъ не пришелъ съ тобою? внезапно спросилъ гирей.

— Онъ, вѣроятно, придетъ въ то время, когда ему назначено. Если же свѣтлѣйшему хану угодно видѣть его раньше, то я теперь-же сообщу ему объ этомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ не надобно безпокоить этого почтеннаго человѣка. Онъ самъ придетъ, а до того времени ты, Шагинъ гирей, показалъ-бы нашему гостю ханъ-сарай, чтобы сократить время.

Сагибъ гирей, чувствуя себя въ неловкомъ положеніи, старался удалить отъ себя брата и Крымтая и какъ только они вышли, приказалъ отнести Вселитскому пакетъ на имя императрицы и объявить ему, что отъѣздъ аманатовъ послѣдуетъ ровно чрезъ часъ послѣ полдневной молитвы.

Шагинъ гирей, очутившись въ одномъ изъ дворовыхъ павильоновъ, предложилъ слѣдовавшему за нимъ послу выкурить по одному кальяну.

— Я очень люблю эту бесѣдку, сказалъ онъ. Она построена между дворцомъ и кладбищемъ какъ-бы съ цѣлью, чтобы представлять намъ всѣ наслажденія жизни и въ тоже время напоминать вѣчный покой смерти. Къ счастію, до ней не коснулось ни одного ядра во время безжалостнаго нашествія Мюниха на Бахчисарай.

— А много-ли этотъ полководецъ нанесъ столицѣ вашей вреда?

— Этого нельзя оцѣнить никакими суммами; во первыхъ мы лишились всѣхъ построекъ, которыя были восхитительны; во вторыхъ мы потеряли всѣ почти наслѣдственныя сокровища еще со временъ дженевезовъ (генуэзцевъ), которые заботливо свозили въ Крымъ богатства вселенной, и наконецъ мы лишились огромнаго количества рукописей, собранныхъ Крымскими ханами со времени Хаджи гирея. Какъ жаль, что предки мои не могли предвидѣть, что настанетъ время, когда и съ

ихъ имуществомъ также поступятъ, какъ поступали они съ чужимъ, и наконецъ какъ они не могли сообразить, что Бахчисарайская котловина совершенно не соотвѣтствуетъ для резиденціи хана, находящагося въ постоянномъ сношеніи съ Стамбуломъ и другими приморскими городами. О, еслибъ мнѣ пришлось царствовать въ ихъ времена, я воздвигъ-бы свой сераль въ Керчи, господствующей надъ проливомъ двумя морями и двумя материками.

Сказавъ это, Шаанъ гирей тяжело вздохнулъ при мысли, что этотъ лучшій пуктъ ханства обѣщанъ уже Россіи.

— Еслибъ Бахчисарай былъ невыгоднымъ мѣстомъ, замѣтилъ русскій посолъ, то въ немъ не основалъ бы своей столицы скиѳскій царь.

— Эта столица, вѣроятно, была на Чуфутъ кале, который не доступенъ и теперь. При тогдашнихъ условіяхъ жизни мѣстность эта, дѣйствительно, была очень удобна, но теперь Крымъ находится въ рукахъ одного властелина и когда мы обмѣниваемся нашими произведеніями съ сосѣдними странами, намъ приходится избрать такое мѣсто для резиденціи хана, къ которому можно подходить на судахъ. Я охотно посовѣтовалъ бы брату моему переселиться въ Кафу, которая не потребовала бы особенныхъ затратъ на укрѣпленія и которая имѣетъ прекрасную бухту и много роскошныхъ зданій, сооруженныхъ турками, но, къ сожалѣнію, сознаю, что онъ не пойметъ этихъ выгодъ и побоится оскорбить улемовъ оставленіемъ священнаго для нихъ града.

— Какимъ же образомъ поступилъ съ духовенствомъ Хаджи-гирей ханъ въ то время, когда рѣшился покинуть первобытную столицу Крыма Солхатъ или Эски Крымъ. Городъ этотъ, кажется, особенно славился и мечетями, и училищами и торговлею.

— Хаджи гирей не покидалъ его окончательно, но намѣренъ былъ покинуть, вслѣдствіе близкаго сосѣдства съ дженевезами, которые могли во всякое время сдѣлать нападеніе и плѣнить его. Онъ только временно удалился отъ нихъ; но непростительно сыну его и послѣдующимъ ханамъ, что они не съумѣли устроиться

въ Керчи, чтобы господствовать одновременно надъ Крымомъ и Кавказомъ и въ тоже время пріучить народъ свой къ мореплаванію. При этомъ ничтожномъ съ вида условіи границы ханства могли бы раздвинуться съ одной стороны до Каспійскаго моря, а съ остальныхъ до Персіи и Турціи. Тогда только въ крѣпкомъ союзѣ съ сосѣдними единовѣрцами, мы окрѣпли бы настолько, что вновь заставили бы европейцевъ уважать наши права. Впрочемъ—прибавилъ онъ съ улыбкою—мы всегда разсуждаемъ хорошо, когда невозможно возвратить утерянаго.

— Я очень желалъ бы узнать что-нибудь о томъ, какимъ образомъ вашъ родоначальникъ избралъ эту мѣстность для жительства?

— Объ этомъ мы имѣемъ довольно смутныя преданія въ родѣ того, что Хаджи гирей нашелъ Бахчисарайское ущелье подобнымъ Меккскому; что его очаровали окрестности, изобилующія проточными водами, что въ ущельи этомъ было всегда много дичи, а къ этому навѣрно присоединилась мысль удалиться отъ генуэзцевъ или по крайней мѣрѣ запастись вдали отъ нихъ неприступнымъ замкомъ на Чуфутъ кале. Въ виду всего этого онъ соорудилъ здѣсь лѣтнее зданіе, которое впослѣдствіи перенесено было въ центръ ущелья сыномъ его Менгліемъ.

— Чѣмъ же все это подтверждается?

— Къ сожалѣнію ничѣмъ и самая древнѣйшая надпись о первыхъ мусульманахъ въ Бахчисараѣ относится къ 1442 году, послѣдующая же, сохранившаяся на общественной банѣ, относится къ 1513 году и свидѣтельствуетъ, что она построена Адиль-Сагибъ гиреемъ, сыномъ Менгли гирей хана. Есть еще одно преданіе, что Хаджи гирей имѣлъ и третій дворецъ въ деревнѣ Улаклы *), но о немъ я ничего не знаю достовѣрнаго.

Выкуривъ кальяны, Шагинъ-гирей и русскій посолъ обошли всѣ наружные садики дворца и затѣмъ разстались, чтобы ускорить приготовленія свои къ отдаленной поѣздкѣ.

---

*) Въ 6-ти верстахъ отъ Бахчисарая.

За воротами ханъ сарая Шагинъ гирей замѣтилъ Каравунети, сдѣлавшаго ему условный знакъ приблизиться къ одному изъ городскихъ фонтановъ.

— Ко мнѣ пріѣхалъ часъ тому назадъ нашъ митрополитъ Игнатій — сказалъ Спиро, умывая руки — не имѣешь-ли ты сообщить ему какихъ-либо приказаній?

— Передай ему, чтобы онъ съѣздилъ въ Ичь-эли *) и подготовилъ мнѣ нѣсколько судовъ, которыя находились бы въ постоянной готовности выступить въ море и состоять въ распоряженіе друзей моихъ. Я знаю, что лучшими судами владѣютъ греки въ товариществѣ съ татарами и не уступятъ правъ своихъ послѣднимъ, если не повліяетъ на нихъ такая почтенная личность, какъ Игнатій.

— А какъ скоро тебѣ понадобятся эти суда?

— Какъ только произойдетъ бунтъ и удаленіе брата моего съ престола.

— А развѣ предвидится что-нибудь подобное?

— Я до такой степени возмущенъ противъ брата моего и преданныхъ ему негодяевъ, что рѣшаюсь самъ ускорить паденіе его.

— Но вѣдь ты сегодня уѣзжаешь?

— Я оставляю вмѣсто себя друзей, которые съумѣютъ довести дѣло до конца. Проѣзжая Ахмечетъ и Карасубазаръ, я постараюсь повидаться со всѣми нужными мнѣ лицами и кстати навѣщу Толбая, пророчеству котораго всѣ повѣрятъ. Кстати, Спиро, я хочу просить тебя принять къ себѣ взятаго мною цыганенка Кыргія, который обѣщаетъ мнѣ быть отличнымъ слугою. Ты можешь употреблять его на всѣ наши дѣла безъ боязни и не подвергая ни себя, ни единовѣрцевъ своихъ опасности быть замѣшанными въ дѣла господствующей націи. Онъ ни въ чемъ не нуждается, кромѣ стараго кафтана и насущнаго пропитанія, но я за все это заплачу тебѣ по возвращеніи изъ Россіи.

— Прикажи ему прійти и я съ удовольствіемъ исполню твое желаніе безъ всякихъ вознагражденій. Отъ всей

---

*) Южный берегъ.

души желаю тебѣ счастливаго пути—прибавилъ Каравунети и скрылся въ ближайшемъ переулкѣ.

Шагинъ гирей возвратился домой, а два часа спустя самъ выпроводилъ со двора всѣхъ почти служащихъ у него женщинъ. Кыргію приказано было переселиться къ Спиридону и свято исполнять всѣ приказанія его.

— А ты хотѣлъ взять меня въ Россію? сказалъ цыганенокъ.

— Не стоитъ труда, потому что я не думаю долго оставаться въ этой странѣ. Если же ты хорошо будешь вести себя и главное никому не будешь разсказывать, куда тебя будетъ посылать Спиро и зачѣмъ, — я съумѣю сдѣлать тебя счастливымъ человѣкомъ. Понимаешь!

— Я не такъ глупъ, чтобы не понять такихъ ясныхъ словъ, лишь бы Спиро довѣрялъ мнѣ. Я самого черта съумѣю обмануть.

Принцъ далъ ему золотую монету на лакомства и махнулъ рукою. Послѣ чего онъ призвалъ брата кормилицы своей и, поручивъ ему снести саквы свои къ резиденту Вселитскому, предался размышленію. Мысль о томъ, какъ приметъ его русская царица и пожелаетъ ли она содѣйствовать ему къ воцаренію въ Крыму,— сильно безпокоили его. Въ тотъ моментъ, когда посланный татаринъ возвратился отъ Вселитскаго и заявилъ, что все готово къ отъѣзду ихъ, Шагинъ гирей быстро вскочилъ на ноги и почти громко произнесъ: „надо, чтобы въ отсутствіе мое произошло изгнаніе Сагиба. Это только ускоритъ мою надежду и заставитъ императрицу обратить вниманіе на меня“! Сказавъ это, онъ вложилъ нѣсколько золотыхъ старому слугѣ въ руку, и поручивъ его милостямъ Бога, вышелъ со двора.

Нѣсколько часовъ спустя изъ Бахчисарая выѣхала коляска, сопровождаемая двумя гвардейцами и нѣсколькими преданными Шагину мурзами, изъявившими желаніе проводить его до посольскаго стана на Алмѣ, куда заранѣе отправилъ Каравунети любимый султаномъ завтракъ и цѣлый боченокъ переваренного съ разными пряностями вина.

Такъ какъ станъ этотъ находился всего въ 15-ти вер-

стахъ, то путешественники, намѣрившіеся ночевать въ Ахмечетѣ у Калги султана, рѣшились погулять здѣсь нѣкоторое время съ тѣмъ, чтобы окончательно условиться въ дальнѣйшемъ образѣ дѣйствія. Въ числѣ сопровождавшихъ гирея были Эръ мурза и Батыръ мурза Крымтаевы, владѣтели Эски орды, Абдувели паша, Балатуковы, Ногаевы и нѣкоторые другіе, недовольные Сагибомъ.

Вотъ здѣсь на большой дорогѣ эта небольшая партія условилась свергнуть съ престола хана, избраннаго всесильными Ширинскими и поддержаннаго княземъ Долгоруковымъ, и поклялась за кувшиномъ отраднаго муселеза дѣйствовать неутомимо.

Въ Ахмечетѣ Шагинъ гирей отпустилъ Дервишъ агу къ друзьямъ его, а самъ направился къ Калгѣ султану, имѣвшему свою постоянную резиденцію на мѣстности отъ большаго фонтана до теперешняго Петровскаго села. Гирей не особенно благоволилъ къ этому представителю наслѣдственныхъ правъ, но тщательно скрывалъ свою ненависть подъ маскою любезности. Притомъ дворецъ его съ множествомъ фонтановъ, цвѣтовъ и чрезвычайно высокихъ деревьевъ до того нравился ему съ дѣтства, что Шагинъ не могъ миновать его.

Хитрый Калга Селяметъ султанъ принялъ его чрезвычайно радушно на одномъ изъ балконовъ, драпированныхъ мягкими софами и персидскими коврами и показалъ видъ изумленія, что ханъ отдаетъ единокровнаго брата своего въ аманаты въ страну гяуровъ.

— О, Аллахъ, Аллахъ—вскрикнулъ онъ—до какихъ ужасныхъ дней дожилъ родъ величайшаго родоначальника нашего! Нѣтъ, все мнѣ пророчитъ, что царство наше приближается къ смерти и первые припадки издыханія его начнутся съ того момента, когда русскимъ удастся одолѣть турковъ и занять Чарше базаръ. Бѣдный братъ твой Сагибъ гирей, совершенно потерялъ голову и предлагаетъ мнѣ ѣхать на жительство въ Туманъ-ада (Тамань), чтобы сформировать защиту на этой сторонѣ, но все это ни къ чему не послужитъ, если Керченскій проливъ выйдетъ изъ нашей власти. Охъ-

охъ-охъ, видно книга мудрости перешла изъ мусульманскихъ въ христіанскія руки.

Въ это время послышался голосъ, выходящій какъ бы изъ стѣны: „Самъ *Сулейманъ пейгамберъ* *) обязалъ духовъ подпискою давать дань тѣмъ, у кого будетъ находиться его магическая книга“.

Шагинъ гирей съ ужасомъ посмотрѣлъ на Калгу, а калга на него. Только одинъ изъ гостей, сидящихъ на противоположной софѣ не выразилъ ни малѣйшаго изумленія.

— Кто бы это отвѣчалъ мнѣ? засуетился хозяинъ, приказывая слугамъ осмотрѣть всѣ ближайшія комнаты.

Тѣмъ временемъ таинственный голосъ раздался на потолкѣ: „мы тѣ-же пчелы, усердно собирающія медъ, не предвидя того, что за нашими ульями наблюдаютъ медвѣди. Но да останется мое слово подъ каменною скалою и да наоститъ Аллахъ саблю нашего хана, чтобы спина его не преклонилась предъ врагами святой вѣры!

— Аминь! произнесъ со страхомъ калга султанъ, не подозрѣвая, что съ ними находился чревовѣщатель.

Шагинъ гирей болѣе храбрый, но настолько же суевѣрный, какъ и калга султанъ, предположивъ, что съ ними бесѣдуетъ добрый духъ, рѣшился сдѣлать ему нѣсколько вопросовъ относительно своей будущности.

— Добрый Джинъ—сказалъ онъ съ легкою дрожью въ голосѣ—вѣдомо ли тебѣ, что я разлучаюсь съ ханствомъ въ его ужасную минуту и не ошибся ли братъ мой, высылая меня въ Россію.

„Ты уходишь за стѣну защиты—послышался снова голосъ подъ ковромъ—откуда увидишь свѣтъ надежды, потому что два паяца на одной веревкѣ не могутъ плясать.

— Что означаютъ эти слова? заботливо спросилъ калга.

„То означаютъ—отвѣчалъ таинственный голосъ—что человѣкъ, заставившій плакать другихъ—самъ невозрадуется.

---

*) Такъ называютъ татаре царя Соломона.

— Я ничего не понимаю изъ этого отвѣта.

„Въ такомъ случаѣ ты глупъ и я не намѣренъ болѣе говорить съ тобою.

И дѣйствительно на дальнѣйшіе вопросы не послѣдовало никакихъ отвѣтовъ.

Событіе это произвело на Калгу султана такое потрясающее дѣйствіе, что онъ впалъ въ мрачное настроеніе и объяснялъ его ужасными явленіями въ будущемъ. Чѣмъ больше этотъ вельможа предавался отчаянію и скорби, тѣмъ веселѣе чувствовалъ себя Шагинъ-гирей.

На слѣдующій день аманаты прибыли къ Толбаю, поселившемуся невдали отъ деревни Калсты у священной могилы сорока азизовъ. Принцу непремѣнно хотѣлось переговорить съ этимъ премудрымъ старцемъ, выдавшимъ себя за пророка и чудотворца, прожившаго около 400 лѣтъ.

— Наконецъ то я дождался увидѣть тебя въ моемъ святомъ жилищѣ—сказалъ хитрый старикъ, когда вступилъ Шагинъ гирей.

— Я пришелъ проститься съ тобою дѣдушка, потому что выѣзжаю въ Россію, откуда не всѣ возвращаются.

— Зачѣмъ же ты ѣдешь, такъ далеко? спросилъ Толбай.

— Меня назначили аманатомъ.

— Это значитъ, что судьба имѣетъ въ виду сдѣлать тебя нашимъ ханомъ. Но вотъ вопросъ: спасешь ли ты ханство отъ предстоящей гибели твоего рода или послѣдніе отпрыски Чингисъ хана примутъ религію гяуровъ? Впрочемъ предопредѣленія мы не властны пошатнуть. Бѣдный Сагибъ гирей ханъ, онъ навѣрно потеряетъ власть свою прежде, чѣмъ ты успѣешь заслужить вниманія русской царицы. И къ чему онъ отдаляетъ тебя отъ Крыма въ ту минуту, когда ты болѣе всѣхъ ему нуженъ? Настоящее положеніе наше чрезвычайно напоминаетъ мнѣ дни *пердалеза* или времени отчаянной ссоры марта съ апрѣлемъ, а въ это время люди благоразумные не выпускаютъ изъ двора своего никого изъ родныхъ, чтобы не подвергнуть ихъ злости бурана.

— Неужели опасность наша такъ велика, дѣдушка?

— Она у насъ на носу. Это чувствуютъ даже лошади и верблюды.

— Чтоже мнѣ дѣлать, чтобы предупредить ее?

— Ты только можешь ускорить бѣду.

— Толбай, ты оскорбляешь меня въ глаза.

— Прости меня, но я правду говорю. Не съ твоимъ характеромъ взяться за это дѣло, требующее особеннаго терпѣнія, хладнокровія и настойчивости. У тебя же замѣчательныя крайности: ты упоренъ, безпощаденъ и довѣрчивъ.

— А ты дерзокъ и достоинъ висѣлицы, отвѣчалъ оскорбленный гирей.

— Я ожидалъ отъ тебя такого отвѣта и не сомнѣваюсь, что еслибъ ты былъ калифомъ на часъ, то приказалъ бы въ первую минуту вспышки повѣсить братьевъ своихъ, а потомъ всѣхъ, кто сказалъ о тебѣ дурное слово.

— Очень можетъ быть, потому что я очистилъ бы ханство отъ зловредныхъ людей и обновилъ бы въ немъ соки.

— А я тебѣ скажу, что не родись ты, Крымъ просуществовалъ бы до того момента, пока турки не покинули бы завоеванной Византіи.

— Я постараюсь доказать твое невѣжество, дерзкій старикъ, сказалъ Шагинъ гирей и, повернувшись, вышелъ изъ убогаго жилища Толбая.

„Я взбѣсилъ его, проговорилъ колдунъ, и этимъ еще сильнѣе заставлю домогаться Крымскаго престола, а при немъ мои несчастные собратья христіане навѣрно избавятся отъ позорнаго рабства. О, Боже, обрадуй меня, на закатѣ дней моихъ этою милостію! Довольно уже мнѣ обманывать враговъ моей вѣры съ цѣлью оберегать братьевъ отъ злодѣйства. Довольно мнѣ заниматься магіею и безпутствомъ и, чего бы я ни далъ, чтобы возвратиться къ дѣтямъ моимъ и безъ страха провести послѣднія минуты въ ихъ обществѣ!

Шагинъ гирей сейчасъ же уѣхалъ въ Карасубазаръ, гдѣ пробылъ двое сутокъ въ совѣщаніяхъ съ друзьями. Затѣмъ сопровождаемый многими молодыми мурзами и беями, онъ направился къ Индже (Геническу), гдѣ не

такъ еще давно его сберегали отъ ужасной чумы близкіе ему люди. Эта деревушка всегда останавливала его вниманіе какъ стратегическимъ значеніемъ, такъ равно и тѣмъ, что благодаря ей онъ два раза спасался отъ болѣзни, не щадившей ни молодости, ни старости и въ особенности въ 1771 году, когда она распространилась изъ Крыма по Россіи и на половину опустошила Москву.

Надо знать, что Крымскіе татаре въ образѣ чумы представляли какихъ-то особеннаго рода духовъ, которые имѣли власть принимать человѣческій образъ и поражать всѣхъ встрѣчныхъ острыми копьями, отчего послѣдніе заболѣвали и непремѣнно умирали. Проходя всѣ населенныя мѣстности Крыма, духи эти, по замѣчанію старожиловъ, никогда не показывались въ окрестностяхъ теперешняго Геническа и вообще около береговъ Сиваша. Замѣчаніе это было провѣрено ханами и когда оказалось не подлежащимъ сомнѣнію, то они, при первомъ извѣстіи о появленіи въ ихъ странѣ чумы, спѣшили отправить свои семейства въ эти мѣста.

На чемъ было основано это убѣжденіе, трудно объяснить; но мы очень хорошо понимаемъ въ настоящее время, что сильныя испаренія іодистыхъ и бромистыхъ началъ могли препятствовать зарожденію около Сиваша смертоносныхъ міазмъ.

Въ виду сказаннаго Шагинъ гирей какъ бы въ благодарность за жизнь остановился ночевать въ томъ самомъ улусѣ ногайцевъ, гдѣ онъ такъ счастливо избавлялся съ дѣтства отъ отравленныхъ стрѣлъ безжалостныхъ духовъ.

Есть преданіе между татарами, что царевичъ послѣ ужина вышелъ пройтись по берегу моря и сѣлъ на землю въ глубокомъ раздумьи. Мысль, чѣмъ кончится его аманатство и долго ли придется тосковать за родиною, заставила его поднять вопросительные взоры къ небу, но въ это время чей-то таинственный голосъ сказалъ ему на ухо:

„Надѣйся на милости пророка, который не покидаетъ тебя изъ вида. Ты непремѣнно будешь царствовать, если съумѣешь быть достойнымъ исполнителемъ законовъ Божіихъ.

Шагинъ гирей быстро оглянулся, но никого не замѣтилъ.

Съ этого времени онъ ободрился и голосъ этотъ не переставалъ слышаться ему въ трудныя минуты жизни.

IV.

Мы раньше говорили о Толбаѣ, поселившемся въ качествѣ шеиха въ знаменитомъ татарскомъ святилищѣ Хыркъ-азизъ между Симферополемъ и Карасубазаромъ, но не сказали, кто онъ былъ и какимъ образомъ прослылъ въ народѣ за безсмертнаго человѣка.

Толбай былъ лѣтъ 30 тому назадъ армянскимъ учителемъ въ окрестности Ѳеодосіи и чрезвычайно интересовался татарскою и персидскою литературою. Однажды попалась ему въ рукописи сказка о колдунѣ Толбаѣ, жившемъ и дѣлавшемъ необыкновенныя чудеса съ припискою въ концѣ, что колдунъ этотъ проживетъ до 400 лѣтъ и будетъ во все это время благодѣтельствовать царямъ и народу пророчествами и славными дѣлами. Заинтересованный этимъ предположеніемъ дальновидный армянинъ вскорѣ убѣдился, что всѣ почти грамотные татаре вѣрятъ въ существованіе Толбая, но считаютъ его въ отсутствіи изъ Крыма.

Съ этого времени онъ какъ-то безотчетно предался изученію магіи и всего относящагося до исторіи Крыма.

Въ одно время къ нему заѣхалъ сборщикъ податей и послѣ скуднаго ужина заявилъ, что прибылъ за ясакомъ и недоимками, числящимися за нимъ съ минувшихъ лѣтъ.

— Къ несчастію моему, я ничего не имѣю, отвѣчалъ Аведикъ, за исключеніемъ того, что находится въ домѣ и на нашихъ плечахъ.

Сборщикъ, осмотрѣвъ все никуда негодное имущество бѣдняка, внезапно увидѣлъ одну изъ дочерей его, съ большими черными глазами и изящнымъ корпусомъ.

— Кто эта дѣвченка? спросилъ онъ.

— Эта дочь моя.

— Въ такомъ случаѣ я вынужденъ буду взять ее въ залогъ или на продажу, сказалъ алчный татаринъ.

— Ну, братъ, извини, мы не допустимъ до такихъ насилій.

— Въ такомъ случаѣ заплати слѣдуемое намъ.

— Я заплачу, когда пріобрѣту деньги.

— А я не могу дольше ожидать и вынужденъ буду рѣшится на насиліе.

— Едвали ты этимъ достигнешь цѣли своей.

— Посмотримъ, отвѣчалъ сборщикъ и, сѣвши на лошадь, направился въ сосѣднюю татарскую деревню, чтобы вызвать оттуда нѣсколько человѣкъ къ себѣ на помощь.

Понявши въ чемъ дѣло, Аведикъ вооружился кинжаломъ, вскочилъ на первую попавшуюся ему на глаза лошадь и, нагнавъ злодѣя въ лѣсу, самымъ безжалостнымъ образомъ убилъ его. Затѣмъ, переодѣвшись въ его платье, въ карманахъ котораго оказалась порядочная сумма денегъ, онъ заботливо закопалъ тѣло и около полуночи возвратился домой.

— Ну, жена, я совершилъ убійство, сказалъ онъ, чтобы спасти нашу дочь и долженъ буду бѣжать,—и онъ передалъ о случившемся. Не плачь и не тужи за мною, добавилъ онъ, авось я на другомъ поприщѣ больше буду пріобрѣтать, чѣмъ въ настоящее время. Первые три или четыре мѣсяца мы не увидимся; если же въ теченіе этого времени найдена будетъ въ лѣсу моя одежда и откроютъ зарытый скелетъ сборщика, ты постарайся убѣдить всѣхъ, что это меня убили. Затѣмъ ты каждое первое число приходи въ пещеру за деревнею, гдѣ я буду оставлять тебѣ деньги въ намѣченномъ уголку. Сказавъ это, Аведикъ крѣпко прижалъ къ груди своей жену и распрощался съ нею на неопредѣленное время.

Выѣхавъ изъ деревни, онъ направился къ Керчи, гдѣ продавъ доставшагося ему коня, переправился къ черкесамъ, а потомъ въ первобытное отечество свое Арменію. Здѣсь онъ предался изученію медицины и магіи и всего того, что относилось къ жизни знаменитаго Толбая.

Въ урочный день онъ явился въ пещеру и привезъ нѣсколько десятковъ червонцевъ для поддержанія семьи. Онъ настолько измѣнился наружностію въ эти четыре мѣсяца, что жена съ трудомъ могла узнать его.

— Ну, а что думаютъ о моемъ внезапномъ исчезновеніи? спросилъ онъ.

— Всѣ убѣждены, что ты убитъ, отвѣчала добрая женщина, потому что трупъ сборщика окончательно былъ испорченъ, когда его открыли.

— Съ одной стороны это отлично, но съ другой я отнынѣ не осмѣлюсь никогда возвратиться домой, сказалъ со вздохомъ Аведикъ. Теперь я полагаю переѣхать къ ногайцамъ, гдѣ надѣюсь пріобрѣсти столько, сколько понадобится для твоего полнаго обезпеченія. Только ты, пожалуйста, не выдай меня на случай, если къ тебѣ пригонятъ нѣсколько штукъ коровъ и отару овецъ отъ неизвѣстнаго благодѣтеля съ требованіемъ какого-либо кусочка отъ твоего стараго платья, волосъ или чего-нибудь другаго. Видишь ли, я хочу сдѣлаться такимъ колдуномъ, какимъ былъ Толбай-джинджи и приму его имя, потому что татаре вѣрятъ въ его существованіе. Это единственное средство, чтобы тебѣ прожить съ дочерьми нашими безъ нужды.

И дѣйствительно, съ этого времени къ этой никому почти неизвѣстной женщинѣ начали являться коровы, волы, лошади и овцы, чтобы взамѣнъ получить отъ нея какое-нибудь лекарство, въ родѣ травы или старой тряпки отъ ея собственной одежды, необходимой для окурки больнаго.

Такимъ образомъ бѣдствующая семья Аведика въ самомъ непродолжительномъ времени перестала испытывать нужды и обѣ дочери его вышли замужъ за зажиточныхъ купцовъ, которые подъ видомъ торговли навѣщали Толбая и получали отъ него пособія для обезпеченія семейнаго благосостоянія.

Послѣ смерти жены своей Аведикъ, о которомъ распространилась слава по сѣвернымъ окрайнамъ Крыма, переѣхалъ въ Оръ-капу, затѣмъ въ Карасубазаръ, Ахмечетъ, Гезлевъ и Бахчисарай. Онъ такъ мастерски лечилъ, предсказывалъ будущность и вліялъ на вельможъ ханства, что всѣ считали его за великаго человѣка и не отвергали того, что онъ прожилъ болѣе 3½ вѣковъ. Заслуживъ особенную расположенность Крымъ-гирей хана, онъ съ особеннымъ удовольствіемъ принялъ спо-

койную обязанность шеиха при 40-ка святыхъ, къ могиламъ которыхъ ежедневно пріѣзжали десятки больныхъ и богобоязливыхъ мусульманъ, считавшихъ за религіозное правило одарять шеиха деньгами. Но когда Толбай началъ считать себя и зятей своихъ достаточно богатыми, чтобы вести самостоятельную жизнь въ христіанскомъ государствѣ, то задумалъ съ помощію нѣкоторыхъ вліятельныхъ армянъ и грековъ подготовить эмиграцію ихъ въ Россію, гдѣ и онъ могъ бы счастливо дожить послѣдніе годы жизни. Томимый этимъ желаніемъ, онъ жаждалъ повидаться съ Каравунети, который былъ въ дружественныхъ сношеніяхъ съ греческимъ митрополитомъ Игнатіемъ, армянскимъ архимандритомъ Петромъ и ярмяно-католическимъ священникомъ Іаковомъ, всегда готовыми поднять народъ свой на переселеніе, если этому поблагопріятствуютъ обстоятельства и если явится содѣйствіе со стороны русской царицы. Дальновидному Аведику не трудно было сообразить, что послѣ присоединенія Керчи къ Россіи ханское правительство, лишившись стороннихъ доходовъ, положительно начнетъ выжимать послѣдніе соки изъ христіанъ, но что если эти христіане уйдутъ изъ страны, то при всѣхъ усиліяхъ гиреевъ, оно начнетъ разлагаться и дойдетъ до самоуничтоженія.

Толбай болѣе часу сидѣлъ въ глубокомъ раздумьи и порѣшилъ повидаться съ Спиридономъ Каравунети, но такъ какъ этого нельзя было сдѣлать безъ приличнаго повода, чтобы не возбудить сомнѣнія, то онъ началъ разсказывать улемамъ, пріѣзжавшимъ изъ Бахчисарая, что желалъ бы заглянуть въ ханскую мечеть, чтобы помолиться въ ней Аллаху и принести жертву, чтобы не допустить врага вновь предать огню священнаго жилища гиреевъ.

— Неужели намъ опять предстоитъ это несчастіе? съ ужасомъ спрашивали почтенные хатипы.

— Къ несчастію да; но я нашелъ въ одной изъ книгъ моихъ тайну, которая можетъ предотвратить бѣду. Конечно, если хану угодно будетъ вызвать меня въ столицу, я сдѣлаю все, что зависитъ отъ меня. Слова эти дошли до слуха хана и недѣлю спустя за Толбаемъ явились нарочные.

Сагибъ-гирей принялъ его безъ свидѣтелей и чрезвычайно долго продержалъ въ кабинетѣ своемъ. Аведикъ увѣрялъ его, что война русскихъ съ Турціею не скоро окончится, что русскіе снова вступятъ въ Крымъ съ враждебными идеями, но что онъ съумѣетъ молитвами, чарами и жертвами сдѣлать ихъ смирнѣе овецъ.

— А много ли у меня враговъ? спросилъ ханъ.

— Одинъ только опасный, отвѣчалъ армянинъ.

— Здѣсь ли онъ теперь?

— Нѣтъ, его нѣтъ въ Бахчисараѣ.

Хану показались послѣднія слова относящимися къ Шагинъ-гирею. Онъ улыбнулся и, какъ бы боясь унизить свое достоинство, перемѣнилъ разговоръ: а взаключеніе бросилъ шеиху нѣсколько червонцевъ для совершенія намаза, чаръ и жертвоприношенія.

Въ тотъ же вечеръ Толбай направился къ Каравунети, съ которымъ давно былъ знакомъ и, сознавшись предъ нимъ въ происхожденіи своемъ, просилъ безотлагательно начать проводить мысль о переселеніи всѣхъ христіанъ изъ Крыма.

— Я знаю, говорилъ старикъ, что ты другъ Шагина, котораго и я предпочитаю всѣмъ остальнымъ членамъ гирейской фамильи, но я положительно убѣжденъ, что когда этотъ человѣкъ достигнетъ ханской власти, онъ сдѣлается жестокимъ человѣкомъ и доведетъ насъ христіанъ до отчаяннаго положенія. Между тѣмъ, судя по настроенію многихъ мурзъ, улемовъ и купцовъ, Сагибъ-гирей держится на волосинкѣ. Я не сомнѣваюсь, что въ непродолжительномъ времени Девлетъ-гирей ворвется въ Ханъ-сарай и завладѣетъ имъ безъ боя. Конечно, этого не случилось бы такъ скоро, еслибъ Шагинъ былъ въ Бахчисараѣ, такъ какъ ему преданы многіе изъ мѣстныхъ жителей, но нынѣ эти люди, озлобленные изгнаніемъ его въ Россію навѣрно будутъ рады изгнанію Сагиба, котораго считаютъ во первыхъ врагомъ султана и, наконецъ настолько безразсуднымъ, что будто бы онъ по своей волѣ предложилъ Россіи Керчь, Ени-кале и другія важныя стратегическія мѣстности въ своемъ ханствѣ.

— Ты говоришь мнѣ такія вещи, которыхъ я не ожидаю скоро, отвѣчалъ недовѣрчиво Спиридонъ.

— У татаръ все дѣлается внезапно, сказалъ Толбай, стоитъ только настроиться противъ кого-либо и увидѣть на улицѣ руководителя.

— Въ такомъ случаѣ не лучше ли послать нарочнаго къ Шагину?

— Этого не слѣдуетъ дѣлать, потому что и Девлетъ-гирей не долго останется на престолѣ: партія Шагина очнется скоро и въ свою очередь начнетъ бунтовать, а онъ тѣмъ временемъ навѣрно успѣетъ расположить русскую царицу въ свою пользу и мастерски воспользуется безурядицами. Этимъ способомъ пріобрѣтенная имъ власть будетъ гарантирована сосѣдствомъ русскаго войска, которое, безъ сомнѣнія, вторично вступитъ въ Крымъ.

— А что ты думаешь о предстоящемъ мирѣ Турціи съ Екатериною?

— Миръ этотъ не состоится, потому что Турціи нечего болѣе терять, а если и потеряетъ что-нибудь, то только то, чего не возвратить болѣе, и именно господство въ Крыму. Она, навѣрно, потребуетъ всѣхъ прежнихъ правъ и вновь начнетъ борьбу, избѣгая рѣшительной битвы. Что касается Россіи, то я полагаю, что она вынуждена будетъ сосредоточить сильную армію противъ Кавказа и воротъ Крыма и не оставитъ врага до тѣхъ поръ, пока не вынудитъ его признать самостоятельность нашего ханства. Достигнувъ этого, она поставитъ гиреевъ въ такое стѣсненное положеніе, что они станутъ промышлять на нашъ счетъ изъ вражды къ христіанамъ, вражды, которой мы не испытываемъ въ настоящее время, но, навѣрно, начнемъ чувствовать, когда русскіе займутъ Керчь и сдѣлаются нашими друзьями.

— Ты правъ, Толбай эфенди. Намъ, дѣйствительно, придется подумать о переселеніи, потому что Крымскому ханству предстоитъ жалкое положеніе.

— Я былъ-бы правъ и тогда, еслибъ странѣ этой представлялась хорошая будущность. Мы здѣсь совершенно безгласныя животныя; не пользуемся никакими человѣческими правами, намъ не вѣрятъ ихъ законы и

самый послѣдній изъ татарскихъ негодяевъ имѣетъ право называть гяурами, рабами и другаго рода позорными именами. Все это допускается и поощряется кадіями и улемами и даже ты, пользующійся дружбою Шагинъ гирея и сильныхъ вельможъ, не вправѣ заявить обиды. Чтоже заставляетъ насъ переносить такое униженіе въ то время, когда мы безъ труда можемъ занять благодатныя окрестности Азовскаго моря и наслаждаться всѣми благами русскаго подданства?

— Все это справедливо, но какъ сдѣлать съ народомъ, у котораго нѣтъ средствъ на постройки новыхъ жилищъ и первоначальное обзаведеніе?

— Это, конечно, самый важный вопросъ, но я убѣжденъ, что руская царица не пожалѣетъ ничего, чтобы выселить насъ для собственныхъ выгодъ. При этомъ мы должны заслужить особенное вниманіе Шагинъ гирея, чтобы и онъ не воспрепятствовалъ намъ, когда сдѣлается ханомъ.

— Ты, повидимому, все это обсудилъ очень хорошо и я не замедлю начать переговоры съ митрополитомъ нашимъ. Авось, намъ удастся сдѣлать что-нибудь.

— Только вы не спѣшите, а поступайте тихо и разумно. Этого дѣла нельзя сдѣлать вдругъ безъ громадныхъ потерь. На случай-же если тебѣ понадобятся мои совѣты, пріѣзжай ко мнѣ въ Кыркъ-азизъ и мы потолкуемъ на-единѣ.

Затѣмъ Толбай эфенди, вторично попросивъ Каравунети хранить въ глубокой тайнѣ его происхожденіе и цѣль прихода, въ свою очередь обѣщалъ сдѣлать все, зависящее отъ него, въ пользу Шагинъ гирея.

Когда они разстались, Спиридонъ началъ обсуждать возможность исполненія гигантскаго предпріятія.

— Да, это славная мысль, сказалъ онъ Маринѣ—но какимъ образомъ исходатайствовать у Екатерины вспомоществованіе и разрѣшеніе?

— Митрополиту нашему не трудно будетъ списаться съ русскимъ военоначальникомъ, отвѣчала молодая женщина. Я тоже тѣхъ убѣжденій, что намъ слѣдуетъ подумать о переселеніи и въ особенности, когда Шагинъ гирей вступитъ на престолъ. Этотъ человѣкъ, хотя и

считаетъ тебя другомъ своимъ, но это продолжится, навѣрно, недолго и замѣнится непріязнію, такъ какъ христіане не могутъ пользоваться благосклонностію хановъ. Притомъ меня страшитъ еще одно непріятное чувство, которое я не хотѣла выражать до настоящаго времени: этотъ принцъ, кажется, не равнодушно взвѣшиваетъ меня глазами своими. Чтоже будетъ потомъ, когда онъ сдѣлается всемогущимъ?

— Тогда онъ захочетъ пользоваться всѣмъ, что когда либо нравилось ему, отвѣчалъ мужъ.

— А если это такъ, то, конечно, тебѣ не придется долго наслаждаться жизнью.

Спиридонъ не отвѣчалъ. Мрачныя мысли одна за другою начали посѣщать его голову. Бѣдняга очень любилъ Шагина и ему трудно было разстаться съ этимъ человѣкомъ, но одно предположеніе потерять Марину возмущало его душу. Только на другой день онъ утѣшился возможностію выслать жену свою изъ Бахчисарая, какъ только возвратится Шагинъ гирей изъ Россіи. Но такъ какъ и эта предосторожность не казалась ему надежною, то по-неволѣ приходилось схватиться за мысль Толбая.

— Ну, Марина, я рѣшился съѣздить къ митрополиту нашему въ монастырь св. Георгія. Кстати теперь наши овцы находятся въ той мѣстности.

— Я сейчасъ приготовлю тебѣ завтракъ и все необходимое на дорогу и буду молиться, чтобы Творецъ нашъ благословилъ тебя на это отрадное дѣло.

Два часа спустя Каравупети выѣхалъ изъ дому, но лишь только приблизился къ базарной площади, какъ былъ пораженъ громаднымъ скопищемъ вооруженныхъ татаръ, не принадлежащихъ къ мѣстнымъ жителямъ. Всѣ они молча расхаживали, какъ бы ожидая появленія полководца.

„Эге, подумалъ Спиро, поворачивая лошадь назадъ— видно сегодня Сагибъ гирею придется проститься съ гаремомъ, который онъ только что привелъ въ порядокъ. Съ этими мыслями онъ возвратился домой и заперъ калитку на два засова, чтобы никто изъ мусульманъ не имѣлъ права подозрѣвать его въ участіи въ

заговорѣ. Такъ дѣлали его прадѣды и отцы при всякихъ волненіяхъ и посягательствахъ на ханскія права: такъ поступилъ и онъ, не причислявшій себя къ числу тѣхъ, которые избрали хановъ и правительственныхъ лицъ. Понятно, что подобно Каразунети поступили и всѣ остальные греки, армяне и караимы. Въ противномъ случаѣ они могли-бы рисковать жизнію и имуществомъ не только своимъ, но и всѣхъ единовѣрцовъ.

Запершись, Спиридонъ позвалъ Кыргія и приказалъ ему прослѣдить за всѣми дѣйствіями толпы и не иначе возвратиться домой, пока она разойдется. Цыганенокъ взялъ кусокъ хлѣба въ карманъ, перелѣзъ чрезъ стѣну и ближайшими закаулками направился къ базарной площади. Въ ту минуту, когда онъ приблизился къ народному мейдану, одинъ изъ Ширинскихъ беевъ, одѣтый въ праздничный костюмъ, на великолѣпномъ конѣ, раза два проскакалъ по площади и отдалъ какія-то приказанія слѣдовавшему за нимъ тикъ-бюку *). Этотъ послѣдній въ свою очередь началъ отдавать приказы нѣсколькимъ вооруженнымъ татарамъ, которые вскочивъ на лошадей, куда-то поскакали.

Кыргій не замедлилъ пробраться къ усачу въ надеждѣ подслушать, о чемъ онъ будетъ говорить.

— Надо будетъ, сказалъ тикъ-бюкъ — послать еще человѣкъ 20-тъ къ воротамъ ханъ сарая, чтобы не допустить бѣгства Сагиба. Но отчего это Бахчисарайцы до настоящаго времени не собрались?

— Видно, произошло недоразумѣніе, отвѣчалъ тотъ, къ которому обращена была рѣчь.

— Не думаю, чтобы явилось недоразумѣніе, а скорѣе всего этотъ дрянный народъ, умѣющій загребать жаръ чужими руками, ожидаетъ, чтобы мы сами начали дѣло и чтобы онъ явился на помощь тогда, когда одержится полная побѣда. Знаю я этихъ фразеровъ! и онъ прикрасилъ рѣчь свою циническимъ афоризмомъ.

— И въ самомъ дѣлѣ, отвѣчалъ другой татаринъ, котораго называли Безхвостымъ жеребцомъ — Бахчисарайскіе жители никогда почти не принимали участія

*) Человѣкъ съ торчавшими усами.

въ перемѣнѣ главы правительства. Чтобы это означало?

— Это означаетъ, сказалъ тикъ-бiюкъ—во первыхъ желанiе показать себя благочестивыми и наконецъ нейтральными, считая хановъ гостями въ своемъ городѣ, но въ сущности они ужасно боятся, чтобы этому хану не удалось вторично царствовать и потомъ раздѣлаться съ главнѣйшими зачинщиками бунта.

— Ну, на этотъ разъ имъ, кажется, нечего бояться, потому что за такого хана, какъ Сагибъ не заступится ни Турцiя, ни Россiя.

Услышавъ это, Кыргiй что было силы полетѣлъ къ хозяину своему и разсказалъ ему обо всемъ.

— Я не ошибся, сказалъ Каравунети, обращаясь къ женѣ. Теперь намъ придется какъ можно скорѣе извѣстить русскаго резидента и принять его къ себѣ, пока всѣ умы успокоятся. Кстати я буду имѣть случай переговорить съ нимъ относительно переселенiя нашего въ Россiю.

— Дѣйствительно, прекрасный случай, если только повѣренный Екатерины придетъ къ намъ.

— Пуслушай, Кыргiй, крикнулъ Спиро—ты знаешь, гдѣ живетъ русскiй *векиль?*

— Какъ не знать, я раза три танцовалъ въ его дворѣ. Не прикажешь-ли сбѣгать къ нему?

— Да, ты долженъ бѣжать къ нему и сообщить все, что ты видѣлъ и слышалъ на базарной площади и затѣмъ сказать, что я буду ожидать его съ женою, такъ какъ у меня имъ будетъ безопаснѣе.

Цыганенокъ не ожидалъ повторенiя и тѣмъ-же путемъ, чрезъ стѣну скрылся. Часа полтора спустя Марина услышала удары въ мѣдное кольцо и извѣстила мужа, что кто-то стучится въ уличныя двери.

Спиро быстро отворилъ калитку и съ сiяющимъ лицомъ принялъ Петра Гавриловича Вселитскаго съ молодою женою.

— Не поставьте мнѣ въ вину, сказалъ онъ — что я, быть можетъ, безъ основательной причины навелъ на васъ страхъ, но сколько мнѣ извѣстно, въ такiя минуты и между татарами попадаются дураки съ отчаянными головами.

— Ты отлично сдѣлалъ, что предупредилъ меня, отвѣчалъ резидентъ — потому что жена моя не особенно довѣряетъ чести бунтовщиковъ и могла-бы ужасно перепугаться. Здѣсь-же, въ отдаленіи она ничего не увидитъ и не услышитъ. Ну, познакомь-же насъ съ женою, о которой съ такимъ восторгомъ разсказывалъ намъ Шагинъ гирей.

Тѣмъ временемъ Марина, успѣвшая уже поставить на окна большіе букеты простыхъ цвѣтовъ изъ садика своего и между ними различнаго рода сладости, сама вышла къ почетнымъ гостямъ и привѣтливо поклонилась имъ. Ея улыбка и открытый взглядъ сразу расположили къ ней русскую даму, успѣвшую хорошо выучиться по татарски.

— Тебя зовутъ Марина, сказала она—а меня Серафима. Надѣюсь, что ты не забудешь моего имени и полюбишь меня.

— О, я всѣхъ добрыхъ женщинъ очень люблю, но, къ сожалѣнію, мы не всегда можемъ выходить со двора, чтобы пользоваться возможностію видѣть другъ друга.

— Отчего-же ты не можешь выходить со двора?

— Мы по-неволѣ должны подражать татаркамъ, которыя враждебно смотрятъ на всѣхъ молодыхъ женщинъ, выходящихъ даже на улицу безъ мужей, а моему Спиро всегда почти нѣтъ времени или просто не хочется сопровождать меня къ знакомымъ. Охъ, еслибъ ты знала, *ханымъ* (барыня), какъ это тяжело и не пріятно. Вотъ еслибъ твоя царица забрала-бы всѣхъ насъ христіанъ въ свое царство. Мнѣ кажется мы всѣ ежедневно дѣлали-бы и за ея здоровье по одной восковой свѣчѣ.

— Императрица съ особеннымъ удовольствіемъ приметъ васъ всѣхъ въ подданство свое, если только вы станете просить объ этомъ.

— Но какъ мы можемъ увѣдомить твою госпожу? Намъ говорятъ, что она живетъ гдѣ-то на краю свѣта, куда не дотащитъ ногъ ни одинъ верблюдъ и ни одна Крымская лошадь.

— Да вамъ нѣтъ надобности представляться къ ней лично, а можно послать прошеніе чрезъ посредство му-

жа моего. Передай ты это Спиридону и авось онъ доставитъ тебѣ это удовольствіе. По крайней мѣрѣ вы будете слышать церковные колокола и наслаждаться полною свободою христіанина.

— Да, я непремѣнно передамъ ему это и буду настаивать.

— А я попрошу своего мужа, чтобы онъ горячо ходатайствовалъ объ этомъ предъ царицею.

— Что это ты обѣщаешь сдѣлать моими руками! внезапно сказалъ вошедшій Петръ Гавриловичъ.

Молодая женщина сейчасъ же передала ему заявленіе Марины.

— Это было бы очень похвально, отвѣчалъ онъ, со стороны всѣхъ христіанъ Крыма и нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что императрица охотно окажетъ имъ содѣйствіе. Я даже не прочь возбудить объ этомъ вопросъ, чтобы узнать ея мнѣніе, если Каравунети заявитъ мнѣ о личномъ желаніи своемъ переселиться въ Россію.

— Нѣтъ, я одинъ не поѣду, сказалъ онъ, но если твоя государыня изъявитъ согласіе принять насъ всѣхъ и надѣлитъ землею, тогда за мною пойдутъ многія тысячи.

— А ты увѣренъ въ этомъ?

— Такъ же увѣренъ, какъ и въ томъ, что на рукѣ у меня пять пальцевъ.

— Если только мы говорили не шутя, то ты, пожалуйста, зайди ко мнѣ, когда поутихнетъ татарская буря и мы серіозно потрактуемъ по этому дѣлу.

— Но съ единственнымъ условіемъ, *баяръ* *), чтобы ни одинъ татаринъ не узналъ нашего разговора, иначе приняты будутъ самыя ужасныя мѣры, чтобы не потерять такой массы дойныхъ коровъ.

— Я знаю объ этомъ лучше тебя, Спиридонъ, и потому будь увѣренъ во мнѣ больше, чѣмъ въ братьяхъ твоихъ.

Покончивъ осмотръ домика Каравунети, гости возвратились на балконъ и здѣсь окруженные сладостями до-

---

*) Отъ монгольскихъ словъ: *бай* (богатый) *яръ* (душевный, искренній). Я не сомнѣваюсь, что отъ слова этого мы произвели *бояринъ*.

машняго издѣлья, перешли къ причинамъ, возбудившимъ новое волненіе со стороны татаръ.

— Я предвидѣлъ это неудовольствіе, сказалъ резидентъ, но не ожидалъ, чтобы вспыхнуло волненіе такъ быстро и такъ неожиданно. Бѣдный Сагибъ гирей, онъ вторично долженъ бѣжать въ Стамбулъ.

— Онъ гораздо глупѣе меня, потому что не наблюдалъ за тѣмъ, что происходило внѣ столицы, а между тѣмъ стоило бы держать около себя одинъ русскій полкъ и царствованіе его было бы обезпечено. Такъ нѣтъ,— татарская гордость и самоувѣренность не дозволяютъ унижаться! Я полагаю, что безпорядки эти снова заставятъ князя Долгорукова пожаловать къ намъ.

— Безъ сомнѣнія, онъ пріѣдетъ, если послѣдуетъ избраніе новаго хана и въ особенности Девлетъ гирея, этого стараго бунтовщика, готоваго возстать противъ насъ даже съ своими женами.

Пока происходили эти разговоры въ домѣ Спиридона, базарная площадь и всѣ окрестности ея переполнились народомъ, ревущимъ въ одинъ голосъ: „вонъ изъ Бахчисарая Сагиба! Да повелѣваетъ нами Девлетъ гирей ханъ!“

— Эй, десятники! раздался звучный голосъ тикъ-біюка, слышите народъ требуетъ Девлетъ гирея. Чего же вы ожидаете больше, бѣгите за нимъ и скажите, чтобы онъ приготовился переселиться въ ханъ сарай.

Онъ-башіи разбѣжались въ сладкой надеждѣ получить хорошее *мужде* *).

Въ это время на площадь прибыли верхами муфтій и нѣсколько придворныхъ вельможъ въ качествѣ парламентеровъ, желая испытать миролюбивыя средства. Освѣдомившись, что предводители возстанія засѣдаютъ на совѣтѣ въ ближайшей кофейнѣ, миротворцы направились туда и были приняты массою мурзъ, какъ и во всякое другое время, съ подобающимъ почтеніемъ. Когда окончены были привѣтствія и освѣдомленія о личномъ и семейномъ благосостояніи, гостямъ поданы были кофе и наргиле.

---

*) Подарокъ за добрую вѣсть.

— Сегодня мнѣ снился дурной сонъ, сказалъ муфтій, хлѣбнувъ изъ чашечки и затянувшись изъ кальяна.

— *Хаиръ олла* *), отвѣчалъ Ширинскій, надѣюсь, что ты не изъ числа тѣхъ, которые не долго проживутъ на землѣ.

— А ты все-таки убѣжденъ, что вѣрующіе въ сновидѣнія не долго живутъ?

— Въ этомъ я положительно убѣжденъ, потому что прадѣды, дѣды и отцы изъ нашей фамиліи, страдавшіе крайнимъ суевѣріемъ, всѣ умирали въ молодыхъ лѣтахъ, только одинъ мой старшій братъ, нынѣшній бей и предводитель татарскихъ войскъ, дожилъ до 50 лѣтъ. Въ чемъ же заключалось твое сновидѣніе?

— Я видѣлъ, что надъ нашимъ городомъ собрались ужасныя тучи и готова была разразиться буря. Всѣ улемы сбѣжались ко мнѣ, какъ начальнику своему и начали требовать, чтобы я отвратилъ предстоящую бѣду. „Иди, проси, умоляй, кричали они, на то ты и сдѣланъ муфтіемъ, чтобы быть посредникомъ между людьми и Богомъ!“ Крики и угрозы ихъ были такъ велики, что я рванулся на небо, но отъ ужаса оборваться съ высоты черныхъ тучъ, проснулся.

— Твой сонъ я не прочь объяснить, если только ты позволишь мнѣ это, отвѣчалъ Ширинскій 2-й; гроза небесная предвѣщаетъ грозу земную, если только моя сила встрѣтитъ препятствіе. Ты, конечно, знаешь, что я калга бей и второе лицо послѣ брата моего, обязаннаго защищать ханство отъ враждебныхъ людей, а такъ какъ Сагибъ гирей ханъ предался гяурамъ и обѣщалъ дать русскимъ Керчь и Еникале, не говоря о другихъ второстепенныхъ городахъ и земляхъ, а братъ мой отсутствуетъ, то я вынужденъ спасти отечество отъ рабства людей, нѣкогда бывшихъ нашими рабами.

— Что же ты намѣренъ сдѣлать для достиженія этой похвальной цѣли?

— Прежде всего удалить виновника народнаго несчастія.

---

*) Да послужитъ къ благу. Это обыкновенный отвѣтъ у татаръ, когда заявляютъ о сновидѣніи.

— А если это трудно будетъ сдѣлать.

— Сила все ломаетъ; если слово не подѣйствуетъ, то оружіе явится на помощь.

— Это твое послѣднее слово?

— Ширинскіе не измѣняютъ никогда своимъ обязанностямъ и никогда не отступаютъ предъ ничтожными препятствіями.

— Ну, а если я тебѣ разскажу одинъ примѣръ, сказалъ муфтій, послушаешь ли ты меня, опытнаго въ жизни старика!

— Я слушаю все, что мнѣ говорятъ.

— Однажды тигръ, позавидовавшій власти льва, подружился съ большинствомъ крупныхъ дикихъ животныхъ и склонилъ ихъ къ тому, чтобы провозгласить его царемъ. Довѣрившіеся его притворной дружбѣ животныя не замедлили собраться и единогласно постановили сдѣлать хищника падишахомъ. Чѣмъ же это кончилось: тѣмъ, что многіе изъ довѣрившихся на первыхъ же порахъ сдѣлались его жертвою, а остальныя должны были убѣжать какъ можно дальше изъ роднаго лѣса.

— Все это можетъ случиться между животными, гдѣ силы различны, но люди обладаютъ одинаковыми способностями и всегда могутъ исправить случайную ошибку съ помощію друзей. А ты вмѣсто того, чтобы тратить напрасно порохъ и затягивать борьбу, явись лично ко льву и скажи ему, чтобы онъ самъ убрался изъ нашего лѣса, въ противномъ случаѣ многіе могутъ пострадать совершенно безвинно.

Муфтій представился, что не слышалъ сказаннаго.

Выпивъ кофе и рыгнувъ раза два, какъ прилично важному мусульманину, онъ собрался уйти.

— Ты покидаешь насъ? спросилъ Ширинскій.

— Мнѣ пора въ мечеть на молитву.

— А къ Сагибъ гирею ты не заѣдешь по дорогѣ?

— Это не касается до моихъ обязанностей. Пусть заѣзжаютъ къ нему беи и аги, а улемы должны помнить святыя заповѣди пророка и ограждать правовѣрныхъ отъ искушеній злаго духа.

Съ этими словами муфтій возвратился домой, а сопровождавшіе его, въ качествѣ свидѣтелей, придворные

чины направились въ ханъ сарай и сообщили гирею, что паденіе его неминуемо. Испуганный ханъ немедленно распорядился созвать на совѣщаніе всѣхъ приближенныхъ къ нему, но этихъ друзей, какъ донесли ему, или не оказалось въ городѣ или они были больны. Тогда Сагибъ потребовать къ себѣ Хадымъ-агу или начальника придворныхъ джигитовъ, Хапу агасы (главныхъ воротъ), Хулъ-агу (рабовъ) и другихъ начальниковъ и обратился къ нимъ съ просьбою защитить его.

Всѣ эти лица стояли предъ нимъ молча съ опущенными головами.

— Неужели я на васъ не могу разсчитывать? вскрикнулъ владыка, на васъ, которыхъ я кормилъ и содержалъ въ довольствѣ?

— Мы не властны идти противъ воли Божіей, отвѣчали они.

— Какая же тутъ воля Божія! Неужели прихоть Ширинскаго составляетъ волю Аллаха?

— Такая дерзкая мысль не можетъ явиться у простаго смертнаго безъ внушенія свыше.

— Слѣдовательно, мнѣ ничего болѣе не остается какъ бѣжать изъ Крыма.

— Это зависитъ отъ тебя, нашъ милостивый ханъ.

Сагибъ гирей схватился за голову, заскрежеталъ зубами и бросился на софу. Нѣсколько минутъ спустя онъ призвалъ къ себѣ Диванъ эфенди и Салердаръ-агу *) и приказалъ имъ объявить бунтовщикамъ, что онъ добровольно покинетъ столицу и ханъ сарай, если ему предоставятъ недѣльный срокъ на отправку семейства въ Константинополь и вывозъ собственнаго имущества.

Посланные возвратились съ отвѣтомъ, что болѣе 2 дней они не могутъ ожидать и что если этого времени не достаточно на выѣздъ изъ страны, то вполнѣ достаточно будетъ на выѣздъ изъ Бахчисарая.

Въ эту критическую минуту Сагибъ гирей вспомнилъ за брата своего Шагина, постоянно предостерегающа-

---

*) Диванъ эфенди начальн. верховнаго совѣта, а Селердаръ ага начальникъ придворныхъ оруженосцевъ,

го его отъ происковъ Девлетъ гирея и затѣмъ остановился на Толбай эфенди.

„О, Алла, Алла, проговорилъ онъ, какой-же я глупецъ, что не удержалъ этого святаго человѣка около себя, когда онъ нарочно прибылъ предупредить предстоящую опасность! Кого бы мнѣ послать за нимъ? Авось этотъ чудотворецъ съумѣетъ остановить волненіе на какіе-нибудь 20-ть дней, пока явится русскій отрядъ.

Перебирая въ памяти всѣхъ преданныхъ ему слугъ, Сагибъ-гирей остановился на Камбуръ-ильясѣ, состоящемъ при конюшнѣ его.

„Этотъ человѣкъ навѣрно не возбудитъ ни чьяго подозрѣнія какъ горбунъ, неспособный съ вида къ исполненію порученій, а между тѣмъ въ былое время онъ одинъ справлялся у меня за десятерыхъ. Съ этими мыслями ханъ лично направился къ конюшнѣ, гдѣ томился болѣе года одинъ изъ преданнѣйшихъ слугъ его, достойный ласки и награды за многолѣтнія важныя услуги.

— Камбуръ! Камбуръ! вскрикнулъ ханъ, останавливаясь на порогѣ сарая.

— Кто это называетъ меня горбатымъ, отвѣчалъ извнутри голосъ, неужели у меня нѣтъ человѣческаго имени или я стою ниже собаки?

Отвѣтъ этотъ смутилъ хана.

— Это я Ильясъ, сказалъ онъ, придавая ласковость голосу своему, мнѣ хотѣлось назвать тебя прежнимъ именемъ.

— Не потому ли, султанымъ, что тебѣ въ настоящее время, когда покинули всѣ друзья, нуженъ прежній слуга, къ несчастію забытый и заѣденный насѣкомыми въ этомъ жилищѣ животныхъ?

— Ты жалуешься мнѣ, когда я пришелъ къ тебѣ за услугою.

— Нѣтъ, султанымъ, я не изъ тѣхъ, чтобы жаловаться, мнѣ только прискорбно, что ты ни разу ни вспомнилъ того, кто неоднократно подвергалъ жизнь свою опасности для твоего блага.

— Я думалъ, что ты счастливо живешь.

— Посмотри же на мое исхудавшее тѣло и на язвы рукъ и ты лично удостовѣришься, какъ я вознагражденъ за службу мою.

Сагибъ-гирей съ ужасомъ отскочилъ, увидѣвъ около себя страшно изнуреннаго человѣка.

— Ты испугался, ханъ, но это не такъ ужасно и я еще могу послужить тебѣ лучше, чѣмъ новые друзья твои. Приказывай же.

— Я желалъ бы, чтобы ты поскакалъ въ Кыркъ-агизъ и привезъ съ собою, не медля ни минуты, Толбая.

Горбунъ повернулся, вывелъ изъ стойла лучшаго коня, опоясался саблею и ничего не говоря направился къ воротамъ, но только что онъ сѣлъ и пустился во всю прыть, его остановили нѣсколько вооруженныхъ татаръ. Горбунъ обнажилъ саблю и хотѣлъ прорваться силою, но, получивъ сильный ударъ пикою въ бокъ, упалъ, какъ снопъ, бездыханнымъ.

Узнавъ о смерти послѣдняго преданнаго человѣка, Сагибъ-гирей не прекословилъ болѣе требованію бунтовщиковъ и добровольно отдался въ ихъ распоряженіе.

V.

Смѣна хана, какъ обыкновенное явленіе въ Крымскомъ ханствѣ, не произвела ни малѣйшаго волненія въ столицѣ: точно на это была воля Аллаха и она совершилась. Самъ Сагибъ-гирей ни предъ кѣмъ не выразилъ неудовольствія или оскорбленія, Вчера еще повелѣвая всѣми, кто являлся предъ нимъ, онъ сегодня самъ переходилъ изъ одной комнаты дворца въ другую и какъ простой работникъ собиралъ то имущество, которое пріобрѣтено было имъ лично въ кратковременное царствованіе и въ тоже время торопилъ гаремныхъ женщинъ. Тѣ же предметы, которые нельзя было перевозить на небольшомъ суднѣ, отплывающемъ изъ Балаклавы въ Стамбулъ, распроданы были чрезъ посредство *теляла* или глашатая.

Когда все было покончено и женщины выѣхали изъ столицы со всѣмъ имуществомъ господина своего, къ Сагибъ-гирею снова собрались не только измѣнившіе ему придворные, но даже руководители возстанія, чтобы

въ дружескихъ разговорахъ провести послѣдній день свиданія. Въ сладкомъ муселезѣ и закускахъ не оказалось недостатка.

— Итакъ, мы завтра, по волѣ Всемилостивѣйшаго Творца нашего, разлучимся навсегда, сказалъ гирей, а право жаль разставаться съ родными мѣстами.

— Ты возьми немного земли съ могилы матери и отца, чтобы успокоить душу свою на чужбинѣ, отвѣчалъ ханъ-ага, такъ дѣлали и всѣ предмѣстники твои, смѣняемые султанами, которые при помощи Божьей вновь возвращались на прародительскій престолъ. Ты также ничего не сдѣлалъ дурнаго противъ султана и, какъ кажется мнѣ, употреблялъ всѣ усилія снова сблизиться съ нимъ.

— Ты сказалъ правду, мой другъ, я только дѣлалъ видъ, что подчиняюсь Россіи, потому что не зналъ, за кѣмъ останется побѣда. Проще, мнѣ не хотѣлось подвергать татаръ напрасному разоренію безъ надежды выиграть что-нибудь. Этой политики я держался бы еще долго, но вы меня не поняли и сочли отступникомъ. Мой диванъ-эфенди рано или поздно сообщитъ вамъ ту переписку, которую я не переставалъ вести съ султаномъ, увѣряя его, что потомки Узбека всегда будутъ преданы ему, какъ старшему брату, какъ родному отцу, но что въ настоящее безвыходное время по-неволѣ должны хитрить и склонять головы свои подъ силою, гнетущей ихъ шею.

— Тѣмъ лучше для тебя, сказалъ Ширинскій, нынѣ, при личномъ свиданіи съ султаномъ, ты заслужишь его благоволеніе, а при обоюдномъ обсужденіи нашихъ дѣлъ, навѣрно возвратишься къ намъ въ качествѣ благодѣтеля.

— Дай Богъ, чтобъ твоими устами мнѣ пришлось кушать медъ, отвѣчалъ Сагибъ-гирей, но мнѣ не вѣрится, чтобы я возвратился въ Бахчисарай.

— Такъ думали всѣ ханы, которымъ суждено было выѣзжать изъ Бахчисарая на время по волѣ могущественной судьбы, чтобы вторичнымъ царствованіемъ прославить милости пророка. Въ этой скорби мы только можемъ видѣть, что и тебѣ придется опять быть съ нами.

На слѣдующій день къ Сагибъ гирею собрались всѣ улемы и почетнѣйшіе граждане, чтобы проститься съ нимъ. Когда духовенство запѣло напутственную молитву и приступило къ лобзанію его свѣтлыхъ глазъ, гирей и бывшіе друзья его не могли удержать слезъ своихъ. Затѣмъ всѣ вскочили на лошадей и подъ звуки музыки направились къ выѣзднымъ воротамъ и по направленію къ Балаклавѣ. Всѣ лица, учавствовавшія въ сопровожденіи низложеннаго гирея, казались веселыми и довольными прогулкою—точно событіе это должно было совершиться ради этого ничтожнаго удовольствія.

Тѣмъ временемъ съ противоположной стороны направлялся въ Бахчисарай Девлетъ гирей ханъ въ сопровожденіи калга-султана, нуредина и многихъ мурзъ и беевъ, къ которому на встрѣчу выѣхалъ муфтій и всѣ почти сановники, уклонившіеся отъ дальнѣйшаго сопровожденія Сагиба. За ними слѣдовали всѣ почти на лицо Бахчисарайскіе музыканты, шейхи, дервиши, софты, ремесленники съ наибомъ въ главѣ и другія сословія. Послѣ торжественнаго привѣтствія, выраженнаго криками: *бинлеръ яши!* *), муфтій у городскихъ воротъ пригласилъ всѣхъ къ благодарственной молитвѣ и старался увѣрить народъ, что отнынѣ Аллахъ и святой пророкъ его ниспошлютъ на Крымское ханства свои милости.

Такимъ образомъ воцарился Девлетъ, который вполнѣ былъ убѣжденъ, что султанъ съ удовольствіемъ пришлетъ ему кафтанъ, чалму и саблю за преданность его Турціи. Спокойный съ одной стороны онъ не могъ успокоиться въ отношеніи къ Россіи, которая имѣла полное основаніе ненавидѣть его за безпрестанныя волненія татаръ и желаніе достигнуть прежнихъ правъ опустошать наши пограничныя области. Всего ужаснѣе дла него было сосѣдство корпуса Долгорукова, разбросаннаго въ сѣверо-восточной части полуострова и могущаго внезапно очутиться предъ ханъ-сараемъ. Чтобы предупредить подобное явленіе, новый ханъ сейчасъ-же послалъ за русскимъ резидентомъ и просилъ его сообщить своему

*) То-есть: живи тысячелѣтія.

правительству, что онъ, по волѣ Божьей и наслѣдственному праву, взошелъ на Крымскій престолъ и употребитъ всѣ, зависящія отъ него мѣры, жить въ добромъ согласіи съ сосѣдственными государствами.

— Ты окажешь мнѣ большое одолженіе — говорилъ гирей—если успѣешь расположить свою государыню въ пользу мою и попросишь у ней снисхожденія къ управленію только что вступившаго на престолъ неопытнаго еще человѣка.

Вселитскій, знающій хорошо Девлетъ гирея, хотя и понялъ, съ какою цѣлью онъ старался возбудить это довѣріе и снисхожденіе со стороны императрицы, очень любезно уклонился отъ продолженія этого разговора и совѣтовалъ хану послать лично отъ себя довѣренное лицо въ Петербургъ съ ходатайствомъ объ утвержденіи его въ наслѣдственныхъ правахъ.

— Къ сожалѣнію моему я, какъ мусульманинъ, обязанный чтить меккскаго калифа вторымъ послѣ пророка нашего, предварительно долженъ быть признанъ имъ.

— Но вѣдь Россія такъ недавно еще завоевала Крымъ и объявила свой протекторатъ надъ ханами.

— Этого невозможно допустить по нашей религіи.

— А между тѣмъ Сагибъ гирей не иначе могъ царствовать, какъ съ нашего согласія.

— Это-то и послужило главнѣйшимъ поводомъ къ утратѣ имъ престола. Твоя царица сама должна понять разницу нашихъ законовъ и предоставить намъ полную свободу въ дѣйствіяхъ. Мнѣ отлично извѣстно, что султанъ Мустафа и Шеихъ-уль-исламъ торжественно объявили въ диванѣ, что независимость татаръ въ отношеніи къ Калифу не согласуется съ магометанскою вѣрою, и обѣщаніе Сагиба уступить Россіи Кинбургъ, Керчь и Ени-кале противно самостоятельности ханства. Послѣ этого развѣ найдется въ мірѣ хоть одинъ мусумальнинъ, который посмотритъ на насъ съ уваженіемъ. Сагибъ гирей, какъ недальновидный человѣкъ, самъ не зналъ, что дѣлалъ и говорилъ, но я, какъ правовѣрный, обязанъ дорожить мнѣніями представителей нашей святой религіи.

Петру Гавриловичу достаточно было услышать это,

чтобы составить себѣ убѣжденіе о намѣреніяхъ этого гирея. Не возражая ему ни въ чемъ, резидентъ нашъ обѣщалъ немедленно послать съ нарочнымъ донесеніе о вступленіи Девлетъ гирея на престолъ Крымскаго ханства.

— Въ добрый часъ—сказалъ ханъ, отпуская его—дай Богъ, чтобы мы многіе годы не разстались и жили въ дружбѣ и согласіи.

Возвратившись къ себѣ, Вселитскій послалъ за Спиридономъ Каравунети и разсказалъ ему весь разговоръ свой съ Девлетомъ.

— Какъ ты думаешь о его намѣреніяхъ? спросилъ взаключеніе резидентъ.

— Я убѣжденъ только въ одномъ, что если ты не станешь обманывать его въ свою очередь, то онъ позаботится вооружить всѣхъ татаръ и на случай малѣйшаго успѣха турковъ выгонитъ русскихъ изъ Крыма и укрѣпитъ Перекопъ, Арабать и Ени-кале такъ, что трудно будетъ прорваться въ его царство. Самое лучшее по моему надо постараться изгнать этого злодѣя съ престола, который не можетъ принадлежать ему до тѣхъ поръ, пока живетъ Шагинъ гирей.

— Эта мысль, дѣйствительно, самая лучшая, но какъ достигнуть ея теперь?

— Мнѣ кажется, что, пока Девлетъ не утвержденъ ханомъ, этого не трудно достигнуть. Стоитъ только написать мнѣ нѣсколько словъ Шагину, чтобы онъ вспомнилъ про свои права, а тебѣ выставить предъ Екатериною, насколько можетъ быть опасенъ Девлетъ гирей не только на престолѣ, но даже простымъ поселяниномъ въ Крыму.

— А знаешь ли, что я охотно отправлю твое письмо одновременно съ донесеніемъ въ Петербургъ, если ты довѣришь мнѣ его.

— Я охотно сдѣлаю это, если ты дозволишь мнѣ предварительно переговорить съ нѣкоторыми друзьями Шагинъ гирея.

— Въ такомъ случаѣ не теряй дорогаго времени и иди къ нимъ сейчасъ, чтобы къ завтрашнему дню я былъ готовъ отправить курьера.

Каравунети вышелъ и чрезъ посредство Кыргія въ тотъ же вечеръ собралъ къ себѣ наличныхъ друзей, которые уполномочили его и съ своей стороны предложить Шагинъ гирею добиваться ханской власти. Послѣ чего Спиридонъ просидѣлъ за письмомъ до глубокой ночи, а рано утромъ вручилъ его Вселитскому съ намекомъ, что въ настоящее время русскому повѣренному было-бы умѣстно заявить императрицѣ о пользѣ переселенія христіанъ на окраины вновь завоеванныхъ земель.

— Я не забылъ этого, но совѣтую и тебѣ не дремать, чтобы на случай разрѣшенія государыни у насъ не встрѣтилось недоразумѣній и препятствій.

Тѣмъ временемъ дошли до Девлетъ гирея извѣстія, что предполагаемый миръ Турціи съ Россіею, вслѣдствіе чрезмѣрныхъ требованій уполномоченныхъ, не состоялся и война вновь возобновилась. Извѣстіе это пробудило въ этомъ ханѣ тысячу блистательныхъ надеждъ утвердиться въ своемъ шаткомъ положеніи, на случай если Аллахъ поможетъ Туркамъ. Въ этихъ отрадныхъ надеждахъ гирей устанавливалъ безпрестанныя молитвы съ жертвоприношеніями и раздавалъ милостыни бѣднымъ.

Военные дѣйствія, дѣйствительно, давнымъ-давно начались вслѣдствіе разладицы графа Петра Александровиче Румянцева съ великимъ визиремъ, желавшими каждый выиграть какъ можно больше при мирныхъ переговорахъ. На этотъ разъ Турки рѣшились затянуть войну на безконечныя времена и утомляя россійское войско безпрестанными движеніями, вредить ему мелкими стычками и внезапными нападеніями. Планъ этотъ былъ не дуренъ и конечно, могъ привесть къ безотраднымъ послѣдствіямъ, еслибъ главнокомандующій нашими силами, послѣ долгихъ, но напрасныхъ усилій принудить врага къ генеральной битвѣ, не рѣшился перейти чрезъ Дунай и, покоривъ всѣ почти укрѣпленія праваго берега, не направился къ Силистріи, которую прикрывали трое пашей съ 24 т. войска. Генералъ Вейсманъ бросился на нихъ, выбилъ изъ окоповъ и заставилъ скрыться въ крѣпости. Наши войска рѣшились штурмовать и это недоступное для того времени укрѣпленіе. Наступило самое критическое время для Турціи, предстояло

прибѣгнуть къ чрезвычайнымъ мѣрамъ, потому что Силистрія не могла сопротивляться долго.

Пока все это происходило за Дунаемъ, императрица Екатерина, получивъ отъ резидента своего Веселитскаго извѣстіе о сверженіи Сагибъ-гирея и восшествіи на Крымскій престолъ враждебнаго ей Девлетъ-гирей хана, готоваго рискнуть всѣми силами ханства за независимость и цѣлость Крыма, сразу поняла, насколько можетъ быть опасенъ этотъ человѣкъ, если военныя дѣйствія затянутся на продолжительное время, тѣмъ болѣе, что польскіе конфедераты дѣлались болѣе и болѣе дерзновенными въ надеждѣ на французское правительство, изъявившее согласіе послать къ нимъ вспомогательное войско; недоумѣвая, на что рѣшиться, государыня вторично перечитала донесеніе резидента и съ особеннымъ вниманіемъ остановилась на двухъ пунктахъ его, гдѣ говорилось о скорѣйшей необходимости помочь Шагинъ гирею, какъ законному наслѣднику ханскаго престола, и о важной пользѣ переселенія изъ Крыма христіанъ, которые въ качествѣ рабовъ, вынуждены снабжать татаръ средствами къ борьбѣ съ русскими; но что если эти люди будутъ выселены, то Крымское правительство до того обѣднѣетъ, что забудетъ окончательно о набѣгахъ, а поселяне рады будутъ заниматься сельскими промыслами ради существованія своихъ семействъ.

Сомнѣваться въ разумномъ основаніи этихъ предположеній не приходилось и надо было дѣйствовать безотлагательно.

„Переселеніемъ христіанъ намъ нечего спѣшить—думала императрица. Это лучше сдѣлать послѣ прекращенія настоящей войны: что же касается Девлета, то этого человѣка никакъ не слѣдуетъ допустить до господства въ Крыму.“

Екатерина позвонила и приказала привести къ ней Шагинъ-гирей султана, котораго всегда ласкала и старалась посвятить въ европейскій образъ жизни.

— Знаешь ли, любезный аманатъ, что творится въ твоемъ отечествѣ? спросила она, когда явился предъ нею татарскій принцъ.

— Я получилъ самыя неутѣшительныя свѣдѣнія — отвѣчалъ Шагинъ.

— Отчего же неутѣшительныя, — развѣ Девлетъ гирей не есть законный наслѣдникъ Крымскаго престола?

— Нѣтъ; но праву нашего шираата я, какъ старшій въ роду имѣю больше правъ.

— Но это невсегда соблюдалось у васъ строго. Мнѣ кажется, что все зависитъ отъ воли народа и соизволенія султана.

— Волю народа каждый изъ членовъ нашей фамиліи легко можетъ добыть, а султанъ въ рѣдкихъ случаяхъ отказываетъ въ утвержденіи избраннаго лица.

— Отчего же тебя не избрали?

— Оттого, что отсутствующаго не считаютъ живымъ.

— Это значитъ я причиною, что тебя обошли?

— Такъ угодно было Аллаху.

— Въ такомъ случаѣ я постараюсь, чтобы султанъ призналъ престолъ за тобою, но съ условіемъ, что ты заручишься народнымъ согласіемъ. Можешь ли ты надѣяться теперь на соотечественныхъ мурзъ и беевъ?

— Я имѣю очень многихъ любящихъ меня, которые рады будутъ моему господству, но теперь мнѣ не легко попасть въ Крымъ, такъ какъ Девлетъ гирей употребитъ всѣ средства отдѣлаться отъ меня.

— Какъ же ты поступишь?

— Придется испытать счастіе: авось я избѣгну его когтей. Кто не рискуетъ, тотъ ничего не выигрываетъ!

— Твоя правда. Съ сегодняшняго дня ты и собратъ твой Дервишъ свободны отъ аманатства и вамъ дадутъ необходимыя средства для поѣздки въ Крымъ. Надѣюсь, что ты сообщишь мнѣ, чѣмъ кончится твое предпріятіе. Прощай, Шагинъ, и помни, что я буду думать о томъ, что обѣщала.

Въ тотъ же день къ Шагинъ гирею прибыли нѣкоторые изъ довѣренныхъ вельможъ государыни и увѣрили его, что императрица непремѣнно желаетъ видѣть его на Крымскомъ престолѣ и не откажется въ матеріальномъ пособіи, если онъ подготовитъ себѣ почву. При этомъ ему вручена была довольно значительная сумма

денегъ и предписаніе къ консулу нашему, находящемуся въ Ени-кале.

Гирей до того обрадовался неожиданному ходу дѣлъ, что сейчасъ-же призвалъ сотоварища своего Дервишъ-агу и приказалъ ему приготовиться къ выѣзду изъ Петербурга.

— Нашъ плѣнъ окончился—сказалъ онъ, улыбаясь, но предстоятъ впереди мученія, если счастіе не будетъ благопріятствовать. Екатерина признала за мною право ханствовать въ Крыму, но требуетъ согласія почетныхъ мусульманъ, чтобы заставить султана утвердить меня.

— Какимъ же образомъ мы добьемся этого согласія, когда на тронѣ сидитъ въ настоящее время Девлетъ гирей?

— А какимъ образомъ онъ достигъ этого, когда братъ мой занималъ престолъ?

— Понимаю! но насъ могутъ захватить и повѣсить, прежде чѣмъ мы соберемъ вокругъ себя своихъ друзей. Я тѣхъ убѣжденій, что мы не проѣдемъ даже въ Крымъ.

— А что если мы направимся чрезъ Черкесскія земли въ Ени-кале?

— Это будетъ менѣе рисковано, въ особенности если ты заручишься письмомъ къ русскому консулу.

— Я уже имѣю къ нему приказъ отъ императрицы.

— Въ такомъ случаѣ ѣдемъ безотлагательно. Изъ Ени-кале намъ не трудно будетъ подготовить нашихъ друзей къ возбужденію возстанія со стороны народа.

Съ разсвѣтомъ аманаты, сопровождаемые военною командой, направились на Кубань. Послѣ долгихъ и трудныхъ переѣздовъ изъ одной мѣстности въ другую, они наконецъ благополучно достигли черкесскихъ владѣній, откуда надѣялись безъ всякой опасности достигнуть Ени-кале; но не напрасно татарская пословица говоритъ, „что заяцъ выскакиваетъ изъ того куста, откуда не ожидаешь“. На путешественниковъ нашихъ напало нѣсколько черкесовъ, слѣдующихъ въ Крымъ по вызову Девлетъ-гирея, и хотѣли захватить ихъ въ плѣнъ. Шагинъ съ Дервишемъ рѣшились защищаться до послѣднихъ силъ, но къ несчастію оба, получивъ раны въ ногу и руку, были захвачены и, какъ

только заявили свои имена, немедленно отправлены были въ Тамань къ находившемуся тамъ калгѣ-султану, который сейчасъ же заподозрилъ въ нихъ враждебную цѣль и хотѣлъ выслать въ Бахчисарай.

— Ради Бога, не дѣлай этой глупости, сказалъ ему Шагинъ, потому что я ужасно страдаю отъ моей раны и предпочту умереть отъ голода, чѣмъ двигаться.

— Если ты не поѣдешь, то твой сотоварищъ долженъ будетъ представиться къ хану съ подробнымъ донесеніемъ. Спроси его самъ и дѣлай, какъ знаешь, только не безпокой меня впредь до выздоровленія. Я самъ горю нетерпѣніемъ увидѣть родной городъ и семью мою.

Калга-султанъ повѣрилъ ему, но въ тотъ же день отправилъ Дервишъ-агу подъ надзоромъ къ Девлетъ-гирею, обѣщая сдѣлать тоже и съ Шагинъ-гиреемъ, какъ только онъ оправится отъ раны.

Разлука съ Крымтаемъ въ первыя минуты произвела на Шагинъ-гирея непріятное впечатлѣніе, но потомъ онъ началъ утѣшать себя тѣмъ, что Девлетъ не имѣетъ основанія обвинять его въ чемъ-либо и что Дервишъ, получивъ свободу, немедленно свидѣтся съ друзьями и возбудитъ въ нихъ сочувствіе и отвагу. Въ этихъ надеждахъ гирей началъ строить воздушные замки и совершенно успокоился.

Тѣмъ временемъ Девлетъ-гирей находился въ Кафѣ (Ѳеодосіи). Спиридонъ Каравунети, который съ радостію увлекся идеею переселенія христіанъ, также находился въ этомъ городѣ. Однажды, сидя на берегу моря, Спиро услышалъ за собою знакомый голосъ и, обернувшись, встрѣтился съ глазами Дервишъ-аги, который сдѣлалъ ему знакъ слѣдовать за собою. Каравунети поднялся съ мѣста и мѣрными шагами послѣдовалъ за другомъ. Путники остановились предъ домомъ кадія, затѣмъ были направлены къ временному конаку гирея, откуда послѣдовалъ приказъ отправить Дервиша въ крѣпость и держать подъ сильнымъ карауломъ впредь до особаго распоряженія хана.

„Это за что? подумалъ грекъ, возвращаясь на квартиру свою. Гдѣ же дѣвался Шагинъ-гирей, получилъ ли онъ мое письмо?

— О чемъ это ты такъ задумался? кто-то обозвалъ его.

Спиро поднялъ глаза и увидѣлъ предъ собою Толбая, которому разсказалъ про встрѣчу съ Дервишемъ и послѣдовавшемъ распоряженіи о заключеніи его въ темницу.

— Ну, братъ, мнѣ больше пришлось узнать и я нарочно направился къ тебѣ, чтобы поговорить о болѣе серіозномъ дѣлѣ. Я былъ у хана въ то время, когда онъ получилъ донесеніе отъ калги-султана съ препровожденіемъ Крымтая. Пойдемъ къ берегу моря и я разскажу тебѣ, какой опасности подвергается твой пріятель Шагинъ-гирей, если только друзья его не подоспѣютъ къ нему на помощь. Дѣло состоитъ въ слѣдующемъ: наши аманаты, получивъ полную свободу отъ императрицы Екатерины, слѣдовали чрезъ черкесскія земли въ Ени-кале съ письмомъ отъ русскаго правительства къ консулу, которому приказывалось оказывать имъ защиту и въ случаѣ надобности всякаго рода вспомоществованія. Калга изъ этой бумаги отлично понялъ, съ какимъ они намѣреніемъ ѣхали въ Крымъ и заарестовалъ ихъ съ тѣмъ, чтобы отправить обоихъ къ хану, но такъ какъ Шагинъ-гирей оказался очень раненымъ въ стычкѣ съ черкесами, то оставленъ впредь до поправленія здоровья своего въ Тамани. Девлетъ-гирей пришелъ отъ этого въ такую ярость, что отдалъ приказаніе повѣсить несчастнаго Дервишъ агу, и поклялся сдѣлать тоже самое съ Шагинъ-гиреемъ, котораго ему и безъ этого повода пріятно отправить въ семью прародителей, чтобы избавиться навсегда отъ опаснаго конкурента. Я положительно убѣжденъ, что Шагину не миновать смерти, если ты или кто другой не поспѣшите предупредить его объ участи Крымтая и что ожидаетъ его самаго въ самомъ непродолжительномъ времени.

Услышавъ эти слова, Спиро какъ полоумный бросился къ себѣ на квартиру и заперся съ Кыргіемъ.

— Послушай, сказалъ онъ, я имѣлъ уже случай убѣдиться въ твоей смышленной расторопности, но теперь ты долженъ показать мудрость старика, такъ какъ дѣло идетъ о спасеніи твоего господина: Шагинъ-гирей раненъ и находится въ Тамани подъ арестомъ у калги султана впредь до выздоровленія. Затѣмъ его приш-

лютъ сюда для того, чтобы казнить смертью такъ точно, какъ поступятъ и съ Дервишъ-агою Крымтаемъ. Ты долженъ, не теряя ни минуты взять моего коня и летѣть въ Керчь, оттуда переправиться на лодкѣ въ Тамань и извѣстить твоего господина, чтобы онъ успѣлъ бѣжать въ Россію. Но помни, что малѣйшее промедленіе твое испортитъ всѣ надежды мои и Шагинъ погибнетъ. Вотъ тебѣ на дорогу десять червонцевъ, береги ихъ, такъ какъ они могутъ пригодиться господину твоему. Теперь я разскажу тебѣ, по какому направленію ты долженъ ѣхать.

— Не трудись, *шорбаджи* *), разсказывать мнѣ этого, потому что я два раза ѣздилъ въ Керчь и одинъ разъ былъ въ Тамани. Я исполню твое приказаніе въ точности, но ты не считай меня за осла, если я не вернусь скоро. Ты говоришь, что господинъ мой раненъ и долженъ бѣжать въ Россію, если это такъ должно быть, то и мнѣ необходимо будетъ сопровождать его. Во всякомъ случаѣ, если я не вернусь чрезъ недѣлю, а ты не получишь никакого извѣстія отъ меня за это время, то считай насъ внѣ опасности.

Сказавъ это, Кыргій поцѣловавъ руку хозяина, набросилъ на плечи чекмень и вышелъ изъ комнаты. Чрезъ нѣсколько минутъ Спиро увидѣлъ его уже выѣзжающимъ изъ города.

Два дня спустя на Таманскій берегъ высадился съ тремя цыганами Кыргій. Ихъ обступила цѣлая толпа татаръ, интересовавшаяся узнать, что дѣлается въ Бахчисараѣ, Карасубазарѣ и Кафѣ. Взрослые цыгане пустились въ бесѣды, но Кыргій, шепнувъ на ухо союзникамъ не уходить далеко отъ берега, бросился въ городъ подъ предлогомъ купить хлѣба. Помня наставленіе хозяина дорожить каждою минутою, онъ направился къ конаку калги-султана и, замѣтивъ издали Шагинъ гирея, началъ громкимъ голосомъ просить милостыни.

Шагинъ гирей сейчасъ-же узналъ его и, понявъ, что онъ явился не безъ цѣли, тихо и спокойно спустился

---

*) Кормилецъ, хозяинъ.

къ калиткѣ, чтобы своеручно подать бѣдному мальчику подаяніе.

— *Аманъ* *), султанымъ — произесъ цыганченокъ тихимъ голосомъ и не подымая опущенной головы—бѣги изъ этого дома сегодня-же ночью, потому-что тебя завтра, можетъ быть, ожидаетъ такая-же казнь, къ какой присужденъ уже Дервишъ ага въ Кафѣ. Я въ полночь приду сюда съ тремя друзьями моими, чтобы оказать тебѣ помощь. Я посланъ отъ Спиро, который умретъ съ горя, если ты погибнешь.

— Хорошо, я буду готовъ, отвѣчалъ гирей, положивъ Кыргію въ руку крупную монету.

Цыганенокъ подкинулъ шапку отъ удовольствія и бѣгомъ направился къ противоположной пекарнѣ, гдѣ купилъ два хлѣба и исчезъ изъ вида.

Пришедъ къ товарищамъ и шепнувъ имъ что-то на ухо, онъ выбросилъ червонецъ, чтобы накупить на всѣ эти деньги провизіи и сложить ее въ лодкѣ. Затѣмъ цыгане объявивъ единоплеменникамъ, что слѣдуютъ къ Черкесамъ, отчалили отъ берега.

— Ну, теперь бросайте якорь и ложитесь спать, сказалъ Кыргій—а я буду сидѣть на-сторожѣ и разбужу васъ, какъ только закричатъ полночные пѣтухи.

Требованіе мальчика было исполнено. Ровно въ полночь лодка снова возвратилась къ городскому берегу и цыганенокъ съ двумя нанятыми имъ единоплеменниками явился у калитки зданія, занимаемаго Калгою. Только что они пришли, какъ калитка отворилась и Шагинъ гирей выскочилъ изъ нея и бѣгомъ на костылѣ пустился бѣжать за избавителемъ своимъ. Чрезъ пять минутъ всѣ они прыгнули въ лодку и исчезли въ густомъ туманѣ. Съ разсвѣтомъ они высадились въ Ени-кале.

Здѣсь Шагинъ гирей представился нашему консулу и, передавъ ему подробно все, что случилось съ нимъ, просилъ отправить его вновь къ императрицѣ. Консулъ, пользуясь отходящимъ въ Азовъ русскимъ судномъ, охотно исполнилъ его просьбу.

Разсчитавшись съ спасителями своими, Шагинъ гирей

---

*) Звукъ отчаянія.

просилъ ихъ чрезъ годъ пріѣхать въ Бахчисарай, обѣщая имъ подарить мореходное судно и провозгласить первыми моряками новаго ханскаго флота. Кыргія онъ также хотѣлъ отпустить къ Спиридону, но цыганенокъ расплакался и не захотѣлъ оставлять его впредь до окончательнаго выздоровленія.

При этой поѣздкѣ гирей подробно узналъ, какимъ образомъ воцарился Девлетъ гирей, куда дѣвался его несчастный братъ съ семействомъ, какъ живутъ его друзья и здорова-ли его Момине.

— Я не очень давно былъ въ Мангупѣ, отвѣчалъ Кыргій—и самъ видѣлъ твою Келинчекъ. Она такая-же бѣлая и добрая, какъ и прежде была, но похудѣла бѣдняжка отъ слезъ. Все плачетъ по тебѣ.

Шагинъ гирей тихо вздохнулъ и перевелъ разговоръ на старыхъ служителей.

— Всѣ они здоровы, но всѣ движатся точно какъ мертвые, какъ сироты, выброшенные на улицу. Я много разъ утѣшалъ ихъ, но, видно, слова цыганенка не имѣютъ значенія. Воображаю, какъ они будутъ рады и какъ полюбятъ меня, если, узнаютъ, что я спасъ ихъ господина изъ рукъ злаго хана.

VI.

Съ восшествіемъ на престолъ Девлетъ гирей не замедлилъ начать переговоры съ Турціею относительно зависимости Крымскаго ханства отъ калифа и надѣялся на скорую помощь дивана. Въ этихъ самообольщеніяхъ онъ началъ возбуждать свой народъ противъ русскихъ и стремился поднять ихъ на ноги. Предавъ публичной казни Дервишъ агу, какъ врага вѣры и предавъ шейтану калгу султана за упущеніе Шагина, онъ вскорѣ былъ обрадованъ извѣстіемъ, что въ то самое время, когда Силистрія приготовлялась сдаться, великій визирь внезапно явился на помощь къ осажденнымъ съ 50 т. корпусомъ и заставилъ русскихъ отступить съ значительными потерями, въ числѣ которыхъ придавали особенное значеніе смерти генерала Вейсмана. Извѣстіе это могло бы сильно воодушевить его, еслибъ не парализировалось другимъ изъ Польши, гдѣ конфедераты, зах-

ватив короля Станислава Августа, увезли его изъ Варшавы съ цѣлью умертвить. Дерзость эта заставила императрицу Екатерину начать и тамъ военныя дѣйствія, которыя съ перваго же дня ознаменовались полнымъ пораженіемъ гетмана Огинскаго и занятіемъ Суворовымъ Минска, Сломина, Кракова и другихъ мѣстностей. Затѣмъ этому полководцу удалось вытѣснить изъ Краковскаго замка вспомогательное французское войско подъ начальствомъ Дюмурье, обезоружить бунтовщиковъ, а взятіе княземъ Голицынымъ Ченстоховской крѣпости не только прекратили междоусобныя неурядицы, но вынудили Петербургскій, Вѣнскій и Берлинскій кабинеты отдѣлить отъ Польши нѣсколько лучшихъ областей ея, изъ числа которыхъ земли, лежащія между Днѣпромъ и западною Двиною достались Россіи.

Это неожиданное событіе, по сознанію Девлетъ гирея, не могло не возбудить въ Турціи тяжелаго и непріятнаго впечатлѣнія. Тѣмъ временемъ князь Василій Михайловичъ Долгоруковъ, получивъ отъ императрицы приказаніе обозрѣть Крымскіе лагери русскихъ отрядовъ и остепенить излишнюю ретивость Девлетъ гирея, направился къ Перекопу, а отсюда повернулъ къ лагерю князя Прозоровскаго и ночевалъ на Салгирѣ, на посту маіора Синельникова.

Какъ только извѣщенъ былъ въ Ахмечетѣ калга султанъ о вторичномъ вступленіи въ ханство этого страшнаго полководца, онъ не замедлилъ выслать къ нему нѣсколько чиновниковъ съ поздравленіями и извѣстилъ хана, что главнокомандующій русскимъ корпусомъ, навѣрно, имѣетъ враждебныя намѣренія.

„Будь какъ можно больше вѣжливъ и гордъ въ обращеніи съ нимъ, отвѣчалъ гирей, я же приму надлежащія мѣры, чтобы не уронить нашего достоинства“.

На слѣдующій день Долгоруковъ въ каретѣ направился въ Ахмечетъ съ обширною свитою. Его встрѣтилъ одинъ изъ членовъ царствующаго дома Мегметъ-гирей съ другими сановниками города, которые подвели князю великолѣпно убраннаго коня. Калга-султанъ встрѣтилъ героя на балконѣ и очень заботливо ввелъ въ пріемную, гдѣ усадилъ на мягкое кресло и угостилъ зав-

тракомъ. Послѣ трехъ часоваго отдыха Долгоруковъ направился въ Бахчисарай и остановился въ польскомъ станѣ, поджидая извѣстія отъ резидента нашего, относительно встрѣчи съ ханомъ. Курьеръ не замедлилъ явиться съ письмомъ Вселитскаго, извѣщавшаго, что Девлетъ гирей не иначе соглашается его принять, какъ самостоятельный султанъ.

— Какой же онъ недальновидный! вскрикнулъ князь, онъ забылъ, вѣроятно, какъ два года тому назадъ я поступилъ съ предмѣстникомъ его. Передай резиденту, что я проѣду Бахчисарай.

Курьеръ возвратился съ этимъ отвѣтомъ, но два часа спустя прилетѣлъ другой нарочный съ заявленіемъ, что свѣтлѣйшій ханъ проситъ пожаловать его къ нему безъ соблюденія оффиціальныхъ церемоній.

Долгоруковъ махнулъ головою въ знакъ согласія.

Въ 10 верстахъ отъ столицы главнокомандующій, сопровождаемый цѣлымъ гусарскимъ полкомъ съ музыкою, былъ привѣтствуемъ отъ имени города съ благополучнымъ прибытіемъ Ширинскими беями, мурзами и почетными гражданами, а за пять верстъ всѣми знатнѣйшими сановниками царства *).

Князь Долгоруковъ въѣхалъ въ ханъ-сарай верхомъ и былъ встрѣченъ Девлетъ гиреемъ, посадившимъ его на кресло. Немедленно поданы были кофе, сладкія турецкія конфекты, шербеты и т. п. Послѣ всего этого главнокомандующій повелъ рѣчь о взаимномъ согласіи государствъ и обѣщанномъ покровительствѣ ханству.

Хитрый ханъ разсыпался въ любезностяхъ и благодарностяхъ, но этимъ онъ не могъ провести простосердечнаго, но здраво мыслящаго русскаго полководца, видѣвшаго въ немъ опаснаго интригана. Василій Михайловичъ, взвѣсивъ его на свой глазъ, не пожелалъ оставаться дольше въ дворцѣ, заявивъ, что раньше далъ обѣщаніе обѣдать у Петра Гавриловича.

Девлетъ гирей не настаивалъ и лично проводилъ его до дверей, гдѣ стояла уже другая, отлично убранная лошадь.

---

*) Смот. записки Одесск. Общ. Исторіи и древ. Томъ 8 стр. 183.

Отобѣдавъ у резидента, князь Долгоруковъ поѣхалъ дальше и ночевалъ на Бальбекѣ. Затѣмъ онъ посѣтилъ въ Балаклавѣ отрядъ генерала Кохіуса, повидался съ начальникомъ русской эскадры, а отсюда направился въ Гезлевъ, который оставался въ такомъ же положеніи, какое было послѣ кампаніи въ 1771 года. Лично убѣдившись, что въ странѣ нѣтъ турецкихъ войскъ, главнокомандующій тѣмъ же путемъ выѣхалъ изъ Крыма.

Только что успокоился князь Долгоруковъ, какъ къ нему явился Шагинъ гирей съ письменнымъ приказомъ отъ императрицы снабдить его войскомъ и содѣйствовать всѣми мѣрами къ провозглашенію его народомъ Крымскимъ ханомъ.

— Войскомъ я могу тебѣ помочь—отвѣчалъ Василій Михайловичъ—но вліять на татаръ не берусь, потому что не знаю ихъ нарѣчія, а чрезъ драгомановъ не далеко уйдешь. Будетъ ли сердиться за этотъ отвѣтъ государыня или нѣтъ, я не знаю, но я никогда не берусь за дѣло, которое не по силамъ солдату.

— Да мнѣ и ничего не нужно болѣе кромѣ войска, которое могло бы меня охранить — отвѣчалъ гирей. Я намѣренъ на первый разъ проникнуть въ Ени-кале и начать свои дѣйствія съ этого пункта.

— Ты разумно сдѣлаешь, если изберешь въ этой крѣпости свое пребываніе, а я отдамъ приказъ начальнику войска и консулу охранять и содѣйствовать тебѣ, какъ другу государыни.

На этотъ разъ Шагинъ гирей, съ трудомъ избавленный Кыргіемъ отъ позорной казни, торжественно проѣхалъ чрезъ Оръ-хапи, пригрозилъ бею и всѣмъ мурзамъ истязаніями, если они останутся на сторонѣ узурпатора и весело направился къ оконечности Керченскаго полуострова.

Всѣ татаре, встрѣчаемые имъ на этомъ пути, съ особеннымъ удовольствіемъ соглашались признать его за дѣйствительнаго наслѣдника ханскаго престола. Послѣ переправы чрезъ Салгиръ Шагинъ гирей подозвалъ къ себѣ Кыргія и сказалъ ему:

— На этомъ мѣстѣ мы должны разстаться. Постарайся присоединиться къ твоимъ единоплеменникамъ и

возвратиться въ Бахчисарай къ Спиридону Каравунети, которому вручишь зашитое въ шапкѣ твоей письмо. На случай, если тебѣ придется разыскивать меня, я буду жить въ Ени-кале у русскаго консула. Берегись не проговориться ничѣмъ, чтобы не подвергнуться висѣлицѣ.

Сказавъ это, ханъ вложилъ ему въ руку нѣсколько монетъ и пожелалъ благополучія.

Оставшись однимъ въ степи, цыганченокъ началъ выжидать случайныхъ подводъ. Часъ спустя показалась длиная хорошо закрытая лошадиная арба, которою управлялъ чрезвычайно пожилой съ вида татаринъ.

— Дѣдушка—вскрикнулъ Кыргій—не возьмешь-ли ты меня за кучера? я все равно иду безъ дѣла и могу оказать тебѣ услугу.

Проѣзжій остановился, посмотрѣлъ на черномазаго мальчика и грубо приказалъ ему садиться.

— Кто ты такой и откуда идешь? спросилъ минуту спустя Толбай.

Я находился съ родственниками въ степи, но какъ только намъ сказали, что завтра будетъ проѣзжать Шагинъ гирей съ русскими войсками, мы разбѣжались по разнымъ сторонамъ.

— А какъ тебя зовутъ?

— Кыргіемъ.

— Ну, дитя мое, я тебя узналъ и надѣюсь, что ты не будешь лукавить съ Толбай-джинджіемъ, который былъ лучшимъ другомъ твоего господина. Скажи мнѣ, куда ты направляешься теперь?

— Мнѣ приказано явиться къ Спиридону Каравунети и вручить ему письмо.

— Мы застанемъ твоего хозяина въ Карасубазарѣ.

— А развѣ ты его знаешь?

— Я знаю всѣхъ родившихся въ Крыму. Теперь разскажи мнѣ, гдѣ я могу повидаться съ Шагинъ гиреемъ?

— Онъ будетъ жить въ Ени-кале до того времени, пока покончитъ свои дѣла.

На слѣдующій день арба въѣхала въ Карасубазаръ и остановилась въ одномъ изъ постоялыхъ дворовъ, пе-

реполненномъ знатными мурзами и беями, только что возвратившимися изъ Бахчисарая, куда собирались на совѣщаніе, относительно пріисканія способа избавиться отъ подавляющаго вліянія Россіи.

— Смотри, Кыргій—сказалъ Толбай—не проговорись ни единымъ словомъ о гиреѣ. Я назову тебя моимъ работникомъ, принятымъ въ Кафѣ, но ты совершенно свободенъ идти къ Спиридону и оставаться у него. Скажи ему, что завтра вечеромъ я приду къ нему.

— Гдѣ же я найду моего шорбаджія?

— Въ дворѣ греческой церкви.

О пріѣздѣ Толбай шейха сейчасъ же извѣстно стало всѣмъ засѣдавшимъ въ кофейнѣ, составляющей необходимую принадлежность заѣзжаго двора. Всѣ безъ терпѣнія ожидали появленія его въ общей комнатѣ, чтобы упрекнуть въ отсутствіи на народномъ съѣздѣ въ столицѣ.

Почтенный колдунъ не долго заставилъ себя ожидать. Лишь только онъ покончилъ съ привѣтствіями и началъ пить поданный ему кофе, одинъ изъ друзей Девлетъ гирей хана приблизился къ нему и спросилъ, какія причины заставили его уѣхать изъ Кыркъ-азиса въ то время, когда заранѣе назначенъ былъ съѣздъ духовенства и мурзъ въ Бахчисараѣ?

— Если бы ты зналъ десятую часть тѣхъ сокровенныхъ таинъ, которыя извѣстны мнѣ—отвѣчалъ старикъ—то твои уста не дерзнули-бы сдѣлать мнѣ этого вопроса.

— Я спрашиваю это не для того, чтобы оскорбить тебя, но потому что безъ тебя мы не могли порѣшить важнѣйшаго дѣла.

— А я скажу тебѣ, что въ то время, когда вы судили и рядили о благополучіи ханства мнѣ надобно было съѣздить въ одно отдаленное мѣстечко, чтобы прочитать предопредѣленную будущность страны. Спрашивается, которая изъ двухъ обязанностей важнѣе?

— Что же намъ судитъ Аллахъ? спросилъ изумленный сторонникъ Девлетъ-гирея,

— Любезный сынъ мой, не заставляй меня говорить публично про такія ужасныя вещи, которыя возмущаютъ меня до глубины души. Я спѣшу возвратиться въ мое

святое жилище, чтобы употребить всѣ усилія умилостивить пророка и даровать намъ спокойные дни, исчезнувшіе со смертью незабвеннаго благодѣтеля моего Крымъ-гирей хана.

Въ кофейнѣ послышались тихіе вздохи.

— Значитъ намъ предстоятъ новыя бѣдствія? спросилъ мурза.

— Аллахъ-керимъ! Да будетъ его святая воля надъ нами.

— Ты, кажется, боишься напугать насъ!

— Взрослые и разумные мусульмане не должны ничего бояться, потому что Аллахъ милостивъ къ тѣмъ, кто обращается къ нему съ раскаяніемъ и молитвою.

— Ты отвѣчаешь мнѣ такими общими фразами, которыя расточаетъ каждый мулла, желающій убѣдить слушателей въ скромности и благочестіи своемъ; а намъ необходимо знать, откуда грозитъ намъ бѣдою и чѣмъ мы провинились?

— Изволь я скажу тебѣ и это; бѣда грозитъ намъ съ головы за наше заблужденіе. Ты не поймешь теперь этихъ словъ, но когда начнутъ слетать съ плечъ нашихъ головы, тогда все станетъ яснымъ.

Слушатели набожно взялись за бороды и почти громко произнесли символъ вѣры: *ля иль ля алла!*

— О Боже, заговорилъ одинъ изъ стариковъ, видно дѣла наши примутъ дурной оборотъ, какъ начатыя въ скверный часъ: видно Турція опять понесетъ пораженіе и злые гяуры воспользуются нами какъ овцами, отставшими отъ стада, оберегаемаго ненадежными собаками.

— Что ты, братъ, мелешь чепуху! прервалъ его Ширинскій, Турецкій визирь выгналъ русскихъ изъ султанскихъ земель и они не посмѣютъ болѣе безпокоить его, а чрезъ мѣсяцъ или два онъ навѣрно пришлетъ къ намъ, вмѣсто прежняго ничтожнаго гарнизона, нѣсколько десятковъ тысячъ отборнѣйшихъ янычаръ, съ помощію которыхъ мы изгонимъ изъ Крыма русскихъ, приставшихъ къ нашему тѣлу въ видѣ лишаевъ.

— Бей, воздержись отъ преждевременныхъ умозаключеній. Часто одно слово составляетъ тысячу грѣховъ. Не лучше ли будетъ, если ты скажешь; да будетъ воля Божія надъ нами!

— Аллахъ далъ намъ разсудокъ и языкъ не для того, чтобы мы хранили вѣчное молчаніе. Это свойственно только Индостанскимъ факирамъ.

— Твоя правда, душа моя, но мы должны говорить о томъ, что вѣдаемъ. Вообрази, напримѣръ, что въ то время, когда мы говоримъ о Турціи и русскихъ, въ Крымъ ворвется съ преданными ногайцами Шагинъ-гирей, считавшій себя законнымъ наслѣдникомъ престола и предастъ насъ всѣхъ смерти за вѣроломство!

Слова эти какъ громомъ поразили собраніе.

— Мы отвергли Шагинъ-гирея отъ нашего юрта, отвѣтилъ Ширинскій, какъ врага религіи и онъ не осмѣлится переступить чрезъ ровъ Оръ-хапи. Только что произнесены были эти слова, какъ на улицѣ послышался крикъ сумашедшаго афуза.

— Эй, *агалеръ* (господа), да будетъ всѣмъ вамъ извѣстно, что въ Крымъ вошелъ съ русскими войсками нашъ благодѣтель Шагинъ-гирей! Да наточитъ Аллахъ его саблю на гибель враговъ! Эй, *агалеръ*, подайте милостыню сумашедшему за пріятное извѣстіе, не то худо будетъ измѣнникамъ!

— Слышишь, сказалъ Толбай, обращаясь къ сосѣду своему, это слова пророка, говорящаго устами безумца.

Всѣ присутствующіе въ кофейнѣ выбѣжали на дворъ. Тѣмъ временемъ Аведикъ, поправивъ свою чалму, вышелъ изъ собранія и направился къ Каравунети.

— Не ты ли подговорилъ этого сумашедшаго извѣстить жителей Карасубазара о пріѣздѣ Шагина? спросилъ колдунъ, садясь около молодаго пріятеля своего.

— Это сдѣлалъ по совѣту моему Кыргій.

— Браво! Ты просто убилъ сторонниковъ Девлетъ-гирея. У нихъ теперь душа пересилилась въ пятки.

— Толи еще это будетъ чрезъ мѣсяцъ, когда извѣстіе это подтвердится. Воображаю положеніе Девлетъ-гирея, которому такъ хочется грабить нашихъ, безъ того несчастныхъ христіанъ. Отчего, мой другъ, ты не напугалъ его какимъ-либо несчастіемъ, чтобы остановить алчность?

— Я много говорилъ ему по этому поводу, но, видно, онъ не считаетъ насъ за людей, достойныхъ

сожалѣнія. Чѣмъ ты занимаешься, Спиро, въ настоящее время?

— Я по прежнему веду переговоры съ священниками и почетными стариками относительно переселенія.

— Чтожъ тебѣ удается?

— Всѣ охотно соглашаются, но какъ-то боятся подумать объ исполненіи до того времени, пока императрица не пообѣщаетъ содѣйствія.

— Содѣйствіе это будетъ непремѣнно. Если императрица переселила изъ Турціи арнаутовъ и представила имъ больше, чѣмъ нужно, то нѣтъ сомнѣнія, что она и къ намъ будетъ благосклонна.

— Я и самъ тѣхъ же убѣжденій.

— А что ты намѣренъ дѣлать въ пользу Шагинъ-гирея? спросилъ минуту спустя армянинъ.

— Я завтра объѣду всѣхъ его друзей и покажу его письмо ко мнѣ, въ которомъ онъ проситъ собирать въ пользу его правъ подписи.

— Что касается до меня, отвѣчалъ Толбай, то я сдѣлаю все, что зависитъ отъ благочестиваго шеиха для пользы Шагина, но, конечно, не изъ личной расположенности къ этому честолюбцу, а изъ убѣжденія, что при немъ намъ гораздо легче будетъ достигнуть цѣли. Да, придется много потрудится намъ съ тобою, Спиридонъ. Ты молодъ еще и успѣешь насладиться плодами трудовъ, но я единственно изъ за того, чтобы умереть въ семьѣ дѣтей и внуковъ и быть похороненныхъ по христіанскому обычаю. По мнѣнію моему, въ настоящее время Шагинъ-гирей нуждается въ хорошихъ оруженосцахъ. Хорошо было бы, еслибъ я могъ выслать ему трехъ богатырей, живущихъ около меня. Это люди громаднаго роста и необыкновенной силы.

— Ты окажешь ему этимъ большую услугу.

— Въ такомъ случаѣ прощай, мой другъ. Я отдохну немного и выѣду ночью, чтобы возвратиться домой раньше наступленія дня.

Толбай, дѣйствительно, прибылъ въ Кыркъ-азизъ съ первыми лучами солнца и сейчасъ же послалъ за двумя братьями, извѣстными подъ именами батыръ Муссы и батыръ Мустафы, предъ силою и гигантскимъ ростомъ

которыхъ невольно останавливались всѣ проѣзжіе мимо деревни Каясты. Люди эти были очень бѣдны и не чуствовали никакой расположенности къ сельскимъ занятіямъ.

— Друзья мои, сказалъ имъ Толбай, я до настоящаго времени предоставлялъ вамъ всѣ излишки отъ моихъ пріобрѣтеній, но вѣдь я очень старъ и могу внезапно умереть. Что тогда будетъ съ вами?

— Аллахъ не безъ милости, эфендимъ, отвѣчали богатыри.

— Это такъ, но я желалъ бы пристроить васъ къ хорошему господину въ качествѣ тѣлохранителей.

— Этимъ ты осчастливилъ бы насъ, *баба* (отецъ).

— Въ такомъ случаѣ скажите мнѣ откровенно кого вы больше любите: Девлетъ гирей хана или Шагинъ гирей султана?

— Мы не прочь служить и у того, и у другаго.

— Мнѣ нуженъ положительный отвѣтъ.

— Шагинъ гирей намъ болѣе нравится по возвышенному и рѣшительному характеру.

— Если это правда искренняя, то я васъ сію же минуту нанимаю и выплачиваю жалованье за полгода впередъ, чтобы вы могли обезпечить вашихъ престарѣлыхъ родителей и сестеръ дѣвушекъ. Кромѣ этого берусь заботиться о нихъ во все время вашего отсутствія.

— Да продлитъ Аллахъ твою жизнь еще на сотни лѣтъ! Мы готовы по слову твоему спуститься даже въ адъ.

— Я хотѣлъ бы присоединить къ вамъ и Алты-Пармока, но не знаю его мыслей; между тѣмъ въ настоящее время не безопасно выражать сочуствіе къ несчастному Шагину.

— Алты-Пармакъ нашъ другъ и одинаковыхъ мыслей съ нами. Онъ расцѣлуетъ тебѣ ноги, если ты окажешь ему это благодѣяніе.

— Такъ пусть же одинъ изъ васъ пойдетъ и переговоритъ съ нимъ, но такъ, чтобы ни единая душа не подслушала васъ, иначе мы всѣ очутимся на висѣлицѣ.

Два часа спустя всѣ три гиганта вошли къ Толбаю, получили отъ него деньги и письмо на имя Шагинъ ги-

рея въ Ени-кале, которое тщательно зашито было въ шапку.

— Вы выйдите изъ дому ровно въ полночь, сказалъ имъ шейхъ, заявивъ роднымъ, что вызываетесь на Дунай, но направитесь къ Арабату, а оттоль берегомъ моря доберетесь до Ени-кале. Если тамъ васъ станутъ допрашивать русскіе, отвѣчайте, что принесли гирею письмо отъ одного изъ друзей. Но Боже васъ сохрани довѣриться или проговориться раньше даже предъ ребенкомъ! Идите же съ Богомъ, друзья мои, и старайтесь заслужить любовь вашего господина, потому что Аллахъ скоро призоветъ его на прародительскій престолъ, а тогда вы будете вполнѣ довольны своею судьбою.

Богатыри поцѣловали руку благодѣтелю и поклялись честно и вѣрно служить.

„Нѣтъ сомнѣнія, что мы опять сдѣлаемся друзьями съ Шагиномъ — подумалъ Толбай, когда нанятые имъ люди скрылись изъ виду. Чрезъ недѣлю, а можетъ быть и раньше, я вышлю къ нему еще нѣсколько надежныхъ джигитовъ, которые не будутъ бояться ханскихъ властей.

Посланные Толбаемъ богатыри благополучно пробрались въ Ени-кале и настолько обрадовали Шагинъ гирея, что онъ не зналъ, какъ и чѣмъ выразить свою благодарность шейху.

— Намъ приказано, султанымъ, дѣлать все, что ты прикажешь, говорили силачи. Остается только получать приказанія.

— Дай Богъ, чтобы вы оказались годными мнѣ слугами, а дѣла у насъ будетъ больше, чѣмъ вы предполагаете. Но помните, друзья, что тѣ, которые обѣщаютъ быть хорошими слугами, должны быть честными и справедливыми. Я не умолимъ и за малѣйшій безчестный поступокъ не пощажу даже роднаго брата.

— Намъ очень хорошо извѣстенъ твой нравъ, отвѣчали тѣлохранители, прикажи намъ для увѣренности разрушить хоть этотъ домъ.

— Я васъ беру не для разрушенія, а для созданія новаго царства. Вы отдохнете нѣсколько дней, а затѣмъ отправитесь къ ногайскимъ сераскирамъ съ письмами моими и подготовите ихъ къ возстанію. Эти люди

нѣкогда любили меня и я надѣюсь на нихъ больше, чѣмъ на городскихъ татаръ.

Въ опредѣленное время богатыри отправились по назначенію. Одновременно почти къ Толбаю пріѣхали Каравунети и Абдувели паша. Послѣдній былъ турецкаго происхожденія, рожденный отъ дочери Крымскаго бея. Человѣкъ этотъ не смотря на то, что занималъ важный постъ въ Кафѣ, не пожелалъ возвратиться въ Стамбулъ съ турецкими янычарами и имѣлъ въ виду со временемъ сдѣлаться командиромъ татарскихъ войскъ; если ханы озаботятся завести регулярные полки и выписать для образованія ихъ европейскихъ офицеровъ. Онъ былъ женатъ на дочери Крымтаева и имѣлъ трехъ взрослыхъ сыновей, изъ которыхъ Меметша бей слылъ за отличнаго наѣздника и очень умнаго распорядителя.

— Я пріѣхалъ къ тебѣ, сказалъ паша, чтобы помолиться азизамъ за здоровье моей жены, которая болѣе недѣли не подымается съ постели.

— А я ожидалъ свиданія съ тобою по другому очень важному обстоятельству. Извѣстно ли тебѣ, что Шагинъ гирей прибылъ въ Ени-кале съ желаніями воспользоваться своими наслѣдственными правами?

— У насъ, въ Ахмечетѣ, заговорили было объ этомъ, но теперь ничего не слышно. Увѣренъ ли ты въ пріѣздѣ его?

Толбай вмѣсто отвѣта подалъ ему письмо, адресованное къ Каравунети.

— Если ты мнѣ не повѣришь, то Спиро здѣсь, прибавилъ онъ.

Паша нѣсколько разъ перечиталъ письмо и, подумавъ съ минуту, сказалъ:

— Чувствуешь ли ты, эфенди, что Девлетъ-гирей ханъ не долго будетъ царствовать?

— Я былъ въ этомъ убѣжденъ въ первый день восшествія его на престолъ.

— Гдѣ Спиро? мнѣ необходимо съ нимъ поговорить на томъ основаніи, что намъ слѣдуетъ вести себя чрезвычайно осторожно, а христіанина никто не станетъ подозрѣвать въ участіи заговора.

— Ты найдешь его въ моей крайней одѣ.

Абдувели паша вышелъ на дворъ, осмотрѣлся и вошелъ къ греку, погруженному въ размышленія.

— Спасибо тебѣ, пріятель мой, за доброе сочуствіе къ бѣдному Шагину, который, безъ сомнѣнія, высоко оцѣнитъ твои услуги.

— Абдувели паша, если я еще разъ услышу отъ тебя подобныя слова, то я брошу Бахчисарай и сдѣлаюсь чебаномъ въ моей отарѣ. Неужели ты думаешь, что я дѣйствую въ пользу Шагина въ надеждахъ быть вознагражденнымъ?

— Я никогда не думалъ этого, но мнѣ кажется, что каждый человѣкъ радъ, когда заслуги его оцѣнятъ.

— Перестанемъ говорить объ этихъ мелочахъ. Извѣстно ли тебѣ, что Толбай эфенди послалъ трехъ тѣлохранителей къ Шагину, но этихъ людей для него недостаточно. Не можешь ли и ты отправить къ нему двухъ или трехъ надежныхъ молодцовъ?

— Со мною находятся здѣсь чрезвычайно преданные мнѣ татаре изъ дер. Озенбаша: Абла и Зекирья *), которые не разъ ѣздили съ Шагиномъ на охоту и всегда восхищаются имъ. Если ты находишь это необходимымъ то мы сейчасъ же переговоримъ съ ними.

— Я нахожу крайне необходимымъ, но только ты устрой это дѣло безъ моего участія, я вообще мало довѣряюсь неизвѣстнымъ мнѣ людямъ.

Нѣсколько часовъ спустя Абла и Зекирья, снабженные деньгами и письмомъ, направлены были въ Еникале съ приказаніями охранять Шагина отъ всевозможныхъ непріятностей и во всемъ повиноваться ему, какъ будущему хану.

— Послѣ отправки этихъ людей Абдувели паша заявилъ Толбаю, что намѣренъ созвать изъ окрестностей Хыркъ-азиза всѣхъ преданныхъ ему мурзъ на совѣщаніе.

— Я не совѣтую тебѣ дѣлать этого, сказалъ Спиро, изъ многихъ всегда одинъ является измѣнникомъ.

---

*) Этихъ людей, какъ и раньше приведенныхъ, лично зналъ одинъ изъ Озенбашскихъ стариковъ, съ которымъ я 30-ть лѣтъ тому назадъ постоянно бесѣдовалъ о ханахъ Крыма.

Не лучше ли тебѣ взять одного изъ лучшихъ друзей и поручить ему распоряжаться въ своемъ округѣ. Такимъ образомъ устранено будетъ всякое подозрѣніе въ твоемъ участіи.

Толбай нашелъ совѣтъ этотъ разумнымъ и приступлено было къ обсужденію мѣръ, необходимыхъ для собранія голосовъ въ пользу новаго хана.

Въ это время шейху сообщили, что прибыли къ нему изъ Бахчисарая знаменитые ученые улемы, родные братья Ачиль и Шакиль эфендіи.

— Ты не долженъ показываться имъ, сказалъ колдунъ. Это люди преданные Девлетъ-гирею и ненавидящіе Шагина. Съ этими словами онъ вышелъ принимать гостей въ другомъ отдѣленіи.

— Съ пріѣздомъ, почтеннѣйшіе собратья мои, сказалъ шейхъ, приглашая ахуновъ въ комнату. Что васъ заставило посѣтить отжившаго человѣка?

— На нашемъ небѣ показалась черная туча, которая предвѣщаетъ бурю, сказалъ Ачиль эфенди. Къ кому же мы должны обратиться за совѣтомъ, какъ не къ прапрадѣдушкѣ нашему?

— О какой тучѣ вы говорите? спросилъ Толбай, прикидываясь ничего не понимающимъ.

— Какъ, неужели тебѣ неизвѣстно, что въ Ени-кале вступилъ съ русскимъ войскомъ Шагинъ гирей съ цѣлью сдѣлать нападеніе на свѣтлѣйшаго хана нашего, чтобы завладѣть его властью.

— Да ослѣпитъ его Аллахъ! произнесъ Шакиль эфенди, взявшись за бороду.

— Я вчера еще осматривалъ небо, возразилъ Толбай, и не нашелъ на немъ ни единаго значка, предвѣщавшаго несчастія для нашего хана, да продлится жизнь его на безконечныя времена!

— Небо иногда остается равнодушнымъ къ событіямъ на землѣ.

— Это случается только тогда, когда Аллахъ отворачивается отъ насъ, какъ грѣшниковъ, недостойныхъ сожалѣнія. Чѣмъ же я могу быть полезенъ моему падишаху?

— Усеинъ эфенди *) говорилъ хану, что отъ тебя зависитъ не допустить этого негоднаго человѣка до враждебныхъ дѣйствій. Подумай хорошенько эфенди, какого онъ бѣшеннаго характера и сколько погибнетъ напрасно мусульманскихъ душъ, если мы не съумѣемъ остановить его порывовъ во время. Тебѣ придется самому съѣздить къ нему.

— Мнѣ съѣздить къ человѣку, который осквернилъ мою бороду на святомъ мѣстѣ! я никогда не сдѣлаю этого.

— Но, онъ тебя такъ уважалъ?

— Да, онъ уважалъ меня до отъѣзда изъ Крыма, но въ послѣднюю минуту нанесъ такое оскорбленіе, котораго я не забуду и въ могилѣ. Точно я былъ причиною назначенія его аманатомъ въ Россію. Нѣтъ, почтеннѣйшіе эфендіи поклонитесь отъ меня въ ноги нашему доброму хану и скажите ему, что я предпочту смерть, чѣмъ личную встрѣчу съ Шагиномъ.

Ачиль и Шакиль эфендіи съ удовольствіемъ переглянулись. Имъ только и хотѣлось узнать степень расположенности могущественнаго Толбая къ Шагинъ гирею. Вполнѣ успокоенные, что колдунъ не станетъ на сторону врага, они послѣ плотнаго завтрака уѣхали обратно въ столицу.

Оставшись наединѣ, Абдувели паша, Каравунети и шейхъ признали лучшимъ способомъ отбирать отъ всѣхъ безъ исключенія подписи на чистыхъ листахъ, которые впослѣдствіи не трудно будетъ подшить къ протоколу, приглашающему Шагинъ гирея на царство.

Постановленіе это признано было самымъ безопаснымъ на случай, еслибъ одинъ изъ такихъ листовъ попалъ въ руки противной партіи и дошелъ до ханъ-сарая.

VII.

Не прошло и мѣсяца съ того дня, какъ Шагинъ гирей поселился въ Ени-кале, а въ Крыму начали уже подмѣчать много лицъ, недовольныхъ управленіемъ Девлетъ гирея. Преданные хану предчувствовали что-то зло-

*) Настоятель ханской мечети въ Бахчисараѣ. Онъ считался въ то время самымъ разумнѣйшимъ хатипомъ.

вѣщее и старались всѣми силами прославлять дѣйствія повелителя, все болѣе сближавшагося съ султаномъ. Не рѣдко слышались рѣчи въ родѣ, того что послѣ отступленія русскихъ, калифъ намѣренъ лично посѣтить Бахчисарай и сдѣлать крымское ханство недоступнымъ для внѣшнихъ враговъ, построить въ немъ чудесную мечеть и одарить *текіе* (монастыри) денежными вкладами. Но всѣ эти разсказы очень мало вліяли на народъ, угрюмо сидѣвшій въ своихъ домахъ и мастерскихъ.

Друзья Шагина напротивъ нигдѣ не показывались и ничего не разглашали, а между тѣмъ къ нимъ безпрестанно привозились листы бумаги, густо исписанныя именами лицъ, объявившихъ себя на сторонѣ Шагина. Списки эти сейчасъ-же пересылались въ Ени-кале и очень заботливо подшивались къ протоколу *).

Братья Мусса и Мустафа съ Алты-Пармакомъ также не дремали въ ногайскихъ степяхъ. Словомъ надежды Шагинъ гирея съ каждымъ днемъ становились надежнѣе. Оставалось только выждать благопріятныхъ извѣстій съ театра военныхъ дѣйствій, чтобы приступить къ дѣлу.

Однажды вечеромъ гирей сидѣлъ на обширной платформѣ противъ пролива и любовался проходящими судами.

— Ну, что, Зекирья, сказалъ онъ, обращаясь къ стоявшему за нимъ слугѣ—не наскучило-ли тебѣ скитаться со мною вдали отъ родной хаты?

— Султанымъ, ты забываешь, что я пришелъ пѣшкомъ оберегать тебя отъ злодѣевъ и что для меня не понятна скука до того времени, пока я занимаюсь своимъ дѣломъ.

— А я признаюсь, ужасно тоскую по роднымъ горамъ, по фонтанамъ, садамъ и лѣсамъ. Ихъ видъ и однозвучный шелестъ листьевъ поминутно мелькаютъ предо мною и болѣзненно надрываютъ душу.

— Это означаетъ, что и сады съ лѣсами, горами и фонтанами тоскуютъ о тебѣ.

Гирей тяжело вздохнулъ. Въ воображеніи его рисо-

---

*) Протоколъ въ переводѣ съ греческаго означаетъ: первый листъ.

валась мангушская вилла съ отдаленными горами, на которыя онъ не одинъ разъ смотрѣлъ жадными глазами и затѣмъ принималъ въ объятія шаловливую Момине, которая забавляла его наивностію, звучнымъ хохотомъ и нѣжными пѣснями. Думая объ ней, гирей постарался припомнить ея голосъ, взглядъ, станъ и тотъ особенный запахъ юнаго тѣла, которымъ она умѣла вызывать въ немъ отрадныя чувства.

„Чтобы она дѣлала въ этотъ моментъ? думалъ гирей. Навѣрно сидитъ, прижавшись къ углу стѣны, и смотритъ на цвѣтные ковры. Это была ея постоянная привычка, когда находилась въ невеселомъ расположеніи духа. Бѣдняжка, воображаю, какъ должно быть тяжело ей не знать ничего о мѣстонахожденіи моемъ и не вѣдать о предположеніяхъ моихъ? Впрочемъ не можетъ быть, чтобы Марина не навѣстила ея ни разу и не сообщила того, что я писалъ о себѣ Каравунети. Охъ, и эта прелестная гречанка всегда переворачиваетъ мою душу! Не будь мужъ ея другомъ моимъ я право перевернулъ бы весь міръ изъ за того только, чтобы она находилась постоянно предъ моими глазами. Какая у ней очаровательная полнота и упругусть тѣла, какой станъ, а улыбка, точно розы сыпятся изъ рта! Имѣть такихъ двухъ женщинъ въ домѣ, да это гораздо лучше райскихъ сокровищъ. И не грустно ли, что я вмѣсто того, чтобы наслаждаться тихими радостями дома, нынѣ сижу на берегу моря и какъ осужденный разбойникъ дрожу изъ боязни попасть въ руки тѣхъ, которые виновны предо мною? Да, я боюсь даже и въ то время, когда на моей сторонѣ болѣе 50 тысячъ татаръ, не считая мурзъ, беевъ и ногайцевъ! О, аллахъ, прекрати невыносимыя страданія мои и научи меня, какъ поступить, чтобы скорѣе возвратиться домой! Я право не вынесу моего одиночества, если тебѣ угодно будетъ продолжить пытку еще на одинъ мѣсяцъ.

Въ это время на платформу вышелъ русскій консулъ и быстрыми шагами подошелъ къ Шагину.

— Я сейчасъ получилъ оффиціальное извѣстіе, сказалъ онъ—что наши войска вновь перешли Дунай и славный Суворовъ подступилъ къ Туртукаю. При этомъ меня из-

вѣщаютъ, что султанъ Мустафа опасно боленъ и вѣроятно, не долго будетъ жить.

— Какое счастіе! вскрикнулъ гирей, вскочивъ съ мѣста. Если Мустафа боленъ, а Суворовъ въ Турціи, то и я буду въ Бахчисараѣ. Довольно мнѣ тяготить тебя, мой другъ, своимъ присутствіемъ: я завтра-же выѣду въ ногайскія степи и послѣ первой побѣды русскихъ сдѣлаю нападеніе на Крымъ. Надѣюсь, что князь Долгоруковъ поддержитъ меня.

Часъ спустя къ гирею прибылъ и Мусса съ заявленіемъ, что многіе изъ ногайцевъ рѣшились сопровождать его въ Крымъ для возведенія на престолъ и драться, если встрѣтятъ сопротивленіе.

Послѣднее извѣстіе до того обрадовало Шагина, что онъ приказалъ немедленно укладываться въ дорогу и, прощаясь съ консуломъ, просилъ его объявить друзьямъ, что переѣзжаетъ въ Кызлы-Яръ *), откуда намѣревается приступить къ дѣлу.

На этотъ разъ принцъ выѣхалъ въ сопровожденіи русскаго коннаго отряда чрезъ Индже (Геническъ) и прибылъ на третій день къ кочевью одного изъ богатѣйшихъ ногайцевъ. Шагинъ гирею ужасно захотѣлось угостить сопровождавшихъ его лицъ кебапомъ или шашлыкомъ изъ вкусныхъ ногайскихъ овецъ, но у него не доставало денегъ на пріобрѣтеніе двухъ десятковъ маличей.

— Мы достанемъ и безъ денегъ такое ничтожное число барановъ, отвѣчали Зекирья и Абла и направились къ богатому Монголу съ просьбою угостить Шагинъ гирея съ войскомъ.

— А кто это такой Шагинъ гирей? спросилъ старикъ.

Ему разсказали.

— Отчего же его не сопровождаютъ мусульмане, а гяуры?

— Такое нынѣ время; намъ приходится бояться своихъ братьевъ по вѣрѣ.

— Это что-то не ладно, сказалъ ногаецъ. Впрочемъ

---

*) Мѣстность теперешняго Мелитополя.

я даю вамъ на ужинъ 25 овецъ, но съ тѣмъ условіемъ, что вы такъ тихо проведете ночь, что не разбудите въ курятникѣ моемъ ни едной курицы; если же ослушаетесь, то я прикажу нагнать на васъ табунъ лошадей моихъ и всѣхъ передавлю. Понимаете? Идите же съ этимъ платкомъ къ атаману моей отары и прикажите отъ имени моего отдѣлить вамъ шматокъ жирныхъ молодыхъ барановъ; вечеромъ же я приду самъ взглянуть на вашего гирея.

Въ опредѣленное время богатый старикъ вошелъ въ походную палатку Шагина и послѣ холоднаго привѣтствія обратился къ гирею съ слѣдующимъ унаслѣдованнымъ Крымскими татарами вопросомъ:

— Послушай, путникъ, я часто слышалъ отъ покойнаго отца моего, что *тетджалъ* (антихристъ) придетъ изъ Крыма въ сопровожденіи толпы гяуровъ. Не въ твоемъ ли образѣ нынѣ представляется его духъ?

— Еслибъ ты не такъ былъ старъ, отвѣчалъ принцъ —то я счелъ бы тебя за дерзкаго безумца.

— Я, дерзкій безумецъ? переспросилъ ногаецъ. Ну, братъ, изъ этого отвѣта я вполнѣ заключаю, что ты настоящій тетджалъ. Впрочемъ мы сейчасъ убѣдимся въ этомъ. По разсказу отца моего у тетджала одна рука и одна нога должны быть короче другой, а ну-ка подымись и дай мнѣ измѣрить твои члены?

Шагинъ гирей, у котораго отъ природы была короче одна нога и рука противъ другой, ужасно изумился такой неожиданной выходкѣ, но никакъ не могъ отдѣлаться отъ назойливаго ногайца.

— Ну, братъ, сказалъ старикъ послѣ тщательнаго осмотра — если ты и не настоящій тетджалъ, то или старшій братъ его или предтеча этого чудовища.

— Глупецъ, отвѣчалъ ему стоящій тутъ же Алты-Пармакъ—предъ тобою стоитъ будущій твой свѣтлѣйшій ханъ, а ты издѣваешься надъ нимъ. За такія любезности въ правовѣрныхъ странахъ садятъ обыкновенно на колъ.

— Ты мнѣ говоришь эти слова, чтобы понравиться своему господину. Пожалуй, это не дурно съ твоей стороны, но если и дѣйствительно, твой шорбаджи ханска-

го происхожденія, то это для Бога не составляетъ особеннаго значенія. Я убѣжденъ только въ одномъ, что господинъ твой посланъ на землю для народной гибели. Если онъ воцарится въ нашемъ ханствѣ, то вспомни меня старика, что онъ погубитъ самостоятельность царства и предастъ насъ власти гяуровъ.

Сказавъ это, старикъ повернулся и вышелъ изъ палатки.

— Не убить ли его? спросилъ Мусса.

— Боже тебя сохрани, отвѣчалъ гирей, улыбаясь— развѣ подобаетъ правовѣрнымъ лишать жизни людей, выжившихъ изъ разсудка? Напротивъ намъ слѣдовало бы отблагодарить его чѣмъ-нибудь за подаренныхъ овецъ, но, къ сожалѣнію, мы такъ бѣдны въ настоящее время, что не располагаемъ даже лишнимъ пистолетомъ.

Однако слова, сказанныя ногайцемъ, глубоко потрясли душу гирея.

„Откуда онъ вывелъ предположеніе, что у тетджала будетъ одна рука и нога короче другой и почему онъ вообразилъ, что я разрушу самостоятельность народа, о благосостояніи котораго забочусь болѣе, чѣмъ о личномъ благѣ?“

Шагинъ гирей, не смотря на свои 40 лѣтъ и постоянное сообщеніе съ образованными людьми, нисколько не отличался отъ простыхъ татаръ въ суевѣріи. Преданные ему тѣлохранители увѣряли, что слова этого ногайца повергли ихъ господина въ скорбь, продолжавшуюся болѣе недѣли.

Прибывъ въ Кызлы-Яръ, Шагинъ гирей представилъ съ нарочнымъ къ императрицѣ Екатеринѣ постановленіе объ избраніи его народомъ на царство, хотя въ сущности большая половина его оставалась или нейтральною или на сторонѣ Девлетъ гирея.

Одновременно въ Петербургѣ получено было извѣстіе, что султанъ Мустафа III умеръ и ему наслѣдовалъ братъ его Абдулъ-Гамидъ, напрягшій всѣ усилія, чтобы изгнать русскихъ изъ своей территоріи. Недѣлю спустя съ другимъ курьеромъ прибыло донесеніе отъ Румянцова, что турки одновременно аттаковали корпуса Салтыкова, Суворова и Каменскаго, но были окончательно разбиты

и разсѣяны и что великій визирь, потерявъ лучшія мѣдныя пушки, вылитыя по чертежамъ барона Тотта, укрылся въ Шумлѣ, но такъ какъ ему пресѣчено сообщеніе съ Адріанополемъ и другими пунктами имперіи, то выражалась полная надежда заставить его сдаться или умереть съ остатками арміи голодною смертью.

Императрицѣ Екатеринѣ не трудно было предвидѣть, чѣмъ окончится эта война и слѣдовательно, необходимо было позаботиться объ изгнаніи съ Крымскаго престола лукаваго Девлетъ гирея. Пользуясь представленнымъ ей Шагиномъ доказательствомъ о провозглашеніи его народомъ своимъ падишахомъ, она предложила Долгорукову посодѣйствовать ему овладѣть ханствомъ.

Когда прибыло объ этомъ приказаніе, у Шагинъ гирея находилось на-готовѣ нѣсколько тысячъ ногайцевъ, жаждавшихъ показать свое джигитство предъ татарами.

— Ну, Мусса батыръ, сказалъ гирей — на дняхъ къ намъ прибудетъ русскій отрядъ и мы двинемся въ отечество съ обнаженною саблею, чтобы завоевать себѣ право жизни между родными. Обрадуй этимъ извѣстіемъ всѣхъ преданныхъ намъ друзей и скажи имъ, что услугу, которую ожидаю отъ нихъ, я съумѣю оцѣнить.

Извѣстіе это привело джигитовъ въ неописанный восторгъ, ознаменовавшійся цѣлымъ рядомъ праздничныхъ забавъ, которыя прекратились съ прибытіемъ русскихъ войскъ.

Шагинъ гирей, окинувши взглядомъ значительный отрядъ войскъ, находившихся въ его распоряженіи и зная, что партія преданныхъ ему мурзъ и беевъ значительно охладила вліятельныхъ татаръ къ хану, положительно убѣжденъ былъ въ успѣхахъ своего отважнаго предпріятія. Ему страшна была только одна мысль, что султанъ Абдулъ-Гамидъ, подъ вліяніемъ старыхъ визирей, не утвердитъ его въ наслѣдственныхъ правахъ и въ особенности, если ему удастся восторжествовать въ борьбѣ при содѣйствіи русскихъ солдатъ.

Нѣсколько дней спустя до свѣдѣнія гирея дошло, что Турція находится въ безвыходномъ состояніи и вынуждена будетъ въ концѣ концовъ просить унизительнаго

мира. Это предположеніе, основанное на разумномъ соображеніи, заставило Шагина дорожить удобнымъ временемъ и двинуться въ походъ. Лишь только онъ тронулся съ мѣста и началъ приближаться къ Оръ-хапи, какъ Девлетъ гирей, извѣщенный о предстоящемъ столкновеніи съ Шагиномъ, успѣвшимъ избѣгнуть казни, распорядился немедленно призвать къ оружію всѣхъ молодыхъ и вообще способныхъ людей, обѣщая лично стать въ главѣ ихъ.

Шагинъ гирею труднѣе всего казалось перешагнуть чрезъ Перекопскій ровъ, охраняемый наскоро исправленными крѣпостями, но на дѣлѣ оказалось, что Оръбей или князь города, подготовленный раньше друзьями не противиться его движенію, очень радушно принялъ принца и пропустилъ его съ добрыми пожеланіями внутрь страны.

— А будешь ли ты такъ любезенъ при моемъ обратномъ движеніи? спросилъ съ улыбкою Шагинъ.

— Это зависитъ отъ твоего счастія—отвѣчалъ бей.

— Проще, ты объявляешь, что если меня постигнетъ неудача, то я погибну у дверей твоего города?

— Къ несчастію да, потому что мы обязаны служить тѣмъ, которые умѣютъ сдѣлаться нашими господами.

— Этимъ ты намекаешь мнѣ, что на случай побѣды я могу считать тебя въ числѣ своихъ друзей.

— Еслибъ я не былъ имъ, то Ногайцы не перешли бы за Перекопъ.

Шагинъ гирей потрепалъ дальняго родственника своего по плечу и не останавливаясь въ городѣ, направился къ ближайшему селенію. На другой день въ боевомъ порядкѣ онъ выступилъ дальше и ночевалъ въ окрестностяхъ Симферополя. Тѣмъ временемъ Девлетъ гирей ханъ выступилъ изъ Бахчисарая въ полномъ убѣжденіи выждать врага своего у Перекопской крѣпости и нанести ему полное пораженіе; но не успѣлъ онъ перейти рѣку Алму, какъ предъ нимъ показался враждебный авангардъ, на половину состоящій изъ русскихъ солдатъ. Ханъ ужаснулся, но разсуждать было не время. Наскоро построивъ свое войско, онъ не смѣлъ по-

думать о нападеніи и рѣшился защищаться на выгодной позиціи. Шагинъ гирей, которому извѣстна была эта мѣстность, самъ выдвинулся впередъ, отдалъ приказаніе и подъ прикрытіемъ преданныхъ ему тѣлохранителей бросился впередъ.

Русскіе и Ногайцы гаркнули ура! и понеслись за нимъ, затѣмъ развѣтвились и обхватили врага съ фронта и обоихъ фланговъ. Раздались выстрѣлы и сабельные удары, но десять минутъ спустя все утихло. Девлетъ гирей бѣжалъ съ поля битвы въ сопровожденіи преданныхъ ему мурзъ. Этого было достаточно, чтобы татаре сложили предъ гиреемъ оружіе и раболѣпно признали его своимъ властелиномъ и падишахомъ.

Въ эту минуту у Шагинъ-гирея радостно забилось сердце и онъ готовъ былъ полетѣть въ Мангушъ къ своей прекрасной Момине, чтобы назвать себя ханомъ Крыма.

Девлетъ гирею не оставалось ничего, какъ бѣжать въ Константинополь.

— Надо дать ему время забрать женъ и дѣтей—сказалъ Шагинъ, обращаясь къ полководцамъ своимъ—пусть одинъ изъ друзей его поскачетъ за нимъ и объявитъ, что я не вступлю въ Бахчисарай раньше сутокъ а за это время Девлетъ успѣетъ собрать весь свой *чавуръ-хавуръ*.

Ханское слово передано было желающимъ оказать послѣднюю услугу бывшему хану. Изъ всѣхъ передавшихся Шагину только два татарина изъявили согласіе успокоить несчастнаго повелителя и именно Абла и Зекирья, рабски преданные Шагину.

— Идите, дѣти мои—сказалъ гирей—и скажите ему, чтобы онъ спѣшилъ выѣхать изъ Крыма, въ противномъ случаѣ я не ручаюсь за себя. Онъ посягалъ на мою жизнь и повѣсилъ лучшаго изъ друзей моихъ Дервиша Крымтая. Кто знаетъ, быть можетъ, и я сдѣлаю тоже самое, когда онъ попадется мнѣ на глаза.

Отправивъ тѣлохранителей своихъ, Шагинъ гирей приказалъ воздвигнуть себѣ шатеръ въ одномъ изъ сосѣднихъ садиковъ и рѣшился не трогаться съ мѣста, пока дерзкій узурпаторъ не выберется изъ страны.

Побѣда, одержанная Шагинъ гиреемъ и постыдное бѣгство хана, въ тотъ же день были извѣстны въ Ахмечетѣ, Бахчисараѣ и ближайшихъ деревняхъ. Народъ пришелъ въ недоумѣніе и не зналъ, на чью сторону перейти. Одни совѣтовали поддерживать Девлета до послѣднихъ силъ, другіе отрѣшиться отъ него и объявить себя подданными законнаго наслѣдника. Болѣе разумные предлагали держаться нейтралитета до того времени, пока дѣло приметъ явное направленіе.

Тѣмъ временемъ Толбай эфенди, слѣдившій чрезъ слугъ своихъ за каждымъ шагомъ Шагина, распорядился выслать къ нему десять жеребенковъ, мясо которыхъ считалось ханами и ногайскими сераскирами за лучшее лакомство и много другаго рода угощеній, приказавъ посланнымъ сказать гирею, что онъ лично явится къ нему, когда будетъ сжаренъ послѣдній жеребенокъ.

Одновременно направился на встрѣчу къ Шагину чрезъ Мангушскую дачу и Спиридонъ Каравунети, которому хотѣлось предварительно узнать, въ какомъ положеніи находится семейство гирея, чтобы обрадовать его пріятными новостями.

Толбай и Каравунети встрѣтились у самой палатки Шагинъ гирея и приняты были имъ съ слезами радости.

— О, еслибъ мнѣ удалось отблагодарить васъ за все то, что вы сдѣлали для меня! вскрикнулъ ханъ, цѣлуя въ оба глаза этихъ людей.

— Если ты еще разъ повторишь эту фразу—отвѣчалъ Толбай—то я никогда не подступлю къ порогу твоего дома и предпочту удалиться изъ царства твоего.

— Неужели и ты, Спиро, побрезгаешь подобно этому святому человѣку моими желаніями осчастливить тебя?

— Султанымъ, я такъ счастливъ въ моемъ настоящемъ положеніи, что ничего не желаю лучшаго, но кто знаетъ будущее? Авось настанетъ день, когда и я поставленъ буду въ необходимость обратиться къ тебѣ съ просьбою, если не за себя, то за единовѣрцевъ моихъ.

— Ты и всѣ христіане всегда будутъ для меня лучшими людьми. Даю тебѣ честное слово, что если я буду

ханомъ, всякая просьба твоя и братьевъ твоихъ выслушана будетъ лично мною.

— И ты окажешь намъ снисхожденіе, если это даже нарушитъ твои матеріальные интересы?

— Я готовъ всѣмъ пожертвовать, если это коснется вашего блага.

— Призови, ханъ, въ свидѣтели пророка и мы перестанемъ говорить объ этомъ.

— Клянусь тебѣ святымъ кораномъ и всѣми пророками! отвѣчалъ Шагинъ гирей, усаживая своихъ гостей около себя.

— И такъ ты завтра вступишь въ домъ отцовъ твоихъ—заговорилъ Толбай—да благословитъ же тебя всемилостивѣйшій Аллахъ счастіемъ и долгоденствіемъ; да не преклонится голова твоя предъ врагами и спина твоя предъ болѣзнями. Пусть солнце вѣчно освѣщаетъ твой земной путь и радуетъ тебя своими лучами. Люби всѣхъ подданныхъ твоихъ и старайся, по мѣрѣ возможности, просвѣщать ихъ невѣжество и сокрушать страсть къ набѣгамъ, которые принесли больше горя и непріятностей, чѣмъ воображаемыхъ богатствъ.

— И ты думаешь, что этимъ я достигну славы?

— Этимъ ты заслужишь уваженіе со стороны разумныхъ людей.

— А буду ли я счастливъ?

— Ханъ, ты обращаешься ко мнѣ съ вопросомъ, на который отвѣчаютъ колдуны. Ты забылъ, что я нынѣ представляю лице шейха и ношу привиллегированный цвѣтъ шерифовъ.

Шагинъ гирей взглянулъ на него съ недоумѣніемъ и погрузился въ размышленіе. Гирей точно прочиталъ въ полупотухшихъ глазахъ старика будущую неотрадную судьбу свою. Спиро нахмурилъ брови и заговорилъ о преданныхъ мурзахъ и беяхъ, которые одновременно пріѣдутъ въ Бахчисарай для привѣтствія друга и повелителя.

Гирей продолжалъ молчать.

— Я не иначе прибылъ сюда—продолжалъ Каравунети — какъ освѣдомившись о благосостояніи твоей семьи.

При этихъ словахъ Шагинъ гирей какъ бы очнулся отъ сна.

— Ты былъ въ Чевтлекѣ? спросилъ онъ.

— Да, я посѣтилъ твой лѣтній домъ и около двухъ часовъ отдыхалъ около ханъ-чемше. Спасибо твоей кормилицѣ, она принесла мнѣ сытный завтракъ и заплакала отъ радости, когда я сообщилъ ей, что ты возвратился благополучно въ Крымъ и вѣроятно, на дняхъ пріѣдешь къ ней.

— Не говорила ли она еще чего-нибудь?

— Она принесла мнѣ при отъѣздѣ вотъ этотъ узелокъ — сказалъ Спиро, подавая хану небольшую посылку.

Шагинъ гирей быстро развернулъ ее и вынулъ великолѣпный бархатный кисетъ, шитый золотыми нитками; въ кисетѣ находилось нѣсколько зеренъ чернаго изюма *), который съ жадностью схваченъ былъ гиреемъ и съѣденъ. Подарокъ этотъ былъ отъ прелестной Момине. У принца засверкали отъ радости глаза.

— Спиро, ты очень меня любишь—сказалъ Шагинъ гирей—и знаешь всѣ слабости мои. Да вознаградитъ тебя Богъ за твою дружбу!

Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе. Гирей казался печальнымъ.

Послѣ вкуснаго завтрака Каравунети поднялся, чтобы ѣхать домой.

— Ты оставляешь ужъ меня? спросилъ Шагинъ.

— Да; мнѣ необходимо извѣстить друзей моихъ, которые очень интересуются твоими успѣхами и подготовить единовѣрцевъ къ встрѣчѣ тебя.

Только что Каравунети собирался выйти, какъ къ палаткѣ гирея прибылъ курьеръ съ письмомъ отъ князя Долгорукаго, извѣщавшаго Шагинъ гирея, что русскій главнокомандующій въ Турціи довелъ великаго визиря до такого безвыходнаго положенія, что онъ вынужденъ ради спасенія арміи отъ голодной смерти въ Шумлѣ искать мира; что графъ Петръ Александровичъ Румян-

---

*) Изюмъ означаетъ фразу *эскі гозюмъ* т. е. люблю тебя, какъ оба мои глаза. Плодами этими угощаютъ другъ друга обыкновенно люди влюбленные.

цевъ не прочь войти съ нимъ въ перегоры и что пунктомъ для условій назначена деревня Кучукъ Кайнарджи. Взаключеніе князь выражилъ надежду на скорое прекращеніе военныхъ дѣйствій и интересовался успѣхами Шагинъ гирея.

— Поздравляю тебя съ благополучіемъ—сказалъ Каравунети—теперь я не сомнѣваюсь болѣе, что султанъ вынужденъ будетъ признать тебя ханомъ, а можетъ быть дѣло обойдется и безъ него, потому что императрица не допуститъ болѣе вліять Турецкій диванъ на наше ханство.

— Нѣтъ, Спиро, меня никогда татаре не будутъ признавать за повелителя своего, если я, по примѣру предковъ, не получу султанскаго утвержденія. Султанъ вѣчно будетъ главою исповѣдывающихъ исламъ и княземъ церкви. Его утвержденіе понадобилось бы мнѣ и тогда, еслибъ я оказался могущественнѣе его. Безъ этого же я рисковалъ бы головою и казался бы похитителемъ священной власти. Императрица Екатерина сдѣлаетъ большую ошибку, если пожелаетъ оставить за собою право назначать Крымскихъ хановъ безъ участія калифовъ. Тогда эти ханы примутъ видъ русскихъ чиновниковъ и перестанутъ пользоваться тѣмъ уваженіемъ, которое подобаетъ имъ и въ религіозномъ отношеніи, какъ послѣдующимъ послѣ калифа.

— А если, напримѣръ, русская царица заставитъ султана и Шеихъ-уль-ислама признать и тебя, какъ самостоятельнаго государя, также калифомъ?

— Конечно, это можетъ быть полезнымъ для меня, но я во всякомъ случаѣ буду не равноправнымъ тому, кто владѣетъ ключами Каабы. Этотъ владѣтель есть прямой намѣстникъ пророка.

— Но ты, навѣрно, будешь ходатайствовать предъ Екатериною о придачѣ къ титулу твоему калифа, если Аллахъ благословитъ твои дѣла?

— Мнѣ кажется, что я долженъ буду добиваться этого, на случай потери Турціею вліянія и прежнихъ правъ.

Каравунети возвратился въ Бахчисарай тѣмъ же окольнымъ путемъ, которымъ пріѣхалъ. Онъ вторично заѣхалъ въ Мангушъ къ кормилицѣ гирея и предложилъ ей не-

медленно возвратиться съ Момине въ городъ, если только желаетъ сдѣлать сюрпризъ своему питомцу.

— Ну, что новаго, Кыргій? спросилъ Спиро у цыганенка, когда присѣлъ къ оджаку и закурилъ свою трубку.

— Все идетъ какъ нельзя лучше, отвѣчалъ мальчикъ. Я сегодня былъ во дворцѣ ханъ-сарая и во всѣхъ почти кофейняхъ. Всѣ довольны, что Шагинъ-гирей добился своихъ правъ, но многіе находятъ неумѣстнымъ, что онъ явился къ намъ съ русскимъ отрядомъ войскъ.

— Что ты замѣтилъ въ ханъ-сараѣ?

— Оттуда выѣхали всѣ почти женщины съ своимъ хламомъ. Нѣкоторымъ изъ нихъ, повидимому, желательно было вывезти кое-какія цѣнныя вещи, но богатыри Абла и Зекирья не допустили этого и отдули плетьми тѣхъ слугъ, которые осмѣлились прикоснуться къ наслѣдственнымъ богатствамъ гиреевъ.

— Ты не узналъ, собирается ли народъ выйти на встрѣчу къ твоему господину?

— Собираются очень многіе, но стараются не говорить объ этомъ. Надо полагать, что они не вполнѣ вѣрятъ, что султанъ признаетъ Шагинъ-гирея ханомъ. Нѣкоторые же воображаютъ, что Девлетъ-гирей въ непродолжительномъ времени вновь возвратится изъ Стамбула съ турецкими войсками и приказаніями казнить моего господина со всѣми предавшимися ему лицами. Услышавъ это, я не стерпѣлъ и, поднявъ пятку, громко сказалъ, что Шагинъ-гирея казнятъ тогда, когда на этой пяткѣ выростутъ волоса. .

— А всѣ ли друзья наши въ Бахчисараѣ?

— Всѣ безъ исключенія, но они не выходятъ и никого не принимаютъ.

— А не узналъ ли ты, когда они выѣдутъ на встрѣчу къ Шагинъ-гирею?

— Они выслали впередъ верховыхъ, которые извѣстятъ ихъ, какъ только замѣтятъ передовыхъ гирея.

— Въ такомъ случаѣ и тебѣ Кыргій не слѣдуетъ оставаться дома. Одѣнь свое праздничное платье, возьми моего коня и постарайся вызвать всѣхъ единоплеменниковъ твоихъ съ музыкальными инструментами. Пусть

они расположатся на полянѣ Ахъ-хачѣ *) и привѣствуютъ въѣздъ падишаха веселыми пѣснями, это можетъ послужить въ ихъ пользу.

— Конечно, конечно! вскрикнулъ Кыргій и, быстро переодѣвшись, выѣхалъ со двора.

Оставшись наединѣ съ Мариною, Спиро послѣ минутнаго молчанія сказалъ:

— Ну, моя дорогая и любимая жена, теперь, когда намъ удалось достигнуть желанія возвести на престолъ Шагинъ-гирея, подумаемъ о нашемъ благосостояніи. Съ завтрашняго дня ты должна приготовиться въ дорогу и выѣхать навсегда изъ Бахчисарая въ Кафу къ твоей матери. Я лично провожу тебя и затѣмъ позабочусь продать нашъ домъ, чтобы и самому переѣхать къ тебѣ. Я такъ много трудился для Шагина, что мое присутствіе здѣсь составитъ для него тягость и онъ чего добраго постарается нанести мнѣ оскорбленіе для того, чтобы имѣть способъ предать казни. Я знаю, что онъ добрый и честный человѣкъ, но какимъ онъ сдѣлается, когда будетъ повелителемъ цѣлаго народа, это трудно угадать.

— Ты правъ, мой другъ, отвѣчала Марина, мы не нуждаемся въ его благодарности, но нуждаемся въ тихой и спокойной жизни. Я завтра съ разсвѣтомъ приступлю къ исполненію твоего приказанія.

VIII.

Шагинъ-гирей выждалъ въ палаткѣ, среди голой степи, ровно 24 часа и затѣмъ отдалъ приказаніе продолжать движеніе впередъ. Но какъ только онъ сѣлъ на коня, поднялся порывистый вѣтеръ и на небѣ показались тучи.

— Султанымъ, сказалъ Алты-Пармакъ, я предчувствую ужасный ураганъ и совѣтовалъ бы переждать его подъ горами.

Любезный слуга мой, тѣ, которые приготовляются царствовать, не должны страшиться бурь, иначе ихъ примутъ за трусовъ и постоянно станутъ угощать бурями.

---

*) Поляна при въѣздѣ въ Бахчисарай.

Наше ханство, къ несчастію, расположено на такомъ мѣстѣ, гдѣ природа и народонаселеніе любятъ показать свои дикіе порывы.

— Сказанное моимъ султаномъ да почіетъ вѣчно въ моей памяти, какъ несомнѣнная истина, но сегодняшняя буря представляетъ что-то необкновенное и я боюсь, чтобы отряду нашему она не нанесла большаго вреда, а если это случится, то враги станутъ распускать самые нелепыя предсказанія, относительно царствованія твоего.

— Пожалуй ты правъ. Въ такомъ случаѣ мы постараемся сдѣлать привалъ, когда ураганъ разыграется.

— Это случится чрезъ полчаса.

— Прикажи отряду ѣхать за мною полною рысью.

Сказавъ это, Шагинъ-гирей поскакалъ впередъ по направленію къ виднѣющимся алминскимъ садамъ и возвышенностямъ.

Буря усиливалась съ каждою минутою. Черныя облака то поднимались вверхъ, то отбрасывались въ сторону, то стремились по направленію къ землѣ; пыль превратила солнце въ сѣрое пятно, деревья затрещали и начали гнуться до корней, въ заключеніе ударилъ градъ величиною въ голубиное яйцо и на небѣ показались три черныя безконечной длины спирали, съ ужасною быстротою стремящіяся къ землѣ.

— *Сазаганъ, сазаганъ!* *) вскичали ногайцы и бросились за гиреемъ, успѣвшимъ уже доскакать до подножья горы.

Минуту спустя въ виду всего отряда показались на воздухѣ цѣлые десятки гигантскихъ тополей, вырванныхъ съ корнями, стога сѣна и соломы. Ураганъ имѣлъ направленіе на армію Шагинъ гирея и грозилъ ей.

— Мы погибнемъ всѣ, сказалъ гирей, обращаясь къ Толбаю, который въ это время вооружился ножемъ съ чернымъ черенкомъ и приготовился къ борьбѣ съ гигатскою силою природы.

— Не бойся, Шагинъ, а прикажи твоей артиллеріи стрѣлять безъ умолку въ злаго шейтана, пока я буду наносить ему раны моимъ ножомъ.

---

*) Тифонъ, небесная змѣя.

Толбай сталъ грудью противъ вѣтра и, начитывая довольно громко какія-то заклинанія, поминутно всаживалъ конецъ ножа въ луку сѣдла своего. Одновременно пушки сдѣлали залпъ противъ приближавшейся силы. Буря моментально остановила теченіе свое впередъ: точно она поражена была ядрами въ стальную грудь и раздвоилась на двѣ половины.

— Еще одинъ залпъ! вскрикнулъ шейхъ.

Но слова его не были услышаны и многіе изъ воиновъ были опрокинуты съ лошадей. Въ числѣ упавшихъ былъ и Шагинъ гирей.

— Какое непріятное предзнаменованіе, шепнулъ Алты-Пармакъ Толбаю, когда буря пронеслась и отрядъ двинулся впередъ. Бѣдняга, неужели и ему не придется долго царствовать?

— Скажу тебѣ по секрету, сынъ мой, отвѣчалъ шейхъ —что поколѣніе Чингизъ хана должно искупить грѣхи праотцевъ своихъ, которые много сдѣлали зла людямъ. Я также вѣрю, что приближается тотъ часъ, когда эти люди потеряютъ дарованныя имъ Аллахомъ права господства и родъ ихъ исчезнетъ съ лица земли. Замѣчаешь-ли ты, что съ каждымъ годомъ фамилія гиреевъ уменьшается и что въ настоящее время, за исключеніемъ Девлетъ гирея, Селима и Арслана остается на Кавказѣ только Батыръ гирей съ сыномъ Ачкозомъ. Эти послѣдніе наслѣдники династіи воспитаны злыми людьми и кровожадны до отвращенія. Что будетъ съ нами, если одинъ изъ нихъ смѣнитъ Шагинъ гирея? Нѣтъ, этого нельзя допустить и будетъ гораздо умнѣе отдаться во власть русскихъ подобно Астраханскимъ и Казанскимъ татарамъ, которые живутъ мирно и спокойно подъ управленіемъ тѣхъ, которыхъ нѣкогда мучили и тиранили.

— Шейхъ, ты разсказываешь страшныя вещи.

— По крайней мѣрѣ я не выдумываю ничего, сынъ мой. Дай Богъ, чтобы тебѣ не пришлось дожить до того времени, когда предсказаніе мое исполнится. Дай Богъ, чтобы Шагинъ гирею удалось отстранить на нѣсколько десятковъ лѣтъ тотъ ударъ судьбы, который готовится избалованнымъ и непочтительнымъ народамъ,

воображающимъ и въ безсиліи своемъ господствовать надъ гигантами. Знаешь-ли, другъ мой, я не вѣрю даже, что живу въ странѣ, принадлежащей гиреямъ. Бываютъ минуты, когда мнѣ кажется, что Крымъ, орошенный кровью невинныхъ людей, уже сгорѣлъ и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его еще остаются полянки, не тронутыя огнемъ.

— Чтожъ намъ предстоитъ дѣлать для спасенія себя?

— Ожидать спокойной смерти.

— Ну, нѣтъ, я одинъ изъ тѣхъ, которые желаютъ отъ всей души жить долже всѣхъ смертныхъ.

Къ сожалѣнію, сынъ мой, ты умрешь раньше меня.

— Конечно, я не доживу четырехъ сотъ лѣтъ. Это мнѣ скажетъ и всякій ребенокъ.

Толбай не отвѣчалъ.

— А можешь-ли ты мнѣ сказать, какою смертью я умру? продолжалъ Алты-Пармакъ.

— Ты умрешь на висѣлицѣ!

Алты-Пармакъ захохоталъ.

— Это, вѣроятно, въ вознагражденіе за всѣ мои услуги гирею? спросилъ онъ.

— Я полагаю, что ты угадалъ. Впрочемъ, будущее извѣстно единому Аллаху.

Тѣмъ временемъ Шагинъ гирей замѣтилъ вдали скачущаго всадника и за нимъ цѣлую кавалькаду мурзъ и беевъ. Это были: Кыргій и искренно преданные ему Абдувели паша съ тремя сыновьями, Батыръ ага съ братомъ Балджи агою, Крымтаевы, Эръ мурза, Меметъ ага Балатуковъ, Темиръ ага Ногаевъ и многіе другіе.

Гирей остановился и спѣшился, чтобы обнять своихъ друзей, которые плакали и смѣялись отъ радости.

Поѣздъ снова двинулся впередъ. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Бахчисарая предъ гиреемъ выстроилось все духовенство, за исключеніемъ трехъ знаменитыхъ въ то время хатиповъ: Усеинъ эфендія, Ачиля и Шакиля. Послѣ благодарственнаго гимна и поздравленій съ благополучнымъ возвращеніемъ на прадѣдовскій престолъ, гирей не преминулъ спросить объ отсутствующимъ эфендіяхъ.

— Они съ нѣкотораго времени не чувствуютъ себя въ кейфѣ—отвѣчалъ одинъ изъ имамовъ.

— Неужели имъ такъ рано опостылѣли земныя удовольствія? спросилъ Шагинъ гирей съ сдержаннымъ неудовольствіемъ.

Отсюда вплоть до дворца гирей былъ привѣтствованъ, какъ настоящій ханъ и въ тотъ же день во всѣхъ мечетяхъ о немъ молились, какъ о повелителѣ ханства.

Всѣ входы ханъ-сарая заняты были ногайцами подъ распоряженіемъ Муссы, Алты-Пармана, Аблы и Зекирья. Русскимъ войскамъ отведены были ближайшія постройки ко дворцу и приказано было заботиться о нихъ, какъ о добрыхъ гостяхъ, изъявившихъ желаніе конвоировать хана до его столицы.

Въ тотъ же день, вечеромъ Шагинъ гирей посѣтилъ мечеть и усердно молился о дарованіи ему мудрости управлять избалованнымъ народомъ. Потомъ навѣстилъ могилы дѣдовъ и осмотрѣлъ весь ханъ-сарайскій дворъ. Возвращаясь во дворецъ, онъ подозвалъ къ себѣ Кыргія и спросилъ у него, во сколько часовъ онъ можетъ привезти изъ Мангуша его кормилицу съ женою?

— Твоя жена съ утра ожидаетъ приказанія явиться во дворецъ, отвѣчалъ цыганенокъ, она давно пріѣхала въ Бахчисарай, благодаря заботливости Спиридона.

— Бѣги же къ ней и скажи, что я ожидаю ее.

Не прошло и часу, какъ въ отдѣленіе гарема введена была Момине и окружена множествомъ прислужницъ, оставшихся послѣ выѣзда женъ Девлетъ гирея.

Такимъ образомъ, печальный дворецъ снова оживился и дворы его освѣтились сотнями разноцвѣтныхъ фонарей.

Есть преданіе у грековъ, что въ эту ночь Шагинъ гирей напился до такой степени сладкаго мусселеза, присланнаго ему Каравунети, что онъ съ большимъ трудомъ добрался до комнаты Момине. По разсказамъ же Озенбашскихъ стариковъ съ этой ночи дорогая подруга гирея почуствовала себя въ интересномъ положеніи и впослѣдствіи сдѣлалась матерью красиваго мальчика.

Тѣмъ временемъ переговоры нашего главнокомандующаго въ Кучукъ Кайнарджи съ великимъ визиремъ приходили къ концу.

Графъ Румянцевъ предъявилъ въ видѣ ультиматума слѣ-

дующее категорическое требованіе: Россія пріобрѣтаетъ навсегда въ собственность Кинбургъ, Керчь, Еникале и владычество надъ малою Кабардою; Крымскіе и Кубанскіе татаре должны быть независимыми отъ Турціи и поступить подъ покровительство Россіи, которая пользуется при этомъ свободою плаванія на Черномъ и на всѣхъ Турецкихъ моряхъ и удерживаетъ за собою право вліянія на дѣла Молдаво-Валахскихъ господарей въ Стамбулѣ. Въ заключеніе султанъ обязывался признать Шагинъ гирея Крымскимъ ханомъ съ присоединеніемъ духовной власти великаго калифа.

Не смотря на то, что всѣ требованія эти казались невозможными для удовлетворенія, султанъ Гамидъ обязанъ былъ согласиться на нихъ, и въ такомъ смыслѣ состоялся договоръ 10 іюля 1774 года.

Извѣстіе объ этомъ прислано было въ Бахчисарай чрезъ князя Долгорукова и произвело отрадное впечатлѣніе на хана. Вскорѣ послѣ этого Шагинъ гирей получилъ отъ султана оффиціальное подтвержденіе и всѣ знаки царскаго достоинства т. е. кафтанъ, каукъ и драгоцѣнную саблю, но съ тѣмъ, чтобы онъ приказалъ улемамъ своимъ всенародно молиться о немъ во всѣхъ мечетяхъ ханства, принималъ судей, назначаемыхъ стамбульскимъ кадыэскеромъ, и чеканилъ монету съ турецкимъ штемпелемъ. Въ частномъ же письмѣ султанъ ходатайствовалъ о предоставленіи Девлетъ гирею свободнаго проживательства въ Крыму.

Послѣднее требованіе было самое непріятное для Шагинъ-гирей хана, но онъ вынужденъ былъ изъявить свое согласіе, надѣясь впослѣдствіи вытѣснить его съ помощію русскаго правительства.

Съ этого дня Шагинъ гирей смѣло и рѣшительно принялся за власть свою. Не оставалось ни одной отрасли управленія, въ которую онъ не заглянулъ бы и не потребовалъ измѣненій и улучшеній. При этомъ онъ позаботился придать жизни своей болѣе пышную европейскую обстановку и переобразовать гаремъ на султанскій манеръ.

Однажды вечеромъ Шагинъ гирей вспомнилъ о русскомъ резидентѣ Петрѣ Гавриловичѣ Веселитскомъ, могу-

щемъ быть ему полезнымъ въ задуманныхъ преобразованіяхъ, но такъ какъ его не оказалось въ Бахчисараѣ, то онъ потребовалъ Спиридона Каравунсти.

— Скажи, пожалуйста, куда дѣвался мой пріятель Петръ? спросилъ ханъ. Съ того времени, какъ я прибылъ въ ханъ-сарай, онъ только одинъ разъ былъ у меня.

— Неужели тебѣ не извѣстно, какъ поступили съ нимъ твои аги?

— Я рѣшительно ничего не знаю.

— Это доказываетъ ханъ, что старыя власти продолжаютъ служить интригамъ Девлетъ гирея и турецкому пашѣ Хаджи-Алію.

— Въ чемъ-же дѣло? говори поскорѣй.

— Дѣло состоитъ въ томъ, что приближенные къ тебѣ люди въ угоду эксъ-хану и туркамъ нашли необходимымъ поссорить тебя съ русскою царицею и для достиженія этого рѣшились сдѣлать важное преступленіе, которое, вѣроятно, вызоветъ цѣлый рядъ непріятностей. Эти негодяи, пользуясь своею властью, приказали Веселитскому отъ имени твоего представиться къ тебѣ въ полной формѣ съ семействомъ и всею свитою. Веселитскій повѣрилъ имъ на слово и не потрудился даже развѣдать, что ты въ этотъ день выѣхалъ въ гости къ Крымтаямъ. Не понимая настоящихъ причинъ оффиціальнаго представленія, Петръ Гавриловичъ однако не захотѣлъ сопротивляться приказанію и выѣхалъ верхомъ со всею свитою и направился къ дворцу, но какъ только перешагнулъ мостъ и очутился предъ воротами ханъ-сарая, предъ нимъ появилась дворцовая стража съ обнаженными саблями и приказала невѣрному немедленно спѣшиться. Послѣ чего сняли съ резидента и его чиновниковъ оружіе, часы и перстни и начали грозить смертью. Видя, что дѣло принимаетъ серіозное направленіе и что важнѣйшими двигателями его являются хатипы Усеинъ, Ачиль и Шакиль эфендіи, я вызвалъ къ себѣ Муссу и сказалъ ему, чтобы онъ не допустилъ дерзкихъ до насилія надъ представителями русской царицы, такъ какъ это грозитъ страшными послѣдствіями. Мусса понялъ, что дѣло это дѣлается безъ твоего согласія и благодаря своей физической силѣ взялъ подъ свое по-

кровительство Веселитскаго съ женою и секретаремъ, но пока онъ этихъ увелъ во дворецъ и помѣстилъ въ своей одѣ, всѣ остальные были безжалостно преданы смерти. Этого мало, разъяренные воины обезглавили всѣхъ казаковъ, бывшихъ на постахъ въ различныхъ мѣстахъ. Покончивъ съ ними, они разграбили дома чиновниковъ русскаго посольства. Затѣмъ разсудивъ, что, дѣйствительно, опасно посягать на жизнь посланниковъ, они отправили Веселитскаго со всѣмъ семействомъ чрезъ горы въ Кафу къ Хаджи-Али пашѣ. Сегодня же я получилъ извѣстіе, что паша не рѣшился убивать этихъ невинныхъ людей только потому, что жена резидента оказалась беременною *).

Выслушавъ Каравунети, Шагинъ гирей рѣшился безотлагательно казнить всѣхъ виновныхъ въ этомъ насиліи.

— Нѣтъ, ханъ, ты не дѣлай этого сейчасъ, если не желаешь моей смерти и новаго бунта въ Бахчисараѣ. Виновные не уйдутъ изъ твоихъ рукъ и ты успѣешь наказать ихъ. Но ты поспѣши извѣстить турецкаго пашу, что Турція заключила съ Россіею миръ и что на этомъ основаніи онъ долженъ немедленно предоставить свободу русскому резиденту съ семействомъ и чиновниками. Ты, Шагинъ гирей, также виновенъ, что до настоящаго времени не обнародовалъ о послѣдовавшемъ между враждебными державами мирѣ.

При этихъ правдивыхъ словахъ ханъ ударилъ себя по лбу и, прощаясь съ другомъ, объявилъ ему, что сегодня же приметъ надлежащія мѣры къ исправленію своей ошибки, а затѣмъ подумаетъ о наказаніи интригановъ и смѣнѣ враждебныхъ ему придворныхъ чиновъ. И дѣйствительно, въ тотъ же день отправлены были курьеры во всѣ города ханства съ извѣстіемъ о послѣдовавшемъ мирѣ съ Турціею и утвержденіи Шагина не только ханомъ, но и великимъ калифомъ. Кромѣ этого нарочный чиновникъ посланъ былъ къ турецкому пашѣ въ Кафу,

---

*) Преданіе это подтверждается рапортомъ секретаря Семена Дьяконова къ князю Долгорукову отъ 3 августа 1774 г. Веселитскій впослѣдствіи вторично назначенъ былъ резидентомъ къ Шагинъ гирею. См. Записки Одесск. Импер. Общ. Истор. и древ. Т. 8 стр. 183.

чтобы русскій резидентъ сейчасъ же былъ освобожденъ и высланъ подъ защитою до первыхъ русскихъ селеній.

Какъ только оповѣщеніе это прочитано было въ мечетяхъ, народъ созналъ необходимость воздержаться отъ всякаго рода демонстрацій и пересталъ вѣрить безусловно затѣямъ Девлетъ гирея, поселившагося въ Кафѣ, и Селимъ гирея, обитавшаго въ Балаклавѣ. Вслѣдъ затѣмъ ханъ началъ по-одиночкѣ смѣщать своихъ придворныхъ агов и замѣнять ихъ людьми болѣе надежными. Это возмущало Бахчисарайцевъ, но Шагинъ гирей мало обращалъ вниманія на привиллегированныя сословія и старался приблизить къ себѣ простонародіе, на которое возлагалъ болѣе надеждъ. Но каково было его разочарованіе, когда однажды, обратившись во дворѣ своемъ къ печникамъ, онъ ласково сказалъ имъ:

— Пожалуйста, дѣти мои, устраивайте камины такъ, чтобы они не дымили.

— О, дай Богъ, чтобы они не дымили никогда, нашъ повелитель! хоромъ отвѣчали печники.

Отвѣтъ этотъ ясно доказывалъ хану, что даже эти ничтожные поденщики искренно желали, чтобы въ ханъ-сараѣ не зажигался болѣе огонь.

„Видно, что я немногаго достигну моею добротою, подумалъ ханъ и рѣшилъ измѣнить обращеніе свое. Такого же мнѣнія были и преданные ему мурзы. Прежде всего приходилось показать примѣръ строгости надъ тремя эфендіями, успѣвшими составить себѣ громкую извѣстность и явно державшими сторону Турецкихъ эмисаровъ и Девлетъ гирея. Для обвиненія ихъ приходилось имѣть свидѣтелей, но такъ какъ никто не рѣшился бы свидѣтельствовать противъ этихъ могущественныхъ людей, то ханъ призвалъ къ себѣ Кыргія и, предоставивъ ему довольно значительную сумму денегъ, отпустилъ навсегда изъ дворца съ тѣмъ, чтобы онъ, въ качествѣ торговца, служилъ ему шпіономъ и обо всемъ сообщалъ брату его кормилицы.

Первое, что донесено было Кыргіемъ объ Усеинъ эфендіи состояло въ томъ, что, тщеславясь своими познаніями, онъ доказывалъ предъ слушателями свое зна-

ніе, какой мѣстности вода можетъ быть цѣлебна для извѣстнаго рода болѣзни.

„Такъ вотъ какимъ способомъ онъ вселяетъ къ особѣ своей народное довѣріе, подумалъ ханъ. Постой же, дружокъ, я постараюсь сначала сдѣлать тебя народнымъ посмѣшищемъ, а потомъ уже прикажу обезглавить съ соучастниками по профессіи и сану“.

На другой день Усеинъ эфенди потребованъ былъ въ ханъ-сарай.

— Братъ мой, обратился къ нему гирей, мнѣ передали, что ты знаешь таинственныя свойства всѣхъ Крымскихъ фонтановъ и умѣешь опредѣлять ихъ противъ устарѣлыхъ болѣзней. Вотъ ужъ два года, какъ я страдаю болью въ печени и не могъ найти вѣрнаго средства. Не можешь ли ты оказать мнѣ помощи твоими познаніями?

— Всѣ, кто обращались ко мнѣ, могутъ свидѣтельствовать предъ тобою, что я, по милости Аллаха и его пророка, оказывалъ имъ спасеніе.

— Вѣрю, вѣрю тебѣ, а потому и прошу снабдить меня средствомъ исцѣленія.

— Тебѣ необходимо выпить два кувшина воды изъ ахмечетскаго калгинскаго фонтана, но пусть посланный наберетъ ее ровно въ полночь и такъ прикроетъ, чтобы лучъ солнца не проникъ въ нее.

— Къ сожалѣнію, братъ мой, я пока не имѣю около себя такихъ надежныхъ людей, которымъ могъ бы довѣрить это порученіе. Это обстоятельство заставляетъ меня послать тебя самого въ Ахмечетъ съ двумя кувшинами, но чтобы ты не скучалъ въ твоей прогулкѣ пѣшкомъ туда и обратно, я прикажу одному изъ тѣлохранителей моихъ сопровождать тебя съ обнаженною саблею въ рукахъ. Понялъ? Будь же готовъ завтра послѣ утренняго намаза пуститься въ дорогу! Слова эти были произнесены такимъ грознымъ тономъ, что Усеинъ эфенди почувствовалъ онѣмѣніе языка и дрожаніе въ ногахъ. Затѣмъ ханъ указалъ ему на двери и отвернулся къ вновь назначенному диванъ-агѣ, который былъ роднымъ отцомъ Зекирьи.

— Какъ ты думаешь, спросилъ гирей съ улыбкою,

захочетъ ли онъ послѣ этого дурачить народъ своими познаніями? Диванъ ага съ трудомъ воздержался отъ смѣха.

— Теперь мнѣ необходимо подрѣзать языки у собратьевъ его Ачиля и Шакиль эфендіевъ, которые не только не хотятъ признавать моихъ правъ, но даже возбуждаютъ противъ меня прихожанъ своихъ.

Въ это время доложили хану, что братъ кормилицы его пришелъ за приказаніями. Шагинъ гирей вышелъ и узналъ, что эти два хатипа въ какой-то кофейнѣ публично хвалились, что въ Крыму не найдется ни одного правовѣрнаго, который, по приказанію хана, обнажилъ бы саблю надъ головою первостепеннаго преступника, а если кто и осмѣлится сдѣлать это, то будетъ признанъ ими за *бейнамаза* или отступника отъ ислама.

— Это мы увидимъ сейчасъ, сказалъ ханъ въ ужасномъ волненіи и одновременно послалъ за бунтовщиками и палачемъ.

Ачиль и Шакиль эфендіи немедленно были приведены къ воротамъ ханъ-сарая. Палачъ спрятанъ былъ за воротами.

— Послушайте, почтеннѣйшіе хатипы, спросилъ диванъ эфенди изъ дворцоваго окна, правда ли, что вы публично въ кофейнѣ увѣряли народъ въ томъ, что онъ за послушаніе къ повелителю получитъ отъ васъ названіе бейнамаза?

Виновные хранили молчаніе.

— Въ такомъ случаѣ отвѣчайте, какое наказаніе слѣдуетъ тѣмъ, кто дѣлается ослушникомъ воли своего падишаха?

Эфендіи продолжали молчать.

— Эй, палачъ! вскрикнулъ диванъ эфенди, скажи жалкимъ людямъ, какое наказаніе предписывалось прежними ханами тѣмъ, которые бунтовали народъ противъ калифа и царя?

Палачъ подошелъ къ виновнымъ и громко произнесъ:

— Такимъ негодямъ отрубливались головы, которые выставлялись напоказъ народу.

При этихъ словахъ Шагинъ гирей приблизился къ окну и твердымъ голосомъ приказамъ джелялу въ точ-

ности исполнить сказанное имъ. Сабля взвивалась въ рукѣ палача и чрезъ минуту не стало въ живыхъ двухъ ученыхъ улемовъ, пользующихся громаднымъ авторитетомъ въ Бахчисараѣ и окрестностяхъ. Все почти народонаселеніе ахнуло, но никто не осмѣлился оправдывать погибшихъ любимцевъ до того времени, пока головы ихъ висѣли на двухъ шестахъ на базарной площади.

Отважный поступокъ этотъ заставилъ Абдувели пашу, которому поручено было завѣдываніе дворцовою стражею, усилить караулы и вообще принять всѣ мѣры предосторожности.

Шагинъ гирей также предполагалъ, что дерзкіе люди не пропустятъ случая къ безпорядкамъ, но судя по донесеніямъ Кыргія безпокойные бахчисарайцы до такой степени струсили и увѣровали во власть повелителя своего, что начали въ болѣе вѣжливой формѣ произносить его имя.

— Не то еще будетъ, когда ты обезглавишь и Усеинъ эфендія, отвѣчалъ паша. Это самый опасный и самый дерзкій изъ всѣхъ жителей столицы.

— Будь спокоенъ, мой другъ, онъ не минуетъ этой участи, такъ какъ будетъ мѣшать намъ въ преобразованіяхъ, которыя я намѣренъ предпринять, и притомъ я имѣю свѣдѣнія, что князь Долгоруковъ скоро будетъ отозванъ отъ насъ съ войсками.

Императрица Екатерина находитъ достаточнымъ оставить въ Керчи и Еникале два полка при переселенныхъ ею Албанцахъ, число которыхъ нынѣ доходитъ до нѣсколькихъ сотенъ. Намъ необходимо къ тому времени избавиться отъ всѣхъ бунтовщикокъ, которые чрезвычайно усердствуютъ надеждамъ Девлетъ гирея и друга его Селима.

— Несчастные! они не перестаютъ по прежнему надѣяться на могущество турецкаго султата, которому приходится ахать и стонать навѣрно больше, чѣмъ мнѣ.

— Кого ты намѣренъ назначить на мѣста казненныхъ хатиповъ? спросилъ Абдувели.

— Разумѣется самымъ честнѣйшихъ и преданныхъ намъ людей. Но пусть ихъ выбираютъ сами прихожане. Отдай приказаніе, чтобы къ завтрашнему полудню пред-

ставились ко мнѣ новые имамы, такъ какъ я хочу лично видѣть ихъ. Кстати распорядись составить перепись всѣмъ молодымъ людямъ Бахчисарая отъ 20 до 25-ти лѣтняго возраста и распредѣли ихъ на 28 группъ съ приказаніемъ, чтобы каждая группа въ теченіи мѣсяца являлась къ намъ во дворецъ для стражи. Пусть они сознаютъ обязанность во всякое время служить своему падишаху.

— Это очень разумно, султанымъ, но въ такомъ случаѣ намъ придется занять службою жителей и другихъ населенныхъ мѣстностей.

— Я сдѣлаю это тогда, когда приступлю къ сформированію регулярнаго войска.

— Ну, Шагинъ гирей, если тебѣ это удастся сдѣлать, Крымское ханство навсегда избавится отъ такихъ пораженій, которымъ оно подвергалось въ послѣднее время.

— Другъ мой, съ того времени какъ мы очутились подъ покровительствомъ Россіи, намъ слѣдуетъ во всемъ подражать ей, чтобы пользоваться ея дружбою. Конечно, это немногіе поймутъ и станутъ ставить мнѣ въ укоръ, но я буду дѣйствовать напроломъ и заставлю всѣхъ сознать, что мы обязаны такъ поступать ради собственнаго могущества и блага.

— Охъ, какую ты трудную роль принялъ на себя, мой повелитель. Дай Богъ, чтобы Господь оказалъ тебѣ свою милость.

Теперь перейдемъ мы изъ ханъ-сарая въ одну изъ главныхъ городскихъ кофейнъ, содержащихся въ то время хромымъ Билялъ-челебіемъ, извѣстнымъ подъ именемъ *аджадара* или чудовища. Прозвище это придано было ему за необыкновенную вспыльчивость и громовой голосъ, когда онъ приходилъ въ азартъ или трактовалъ о политикѣ. Кромѣ этихъ отличительныхъ особенностей онъ извѣстенъ былъ за чрезвычайнаго любителя *пелвановъ* или борцовъ, которыхъ сзывалъ изъ цѣлаго ханства и нерѣдко откармливалъ ихъ по цѣлымъ мѣсяцамъ ради того, чтобы показать предъ народомъ, съ какими джигитами онъ знается.

Считая себя настолько же могущественнымъ, какъ и

самъ ханъ, Билялъ челеби смотрѣлъ на заведеніе свое, какъ на верховный диванъ, а на хаведжи-башіевъ и остальную прислугу, какъ на министровъ и послѣдующихъ за ними придворныхъ вельможъ. Вслѣдствіе такого высокомѣрія кофейня его содержалась въ образцовой чистотѣ, всѣ стѣны были исписаны мудрыми изреченіями изъ корана, всѣ кофейники, *гугуми* и фелиджаны блистали какъ новые, а дворъ былъ вымощенъ плитовымъ камнемъ. Среди этого двора въ большой бесѣдкѣ, прикрытой виноградными лозами, устроенъ былъ водометъ, нисколько неуступающій по отдѣлкѣ хансарайскимъ. При всемъ этомъ у Билялъ челебія готовился самый лучшій кофе и установлено было принимать всѣхъ посѣтителей съ одинаковыми почестями и довольствоваться тою платою за угощеніе, которую опуститъ прихожій въ ращелину замкнутаго сундука, предъ которымъ обыкновенно засѣдалъ самъ хозяинъ. Въ кофейнѣ этой въ рѣдкій вечеръ не играли музыканты.

А знаетъ ли читатель мой, какое значеніе представляютъ для мусульманина всѣхъ странъ кофейные дома? Заведенія эти представляютъ ему всѣ роды удовольствій и доступны для самыхъ бѣднѣйшихъ, потому что изъ нихъ никого не выгоняютъ на случай даже, еслибъ не оказалось средствъ заплатить за выпитый кофе.

„Если онъ сегодня не имѣетъ денегъ—скажетъ содержатель заведенія, то навѣрно пріобрѣтетъ ихъ завтра и тогда расплатится съ нами. Надо быть снисходительнымъ къ неимущему и не напоминать ему о долгѣ, чтобы не повредить чистотѣ совѣсти, иначе онъ развратится послѣ втораго упрека и сдѣлается безчестнымъ человѣкомъ.“

И дѣйствительно, врядъ ли можно найти мусульманина, который остался бы должнымъ въ кофейню, которая такъ близка и такъ необходима для его жизни. Отсюда онъ научается почтенію и обращенію съ людьми, выше его стоящими; здѣсь онъ доканчиваетъ свое образованіе, здѣсь узнаетъ правила жизни, постановленія властей, новости, событія и общее направленіе горожанъ. Здѣсь устанавливаются цѣны на всѣ продукты

жизни, здѣсь осуждаются пороки и прославляются добродѣтели.

Въ ханскія времена, по свидѣтельству стариковъ, кофейни пользовались несравненно большимъ почетомъ, потому что они посѣщались всѣми придворными высопоставленными агами, беями и мурзами, которые не стѣсняясь разнохарактерною публикою, передавали все, что дѣлалось въ ихъ вѣдомствѣ, что хотѣлъ предпринять ханъ и какія предполагались распоряженія. Понятно, что такіе вельможы избирали самыя лучшія изъ кофейнь и находились въ дружественныхъ отношеніяхъ съ содержателями ихъ. Билялъ же челеби, какъ происходящій изъ поколѣнія муфтія, дающаго ему право именоваться челебіемъ, имѣлъ болѣе другихъ собратьевъ по профессіи право на почтеніе и старался при всякомъ удобномъ случаѣ высказать, что пользовался почестями и уваженіемъ восьми послѣднихъ хановъ, какъ честнѣйшій мусульманинъ и патріотъ.

На этотъ разъ у Билялъ челебія происходило чрезвычайное сборище гостей. Каминъ въ турецкомъ вкусѣ пылалъ больше обыкновеннаго. На таганѣ выставлены были всѣ гугумы и кофейники, чтобы прельщать глаза бѣдняковъ и тутъ же на каменной плитѣ въ аккуратной симметріи разставлены были маленькія чашечки съ мѣдными подставками. Вокругъ всей комнаты, обтянутой продольными софами и раздѣленной мѣстами низкими перильцами *), густо сидѣли болѣе или менѣе пожилые люди съ трубками и фелиджинами, не прерывая молчанія ни единымъ звукомъ. Табуреты съ шашками оставались не тронутыми. Въ числѣ публики не находилось ни одного сказочника и ни одного музыканта. Словомъ все предвѣщало, что почтенные посѣтители не находятся въ нормальномъ настроеніи духа и ожидаютъ безъ терпѣнія появленія хозяина заведенія. Но вотъ наконецъ послышалось хлопаніе терлыковъ и въ комнату, переваливаясь съ бока на бокъ, вступилъ Билялъ челеби.

---

*) Это дѣлается для распредѣленія сословій и каждый посѣтитель самъ знаетъ, въ какой отдѣлъ ему подобаетъ войти.

— Селямъ алейкумъ! прозвучалъ онъ, искоса посмотрѣвъ на посѣтителей своихъ.

— Алейкимъ селямъ! отвѣчала сотня голосовъ. Затѣмъ слѣдовали освѣдомленія о здравіи и т. п.

Хаведжи-паши не замедлилъ поднести господину вызолоченный кальянъ и кофе, а подмастерье большой кусокъ блестящаго огня, который съ особеннымъ проворствомъ наложилъ на глиняную трубку наргилэ. Челеби не моргнулъ имъ даже глазомъ, но когда усѣлся на софѣ, поджавъ ноги, и раза два затянулся душистымъ дымомъ, соблаговолилъ поздравить гостей съ добрымъ вечеромъ. Послѣ втораго фелиджана кофе Билялъ сдѣлался разговорчивѣе.

— Эй, хаведши баши—крикнулъ онъ—я сегодня ожидалъ извѣстія отъ трехъ пеливановъ, обѣщавшихъ извѣстить меня о времени своего пріѣзда въ Бахчисарай.

— Извѣстіе прибыло, челеби—отвѣчалъ распорядитель кофейни—знаменитые борцы прибудутъ къ намъ чрезъ десятъ дней.

— Чтоже ты угостилъ посланнаго, какъ подобаетъ?

— Онъ выпилъ ровно 12 фелиджановъ кофе.

— Дай Богъ ему здоровья за пріятную новость.

— О какихъ это пеливанахъ ты ведешь рѣчь, почтеннѣйшій челеби? спросилъ Берберъ Джелиль челеби одинъ изъ уважаемыхъ цирульниковъ Бахчисарая.

— Гмъ, о такихъ, какихъ вамъ еще не случалось видѣть. Говорятъ, что Шагинъ гирей привезъ съ собою четырехъ силачей съ полнымъ убѣжденіемъ, что они въ состояніи преклонить къ подножію его трона всѣхъ недовольныхъ или не благоволящихъ, но мнѣ чрезвычайно хотѣлось бы разувѣрить его.

— Это не дурно придумано, чтобы воздержать отъ излишней самоувѣренности гирея, который безъ всякой вины уничтожилъ нашихъ славныхъ хатиповъ.

— А знаешь ли ты, какъ онъ поступилъ съ Усеинъ эфендіемъ? спросилъ Билялъ.

— Мнѣ разсказывали, что онъ послалъ его пѣшкомъ подъ конвоемъ въ Ахмечетъ за водою. Точно въ нашихъ фонтанахъ ея не оказалось!

— Этого мало, онъ обѣщалъ ему снять голову и также выставить напоказъ народу, если онъ не изгонитъ изъ головы своей какой-то туманъ. Ну, почтеннѣйшіе гости, еслибъ мнѣ сказалъ Шагинъ такую фразу, я или умеръ бы на мѣстѣ или жестоко отомстилъ бы ему за обиду.

Сказавъ это, Билялъ челеби со страхомъ осмотрѣлъ всѣхъ гостей своихъ, но не могъ замѣтить Кыргія, такъ какъ онъ сидѣлъ на полу за перегородкую.

Никто изъ слушателей не отвѣчалъ хозяину.

— Согласитесь, братья мои—продолжалъ онъ—что подобное обхожденіе съ людьми, служащими Аллаху и его пророку, не можетъ быть похвально. Если верблюды уносятся однимъ дуновеніемъ человѣческихъ губъ, то что можетъ ожидать овецъ! Горе намъ, друзья, если судьба не смилуется надъ нами или если мы сами не съумѣемъ защитить своихъ пастуховъ. Эй, Хаведжи баши, что-же ты не подаешь гостямъ по второму фелиджану или у твоего господина сошелъ весь запасъ эменскаго кофе и онъ сдѣлался банкротомъ?

Кофе былъ поданъ, но никто не чувствовалъ охоты обвинять хана и предпочитали слушать смѣлыя рѣчи Билялъ челебія, который не прекращалъ ихъ до второй вечерней молитвы.

— Завтра я сообщу вамъ, друзья мои, на что мы должны рѣшиться—прибавилъ онъ—а теперь пора молиться и идти на отдыхъ. Да будетъ благословенна эта ночь! Сказавъ эти слова, челеби опустилъ ноги въ терлики и скорыми шагами вышелъ на улицу. Вслѣдъ за нимъ выступили гости, а взаключеніе и Кыргій.

IX.

Шагинъ гирей, поджавши ноги, сидѣлъ въ одномъ изъ павильоновъ ханъ сарая и съ улыбкою выслушивалъ своего вѣрнаго слугу Селямія.

— Какъ хочешь, султанымъ—говорилъ старичекъ—а для тебя стыдно будетъ если не найдется такой джигитъ, который далъ бы почувствовать пеливанамъ Билялъ челебія, что по слову хана даже обыкновенные люди дѣлаются богатырями.

— Неужели тебѣ это кажется такою важностію?

— Помилуй, султанымъ, да мнѣ не будетъ проходу по улицѣ, если ты не сокрушишь дерзкаго хвастовства Биляла.

— Этому Билялу нужно отпустить 200 ударовъ по пяткамъ и онъ забудетъ свое высокомѣріе.

— Ты сдѣлаешь это послѣ—говорилъ братъ кормилицы хана—а теперь позволь ну, хоть мнѣ отыскать такого силача, который раздавилъ бы ожидаемыхъ пеливановъ Биляла.

— Но развѣ мои тѣлохранители не въ состояніи будутъ помѣриться съ ними силами?

— Я уже говорилъ съ ними, но оказывается, что они никогда не упражнялись въ борьбѣ.

— Въ такомъ случаѣ я предоставлю тебѣ полное право отыскать, кого ты хочешь для борьбы съ пеливанами содержателя кофейни. Только, пожалуйста, смотри въ оба, чтобы не посрамить своего имени.

— Ну, до этого я не допущу—отвѣчалъ покорный старикъ и направился въ гаремъ, чтобы посовѣтоваться съ сестрою, откуда бы выписать несокрушимаго борца.

Эмчекъ ана не могла пособить брату, такъ какъ никогда не слышала о существованіи въ Крыму богатырей. Обстоятельство это ужасно безпокоило Селямія, имѣвшаго неосторожность хвастнуть Хаведжи-башію Биляла, что первый деревенскій татаринъ убьетъ въ борьбѣ, по одному слову хана, всѣхъ пеливановъ міра.

„Нѣтъ, не можетъ быть, чтобы ханство наше дошло до такой нищеты, говорилъ про себя неутѣшный Селямій. Въ моей молодости силачи встрѣчались въ каждой почти деревнѣ. Эхъ, отчего я постарѣлъ и не могу самъ защитить честь моего повелителя!

— О чемъ это ты тоскуешь, старичекъ? спросилъ одинъ изъ татаръ, идущихъ за Селямiемъ.

— Я тоскую, сынъ мой, что въ нашей землѣ не осталось ни одного богатыря, а это, какъ хочешь, скверное положеніе. Вдругъ явится къ намъ какой-нибудь ханъ изъ отдаленныхъ странъ съ борцами и начнетъ вызывать на борьбу джигитовъ, а мы какъ трусы вынуждены бу-

домъ укрыться въ стогахъ соломы. Это просто несчастіе, которое грозитъ гибелью нашему ханству.

— Скорбь твоя, отецъ мой, преждевременна. У насъ много силачей, о которыхъ ты, вѣроятно, не знаешь. По мнѣнію моему, лучшій изъ нихъ Чумакъ-Усеинъ живетъ въ деревнѣ Озенбашъ. Я совѣтовалъ бы тебѣ познакомиться съ нимъ покороче.

— Много, много разъ благодарю тебя, вскрикнулъ Селямій и бѣгомъ пустился домой.

— На другой день, онъ до разсвѣта выѣхалъ изъ Бахчисарая и около второй полудневной молитвы остановился у дверей прославившагося Чумакъ-Усеина.

— Я посланъ къ тебѣ чёра-батыръ съ поклономъ отъ самого Шагинъ-гирея, сказалъ Селямій, слѣзая съ лошади.

— *Хошъ кельдынъ, сефи кельдынъ*, *) отвѣчалъ коренастый горецъ, отбирая отъ гостя лошадь и предложивъ ему войти въ домъ.

— Нашъ свѣтлѣйшій ханъ, да даруетъ ему Аллахъ безконечное блаженство, продолжалъ Селямій, во первыхъ поручилъ мнѣ поразвѣдать, какъ ты поживаешь съ семьею; во вторыхъ, не обижаютъ ли тебя невинно люди злые и наконецъ не нуждаешься ли ты въ пособіи?

— Поклонись твоему и моему повелителю и отвѣчай, что я до настоящаго времени, благодаря милостямъ пророка, состою одинокимъ, потому что ни одна дѣвушка изъ нашей округи не желаетъ быть моею женою на томъ основаніи, что я могу убить ее шутя. Обижать меня никто не смѣетъ, потому что я никого не пощажу; нуждаться же я не могу, потому что всѣ приглашаютъ меня, какъ только сварятъ или спекутъ что-нибудь вкусное или питательное.

— Очень радъ слышать такой отзывъ объ Озенбашскихъ мусульманахъ. Воображаю, какъ будетъ пріятно слышать объ этомъ твоимъ односельцамъ Аблѣ и Зекирью, которые занимаютъ высокіе посты при особѣ гирея.

— А здравствуютъ ли эти *караманы?* (силачи).

— Они кланяются тебѣ и увѣряютъ, что пока ты

---

*) Радостное привѣтствіе, относимое къ пріѣзжимъ.

живешь, никогда не осмѣлятся называться караманами Крымскаго ханства.

— Спасибо имъ за честь, приписываемую мнѣ. Хотѣлось бы мнѣ взглянуть на ихъ теперешнее житье. Вѣроятно, они каждый день съѣдаютъ по жирному барану и по три сотни пирожковъ.

— Такія угощенія ожидаютъ и тебя, мой другъ, если ты изъявишь согласіе погостить у меня, преданнаго слуги Шагинъ-гирея.

— А какое развлеченіе ты предоставишь мнѣ?

— Все, что только пожелаешь.

— Мнѣ хотѣлось бы помѣриться силами съ вашими городскими пеливанами, о которыхъ я такъ много слышалъ съ дѣтскихъ лѣтъ.

— Я выставлю ихъ предъ тобою и предложу въ награду самаго жирнаго быка.

— Котораго я унесу на плечахъ своихъ домой, сказалъ смѣясь Чумакъ-Усеинъ.

— Если это правда, то ханъ навѣрно подаритъ тебѣ сотню овецъ.

— О, если я буду владѣльцемъ сотни овецъ, тогда у всѣхъ дѣвушекъ нашихъ пройдетъ страхъ выйти за меня замужъ. Отдохни же сегодня у меня, а завтра мы поѣдемъ вмѣстѣ въ хваленный Бахчисарай, котораго я не успѣлъ еще увидѣть.

Обрадованный этимъ заявленіемъ, Селямій вынулъ изъ за пазухи кожаный кисетъ и положилъ предъ Чуманъ-Усеиномъ три русскихъ серебряныхъ рубля, чтобы онъ купилъ все необходимое для ужина.

— Да на эти деньги у насъ покупаютъ цѣлый возъ пшеницы! вскрикнулъ удивленный силачъ. Неужели у тебя такой животъ, что помѣстится 12-ть барановъ?

— Ты купи пока одного, отвѣчалъ гость съ улыбкою, а остальныя деньги могутъ приходиться на кольца твоей невѣсты.

Наивный татаринъ до того былъ удивленъ этой щедростью гостя своего, что началъ допрашивать его, не онъ ли есть самъ Шагинъ-гирей.

Нѣсколько дней спустя Биляль челеби извѣстилъ посѣтителей своей кофейни, что въ пятницу на городскомъ

мейданѣ будетъ происходить борьба между его пеливаннами и какимъ-то обрубкомъ изъ деревни, выставленнымъ ханскимъ диванъ-эфендіемъ.

— Неужели нашъ борзій ханъ не могъ найти въ числѣ друзей своихъ болѣе представительнаго человѣка? спросилъ Берберъ-Джелиль челеби.

— Мнѣ кажется онъ показываетъ видъ, что презираетъ народныя празднества.

— Какъ, онъ презираетъ борьбу! вскрикнулъ Джелиль, да послѣ этого онъ не достоинъ быть на престолѣ крымскихъ хановъ, которые *куреш* всегда придавали первостепенное значеніе. Борьбу любили всѣ калифы и сильные падишахи и превозносили побѣдителей предъ прочими смертными. А надѣешься ли ты на твоихъ пеливановъ, Билялъ-челеби?

— Пэ, пэ, да они однимъ чиханіемъ убьютъ самаго сильнаго изъ нашихъ джигитовъ.

— Отъ души желалъ бы, чтобы тебѣ удалось натереть носъ Шагинъ-гирею. Авось онъ пойметъ, что не всѣ его подданные такіе индюки, какъ Ачиль и Шакиль эфендіи.

Когда переданъ былъ этотъ разговоръ Шагинъ-гирею, онъ пожелалъ видѣть Чумакъ-Усеина и послѣ продолжительнаго разспроса о происхожденіи его, предоставилъ ему полное право распорядиться по личному усмотрѣнію съ тѣми борцами, которые будутъ выставлены противъ него Билялъ-челебіемъ.

— А такъ какъ я не сомнѣваюсь, что ты ихъ отправишь всѣхъ туда, откуда люди не возвращаются больше, сказалъ гирей, то вотъ тебѣ задатокъ на покупку 50-ти овецъ; остальныя деньги тебѣ выданы будутъ послѣ куреша или мною лично или Селямiемъ.

Наступила наконецъ пятница день, давно ожидаемый всѣми почти бахчисарайскими жителями. Съ ранняго утра базарная площадь была очищена отъ всякаго сора и распредѣлены ближайшіе балконы для визирей и почтеннѣйшихъ мурзъ и беевъ. Билялъ-челеби, въ качествѣ главнаго распорядителя праздника, озаботился переселить всѣхъ служителей кофейни своей на одинъ изъ уголковъ площади въ чаяніи большихъ выгодъ. Пеливаны его

одѣты были въ сафьяновые, туго обтянутые костюмы и вдобавокъ пропитанные деревяннымъ масломъ, чтобы враждебная рука не могла удержаться на ихъ одеждѣ. Они гордо расхаживали по аренѣ и насмѣшливо посматривали на любопытныхъ, казавшихся предъ ихъ гигантскимъ ростомъ пигмеями.

Ровно въ полдень заиграла музыка, аккомпанируемая звучными барабанами. Она извѣщала горожанъ, что приближается часъ восхитительной сцены. При первыхъ звукахъ ея Селямій съ Чумакъ-Усеиномъ вышли со двора и направились къ площади, усыпанной зрителями.

— Раздайтесь, раздайтесь, джигиты, кричали десятники, и дайте мѣсто пройти пеливану.

Чумакъ-Усеинъ кое-какъ пробрался на арену. Его обыкновенный ростъ и обыкновенный деревенскій костюмъ вызвалъ громкій хохотъ въ Билялъ-челебіи и ближайшихъ друзьяхъ.

— Кто будетъ со мною бороться? спросилъ Чумакъ-Усеинъ, вынимая изъ длиннаго кармана своего три кизилевыхъ колышка, законченныхъ въ трубѣ оджака.

— Мы, отвѣчали пеливаны, подходя къ нему.

— Въ такомъ случаѣ я попрошу васъ предварительно переломать эти ничтожныя палочки.

Одинъ изъ пеливановъ вырвалъ изъ рукъ Усеина колышки и хотѣлъ переломать ихъ всѣ разомъ, но не будучи въ состояніи даже согнуть, раздѣлилъ ихъ поодиночкѣ. Какъ онъ ни силился и пыхтѣлъ, но ничего не могъ подѣлать. Товарищи его также оказались безсильными и съ презрѣніемъ отбросили колышки, заявивъ, что не намѣрены тратить силъ на такія ничтожныя упражненія.

— Такъ оправдываются только хвастуны, отвѣчалъ Чумакъ-Усеинъ, и, взявъ два колышка, приподнялъ ихъ выше головы и, переломивъ пополамъ, отбросилъ въ сторону.

Зрители ужаснулись, но хранили молчаніе. Пеливаны перестали расхаживать и повѣсили носы.

— Теперь, мои *досты* (пріятели), если вамъ угодно приступайте къ борьбѣ со мною по-одиночкѣ или всѣ разомъ. Заявляю вамъ, что это для меня все равно.

— Пожалуйста, другъ мой, безъ хвастовства, сказалъ первый пеливанъ, хватаясь за кушакъ Чумакъ-Усеина.

Музыка загремѣла, зрители сблизились. Борцы, какъ подобаетъ обошли всю арену кругомъ и очутились въ центрѣ ея, чтобы показать свою ловкость. Пеливанъ готовился дать *чалтакъ* *), но прежде чѣмъ ему удалось это сдѣлать, Чумакъ-Усеинъ схватилъ его за животъ и вырвалъ у него всю переднюю часть его съ кишками. Пеливанъ моментально скончался.

Билялъ челеби пришелъ въ ужасъ и началъ грозить висѣлицею Чумаку.

— Плевать мнѣ на тебя, отвѣчалъ Озенбашецъ, подавай мнѣ втораго и третьяго пеливана твоего, иначе я возьмусь за тебя.

Но пеливаны Биляла исчезли.

— Выпусти къ нему разъяреннаго быка, шепнулъ Джелиль-челеби, котораго ты подготовилъ для забавы охотникамъ. Онъ чего добраго не откажется вступить и съ нимъ въ борьбу. Билялъ заявилъ чрезъ глашатая, чтобы публика разступилась и приняла предосторожности, такъ какъ на сцену будетъ выпущенъ 5-ти лѣтній раздраженный бугай.

Публика разступилась и страшное животное съ ревомъ очутилось на площади. Лишь только оно очутилось около Чумака, онъ отскочилъ назадъ, схватилъ его за хвостъ и ударилъ объ землю, затѣмъ снялъ кожаный поясъ перевязалъ ему ноги и, вдѣвъ въ петлю ремня оставшійся цѣлымъ третій колышекъ, взбросилъ животное къ себѣ на плечи и скорымъ шагомъ удалился изъ Бахчисарая. Пораженные свидѣтели заорали во все горло и устремились за богатыремъ, чтобы посмотрѣть, до какого мѣста онъ донесетъ безъ отдыха вола.

Селямій внѣ себя отъ восторга также послѣдовалъ за Чумакъ-Усеиномъ, но видя, что онъ не думаетъ останавливаться на отдыхъ, а идетъ съ трофеемъ побѣды по направленію къ Озенбашу, приказалъ Кыргію остановить батыра, чтобы онъ получилъ назначенное возна-

*) Т. е. подставить ногу и опрокинуть противника.

гражденіе отъ хана. Только тогда Чумакъ остановился и съ удовольствіемъ принялъ царскій даръ.

— Ну, смотри, Селямій *дай* *), я намѣренъ пригласить тебя и хана къ себѣ на свадьбу и своеручно приготовлю вамъ баш-бузу. Прощай, да сохранитъ тебя и Шагинъ гирея нашъ милостивый пророкъ.

Съ этого дня знаменитая кофейня Билялъ-челебія не посѣщалась болѣе ни караманами, ни пеливанами, ни вельможами ханства. Единственнымъ другомъ и постояннымъ собесѣдникомъ горделиваго хозяина былъ Усеинъ эфенди, но и ему недолго пришлось наслаждаться жизнію. Его, вторично обвиненнаго въ сочувствіи къ кознямъ Девлетъ гирея ханъ, рѣшившійся истребить всѣхъ враговъ своихъ, приказалъ обезглавить какъ неисправимаго бунтовщика.

Этотъ жестокій поступокъ противъ третьяго почтеннѣйшаго улема столицы, пользующагося извѣстностію въ ханствѣ, окончательно усмирилъ всѣхъ жителей Бахчисарая и они сознали необходимость безусловно чтить имя новаго повелителя.

Шагинъ гирей, убѣдившись, что одною только жестокостью можетъ подготовить подданныхъ къ задуманнымъ преобразованіямъ, самымъ строжайшимъ образомъ запретилъ пьянство на базарахъ, въ бузняхъ и кофейняхъ. При малѣйшихъ безпорядкахъ на улицахъ или дракахъ съ христіанами, онъ подвергалъ виновныхъ сотнѣ палочныхъ ударовъ по пятамъ посредствомъ турецкой фаланги, требовалъ, чтобы всѣ молодые даже люди навѣщали молитвенные дома и ввелъ такую экономію, что лично заходилъ въ дворцовыя конюшни и безпощадно бранилъ любимца своего Мустафу Алты-Пармака, если замѣчалъ мѣстами разсыпанный овесъ.

Татаре до настоящаго времени сохранили въ памяти, какъ характерный анекдотъ, отвѣтъ Алты-Пармака, когда Шагинъ гирей, указавъ ему на дырявую лошадиную торбу, обвинилъ его въ небрежности къ обязанности своей. Мустафа, которому не отпускалось денегъ на

---

*) *Дай* означаетъ въ переводѣ дядя. Татаре всегда величаютъ старшихъ лѣтами дѣдушками, дядями или братьями-господами.

иголки и нитки, сказалъ хану такую фразу, отъ которой гирей въ продолженіи многихъ дней и хохоталъ, и сердился и которая неумѣстна для повторенія.

Тѣмъ временемъ Шагинъ гирей получилъ отъ дружественно расположеннаго къ нему князя Долгорукова письмо, въ которомъ онъ обѣщалъ хану, что, благодаря упрочившемуся миру, онъ по милости императрицы выступаетъ навсегда изъ ханскихъ владѣній, и просилъ сохранить о немъ добрую память и т. п. *).

Извѣстіе это повергло хана въ раздумье.

„Теперь мнѣ самому придется вести борьбу съ моими врагами, скрывавшимися въ трущобахъ, думалъ гирей. Но чтожъ дѣлать, да будетъ воля Аллаха надъ нами, постараемся войти въ добрыя отношенія съ начальствующими въ Керчи и Еникале и употребимъ всѣ усилія расположить къ себѣ арнаутовъ, которые въ озлобленіи къ туркамъ перенесли ненависть свою на крымскихъ мусульманъ. При этомъ необходимо будетъ поспѣшить переносомъ резиденціи нашей въ Кафу, чтобы держать покровителей подъ рукою.

Шагинъ гирей не замедлилъ отвѣчать кн. Долгорову и кромѣ того написалъ своеручно длинное благодарственное посланіе къ императрицѣ Екатеринѣ, которую умолялъ не оставить его безъ помощи, такъ какъ въ Крыму не перестаетъ волновать татаръ Девлетъ гирей и безпрестанно являются турецкіе эмисары, домогающіе возстановить прежній порядокъ вещей.

На это письмо гирею приказано было сказать, что русская царица будетъ всегда поддерживать его своими войсками и не допуститъ новаго хана до тѣхъ поръ, пока онъ останется вѣренъ и преданъ Россіи. Въ доказательство своего дружелюбія государыня прислала ему орденъ съ звѣздою и великолѣпную карету съ дорогою упряжью. Нѣсколько времени спустя, вслѣдствіе настоянія русскихъ властей, вынужденъ былъ удалиться изъ Кафы и Девлетъ гирей. Выходъ этого опаснаго

*) За подвиги въ Крыму кн. Долгоруковъ награжденъ былъ Георгіемъ первой степени и табакеркою съ портретомъ Екатерины, а 19 лѣтній сынъ произведенъ въ полковники. Впослѣдствіи же въ день торжества Кучукъ-Кайнарджинскаго мира получилъ алмазные знаки св. Андрея, алмазную саблю и титулъ „Крымскаго“.

человѣка былъ бы большимъ благодѣяніемъ для дальнѣйшаго спокойствія Шагинъ гирея, еслибъ роль бунтовщика не принялъ на себя Селимъ гирей съ партіею мурзъ, въ главѣ которыхъ находился родъ Ширинскихъ беевъ; но эти послѣдніе рѣшились вести свои дѣла чрезвычайно осторожно и показывать наружно видъ искренней преданности до того времени, пока негодованіе проникнетъ въ духъ народа и вспыхнетъ всеобщее возстаніе.

Шагинъ гирей, хотя и сомнѣвался въ расположенности къ себѣ Ширинскихъ и нѣкоторыхъ другихъ мурзъ и беевъ, но не допуская со стороны ихъ дерзости вліять на народъ, всецѣло обратилъ вниманіе свое на улучшеніе финансовой части, чтобы имѣть возможность воздвигнуть роскошный дворецъ въ Кафѣ и завести регулярное войско, которое служило бы образцовымъ и могло бы подготовлять всѣхъ молодыхъ людей страны къ дисциплинѣ и военному искусству. Съ этой цѣлью онъ пересмотрѣлъ весь бюджетъ прихода и расхода, составилъ новые штаты для служащихъ и постановилъ, чтобы издерживалось на содержаніе его особы не болѣ $7^1/_2$ тысячъ рублей на русскія деньги и не болѣе 140 т. на всѣхъ чиновниковъ гражданскаго и духовнаго вѣдомства. Всѣ-же остальныя деньги сберегать на предстоящія нужды ханства.

Когда сообщено было казнедаръ-агѣ или министру финансовъ о таковомъ сокращеніи расходовъ, онъ заявилъ Шагинъ гирею, что не намѣренъ болѣе служить, такъ какъ не располагаетъ собственными излишними доходами для ханскихъ потребностей. Визирь воображалъ, что этимъ онъ заставитъ гирея предоставить ему прежнія неограниченныя права.

— Любезнѣйшій братъ, отвѣчалъ ханъ съ улыбкою— сожалѣю очень, что не могу долже дѣлиться съ тобою доходами ханства, такъ какъ предмѣстники мои довели меня до крайней бѣдности, растративъ отцовскія наслѣдія. Я хочу возвратить эти богатства и при посредствѣ ихъ возстановить величіе ханства. Если ты, обладающій большими личными средствами въ сравненіи со мною, не желаешь трудиться для общаго блага, то я предла-

гаю тебѣ немедленно выѣхать въ священную Мекку и тамъ день и ночь молиться Аллаху за то, что мы не отбираемъ отъ тебя всего нашего имущества, перешедшаго въ твой карманъ. Вонъ, негодяй, изъ нашего жилища и Боже тебя сохрани когда-либо попасться къ намъ на глаза!

Нѣсколько дней спустя, по рекомендаціи настоятеля придворной мечети, Казнедаръ-агою назначенъ былъ простой татаринъ изъ окрестностей деревни Ялты, Селяметъ Гозьсюзъ-оглу.

— Я никогда не встрѣчалъ человѣка разумнѣе его, говорилъ хатипъ—его разсудку и знаніямъ поклоняются всѣ *таты* *) и почитаютъ болѣе, чѣмъ твоихъ начальниковъ.

— Я приглашу его, и провѣрю его умственныя способности **), но съ условіемъ, что ты воздержишься отъ сообщенія друзьямъ, по чьей рекомендаціи онъ попадаетъ въ управленіе финансами.

— Это для какой надобности? спросилъ удивленный эфенди.

— Это ради твоего личнаго блага, отвѣчалъ съ улыбкою ханъ. Видишь ли, въ нашей жизни такъ устроено, что всѣ, кому мы сдѣлаемъ добро, всегда какъ только это сдѣлается извѣстнымъ, возбуждаетъ въ нихъ месть или ненависть и они стараются уничтожить ихъ въ предположеніи, что человѣкъ, сдѣлавшій добро, при малейшемъ неудовольствіи не затруднится сдѣлать зло.

— Султанымъ, ты достаточно хорошо знаешь меня, чтобы не осудить въ такихъ намѣреніяхъ.

— Да, я очень люблю и уважаю тебя за твою честную душу и только любовь моя заставляетъ меня высказать тебѣ мои печальныя убѣжденія.

Шагинъ-гирей въ тотъ же день послалъ въ Ичель нарочнаго гонца за Селяметъ-Гозьсюземъ, а недѣлю

---

*) Южнобережскіе жители.

**) Преданіе говоритъ, что гирей, лишь только Селяметъ явился предъ нимъ, приказалъ его повѣсить. Пораженный этимъ Селяметъ вздернулъ плечами и сказалъ: извини меня, ханъ, за то, что я считалъ тебя умнымъ человѣкомъ, но, къ сожалѣнію, теперь я считаю тебя глупѣе моей жены и старой ея служанки. Съ этими словами онъ пошелъ за палачемъ, но ханъ громко расхохотался и призналъ его достойнымъ быть агою.

спустя предоставилъ ему полную власть заботиться объ увеличеніи доходовъ ханства. Селяметъ-ага оказался, дѣйствительно, умнымъ и дальновиднымъ человѣкомъ.

Однажды, когда Шагинъ-гирей былъ въ хорошемъ расположеніи, новый казнедаръ спросилъ у него, кому онъ обязанъ своимъ назначеніемъ на такой важный постъ.

— Мнѣ одному, отвѣчалъ ханъ.

— Ты навѣрно, султанымъ, никогда не слышалъ о моемъ существованіи.

— Нѣтъ, я очень часто слышалъ о твоихъ способностяхъ отъ южнобережскихъ жителей, посѣщавшихъ Бахчисарай.

Послѣ этого разговора прошло болѣе мѣсяца. Къ Шагинъ-гирею начали являться преданные ему ногайцы съ различнаго рода поздравленіями, то по случаю выхода русскихъ войскъ, то по случаю мирныхъ отношеній, то по случаю рожденія у него сына Искендера *), то съ ежегодными подарками, принятыми издавна. Нѣкоторые являлись даже съ единственною цѣлью удивить хана своею прожорливостію и шутками.

Въ подтвержденіе этого я не разъ въ дѣтствѣ слышалъ отъ стариковъ татаръ анекдоты нижеслѣдующаго рода:

Приходитъ въ ханъ-сарай случайно или нарочно прибывшій въ Бахчисарай ногаецъ съ поклонами отъ Ресюлъ-одамана, считавшагося другомъ Шагинъ-гирея, и между прочимъ заявляетъ хану въ видѣ чуда, что онъ можетъ съѣсть цѣлаго барана со всѣми костями.

— Скушай на здоровье и два, если тебѣ предложатъ добрые люди, отвѣчалъ обыкновенно ханъ и удалялся отъ наивнаго гостя, но никогда почти не позволялъ, чтобы подобные люди выходили изъ двора его голодными.

---

*) Въ 10 части нашего универсальнаго описанія Крыма (21 стр.) мы говорили объ этомъ принцѣ, прибывшемъ въ 1838 году въ Крымъ съ претензіями отыскивать отцовскія наслѣдства и сообщили, что будто бы онъ оказался по оффиціальной перепискѣ нашего правительства незаконнорожденнымъ сыномъ послѣдняго хана. Послѣднее свѣдѣніе нынѣ кажется намъ не заслуживающимъ вниманія, потому что, по разсказамъ стариковъ, Искендеръ былъ довольно большимъ мальчикомъ, когда вывезенъ былъ изъ ханъ-сарая. О немъ будетъ сказано нѣсколько словъ въ запискахъ отца моего за 1838-ой годъ.

При рожденіи первороднаго сына къ гирею прибыло съ поздравленіями 5-ть выборныхъ отъ ногайцевъ съ стадомъ воловъ, коровъ и барановъ. Каждый изъ нихъ велъ за собою запасную лошадь съ собственною провизіею по расчету на цѣлый мѣсяцъ. Вступивъ въ хансарай, старшій по лѣтамъ произнесъ приличное поздравленіе и заявилъ, что единоплеменники посылаютъ новорожденному въ поклонъ 50-тъ воловъ, 40 коровъ и 500 овецъ.

— Ну, а ты чѣмъ привѣтствуешь будущаго хана? спросилъ Шагинъ-гирей шутя у втораго ногайца.

— Я желаю ему, отвѣчалъ онъ, чтобы онъ всегда въ лѣтѣ видѣлъ лѣто; въ зимѣ зиму и не зналъ другой болѣзни кромѣ насморка.

Запомнивъ эти слова, Шагинъ-гирей обратился съ тѣмъ же вопросомъ къ крайнему гостю.

— Чтоже мнѣ остается пожелать твоему первенцу послѣ сказаннаго собратьями моими? Ну, такъ и быть объяви ему, чтобы ѣда его всегда была ѣдою, лошадь всегда лошадью, а джигиты всегда джигитами.

Выслушавъ и это пожеланіе, Шагинъ-гирей въ тотъ же день обратился къ любимому своему настоятелю придворной мечети съ просьбою разъяснить ему таинственный смыслъ перваго доброжелательства.

— Видишь ли, повелитель мой, отвѣчалъ почтенный улемъ, если зима будетъ вполнѣ зимою, а лѣто вполнѣ лѣтомъ, то народъ будетъ благоденствовать отъ избытка произведеній земли. При насморкѣ же человѣкъ гарантированъ отъ злости всѣхъ болѣзней. Такимъ образомъ въ этихъ немногихъ словахъ твой ногаецъ пожелалъ сыну твоему всего лучшаго.

— Теперь ты, казнедаръ-ага, объясни мнѣ значеніе фразъ послѣдняго ногайца, сказалъ Шагинъ-гирей.

Но визирь какъ ни трудился, не могъ удовлетворить хана. Обстоятельство это послужило поводомъ къ тому, что министръ финансовъ почувствовалъ ужасное негодованіе къ Хатипу ханской мечети и далъ себѣ слово при первомъ случаѣ замарать его священную бороду въ грязи.

Нетерпѣливый Шагинъ-гирей требовалъ объясненія

у другихъ своихъ вельможъ, но и между ними не оказалось никого, способнаго разъяснить слова ногайца.

— Какъ хотите, друзья мои, сказалъ ханъ, а мнѣ приходится вѣрить, что мы глупѣе ногайцевъ, надъ которыми безпрестанно посмѣиваемся.

— Султанымъ, ты напрасно допускаешь таинственный смыслъ въ словахъ твоего гостя, отвѣчалъ казнедаръ, слова эти навѣрно сказаны безъ задней мысли.

— Это такъ кажется тебѣ, потому что ты не знаешь этого народа, а прикажи позвать ко мнѣ сказавшаго ихъ и ты убѣдишься въ противномъ.

Посланный привелъ ногайца, который по требованію гирея объяснилъ слѣдующее:

— Я пожелалъ первородному сыну твоему, чтобы ѣда его всегда была ѣдою, отвѣчалъ ногаецъ, это означаетъ то, чтобы онъ заготовлялъ себѣ такую ѣду, которая не портилась бы въ теченіи нѣсколько мѣсяцевъ, а такъ какъ тѣ, которые питаются жаренымъ пшеномъ и лошадиными колбасами живутъ очень долго и чувствуютъ себя постоянно здоровыми, то хану должно быть пріятно мое пожеланіе.

— Предположимъ, что это такъ, но развѣ наши лошади не похожи на обыкновенныхъ лошадей, что ты пожелалъ имъ быть лошадьми? спросилъ казнедаръ.

— На этотъ вопросъ я тебѣ отвѣчу только тогда, сказалъ ногаецъ, когда ты пустишь лучшаго коня твоего на скачку съ моимъ.

— Идетъ! я завтра же прикажу войти съ тобою въ состязаніе.

— Но помни, ага, одно условіе, что сейчасъ же послѣ скачки мой и твой конь будутъ привязаны къ колу и останутся на привязи до утра.

— Согласенъ и на это.

— Теперь объясни мнѣ фразу, чтобы джигиты мои остались навсегда джигитами? спросилъ ханъ.

— Это я также объясню тебѣ тогда, когда одинъ изъ твоихъ слугъ сдѣлаетъ тоже, что сдѣлаю и потребую я.

На другой день устроилась скачка на разстояніи отъ

Алмы до Бахчисарая *). Первою прибыла лошадь казнедара, который и не замедлилъ выставить это на видъ оппоненту.

— Не въ этомъ дѣло, другъ мой, отвѣчалъ ногаецъ, приказывая привязать потныхъ лошадей къ двумъ столбамъ.

На слѣдующій день оказалось, что лошадь казнедара околѣла.

— Понялъ ли ты теперь, сказалъ ногаецъ Шагинъ гирею, что у твоихъ татаръ нѣтъ ни одной лошади такой, какими должны быть эти животныя? Теперь потрудись, повелитель мой, представить мнѣ одного изъ самыхъ храбрѣйшихъ твоихъ мурзъ и я докажу тебѣ, что онъ не стоитъ послѣдняго моего собрата.

— Объясни мнѣ предварительно, для чего ты требуешь его?

— Я хочу, чтобы онъ упалъ одновременно со мною въ грязное болото и потомъ, чтобы вступилъ со мною въ борьбу.

Шагинъ гирей улыбнулся и возразилъ, что между мурзами его врядъ ли найдется желающій сдѣлать это.

— Въ такомъ случаѣ позволь мнѣ, великій ханъ, сказать тебѣ, что всѣ приближенные твои не имѣютъ права называться джигитами и кто знаетъ, можетъ быть, настанетъ день, когда ты и они сами пожалѣютъ, что воспитаны были въ роскоши, которая рано или поздно доводитъ человѣчество до рабства.

— Слово твое справедливо, отвѣчалъ гирей, положивъ руку свою на плечо его, но не я буду виновникомъ рабства татаръ. Я обѣщаюсь предъ святымъ Кораномъ употребить всѣ усилія сдѣлать мой народъ непобѣдимымъ, если только злой шейтанъ не вселится въ ихъ душу. Дай Богъ, чтобы они во всемъ повиновались мнѣ, не увлекаясь ухищреніями враговъ и безсмысленныхъ людей, распускающихъ слухи, что мусульманамъ не подобаетъ быть въ зависимости отъ гяуровъ. Я самъ сознаю это несчастіе, но къ нему подготовили насъ мои предшественники и турецкіе султаны, возбуждающіе безпрестанныя войны съ такимъ могущественнымъ го-

*) На разстояніи 15 верстъ.

сударствомъ, какъ Россія. Нынѣ мнѣ предстоитъ сравняться съ нею силами, чтобы сдѣлаться самостоятельнымъ, а легко ли этого достигнуть, когда существуетъ недовѣріе и вражда—предоставляю судить вамъ самимъ.

Никто изъ слушавшихъ эти слова не позволилъ себѣ отвѣчать гирею. Только одинъ ногаецъ многозначительно покачалъ головою, тяжело вздохнулъ и вышелъ изъ комнаты.

Это подало поводъ гирею высказать предъ многочисленнымъ собраніемъ тѣ мѣры, которыя онъ намѣренъ принять для спасенія отечества и послѣдней доски отъ нѣкогда блистательнаго престола своихъ предковъ. Шагинъ гирей доказывалъ, что ханство вступило въ періодъ самоуничтоженія, что татарамъ и всѣмъ подданнымъ его необходимымо сплотниться въ одно тѣло и одну мысль, чтобы предупредить приближающуюся опасность, что ему необходимо показать русскимъ, что татаре могутъ понимать современныя требованія Европы и жить такою же жизнію, какъ и сосѣди ихъ; что они настолько же развиты, что могутъ завести регулярныя войска и во всякую минуту выставить противъ врага обученныхъ солдатъ.

Пока все это говорилось ханомъ въ надеждѣ, что слушатели поймутъ его и будутъ содѣйствовать, во дворецъ прибылъ курьеръ изъ Ени-кале съ извѣстіемъ, что нѣсколько сотенъ татаръ напали на Хаджи-бей (Одессу) и ограбили жителей этого селенія. Отъ Шагинъ гирея требовалось подвергнуть примѣрному наказанію виновныхъ.

Вслѣдъ за тѣмъ ему донесено было, что нѣсколько негодяевъ затѣяли драку въ Салачикѣ съ христіанами, въ которую вмѣшались очень многіе почетные мусульмане, и дѣло дошло до ножей.

— Вотъ чѣмъ угощаютъ меня въ тяжкія минуты царствованія мои подданные, сказалъ гирей, приказавъ тѣлохранителямъ своимъ немедленно остановить побоище и доставить во дворецъ виновныхъ.

Шагинъ гирей рѣшился еще разъ показать примѣръ крайней строгости. Всѣ виновные какъ въ первомъ, такъ и въ послѣднемъ поступкахъ поплатились жизнію

и тюремнымъ заключеніемъ. Но и русскія войска не оставили хищниковъ безъ наказанія. Преслѣдуя ихъ по пятамъ, они отбили отъ ногайцевъ болѣе 150 т. овецъ въ возмездіе за нанесенный вредъ. Въ числѣ этихъ овецъ нѣсколько тысячъ принадлежало фамиліи гирея, а остальныя первостатейнымъ мурзамъ. Проще, это былъ кошъ или соединеніе отаръ подъ главнымъ надзоромъ любимца Шагинъ гирея Ресюль Одамана.

По народному преданію захваченъ былъ въ плѣнъ не только одаманъ, но и всѣ пастухи, которымъ приказано было гнать овецъ до русской границы. Исполняя это приказаніе, Ресюль и въ этомъ безвыходномъ состояніи съумѣлъ спасти около 40 т. овецъ, оставляя ихъ шмаками въ оврагахъ и трущебахъ, попадавшихся по пути слѣдованія. Впослѣдствіи онъ вновь ихъ собралъ въ одну отару и довелъ стадо до 160 т. головъ, которое и распредѣлилъ съ избыткомъ между хозяевами, долго сокрушавшимися о громадной потерѣ.

Обоюдный набѣгъ татаръ и русскихъ вынудилъ Шагинъ гирея созвать въ ханъ-сарай всѣхъ безъ исключенія представителей бейскихъ и мурзацкихъ семействъ, шейховъ и улемовъ, чтобы лично увѣрить ихъ, какой отвѣтственности можетъ подвергнутся ханство, если подобныя шалости повторятся.

На съѣздѣ этомъ враждебные Ширинскіе заявили вѣчно проповѣдываемую ими идею, что независимость татаръ отъ султана не можетъ согласоваться съ магометанскою вѣрою и что уступка Россіи трехъ гажныхъ стратегическихъ пунктовъ ханства противна пользамъ исповѣдывающихъ исламъ.

— Пока мы останемся въ настоящемъ положеніи, говорилъ старшій бей этого повелительнаго рода, до тѣхъ поръ въ Крыму не можетъ быть покоя. На твоей обязанности, Шагинъ гирей, лежитъ долгъ исправить эту ошибку и мы будемъ терпѣливо ожидать этой мило сти.

— Я готовъ все сдѣлать для моей родины и подданныхъ, отвѣчалъ гирей — но для достиженія этого мнѣ необходимо имѣть образованное войско, которое не уступало бы въ искусствѣ русскому. При этомъ намъ, представителямъ народа, слѣдуетъ переобразоваться на-

столько, чтобы не считаться въ глазахъ Европы первобытными варварами и невѣждами. Нѣтъ спора, что религія наша выше всѣхъ религій міра, но это не должно давать намъ повода унижать христіанъ и оскорблять ихъ. Нынѣ христіанскія державы могущественны и могутъ раздавить мусульманскій міръ, если мы не забудемъ нашего тщеславія и не станемъ дружить и подражать имъ. Этимъ только путемъ мы можемъ быть терпимы ими и достигнуть самостоятельности и уваженія нашихъ правъ. Скажите мнѣ, братья, говорю ли я вамъ правду или ошибаюсь? Если я ошибаюсь, наставьте меня и я охотно приму вашъ совѣтъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, ты здраво мыслишь, раздалось нѣсколько голосовъ — мы обязаны съ волками по-волчьи выть!

Засѣданіе это продолжалось три дня и покончилось тѣмъ, что Шагинъ гирей приступитъ къ обученію молодыхъ людей съ 20 лѣтняго возраста всѣмъ правиламъ современнаго военнаго искусства; что онъ не перестанетъ заботиться объ освобожденіи Керчи и Ени-кале отъ русской власти и ограничитъ права Богатырь гирея, который въ качествѣ калга высказываетъ въ Ахмечетѣ и Карасубазарѣ излишнюю благосклонность къ христіанамъ, которыхъ при нынѣшнемъ стѣсненіи границъ ханства слѣдовало бы выселить въ Россію.

— Братья мои, вы говорите о выселеніи христіанъ, но подумали-ль вы, что если этотъ народъ оставитъ насъ, то казна наша опустѣетъ.

— Этого не случится никогда! гаркнули всѣ въ одинъ голосъ — ихъ земли займутъ охотно наши единовѣрцы турки и несравненно больше принесутъ пользы ханству.

У Шагинъ гирея стѣснилось сердце. Онъ одинъ изъ всѣхъ понималъ выгоды отъ христіанскаго населенія особенно въ горныхъ пространствахъ, гдѣ не хотѣли селиться татаре, неспособные къ садоводству, но гирей рѣшился воздержаться отъ отстаиванія своего убѣжденія, чтобы не показаться другомъ гяуровъ.

X.

Шагинъ гирей только что возвратился изъ Кафы, гдѣ выбралъ лучшую мѣстность для постройки дворца, и съ удовольствіемъ оглядывался во кругъ кабинета своего, преобразованнаго на европейскій вкусъ. Болѣе всего ему нравились большія венеціанскія зеркала, полированные столы и груда серебряной посуды, привезенной изъ Россіи во время отсутствія его.

Налюбовавшись каждымъ предметомъ отдѣльно, ханъ повернулся къ зеркалу и увидя свою ненавистную бороду, которую обязанъ былъ носить въ качествѣ Калифа, долго придумывалъ средство скрыть ее, но такъ какъ этого нельзя было сдѣлать, то онъ положился или прятать ее за воротникъ одежды или подвязывать чернымъ платкомъ въ видѣ человѣка, страдавшаго зубною болью *).

„Какое глупое положеніе быть повелителемъ народа, думалъ онъ — по-неволѣ приходится одѣваться въ безобразный нарядъ первобытныхъ дикарей и носить женскія косы на лицѣ! Вздохнувъ слегка, гирей расположился на мягкомъ креслѣ и продолжалъ взвѣшивать свое положеніе.

„И въ самомъ дѣлѣ, сказалъ онъ почти громко—кто изъ насъ счастливѣе: я или мои визири, мурзы и беи? Они являются полными хозяевами своихъ частей, пользуются постоянными дарами и уваженіемъ народа, отъ нихъ никто не думаетъ требовать отчета въ дѣйствіяхъ и поступкахъ; никто не обвиняетъ въ маловѣріи и жадности, а если я запущу себѣ волосы для прикрытія затылка отъ солнца или холода, всѣ закричатъ, что я сдѣлался отступникомъ вѣры и поклонникомъ гяуровъ. Несчастные, еслибъ они могли проникнуть въ обстановку и образъ мыслей русскихъ и другихъ европейцевъ и сознать, насколько мы схожи сравнительно съ ними съ животными, они сами умоляли бы переобразовать ихъ, чтобы имѣть право именоваться людьми... И всему это-

*) Въ такомъ видѣ онъ изображенъ на портретѣ, въ музеѣ Одесскаго Общества Исторіи и древностей.

му препятствуютъ улемы—эти избалованные, невѣжественные фанатики, которые не хотятъ понять точнаго смысла религіи нашей и перетолковываютъ ее каждый по своему съ презрѣнною цѣлью удовлетворенія жадности къ средствамъ и господству. Мурзы въ свою очередь отстаиваютъ свои наслѣдственныя стремленія назначать и смѣщать хановъ; Турецкій диванъ къ тому же стремится — словомъ всѣ желаютъ видѣть въ современномъ наслѣдникѣ такихъ могущественныхъ хановъ, какъ Чингисъ и Тамерланъ (Темиръ аксакъ), какую-то игрушку или машинку, которая исполняла бы заказы каждаго сословія и отдѣльной личности. Нѣтъ, друзья мои, я никогда не уступлю верховныхъ моихъ правъ, буду унижаться скорѣе предъ русскими, а въ крайности, если не съумѣю господствовать и заставить васъ подчиняться мнѣ, вы будете *раями* у гяуровъ и тогда, быть можетъ, поймете свои заблужденія. Я буду дѣлать все, что мнѣ нравится, напроломъ и не пощажу никого, кто осмѣлится выступить на дорогу мою. Крымское ханство должно или уподобляться европейскому государству или совершенно исчезнуть съ лица земли, чтобы не безчестить костей основателей его. Таже судьба постигнетъ и надменную Турцію, которая гаснетъ съ каждымъ днемъ отъ соприкосновенія съ образованностію. Это свидѣтельствуетъ, что невѣжество подобно воску при теплотѣ дня и что паразитамъ, поднявшимся съ ногъ къ головѣ, не всегда могутъ удаваться такіе подвиги.

Въ эту минуту къ Шагинъ гирею зашелъ Селямій и прервалъ размышленія его заявленіемъ, что новый казнедаръ ага нечаянно столкнулъ настоятеля придворной мечети въ канаву чурукъ-су (гнилой воды) и испачкалъ бѣднаго человѣка до ушей въ городскихъ нечистотахъ.

— Я это предвидѣлъ, отвѣчалъ ханъ, вскакивая съ мѣста — возьми сейчасъ самыя чистыя простыни мои и распорядись поднять почтеннаго человѣка и вытереть его. Затѣмъ потребуй ко мнѣ Селяметъ-агу и пострадавшаго хатипа. Я докажу всѣмъ, что умѣю цѣнить достойныхъ служителей пророка, чтобы меня не считали врагомъ улемовъ.

Какъ только вошелъ казнедаръ съ веселою улыбкою

къ хану, Шагинъ гирей съ звѣрскимъ выраженіемъ глазъ спросилъ его, какъ онъ могъ позволить себѣ такую дерзость противъ уважаемаго духовника.

— Султанымъ, я нечаянно поскользнулся и нехотя сбилъ его съ ногъ.

— Ты лжешь, мерзавецъ, предъ твоимъ повелителемъ! вскрикнулъ падишахъ. Я отлично знаю, что ты чувствовалъ всегда при встрѣчѣ съ твоимъ благодѣтелемъ.

— Султанамъ, Аджи-эфенди никогда не былъ моимъ благодѣтелемъ—со страхомъ оговорился казнедарь.

— А я тебѣ скажу, что еслибы онъ не былъ имъ, то твоя рука, которую слѣдуетъ отрубить, никогда не осмѣлилась бы подняться на него. Знай же, негодный человѣкъ, что ты принятъ мною только по рекомендаціи этого безгрѣшнаго человѣка.

Селяметъ-ага преклонилъ колѣно предъ ханомъ и умолялъ его быть снисходительнымъ.

— Но я оскорбленъ и не мнѣ прощать твою вину—сказалъ гирей. Ты долженъ публично испросить у хаджія прощенія или подвергнуться всенародно тому наказанію, котораго потребуетъ хатипъ. Сказавъ это. Шагинъ гирей удалился въ другую комнату.

Ничтожное это событіе, какъ и ожидалъ ханъ, подняло на ноги все духовенство столицы и возбудило толки и пересуды о приближенія царствія Тетджала (антихриста). Къ счастію, волненіе стихло, когда Селяметъ-ага въ присутствіи всѣхъ улемовъ испросилъ прощенія у обиженнаго и поклялся чтить духовенство, какъ представителей народа предъ пророкомъ.

Но Шагинъ гирей не довольствовался этимъ и приказалъ ему просидѣть въ одной изъ темницъ Чуфутъ-кале цѣлый лунный мѣсяцъ. Гирею хотѣлось оправдаться предъ улемами и показать себя чрезвычайно правосуднымъ.

Въ бытность свою въ Кафѣ Шагинъ гирей лично видѣлъ тѣхъ избранныхъ дѣвочекъ и мальчиковъ, которые подлежали ему въ уплату натурою за торгъ невольниками. Изъ нихъ три черкешенки чрезвычайно понравились ему и были направлены подъ женскимъ надзоромъ на конной подводѣ въ Бахчисарайскій дворецъ, а двѣ

отданы въ услуженіе Марины, которую посѣтилъ ханъ и желалъ чѣмъ-либо отблагодарить за прошлое гостепріимство и услуги мужа. На мальчиковъ гирей не обратилъ никакого вниманія, потому что чуждался пороковъ турецкихъ вельможъ и всегда при удобномъ случаѣ заявлялъ, что немилосердно поступитъ съ тѣми правовѣрными, которые будутъ обвиняться въ подобнаго рода заблужденіяхъ.

По прибытіи этихъ черкешенокъ въ гаремъ Момине султанъ сейчасъ же заявила Ана-бейши или распорядительницѣ гарема, старшей изъ родственницъ хана, что не намѣрена переносить присутствія этихъ дрянныхъ дѣвушекъ, которыя рано или поздно могутъ отравить ея сердце, жаждующее самостоятельнаго права жизни съ Шагинъ-гиреемъ.

Гирей рѣшился самъ переговорить по этому поводу съ доброю женою и выставилъ предъ нею въ примѣръ самого пророка Магомета, у котораго было 26 женъ.

— Онъ былъ посланникомъ Божіемъ—отвѣчала Момине—и долженъ былъ пользоваться особенными милостями Аллаха, чтобы размножить въ человѣчествѣ капли своей священной крови, но ты не долженъ этого сдѣлать, потому что я тебя люблю и создала уже арслана (львенка), могущаго замѣнить со временемъ тебя и заблистать солнцемъ надъ ханствомъ. Понимаешь, душа моя, я не могу ни съ кѣмъ дѣлиться твоими соками и взглядами и готова поднять ножъ на ту несчастную, которая прикоснется къ твоему тѣлу, потому что я все время страдала о тебѣ и не насытилась еще твоимъ дыханіемъ.

Гирей въ первый разъ злобно посмотрѣлъ на подругу свою и сказалъ, что онъ по праву, предоставленному ему Аллахомъ, поступитъ такъ, какъ велитъ священная книга; но если она возстанетъ и противъ закона Божія, то подвергнется наказанію, приличному негоднымъ ослушницамъ заповѣдей пророка.

— Я на все согласна, но пока живетъ у меня душа, ты не будешь имѣть другой жены! закричала въ изступленіи Момине и зарыдала, какъ безумная. Ты однажды чуть было не заставилъ меня сдѣлать преступленіе—

продолжала молодая женщина,—когда началъ бредить во снѣ какою-то Мариною, но къ счастію я узнала, что эта Марина выѣхала изъ Бахчисарая.

— Марина и мужъ ея были преданными друзьями моими и я до настоящаго времени не перестаю вспоминать ихъ имена съ благодарностію.

— Позволь сказать тебѣ, господинъ мой, что это сущая неправда. Эти люди не убѣжали бы отсюда, еслибъ твое обхожденіе не возбудило ревности въ мужѣ. Ты полюбилъ въ Россіи гяурскихъ дѣвушекъ и считаешь всѣхъ гяурокъ за райскихъ гурій, но я, клянусь тебя Аллахомъ, ненавижу ихъ настолько же. какъ и черкешенокъ.

— Момине, ты забываешь, что предъ тобою стоитъ самъ калифъ и великій ханъ.

— Я не признаю никакихъ чиновъ и знаю только одно, что ты всецѣло будешь моимъ мужемъ, а я твоею рабынею.

— Ни того, ни другаго ты не дождешься—отвѣчалъ гирей съ грубостію и вышелъ къ Ана-бейши.

Момине хотѣла было послѣдовать за нимъ, но прислужницы по приказанію хана остановили ее.

— Ана-башъ *)—сказалъ гирей суровымъ голосомъ—ты, кажется, вообразила, что я принялъ тебя въ гаремъ мой изъ состраданія къ твоей старости и родству со мною.

— Неужели, султанымъ, ты замѣтилъ какіе-нибудь безпорядки?

— Я встрѣтилъ ужасныя вещи: моя жена Момине совершенно не подготовлена тобою къ такому положенію, которое приличествуетъ ханскому величію. Она не хочетъ видѣть ни одной дѣвушки въ гаремѣ. Поручаю тебѣ переговорить и поступить съ нею по своему соображенію. Даю тебѣ срокъ до вечера съ тѣмъ, чтобы къ тому времени удобно были размѣщены мои черкешенки.

— Прикажешь ли, султанымъ, въ случаѣ сопротивленія мнѣ доложить тебѣ.

---

*) Т. е. мать повелительница.

— Сдѣлай такъ, чтобы я ничего не зналъ!

— А ты не обидишься, если мнѣ придется выслать ее изъ дворца?

— Если дойдетъ до этого дѣло, ты не забывай, что она должна быть отправлена въ Мангушъ въ Чевтлекъ. Это лучшее для нее помѣщеніе.

Момине какъ и слѣдовало ожидать, оказала неповиновеніе и грозила Анъ-бей защищать свои права до крайности. Это дерзкій отвѣтъ послужилъ поводомъ, что несчастная женщина насильно посажена была въ арбу съ прежнею покровительницею своею Эмчекъ-апа и царевичемъ и отправлена была въ Мангушскій домъ.

Съ выѣздомъ этой женщины, которая такъ искренно была предана Шагинъ гирею и терпѣливо переносила горе и недостатки, ханъ вдругъ сдѣлался обладателемъ еще трехъ молодыхъ прекрасныхъ дѣвушекъ и другими глазами началъ смотрѣть на жизнь. Съ этого дня гаремъ его началъ пополняться и измѣняться чуть ли не каждый мѣсяцъ. Шагинъ гирей превратился въ надменнаго султана, началъ пить водку и вино, сдѣлался раздражительнымъ и чрезвычайно строгимъ ко всѣмъ, за исключеніемъ тѣхъ немногихъ друзей, которые помогли ему воцариться. Многіе изъ мурзъ и беевъ начали подражать хану и приближаться къ престолу, въ качествѣ людей способныхъ къ воспріятію цивилизаціи. Хану это нравилось и онъ начиналъ вѣрить, что приближается время, когда всѣ зажиточные люди поймутъ значеніе хорошей обстановки и сближенія съ европейцами. Въ этой надеждѣ онъ пересталъ брить на головѣ волосы и отпустилъ ихъ настолько, что они выглядывали изъ подъ зеленаго каука. Мурзы сдѣлали тоже и начали носить легкія шапки.

Послѣ этихъ преобразованій гирею вспомнился дворъ императрицы Екатерины и тѣ обаятельныя развлеченія, которыя окружали русскую царицу. Предъ нимъ выставился зимній дворецъ съ рядомъ галлерей, увѣшанныхъ картинами первоклассныхъ художниковъ, роскошно меблированныя пріемныя залы, зимній садъ съ дорожками, фонтанами, бесѣдками и гротами, расположенными между группами тропическихъ растеній и пахучими цвѣта-

ми; маскарадные балы, прелестныя пѣвицы съ восхитительными голосами и группы блистательныхъ вельможъ, старающихся изъ всѣхъ силъ угодить своей повелительницѣ.

— Вотъ гдѣ жизнь—говорилъ онъ своимъ придворнымъ съ одушевленіемъ—а намъ кажется, что мы только умѣемъ пользоваться истинными удовольствіями. Повѣрите ли вы, что русскіе, которыхъ мы уподобляемъ звѣрямъ, чуть-ли не всѣ въ Петербургѣ имѣютъ дома, несравненно лучше выстроенные въ сравненіи съ нашимъ ханъ-сараемъ, что ихъ богатства безчисленны и что для нихъ бросить тысячу рублей на какое-нибудь минутное развлеченіе тоже, что нашему татарину лишній разъ умыться. Я видѣлъ самъ, какъ они устраивали искуственнымъ образомъ цѣлыя огнедышащія горы, чтобы на одну минуту вызвать вниманіе государыни своей и услышать изъ устъ ея слово одобренія. Чтоже дѣлаютъ наши мусульмане для привѣтствія своихъ царей? все ограничивается однимъ приложеніемъ руки къ сердцу, волненіями и пересудами съ цѣлью пользоваться вліяніемъ на избраніе хана, тогда какъ въ Россіи цари пользуются наслѣдственнымъ правомъ, переходящимъ отъ отца къ заблаговременно подготовленному сыну.

— Я также нахожу это постановленіе очень важнымъ для народнаго благополучія—сказалъ Абдувели паша. Нашъ великій пророкъ, поручая власть старшему въ семьѣ, вовсе не имѣлъ въ виду необходимости подготовляться съ дѣтства къ управленію государствомъ, онъ имѣлъ въ виду управлять міромъ законами религіи, въ предположеніи, что всѣ послѣдователи ислама сдѣлаются учеными муллами и сознаютъ необходимость уважать старшихъ по лѣтамъ.

— Ну, объ этомъ мы еще будемъ имѣть время посудить, такъ какъ мой Искендерчикъ еще очень малъ. А теперь я хотѣлъ поговорить съ тобою о томъ, что многіе христіане начинаютъ довольно громко поговаривать о желаніи выселиться изъ Крыма. Я еще не знаю настоящихъ причинъ ихъ неудовольствія, но при одной мысли потерять такую массу добраго и промышленнаго народа, прихожу въ изумленіе.

— Я также отъ многихъ слышалъ объ этомъ, но не могу понять съ какою цѣлью распускаются такіе слухи. Покрайней мѣрѣ я ничего подобнаго не слышалъ отъ самыхъ христіанъ, съ которыми говорилъ объ этомъ раза два. Мнѣ кажется, эфендимъ, что вѣсти эти идутъ изъ враждебной стороны и не имѣютъ никакого основанія, потому что трудно допустить идею переселенія цѣлаго народа, который за немногими исключеніями ничего болѣе не имѣетъ кромѣ хаты и клочка земли, которыя онъ не можетъ перевезти на своихъ волахъ.

— А какія ты имѣешь свѣдѣнія относительно Ширинскаго бея?

— Самыя неблагопріятныя. Онъ по прежнему состоитъ въ неразрывной дружбѣ съ Селимъ гиреемъ и турецкими эмисарами. Говорятъ, что они все еще надѣются добиться сверженія тебя съ престола, но не находятъ пока достаточныхъ причинъ къ возмущенію народа.

— Ха, ха, ха! Неужели они еще не убѣдились, что эти благодатныя для нихъ времена давнымъ-давно миновали?

— Видно нѣтъ, султанымъ, иначе совѣщанія ихъ потеряли бы значеніе и не составлялись бы еженедѣльно.

— Вотъ интересно было бы подослать кого-нибудь, чтобы проникнуть въ тайны ихъ предположеній и замысловъ.

— Я не вижу въ этомъ ничего труднаго, если свѣтлѣйшему хану угодно будетъ командировать одного изъ бинь башіевъ нашихъ подъ предлогомъ провѣрить число годныхъ молодыхъ людей, способныхъ къ обученію военнаго искусства въ Судакской округѣ.

— Я буду очень благодаренъ тебѣ, паша, если ты съумѣешь послать разумнаго человѣка.

— Да будетъ приказаніе твое на головѣ моей, отвѣчалъ Абдувели паша, простившись съ повелителемъ своимъ.

Тѣмъ временемъ всѣ бахчисарайскія, оружейныя мастерскіе завалены были заказами оружія и представляли чрезвычайную дѣятельность, точно ханство подготовлялось къ войнѣ или набѣгамъ. Большинство заказовъ бы-

ло сдѣлано изъ деревень кафинскаго кадылыка. Правительство хана обыкновенно не интересовалось этимъ явленіемъ или не придавало ему никакого значенія.

Послѣдуемъ и мы за избраннымъ Абдувели пашею шпіономъ къ знаменитому Ширинскому бею, предки котораго со времени занятія Крыма татарами, представляли такъ сказать контръ-форсы ханской власти и охрану народныхъ правъ. Эти беи обыкновенно женились на ханскихъ дочеряхъ, не рѣдко продовольствовали на свой счетъ цѣлые отряды войскъ и были обладателями множества деревень на пространствѣ отъ Карасубазара до Керчи. Пользуясь безграничнымъ довѣріемъ своихъ поселянъ, они для большей славы содержали обширныя даровыя гостинницы, въ которыхъ не рѣдко и сами просиживали по цѣлымъ вечерамъ, бесѣдуя съ улемами, второстепенными мурзами и представителями народа.

Въ постоянной же резиденціи своей около Стараго Крыма заѣзжій домъ старшаго въ роду представлялъ громадное зданіе съ многими отдѣленіями для размѣщенія гостей по сословіямъ и значенію. Въ главной комнатѣ, именуемой диваномъ, куда въ экстренныхъ случаяхъ пріѣзжали для засѣданій 2-ой и 3-й членъ семьи по старшинству лѣтъ и именующіеся калга и нуреддинъ беями, убранство превосходило даже хансарайскій аудіенцъ-залъ. Въ ней весь потолокъ состоялъ изъ разноцвѣтныхъ кусковъ дерева съ позолотою по краямъ, карнизы выступали фестонами въ видѣ цвѣтовъ и плодовъ, стѣны исписаны были громадными разноцвѣтными буквами, представляющими 99 славныхъ именъ Аллаха; всѣ софы были изъ серебряно-золотистой парчи, а полы устланы дорогими пушистыми коврами и цыновками.

Диванъ этотъ, въ которомъ красовался неприкосновенный санджакъ рода Ширинскихъ, завернутый въ 12 штукъ *шамаладжа* *), день и ночь охранялся чередующимися стражниками, не имѣвшими никакихъ другихъ обязанностей.

Предъ этимъ зданіемъ росли около 40 громадныхъ то-

*) Турецкая шелковая матерія.

полей, посаженныхъ своеручно каждымъ старшимъ изъ беевъ при вступленіи въ права бейлика. Деревья эти были священными памятниками для семьи и по порядку посадки свидѣтельствовали, съ котораго времени они существовали.

Въ нѣсколькихъ шагахъ за диваномъ вытянута была во всю длину круглая балка на подставахъ съ желѣзными кольцами для привязыванія лошадей хозяина, ежедневно выводимыхъ изъ конюшни на чистый воздухъ, число которыхъ опредѣлялось четырьмя десятками. Лошади эти частью были арабскія, а частью кавказскаго происхожденія и заботливо охранялись даже отъ теплыхъ лучей солнца.

Въ дни байрамовъ ихъ лакомили не лущеннымъ рисовымъ зерномъ, выписываемымъ нарочно для этой надобности изъ Персіи и Египта. На нихъ бей ѣздилъ въ походы и въ Бахчисарай для присутствованія въ государственномъ судилищѣ только въ такихъ случаяхъ, когда дѣла представляли особеннаго рода важное значеніе.

Въ гостинномъ дворѣ кромѣ отдѣльныхъ номеровъ были двѣ общія чрезвычайно длинныя комнаты, носящія обстановку городскихъ кофейнь. Здѣсь также былъ хаведжи баши съ нѣсколькими служителями и повара, заботящіеся о своевременномъ угощеніи всѣхъ состоящихъ на лицо гостей кофеемъ и жирнымъ пилафомъ. Кромѣ нихъ всегда находились на глазахъ публики чубукчи или хранители кальяновъ и трубокъ съ дорогими мундштуками, роскошно отдѣланными бисеромъ, серебряною или золотою проволокою, и чубуками, составляющими родовую собственность и гордость бейликства. Для простонародья держались длинные жасминовые или черешневые чубуки безъ всякихъ украшеній. Ширинскій бей никогда самъ не курилъ изъ этихъ трубокъ, а за нимъ носили всегда его абаносовый чубукъ изъ чернаго дерева, поражающій всѣхъ величиною и достоинствомъ янтарнаго мундштука, убраннаго большими алмазами.

Въ той общей комнатѣ, куда заходилъ на лафы бей и гдѣ для него устроено было особенное сѣдалище съ бархатными подушками, обращали на себя всеобщее

вниманіе его воинскіе доспѣхи, развѣшанные вдоль всей стѣны.

Они поражали величиною, достоинствомъ, стариною и богатствомъ отдѣлки. Здѣсь были сабли съ рукояткою съ красноватаго рога или массивнаго серебра съ изящною рѣзьбой, въ ножнахъ обтянутыхъ бархатомъ и украшенныхъ золотомъ, кинжалы, усыпанные драгоцѣнными каменьями, ятаганы, сѣкиры, пистолеты, блистающіе серебромъ, длинныя винтовки и европейскія ружья послѣднихъ фасоновъ.

Вся эта пышность дополнялась безукоризненною чистотою бѣлья служителей и ихъ постоянно новыми костюмами.

Предъ одами постоянно сметался соръ и производилась поливка для свѣжести и устраненія пыли.

Въ 10 или 15 саженяхъ отъ заѣзжаго дома начиналась другая каменная стѣна, густо обросшая съ внутренней стороны колючими кустарниками и тополями. Тамъ, за гущею деревьевъ, выглядывала другая двухъ этажная постройка съ широкимъ балкономъ, обведенная густою, точно свитою изъ проволоки рѣшоткою, чтобы ни чей глазъ не могъ проникнуть въ святилище гарема.

Эта постройка такъ точно какъ и первая, не представляла снаружи ничего не только красиваго, но даже и прочнаго; но за то внутри она казалась мѣстомъ пребыванія райскихъ гурій. Всѣ оконныя стекла были нѣжныхъ цвѣтовъ, всѣ стѣны украшены арабесками, всѣ табуреты выложены перламутромъ, софы и подушки малиновымъ бархатомъ съ золотою бахрамою, а полы тончайшими плетушками. Весь дворъ выложенъ былъ бѣлымъ плитовымъ камнемъ.

Посланный Абдувели пашою бинь-баши или тысячникъ былъ мущина лѣтъ 45-ти хорошо извѣстный Ширинскому бею, какъ храбрый и ловкій наѣздникъ и притомъ отличный стрѣлокъ.

Сеитъ Билялъ предварительно въѣзда въ оду зашелъ въ цирульню, содержимую знаменитымъ беемъ, также изъ видовъ *хайрата* *), чтобы, въ качествѣ проѣзжаго по-

*) Добрыхъ помысловъ.

побалагурить съ цырульникомъ, которому извѣстны всѣ тайны господина.

Послѣ учтивыхъ поздравленій и доброжелательствъ бинь-баши вѣжливо подставилъ свою голову для очистки отъ волосъ подъ бритву *бербера* и упорно хранилъ молчаніе.

— Ты навѣрно ѣдешь изъ Бахчисарая? спросилъ цырульникъ. Это сейчасъ можно узнать по покрою твоего платья и сѣдлу съ мѣдными стременами. Не заѣдешь ли ты къ нашему благодѣтельному бею и покровителю татаръ? Ты будешь отлично принятъ и лошадь твоя вдоволь наѣстся овса.

— У твоего бея навѣрно такая масса гостей и такое множество дѣлъ въ настоящее смутное время, что пріѣздъ мой не покажется ему пріятнымъ.

— Ты совершенную правду сказалъ, что мы живемъ въ смутное время, грозящее мусульманству междоусобною войною,—но бей нашъ всегда радъ видѣть въ одѣ своей почтительныхъ людей.

— Подъ именемъ почтительныхъ людей я разумѣю такихъ, которые посвящены въ дѣла политики, но я, пріятель, живу вдали отъ міра и совершенно ничего не знаю.

— Алла, Алла, ты говоришь изумительныя вещи, возразилъ болтливый берберъ, возможно ли взрослому человѣку, посвятившему уже бороду, не знать, что дѣлается въ странѣ его? Да, мы, любезнѣйшій братъ, начинаемъ горѣть и не сегодня завтра Шагинъ гирей, да почернѣетъ его лицо, заставитъ насъ принять религію гяуровъ! Онъ говорятъ уже отпустилъ себѣ волосы на головѣ и носитъ *хачъ* (крестъ) вмѣсто луны. Я рѣшительно не понимаю, какъ это жители Бахчисарая не побьютъ его каменьями, видно и они сдѣлались бейнамазами, что равнодушно переносятъ такія вещи.

— Ты напрасно, братъ мой, обвиняешь бахчисарайцевъ. Они очень хорошо знаютъ, что въ Крыму живутъ Ширинскіе беи, которые обязаны слѣдить за всѣми безпорядками и не допускать отступленій отъ законовъ.

— Да, да, я было забылъ. Дѣйствительно, нашъ бей обязанъ первымъ заговорить объ этомъ съ мусульманами

Крыма и бахчисарайцы хорошо дѣлаютъ, что ожидаютъ приказанія Ширынлы бея, которое скоро раздастся и поразитъ *кіафира* *), продавшаго Керчь и Еникале гяурамъ съ цѣлью держать ихъ подъ рукою въ минуту опасности; но мы истребимъ ихъ съ этими кровожадными арнаутами, начавшими уже похищать татарскихъ дѣвушекъ. Постой, Шагинъ гирей, мы съумѣемъ отблагодарить тебя за тѣ явства, которыя ты подготовляешь намъ!

Бинь-баши, боясь показаться сомнительнымъ, не продолжалъ болѣе этого разговора и, положивъ предъ бербероиъ серебряную монету, поднялся съ мѣста и провозгласилъ его здоровье.

— Ты обидишь нашего бея, повторилъ цирульникъ, если минуешь его заѣзжій домъ.

— Боже меня сохрани отъ такого преступленія, отвѣчалъ Сеитъ Билялъ, выходя на дворъ, я непремѣнно зайду къ нему, чтобы пожелать тысячелѣтія.

Лишь только бинь-баши взлѣзъ на коня, предъ нимъ пролетѣло въ скачъ нѣсколько десятковъ верховыхъ въ праздничныхъ одеждахъ.

— Не свадьбу ли поѣхали встрѣчать джигиты ваши? спросилъ Билялъ у бербера, вышедшаго провожать его.

— Они, вѣроятно, поѣхали на встрѣчу къ калгѣ-султану Богатырь гирею, обѣщавшему заѣхать къ нашему бею.

Услышавъ это, бинь-баши въ свою очередь направился впередъ, чтобы присоединься къ свитѣ гирея и вмѣстѣ съ нею прибыть къ мѣсту назначенія, въ качествѣ проводника султана. Часъ спустя онъ въ числѣ прочихъ вельможъ вступилъ въ парадную пріемную Ширинскаго, который въ минуту входа Богатырь гирея, соскочилъ съ софы и во все время пока онъ снималъ верхнюю обувь и не усѣлся на почетномъ мѣстѣ, не позволилъ себѣ присѣсть.

Начались привѣтствія и освѣдомленія о здоровіи въ самыхъ утонченныхъ фразахъ, затѣмъ поданъ былъ кофе и два великолѣпныхъ наргилэ. Кофе въ фарфоро-

*) Поганаго.

выхъ чашечкахъ, всаженныхъ въ золотые *зарубы* *), на небольшомъ подносѣ, покрытомъ шелковымъ пунцовымъ платкомъ, вышитымъ золотомъ. Послѣ врученія филиджана съ ароматическимъ напиткомъ каведжи отступилъ съ полнымъ соблюденіемъ приличія т. е. не поворачивая къ гостю спины. Съ такою-же ловкостью и умѣніемъ поставлены были кальяны и поданы пылающіе уголья.

Въ эту торжественную минуту кейфа всей свитѣ предложено было перейти въ оду, предназначенную для мурзъ и беевъ, гдѣ и ей поданы были кофе и трубки съ дорогими мундштуками.

Въ визитѣ этомъ не заключалось ничего политическаго, такъ какъ Богатырь гирей строго держался нейтралитета, разумѣется, до поры и времени; а такъ какъ подобная система ужасно не нравилась Ширинскому бею, то султанъ могъ предчуствовать, что никогда не добьется престола, еслибъ онъ оказался вакантнымъ. У Ширинскаго былъ въ виду сынъ его Ачкозъ-султанъ, находящійся на воспитаніи у черкезовъ и славящійся отвагою и сильною ненавистью къ русскимъ.

— Какіе идутъ въ твоей сторонѣ слухи? спросилъ калга у хозяина, когда ему подана была вторая порція кофе.

— Благодареніе Богу, все обстоитъ благополучно, за исключеніемъ, что гяуры начали пошаливать подъ Керчью. Я ужасно боюсь, чтобы эти шалости не распространились во всемъ ханствѣ и не заставили татаръ взяться за оружіе.

— Ну, нѣтъ, я полагаю, что Шагинъ гирей съумѣетъ остановить ихъ во время, если до него дойдутъ жалобы.

— Хорошо, если онъ обратитъ вниманіе, ну а если онъ станетъ благодушествовать своимъ союзникамъ?

— Мнѣ не вѣрится, бей, чтобы ханъ перенесъ обиду, нанесенную его подданному гяуромъ.

— Поживемъ, увидимъ, отвѣчалъ съ улыбкою Ширинскій.

---

*) Подставки въ видѣ нашихъ стаканчиковъ для лицъ.

— Что касается меня, сказалъ Богатырь гирей, то я даже во снѣ не перестаю молить Аллаха, чтобы онъ избавилъ нашъ народъ отъ всякихъ бѣдствій.

Въ одѣ также не происходило никакого разговора, изъ котораго Сеитъ Билялъ могъ бы вывести каколибо заключеніе. Вслѣдствіе чего онъ послѣ обѣда, когда каждый изъ утомленныхъ путешественниковъ заснулъ на своемъ мѣстѣ, вновь направился къ всезнающему берберу, чтобы выманить у него еще что-нибудь.

— Признаюсь, другъ мой, сказалъ онъ, входя въ цырульню, я не особенно радъ, что послушалъ тебя. Къ бею пріѣхало столько гостей, что мнѣ ничтожному въ сравненіи съ ними не доведется даже поцѣловать фалды нашего покровителя.

— Всѣ эти гости уѣдутъ отъ насъ завтра утромъ и слѣдовательно, тебѣ не долго придется ожидать этой чести. Я знаю навѣрно, что бей нашъ не будетъ задерживать ненавистнаго ему Богатырь-гирея, который разыгрываетъ бабскую роль, ради личнаго кейфа и спокойствія, но это не пройдетъ ему даромъ, когда совершится переворотъ.

— А когда мы его дождемся? спросилъ Сеитъ Билялъ.

— Будущее единому Аллаху извѣстно. Я знаю только то, что бей нашъ ужасно недоволенъ всѣмъ, что дѣлается въ ханствѣ, и поклялся святымъ кораномъ измѣнить настоящее теченіе дѣлъ. А ужъ если онъ произнесъ клятву предъ святою книгою, то, конечно, не станетъ шутить. Жаль, что ты не посѣтилъ насъ на прошлой недѣлѣ, когда здѣсь былъ Селимъ гирей, ты узналъ бы много непріятныхъ штукъ Шагинъ гирея, да не улыбнутся его уста во вѣки вѣковъ!

— А развѣ Селимъ гирей пользуется въ вашей сторонѣ народнымъ уваженіемъ?

— Сейчасъ видно, что ты не имѣешь сообщенія съ почетными людьми, возразилъ цирульникъ съ надменною улыбкою, да знаешь ли, что если Селимъ гирей свистнетъ, то весь нашъ кадылыкъ станетъ предъ нимъ въ полномъ вооруженіи и сотретъ съ лица земли ненавистныхъ людей!

— Отчего же онъ не свиститъ до настоящаго времени?

— Оттого, повторяю тебѣ, что не настало еще удобное время или проще не прочитана еще предъ Богомъ эта страница судьбы Шагинъ-гирея.

Этихъ свѣдѣній было достаточно для Сеитъ-Биляла и онъ въ тотъ же вечеръ, пользуясь всеобщею суматохою, выѣхалъ обратно въ Бахчисарай.

XI.

Кафа во все время господства въ ней турецкихъ янычаровъ, состоящихъ подъ непосредственнымъ надзоромъ паши и беевъ, считалось самымъ лучшимъ оживленнымъ городомъ Крыма. Въ ней имѣли свои временныя и постоянныя резиденціи многіе богатые мурзы и беи. Сюда приходили сотни иностранныхъ судовъ преимущественно изъ Россіи, Стамбула и Анатоліи съ различными произведеніями своихъ странъ, а взамѣнъ вывозили изъ нея: соль, медъ, воскъ, хлѣбное зерно, кожи, овчины, войлоки, шерсть, солонину, баранье сало и закупаемые мѣстными купцами изъ Россіи мѣха, а изъ Черкесіи невольниковъ и невольницъ. Въ ней насчитывалось до 45 христіанскихъ церквей, была громадная ханская мечеть и великолѣпныя бани. Словомъ, все располагало къ перенесенію сюда столицы. Въ этихъ видахъ Шагинъ-гирей уполномочилъ Спиридона-Каравунети выстроить для него въ европейскомъ вкусѣ сначала небольшой домъ на морскомъ берегу съ тѣмъ, чтобы постепенно закупить прилегающіе дворы и довести дворецъ до гигантскихъ размѣровъ.

Каравунети принялъ на себя это обязательство не съ особеннымъ удовольствіемъ, но утѣшался, что къ тому времени, пока домъ будетъ готовъ для переселенія хана, въ Крыму не останется ни одного христіанина. Онъ уже имѣлъ свѣдѣніе, что русская царица охотно согласилась на переселеніе христіанъ изъ Крыма на вновь присоединенныя къ Россіи земли, прилегавшія къ Азовскому морю, но что ей не вѣрилось, чтобы Шагинъ-гирей допустилъ въ ущербъ своимъ интересамъ это переселеніе.

Каравунети также было извѣстно, что въ это время достигъ при русскомъ дворѣ необыкновенной власти и могущества князь Григорій Александровичъ Потемкинъ, задавшійся мыслію сокрушить мусульманское господство въ Европѣ и возстановить въ Константинополѣ престолъ св. Константина въ лицѣ одного изъ принцевъ изъ дома Императрицы Екатерины и что къ этому ему уже удалось склонить Англію; но такъ какъ для этого приходилось первоначально утвердить владычество Россіи на Черномъ морѣ, чего нельзя было достигнуть раньше завоеванія Крыма, то князь отложилъ проэктъ свой до болѣе благопріятнаго времени и увлекся другимъ проэктомъ императрицы, касавшимся блага всей Европы *).

При таковомъ положеніи дѣлъ разумному Каравунети приходилось имѣть съ своимъ митрополитомъ и представителями армянскаго и католическаго духовенства постоянную переписку; но такъ какъ дѣло это очень медленно подвигалось безъ его личнаго настоянія, то приходилось посылать вліятельныхъ людей въ густо населенныя христіанами мѣстности, чтобы подготовить народъ къ движенію въ будущемъ году. Избраны были три дьякона и два анатолійскихъ монаха, пріѣзжавшіе изъ Арменіи и Малой Азіи за сборомъ подаяній, такъ какъ на нихъ не могло пасть никакого подозрѣнія. Люди эти, снабженные письмами и деньгами, начали дѣйствовать съ такимъ усердіемъ и вниманіемъ, такъ много обѣщали благъ и счастія въ хлѣбородныхъ и приморскихъ земляхъ, принадлежащихъ единовѣрному народу, что бѣдные люди приступили къ немедленному сбыту татарамъ тѣхъ вещей, которыя казались имъ ненужными, и постепенно начали переходить изъ деревень въ города, но болѣе зажиточные, у которыхъ были свои земли и стада овецъ, козъ, воловъ и коровъ, заявили, что они подумаютъ объ этомъ только тогда, когда императрица вознаградитъ ихъ за понесенныя потери и предоставитъ готовыя хаты и кое-какія привиллегіи. Спиро испугался этого требованія, переговорилъ съ Толбаемъ и вновь началъ дѣйствовать въ духѣ справедливаго тре-

*) Рѣчь шла о Вооруженномъ нейтралитетѣ.

бованія соотечественниковъ. Митрополитъ Игнатій съ архимандритомъ Петромъ и священникомъ Іаковымъ вновь вошли съ просьбою къ русскому правительству, но мѣсяцы проходили, а отвѣта не получалось. Всѣ эти дѣйствія христіане умѣли сохранять въ глубокой тайнѣ; до татаръ доходили только сомнительные слухи о чемъ-то въ родѣ предположенія гяуровъ выселиться и то въ такомъ только случаѣ, если будутъ повторяться смуты и военныя дѣйствія. Нѣтъ сомнѣнія, что послѣднее условіе прибавлено было со стороны тѣхъ, которые знали цѣну христіанамъ или состояли съ ними въ товариществѣ, родствѣ и дружбѣ.

Недѣлю спустя послѣ выѣзда своего возвратился въ Бахчисарай бинь-баши Сеитъ-Билялъ и подробнымъ образомъ передалъ Шагинъ-гирею, также только что возвратившемуся съ своего хутора Хатана-кадынычешме *), все видѣнное и слышанное.

— О эти Ширинскіе, сказалъ гирей по выслушанію Биляла, мнѣ кажется, я не испущу послѣдняго дыханія моего, пока не истреблю всѣхъ членовъ этой ужасной фамиліи. Эти люди рано или поздно доведутъ хановъ до изступленія и погубятъ ханство, если народъ не согласится раньше побить ихъ камнями.

На другой день гирей призвалъ къ себѣ Меметъ-агу Булатукова, Абдувели пашу и другихъ искренно преданныхъ ему друзей и сообщилъ имъ о необходимости принять надлежащія мѣры, чтобы предупредить внезапное нашествіе на столицу Ширинскаго-бея съ бунтовщиками. Постановлено было вызвать около двухъ тысячъ джигитовъ въ Бахчисарай подъ предлогомъ обученія военному искусству съ тѣмъ, что содержаніе будетъ слѣдовать отъ ханской казны. На такой призывъ явилось гораздо больше охотниковъ, чѣмъ требовала необходимость. Шагинъ-гирей и Абдувели паша почти ежедневно упражнялись съ ними, отпускали поочередно на свиданія съ родными и вообще употребляли всѣ усилія привязать къ себѣ. Кромѣ этого ханъ не замедлилъ сообщить князю Потемкину о вновь предстоящихъ

*) Невдали отъ Бахчисарая.

неурядицахъ въ ханствѣ и просилъ его не оставить безъ помощи своей на случай крайности.

Потемкинъ отвѣчалъ ему, что отдалъ уже приказаніе въ Керчь и Еникале, чтобы по первому его требованію выступили русскіе войска во внутренность Крыма, вслѣдъ за которыми онъ и самъ лично прибудетъ, если явится крайняя необходимость. Такой любезный отвѣтъ, безъ сомнѣнія, мотивируемъ былъ тѣмъ, что Россія могла бы потерять свое вліяніе на Крымъ, еслибъ отказалась поддержать назначеннаго ею хана, вполнѣ дѣйствующаго въ видахъ ея интересовъ.

— Ну, теперь пусть подымаются на насъ всѣ Ширинскіе-беи съ своею ордою, сказалъ ханъ Абдувели пашѣ съ улыбкою. Я даже пожелалъ бы этого, чтобы имѣть случай однажды навсегда сокрушить въ глупцахъ охоту возставать противъ повелителей своихъ.

Шагинъ-гирею доложили, что въ ханъ-сарай прибылъ достопочтенный Толбай.

— Сію минуту приведите ко мнѣ подъ руки этого почтеннаго старика, сказалъ ханъ съ какимъ-то дѣтскимъ восторгомъ.

Толбай-эфенди, убѣленный длинною бородою съ отчасти впалыми уже глазами, предсталъ предъ монархомъ.

— Наконецъ я дождался тебя, возлюбленный дѣдушка, сказалъ ханъ, взявъ его за руку и сажая около себя. Да что это съ тобою? Ты ужасно похудѣлъ и измѣнился.

— Пора и мнѣ, султанымъ, войти въ ту землю, изъ которой я созданъ. Четыре вѣка протекли предъ глазами моими, какъ четыре минуты и оставили мнѣ на память рядъ горькихъ воспоминаній. Я пришелъ въ послѣдній разъ къ порогу твоему, чтобы еще разъ посмотрѣть на тебя и затѣмъ удалиться на то самое мѣсто, гдѣ родился. Мнѣ ужасно хочется быть похороненнымъ тамъ, гдѣ я впервые появился на свѣтъ Божій.

— Гдѣ же ты родился, мой добрый другъ?

— Я родился подъ городомъ Таною въ тотъ знаменитый и ужасный для френковъ годъ, когда неумолимый Темиръ-Аксакъ (Тамерланъ), возившій за собою необъятной величины казаны для завариванія людей, обманнымъ образомъ проникнулъ въ этотъ славный го-

родъ и уничтожилъ его. Мой отецъ былъ у него однимъ изъ лучшихъ полководцевъ.

— Ты опять началъ свою старую пѣсню, прервалъ его Шагинъ-гирей съ улыбкою. Тебѣ, кажется, извѣстно, что я не могу допустить, чтобы человѣкъ могъ жить такъ долго.

— Ты можешь думать все, что тебѣ угодно; мнѣ самому не вѣрится, что четыре столѣтія протекли предо мною и еслибъ только историческіе теварики не убѣждали меня въ этомъ, то я самъ бы сомнѣвался въ такой долговѣчности. Ну, вотъ напр., я былъ ужъ очень старъ на видъ, когда турки ворвались въ Кафу и истребили несчастныхъ генуэзцевъ. Нѣсколькими годами раньше я лично былъ знакомъ съ прекрасными христіанскими владѣтельными князьями на Ѳеодорѣ, въ Ичели и на Мангупѣ. Сочти же ты самъ, сколько лѣтъ прошло съ того времени, какъ несчастный обманутый князь Исай увезенъ былъ въ Турцію и преданъ казни?

Ханъ молча смотрѣлъ въ глаза старика.

— Ты и этому не вѣришь? продолжалъ Толбай — въ такомъ случаѣ допрашивай меня о всѣхъ событіяхъ въ Крыму въ теченіи этихъ столѣтій.

— Этого я не стану дѣлать, потому что ты знаешь прошлое также хорошо, какъ и предстоящее, а мнѣ хотѣлось бы узнать, какимъ образомъ ты могъ явиться въ мірѣ исключеніемъ?

— Я объясню тебѣ и это, но боюсь, что ты опять станешь сомнѣваться. Знаешь ли ты, что нашъ могущественный Аллахъ, создавая первыхъ людей, не желалъ, чтобы они умирали и приказалъ землѣ произвести древо жизни для того, чтобы люди въ минуты приближенія смерти вкушали отъ плодовъ его и вновь оживлялись бы. Дерево это росло въ глубокой ямѣ и такъ много испускало ароматовъ, что ангелы небесные восторгалась имъ. Впослѣдствіи, когда Адамъ провинился и былъ изгнанъ изъ рая, онъ захватилъ какъ-то случайно одно сѣмечко отъ этого дерева и посадилъ его въ новомъ пребываніи своемъ. Изъ сѣмени этого выросло дерево, но оно не имѣло уже той силы и запаха какъ первозданное, но при всемъ томъ въ немъ заключалась сила

продлить жизнь первыхъ людей почти до тысячелѣтняго возраста или до вѣка Мафусаила. Впослѣдствіи, когда люди размножились и начали ссориться и притѣснять другъ друга, мѣстность эта опустѣла и забыто было преданіе о свойствахъ этого чудеснаго дерева. Прошли тысячелѣтія, пока подъ тѣнь его явился Темиръ Аксакъ. Пораженный его отличительнымъ видомъ, онъ безсознательно снялъ одинъ плодъ и приказалъ сохранить его на память посѣщенія своего этой мѣстности. Плодъ этотъ тщательно сберегался слугами его до того времени, пока я достигъ 10 лѣтняго возраста и однажды, рывшись въ ханскихъ рѣдкостяхъ, отыскалъ его и безъ разсужденія съѣлъ. Это былъ орѣхъ такого восхитительнаго вкуса, что я до настоящаго времени чувствую вкусъ его на языкѣ. Теперь, я думаю, ты понялъ, что послужило мнѣ средствомъ для долголѣтней жизни. Впрочемъ, я не для этого пришелъ, чтобы соблазнять тебя. Шагинъ гирей, лучше забудь мои слова и поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ. По моему въ жизни нѣтъ разницы: сотни лѣтъ проходятъ также скоро какъ и десятки—слѣдовательно, не стоитъ и думать объ этомъ.

— О чемъ же, по твоему мнѣнію, пріятнѣе думать?

— О томъ, что предстоитъ намъ въ скоромъ будущемъ.

А какъ это узнать, дѣдушка-эфенди? Не всѣмъ же дано въ удѣлъ ясновидѣніе.

— Ты правъ, ханъ, но мнѣ кажется, что при зоркомъ наблюденіи мы можемъ замѣчать, что творится около насъ и къ чему это броженіе можетъ привести.

— То, о чемъ ты желаешь сказать, я знаю хорошо и принялъ надлежащія мѣры. Довольно несчастнымъ ханамъ Крыма быть игрушками въ рукахъ негодныхъ бунтовщиковъ, руководимыхъ зазнавшимися Ширинскими. Я съумѣю отдѣлаться отъ нихъ, какъ отдѣлался отъ турецкихъ визирей и не пощажу всѣхъ сообщниковъ. чтобы прекратить навсегда стремленіе къ господству народа надъ ханами, потому что весь народъ никогда почти не ищетъ такой власти, а добиваются ея двѣ. три личности. Кстати, дѣдушка, вотъ ужъ два, три мѣсяца, какъ до меня доходятъ слухи, что наши христіане

чѣмъ-то недовольны и желаютъ выселиться изъ Крыма. Не имѣешь ли ты объ этомъ какихъ-нибудь положительныхъ свѣдѣній?

— Я также давно слышу объ этомъ, но не удивляюсь, потому что приближается тотъ часъ, когда крымское ханство должно очиститься отъ иновѣрцевъ.

— Какъ, развѣ на это есть воля Божія? спросилъ съ изумленіемъ гирей.

— Безъ воли Аллаха ничего не можетъ сотвориться и горе тебѣ, ханъ, если ты возстанешь противъ этого.

— Толбай баба, ты говоришь мнѣ противъ убѣжденій своихъ. Если мы выпустимъ христіанъ, наша казна опустѣетъ и мы сдѣлаемся нищими предъ другими падишахами.

— Господь всегда почти даетъ родителямъ взамѣнъ одного взятаго имъ ребенка двухъ или трехъ и даруетъ имъ жизнь, если отцы съумѣютъ сберечь ихъ отъ явныхъ опасностей.

— Такъ ты убѣжденъ, что христіане выселятся?

— Положительно, и совѣтую тебѣ облегчить ихъ предопредѣленіе, чтобы заслужить милость пророка, который желаетъ этого.

Шагинъ гирей погрузился въ мрачную думу.

— Не грусти, свѣтлѣйшій ханъ, Господь вѣдаетъ лучше насъ будущее. Кто знаетъ, быть можетъ, со временемъ эти христіане такъ размножатся, что сдѣлаютъ насъ своими раями!

При этихъ словахъ ханъ поднялъ глаза и приказалъ подать себѣ и Толбаю по кружкѣ муселеза.

— Однако, я кажется, отклонилъ тебя, дѣдушка, отъ того, что ты хотѣлъ мнѣ сказать, заговорилъ нѣсколько облегченный отъ грусти гирей.

— Я хотѣлъ сказать тебѣ очень немного и именно освободить меня отъ должности смотрителя святыхъ Кыркъ-азизовъ и дать фирманъ на свободный выѣздъ на мѣсто родины моей.

— Какъ же я обойдусь въ трудныя минуты безъ тебя?

— Предсказываю тебѣ заранѣе, что я недолго буду жить на этомъ свѣтѣ, потому что чувствую приближеніе

смерти моей. При томъ я предвижу, что враги твои немного сдѣлаютъ тебѣ зла, пока я буду находиться въ живыхъ, но что будетъ съ Крымомъ, когда я закрою глаза, это мнѣ неизвѣстно.

Шагинъ гирей употреблялъ всѣ усилія, чтобы отклонить Толбая отъ желанія его, но ничего не могъ сдѣлать и вынужденъ былъ приказать выдать ему пропускную.

— Но этого недостаточно, сказалъ онъ, подавая ему бумагу, я обязанъ обезпечить послѣдніе годы твоей жизни на чужбинѣ. Мой казнедаръ сегодня же принесетъ тебѣ награду за дружбу твою.

Сказавъ это, ханъ поцѣловалъ старика въ оба глаза и, пожелавъ ему всего лучшаго, съ грустнымъ взглядомъ удалился въ кабинетъ свой.

На другой день Толбай джинджи съ кисетомъ, набитымъ червонцами, выѣхалъ изъ Бахчисарая, свидѣлся съ Каравунети въ Кафѣ и поѣхалъ дальше, въ качествѣ піонера высмотрѣть лучшія мѣста для поселенія христіанъ и основать первую хату для пріема своихъ дочерей съ семействами ихъ. Мѣсяцъ спустя старикъ находился уже между внуками и помолодѣлъ на много лѣтъ, потому что сбрилъ ненавистную бороду и сбросилъ ненавистный татарскій костюмъ.

Тѣмъ временемъ Ширинскій бей Сеитъ Велиша принималъ самое дѣятельное участіе къ подготовленію возстанія татаръ. Всѣ преданные ему мурзы и зажиточные татаре разъѣзжали по деревнямъ, снабжая однихъ оружіемъ, а другихъ возбуждая краснорѣчіемъ къ необходимости защитить вѣру отъ поруганія, а родину отъ гяуровъ. Народъ слушалъ краснобаевъ со вздохами, бралъ оружіе, судилъ, проклиналъ и ожидалъ минуты растерзать богоотступника, впустившаго русскихъ и жестокихъ албанцевъ въ ихъ наслѣдственную собственность. Тоже самое дѣлали друзья нуредина Селимъ гирея въ южной половинѣ ханства, въ полной увѣренности, что Шагинъ гирей кейфируетъ, не подозрѣвая ихъ затѣй. На дѣлѣ же друзья хана слѣдили за малѣйшимъ движеніемъ недовольныхъ и ежедневно сообщали во дворецъ о происходившемъ въ ханствѣ. Гирей продолжалъ

хранить молчаніе и предавался по обыкновенію любимымъ развлеченіямъ. Изъ кафскаго кадылыка сообщалъ ему всѣ извѣстія Каравунети, добывающій ихъ чрезъ посредство Кыргія, вновь перешедшаго въ кочующій таборъ цыганъ и нарочно поселившійся въ резиденціи Велиша бея въ числѣ кузнецовъ.

Въ одинъ вечеръ явился къ Шагинъ гирею самъ Каравунети подъ предлогомъ донести о какихъ-то необходимыхъ измѣненіяхъ на планѣ кафскаго дворца. Придворные чиновники, незнавшіе его отношеній къ повелителю, не захотѣли его допустить, по случаю поздняго времени и вообще сомнительнаго состоянія умовъ въ ханствѣ.

— Въ такомъ случаѣ я самъ пройду, сказалъ грекъ и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ.

— Ты, гяуръ, смѣешь это сказать! вскрикнулъ хапуджи-баши и со всего размаху ударилъ Спиридона палкою по спинѣ.

Ударъ былъ такъ силенъ, что Каравунети въ безуміи вынулъ изъ запазухи пистолетъ и тутъ-же убилъ на повалъ вѣрнаго стража. Въ ханъ-сараѣ поднялась ужасная суматоха, выбѣжали всѣ служители и стража. Каравунети узнанъ былъ тѣлохранителями гирея и немедленно введенъ былъ во дворецъ. Оставшись на-единѣ съ падишахомъ, Спиридонъ сказалъ:

— Ты поймешь, ханъ, что я прибылъ лично вслѣдствіе неувѣренности въ наемныхъ слугахъ, такъ какъ нашъ бѣдный Кыргій убитъ самимъ Ширинскимъ, открывшимъ его въ кустахъ въ то время, когда онъ назначилъ друзьямъ день всеобщаго возстанія; но при всемъ томъ этотъ славный мальчикъ не умеръ до того времени, пока не успѣлъ послать ко мнѣ одного изъ товарищей своихъ съ заявленіемъ, что враги твои одновременно соберутся въ двухъ пунктахъ и именно около Судака и на Качѣ около твоей столицы. Днемъ сбора назначенъ третій день курбанъ-байрама; а такъ какъ до этого роковаго дня остается немного, то я рѣшился лично прискакать къ тебѣ и рѣшился убить твоего смотрителя воротъ за то, что онъ хотѣлъ исколѣчить меня дубиною.

— О, несчастный Кыргій! какъ жаль мнѣ этого вѣрнаго слугу, сказалъ гирей—и достало-же духа у этого злодѣя Ширинскаго убивать цыганенка!

— Говорятъ, что онъ давно уже подозрѣвалъ его въ подслушиваніи и разспросахъ, о чемъ говорилось въ хонакахъ бея.

— Какъ бы тамъ ни было, но я не прощу ему этого поступка противъ моего слуги.

— Это дѣло можно будетъ оставить на-послѣ, но въ настоящее время тебѣ необходимо принять всѣ мѣры для предупрежденія опасности.

— Мнѣ обѣщало русское правительство оказать помощь и я надѣюсь на князя Потемкина, который въ настоящее время находится не вдали отъ нашихъ границъ. Онъ такъ былъ любезенъ, что самъ обѣщалъ явиться по первому призыву моему въ Крымъ.

Только, что сказаны были эти слова какъ вошелъ слуга и доложилъ о прибытіи экстреннаго гонца отъ Ресюль-одамана изъ Кызлыярскихъ степей. Ханъ предложилъ Спиридону выйти въ другую комнату и приказалъ впустить ногайца, подавшаго ему письмо, зашитое въ *чарыкъ* *).

Гирей быстро развернулъ бумагу, внимательно прочиталъ ее и полудрожавшимъ голосомъ сказалъ:

— Пусть тебѣ заплатятъ за извѣстіе. Поклонись отъ меня твоему господину и скажи, что я исполню его совѣтъ. Когда гонецъ вышелъ, гирей бросился къ Каравунети и объявилъ ему, что ногайцы взбунтовались противъ сераскировъ своихъ и грозятъ всѣми ужасами, если только не послѣдуетъ смѣны ихъ. Мой одаманъ требуетъ, чтобы я немедленно прибылъ въ Кызлы-яръ. Это просто несчастіе, точно враги мои успѣли проникнуть и за предѣлы Оръ-хапи.

— Сколько мнѣ извѣстно, султанымъ, они и туда посылали эмиссаровъ для возбужденія народа, но мнѣ казалось, что они не достигли цѣли своей.

— Такъ или иначе, а мнѣ придется самому съѣздить къ ногайцамъ, отвѣчалъ ханъ—эти люди любятъ меня

---

*) Кожаная сандаль.

и мое присутствіе возстановитъ покой. При этомъ я проѣду къ Потемкину и лично попрошу его двинуть въ Крымъ русскія войска.

— Не будетъ ли, эфендымъ, твое отсутствіе поводомъ къ преждевременному бунту?

— Чтожъ дѣлать, другъ мой, лучше потерять частицу, чѣмъ все. Къ счастію, у меня есть немного преданныхъ людей, на которыхъ я могу положиться. Тебя я считаю однимъ изъ надежнѣйшихъ и прошу немедленно отправиться въ Ичель и упросить всѣхъ реизовъ, чтобы они выдвинули свои суда на линію отъ Ахтіарской до Ахмечетской бухты *) и строго слѣдили чтобы ни одно судно изъ Крыма не направилось въ Константинополь.

— Я сдѣлаю все, что ты прикажешь, ханъ, если ты дашь мнѣ въ содѣйствіе твоего казнедара, котораго южнобережскіе татаре уважаютъ больше, чѣмъ меня. Сколько мнѣ извѣстно, въ настоящее время мореходныя суда Ичеля большинствомъ принадлежатъ мусульманамъ.

Ханъ изъявилъ на это согласіе и вслѣдъ затѣмъ послалъ за всѣми приближенными своими, находившимися въ Бахчисараѣ. Не скрывъ отъ нихъ ничего извѣстнаго ему и объяснивъ намѣренія свои, онъ поручилъ Эръмурзѣ Крымтаеву и Абдувели пашѣ охрану ханъ-сарая, а остальнымъ наблюдать, чтобы ни одно судно, начиная отъ Ѳеодосіи до Тарханъ-кута не выступало въ море впредь до его возвращенія; визирямъ же и агамъ исполнять свои обязанности, не обращая вниманія на безпорядки.

— Можетъ быть — прибавилъ гирей—мнѣ придется самому съѣздить въ Петербургъ къ русской царицѣ, чтобы навсегда прекратить эти возмутительныя явленія.

Переговоривъ со всѣми необходимыми ему людьми, ханъ, послѣ полуночи, выѣхалъ изъ дворца и направился къ Перекопу. Но нѣсколько часовъ спустя послѣ него, два верховыхъ поскакали къ Нурединъ-султану,

---

*) Бухта этого имени находится между Евпаторіею и Перекопскимъ перешейкомъ.

Селимъ гирею и Сеитъ Велишѣ бею Ширинлы съ извѣстіями, что Шагинъ гирей выѣхалъ изъ столицы, безъ сомнѣнія, съ цѣлью привести съ собою вторично русскія войска.

Шагинъ гирей находился въ безопастности, когда враги его сообразили послать за нимъ въ погоню отрядъ самыхъ отважнѣйшихъ джигитовъ. Посланные не осмѣлились преслѣдовать хана въ Ногайской степи, такъ какъ не надѣялись на ногайцевъ и не могли знать о происходящихъ у нихъ безпорядкахъ. Пользуясь этимъ случаемъ, гирей однимъ личнымъ вмѣшательствомъ въ раздоры ногайцевъ возстановилъ между ними первобытное спокойствіе и сейчасъ-же выѣхалъ въ Россію.

Къ несчастію его, князя Потемкина не оказалось въ пограничныхъ мѣстностяхъ и хану пришлось ѣхать въ Петербургъ. Прощаясь съ сопровождавшимъ его Ресюль—адаманомъ, гирей вручилъ ему два письма для безотлагательнаго врученія Абдувели пашѣ.

— Ты попробуй сначала доставить первое—сказалъ онъ—но если оно будетъ перехвачено, тогда вспомни другое.

— Слушая, эфендымъ, и надѣюсь перехитрить нашихъ враговъ.

Ресюль одаманъ въ присутствіи повелителя своего продырявилъ въ кнутѣ своемъ продольную дырочку и, свернувъ письмо въ тончайшую трубочку, всадилъ его въ кнутище.

— Здѣсь его не станутъ искать—отвѣчалъ онъ.

— А второй экземпляръ куда ты спрячешь?

— Этого я не осмѣлюсь сказать тебѣ, султанымъ, но завѣряю тебя, что онъ будетъ спрятанъ въ такое мѣсто, куда человѣческій глазъ не можетъ проникнуть.

Догадливый ханъ улыбнулся и, пожелавъ ему успѣха, приказалъ кучеру своему ѣхать, нещадя лошадей.

Преданіе говоритъ, что во время этой быстрой ѣзды Шагинъ гирей убилъ ровно 150 лошадей, пока доѣхалъ до русской столицы.

Императрица приняла Крымскаго хана очень благосклонно и обѣщала ему оказать всевозможное содѣйствіе для подавленіе бунта. Затѣмъ она передала его въ пол-

ное распоряженіе князя Григорія Александровича, который, понявъ, что необходимо дорожить временемъ, отправилъ курьера къ завѣдывающему нашими войсками въ Еникале, а потомъ и самъ съ гиреемъ направился въ Крымъ.

Прибывши въ Керчь, Шагинъ гирей ужасно былъ возмущенъ совершившимся въ ханствѣ. Десятки преданныхъ ему людей были убиты или заключены въ темницы, Эръ мурза Крымтаевъ изрубленъ былъ въ куски у главнаго входа въ ханъ-сарай; дворцовое имущество расхищено, а у прелестныхъ наложницъ варвары обгрызли груди, чтобы сдѣлать ихъ негодными для жизни.

По распоряженію князя Потемкина, ставшаго въ главѣ войска, немедленно двинуты были на Кафу артиллерія, два армейскихъ полка и всѣ Албанцы, давно жаждавшіе показать свою ненависть къ мусульманамъ, вынудившимъ ихъ оставить родину и поселиться на русскихъ земляхъ. Кафа сдалась безъ сопротивленія при видѣ русскихъ пушекъ, но главнѣйшіе бунтовщики съ шайками выступили въ горную полосу, гдѣ надѣялись на недоступность позицій. Другая половина ихъ подъ командою самого Сеитъ Велаши Ширинскаго приняла направленіе къ С. В., чтобы отрѣзать русскимъ отступленіе на случай неуспѣха ихъ, но наткнувшись на рѣкѣ Салгирѣ на скоро устроенную другимъ отрядомъ нашимъ баттарею, извѣстную подъ именемъ Рашъ-кале, послѣ громадныхъ потерь, вынуждена была отодвинуться во внутрь страны.

Тѣмъ временемъ Шагинъ гирей поселился въ старокрымскомъ дворцѣ Хатырша-сарай и вновь окруженный преданными ему людьми, началъ разсылать повсюду воззванія къ народу о безусловной покорности. Спиридонъ Каравунети снабжалъ его гонцами и самъ писалъ манифесты въ надеждѣ возстановить спокойствіе въ странѣ. Но волненіе, повидимому, принимало болѣе грозный характеръ. Это обстоятельство заставило хана, мечтавшаго быть строгимъ судьею впослѣдствіи, нынѣ же превратиться въ палача и первыми жертвами его были всѣ безъ исключенія старшіе члены семейства Ширинскихъ.

Преданіе говоритъ, что они закопаны были по грудь въ землю и побиты камнями.

Послѣ нихъ пострадали всѣ тѣ, которые учавствовали въ поѣздкѣ на Кавказъ за доставленіемъ сына Богатырь гирея Ачкозъ-султана, предназначеннаго для ханствованія и употреблены были всѣ мѣры исходатайствовать утвержденія у султана,—чего не удалось достигнуть, благодаря бдительной блокады береговъ. Эти повѣшаны были какъ собаки и тѣла ихъ выброшены на съѣденіе воронамъ. Затѣмъ дошла очередь до семействъ тѣхъ, которые оказались въ отрядахъ революціонеровъ. Имъ обѣщана была также жестокая смерть, если мужья, братья и сыновья ихъ не возвратятся домой съ повинною головою въ теченіи двухъ недѣль.

Пока происходила эта кровавая расправа и награждались на счетъ виновныхъ оставшіеся честными долгу своему, князь Потемкинъ съ незначительнымъ отрядомъ Албанцевъ, состоящихъ подъ непосредственнымъ начальствомъ маіоровъ: Дуси, Кандіоти и Чапоки, разбили татаръ при деревняхъ Бей-сала, Улу-сала, Черкезъ-Керменѣ, на Качѣ и въ окрестностяхъ Бахчисарая *). Испуганные и разбѣжавшіеся татаре сгруппировались подъ Балаклавою подъ санджакомъ Нуреднъ султана Селимъ гирея и рѣшились или отстоять свою независимость или погибнуть. Русскія войска нашли ихъ и здѣсь и послѣ двухъ часовой отчаянной битвы сбили съ недоступной позиціи, смяли и заставили сложить оружіе. Главнѣйшіе бунтовщики, во главѣ Нуредина, успѣли скрыться за балаклавскимъ проливомъ и уплыть въ Турецкія владѣнія.

Шагинъ гирей, знавшій о каждомъ столкновеніи и успѣхѣ русскаго оружія, какъ разъ во время прибылъ въ Бахчисарай. Всѣ негодяи, участвовавшіе въ убіеніи Эръ мурзы и обгрызываніи грудей у невинныхъ затворницъ гарема, были немедленно захвачены и доставлены къ воротамъ ханъ-сарая, гдѣ по единому слову возстановленнаго въ правахъ своихъ властителя, были обезглав-

*) См. аттестатъ, данный княземъ Потемкинымъ Албанцамъ 1-го Апрѣля 1778 г., на 118 стр. 8 части нашего „Универс. опис. Крыма.“

лены и не тронуты съ мѣста до того времени, пока не вытекла изъ тѣлъ ихъ вся кровь, чтобы наводнить небольшой ручей Чурукъ-су и показать народу, какой участи подвергаются тѣ несчастные, которые подъ вліяніемъ злодѣевъ, дерзаютъ обнажать сабли противъ монарха и его вѣрноподданныхъ.

Мѣсяцъ спустя, когда возстановленно было полное спокойствіе, къ Шагинъ гирею приведенъ былъ еще одинъ татаринъ, обвиненный въ кастраціи гаремныхъ красавицъ.

— Что тебя понудило къ такому подлому мщенію? спросилъ гирей.

— Меня подговорила къ этому твоя жена Момине— отвѣчалъ онъ—она день и ночь плакала предъ моею матерью за то, что ты предпочелъ ей молодыхъ черкешенокъ и навѣрно окончательно забудешь о ней, если будешь имѣть отъ нихъ сыновей. Тронутый ея рыданіями я подговорилъ нѣсколько джигитовъ и во время народнаго набѣга на ханъ сарай, рѣшился успокоить бѣдную женщину.

— Негодяй, ты погибнешь съ злою женщиною одною и тою-же смертью. Бросьте его въ темницу и начните слѣдствіе надъ Момине—султанъ. Пусть кадій немедленно поѣдетъ въ Чевтлекъ.

Шагинъ гирей употребилъ всевозможныя средства, чтобы доставить сластолюбивому князю Потемкину лучшія удовольствія. Преданіе говоритъ, что въ распоряженіи его находилось около двухъ сотъ избранныхъ невольницъ въ продолженіи того времени, пока онъ находился въ ханъ-сараѣ. Для дополненія его кейфа почти каждый вечеръ гремѣла русская музыка въ дворцовомъ мейданѣ, горѣли тысячи разноцвѣтныхъ фонарей и сжигался фейерверкъ, приводящій бахчисарайцевъ въ неописанный восторгъ.

Во все это время Спиридонъ Каравунети находился при блистательномъ Потемкинѣ и отъ всей души старался исполнять его прихоти и желанія.

— Послушай—однажды обратился къ нему князь— не поохотиться ли намъ для разнообразія въ Крымскихъ лѣсахъ.

— Я не смѣлъ раньше предложить тебѣ этого удовольствія въ предположеніи, что ты не достаточно отдохнулъ послѣ военныхъ трудовъ — отвѣчалъ Спиридонъ.

— А есть-ли здѣсь мѣста, изобилующія дичью?

— Всѣ Крымскіе ханы находили ее въ лѣсахъ, извѣстныхъ подъ названемъ св. Косьмы и Дамьяна.

— Отчего они названы именами этихъ святыхъ?

— Тамъ, по преданію народа, погребены эти безсребренники.

— Это не дурно было бы отслужить надъ ними молебенъ, чтобы Крымъ присоединился къ Россіи.

— За этимъ не станетъ дѣло, князь, я убѣжденъ, что митрополитъ нашъ Игнатій и представители духовенства другихъ христіанскихъ исповѣданій раньше насъ прибудутъ на святое мѣсто, чтобы исполнить твое желаніе, составляющее ихъ постоянную молитву.

— Отлично. распорядись-же, чтобы мы первое Мая провели въ лѣсу.

Подобнаго случая Каравунети давно уже искалъ съ цѣлью ускорить переселеніе христіанъ. Составивъ въ тотъ-же день новое прошеніе на имя русской царицы, онъ сейчасъ же послалъ нарочныхъ за митрополитомъ Игнатіемъ и представителями Армянскаго и Армяно-католическаго духовенства архимандритомъ Петромъ и священникомъ от. Іаковымъ. Послѣднимъ двумъ поручено было захватить съ собою все, что только они могли найти лучшаго въ своихъ городахъ для угощенія князя и для постройки палатокъ около источника Савлукъ-су (цѣлебной воды).

Десять дней спустя Григорій Александровичъ, окруженный большою свитою русскихъ офицеровъ, выѣхалъ изъ Бахчисарая въ Бешуйскій лѣсъ, изобилующій въ то время оленями, лисицами и дикими козами. Каравунети, распорядившійся заранѣе выслать къ мѣсту охоты все необходимое для полнаго кейфа дорогихъ гостей, ѣхалъ впереди всѣхъ, въ качествѣ чичероне и распорядителя.

Не смотря на довольно скорую ѣзду и увѣренность свиты прибыть въ вечеру къ святому источнику, князь

пожелалъ ночевать въ дер. Бешуяхъ, чтобы лично поговорить съ массами татаръ, собравшихся вглянуть на русскаго богатыря, ломавшаго однимъ взмахомъ сабли ихъ громадныя полчища.

На слѣдующій день Потемкинъ покоился уже въ роскошной палаткѣ, убранной мягкими коврами и бархатными подушками. Послѣ отдыха и хорошаго обѣда князь принялъ митрополита, архимандрита и священника и долго бесѣдовалъ съ ними по поводу желанія христіанъ переселиться.

— Я непремѣнно устрою это дѣло—сказалъ взаключеніе князь—вы получите все просимое содѣйствіе и возможныя льготы и приказалъ одному изъ адъютантовъ своихъ принять ихъ прошеніе.

Охота князя оказалась блистательная. Онъ своеручно убилъ двухъ оленей, лисицу и дикаго козла. Послѣ чего отслуженъ былъ надъ предполагаемымъ мѣстомъ могилы св. чудотворцевъ молебенъ и всѣ разъѣхались по домамъ.

Ровно чрезъ полтора мѣсяца просьба Грековъ, Армянъ и Армяно-католиковъ представлена была Потемкинымъ императрицѣ Екатеринѣ съ разъясненіями, какое можетъ имѣть значеніе это переселеніе для будущихъ видовъ присоединенія ханства къ Россіи.

Императрица безотлагательно изъявила согласіе на переселеніе въ теперешній маріупольскій округъ всѣхъ христіанъ Крыма подъ руководствомъ и заботливостію извѣстнаго героя Суворова, но такъ какъ оно не могло состояться безъ разрѣшенія Шагинъ-гирея, то приказывалось заплатить за нихъ всѣ недоимки и подати въ ханскую казну впередъ за нѣсколько лѣтъ съ предоставленіемъ хану сдѣлаться владѣльцемъ всѣхъ садовъ и земель, оставшихся послѣ грековъ и армянъ. Это могло соблазнить, по ея мнѣнію, всѣхъ вельможъ и гирея. Что касается переселенцевъ, то имъ обѣщано перевезти ихъ и содержать на счетъ русскаго правительства до того времени, пока они обзаведутся своими средствами. Кромѣ этого обѣщано было бѣднымъ денежное пособіе. Преосвященному Игнатію предоставлено именоваться и на будущее время митрополитомъ Кафскимъ

и Готѳійскимъ. Взаключеніе дарованы были различныя льготы и привиллегіи въ родѣ того, что всѣ они будутъ управляться своимъ судомъ, не платить въ теченіи извѣстнаго времени никакихъ государственныхъ налоговъ и податей, не отбывать воинскихъ повинностей и т. п.

Когда сообщено было Митрополиту и другимъ лицамъ, ходатайствующимъ объ этомъ дѣлѣ, христіане большинствомъ пришли въ такой восторгъ, что прозвали Спиридона Каравунети своимъ Моисеемъ и единогласно предоставили ему господство надъ собою впредь до выѣзда изъ страны, гдѣ они и предки ихъ въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ считались презрѣнными раями.

XII.

Шагинъ гирей лежалъ въ кабинетѣ своемъ въ тяжоломъ раздумьи. Чубукъ его не дымился уже нѣсколько минутъ; лице было блѣдно, губы по временамъ вздрагивали и какъ будто произносили ропотъ противъ судьбы.

Къ нему вошелъ на цыпочкахъ преданный Селямій и, скрестивъ руки на животѣ, молча ожидалъ приказаній. Ханъ раза два остановилъ на немъ взоры, но такъ машинально, что навѣрно не отличилъ отъ комнатной утвари.

— Эфендымъ, я собираюсь возвратиться, наконецъ, проговорилъ преданный старикъ.

— Ахъ, да, а я и забылъ, что тебѣ нельзя оставлять сына моего на рукахъ однихъ женщинъ. Поѣзжай же съ Богомъ, поклонись моей кормилицѣ и передай ей, что я на дняхъ заберу ее къ себѣ.

— А для Момине, султанъ, не будетъ никакихъ приказаній?

— Пожалуй передай ей, что вмѣсто 7 одалычекъ въ моемъ гаремѣ теперъ будетъ 37, которымъ ей не удастся сдѣлать такого насилія, котораго она достигла чрезъ посредство бунтовщиковъ.

— Прости ей, султанымъ, эту женскую выходку.

— Нѣтъ, Селямій, этого нельзя сдѣлать, послѣ того какъ я велѣлъ казнить исполнителей ея воли. Если она умна, то должна сама умереть, чтобы избавить могилу свою отъ оскверненія.

У старика выступили на глазахъ слезы.

— Ты плачешь, мой добрый слуга, о недостойной женщинѣ, произнесъ гирей спокойно, но еслибъ ты зналъ, сколько я пролилъ слезъ изъ за гнусныхъ людей, заставлявшихъ меня скитаться на чужбинѣ и вымаливать помощь у чужихъ. Мусульмане, которые тщеславятся состраданіемъ къ единовѣрцамъ, не пощадили даже семьи своего падишаха, жена посягнула на него, а тѣ, которыхъ вы осмѣливаетесь сравнивать съ ягаурами, будучи сами ягаурами, тѣ сжалились надо мною и съ оружіемъ въ рукахъ, не щадя жизни, возвратили мнѣ мои наслѣдственныя права и власть! Подумай же, Селямій, могу ли я послѣ этого жалѣть кого-либо изъ провинившихся? Не слѣдуетъ ли и мнѣ завести тѣхъ гигантскихъ котловъ, которые возилъ за собою Темиръ-Аксакъ и варилъ въ нихъ дерзавшихъ противиться его слову? Уѣзжай же, старикъ, поскорѣе, чтобы не заставить меня своеручно отрубить голову этой злой женщинѣ, которую я любилъ, какъ родную сестру и вѣрную подругу жизни.

Селямій вытеръ рукавомъ рубахи глаза и щеки, повернулся и тихою поступью вышелъ.

Шагинъ гирей приказалъ стоящему за дверьми слугѣ подать ему на потухшую трубку огня и снова прилегъ, опершись на руку.

Тѣмъ временемъ въ сосѣднемъ диванѣ Абдувели паша съ главнѣйшими сановниками вели совѣщанія съ муфтіемъ, кадіями, каймаканами и другаго рода чиновниками относительно массы плѣнныхъ, содержащихся въ Мангупѣ подъ стражею.

— Мой свѣтлѣйшій повелитель, говорилъ паша, до того ожесточенъ, что пересталъ вѣрить въ свое правосудіе и поручилъ мнѣ собрать васъ для рѣшенія ихъ участи въ сегодняшній день, такъ какъ содержаніе ихъ обходится не дешево для ханской казны.

— Я полагаю, отвѣчалъ муфтій, что люди эти большинствомъ вовлечены въ бунтъ тѣми несчастными, которые уже поплатились жизнію или бѣгствомъ въ Турцію. Но чтобы научить ихъ впредь не увлекаться совѣтами злодѣевъ, я совѣтовалъ бы отпустить каждому

по 100 палокъ по пяткамъ и заставить поклясться на коранѣ, что они обязуются предъ святою книгою всю жизнь молиться о прощеніи имъ этого ужаснаго грѣха.

Всѣ чиновники хранили молчаніе, изъ боязни показаться предъ повелителемъ своимъ милостивыми къ бунтовщикамъ.

— Ну, а ваше мнѣніе, эфендіи? спросилъ Абдувели, обращаясь къ остальнымъ присутствующимъ улемамъ и беямъ.

— Передай предварительно гирею постановленіе муфтія, отвѣчали они въ одинъ голосъ, и тогда мы добавимъ свое.

Абдувели отправился къ хану и сообщилъ ему о мнѣніи главы духовенства.

— По мнѣнію моему, этимъ мерзавцамъ слѣдовало бы дать по тысячи палокъ каждому, сказалъ Шагинъ гирей, но такъ какъ для этого пришлось бы утомить сотню человѣкъ, то было бы разумнѣе выгнать всю эту дрянь изъ заключенія подъ угрозою смертной казни, если они въ другой разъ чѣмъ-либо провинятся. Поручи кому-нибудь изъ наибовъ записать имена ихъ и сдѣлать строгое наставленіе въ родѣ того, что я имъ дарую жизнь изъ одного состраданія къ родителямъ и семействамъ ихъ и надѣюсь, что они сдѣлаются хорошими людьми, чтобы искупить свой грѣхъ.

Слова эти сказаны были ханомъ въ ту минуту, когда въ воображеніи его порхали ожидаемыя имъ съ каждымъ часомъ новыя красавицы изъ Курдистана для населенія гарема. Часомъ же раньше гирей предполагалъ заморить ихъ всѣхъ въ темницѣ, а важнѣйшаго бунтовщика изъ горскихъ татаръ Джеляла, изъ деревни Чанлы-Озенбашчикъ, непремѣнно повѣсить за то, что онъ домогался вооружить противъ правительства и грековъ.

Абдувели паша изумился такой снисходительности со стороны Шагинъ гирея, но въ виду того, что было уже много примѣровъ безпощаднаго наказанія, не рѣшился противорѣчить падишаху. Такая милость со стороны ожесточившагося гирея показалась членамъ дивана отраднымъ предвѣстникомъ вновь пробудившихся добрыхъ стремленій хана. Засѣданіе прекратилось постановле-

ніемъ о дарованіи свободы всѣмъ бунтовщикамъ, захваченнымъ съ оружіемъ въ рукахъ.

Къ вечеру того же дня прибылъ изъ командировки знаменитый тѣлохранитель гирея Алты-Пармакъ съ двумя отрадными заявленіями: во первыхъ, что привезенный изъ Кавказа сынъ Богатырь гирея Ачкезъ-султанъ для смѣны его, оставшись въ дуракахъ, хотѣлъ-было снова бѣжать къ Черкесамъ, но его настигли посланные Меметши мурзы Кипчатскаго и Улапова за Карасубазаромъ и побили камнями. Второе извѣстіе состояло въ томъ что онъ самъ видѣлъ 12-ть прелестнѣйшихъ дѣвушекъ, слѣдовавшихъ въ ханъ-сарай для оживленія садовъ осиротѣлаго гарема.

Истомленное сердце хана дрогнуло наконецъ отъ надежды успокоиться на всю жизнь и сдѣлаться самостоятельнымъ государемъ, но при мысли, что не сегодня, завтра отъ него уйдутъ тысячи мирно и спокойно проживающихъ въ ханствѣ грековъ и армянъ вновь болѣзненно сжало у него дыханіе.

„Я такъ привыкъ къ ихъ ласковому привѣтствію, говорилъ онъ про себя, что мнѣ вездѣ будетъ казаться пустынно. Ихъ присутствіе воздерживало татаръ отъ безобразныхъ выходокъ и у многихъ вызывало стремленіе къ предпріимчивости, торговлѣ и вообще къ измѣненію враждебныхъ наклонностей къ европейцамъ, съ которыми намъ отнынѣ придется имѣть больше интересовъ, нежели съ турками. Кто теперь будетъ у насъ заниматься винодѣліемъ, садоводствомъ и сбытомъ другихъ мѣстныхъ произведеній? Кто будетъ обогащать нашу казну иностраннымъ золотомъ и серебромъ? Ай, ай, Екатерина, ты дважды оказала мнѣ материнское участіе, но въ заключеніе подсѣкла мои крылья, чтобы я не могъ вполнѣ наслаждаться дарованными тобою благами. И что за цѣль была у тебя, повелительница полміра, смануть отъ меня дѣтей, которыя съ такимъ усердіемъ и довольствомъ жили подъ властію гиреевъ? О эти муллы и христіанскіе папазы (попы), они всегда умѣли заварить кашу, которая пагубно дѣйствовала на государственный желудокъ, а между тѣмъ какими они кажутся святошами и благотворителями! Неужели и ты, мой другъ Ка-

равунети покинешь меня? При этомъ имени ханъ почувствовалъ, что сердце его еще сильнѣе сжалось. Онъ началъ сознавать, что ничѣмъ не могъ отблагодарить этого человѣка за его неоднократныя важныя услуги.

Во время этого размышленія къ нему вошелъ казнедаръ ага съ докладомъ, что необходимо оказать какое-нибудь денежное пособіе пострадавшимъ отъ пожара во время войны, жителямъ дер. Вюкъ-Озенбашъ.

— Какимъ же это образомъ произошелъ у нихъ пожаръ, когда въ тѣхъ мѣстахъ не происходило стычекъ? спросилъ гирей.

— Я не съумѣю объяснить тебѣ въ точности дѣла, но сколько мнѣ пришлось узнать, всему виною Спиридонъ Каравунети, который подъ личиною дружбы и преданности всегда старался наносить ханству глубокія язвы.

— Селяметъ ага, мнѣ кажется, что твоя мельница сегодня вмѣсто муки начала драть крупу. Интересно было бы знать, кто видѣлъ Каравунети поджигателемъ селенія мирныхъ поселянъ?

— Этого, султанымъ, никто не видѣлъ, но всѣ знаютъ, что онъ отправилъ одинъ отрядъ Керченскихъ Албанцевъ чрезъ дер. Аутка на Озенъ-башъ, разсказалъ имъ, гдѣ обыкновенно находятся сторожевые люди этого селенія и приказалъ, изъ ненависти къ Озенбашскому муллѣ, не щадить даже поселянскихъ дѣтей. Албанцы, повинуясь его приказанію, безжалостно убили въ Аутинскомъ горномъ богазѣ (проходѣ) двухъ часовыхъ, рванулись въ село и начали жечь и поражать всѣхъ попадающихся подъ руку, а нѣкоторые забавлялись тѣмъ, что протыкали на одну пику нѣсколько малолѣтнихъ дѣтей и вдвоемъ носили по улицамъ.

— Селяметъ-ага, ты говоришь мнѣ невѣроятныя вещи.

— Я вполнѣ былъ убѣжденъ, эфендымъ, что ты не повѣришь мнѣ и поэтому привелъ съ собою двухъ свидѣтелей, которые разскажутъ тебѣ все событіе несравненно подробнѣе.

По приказанію гирея, свидѣтели были введены и объяснили, что они узнали отъ какихъ-то жителей Ичеля,

что Спирка Бенли *) оглу лично указалъ Албанцамъ дорогу на Озенъ-башъ и потребовалъ отъ нихъ уничтожить всѣхъ безъ исключенія жителей и сжечь ихъ дома.

Шагинъ гирей, воображавшій всегда, что никто не осмѣлится лгать предъ нимъ, побагровѣлъ отъ гнѣва и, приказавъ удалиться свидѣтелямъ, рѣшился послать за Каравунети нарочнаго гонца, чтобы дознаться истины; но хитрый казнедаръ ага, изъ боязни сдѣлаться ложнымъ доносчикомъ хотѣлъ добиться во чтобы ни стало осужденія человѣка, къ которому почувствовалъ отвращеніе.

— Событіе это, султанымъ, продолжалъ онъ вкрадчивымъ тономъ не такъ еще важно въ сравненіи съ тѣмъ, что этотъ человѣкъ, пользуясь твоею дружбою, въ одно и тоже время находился въ дружественныхъ отношеніяхъ съ погибшими Ширинскими беями и въ добавокъ онъ взбунтовалъ всѣхъ единовѣрцевъ своихъ къ выходу изъ Крыма. Мнѣ достовѣрно извѣстно, что, когда князь Потемкинъ поѣхалъ на охоту въ лѣса Савлукъ-су, Каравунети выписалъ туда своего митрополита и армянскихъ улемовъ, которые подали князю на имя русской царицы прошеніе. За эти поступки, которые довели и доведутъ впослѣдствіи наше ханство до гибели, тебѣ, свѣтлѣйшій ханъ, слѣдуетъ безотлагательно избавиться отъ этого ужаснаго человѣка. Авось, когда его не будетъ въ живыхъ, христіане опомнятся отъ заблужденія и снова останутся твоими преданными рабами.

Отъ всего слышаннаго у хана выпучились глаза.

— Уфъ, казнедаръ, произнесъ онъ, тяжело вздохнувъ, твой кинжалъ дошелъ мнѣ до глубины сердца и лишилъ послѣднихъ вѣрованій въ честность и дружбу людей! Несчастный Спирка, и ты, значитъ, спасалъ меня отъ смерти для того только, чтобы издѣваться впослѣдствіи надъ повелителемъ твоимъ? Нѣтъ, душа моя, я не принадлежу къ разряду царей, которые прощаютъ такіе поступки. Ты погибнешь безслѣдно, чтобы не имѣть возможности впослѣдствіи тщеславиться между единовѣрцами своими и признавать меня ослѣпленнымъ

*) Бенли означаетъ человѣка съ родинкою. Такимъ былъ отецъ Каравунети.

обманами коварной дружбы! Ханъ поднялся на ноги и потребовалъ отъ визиря своего для успокоенія совѣсти хоть одного свидѣтеля.

— Султанымъ, я представлю его сейчасъ, но съ условіемъ, чтобы никто изъ преданныхъ тебѣ лицъ не зналъ, что Каравунети подвергается опасности. Этотъ хитрый гяуръ успѣлъ расположить ихъ всѣхъ въ свою пользу до такого ослѣпленія, что они готовы будутъ отказаться отъ тебя.

Шагинъ гирей вновь повѣрилъ искренности Селямета и обѣщалъ сохранить все въ тайнѣ.

Въ качествѣ обвителя явился предъ гиреемъ Джелялъ изъ дер. Чанлы Озенбашчикъ, только что освобожденный изъ темницы государственный преступникъ, конечно, не извѣстный лично хану.

Этотъ истый бунтовщикъ клялся жизнію и святымъ кораномъ, что въ бытность свою конюхомъ у Велиши бея Ширинскаго, онъ часто видѣлъ Каравунети пріѣзжавшаго и уѣзжавшаго по ночамъ. Затѣмъ онъ вынулъ изъ кармана кусочекъ хлѣба и, приложивъ его къ глазамъ своимъ *), наговорилъ такъ много относительно переселенія единовѣрцевъ князю Потемкину въ Бешуйскомъ лѣсу, гдѣ онъ, Джелялъ, былъ въ качествѣ загонщика, что русскій бей поклялся разрушить ханство, если только гирей не выпуститъ въ Россію христіанъ.

— Чего же ради онъ домогался выхода христіанъ? спросилъ ханъ.

— Онъ жаловался, что ты и всѣ твои подданные мусульмане не дозволяютъ имъ исповѣдовать свою религію, что ихъ мучатъ, грабятъ, вѣсятъ, рубятъ и жгутъ безъ всякой вины.

Ханъ серіозно слѣдилъ за глазами разскащика и читалъ въ нихъ такую наивную истину, такую неопровержимую справедливость, что положительно повѣрилъ своему казнедару, къ которому и обратился съ слѣдующими словами, когда лжесвидѣтель былъ высланъ изъ комнаты.

---

*) Татарская манера клясться; пусть молъ этотъ хлѣбъ ослѣпитъ меня, если я солгу въ чемъ-либо.

— Да, я окончательно убѣдился теперь, что Спирка былъ во все время моимъ тайнымъ врагомъ. Каждая минута жизни этого человѣка для насъ грозитъ новымъ несчастіемъ. Намъ надобно будетъ во что бы ни стало отдѣлаться отъ него и сейчасъ же принять мѣры, чтобы воспрепятствовать выходу христіанъ. Каравунети долженъ умереть, но такъ, чтобы единовѣрцы его не могли объ этомъ узнать; если же этого не возможно сдѣлать безъ огласки, то обвинить въ смерти его двухъ, трехъ единовѣрцевъ и распустить слухи, что онъ убитъ ими за то, что домогался разорить народъ свой насильственнымъ переселеніемъ. Понялъ ли ты, для чего мнѣ нужно послѣднее? Затѣмъ скажи мнѣ, имѣешь ли ты подъ рукою надежныхъ людей, которые съумѣютъ дорожить государственною тайною?

— Я все понялъ и имѣю очень преданныхъ престолу твоему неизвѣстныхъ тебѣ лично людей.

— Въ такомъ случаѣ не теряй драгоцѣннаго времени, но смотри, чтобы люди твои не нанесли никакого вреда женѣ Спиридона, въ противномъ случаѣ и я въ свою очередь клянусь святымъ кораномъ снять съ тебя и работниковъ твоихъ головы.

Слова эти какъ громомъ поразили Казнедара, мечтавшаго уничтожить и Марину, могущую впослѣдствіи доказать невинность мужа. Но минуту спустя онъ успокоился тѣмъ, что она во первыхъ никогда не узнаетъ, кто и за что убили ея мужа и наконецъ, оставшись вдовою, не рѣшится показываться предъ ханомъ.

Недѣлю спустя послѣ этого разговора Джелялъ донесъ Селяметъ-агѣ, что тѣло Спиридона Каравунети найдено было на берегу Кафинской бухты съ запискою на шеѣ въ *мушанбѣ* *), гласящею, что онъ утопленъ греками и армянами за то, что усиливался переселить ихъ противъ желанія въ Россію.

— Какимъ образомъ тебѣ удалось это сдѣлать? спросилъ казнедаръ съ самодовольнымъ видомъ.

— Очень просто: я послѣ полуночи постучалъ къ нему въ двери, вызвалъ его на улицу, набросилъ арканъ

*) Въ вощанкѣ.

на шею и поскакалъ, что было мочи у коня. Когда онъ былъ задавленъ, я привязалъ къ нему мушанбу, написанную по словамъ моимъ въ Карасубазарѣ и бросилъ тѣло его въ заливъ.

— Чтоже повѣрилъ-ли народъ твоей запискѣ?

— Мусульмане повѣрили, но греки и армяне ужасно поражены этимъ событіемъ.

— Тебя никто не замѣтилъ, когда ты захватилъ негодяя на арканъ?

— Мнѣ кажется, что въ это время и люди, и животныя всѣ спали.

Селяметъ-ага не замедлилъ донести Шагинъ-гирею о буквальномъ исполненіи его приказанія.

Ханъ съ трепетомъ выслушалъ казнедара, въ звукѣ голоса котораго замѣтно было что-то странное, неестественное.

— Послушай, прервалъ его повелитель, точно ли ты убѣжденъ, что Спиро виноватъ или кровь его возопіетъ въ одинъ несчастный день противъ тебя и дѣтей твоихъ? Помни, мой другъ, что тотъ, кого ты убилъ, два раза спасъ мнѣ жизнь и два раза возводилъ меня на престолъ. Боже тебя сохрани, если ты извелъ моего благодѣтеля вслѣдствіе личныхъ неудовольствій!

Казнедаръ-ага началъ клясться, что всегда благоволилъ къ Каравунети, но чѣмъ больше онъ старался увѣрить въ этомъ повелителя своего, тѣмъ болѣе гирей сомнѣвался въ его искренности и чувствовалъ укоръ совѣсти.

Вновь населенныя въ гаремѣ курдистанки и черкески, хотя и оказались хорошаго выбора, но онѣ были такъ молоды, дики и неопытны, что ханъ ужасно тосковалъ въ обществѣ ихъ и не зналъ, кого бы принять въ качествѣ Ана-беи, съ которою могъ бы сказать хоть нѣсколько словъ. Онъ охотно взялъ бы снова Момине, еслибъ она не умерла отъ излишняго употребленія гашиша. Рѣшившись посовѣтоваться объ этомъ съ Абдувели-пашою, ханъ пригласилъ его поѣхать съ нимъ на охоту въ Хатана-Чешме.

— Что новаго въ городѣ? спросилъ гирей, когда они очутились внѣ Бахчисарая.

— Самая важная новость состоитъ въ томъ, что христіане всѣ до единаго собираются выѣхать. Мѣсяцъ тому назадъ изъ нихъ около половины думали остаться на одинъ годъ, но послѣ того какъ узнали объ убійствѣ честнѣйшаго Спиридона (да упокоитъ Богъ его душу!) и плутовской надписи, составленной извѣстнымъ бунтовщикомъ и убійцею Джеляломъ съ цѣлью обвинить ихъ самихъ въ убійствѣ брата своего, всѣ они получили такое отвращеніе къ намъ, что безъ терпѣнія ожидаютъ сигнала къ выѣзду.

— Но развѣ они могутъ сдѣлать это безъ нашего согласія?

— Они не станутъ дѣлать этого, пока не вступитъ въ Крымъ славный русскій полководецъ Суворовъ, которому поручила это дѣло императрица. О, какъ жаль, что мы лишились нашего добраго друга Спиридона, прибавилъ паша, онъ въ настоящее время оказалъ бы намъ важныя услуги.

— Ты кажется, другъ мой, слишкомъ довѣрялся добродѣтельнымъ улыбкамъ Каравунети, иначе не было-бы такого высокаго мнѣнія о немъ.

— Султанымъ, я зналъ самыя сокровенныя мысли этого человѣка и всегда буду готовъ поразить тѣхъ, кто сгубилъ нашего незамѣнимаго друга.

— Тебѣ не приходилось никогда говорить о немъ съ Селяметъ-агою?

— Я и не сталъ бы говорить съ нимъ, зная, что Казнедаръ-ага, желающій вовлечь его въ какое-то безчестное дѣло, получилъ вмѣсто согласія двѣ пощечины.

— Такъ значитъ Казнедаръ питалъ къ нему вражду?

— Онъ долгое время, въ небытность твою въ Крыму, подговаривалъ многихъ, чтобы убить его, но даже враги наши не согласились принять такого позорнаго обязательства.

Шагинъ-гирей остановилъ коня своего и послѣ минутнаго волненія разсказалъ другу своему, какимъ образомъ Селяметъ-ага обвинилъ предъ нимъ Спиридона и вызвалъ его согласіе на смерть этого человѣка.

Абдувели паша прослезился. Смотря на его искреннія слезы, гирей поблѣднѣлъ и почувствовалъ себя на-

столько слабымъ и убитымъ скорбью, что отказался отъ дальнѣйшей поѣздки на охоту.

— Алла, Алла, твердилъ онъ, какой я несчастный человѣкъ, я самъ убиваю своихъ благодѣтелей. О, проклятый Селяметъ! я сотру тебя съ лица земли за гнусный обманъ, я живымъ прикажу похоронить тебя около могилы благодѣтеля моего!

— Нѣтъ, султанымъ, ты не долженъ этого сдѣлать. Представься, что ничего не знаешь, и удали отъ себя этого злодѣя. Бѣднаго Каравунети мы не можемъ новымъ убійствомъ возвратить и христіане выступятъ всѣ до единаго. Все, чѣмъ ты можешь загладить свою вину, это окажи пособіе женѣ невинно убитаго друга нашего, если она находится въ нуждѣ и обижена кѣмъ-либо.

— И въ самомъ дѣлѣ! спасибо, что ты напомнилъ мнѣ про эту несчастную. У хана какъ бы отлегла половина тяжести отъ сердца и въ памяти его начала рисоваться прекрасная молодая женщина съ соблазнительными формами, свѣжая, румяная, веселая и разумная.

По возвращеніи въ дворецъ Шагинъ-гирей командировалъ въ Кафу Зекирью съ приказаніемъ доставить къ нему вдову покойнаго Спиридона.

— Передай ей, говорилъ ханъ, что я имѣю искреннее желаніе чѣмъ-либо вознаградить ее за важныя услуги мужа и душевно желаю взглянуть на нее, чтобы вспомнить то блаженное время, когда пользовался ея гостепріимствомъ.

Зекирья отправленъ былъ въ закрытомъ экипажѣ на четверкѣ лошадей. Одновременно съ выѣздомъ его прибылъ въ ханъ-сарай генералъ Суворовъ и принятъ былъ гиреемъ съ стѣсненнымъ сердцемъ. Хану уже извѣстно было, зачѣмъ онъ былъ посланъ. Съ этого дня диванъ почти ежедневно открывался для совѣщаній, доставлялись свѣдѣнія изъ различныхъ городовъ и деревней о числѣ христіанъ, желающихъ переселиться, о долгахъ ихъ частнымъ лицамъ, казнѣ и т. п. затѣмъ составлялись общіе итоги, выплачивались деньги и получались фирманы на свободный выѣздъ. Всѣ сокрушались, но никто не осмѣливался ни тормозить дѣла, ни возражать рус-

скому уполномоченному, настаивающему на быстротѣ исполненія порученія императрицы.

Тѣмъ временемъ прибыла въ Бахчисарай съ старымъ отцомъ Марина. Шагинъ-гирей объявилъ, что онъ предварительно желаетъ видѣть только ее одну.

Молодая гречанка, спрятавъ въ карманъ складной ножъ, смѣло направилась за Зекирьею и очутилась въ одномъ изъ павильоновъ гаремнаго сада, гдѣ сидѣлъ гирей съ опущенною головою. Приблизившись къ софѣ, она съ громкимъ рыданіемъ бросилась къ его рукѣ, которую, прижавъ къ губамъ, начала обливать слезами.

— Ради самого Аллаха успокойся, сказалъ ханъ, усиливаясь воздержаться отъ слезъ, ты знаешь, какъ я любилъ твоего мужа и какъ уважалъ тебя. Вы были для меня братомъ и сестрою... у гирея дрожалъ голосъ.

— Знаю, знаю, ты насъ любилъ; но враги наши позавидовали и оклеветали предъ тобою несчастнаго Спиро. А онъ, бѣдняга за два часа до смерти только и просилъ Бога о твоемъ благополучіи и скорѣйшемъ переселеніи въ Кафу поближе къ русскимъ.

— Неужели тебѣ сказали, что я повиненъ въ убійствѣ твоего мужа?

— По крайней мѣрѣ всѣ за исключеніемъ меня одной, говорятъ объ этомъ.

— Марина, гласъ народа, говорилъ твой мужъ, есть гласъ Бога. Люди справедливо осуждаютъ меня, хотя, можетъ быть, и не знаютъ, что я былъ обманутъ моимъ министромъ и лжесвидѣтелями, которые на святой книгѣ обвиняли покойнаго друга моего въ государственныхъ преступленіяхъ.

— О, покажи мнѣ поскорѣе, ханъ, того негодяя, который осмѣлился порочить чистѣйшаго и преданнѣйшаго слугу твоего: я сама вырву ему языкъ!

Ханъ приказалъ привести немедленно Казнедаръ-агу.

— Вотъ тотъ, кто убилъ мужа твоего, произнесъ ханъ мрачнымъ голосомъ, указывая на Селямета. Ты властна требовать отъ меня поступить съ нимъ такъ точно, какъ и онъ поступилъ съ Спиридономъ.

Марина побагровѣла и глаза ея приняли страшный блескъ. Съ минуту она стояла неподвижно, но вдругъ

въ рукѣ ея блеснулъ ножъ и она рванулась какъ тигрица къ остолбенѣвшему визирю. Селяметъ съ крикомъ Алла! уклонился отъ удара. Марина ударилась лбомъ о желѣзный крючекъ и упала безъ чувствъ.

Шагинъ-гирей, удаливъ изъ дворца Селямета-агу съ приказаніемъ никогда не являться къ нему на глаза, велѣлъ перенести больную къ отцу и созвать всѣхъ муллъ, знахарей и медиковъ для оказанія несчастной всевозможной помощи. Къ удовольствію его, больная скоро очнулась и пришла съ отцомъ своимъ, чтобы проститься навсегда съ ханомъ.

Гирей вышелъ къ ней на встрѣчу съ влажными глазами и блѣднымъ лицомъ и первыя его слова были:

— Марина, требуй отъ меня все, что твоей душѣ угодно и что я въ состояніи дать для блага твоего. Хочешь ли ты быть моею первою женою, я съ радостью приму тебя въ мои объятія; желаешь ли быть моею сестрою, клянусь тебѣ Богомъ, что я буду тебя уважать какъ единокровную; хочешь ли денегъ, возьми половину того, что я имѣю, но ради Бога прости мнѣ мою вину и не кляни меня безвинно!

— Я не затѣмъ пріѣхала, Шагинъ-гирей, чтобы искать твоихъ милостей, но чтобы оправдать преждевременно погибшаго Спиро и узнать нашего общаго врага. Спасибо тебѣ за ласковыя слова и повторяю предъ отъѣздомъ моимъ изъ Крыма навсегда тѣ самыя пожеланія, которыя лились изъ устъ мужа моего предъ смертью. Марина вновь припала къ рукѣ падишаха съ слезами и быстрыми шагами удалилась изъ ханъ-сарая. Гирей вслѣдъ за ними послалъ съ Зекирьею большую шкатулку съ золотыми и серебряными вещами, деньгами и дорогою шалью съ просьбою, чтобы Марина сохранила эти ничтожные подарки на память о тѣхъ дняхъ, когда она угощала его своимъ знаменитымъ завтракомъ.

Молодая вдова увезена была обратно въ Кафу въ томъ же экипажѣ, въ которомъ была привезена.

Время приближалось къ осени. По всѣмъ городамъ Тавриды христіане ужасно суетились. Одни шили зимнія платья, другіе закупали войлоки, овчины, третьи чинили одѣяла. Въ одномъ домѣ прыгали и радовались дѣти,

что имъ предстоитъ поѣздка въ отдаленныя мѣста; въ другомъ плакали родители, единственная дочь которыхъ вышла замужъ за татарина; въ третьмъ устраивались арбы съ непромокаемыми верхами; дальше играла музыка и пили молодые люди на прощанье крѣпкую водку, муселезъ и бузу; еще дальше праздновали сватьбу, чтобы не хлопотать на новомъ хозяйствѣ и тутъ же, въ сосѣдствѣ, хоронили старика, недожившаго до радостнаго дня свободы. У всѣхъ же, безъ исключенія, вся дорожная провизія давно уже была готова и ожидались гонцы, чтобы тронуться въ путь.

Въ Бахчисараѣ, куда переѣхалъ уже митрополитъ Игнатій, оставивъ келью свою на произволъ судьбы, не только всѣ греческіе дома, дворы и кофейни были биткомъ набиты выступившими изъ горныхъ деревень обитателями, но даже и улицы запружены были подводами, приспособленными къ ночлегу.

Не смотря на всю эту безурядицу и стѣсненное положеніе, правительство хана медлило окончательными разсчетами и грубо обращалось съ митрополитомъ и іерусалимскими монахами, бывшими въ это время въ Крыму и содѣйствующими единовѣрцамъ. Къ счастію, вновь пріѣхалъ Суворовъ и потребовалъ окончить дѣло въ 24 часа подъ угрозою, что послѣ этого срока христіане тронутся въ путь и казна хана не скоро получитъ обѣщанныхъ императрицею податей за выходцевъ. Угроза эта подѣйствовала только тогда, когда посланы были гонцы во всѣ почти города, чтобы выѣздъ начался, и когда всѣ, находящіеся въ Бахчисараѣ, выѣхали за городъ.

Получивъ всѣ деньги, слѣдуемыя правительству, новый казнедаръ ага доложилъ Шагинъ гирею, что разсчеты покончены.

— Передай христіанамъ, отвѣчалъ ханъ—что я завтра утромъ самъ выѣду къ нимъ для пожеланія счастливаго пути. Пусть они подождутъ меня.

На слѣдующій день гирей, окруженный толпами народа, вельможъ и каракалпаковъ, составлявшихъ въ послѣднее время его гвардію, явился къ христіанамъ и началъ громко выражать свое сожалѣніе, что они поки-

даютъ его земли, потомъ онъ благодарилъ ихъ за безупречное поведеніе во все время бунтовъ въ ханствѣ, пожелалъ ихъ благополучно доѣхать, быть счастливыми и безъ боязни посѣщать Крымъ. Въ заключеніе онъ запѣлъ извѣстную пѣснь: *гидерсеенъ огрунъ олсунъ!...* *), поднялъ руку ко лбу и поскакалъ обратно въ ханъ-сарай.

Вслѣдъ затѣмъ загремѣла музыка, послышались рыданія и скрипъ мажаръ. Два часа спустя въ Бахчисарайскомъ ущельи, въ христіанскомъ кварталѣ царствовала невозмутимая тишина, изрѣдка прерываемая воемъ случайно оставшихся собакъ.

Заключеніе.

Всѣхъ вышедшихъ изъ Крыма христіанъ было до 30 тысячъ человѣкъ, но по оффиціальнымъ извѣстіямъ число ихъ должно было доходить до 50 т. Когда доложили хану, что въ странѣ его осталось еще около 20 т., онъ приказалъ одарить всѣхъ тѣхъ мусульманъ, которые съумѣли воздержать ихъ отъ ухода, и поинтересовался узнать, какимъ образомъ этого достигли. Оказалось что большая часть оставшихся рѣшились принять мусульманскую религію изъ боязни не ужиться въ степяхъ. Таковыми явились поселяне деревень Капсихора, Искута, Туака. Куру-Озена, Ламбата, Варнутки, Мускомьи и нѣкоторыхъ городовъ.

Вскорѣ послѣ выхода христіанъ Шагинъ гирей сократилъ намного придворный штатъ свой и возвратилъ домой преданныхъ ему тѣлохранителей, за исключеніемъ одного только Зекирьи, Селямій и кормилица хана умерли. Въ гаремѣ заведенъ былъ строгій порядокъ и своего рода дисциплина. Придворная стража обязана была наряжаться въ европейскіе мундиры и оказывать почтеніе старшимъ; всѣ улемы неуклонно исполнять свои обязанности и не допускать въ приходахъ своихъ пьянства и излишнихъ шалостей.

За всякій набѣгъ на русскую территорію приказано подвергать всѣхъ виновныхъ смертной казни. Послѣднее

*) Вы ѣдете, да будетъ вашъ путь счастливъ!

распоряженіе ужасно не понравилось мурзамъ и вообще отважнымъ головорѣзамъ, помнившимъ счастливые дни набѣговъ на Россію и другія сосѣдственныя земли. Но всего непріятнѣе подѣйствовало на народъ то, что гирей отдалъ на откупъ государственные доходы и, предоставивъ откупщикамъ вредную монополію, стѣснилъ народонаселеніе до крайности. Ропотъ начался повсемѣстный и даже многіе изъ друзей хана начали изумляться его упорному равнодушію къ благосостоянію подданныхъ. Улемы вновь начали списываться съ турками, въ каррикатурныхъ видахъ рисовать хана, заразившагося духомъ гяуровъ и клонившаго единовѣрцевъ къ утратѣ поставленій ислама. Султанъ началъ сочувствовать ихъ горестному положенію и обѣщалъ защиту и помощь, если дѣло дойдетъ до серіозной степени. Когда извѣщены были о такой милости великаго калифа Крымскіе татаре, они начали помышлять о бунтѣ. но съ тѣмъ, чтобы начать его издали между ногайцами и кубанцами, заручиться турецкою помощью и по изгнаніи русскихъ изъ Керчи и Ени-кале, немедленно взяться всѣмъ за оружіе и освободить себя отъ дальнѣйшаго господства Шагинъ гирея. Для достиженія этихъ намѣреній вызваны были на тайныя совѣщанія знаменитый убійца Джелялъ изъ Чанлы Озенъ-башчика и въ числѣ другихъ Мустафа Алты-Пармакъ, выражавшій громко свое неудовольствіе противъ хана за исключеніе его изъ придворнаго вѣдомства. Первый съ восторгомъ принялъ обязанность стать въ главѣ бунтовщиковъ, но послѣдній отвѣчалъ:

— Я много лѣтъ питался хлѣбомъ этого хана и скорѣе умру съ голода, чѣмъ рѣшусь отплатить ему зломъ за лишенія меня милостей.

Отвѣтъ этотъ привелъ въ ужасъ заговорщиковъ и въ предположеніи, что Мустафа выдастъ ихъ тайну безпощадному гирею, имъ приходилось по необходимости отдѣлаться отъ этого богатыря; но какимъ образомъ достигнуть осужденія его? Злые люди сами рѣшились донести хану, что озлобленный Алты-Пармакъ подговариваетъ народъ къ возстанію. Шагинъ гирей возмутился и приказалъ провѣрить доносъ одному изъ приближенныхъ мурзъ. Въ свидѣтели попали тѣ люди, ко-

торымъ нужна была смерть честнаго человѣка и несчастный Алты-Пармакъ признанъ былъ виновнымъ въ принятіи на себя обязанности лично убить хана, нѣкогда бывшаго ему благодѣтелемъ. Шагинъ гирей приказалъ немедленно схватить его и повѣсить.

Преданіе говоритъ *), что Мустафа въ это время находился въ бузпѣ и былъ немного пьянъ. Когда подступили къ нему и объявили, что онъ долженъ умереть по приказанію гирея, Алты-Пармакъ обнялъ палача и сказалъ, что онъ всегда радъ умереть за любимаго повелителя и считаетъ себя самымъ несчастнымъ съ той минуты, какъ пересталъ видѣть гирея. Сказавъ это, онъ заплакалъ и безсознательно послѣдовалъ за стражею, въ надеждѣ, что его снова возвратятъ во дворъ ханъ-сарая. Только у висѣлицы, когда на шею его надѣта была петля, онъ ужаснулся и крикнулъ пріятелю своему Зекирьѣ, что его хотятъ свести со свѣта злодѣи хана за рабскую преданность господину, выгнавшему изъ пустаго разсчета за дворцовыя ворота. „Поклонись-же отъ меня Шагинъ гирею и скажи, что жизнь моя быть можетъ скоро и очень скоро понадобилась бы ему...“ Ему не дали договорить и оттолкнули скамью изъ подъ ногъ. Въ туже минуту веревка оборвалась и богатырь рухнулся на землю. Злодѣи связали канатъ и вторично подняли его на воздухъ, но и второй и третій разы веревка обрывалась. Тогда Зекирья объявилъ, что онъ не позволитъ болѣе издѣваться надъ собратомъ своимъ, пока не доложатъ хану о трехкратномъ благоволеніи пророка къ осужденному.

— Повѣсьте негодяя на ремнѣ, вскрикнулъ ханъ, когда ему доложили объ этомъ событіи—если же и ремень не выпесетъ, то на желѣзной цѣпи!

Но на этотъ разъ тѣло удержалось на той-же веревкѣ.

Такимъ образомъ погибъ еще одинъ важнѣйшій и надежнѣйшій слуга гирея. Смерть его ужаснула всѣхъ, кто зналъ Алты-Пармака, и съ этого дня никто уже не

---

*) Мнѣ же пришлось слышать это отъ роднаго внука ханскаго тѣлохранителя Зекирьи, озенбашскаго татарина Муратчи.

могъ питать къ неблагодарному хану ни малѣйшаго расположенія.

Недѣли двѣ спустя Шагинъ гирей вторично узналъ отъ Абдувели паши и многихъ другихъ, что Алты-Пармакъ погибъ совершенно невиннымъ и не мечтавшимъ ни о чемъ, болѣе какъ снова быть его рабомъ. Не довѣряя друзьямъ, онъ призвалъ всѣхъ присутствующихъ при послѣднихъ минутахъ жизни Мустафы, чтобы своими ушами выслушать его предсмертныя слова.

Всѣ единогласно свидѣтельствовали, что бывшій тѣлохранитель его умеръ полный благоговенія и преданности къ нему, не будучи ни въ чемъ виновнымъ.

Свидѣтельство это такъ убѣдительно повліяло на воспріимчивую душу хана, что онъ нѣсколько дней находился въ лихорадочномъ бреду, а впослѣдствіи сознавался нѣкоторымъ изъ приближенныхъ, что никакъ не можетъ избавиться отъ образа умиравшаго Алты-Пармака, хотя и проситъ безпрестанно Аллаха о прощеніи ему этого грѣха.

Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ, въ теченіи которыхъ неоднократно доходили до Шагинъ гирея слухи о насиліяхъ и шалостяхъ русскихъ войскъ въ окрестныхъ деревняхъ, Керчи и Ени-кале. Мурзы и беи, не видя охоты со стороны властителя заступиться за нихъ, начали обращаться къ Турецкому правительству и совѣтовать ему употребить всѣ усилія смѣнить ненавистнаго хана, который истребилъ безсчетное число лучшихъ представителей ислама и грозитъ гибелью остальнымъ жителямъ ханства, допуская гяурамъ хозяйничать и оббирать правовѣрныхъ. Турецкіе визири на этотъ разъ послали эмиссаровъ къ Буджакскимъ и Кызлы-ярскимъ нойгайцамъ, чтобы взволновать ихъ. Не ограничиваясь и этимъ, бунтовщики направлены были и къ Кубанскимъ татарамъ съ обѣщаніями, что турецкія войска въ непродолжительномъ времени высадятся въ Тамани, откуда и бросятся на русскихъ, чтобы изгнать ихъ изъ Керченскаго пролива. Обо всемъ этомъ до гирея доходили такіе смутные и противорѣчивые слухи, что онъ не придавалъ имъ никакого вѣроятія.

Тѣмъ временемъ въ Бахчисарай вновь прибылъ въ

качествѣ резидента Петръ Гавриловичъ Вселитскій. Шагинъ гирей чрезвычайно обрадовался пріѣзду его, полагая, что отнынѣ могущество его никѣмъ и ничѣмъ не можетъ быть нарушено.

„Теперь я смѣло могу приступить къ формированію регулярныхъ полковъ, думалъ ханъ. Теперь при содѣйствіи этого человѣка я могу имѣть нѣсколько русскихъ опытныхъ офицеровъ, которые введутъ и у меня всѣ правила и необходимую дисциплину.“

Мечту свою Шагинъ гирей не надолго оставилъ въ области фантазій, а началъ постепенно приводить въ исполненіе. Пока не пріѣзжали русскіе офицеры и ученіе обходилось безъ наказаній, молодежь еще кое-какъ занималась требованіями повелителя, но лишь только явились на сцену розги, все пріуныло и приняло возмутительное направленіе. Джигиты вздрогнули, отцы и матери возмутились а духовенство завопило.

Таково было настроеніе Крымскихъ татаръ, когда Шагинъ гирей получилъ свѣдѣніе, что ногайцы вторично взбунтовались и не желаютъ признавать его своимъ повелителемъ.

— Я очень мало интересуюсь ихъ волею, отвѣчалъ гирей надменнымъ тономъ — и заставлю ихъ ногайками чтить мою власть. Передайте имъ, что если въ теченіи недѣли они не успокоятся, то русскія войска вступятъ въ ихъ степи и вышлютъ ко мнѣ главнѣйшихъ зачинщиковъ бунта.

Вслѣдъ затѣмъ сообщено было гирею Вселитскимъ, что турецкія войска направляются къ Тамани и что всѣ Кубанскіе татаре также взбунтовались.

— Это не касается до моихъ владѣній, отвѣчалъ гирей и поѣхалъ на большое ученіе, назначенное за городомъ, чтобы полюбоваться успѣхами перваго сформированнаго имъ полка.

На *талимы* (ученіе) первыхъ низамовъ вышло чуть-ли не большинство бахчисарайскихъ жителей, въ числѣ которыхъ находился на отлично убранномъ конѣ отважный Джелялъ, окруженный многими друзьями своими.

По прибытіи хана ученіе началось сейчасъ же и забавляло народъ до того времени, пока одинъ изъ рус-

скихъ офицеровъ въ излишнемъ усердіи не вырвалъ у одного изъ подчиненныхъ ружья и началъ прикладомъ бить по спинѣ, не одновременно сдѣлавшаго какой-то пріемъ, солдатика. Этотъ поступокъ гяура въ присутствіи калифа, оскорбилъ всѣхъ присутствующихъ мусульманъ.

Джелялъ, понявъ, что наступилъ самый лучшій моментъ для бунта, быстро подлетѣлъ къ дерзкому офицеру и, ударивъ его плетью, закричалъ къ низамамъ:

— И вы допускаете, чтобы этотъ собачій сынъ издѣвался надъ правовѣрными въ присутствіи нашемъ? Вонъ изъ Крыма всѣхъ гяуровъ! Вонъ душегубца хана! Кто вѣритъ въ Аллаха и пророка, идите за мною и мы заставимъ узнать свою силу и права!

Абдувели паша шепнулъ хану, чтобы онъ какъ можно скорѣе возвратился во дворецъ и принялъ надлежащія мѣры, пока ему удастся арестовать дерзкаго человѣка.

Ханъ ускакалъ, а паша выдвинулся впередъ.

Но въ это время сотни голосовъ уже отозвались на рѣчь Джеляла и крѣпко держали ружье, чтобы послѣдовать за тѣмъ, кто приметъ надъ ними команду.

— А вотъ кстати и командиръ! закричалъ Джелялъ, указывая на Абдувели пашу—заставьте его, друзья, подчиниться вашей силѣ.

— Ты прикажи ему это! отозвались всѣ низамы.

— Мнѣ никто не смѣетъ приказывать кромѣ хана— отвѣтилъ паша, но всѣ обязаны повиноваться. Стой смирно! во фронтъ! — скомандовалъ онъ звучнымъ голосомъ.

Молодежь струсила и готова была повиноваться, но въ этотъ моментъ Джелялъ подскочилъ къ нему и выстрѣломъ изъ пистолета сбросилъ тѣло его съ испуганнаго коня.

Этого подвига было достаточно, чтобы народъ почувствовалъ въ себѣ силу и гаркнулъ: „вонъ злодѣя хана изъ Бахчисарая! крики эти чрезъ часъ раздались по всѣмъ улицамъ столицы и заставляли гирея ежеминутно ожидать нападенія на дворецъ.

Резидентъ нашъ въ туже миниту направилъ въ Ени-

кале двухъ курьеровъ различными дорогами въ полномъ убѣжденіи, что мы не откажемъ отъ вліянія нашего на дѣла ханства и поспѣшимъ высылкою войскъ.

Въ это время бунтъ между Ногайцами грозилъ принять серіозное направленіе, а турки заняли Тамань и собирались переправиться въ Крымъ.

Князь Потемкинъ, во время извѣщенный о всѣхъ этихъ событіяхъ, немедленно распорядился оттѣснить турковъ за Кубань, Суворова направилъ усмирить Ногайцевъ, а графу де-Бальменъ приказалъ вступить внутрь Крыма для возстановленія спокойствія. Послѣднему дано было тайное порученіе не вступать въ битву съ бунтовщиками, а ограничиваться легкими мѣрами наблюдателя. Князь отлично придвидѣлъ, противъ чего и противъ кого могъ бунтоваться татарскій народъ и утѣшался идеею, что легко дѣло можетъ принять поводъ къ присоединенію Крыма, если парализированы будутъ планы зачинщиковъ и личныхъ враговъ гирея. И дѣйствительно, какъ только наши войска прошли церемоніальнымъ маршемъ Бахчисарай и расположились лагерями отъ Качи до Ахтіарской (Севастопольской) бухты, бунтовщики опомнились и отказались отъ всякихъ насилій, но съ тѣмъ, чтобы Шагинъ-гирей выѣхалъ навсегда изъ Крыма.

„Мы предпочтемъ умереть подъ кнутомъ русскихъ, нежели повиноваться Шагину—кричалъ народъ. Горе злодѣю, если онъ осмѣлится вторично доискиваться власти! Вонъ изъ ханъ-сарая богоотступника—кричали вновь подходящіе—или мы вынуждены будемъ предать его огню, чтобы избавиться отъ вѣшателя и душегубца!

Всѣ эти возмутительные крики доходили до ушей хана, но онъ не переставалъ надѣяться на русскія войска и ласкалъ себя надеждою, что не сегодня, завтра злодѣи поплатятся жизнью за смѣлость свою. Но дни проходили; визири и аги начали покидать его. Только одинъ Зекирья безстрашно охранялъ заложенныя ворота и дѣлилъ грусть съ повелителемъ, утратившимъ власть.

— На что мнѣ рѣшиться, Зекирья? спросилъ однажды ханъ у вѣрнаго слуги.

— Тебѣ ничего не остается болѣе, султанымъ, какъ спасти свою жизнь бѣгствомъ. Наши злодѣи навѣрно

не смирятся, пока ты будешь въ Бахчисараѣ. А русскимъ, повидимому, надоѣло вмѣшиваться въ наши семейныя дѣла. Мнѣ вчера еще говорили, что суда ихъ пришли въ Кады-лиманскій заливъ съ цѣлью не допустить появленія турковъ. Это ясно свидѣтельствуетъ, что князь Потемкинъ при всей личной расположенности къ тебѣ не желаетъ идти наперекоръ всему народонаселенію.

Шагинъ гирей какъ уязвленный вскочилъ съ мѣста.

— Зекирья—сказалъ онъ, подумавши немного—не можешь ли ты найти мнѣ вѣрнаго человѣка для доставленія письма къ Потемкину или пріятелю моему Самойлову? Я хочу испросить ихъ совѣта, на что рѣшиться.

— Султанымъ, мнѣ кажется, это ни къ чему не послужитъ, потому что враги наши навѣрно оклеветали тебя предъ этими людьми. Не лучше ли тебѣ просить ихъ о вывозѣ всего твоего имущества въ безопасное мѣсто, чтобы показать имъ видъ уступчивости, а затѣмъ, когда у тебя ничего не останется здѣсь дорогаго, уйти въ горы и попробовать тамъ составить себѣ отрядъ преданныхъ людей. Мнѣ кажется, что всѣ жители, начиная отъ Алупты до Судака вооружатся за тебя. Ты ни одному изъ нихъ не сдѣлалъ зла. Кто знаетъ, быть можетъ, при такомъ началѣ дѣло приметъ другое направленіе и ты снова вступишь въ столицу полнымъ господиномъ. У меня отъ думъ голова хотя и превратилась въ тыкву, но не настолько еще съежилась, чтобы забыть пословицу, что въ береженный глазъ скорѣе попадаетъ соръ, чѣмъ въ тотъ, который смѣло моргаетъ вѣками. Я готовъ отыскать гонца, если ты рѣшишься на хитрость.

Гирей потеръ лобъ и убѣдился, что слуга предлагаетъ ему единственное средство вырваться изъ безвыходнаго положенія. Въ тотъ же вечеръ ханъ написалъ письмо къ русскому главнокомандующему, который десять дней спустя прислалъ въ его распоряженіе обозы и небольшой отрядъ солдатъ для перевозки въ Керчь всего его имущества.

Князь Потемкинъ въ это время уже успѣлъ переговорить со всѣми почти представителями сословій отно-

сительно присоединенія Крыма, которые увѣрили его, что они изъявятъ на это согласіе только тогда, когда Шагинъ-гирей не будетъ ихъ повелителемъ *).

Прежде всего гирей распорядился отправить сына своего со всѣми женами въ Константинополь подъ главнымъ надзоромъ отца Зекирьи, затѣмъ приступлено было къ укладыванію не только драгоцѣнностей въ золотѣ и серебрѣ, но и второстепенныхъ даже по стоимости матерій, ковровъ, занавѣсовъ, чехловъ отъ софъ, подушекъ и т. п.

Татаре съ возмущеніемъ слѣдили за отходящими возами, утѣшаясь, что взаключеніе успокоятся; но возы давнымъ-давно достигли до Керчи, а хансарайскія ворота по прежнему оставались плотно закрытыми. Какъ вдругъ въ Бахчисарай прибылъ Джелялъ съ извѣстіемъ, что Шагинъ гирей въ горахъ, сосѣдственныхъ эски-Крыму, образовалъ изъ преданныхъ ему татаръ сильный отрядъ и, предавая смерти ненавистныхъ ему лицъ, приготовляется внезапно напасть на Бахчисарай и подвергнуть всѣхъ жителей его безпощадной пыткѣ и казни, а всѣ постройки предать огню.

Народъ сначала не повѣрилъ этому заявленію, но не сомнѣвался болѣе въ справедливости, когда въ ханъ-сараѣ не оказалось ни единаго человѣка.

— Сдадимся лучше русскимъ — кричалъ Джелялъ, чѣмъ долже мучиться съ злодѣемъ, отъ котораго нѣтъ возможности избавиться.

— Сдадимся, сдадимся! отвѣтили сотни голосовъ. Наши единовѣрцы очень счастливо живутъ въ Казанскомъ ханствѣ подъ властью русскихъ.

Народъ потребовалъ въ хансарайскій дворъ важнѣйшихъ мурзъ, беевъ и аговъ и вновь прибывшихъ въ городъ Богатырь-гирей султана и Арсланъ-гирей султана **), которымъ поручилъ избрать изъ среды своей болѣе разумныхъ для окончательныхъ переговоровъ съ

---

*) Въ донесеніи же кн. Потемкина отъ 1-го іюня 1783 года сказано, „что мы тогда повѣримъ низложенію ханства, когда не будетъ въ немъ хана.“

**) Впослѣдствіи эти гиреи, по приказу кн. Потемкина, были одѣты прилично происхожденію своему и получали на содержаніе свое по 30 рублей въ сутки. См. II т. записк. Одес. Общ. исторіи и древностей.

русскими объ упраздненіи ханскаго престола и присоединеніи ихъ къ числу подданныхъ Россіи на выгодныхъ основаніяхъ,

Избрано было 12-ть человѣкъ уполномоченныхъ, которые на другой же день отправились къ кн. Потемкину и безъ всякихъ трудовъ и недоразумѣній порѣшили навсегда участь самостоятельности ханства и потомковъ Узбека.

— Теперь вы возвратитесь по домамъ вашимъ—объявилъ депутатамъ нашъ главнокомандующій и будьте увѣрены, что Шагинъ гирей не двинется съ мѣста до того времени, пока его не привезутъ въ Россію въ качествѣ плѣнника, утратившаго навсегда права на упраздненный престолъ. Я отдамъ приказъ занять Бахчисарай, Ахмечетъ, Гезлевъ и Карасубазаръ моими солдатами, чтобы не допустить ни малѣйшихъ безпорядковъ и вамъ совѣтую не предпринимать ничего противъ Шагинъ гирея.

Когда депутаты уѣхали, князь призвалъ къ себѣ генерала Ингельстрома и, объявивъ ему, что онъ выѣзжаетъ на короткое время въ Петербургъ, приказалъ употребить всевозможныя хитрости, чтобы захватить Шагинъ гирея безъ перестрѣлки и содержать его въ Керчи съ друзьями подъ надзоромъ впредь до особеннаго распоряженія.

Генералъ этотъ недолго церемонился съ ханомъ и покончилъ тѣмъ, что, вызвавъ его на дружественную переписку, прибылъ къ нему въ гости съ сильнымъ отрядомъ войска, а взаключеніе предложилъ сдаться и слѣдовать за нимъ *) въ главную квартиру.

— Неужели русская царица, моя благодѣтельница, поручила тебѣ такъ поступить со мною? спросилъ удивленный гирей.

— Ей давнымъ-давно надоѣли ваши неурядицы и кровопролитія—отвѣчалъ генералъ. Татаре торжественно объявили, что отрекаются отъ тебя и не желаютъ болѣе подчиняться ханамъ. Если же я забираю тебя, то

---

*) См. подробности этого обмана въ этнографическомъ отдѣлѣ.

дѣлаю это изъ любви къ тебѣ государыни, не желавшей видѣть тебя растерзаннымъ твоимъ же народомъ.

— А я, глупецъ, до сегодняшняго дня надѣялся на помощь императрицы! произнесъ гирей съ лукавою улыбкою.

Шагинъ гирей безусловно повиновался участи своей. Многіе изъ окружавшихъ его лицъ послѣдовали за нимъ, въ качествѣ служителей. Въ Керчи онъ находился очень недолго и со всѣмъ имуществомъ отправленъ, былъ въ Херсонъ, а оттуда въ Воронежъ. Гирей мечталъ видѣться съ Императрицею, въ надеждѣ вновь царствовать въ Крыму, но когда ему привезено было въ единовременно пособіе 300 т. руб. и обѣщено было всегдашнее покровительство царицы, ханъ отбросилъ деньги и, упавъ на софу, зарыдалъ какъ изгнанникъ изъ родительскаго дома.

— Объявите царицѣ вашей, что я не хочу оставаться въ ея владѣніяхъ и предпочитаю умереть въ враждебной мнѣ Турціи—сказалъ, вдругъ подымаясь и выпрямливаясь предъ посланнымъ, Шагинъ гирей. Слышишь, ни одной минуты не хочу оставаться въ землѣ вѣроломныхъ людей!

Императрица, извѣщенная объ этомъ, повелѣла не препятствовать ему исполнить свои желанія и гирей съ тысячами проклятій выѣхалъ въ Стамбулъ, но зная заранѣе, какая участь его ожидала въ этомъ городѣ, онъ поспѣшилъ убраться въ Бруссу, гдѣ поселились его жены и гдѣ онъ надѣялся встрѣтить многихъ Крымскихъ татаръ, могущихъ въ крайности заступиться за него.

Султану очень не понравилось такое безцеремонное поведеніе богоотступника и предателя Крыма и онъ пообѣщалъ награду тому, кто убьетъ его, какъ врага ислама. Шагинъ-гирей, узнавъ объ этомъ, собирался переѣхать въ Египетъ, но однажды, вышедъ на балконъ, онъ упалъ отъ пули давно слѣдившаго за нимъ Янычара.

Рана оказалась смертельной. Всѣ татаре явились къ умирающему, чтобы утѣшить его обѣщаніемъ воздвигнуть надъ могилою его роскошный турбэ *).

---

*) Татаре говорятъ, что Султанъ запретилъ не только ставить этотъ памятникъ, но даже не дозволилъ имъ посѣщать его могилу.

При этихъ словахъ ханъ открылъ глаза и тихо отвѣчалъ:

— Я былъ бы счастливъ, еслибъ вы перенесли мой прахъ туда, гдѣ покоятся въ мирѣ и тишинѣ мои прародители, гдѣ я царствовалъ, полный страстнаго желанія вознести моихъ подданныхъ до первобытнаго могущества, но горько обманулся—и противъ надежды прославился неблагодарнымъ и жестокимъ падишахомъ. Да проститъ имъ и мнѣ всемогущій Аллахъ! Минуту спустя ханъ снова заговорилъ: О, какъ мнѣ хочется въ Бахчисарай, чтобы еще хоть разъ взглянуть на тотъ домъ, гдѣ я родился, гдѣ узналъ мать и первыя радости, смѣнившіяся впослѣдствіи тяжелыми и болѣзненными ударами сердца! Съ какимъ бы я наслажденіемъ выпилъ кружку нашей живительной воды, съ какимъ бы удовольствіемъ выслушалъ вечерній изанъ своего муэзина и какъ сладко почилъ бы вѣчнымъ сномъ въ семьѣ родныхъ! О, сынъ мой Искендеръ, заклинаю тебя именемъ пророка отомстить мою преждевременную смерть и никогда не забывать, что твой отецъ былъ самостоятельнымъ царемъ и готовилъ тебѣ въ наслѣдіе сильное и прекрасное царство съ дружбою всѣхъ царей Азіи и постоянною молитвою, чтобы пророкъ сподобилъ бы тебя господствовать надъ проклятыми Турками и лживыми гяурами!“

Это были послѣднія слова послѣдняго Крымскаго хана, умершаго и похороненнаго вдали отъ основателей династіи гиреевъ, имя которыхъ нѣкогда приводило въ ужасъ даже большія государства Европы.

КОНЕЦЪ.

2007041526